This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

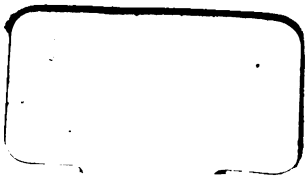
HARVARD COLLEGE
LIBRARY

From the Fund in Memory of

B. OSGOOD PEIRCE

HOLLIS PROFESSOR OF MATHEMATICS
AND NATURAL PHILOSOPHY,
1888–1914

Established in 1916 "for the purchase of
books on Mathematical Physics"



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8546 11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VIII. М А Й. 1889 ГОДЪ.

БИБЛІОТЕКА
15
П
17

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
I.	Сонино счастье. Разсказъ **Н. Северина**	5
II.	Метеоръ. Стих. **К. М. Фофанова**	49
III.	Современное воспитаніе въ отношеніи къ возрастамъ. **П. Ѳ. Каптерева**	50
IV.	На концертѣ. Стих. **І. І. Ясинскаго**	76
V.	Золотая радуга. Романъ **Давида Мюррея**	78
VI.	Мертвая зыбь. Романъ **К. В. Назарьевой**	135
VII.	Старикъ. Стих. **Ф. Андреева**	172
VIII.	На якорѣ. Повѣсть **Е. Ѳ. Дубровиной**	173
IX.	Вѣкъ эпикурейства. (Черты нравовъ въ Россіи XVIII вѣка). **В. О. Михневича**	198
X.	На тронѣ. Романъ **Кларисы Лоде**	215
XI.	На смерть М. Е. Салтыкова. Стих. **М. Б.**	313
XII.	Письма о современной журналистикѣ. **О. В.**	314
XIII.	Вопросы дня. (Юбилей французской революціи). **В. П. Безобразова**	335
XIV.	Утесъ. Стих. **В. Ладыженскаго**	348

(См. на оборотѣ).

№ 5 «Наблюдателя» вышелъ 15-го мая 1889 года.

Google

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XV. Политическая хроника 1

Открытіе парижской всемірной выставки въ столѣтнюю годовщину французской революціи.—Версальскія и парижскія торжества и ихъ значеніе.—Рѣчь Карно.—Буланжэ въ Лондонѣ и буланжисты въ Парижѣ.—Процессъ генеральнаго прокурора противъ газетъ.—Безтактность французскаго министерства.—Уличные безпорядки въ Вѣнѣ.—Проэктъ страхованія рабочихъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Канцлеръ, сердящійся и разгоняющій министровъ.—Замыслы прусской политики и ея неудачи.—Тонкости милитаризма.—Прусскій чиновникъ въ роли подстрекателя.—Правитель, только что вступившій въ управленіе и уже уволенный.—Странствующій экс-король.—Нѣмецкій король, воюющій со своими румынскими подданными.—Англійскій бюджетъ и консервативное министерство.—Парнель и „Times“.—Католическіе конгрессы и папа.—Смерть абиссинскаго негуса и итальянскія поползновенія.—Бельгійскіе фрондёры и нѣмецкіе генералы.

XVI. Новыя книги: 1) **Сборникъ русскаго историческаго общества.** Томы LX и LXII. 1888. 2) *Г. П. Сазоновъ.* **Неотчуждаемость крестьянскихъ земель**, въ связи съ государственно-экономической программой. Спб. 1889. 3) *Л. Н. Майковъ.* **Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.** Спб. 1889. Изданіе А. С. Суворина. 4) *А. Незеленовъ.* **Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху.** Спб. 1889. Изд. Н. Г. Мартынова. *С. С. Трубачевъ.* **Пушкинъ въ русской критикѣ.** 1820—1880. Спб. 1889. Изданіе А. С. Суворина. 18

XVII. Наши внутреннія дѣла 26

Новый фазисъ въ устройствѣ элеваторовъ.—Взглядъ на историческое развитіе этого дѣла.—Польза элеваторовъ.—Фальсификація нашего зерна, отправляемаго за границу.—Кто долженъ строить элеваторы?—Господствующее теченіе.—Нѣсколько замѣчаній по вопросу объ урегулированіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ.—Назначеніе сенатора А. Я. фонъ-Гюббенета на постъ министра путей сообщенія.—Краткій очеркъ его прежней служебной дѣятельности.—Какое вліяніе можетъ имѣть это назначеніе на разрѣшеніе вопроса о желѣзнодорожныхъ тарифахъ?—Первые шаги новыхъ тарифныхъ учрежденій, организованныхъ въ составѣ министерства финансовъ.—Извѣстіе о созывѣ комисіи для обсужденія вопроса о тарифныхъ ставкахъ.—Устраненіе произвольныхъ дѣйствій желѣзнодорожныхъ обществъ.—Вознагражденіе невинно привлекаемыхъ къ уголовному суду.—Наше законодательство по этому предмету.—Разборъ 780 и слѣд. статей уст. уголовн. судопроизводства.—Мотивы государственной канцеляріи.—Односторонность этихъ мотивовъ.—Кончина графа Д. А. Толстаго и М. Е. Салтыкова.

XVIII. Фонографъ (фельетонъ **«Наблюдателя»**). Стихотворенія: *Ефима Простосердова, Случайнаго поэта, Л. Балалайкина, Фланера и Vox'a* 42

XIX. Объявленія: 1) О подпискѣ на «Газету Гатцука», 2) отъ «Общества распространенія полезныхъ книгъ и 3) о сочиненіяхъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). . . . . 1—3

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Гг. подписчики, пользующіеся разсрочкою, приглашаются къ немедленной уплатѣ дополнительнаго (майскаго) взноса, во избѣжаніе задержки въ полученіи журнала.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

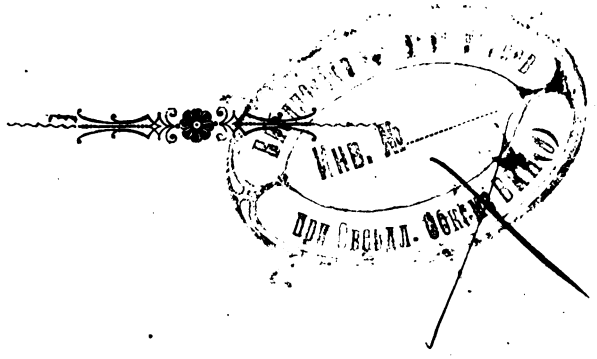
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

015214

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

№ 5. МАЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1889.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1889/5)
— 2 —

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1889 ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Важинъ, В. П. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С.В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«*Наблюдатель*» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	7 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 17 р. 50 к. (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою. . . .	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAI 1971
Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 30 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и бандеролями. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе года со времени напечатанія*, признаются безплатными, если только авторы ихъ не проживали за границею. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ

НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО

РАЗВИТІЯ».

второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ.

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Цѣна **4 р. 50 к.**, съ пересылкою **5 рублей**. Складъ въ главной конторѣ журнала **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»** (Спб., Владимірская, № 1—6). Годовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, высылаютъ **17 р. 50 к.** (копѣйки—марками).

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ**. Цѣна **1 р.**, перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Digitized by Google

№ 17 / 12712

СОНИНО СЧАСТЬЕ.

Разсказъ.

I.

Тотъ день, когда ее къ намъ привезли, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Школа моей матери процвѣтала, но пансіонерокъ у нея не было, и потому дѣла наши находились далеко не въ блестящемъ положеніи. Съ приходящихъ учениць брали такъ дешево, что сводить концы съ концами не было никакой возможности. Каждый вечеръ, готовя уроки въ комнатѣ мамы, я слышалъ, какъ она толковала съ Аглаей Петровной о томъ, какъ трудно жить, платить за квартиру, за столъ, за меня въ гимназію, на тѣ средства, которыя она добывала тяжелымъ трудомъ, давая уроки двумъ десяткамъ тупоголовыхъ дѣвчонокъ съ девяти часовъ утра до четырехъ, а вечеромъ занимаясь еще съ другими музыкой и французскимъ языкомъ.

Но то, что сокрушало ее, составляло мою радость, и причиной тому была Аглая Петровна. Особу эту, институтскую подругу, пріятельницу и единственную помощницу моей матери, я терпѣть не могъ. Вѣчно оскорбляла она меня недовѣріемъ, ставила задачей своей жизни—слѣдить за тѣмъ, чтобъ я не разговаривалъ съ дѣвочками, когда во время рекреаціи ихъ водили въ залу, черезъ которую я не могъ не проходить, возвращаясь изъ гимназіи; постоянно жаловалась мамѣ на мою лѣнь, неряшливость; первая замѣчала, что у меня ногти „въ траурѣ“, волосы растрепаны, платье не въ порядкѣ, что я надуваю губы, когда мнѣ дѣлаютъ выговоръ и пр. Но всего больше возмущало меня то, что она при каждомъ удобномъ

Digitized by Google

случаѣ старалась убѣдить маму отдать меня въ закрытое заведеніе.

— Ты только подумай, Лиза: такой большой мальчикъ и съ дѣвочками,—это даже неприлично; вѣдь ему скоро минетъ тринадцать лѣтъ.

Бѣдная мама защищалась, какъ могла:

— Чѣмъ онъ мѣшаетъ, пансіонерокъ у насъ нѣтъ.

— А когда будутъ?

— Ну, тогда увидимъ.

Такой уклончивый отвѣтъ приводилъ меня въ отчаянье. Я обожалъ мать, никогда еще съ нею на цѣлыя сутки не разставался и не могъ себѣ представить, какъ я буду засыпать въ комнатѣ, въ которую она ночью не войдетъ, чтобъ перекрестить меня и поцѣловать. Всѣмъ сердцемъ желалъ я, чтобъ къ намъ никогда не отдавали на полный пансіонъ дѣвочекъ, и радовался, что до сихъ поръ всѣ хлопоты на этотъ счетъ не удаются. Не взирая на публикаціи въ газетахъ, на рекомендаціи лицъ изъ педагогическаго міра, пользовавшихся довѣріемъ не только въ Москвѣ, но и въ провинціи,—въ большой, свѣтлой комнатѣ, предназначенной для дортуара, цѣлый годъ спала одна только Аглая Петровна. Но однажды, поздней осенью, вернувшись изъ гимназіи, я замѣтилъ по радостному оживленію Аглаи Петровны и по волненію мамы, что во время моего отсутствія произошло нѣчто особенное, а потому, когда, послѣ ухода ученицъ, между ними завязалась обычная вечерняя бесѣда, я сталъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ ней, причемъ, само собою разумѣется, не поднималъ глазъ съ книги и бормоталъ вполголоса латинскія слова, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ занимавшимъ меня мыслямъ и соображеніямъ.

Перетолковавши обстоятельно о томъ, что изготовить къ слѣдующему дню на завтракъ и на обѣдъ, а также о томъ, что учительница Формозова, которая вела второе отдѣленіе, недостаточно слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ дѣти не шалили въ классѣ и что надо ей дать это замѣтить, Аглая Петровна, глянувъ мелькомъ въ мою сторону, нагнулась къ мамѣ и сказала ей что-то шопотомъ.

— Завтра узнаемъ,—отвѣчала мама на неразслышанный

Digitized by Google

мною вопросъ.—Онъ хотѣлъ утромъ пріѣхать, чтобъ все покончить.

— Не продешеви, Лизочка; вѣдь ты только подумай: ужь другихъ пансіонерокъ, кромѣ этой, у насъ не будетъ.

— Не все ли равно, если за нее за одну намъ будутъ платить столько, сколько за трехъ,—замѣтила мама.

— Оно такъ-то такъ, а все же...

— По моему, это даже лучше,—продолжала мама, разглядывая при свѣтѣ лампы, горѣвшей на столѣ, старую рубашку, которую она чинила для меня.—Съ одной все таки меньше хлопотъ и возни.

— Онъ говоритъ: она болѣзненная.

— Нѣтъ, онъ не такъ сказалъ: онъ только боится, чтобъ она какъ нибудь не узнала... ребенокъ нервный и впечатлительный, вотъ что онъ сказалъ.

— Ну, его можно успокоить на этотъ счетъ; у насъ она ничего не узнаетъ.

— Я ему такъ и сказала.

Пробило десять часовъ; къ этому времени занятія мои всегда оканчивались. Аглая Петровна вспомнила про меня.—Иди же спать, что ты копаешься?—сказала она, бросая на меня подозрительный взглядъ.

— Иди, голубчикъ, иди,—подтвердила своимъ ласковымъ голосомъ мама.

Я долго не могъ заснуть. Подслушанный разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Немного я изъ него понялъ, но что къ намъ привезутъ пансіонерку,—это было ясно, какъ день.

Какъ отразится на моей судьбѣ это событіе? Восторжествуетъ ли моя недоброжелательница? Морозъ подиралъ у меня по кожѣ при этой мысли. Я зналъ двухъ мальчиковъ изъ того пансіона, куда этой злой женщинѣ хотѣлось бы меня помѣстить, и то, что мнѣ разсказывали про суровыя условія тамошней жизни, не представляло для меня ничего привлекательнаго. А что за дѣвочка, которую къ намъ привезутъ? Откуда она и почему другихъ дѣвочекъ нельзя брать, если она у насъ будетъ жить?

Приготовленія къ пріѣзду таинственной незнакомки начались со слѣдующаго дня. Мнѣ объявили, что я съ мамой буду жить въ дортуарѣ, а спальню стали оклеивать для пріѣзжей

Digitized by Google

новыми обоями, очень красивыми. Комната эта была въ сторонѣ, имѣла отдѣльный ходъ черезъ коридоръ въ прихожую и отдѣлялась отъ дортуара столовой, двумя классными и залой. Въ примыкающей къ ней темненькой комнаткѣ, въ которой я раньше спалъ, поселилась Аглая Петровна. Нѣсколько дней спустя, возвращаясь изъ гимназіи, я увидѣлъ на улицѣ крытую фуру, изъ которой вынимали мебель и вносили въ нашъ домъ. Дѣлалось это подъ наблюденіемъ высокаго господина въ дорогой шубѣ и мѣховой шапкѣ. Стоя на крыльцѣ, онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ артельщики не поломали рѣзьбы и не испачкали обивки. Когда я подошелъ, перегрузка приближалась къ концу. На верхней ступенькѣ невысокой лѣстницы, передъ дверью, растворенной въ прихожую, стояла Аглая Петровна. Увидавъ меня, она сердито сдвинула брови и знакомъ показала мнѣ, чтобъ я прошелъ въ домъ кругомъ, черезъ кухню, но на меня напалъ духъ противорѣчія, и отчасти, чтобъ побѣсить ее, а также изъ любопытства, я нарочно выступилъ впередъ и вѣжливо раскланялся передъ незнакомцемъ. Скользнувъ по мнѣ надменнымъ взглядомъ и не отвѣчая на мой поклонъ, онъ повернулся ко мнѣ спиной и, не торопясь, сталъ подниматься по лѣстницѣ. Я пошелъ за нимъ слѣдомъ. Въ залѣ насъ встрѣтила мама. Онъ небрежно кивнулъ въ отвѣтъ на ея привѣтствіе и отрывисто спросилъ: все ли принесено по списку?

— Много, я думаю, лишняго: дѣвочку слѣдовало бы отучать отъ роскоши, но эта госпожа такая взбалмошная,—прибавилъ онъ, пожимая плечами и презрительно вытягивая нижнюю губу.

— Мнѣ кажется, лучше не вдругъ лишать ее всего, къ чему она привыкла съ дѣтства,—возразила мама.

— Я съ вами несогласенъ,—рѣзко отвѣтилъ онъ:—чѣмъ скорѣе она про все это забудетъ, тѣмъ лучше для нея.

Во время этого разговора, Аглая Петровна не переставала указывать на меня знаками мамѣ, но ей было не до того, чтобъ обращать вниманіе на эти нѣмыя внушенія. Незнакомецъ выразилъ желаніе осмотрѣть комнату, приготовленную для новой пансіонерки, и она пошла впередъ торопливыми шагами, смущенная и растерянная, точно въ чемъ-то винова-

Digitized by Google

тая, указывая ему путь черезъ длинный коридоръ, по которому гулко раздавался шумъ дѣтскихъ голосовъ изъ классныхъ.

— Иди въ дортуаръ, тебѣ тамъ все приготовлено, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего,—шипящимъ шопотомъ проговорила надъ самымъ моимъ ухомъ Аглая Петровна, хватая меня за плечо своей цѣпкой костлявой рукой и пытаясь повернуть назадъ.

Но я отъ нея вырвался и, ускоривъ шагъ, проскользнулъ мимо незнакомца къ матери. Когда мы вошли въ спальню,—теперь неузнаваемую отъ новой мебели и драпировокъ, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ между окнами,—незнакомецъ, оглянувшись по сторонамъ, остановилъ на мнѣ взглядъ своихъ острыхъ сѣрыхъ глазъ и отрывисто спросилъ:

— Это вашъ сынъ?

— Да, князь, это мой Саша. Поклонись же,—прошептала она мнѣ на ухо.

— Я ему ужь кланялся,—проворчалъ я въ отвѣтъ, тоже тихо, разумѣется.

А онъ, между тѣмъ, продолжалъ молча и внимательно смотрѣть на меня. Это былъ красивый мужчина лѣтъ сорока, съ блѣднымъ лицомъ, длинными русыми, тщательно расчесанными бакенбардами, спускавшимися очень низко на грудь. Подбородокъ между этими бакенбардами былъ гладко выбритъ. Изъ подъ усовъ виднѣлись крупныя чувственныя губы, тонкій носъ образовывалъ прямую линію со лбомъ, казавшимся очень большимъ отъ лысины. Глаза выпуклые, свѣтлые, съ замѣчательно маленькими зрачками, отстояли далеко одинъ отъ другаго. Въ общемъ, лицо довольно красивое, но до крайней степени непріятное. Такъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ,—потому, можетъ быть, что въ его взглядѣ на меня, кромѣ надменной суровости, ничего нельзя было подмѣтить.

— Онъ цѣлый день въ гимназіи,—нашла нужнымъ объявить мама, смущенная его молчаніемъ.

— А вечеромъ готовитъ уроки въ той комнатѣ, что направо отъ прихожей,—подхватила Аглая Петровна.

— У нихъ теперь съ этой латынью столько занятій, что ни минуты нѣтъ свободнаго времени; даже и по праздникамъ приходится корпѣть надъ книжками,—замѣтила мама.

Онъ все молча смотрѣлъ на меня, выпятивъ нижнюю губу, и вдругъ, небрежнымъ жестомъ передернувъ плечами, отвер-

Digitized by Google

нулся отъ насъ, подошелъ къ окну и, указывая на деревья, прильнувшія заиндевѣвшими вѣтвями къ стекламъ, спросилъ: принадлежитъ ли этотъ садикъ намъ однимъ, или еще кто нибудь имъ пользуется?

Его поспѣшили успокоить: въ садикъ, кромѣ насъ, никто не имѣлъ права входить.

— Это ея отецъ, мама?—спросилъ я, когда князь уѣхалъ.

— Чей отецъ? Что ты любопытничаешь? Не твое это вовсе дѣло,—накинулась на меня Аглая.

— Я не съ вами говорю,—огрызнулся я.

— Да ты ни съ кѣмъ не долженъ объ ней говорить...

— Аглая!—остановила ее умоляющимъ тономъ мама.—Дружочекъ мой,—обратилась она ко мнѣ:—у той дѣвочки, которую привезутъ къ намъ сегодня, нѣтъ отца; онъ недавно умеръ и съ нею никогда не надо объ немъ заговаривать, слышишь?

— Да и вообще онъ ни объ чемъ не долженъ съ нею болтать,—опять ворвалась въ разговоръ моя недоброжелательница.—Она вовсе ему не компанія и онъ это долженъ понимать. Я тебѣ говорила, что его надо отдать въ пансіонъ, ты не хотѣла; ну, вотъ теперь увидишь, какая будетъ возня! Такой любопытный и непослушный мальчишка! И такой невоспитанный, даже за столомъ не умѣетъ сидѣть. Хорошъ примѣръ для дѣвочки благородной семьи, нечего сказать.

Мама съ разсѣянной и смущенной улыбкой выслушивала эти нападки, ласково приглаживая своей тонкой бѣлой рукой мои вихрастые волосы. Я ловилъ налету эту руку и съ сердцемъ, преисполненнымъ благодарности, прижималъ ее къ своимъ губамъ.

— А невѣжа-то какой!—продолжала, между тѣмъ, свои нападки Аглая Петровна,—ты и не замѣтила, онъ даже не поклонился князю, когда ты его представила.

— Ну, полно, полно, Аглаичка, онъ исправится. Не правда ли, ты постараешься подавать хорошій примѣръ маленькой Сонѣ? Она на два года тебя моложе, ей всего только десять лѣтъ. И она такая несчастная: отецъ ея умеръ, мама больна и надолго уѣхала за границу, у нея никого нѣтъ близкихъ въ Москвѣ.

— А этотъ князь?—спросилъ я.

Digitized by Google

Маму какъ будто смутилъ мой вопросъ, и, прежде чѣмъ отвѣчать на него, она переглянулась съ своей подругой.

— Это ея дядя, онъ всегда живетъ въ деревнѣ, и здѣсь только проѣздомъ,—отвѣчала она нерѣшительно.

— А какъ ея фамилія?—продолжалъ я допытываться.

— Опять начинаетъ любопытничать! Что я говорила!— злорадно торжествующимъ тономъ вскричала Аглая. — А еще мальчикъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно? У насъ нѣтъ ни одной дѣвочки въ пансіонѣ такой болтливой и любопытной, какъ ты.

Мама засмѣялась, а мнѣ стало стыдно и я прекратилъ свои вопросы.

Соню привезли къ намъ въ тотъ же день вечеромъ, въ каретѣ, нагруженной множествомъ ящиковъ и сундуковъ. Пока все это проносили въ приготовленную для нея комнату, я не смѣлъ выйти изъ дортуара и, чтобъ отогнать мысли, кружившіяся въ мозгу, твердилъ вслухъ латинскія спряженія, но средство это не достигало цѣли. Любопытство мое разгоралось съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе и, съ жадностью прислушиваясь къ постепенно стихавшему шуму шаговъ за стѣной, я живо представлялъ себѣ, какъ мама съ Аглаей Петровной устраиваютъ пріѣзжую на новомъ мѣстѣ, ободряютъ ее, ласкаютъ, занимаютъ разсказами о томъ, какъ она будетъ здѣсь жить и учиться. Навѣрное ей мама и про меня скажетъ. Аглая Петровна хоть и увѣряетъ, что я ей не компанія и что мнѣ съ нею ни разговаривать, ни играть не слѣдуетъ, но это вздоръ,—мы непремѣнно познакомимся. Я ей покажу мой новый атласъ, ящикъ съ красками и тетрадь съ картинками, она тоже мнѣ покажетъ свои книги и игрушки. Можетъ быть, она еще въ куклы играетъ? Всѣ дѣвочки въ куклы играютъ. Мама при мнѣ говорила учительницѣ русскаго языка, что уроки ея новая пансіонерка будетъ брать не вмѣстѣ съ другими ученицами, а отдѣльно, и что, кромѣ французскаго и нѣмецкаго языка, она будетъ учиться по англійски и для нея купятъ отдѣльный рояль. Всѣ эти подробности интересовали меня чрезвычайно, и когда наша старая кухарка явилась ко мнѣ съ приглашеніемъ пожаловать къ чаю въ столовую, я такъ стремительно сорвался съ мѣста, что чуть не опрокинулъ столъ съ лампой, за которымъ занимался.

Какъ теперь ее вижу, нашу маленькую пансіонерку, —

Digitized by Google

стройненькую, худощавую дѣвочку въ черномъ платьицѣ съ бѣлымъ воротничкомъ и манжетами. Ея свѣтлые, бѣлокурые волосы, очень густые и длинные, были заплетены въ косы съ черными бархатными бантиками на концѣ. Глаза темнокаріе, съ какимъ-то пытливымъ выраженіемъ, не похожи были на дѣтскіе глаза. Въ первую минуту я такъ оробѣлъ отъ серьезнаго, пристальнаго взгляда этой дѣвочки, что затруднился бы сказать, нравится ли она мнѣ, или нѣтъ, но это длилось недолго,—мы скоро подружились и, не взирая на преграды, неутомимо воздвигаемыя между нами Аглаей Петровной, проводили вмѣстѣ все свободное отъ учебныхъ занятій время. И надо отдать справедливость моей маленькой подругѣ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ: иниціатива возстанія всегда шла отъ нея. Она умѣла упорствовать въ своихъ желаніяхъ гораздо лучше меня и настойчивости въ ней было столько же, сколько вспыльчивости и своенравія. Воспитывать ее было трудно, и часто мама приходила въ отчаянье, но впослѣдствіи все это обошлось. Соня стала мало по малу привыкать къ дисциплинѣ и порядку систематическаго воспитанія и не находила ничего ужаснаго въ томъ, что ее заставляютъ каждый день кушать, спать, учиться, гулять и играть въ опредѣленный часъ. Примирилась она также и съ однообразіемъ такой жизни.

Случались, конечно, по временамъ вспышки, въ которыхъ прежнія привычки командовать и баловаться овладѣвали ею; она рыдала до истерики, оттого что ее не возятъ кататься въ красивомъ экипажѣ, не приглашаютъ играть съ нею дѣвочекъ однихъ лѣтъ; съ крикомъ и плачемъ повторяла, что ей такъ скучно, такъ скучно, что несчастнѣе ея нѣтъ человѣка на свѣтѣ, и грозила сбѣжать отъ насъ и убить себя, если ее поймаютъ. Но припадки эти случались все рѣже да рѣже, и ничего не значили въ сравненіи съ ея тоской по матери. Тоска эта находила на нее періодически, точно припадки скрытой психической болѣзни, и мучила ее такъ нестерпимо, что ни на секунду нельзя было отойти отъ нея. По цѣлымъ ночамъ металась она безъ сна на постели, стонала и жаловалась на боль въ сердцѣ, или лежала неподвижно, вся похолодѣвшая и ко всему безучастная, съ тупымъ отчаяньемъ во взглядѣ. Въ такія минуты, что́ бы ей ни говорили, чѣмъ бы ни утѣшали

Digitized by Google

и ни стращали, она ничего не хотѣла слышать и никого не хотѣла видѣть, кромѣ мамы и меня. Мое вліяніе на нее было, конечно, безсознательное: я былъ еще такой ребенокъ, что понимать ея горя не могъ, но я любилъ и жалѣлъ ее,—она это чувствовала и влеклась ко мнѣ всѣми силами своего надорваннаго, измученнаго сердца. Мама сообщила объ этомъ князю и онъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ у Сони былъ товарищъ однихъ съ нею лѣтъ и что во всякомъ случаѣ лучше, чтобъ товарищъ этотъ былъ сынъ той особы, которой поручено ея воспитаніе, чѣмъ посторонній ребенокъ. Все это я узналъ впослѣдствіи, когда мнѣ попались въ руки письма князя къ мамѣ, а также переписка Сони съ матерью; но объ этой перепискѣ поговорю послѣ.

II.

Прошло шесть лѣтъ. Соня все жила у насъ. Я поступилъ въ университетъ, пансіонъ нашъ перешелъ въ полное распоряженіе Аглаи Петровны, а мы,—мама, Соня и я, — занимали квартиру близъ Пречистенскаго бульвара, въ хорошенькомъ домикѣ съ палисадникомъ, въ которомъ другихъ жильцовъ, кромѣ насъ, не было. Благодаря неожиданному наслѣдству, обстоятельства наши поправились настолько, что мы могли существовать безбѣдно и ни въ комъ не нуждаясь.

Перемѣна въ нашемъ положеніи случилась весьма кстати, не только для насъ, но также и для Сони: плату за нее сбавили, а, при ничтожныхъ доходахъ со школы, мамѣ нельзя было бы воспитывать ее такъ, какъ бы ей хотѣлось и какъ было условлено съ ея опекуномъ. Несимпатичный князь писалъ рѣдко и посланія свои адресовалъ мамѣ, которая ни съ кѣмъ не дѣлилась ихъ содержаніемъ. Впрочемъ, Соня никогда и не спрашивала про дядю. Антипатія ея къ этому человѣку съ годами скорѣе усиливалась. Онъ тоже не проявлялъ къ ней никакой нѣжности и при свиданіяхъ обращался такъ холодно и сухо, что непріятно было видѣть ихъ вмѣстѣ. А между тѣмъ онъ одинъ изъ всей семьи принималъ участіе въ ея судьбѣ. Правда, она раза два въ годъ получала отъ матери коротенькія записочки, но собственно перепиской этого нельзя было

Digitized by Google

назвать: въ запискахъ этихъ, — кромѣ двухъ-трехъ фразъ на французскомъ языкѣ, съ шаблонными пожеланіями здоровья и совѣтомъ вести себя хорошо,—ровно ничего не было; о себѣ эта странная, загадочная особа никогда ничего не сообщала и, при перемѣнѣ мѣста жительства, адреса своего не давала, такъ что Соня по цѣлымъ мѣсяцамъ не знала, гдѣ находится ея мать и куда ей адресовать письма.

Удивительно кочующую жизнь вела эта барыня. Иногда записочки ея доходили до Сони въ конвертахъ, надписанныхъ рукою князя. Раза три присылала она дочери подарки, по одному выбору которыхъ можно заключить, какое фальшивое понятіе составляетъ она себѣ объ ея обстановкѣ и жизненныхъ условіяхъ. Такъ напримѣръ, въ ту зиму, когда произошла катастрофа, о которой идетъ ниже рѣчь, Соня получила по почтѣ изъ-за границы полный бальный нарядъ: чудесное розовое платье съ цвѣтами, перчатки, вѣеръ, башмаки, вышитый батистовый платокъ, портъ-букэ,—ничего не было забыто.

Подарокъ этотъ смутилъ ее ужасно.

— Для чего мнѣ это?.. Maman Богъ знаетъ что̀ себѣ воображаетъ... мнѣ даже и надѣть это некуда,—пролепетала она сквозь слезы.

И, поспѣшно уложивъ вещи обратно въ картонку, она закрыла крышку, выбѣжала въ свою комнату и, какъ всегда въ минуты душевнаго волненія, заперлась тамъ на ключъ.

Мама тоже была очень раздосадована.

— Какая безтактная женщина! Нашла что̀ прислать въ подарокъ дочери, нечего сказать! Дѣвочкѣ нѣтъ еще семнадцати лѣтъ, она должна только объ урокахъ думать, а ей про балы напоминаютъ.

Я со смѣхомъ замѣтилъ, что дѣйствительно, пока Соня живетъ у насъ, она въ бальныхъ платьяхъ не нуждается. Но, вспомнивъ про студенческій балъ, къ которому мы усердно готовились, я прибавилъ шутливо:—А впрочемъ, что жъ я говорю, ты могла бы привезти ее на нашъ балъ.

— Перестань вздоръ говорить,—сердито возразила мама.

— Но почему же? Нарядъ ей прислали, предполагаютъ, значитъ, что онъ ей нуженъ. А балъ у насъ будетъ въ нынѣшнемъ году на славу, весь московскій beau monde удостоитъ

Digitized by Google

его своимъ посѣщеніемъ; почему бы и Сонѣ на немъ не повеселиться?

— Не вздумай, пожалуйста, ей объ этомъ говорить.

— Но почему же?—продолжалъ я настаивать, заинтригованный непонятнымъ эффектомъ моихъ словъ. —Князь что ли запретилъ?

И, не дожидаясь отвѣта, я продолжалъ:—А кстати, гдѣ онъ теперь находится?

— Въ Крыму, въ своемъ имѣніи.

Это было высказано такъ неохотно, что мнѣ стало еще досаднѣе. Давно ужь накипало у меня въ душѣ глухое раздраженіе противъ матушки за ея скрытность во всемъ, что касалось Сони. Какъ многіе двадцатилѣтніе юноши, воспитанные подъ женскимъ вліяніемъ, я мечталъ о себѣ очень много, мнилъ себя вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ, стремился къ роли главы семьи и оскорблялся тѣмъ, что между матерью и этимъ княземъ, котораго я терпѣть не могъ, существуетъ какая-то тайна ото всѣхъ, и въ томъ числѣ отъ меня.

— Пріѣдетъ онъ сюда въ нынѣшнемъ году, или будетъ продолжать только письменно распоряжаться судьбой Сони?—спросилъ я съ угрюмой ироніей.

— Да, онъ скоро здѣсь будетъ. Воспитаніе ея кончается; надо рѣшить, гдѣ ей жить: у насъ или въ Петербургѣ, у родственниковъ,—отвѣчала мама.

И, не дожидаясь моихъ возраженій, она поспѣшила прибавить:—Пожалуйста, не говори ей этого. Она будетъ волноваться, захочетъ знать, что пишетъ князь, а я не могу показать его письма.

— Почему?

— Потому что въ немъ говорится про ея мать.

— Она, вѣрно, хочетъ взять дочь къ себѣ?

— Что ты, Господь съ тобой! Никогда князь этого не допуститъ. Чтобъ Соня жила у матери?—повторила она съ ужасомъ,—нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Ты не знаешь!..

И, спохватившись, она смолкла, а я окончательно вышелъ изъ терпѣнія. Мнѣ вдругъ стало казаться, что я непремѣнно долженъ узнать то, что отъ меня скрываютъ, и узнать сейчасъ, сію минуту. Мнѣ было стыдно сознавать, что я этого до сихъ поръ не знаю, и я разразился въ горькихъ упрекахъ:—Ты со

Digitized by Google

мною скрытничаешь, какъ съ ребенкомъ... меня это оскорбляетъ; я ужь въ такихъ лѣтахъ, что имѣю право требовать къ себѣ больше довѣрія... На Соню я смотрю, какъ на сестру... ты знаешь про нее все, а я ровно ничего, точно я тебѣ чужой, точно ты боишься, что я проболтаюсь и выдамъ кому нибудь твою тайну...

Все это, а также многое другое въ этомъ родѣ я выпалилъ залпомъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ. Отъ горькаго чувства обиды у меня слезы подступали къ горлу, но мама была слишкомъ возбуждена, чтобъ замѣчать мое раздраженіе, и, приписывая мою докучливость желанію видѣть Соню на университетскомъ балу, съ досадой замѣтила, что ждала отъ меня больше благоразумія:—Я дала слово князю, что Соня въ нашемъ домѣ ничего не узнаетъ, и вотъ, благодаря Бога, мнѣ удалось исполнить мое обѣщаніе; ей до сихъ поръ ничего не извѣстно, а ты, вмѣсто того чтобъ помогать мнѣ въ этомъ, придумываешь для нея разные выѣзды въ свѣтъ, кружишь ей голову балами...

— Но почему же ей не быть на балу?

Вмѣсто отвѣта, мама только съ досадой передернула плечами, а я продолжалъ съ возрастающимъ азартомъ:

— Странное дѣло, вы съ княземъ, кажется, хотите изъ нея затворницу сдѣлать. Такъ отдайте ее ужь лучше въ монастырь, это будетъ и проще, и удобнѣе.

Я высказалъ это предположеніе въ полной увѣренности, что его найдутъ нелѣпымъ, но ошибся въ разсчетѣ: къ нему отнеслись такъ, какъ я и не ожидалъ.

— Это было бы для нея всего лучше, — замѣтила серьезнымъ тономъ мама,—но врядъ ли она захочетъ поступить въ монастырь.

— Разумѣется, не захочетъ! еще бы она захотѣла!—вскричалъ я внѣ себя отъ негодованія. — Дѣвушкѣ нѣтъ еще семнадцати лѣтъ, жизни она не знаетъ, никакого счастья не испытала и вдругъ ее хотятъ живую замуровать! Да развѣ это возможно? Да и мать ея до этого не допуститъ.

— Мать ничего для нея не можетъ сдѣлать; все зависитъ отъ князя.

— Какъ, отъ князя? Да она ему даже не дочь.

— Все равно,—задумчиво возразила мама.

Digitized by Google

Я въ волненіи прошелся по комнатѣ. Изъ хаоса неожиданныхъ мыслей, закружившихся въ моей отуманенной головѣ, стали выдѣляться предположенія, никогда раньше не приходившія мнѣ на умъ.

— Ты все знаешь про эту женщину, Сонину мать?—спросилъ я, останавливаясь передъ низкимъ кресломъ, на которомъ полулежала мама.

Никогда не забуду я взгляда, полнаго недоумѣнія, которымъ она отвѣчала на мой вопросъ.

— Что ты хочешь сказать? Разумѣется, я все знаю. Не могла же я взять къ себѣ дѣвочку, не зная, кто ея мать и почему она не можетъ сама ее воспитывать, но до тебя это вовсе не касается.

— А если я догадываюсь?

— О чемъ ты догадываешься?

— Что эта особа вела себя дурно и должна была уѣхать за границу, потому что такъ себя компрометировала въ Россіи, что всѣ здѣсь отъ нея отворачиваются?—продолжалъ я преслѣдовать вслухъ предположенія, развертывавшіяся въ моемъ мозгу.

По мѣрѣ того какъ я говорилъ, лицо моей слушательницы прояснялось и на губахъ ея скользнула улыбка. Принимая улыбку эту за подтвержденіе моихъ догадокъ, я съ еще бо̀льшимъ апломбомъ продолжалъ:—Ты видишь, что я ужь не такой младенецъ, какимъ ты меня воображаешь, и что напрасно ты со мной секретничаешь; я собственнымъ соображеніемъ добрался до того, что̀ вы съ Аглаей Петровной такъ тщательно отъ всѣхъ скрываете. Мнѣ ужь двадцать лѣтъ и я знаю жизнь,—прибавилъ я съ самодовольствомъ.

Мама поднялась съ мѣста.

— Надѣюсь, ты не станешь дѣлиться твоимъ жизненнымъ опытомъ съ Соней,—проговорила она все съ той же, чрезвычайно лестной для моего самолюбія, улыбкой:—плохую окажешь ты ей услугу, если натолкнешь на подобныя размышленія!

— Не безпокойся, я знаю, о чемъ можно говорить съ молодой дѣвушкой,—объявилъ я съ достоинствомъ.

Разговоръ нашъ на этомъ и порвался, но не предаваться всевозможнымъ догадкамъ, относительно романической под-

Digitized by Google

кладки всей этой исторіи, я уже не могъ. Чтобъ понять, насколько неожиданное открытіе заинтриговало меня, надо взять въ соображеніе, что, въ первыя пять лѣтъ пребыванія Сони у насъ, дня не проходило, чтобъ она не вспоминала про свою мать. И только со мною отводила она душу на этотъ счетъ. Началось это съ перваго дня ея пріѣзда, когда по поводу каждой игрушки, каждой книги, каждаго слова, произнесеннаго въ нашемъ домѣ, она припоминала то, что дѣлалось и говорилось въ той средѣ, изъ которой ее вырвали, чтобъ помѣстить къ намъ. Столько разсказывала она мнѣ про обстановку ихъ дома, про людей, окружавшихъ ее тамъ, что я зналъ этихъ людей и эту обстановку также хорошо, какъ будто самъ тамъ жилъ.

Всѣ уголки большаго двухъ-этажнаго дома, съ окнами на набережную, съ одной стороны, и на тѣнистый садъ—съ другой, мнѣ были отлично извѣстны. Я живо представлялъ себѣ большую, красивую бѣлую залу съ огромными зеркалами, бронзовой люстрой и канделябрами, золочеными легкими стульями и великолѣпнымъ роялемъ посреди; уютную синюю гостинную съ бархатнымъ ковромъ, покойной мягкой мебелью и чудесными картинами въ золотыхъ рамахъ; элегантный будуаръ, весь розовый, съ розовымъ же фонарикомъ. Когда его вечеромъ зажигали, всѣ окружающіе предметы сверкали мягкимъ розовымъ блескомъ, а лица людей алѣли и дѣлались красивѣе. Внизу жилъ отецъ Сони и тамъ же была его контора. Туда Соню никогда не пускали, да и сама она не любила туда ходить,—тамъ было мрачно и скучно. Люди въ засаленныхъ сюртукахъ, съ сердитыми лицами, писали за длинными столами и щелкали на счетахъ. Когда отецъ подымался на верхъ, ее приводили поздороваться съ нимъ, и онъ ласкалъ ее, но видъ у него былъ такой серьезный и взглядъ такой печальный, что ей дѣлалось скучно въ его присутствіи, она вырывалась изъ его объятій и убѣгала въ дѣтскую. Онъ былъ высокаго роста, много выше ея матери, худой; руки у него были узкія, съ длинными тонкими пальцами. Лицо его она всегда считала некрасивымъ, но разъ онъ вошелъ вечеромъ въ комнату, освѣщенную розовымъ фонаремъ, и Соня вскричала, хлопая въ ладоши:—посмотрите, какой у меня папа красавецъ! Всѣ много смѣялись надъ этимъ замѣчаніемъ, но

Digitized by Google

согласились, что онъ дѣйствительно казался бы много красивѣе, еслибъ не былъ такъ блѣденъ. Съ тѣхъ поръ Соня узнала, что отецъ ея слабъ здоровьемъ. Онъ былъ очень нервенъ, его передергивало, когда съ нимъ спорили, и разъ у него сдѣлался обморокъ, потому что жена его уѣхала кататься за городъ безъ его позволенія. Соня видѣла, какъ онъ лежалъ на полу неподвижно, съ закрытыми глазами, точно мертвый, и когда потомъ она начинала капризничать или не слушаться, бонна пугала ее этимъ обморокомъ: вотъ папа узнаетъ и съ нимъ припадокъ сдѣлается, какъ тогда, когда maman его не послушалась. Съ maman ни обмороковъ, ни припадковъ не случалось; она чудесно пѣла, любила наряжаться, выѣзжать и принимать гостей. Соня была единственная дочь и всѣ ее баловали. У нея была лошадка, на которой она ѣздила верхомъ въ амазонкѣ, какъ большая. Ей выписывали куколъ изъ Вѣны. Замѣчательныя куклы! Какъ мальчику, да еще гимназисту, мнѣ не подобало бы интересоваться такими пустяками, какъ куклы, но долженъ сознаться, что, слушая ея разсказы, я досадовалъ, что она не привезла съ собой ни одной изъ тѣхъ диковинокъ, которыя такъ краснорѣчиво умѣла описывать. Позже, впечатлѣнія инаго рода стали всплывать ей на умъ; она больше распространялась про своихъ родителей, чѣмъ про куклы, особенно про свою мать, и такія чудеса разсказывала про ея красоту и чудный голосъ, что я не на шутку влюбился въ эту интересную особу, которая даже по буднямъ не иначе ходила, какъ въ атласныхъ и бархатныхъ платьяхъ, съ цвѣтами въ волосахъ и на груди, въ брильянтовыхъ колье и браслетахъ, точно фея какая нибудь или принцесса изъ волшебной сказки. Одно время, я даже лишился апетита и замѣтно похудѣлъ отъ тоски по чудному идеалу, создавшемуся въ моемъ воображеніи такъ живо, что порой мнѣ казалось, что я когда-то видѣлъ эту необыкновенную женщину и что она удостоивала меня своимъ вниманіемъ. По цѣлымъ часамъ размышлялъ я о томъ, что́ скажу, когда судьба сведетъ меня съ нею, и придумывалъ фразы одна другой нелѣпѣе и напыщеннѣе, чтобъ поразить ее возвышенностью моихъ чувствъ.

Мнѣ шелъ тогда пятнадцатый годъ, а Сонѣ тринадцатый. Не знаю, подозрѣвала ли мама, въ чемъ состоятъ наши бесѣды, во всякомъ случаѣ она дѣлала видъ, что ничего не замѣ-

Digitized by Google

чаетъ. Разъ, когда еще Аглая Петровна жила съ нами, я слышалъ, какъ на ея замѣчаніе, что насъ не слѣдовало бы оставлять такъ часто вдвоемъ, мама сказала:—Надо же дѣвочкѣ высказывать кому нибудь то, что́ у нея на душѣ. Я не могу выслушивать ея бредни про мать, а давать ей волю выбалтывать свои впечатлѣнія—это лучшее средство, чтобъ она скорѣе забыла про нихъ.

Но мама ошибалась: Соня не забывала ни мать свою, ни ту среду, въ которой протекло ея раннее дѣтство. Можно даже сказать, что она исключительно жила душой только въ этой средѣ и, дополняя воображеніемъ то, что́ ускользало изъ ея памяти съ лѣтами, а также и то, чего она по тогдашнему своему развитію не могла ни замѣтить, ни понять, она создавала себѣ свой собственный духовный міръ, состоявшій весь изъ воспоминаній прошлаго и мечтаній о будущемъ. Настоящее для нея не существовало, не было у нея въ немъ ни симпатій, ни интересовъ. Къ намъ она привыкла, разумѣется, и привязалась, но поверхностно, какъ привязываешься во время путешествія къ случайнымъ спутникамъ, съ которыми имѣешь въ виду разстаться по пріѣздѣ туда, куда влечетъ сердце. А ее влекло къ матери. Мнѣ было это лучше чѣмъ кому либо извѣстно, а потому можно себѣ представить, въ какое смятеніе привелъ меня вышеописанный разговоръ. Совпалъ этотъ разговоръ съ новымъ фазисомъ въ моихъ отношеніяхъ къ Сонѣ,—третьимъ по счету, съ тѣхъ поръ какъ она поселилась у насъ. Былъ періодъ чисто дѣтской дружбы, когда я стремглавъ бѣжалъ домой изъ гимназіи, чтобъ успѣть передъ обѣдомъ покатать съ нею кошку въ колясочкѣ, а вечеромъ устроить балъ для ея куколъ или представленіе на театрѣ, который послѣ спектакля весь укладывался,—съ кулисами, актерами и костюмами,—въ зеленую картонку величиной въ полъ-аршина. Затѣмъ нашло на насъ настроеніе инаго рода: игрушки не занимали больше, мѣсто ихъ заняли книги. Мы зачитывались Майнъ-Ридомъ, Вальтеръ-Скоттомъ и сами сочиняли страшныя и необыкновенныя исторіи, которыя съ наслажденіемъ разсказывали другъ другу. Потомъ подошли мои выпускные экзамены изъ гимназіи и поступленіе въ университетъ. Тутъ ужь было не до Майнъ-Рида, не до Сони и даже не до мамы. Я очутился на такой свободѣ, въ обществѣ съ такими удивитель-

Digitized by Google

ными нравами и интересными обычаями что, отъ непривычки къ ощущеніямъ подобнаго рода, я совсѣмъ ошалѣлъ. Мое увлеченіе новою жизнью длилось около году. Все свободное отъ лекцій время проводилъ я съ товарищами, возвращался домой только ночевать, да и то не каждый день. Но шляться по увеселительнымъ заведеніямъ, кутить и балбесничать съ такими же шалопаями, какимъ я и самъ былъ въ то время, наконецъ прискучило—и, порядкомъ таки разочарованный въ новыхъ друзьяхъ, нравственно и матерьяльно ощипанный, съ массой мелкихъ долговъ и небывалымъ доселѣ расположеніемъ къ меланхоліи и мигрени, вернулся я, какъ блудный сынъ, къ домашнему очагу. Меня приняли съ распростертыми объятіями, не только мама, но также и Аглая Петровна, которая, какъ я узналъ впослѣдствіи, мучилась моимъ безпутствомъ до такой степени, что даже занятія ея въ школѣ страдали отъ ея безпокойства на мой счетъ. Безпрестанно пріѣзжала она къ намъ изъ Грузинъ, чтобъ узнать, остепенился ли я, наконецъ, или нѣтъ.

Я остепенился. Цѣлые вечера просиживалъ дома; даже въ театръ меня не тянуло. Однимъ словомъ, все пошло по прежнему: все, за исключеніемъ моихъ отношеній къ Сонѣ, которыя за этотъ годъ окончательно испортились; каждый день проводили мы нѣсколько часовъ вмѣстѣ; она любила слушать, когда я читалъ что нибудь вслухъ, обращалась иногда ко мнѣ съ вопросами и замѣчаніями, но ни прежней откровенности, ни прежнихъ душевныхъ изліяній между нами не было, и за каждымъ произнесеннымъ ею словомъ чувствовался цѣлый міръ невысказанныхъ чувствъ и мыслей, который она ревниво хранила про себя. Давно ужь перестали мы говорить другъ другу *ты*; здороваясь утромъ и прощаясь на ночь, не цѣловались, какъ прежде, а только пожимали другъ другу руки. Когда я заходилъ за нею по вечерамъ къ ея учительницѣ пѣнія и возвращался вмѣстѣ домой, она не отказывалась отъ моей руки, но такъ легко опиралась на нее, что я почти не чувствовалъ. Оставаясь наединѣ, мы либо молчали, либо подтрунивали другъ надъ другомъ и говорили другъ другу колкости, а разставались, не помирившись, почти съ горечью въ сердцѣ и съ желаніемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, еще больше досадить другъ другу. Перемѣна эта совершилась по-

Digitized by Google

степенно, сама собою и такъ незамѣтно, что надъ причиной ея мнѣ и въ голову не приходило задумываться. Вотъ только теперь, когда, по поводу присланнаго ей изъ-за границы бальнаго платья, въ умѣ моемъ забродили неожиданныя соображенія относительно ея матери, сталъ я себя спрашивать: мечтаетъ ли и теперь Соня о томъ, о чемъ мечтала раньше, и почему стала она скрывать отъ меня свои мысли?

Только тутъ вспомнилъ я, что съ прошлаго года не слышалъ отъ нея ни одного слова объ ея матери. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сдѣлалъ еще другое открытіе: за послѣднее время мы такъ далеко ушли другъ отъ друга, что заговорить съ нею о томъ, о чемъ она не желала распространяться, было для меня невозможно.

III.

Событія вдругъ заторопились, и въ ту зиму у насъ произошло столько новаго, что я боюсь запутаться и быть непослѣдовательнымъ въ моемъ разсказѣ. Такъ напримѣръ, сейчасъ только замѣтилъ я, что ни единымъ словомъ еще не обмолвился про Лаптева, а между тѣмъ онъ игралъ очень важную роль въ этой исторіи.

Этотъ Лаптевъ былъ студентъ на одномъ со мною курсѣ, но, въ эпоху моего увлеченія товарищами, путаться съ нимъ я ужъ потому не могъ, что кутить онъ вовсе не любилъ и на пирушкахъ нашихъ производилъ впечатлѣніе той мертвой головы, которую монахи стараго времени держали у себя на виду, для того чтобъ она напоминала имъ о смерти и тому подобныхъ непріятныхъ вещахъ. Но зато, послѣ моего „обращенія“, Лаптевъ настолько со мною сошелся, что сдѣлался у насъ въ домѣ своимъ человѣкомъ. Темнаго происхожденія, сынъ какого-то не то швейцара, не то сторожа при одесскомъ университетѣ, совсѣмъ невоспитанный, маленькій и плюгавенькій, съ блѣднымъ изможденнымъ лицомъ, онъ выигрывалъ только при ближайшемъ знакомствѣ. Только въ очень интимной бесѣдѣ обнаруживался его оригинальный умъ, тонкій юморъ и доброта. Наблюдательности у него было пропасть; часто замѣчалъ онъ то, на что никто не обращалъ вниманія, и всегда

Digitized by Google

выходило такъ, что это-то и есть самое интересное и достойное вниманія. Въ лицѣ его только и было сноснаго, что глаза, или—вѣрнѣе сказать—выраженіе глазъ, доброе-предоброе и задумчивое. Остальныя черты были такъ неудачно сотворены, что и смѣшно, и жалко было на него смотрѣть.

Но выдающимся недостаткомъ его была глухота, порой доходившая до того, что онъ ровно ничего не слышалъ. Однако, когда онъ замѣчалъ, что при немъ начинали разговаривать такъ, какъ будто его тутъ нѣтъ, онъ тотчасъ же спѣшилъ напомнить, что не всегда бываетъ глухъ.

— Иногда я слышу отлично, но никогда не могу впередъ знать, когда именно откупорится у меня затычка въ ушахъ; не въ моей власти это предвидѣть,—прибавлялъ онъ съ тихимъ, благодушнымъ смѣхомъ.

Я несовсѣмъ точно выразился, говоря, что пріятнаго въ лицѣ у него только и были одни глаза:—чрезвычайно симпатична была также и улыбка, отъ которой все его неказистое обезьянье лицо прояснялось, потому, можетъ быть, что зубы у него были ослѣпительной бѣлизны. Онъ увѣрялъ, что одни только зубы у него не болятъ, остальное все болитъ: руки и ноги—отъ ревматизма въ сочлененіяхъ, голова—отъ мигреней, глаза были близоруки и склонны къ воспаленіямъ; въ горлѣ постоянно распухали желѣзы: ходячая немочь, однимъ словомъ, этотъ Лаптевъ. И бѣденъ, какъ церковная крыса. Была ли у него гдѣ нибудь семья, родители, домъ, никто этого не зналъ; одно только было ясно—это то, что денегъ онъ ни откуда никогда не получалъ и пробавлялся уроками да перепиской лекцій. Пытались было добыть ему стипендію, но это оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе несчастной исторіи, случившейся съ нимъ передъ выпускомъ изъ гимназіи. Книжки какія-то „недоброкачественныя“ у него нашли. Всего курьезнѣе то, что самъ онъ даже и не раскрывалъ этихъ книжекъ и не зналъ, что въ нихъ напечатано. Кто-то подсунулъ, а кто именно—этого онъ и не допытывался знать, не все ли равно? Некуда было, значитъ, дѣвать, если къ нему принесли. Онъ былъ на хорошемъ счету, могло бы и пройти благополучно, ну, а попался такъ ужь—ау! терпѣть, значитъ, надо. Онъ и терпѣлъ. Въ университетъ тремя годами позже пришлось поступить и не на математическій факультетъ, какъ ему хотѣлось,

Digitized by Google

а на медицинскій, окончивъ курсъ въ ветеринарномъ институтѣ. Ничего! онъ даже въ концѣ концовъ остался этимъ доволенъ. „Послѣ того какъ со скотами повозишься, удобнѣе къ людямъ приступать", увѣрялъ онъ наивно. Уроки давалъ онъ исключительно въ бѣдныхъ семьяхъ и однимъ только мальчикамъ. Барышень, какъ огня, боялся и никакими деньгами нельзя было заставить его заниматься съ ними.—Нѣтъ ужь, пожалуйста, избавьте меня отъ барышень, неудобно мнѣ съ ними,—отвѣчалъ онъ, отмахиваясь обѣими руками: — вотъ гимназистика какого нибудь подогнать къ экзамену, это дѣло другое, я и за полтинникъ въ часъ съ превеликимъ удовольствіемъ...

Однако, съ нашей Соней сошелся онъ очень скоро, почти съ перваго разу какъ увидалъ ее. Произошло это слѣдующимъ образомъ: я ужь сказалъ выше, что мнѣ иногда случалось провожать ее домой отъ учительницы, у которой она брала уроки пѣнія. Путь былъ недальній, надо было пройти немного бульваромъ, а затѣмъ завернуть въ одинъ изъ переулковъ, прилегавшихъ къ нему. И вотъ, однажды вечеромъ, Лаптевъ намъ именно тутъ и встрѣтился. Я остановилъ его, чтобъ спросить подробности объ одной университетской исторіи, сильно интересовавшей насъ въ то время, и, бесѣдуя, мы незамѣтно дошли съ нимъ до нашего дома. Соня покинула мою руку, торопливо вбѣжала по лѣстницѣ, позвонила у входной двери и скрылась за нею, а мы остановились на крыльцѣ. Было довольно холодно, я много ходилъ въ этотъ день, утомился; мнѣ показалось удобнѣе продолжать разговоръ въ комнатѣ, и я предложилъ Лаптеву зайти къ намъ.

Онъ смутился и сталъ отнѣкиваться, однако принялъ мое предложеніе. Въ прихожей, кромѣ прислуги, мы никого не застали; Соня успѣла раздѣться, сѣсть за фортепьяно и приняться за свои сольфеджіо. Голосъ ея,—сильный и звучный контральто,—звонко раздавался по всему дому. Мама была въ своей комнатѣ. Я провелъ моего гостя къ себѣ и не успѣла за нами затвориться дверь, какъ онъ съ несвойственной живостью и волненіемъ сталъ разспрашивать меня про нашу пансіонерку.

Приписывая его любопытство застѣнчивости, я поспѣшилъ его успокоить.

Digitized by Google

— Этой барышни вамъ стѣсняться нечего, она ужь седьмой годъ живетъ у насъ, и мы смотримъ на нее, какъ на родную. Зовутъ ее Соней, Софьей Павловной,—объяснилъ я ему.

— Сирота, вѣрно?

Страннаго въ этомъ вопросѣ ничего не было; я сказалъ, что она у насъ воспитывается; естественно было предполагать, что своей семьи у нея нѣтъ. Однако, предположеніе его слегка меня озадачило, и я спросилъ, почему онъ думаетъ, что Соня сирота?

— Не знаю, какъ вамъ сказать... мнѣ такъ показалось,— проговорилъ онъ съ запинкой.

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—у нея замѣчательные глаза.

— Красивые, вы хотите сказать?

— О, я не про то! Можетъ быть, и красивые... Да, очень красивые,—продолжалъ онъ раздумчиво,—но я не про то, меня особенно поразило ихъ выраженіе. Скорбь въ нихъ какая-то затаенная. И точно тѣнь по всему лицу разливается отъ этой скорби, не правда ли?

И, точно спохватившись, онъ торопливо прибавилъ, не дождавшись моего отвѣта:—Она больна, можетъ быть?

— Съ чего вы это взяли? совсѣмъ здорова,—отвѣчалъ я со смѣхомъ.

Но смѣхъ былъ натянутый. Замѣчаніе Лаптева насчетъ Сониныхъ глазъ непріятно поразило меня. Онъ былъ правъ, у нея было, дѣйствительно, что-то особенное во взглядѣ, тоска какая-то и тревога, и еще что-то такое, чему я не могъ пріискать названія и чего прежде не было. Съ какихъ поръ явилось у нея это выраженіе? Этого я никакъ не могъ припомнить. Я такъ привыкъ къ ея лицу, что не обращалъ вниманія на перемѣны въ немъ. Она росла и развилась на моихъ глазахъ, изъ ребенка превращалась въ подростка, изъ подростка въ дѣвушку, но, чтобъ слѣдить за этимъ развитіемъ, надо было бы отдалиться отъ нея на извѣстное разстояніе, а я былъ къ ней слишкомъ близокъ, мы видѣлись по нѣскольку разъ въ день. Я даже не замѣтилъ бы, что она хороша собой, еслибъ не слышалъ, какъ посторонніе восхищаются ея красотою.

— Здорова?—повторилъ мой собесѣдникъ.—Можетъ быть.

Digitized by Google

А все таки у нея точно ноющая ранка въ сердцѣ. Такое она производитъ впечатлѣніе.

Замѣчаніе его было вѣрно. Мнѣ стало досадно на себя за то, что я раньше этого не замѣтилъ. Я началъ припоминать ее такой, какою она была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ прошломъ году, но мнѣ это никакъ не удавалось. Зато, какъ живая, вставала она въ моей памяти дѣвочкой десяти лѣтъ, когда ее только что привезли къ намъ.

— Постойте, я вамъ принесу всѣ ея портреты; у мамы есть,—вскричалъ я, срываясь съ мѣста и выбѣгая изъ комнаты.

Я вернулся назадъ съ цѣлой кипой альбомовъ и сталъ отыскивать въ нихъ карточки, снятыя съ Сони, когда ей было одиннадцать, тринадцать, пятнадцать лѣтъ, и, наконецъ, два послѣднихъ портрета, изъ которыхъ одинъ былъ сдѣланъ всего только три мѣсяца тому назадъ.

Лаптевъ накинулся на нихъ съ жадностью и такъ углубился въ ихъ разсматриванье, что меня стало разбирать нетерпѣніе.

— Вы такъ мало ее видѣли, что не можете еще составить себѣ точнаго понятія объ ея лицѣ,—замѣтилъ я съ раздраженіемъ,—а по портретамъ судить трудно.

— Нѣтъ, знаете, лицо ея мнѣ удивительно знакомо, удивительно!—повторялъ онъ, не вслушиваясь въ мои замѣчанія.

— Вамъ это кажется, вы съ нею никогда раньше не встрѣчались,—замѣтилъ я сухо, протягивая руку за портретомъ, съ которымъ онъ никакъ не могъ разстаться.

Но онъ не замѣтилъ моего движенія и, отдаливъ отъ себя руку съ карточкой, продолжалъ внимательно въ нее вглядываться.

— Да, я вижу ее въ первый разъ, вотъ это-то и удивительно,—повторялъ онъ.

— Пойдемте въ столовую,—сказалъ я со смѣхомъ, вынимая у него изъ рукъ альбомъ и закрывая его.—Я васъ познакомлю съ моей мамой. Вы тамъ увидите и Соню. Она кончила пѣть, значитъ, подали самоваръ.

Лаптевъ сталъ ходить къ намъ довольно часто... Держалъ онъ себя такъ скромно и такъ хорошо умѣлъ стушевываться, что никогда никому не мѣшалъ. У Сони завелись съ нимъ

Digitized by Google

какіе-то секреты. Бесѣды между ними, часто очень оживленныя, не клеились при постороннихъ, и оба смолкали, когда къ нимъ подходили мама или я. Когда Лаптевъ пропускалъ недѣлю, не заглянувъ къ намъ, Соня просила меня узнать, почему онъ нейдетъ, а иногда поручала мнѣ передать ему записку. И онъ тоже, когда долго не могъ самъ прійти, писалъ ей по городской почтѣ или черезъ меня. Меня эти отношенія скорѣе забавляли, а мама относилась къ нимъ еще равнодушнѣе. Разумѣется, будь Лаптевъ хоть крошечку поинтереснѣе— къ дружбѣ, завязавшейся между имъ и нашей пансіонеркой, отнеслись бы осторожнѣе, но онъ былъ такой уродъ и чудакъ, что опасаться его было бы странно.

Нѣсколько дней послѣ того, какъ у меня произошелъ вышеописанный разговоръ съ мамой по поводу присланнаго изъ-за границы наряда для Сони, неожиданно пріѣхалъ князь. Покончивъ продолжительный разговоръ наединѣ съ мамой въ ея комнатѣ, онъ вошелъ съ нею въ гостинную, гдѣ я сидѣлъ съ Соней (дѣло было вечеромъ) и, не дожидаясь, чтобъ я ушелъ, спросилъ у племянницы, гдѣ желаетъ она теперь жить,— у насъ или въ родственномъ семействѣ, о которомъ она знала только по слухамъ. Люди эти, кажется, богатые и знатные, жили въ Петербургѣ и ни разу не навѣстили ея въ бытность у насъ.

— Я хочу ѣхать къ maman,—угрюмо отвѣчала Соня.

— Это невозможно,—отвѣчалъ князь.

Соня опустила глаза. Она всегда опускала ихъ, когда не хотѣла, чтобъ догадались, о чемъ она думаетъ.

— Когда же мнѣ можно будетъ къ ней ѣхать?—вымолвила она дрожащими губами.—Семь лѣтъ тому назадъ, увозя меня отъ нея, вы говорили, что мы увидимся, когда воспитаніе мое будетъ кончено...

Онъ съ раздраженіемъ пожалъ плечами и бросилъ недовольный взглядъ на мою мать.

— Учиться мнѣ больше нечему,—продолжала Соня, понижая голосъ,—мнѣ скоро минетъ семнадцать лѣтъ.

— Располагать собою можетъ только совершеннолѣтняя, а тебѣ до двадцати одного года еще долго ждать,—прервалъ онъ ее, точно обрадовавшись новому предлогу продлить надъ нею свою власть.—Совѣтую тебѣ не мечтать о невозможномъ,—

Digitized by Google

продолжалъ онъ уже мягче.—Впрочемъ, я предвидѣлъ то, что случится, и на всякій случай запасся вотъ этимъ.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана письмо и подалъ его Сонѣ.—Ступай къ себѣ, прочитай, а затѣмъ, не торопясь, рѣши, гдѣ ты хочешь жить, здѣсь или въ Петербургѣ,—прибавилъ онъ, не спуская пристальнаго взгляда съ удалявшейся дѣвушки.

А когда она вышла изъ комнаты, онъ обратился къ мамѣ и сердито замѣтилъ: — Вы не хотѣли со мною соглашаться, когда я говорилъ, что переписки между ними допускать не слѣдуетъ; вотъ вамъ послѣдствія,—указалъ онъ на дверь, за которой скрылась Соня.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ менѣе рѣзко,—надо надѣяться, что теперь, когда она узнаетъ, что *тамъ* вовсе не желательно ея присутствіе, она успокоится и перестанетъ мечтать о невозможномъ. Было бы всего лучше, еслибъ она осталась у васъ; нигдѣ не найдетъ она столько заботливости и душевной теплоты.

— Но теперь, когда воспитаніе ея кончено, я боюсь, чтобъ она у насъ не соскучилась; мы ведемъ такую уединенную жизнь,—возразила мама.

— Въ ея положеніи, иной жизни невозможно и вести,—объявилъ онъ.

Я терялся въ догадкахъ. Что жъ такого особеннаго въ ея положеніи? Мало ли кутящихъ барынь на свѣтѣ, дочери которыхъ веселятся, выходятъ замужъ, живутъ, какъ всѣ,—однимъ словомъ, почему наша бѣдная Соня должна подчиняться такимъ суровымъ условіямъ изъ-за того только, что мать ея—дурная и легкомысленная женщина? Легкомысленная!.. Додумавшись до этого предположенія, я дальше не шелъ, въ полной увѣренности, что въ этомъ-то и заключается единственная причина таинственности, окружавшей нашу пансіонерку съ первой минуты ея пріѣзда къ намъ и не прекращавшейся даже теперь, когда Соня вышла изъ дѣтства и, повидимому, имѣла право располагать собой. Разумѣется, она объявила, что до своего совершеннолѣтія останется у насъ. Мама стала ей совѣтовать употребить съ пользой эти четыре года, слушать лекціи на высшихъ курсахъ или поступить въ консерваторію. У нея былъ прекрасный голосъ, изъ нея могла бы со

Digitized by Google

временемъ выработаться хорошая артистка. Она молчала, не мѣняя позы и не отрывая глазъ отъ окна, въ которое за темнотой ничего не было видно, но при словѣ „пѣвица“ чуть чуть усмѣхнулась.

— Напрасно ты неглижируешь своимъ талантомъ,—терпѣливо продолжала мама:—еслибъ ты пристрастилась къ музыкѣ, это было бы для тебя большимъ утѣшеніемъ въ жизни. Я говорю по опыту: когда на меня обрушилось горе, когда я потеряла мужа, котораго обожала, и осталась вотъ съ нимъ,—указала она на меня,—безъ всякихъ средствъ и съ разбитымъ сердцемъ, я съ ума бы сошла отъ отчаянья, еслибъ Аглаѣ не пришло въ голову натолкнуть меня на педагогическую дѣятельность...

— А вы знаете, отчего вашъ мужъ умеръ?—спросила вдругъ Соня, поднимая на нее пытливый взглядъ.

Она была очень блѣдна и голосъ ея слегка дрожалъ.

Мать моя смутилась.—Знаю: онъ умеръ отъ воспаленія въ легкихъ,—сказала она и хотѣла еще что-то прибавить, но ея ужь не слушали. Соня совсѣмъ ушла въ свои думы. Взглядъ у нея сдѣлался пристальный, губы полуоткрылись. Она ничего не видѣла и не слышала. На глаза ея навертывались крупныя слезы, онѣ скатывались одна за другой по ея щекамъ, но она ихъ не чувствовала. Глядя на нее, мама тоже плакала.

— Бѣдная дѣвочка, чѣмъ все это кончится! — печально вымолвила она.

— Почему бы ей не сказать всей правды? ей тогда легче будетъ. Неизвѣстность хуже всего. Ей, безъ сомнѣнія, богъ знаетъ, что́ представляется,—сказалъ я, нагибаясь къ матери и понижая голосъ до шопота.

Но, еслибъ я и громко заговорилъ, Соня не услышала бы меня; она была точно въ забытьѣ какомъ-то. Къ моимъ словамъ,—какъ всегда, когда рѣчь шла о Сонѣ,—матушка отнеслась съ раздраженіемъ:—Ахъ, оставь пожалуйста! Еще хуже будетъ, если она узнаетъ. Съ лѣтами у нея нервы окрѣпнутъ, тогда она легче перенесетъ.

Какъ ни странно это покажется, но я и тутъ не догадался, что дѣло много серьезнѣе, чѣмъ я воображалъ, и что тайна, скрываемая отъ Сони, много ужаснѣе всего того, что́ она могла себѣ представить. Затмѣніе какое-то на насъ на

Digitized by Google

всѣхъ нашло. Вообще, припоминая то время, я теперь ясно вижу, сколько неестественнаго и натянутаго было тогда въ нашемъ душевномъ настроеніи. Роковая тайна, касающаяся одной только Сони, ложилась намъ всѣмъ на душу такимъ тяжкимъ бременемъ, что мы невольно дѣлались придирчивы и несправедливы другъ къ другу. Маму раздражало то, что́ она называла моимъ любопытствомъ. Ей было легче справляться со своей задачей, когда никто не мучилъ ея разспросами и замѣчаніями на этотъ счетъ и не наталкивалъ на новыя сомнѣнія. Въ каждомъ моемъ словѣ и взглядѣ видѣла она неодобреніе той системы, которой держалась по требованію князя, а такъ какъ въ пригодности этой системы она ужь и сама давно начала сомнѣваться, то можно себѣ представить, какъ огорчалъ я ее и досаждалъ моимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Но я не могъ поступать иначе. Съ той минуты какъ по милости Лаптева я замѣтилъ перемѣну, происшедшую въ Сонѣ, я уже всюду видѣлъ эту перемѣну, — въ каждомъ ея взглядѣ и движеніи, въ каждомъ словѣ, и не вдумываться въ причину этого явленія я былъ не въ силахъ. Мнѣ было невыразимо жаль ея и нестерпимо досадно на себя за то, что я лишился ея дружбы и довѣрія, что я былъ ей совсѣмъ ненуженъ. Хуже того: присутствіе мое начинало тяготить ее, и я не могъ не замѣчать, съ какою лихорадочною поспѣшностью хваталась она за первую попавшуюся книгу, чтобъ не говорить со мною, когда я входилъ въ комнату, и какъ искажалось сдавленнымъ гнѣвомъ ея лицо подъ моимъ пытливымъ взглядомъ. Часто производила она на меня впечатлѣніе птицы, застигнутой среди пустыни предчувствіемъ наступающей грозы; при малѣйшемъ шорохѣ она вздрагивала и пугливо озиралась по сторонамъ, а иногда,—вотъ какъ теперь,—на нее находилъ столбнякъ, взглядъ ея дѣлался вполнѣ стекляннымъ, руки безпомощно опускались, на полуоткрытыхъ губахъ появлялась улыбка. Когда я въ первый разъ увидѣлъ у нея эту улыбку, на меня напалъ ужасъ, и я опрометью кинулся къ матери. Но въ спальнѣ я не нашелъ ея и, пока искалъ по всему дому, прошло минутъ десять. Вернувшись вмѣстѣ въ гостинную, мы нашли тамъ Лаптева; Соня преспокойно разговаривала съ нимъ.

Digitized by Google

— Что это тебѣ все мерещится? Кончится тѣмъ, что она тебя бояться будетъ, такъ ты ей надоѣшь своимъ подсматриваніемъ,—упрекнула меня мама.

Однако, съ этихъ поръ она и сама стала подолгу засматриваться на Соню, и при этомъ я не могъ не замѣтить, что въ ея глазахъ выражаются тревога и печаль. Князь побывалъ у насъ еще разъ передъ отъѣздомъ въ деревню. Рѣшеніемъ племянницы остаться у насъ онъ былъ очень доволенъ, а Сонѣ настолько удалось побороть чувства, волновавшія ей душу, что она казалась не только покойна, но даже весела.

— Скажите ему про курсы,—шепнула она мамѣ.

И пока мама разговаривала съ княземъ, она завела со мной шутливую бесѣду о томъ, какъ она откроетъ школу, когда получитъ дипломъ, какая она будетъ взыскательная начальница и тому подобный вздоръ, который я выслушивалъ хотя и съ улыбкой, но съ тяжелымъ чувствомъ недовѣрія къ ея напускной беззаботности и веселью. „Что за всѣмъ этимъ кроется? о чемъ она думаетъ? что замышляетъ?“—невольно спрашивалъ я себя, слушая ея болтовню.—А она между тѣмъ продолжала все въ томъ же тонѣ:—Безъ Аглаи Петровны не обойдется. Она будетъ мною руководить. Недаромъ подружились мы съ нею за послѣднее время. Вы замѣтили: она никогда меня не бранитъ теперь и совсѣмъ перестала за мною шпіонить...

— Вы это на мой счетъ, Соня?—нечаянно вырвалось у меня.

Она вдругъ сдѣлалась серьозна и, отвертываясь отъ моего взгляда, проговорила тихо, точно про себя:

— Никто запретить мнѣ этого не можетъ.

— Что запретить?

— Думать, о чемъ я хочу,—отвѣчала она.

На слушаніе курсовъ князь согласился. Онъ казался угрюмѣе и озабоченнѣе обыкновеннаго, и я слышалъ, какъ, прощаясь съ мамой, онъ совѣтовалъ ей относиться осторожнѣе къ газетамъ.

— Теперь, по поводу того скандала, о которомъ я вамъ передавалъ, и про то дѣло вспомнятъ. Репортеры своего не упустятъ, этимъ собакамъ лишь бы только лишнюю копѣйку урвать.

А на замѣчаніе мамы, что Соня газетъ не читаетъ, онъ повторилъ свой совѣтъ—быть во всякомъ случаѣ осторожнѣе.

Digitized by Google

IV.

Иногда по воскресеньямъ, между завтракомъ и обѣдомъ, мы отправлялись гулять по бульвару втроемъ: Соня, Лаптевъ и я. Въ одну изъ такихъ прогулокъ намъ встрѣтился нѣкто Викторовъ, студентъ юридическаго факультета. Онъ былъ на послѣднемъ курсѣ и инаго знакомства, кромѣ шапочнаго, у меня съ нимъ не было, а потому, отвѣтивъ на его поклонъ, мы прошли дальше. Но, нечаянно обернувшись, я замѣтилъ, что онъ идетъ за нами слѣдомъ: куда мы повернемъ, туда и онъ; мы сѣли отдохнуть на скамейку, и онъ сѣлъ, на довольно далекомъ отъ насъ разстояніи, но все же настолько близко, что мы могли видѣть другъ друга.

Не будь съ нами Сони, я бы, можетъ быть, пригласилъ его присоединиться къ нашему обществу, но съ нею это было неудобно,—и безъ того мама находила несовсѣмъ приличными прогулки молоденькой дѣвушки съ двумя студентами, и почти всегда сопровождала насъ. Но въ тотъ день Аглая Петровна, постоянно обѣдавшая у насъ по воскресеньямъ, пріѣхала раньше обыкновеннаго и волей-неволей пришлось отпустить насъ втроемъ.

— Вы замѣтили, какъ Викторовъ смотрѣлъ на Софью Павловну?—спросилъ у меня Лаптевъ, когда мы вернулись домой.

— Я даже видѣлъ, какъ онъ шелъ за нами вплоть до конца бульвара. Онъ навѣрное проводилъ бы насъ и дальше, еслибъ я не обернулся и не далъ ему этимъ понять, что замѣчаю его шпіонство,—возразилъ я со смѣхомъ.

— Вотъ увидите, что онъ будетъ набиваться на знакомство съ вами,—тревожно насупившись, сказалъ Лаптевъ.

— А что? Ему, вѣрно, Соня понравилась? Не мудрено: она такая хорошенькая, что всѣ на нее заглядываются.

— Ужасный хлыщъ этотъ Викторовъ.

— Да, не симпатиченъ,—согласился я.

— Онъ изъ Одессы, вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю, но что жъ изъ этого?

Мой равнодушный тонъ озадачилъ Лаптева.

— Да вѣдь и Софья Павловна оттуда,—объявилъ онъ.

Но я и тутъ ничего не понялъ и небрежно замѣтилъ: —

Digitized by Google

Одесса—большой, вѣдь, городъ. А къ тому же ее вывезли оттуда совсѣмъ ребенкомъ, такъ что еслибъ они даже тамъ и встрѣчались, то теперь врядъ ли узнали бы другъ друга.

Лаптевъ не настаивалъ, но на слѣдующій день, въ промежуткѣ между лекціями, ко мнѣ подошелъ Викторовъ и весьма развязно спросилъ: кто та барышня, съ которой онъ насъ вчера встрѣтилъ на бульварѣ?

— Я слышалъ, будто дочь извѣстной Чалаевой у васъ воспитывается,—неужели это ее я вчера видѣлъ съ вами? — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на свой первый вопросъ.

Тонъ его мнѣ ужасно не понравился. Фамилію Сони онъ выговорилъ громко и съ отвратительной отчетливостью, точно съ подчеркиваніемъ. Многіе изъ прохаживающихся мимо студентовъ оглянулись въ нашу сторону и начали внимательно прислушиваться къ разговору.

— Когда мнѣ сказали, что она въ Москвѣ, я вѣрить не хотѣлъ,—продолжалъ онъ съ нахальной улыбкой,—въ Одессѣ думаютъ, что она умерла. Кто именно распустилъ этотъ слухъ, я не умѣю вамъ сказать, но надо такъ думать, что это князь N. Оно и понятно: ему выгодно, чтобъ всѣ о ней забыли; вѣдь онъ, кажется, опекуномъ ея назначенъ? Опекунъ, ха, ха, ха! Помните, какую гнусную роль игралъ онъ въ этомъ процессѣ, господа!

Толпа слушателей окружила насъ со всѣхъ сторонъ. На всѣхъ лицахъ выражалось любопытство, всѣ глаза были устремлены на меня, и я чувствовалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ посыплются на меня разспросы,—разспросы, на которые я бы не зналъ, что отвѣчать.

Но Викторовъ выручилъ меня изъ затрудненія.

— Вы, можетъ быть, не знаете,—обратился онъ ко мнѣ съ любезной предупредительностью, что, благодаря нашему почтенному профессору Петру Николаевичу, дѣло Чалаевой у насъ теперь нѣчто въ родѣ злобы дня. Онъ избралъ его темой для своей послѣдней лекціи. Преудачный выборъ, не правда ли? Тутъ есть на чемъ разгуляться юристу: и психическій анализъ, и драматизмъ, и романическая подкладка. Наконецъ, и самая среда, въ которой произошло преступленіе...

И, ставъ въ позу, онъ продолжалъ съ паѳосомъ, копируя—

Digitized by Google

до смѣшнаго похоже—одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ адвокатовъ:

— Не дворничиха отравляетъ мужа, чтобъ соединиться съ предметомъ своей страсти, смазливымъ полотеромъ, а супруга одного изъ выдающихся представителей интеллигенціи, красивая, прелестная женщина, урожденная княжна!.. Но, какъ тутъ, такъ и тамъ, страсти тѣ же и образъ дѣйствія тотъ же. Дворничиху крысы одолѣли. Она идетъ къ знакомому аптекарю и выклянчиваетъ у него мышьяку, которымъ угощаетъ своего сожителя—„по ошибкѣ“, увѣряетъ защитникъ; „умышленно и преднамѣренно“, утверждаетъ прокуроръ. Г-жу Чалаеву измучили невралгіи. Она съ очаровательной улыбкой обращается къ увивающимся за нею докторамъ съ просьбой прописать ей морфію,—и побольше, чтобъ крѣпче заснуть. Доктора... ихъ цѣлыхъ пять,—замѣтьте странное пристрастіе свѣтской женщины къ докторамъ, не правда ли?—доктора исполняютъ ея желаніе. Каждаго изъ нихъ она упрашиваетъ держать ея просьбу въ секретѣ отъ прочихъ. Она прекрасна и соблазнительна, доктора молоды и легкомысленны. Каждый изъ нихъ мнитъ себя единственнымъ врачемъ ея тѣла и духа. Когда морфію у нея скопляется запасъ, достаточный для того, чтобъ убить трехъ мужей, она начинаетъ ловко подготовлять публику къ имѣющей случиться катастрофѣ. Супругъ страдаетъ, по ея словамъ, какой-то странной болѣзнью, онъ ужь не разъ пугалъ ее продолжительными обмороками; она боится, чтобъ не случился съ нимъ параличъ сердца... Каждому изъ васъ, господа, извѣстна могучая сила предубѣжденія. Когда Чалаева нашли мертвымъ въ постели, никто не удивился, всѣ какъ будто этого ждали. Всѣ—кромѣ его жены. О! какъ велико было ея отчаянье! Всѣ преступницы—актрисы, одно безъ другаго нейдетъ. Когда ей говорили: „вы должны были этого ждать, сами же вы увѣряли, что у него долженъ быть порокъ сердца“,—она широко раскрывала отъ недоумѣнія глаза и спрашивала: что это значитъ? „Порокъ сердца? Да развѣ у него былъ порокъ сердца?“ Всѣ смолкали. Не спорить же съ обезумѣвшей отъ горя женщиной! Доктора,—тѣ самые, что прописывали ей морфій,—ошалѣли. Отчего? Какъ вѣрно выразился старикъ, инспекторъ врачебной управы, всѣ до одного были болѣе или менѣе влюблены въ нее. Помните, господа,

Digitized by Google

это мѣсто у Петра Николаевича? Какъ ловко съумѣлъ онъ противопоставить холодный разсудокъ отживающаго старца со страстнымъ увлеченіемъ молодежи!

— Помнимъ, помнимъ! Чудесно!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— „Вы убили его", сказалъ имъ старикъ. А на протесты, поднявшіеся со всѣхъ сторонъ противъ этого заявленія, его властное и самоувѣренное: „Я это докажу!" И доказалъ. Но само собою разумѣется, что безъ судебнаго слѣдователя ему все таки ничего бы не подѣлать. Этотъ слѣдователь—личность темная и забитая. Прокуроръ называетъ его идіотомъ, предсѣдатель считаетъ—дуракомъ. Если тутъ были идіоты и дураки, то ужъ отнюдь не слѣдователь, а скорѣе предсѣдатель суда съ прокуроромъ. Можно даже смѣло сказать, что, будь слѣдователь на мѣстѣ прокурора, вдовушка не была бы оправдана. Но судьба распорядилась по своему. Чалаева выписала себѣ защитника изъ Москвы. Говорятъ, тамъ другъ дома хлопоталъ. Пусть будетъ такъ, но когда противъ ослицы Валаамской возстаетъ свѣтило науки и краснорѣчія, исходъ дѣла предсказать не трудно. Завязался бой. У защитника, что ни слово, то ударъ неотразимый: блескъ, юморъ, сила, находчивость. Голосъ звучный, по временамъ вкрадчивый и мягкій, какъ у любовника, вымаливающаго свиданіе у своей возлюбленной, по временамъ, какъ громъ разящій и металлъ звенящій. Обвинитель же—одинъ позоръ! пищитъ, заикается, шепелявитъ...— И вдругъ, переходя отъ паѳоса къ дѣловитому тону, нашъ ораторъ объявилъ, что дѣло это ему лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно.

— Я, можно сказать, воспитался на немъ. Мой отецъ былъ однимъ изъ защитниковъ Чалаевой,—тотъ самый незамѣтный и скромный труженикъ, который подготовилъ весь матеріалъ защиты для столичной знаменитости. И Петръ Николаевичъ упоминаетъ объ этомъ.

— Какъ же, какъ же, онъ и фамилію назвалъ,—раздалось въ толпѣ, среди взрывовъ плохо сдержаннаго смѣха.

А Викторовъ между тѣмъ продолжалъ:

— Итакъ, благодаря моему отцу, защитнику подсудимой удалось произвести на присяжныхъ такое потрясающее впечатлѣніе, что, не взирая на массу подавляющихъ доказательствъ...

Digitized by Google

Господи, какъ отвратительно напиралъ онъ на эти послѣднія три слова! Однимъ ужь тономъ своимъ, врѣзывалъ онъ ихъ неизгладимо въ мозгъ.

Какъ пòшло узналъ я про тайну нашей бѣдной Сони! Никто, кромѣ меня, не относился серьезно къ балаганной рѣчи Викторова. Я одинъ, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, жадно ловилъ каждое его слово.

Еслибъ Лаптевъ не оттащилъ меня силой въ противоположный уголъ комнаты, всѣмъ бросилась бы, наконецъ, въ глаза моя блѣдность и растерянность.

— Онъ это правду говоритъ? Скажите? Сонина мать—отравительница?—спросилъ я у моего пріятеля задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Тише, тише, успокойтесь, пожалуйста.

И, оглянувшись по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, что насъ не подслушиваютъ, онъ прошепталъ:—Неужели вы только теперь въ первый разъ слышите про этотъ процессъ?

— Такъ это правда? Это онъ про Сонину мать?

— Боже мой! Да это имя такъ прогремѣло по всей Россіи, что каждый, кто только слышитъ его, сейчасъ вспомнитъ про дѣло Чалаевой. Я и самъ въ первую минуту, когда вы мнѣ назвали фамилію Софьи Павловны, съ трудомъ воздержался отъ вопроса: неужели это дочь той самой Чалаевой, отравительницы своего мужа?

Я смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами. Смутныя мысли, мучительныя, вихремъ проносились въ моемъ мозгу.

— Постойте, постойте;—началъ я, пытаясь ухватиться за сомнѣнія, какъ утопающій хватается за соломенку,—да какъ же такъ? Вѣдь ее оправдали? какъ же вы можете утверждать, что именно она отравила? Этого нельзя говорить... Ее обвиняли и оправдали, стало быть, она и не виновата,—продолжалъ я неувѣренно цѣпляться, въ хаосѣ предположеній и представленій, мутившихъ мнѣ разсудокъ, за то, что̀ не такъ больно щемило сердце.

Лаптевъ молчалъ, но, по выраженію его лица, я читалъ его убѣжденія, какъ въ открытой книгѣ. Они были не въ пользу Чалаевой, о, нѣтъ!

— Да вы-то почемъ знаете? Какъ вы смѣете утверждать, что она виновата?—почти во весь голосъ вскрикнулъ я, хватая

Digitized by Google

его за руку и сжимая ее такъ сильно, что лицо его искази-лось отъ боли.

— Вы забываете, что я самъ оттуда,—тихо вымолвилъ онъ.

— Изъ Одессы?

Онъ молча кивнулъ. Я опомнился наконецъ, и мнѣ стало стыдно за мое нелѣпое раздраженіе. Чѣмъ онъ виноватъ, что, будучи уроженцемъ того самаго города, гдѣ произошло прѣ-ступленіе, онъ вмѣстѣ со всѣми былъ убѣжденъ, что оно было совершено матерью нашей Сони? Да и здѣсь никто въ этомъ не сомнѣвается. Профессора съ каѳедры указываютъ на исходъ этого дѣла, какъ на образецъ того, какъ можетъ ловкій адво-катъ сбить съ толку присяжныхъ и заставить ихъ вынести оправдательный приговоръ, не взирая на „массу подавляю-щихъ доказательствъ“...

Такъ вотъ почему Сонѣ нельзя жить съ матерью! Открытіе это произвело на меня такое удручающее впечатлѣніе, что въ первую минуту я безъ ужаса не могъ помыслить о томъ, какъ я вернусь домой и встрѣчусь лицомъ къ лицу съ Соней. Я чувствовалъ, что не въ силахъ буду скрыть отъ нея моего волненія, что не могу смотрѣть на нее такъ, какъ смотрѣлъ раньше, и что по одному моему взгляду и голосу она уга-даетъ мою тайну. Не хотѣлось также объясняться и съ ма-терью. Теперь я понималъ ея нежеланіе распространяться на этотъ счетъ. Соня была намъ такъ дорога и близка, что сужде-нія чужихъ людей про ея несчастье не могли не оскорблять и не раздражать насъ до глубины души. Мнѣ даже казались несносными сдержанныя и полныя сердечнаго сочувствія раз-сужденія Лаптева по поводу этого дѣла, а про шутовскую рѣчь Викторова я безъ содроганія вспомнить не могъ. А между тѣмъ меня такъ мучило желаніе узнать всѣ подробности этого процесса, что, помотавшись безцѣльно по городу часовъ до восьми вечера, я не выдержалъ и зашелъ къ Викторову. Засталъ я его дома за работой. Меня провели въ комнату, которую онъ нанималъ у какой-то дамы, въ самомъ концѣ коридора.

— А знаете, вѣдь я васъ поджидалъ: у меня было пред-чувствіе, что вы непремѣнно, и въ самомъ скоромъ времени,

Digitized by Google

ко мнѣ зайдете,—вскричалъ онъ съ какимъ-то торжествомъ, какъ мнѣ показалось.

Онъ поспѣшно поднялся съ мѣста на встрѣчу мнѣ, крѣпко пожалъ мнѣ руки и, указывая на единственное кресло въ комнатѣ,—то самое, съ котораго онъ всталъ при моемъ появленіи,—радушно пригласилъ меня сѣсть.

— Я на минутку, мнѣ нужно просмотрѣть дѣло Чалаевой. Вы, кажется, говорили, что оно у васъ есть; нельзя ли вамъ одолжить мнѣ его на нѣсколько дней,—проговорилъ я съ напускнымъ равнодушіемъ вступительную фразу, вытверженную наизусть такъ твердо, что никакое душевное потрясеніе не заставило бы меня забыться.

— Какъ же, какъ же, оно у меня есть, все цѣликомъ и даже съ такими документами, о которыхъ на судѣ и не упоминалось. Мой отецъ ихъ отъ самой подсудимой получилъ, понимаете?—хвастался онъ съ нахальнымъ самодовольствомъ.

И, лукаво подмигнувъ мнѣ, онъ продолжалъ: — А вѣдь я догадываюсь, для чего вамъ нужно это дѣло. Васъ поразило небрежное отношеніе дворянской опеки къ имущественнымъ интересамъ дочери подсудимой, не правда ли? Назначить ей опекуномъ заклятаго врага ея матери и главнаго свидѣтеля противъ нея,—это возмутительно! Вы отлично сдѣлаете, если поднимете дѣло противъ него, отлично... Хотите, я напишу моему отцу? Онъ доставитъ вамъ драгоцѣнныя улики... Я бы вамъ совѣтовалъ все это дѣло поручить ему. Какъ мѣстный житель и отличный юристъ, а главное, какъ человѣкъ, которому извѣстны всѣ подробности дѣла, онъ вамъ лучше чѣмъ кто либо можетъ быть полезенъ.

Я не мѣшалъ ему высказываться. Мнѣ было на руку его заблужденіе относительно цѣли моего посѣщенія, и чѣмъ больше онъ вралъ, тѣмъ больше я успокоивался.

— За согласіе его я вамъ могу поручиться,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ апломбомъ,—мы не дальше, какъ мѣсяца полтора тому назадъ, толковали съ нимъ объ этомъ. Я ѣздилъ на праздники домой и, если ужъ пошло на откровенность, долженъ вамъ сознаться, что батюшка поручилъ мнѣ разузнать про васъ: такіе ли вы люди, чтобъ вступиться за сироту... Вѣдь она все равно, что сирота, понимаете? А про то, какъ опекаетъ ее князь, что онъ сдѣлалъ изъ прекраснаго

Digitized by Google

имѣнія, доставшагося ей послѣ смерти отца, и какъ распоряжается ея капиталами, у него собраны самыя точныя свѣдѣнія. Дѣло возмутительное, повторяю вамъ, возмутительное. Отецъ не дорого бы и взялъ, тысячъ пять не больше, и только по окончаніи дѣла, понимаете?

— Вы убѣждены, что мать ея виновна?

Вопросъ этотъ безсознательно сорвался съ моего языка; я вспыхнулъ до ушей, произнося его, но Викторовъ этого не замѣтилъ. Откинувшись на спинку стула и выпятивъ нижнюю губу, онъ глубокомысленно изрекъ:

— Какъ вамъ сказать? Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Разумѣется, искусство защитника состоитъ въ томъ, чтобъ заставить присяжныхъ смотрѣть на вещи такъ, какъ ему нужно, чтобъ они смотрѣли, втирать имъ очки, однимъ словомъ, и чѣмъ труднѣе это втираніе очковъ, тѣмъ больше требуется таланта,—понимаете?

Онъ вытянулъ ноги, заложилъ ихъ одну на другую, еще дальше закинулъ назадъ голову и, блуждая взглядомъ по потолку, началъ поглаживать рукой то мѣсто на лицѣ, гдѣ у него со временемъ должна была вырости борода, — словомъ расположился говорить темно и до безконечности пространно. Но слушать дальше его разглагольствованія мнѣ стало не въ терпежъ и, поднявшись съ мѣста, я объявилъ, что засиживаться мнѣ некогда и что, если онъ не можетъ мнѣ одолжить теперь же документы по Чалаевскому дѣлу, я зайду къ нему въ другой разъ.

— Или достану гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, — прибавилъ я,—у Петра Николаевича, напримѣръ.

Онъ поспѣшно вскочилъ съ мѣста и вытащилъ съ нижней полки этажерки, стоявшей въ углу, запыленную папку, набитую бумагами.

— Зачѣмъ къ Петру Николаевичу обращаться?—вотъ, возьмите. Я очень радъ вамъ этимъ служить; вы отлично сдѣлаете, если поднимете дѣло противъ князя... А барышня-то прехорошенькая. И какъ на мать похожа, поразительно! Мнѣ кажется, что я узналъ бы ее даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ мнѣ раньше не сказали, что она живетъ у васъ.

Я забралъ бумаги, перевязалъ ихъ бичевкой, чтобъ не разсыпались, и распростился съ Викторовымъ.

Digitized by Google

— Между бумагами вы найдете портретъ подсудимой, — объявилъ онъ, провожая меня въ прихожую,—тоже, вѣдь, вещественное доказательство, ха, ха, ха! Доказательство того, что доктора не могли ей ни въ чемъ отказать, ха, ха, ха!

Наступила ночь, когда я вернулся домой и прошелъ въ свою комнату. Изъ гостинной доносились голоса, и я слышалъ, какъ мама спросила у отворившей мнѣ дверь горничной:—Это Саша вернулся?

Засвѣтивъ на столѣ лампу и, задвинувъ задвижку у двери, я сталъ озираться по сторонамъ въ нерѣшительности, куда положить папку съ бумагами, чтобъ она не бросалась въ глаза каждому, кто переступитъ порогъ моей комнаты. Вдругъ раздались легкіе шаги по коридору, стукъ въ дверь и голосъ Сони:—Можно войти? Я пришла васъ звать чай пить.

Я вздрогнулъ и смутился, какъ воръ, пойманный съ добычей въ рукахъ, и, засовывая торопливо мою ношу подъ письменный столъ, отвѣчалъ, что сейчасъ приду въ столовую. Но Соня этимъ не удовольствовалась и отъ двери не отходила:—Лаптевъ у насъ сегодня обѣдалъ, онъ сказалъ, чтобъ раньше вечера васъ не ждать,—объявила она.

Я отвѣчалъ, что обѣдалъ у товарища. И, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ стола, сталъ смотрѣть, хорошо ли запрятано „Чалаевское дѣло“. Увы! столъ былъ такъ узокъ, что все подъ нимъ было отлично видно. Искать другаго мѣста было невозможно; Соня продолжала стоять у двери, надо было торопиться. Я погасилъ лампу и вышелъ въ коридоръ.

— Зачѣмъ вы задули лампу? Развѣ вы сегодня ночью заниматься не будете?—спросила она, подаваясь впередъ и заглядывая черезъ полурастворенную дверь въ комнату.

— Лампа чадитъ,—отвѣчалъ я, отстраняя ее отъ двери.

— Чадитъ? Надо сказать Аннушкѣ; она ее поправитъ.

И съ этими словами она ужъ повернулась, чтобъ идти назадъ, но я взялъ ее подъ руку и увлекъ почти силой въ противоположную сторону, къ столовой.

— Ничего... оставьте... я ей самъ скажу... не безпокойтесь, это не ваше дѣло, — говорилъ я безсвязно и не вслушиваясь въ ея возраженія.

Успокоился я тогда только, когда мы вошли въ столовую и Соня заняла свое мѣсто у самовара, да и то ненадолго:

Digitized by Google

мнѣ все казалось, что она какъ-то особенно смотритъ на меня и мнѣ было такъ жутко встрѣтиться съ ея взглядомъ, что я не поднималъ глазъ съ своего стакана. Волненіе мое не ускользнуло отъ вниманія матери.

— Что съ тобой сегодня, ты нездоровъ?—спросила она, съ тревогой заглядывая мнѣ въ глаза.

Я отвѣчалъ, что усталъ и голова болитъ.

— Стало быть, вы заниматься сегодня не будете,—сказала Соня,—хотите, я вамъ спою вашу любимую арію изъ „Рогнѣды?"

И, не дожидаясь отвѣта, она поднялась съ мѣста и подошла къ роялю. Лаптевъ послѣдовалъ за нею.

Дѣлать было нечего, приходилось оставаться еще съ полчаса въ гостинной. Кончивъ пѣть, Соня выбѣжала изъ комнаты за шахматами. Лаптевъ предложилъ ей сыграть партію; я слышалъ ихъ разговоръ по этому поводу, но у меня тотчасъ же зароились въ мозгу нелѣпыя подозрѣнія: я былъ увѣренъ, что, проходя мимо моей комнаты, она непремѣнно туда заглянетъ и, не взирая на темноту, увидитъ бумаги подъ столомъ: Мысль эта, чѣмъ дальше, тѣмъ нестерпимѣе меня мучила. Время шло, Соня не возвращалась. Даже Лаптеву показалось подозрительнымъ такое продолжительное отсутствіе; я видѣлъ, съ какимъ безпокойствомъ оглядывался онъ, при каждомъ шорохѣ, на дверь въ коридоръ. Наконецъ, я не вытерпѣлъ и, наскоро попрощавшись съ нимъ и съ мамой, подъ предлогомъ усилившейся мигрени, ушелъ къ себѣ.

Шаговъ за десять до моей двери, мнѣ показалось, что она растворилась и изъ нея выскользнула какая-то тѣнь. Разсмотрѣть эту тѣнь я не могъ, въ коридорѣ было темно, но мнѣ тотчасъ же представилось, что это Соня. Я, какъ безумный, вбѣжалъ въ комнату, кинулся зажигать лампу и заглянулъ подъ столъ. Папка лежала на томъ же мѣстѣ. Я приподнялъ ее съ полу, бичовка развязалась и часть бумагъ изъ нея высыпалась. Я сталъ поспѣшно подбирать ихъ дрожащими отъ волненія руками; кровь стучала въ виски, мнѣ чудились чьи-то шаги, шорохъ, голоса то мамы, то Сони. Паническій страхъ, что мнѣ не дадутъ привести въ порядокъ бумаги, положить ихъ на столъ и ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, съ такой силой обуялъ меня, что, между прочими несообразностями, мнѣ приходила въ голову мысль уѣхать съ

Digitized by Google

этими документами на ночь въ какую нибудь гостинницу подальше, за Москву рѣку, а утромъ, не заѣзжая домой, возвратить ихъ Викторову. Присутствіе этихъ бумагъ въ нашемъ домѣ, въ двухъ шагахъ отъ Сони, казалось мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, точно дѣло шло о смертельной для всѣхъ насъ опасности.

Наконецъ, когда все дѣло было собрано и положено на столъ, я началъ мало по малу успокоиваться. Дверь моя была заперта изнутри, никто войти не могъ, до утра времени оставалось много, любопытство мое будетъ вполнѣ удовлетворено, а завтра я отвезу бумаги Викторову, съ просьбой никогда не упоминать о Чалаевскомъ дѣлѣ въ моемъ присутствіи. Въ первый разъ въ жизни приходилось мнѣ держать въ рукахъ объемистое уголовное дѣло, но я бывалъ въ окружномъ судѣ и судебная процедура мнѣ была болѣе или менѣе извѣстна. Прежде всего накинулся я на пространный обвинительный актъ. Пока я его читалъ, шумъ и движеніе въ домѣ мало по малу стихали. Ушелъ Лаптевъ. Потомъ затворилась дверь въ спальню мамы, рядомъ съ которой была комната Сони. Опасаться, что мнѣ помѣшаютъ, я ужь не могъ. Впрочемъ, по мѣрѣ того какъ я проникалъ въ подробности таинственной драмы, развертывавшейся передо мной, любопытство мое возрастало съ такой силой, что для другихъ чувствъ и ощущеній въ душѣ моей не оставалось больше мѣста. Потому ли, что обстановка этой драмы давно мнѣ была извѣстна и о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ я уже раньше составилъ себѣ понятіе, или потому, что, дѣйствительно, все въ ней было до высочайшей степени загадочно и ужасно,—такъ или иначе, но, разъ принявшись за это чтеніе, я чувствовалъ, что только силой меня можно оторвать отъ него.

Что такого особеннаго было въ этомъ убійствѣ? Чѣмъ отличалось оно отъ уголовныхъ процессовъ, разбирающихся во множествѣ каждый годъ и въ Россіи, и во всѣхъ другихъ странахъ земнаго шара? Молодая женщина, здоровая, красивая и влюбленная, отравляетъ ненавистнаго ей мужа, чтобъ безпрепятственно предаваться своей страсти къ другому,—это, можно сказать, совсѣмъ заурядное явленіе. Мѣсяца не проходитъ, чтобъ о такомъ случаѣ не было напечатано въ газетахъ. Да, но съ тѣми людьми, о которыхъ пишутъ въ газетахъ, у меня не было никакой духовной связи, а *эти*... Какъ

Digitized by Google

живые, воскресали въ памяти на половину забытые разсказы Сони про родительскій домъ и про окружавшихъ ее тамъ людей.

Я ихъ встрѣчалъ теперь на каждой страницѣ лежавшаго передо мной дѣла. Сокровеннѣйшія ихъ тайны открывались. Я переживалъ ихъ страданія, желанія, искушенія. Я понималъ какъ нельзя лучше, почему они дѣйствуютъ такъ, а не иначе, почему, напримѣръ, горничная Лиза стоитъ горой за барыню во время слѣдствія и, не взирая на ухищренія прокурора, ни единымъ словомъ не обмолвливается противъ нея, тогда какъ англичанка, бонна Сони, развязно распространяется, даже и объ томъ, чего она знать не можетъ.

Въ дѣлѣ было упомянуто и о розовомъ будуарѣ, и о продолжительномъ обморокѣ Чалаева. Сонѣ правду сказали: онъ лишился чувствъ, узнавши, что жена его поѣхала кататься за городъ, но про сцену, происходившую между ея отцомъ и матерью передъ этимъ катаньемъ, она ничего не знала, а она была тутъ описана во всѣхъ подробностяхъ. Предварительно подготовленному воображенію нетрудно было схватить всю суть дѣла съ перваго слова, по одному намеку. Какъ живая, вставала передо мною фигура блѣднаго человѣка, страдавшаго всю жизнь непонятной болѣзнью, постоянно лѣчившагося отъ нея и здѣсь, и за границей, и нигдѣ не находившаго себѣ облегченія. „Въ лицѣ у него не было ни кровинки, онъ былъ препротивный“,—такъ выразилась про него одна изъ свидѣтельницъ на судѣ. А пріятельница подсудимой разсказывала, какъ г-жа Чалаева сознавалась ей, что „мужъ ея, когда онъ лежитъ съ нею рядомъ на кровати, производитъ на нее впечатлѣніе трупа, и что у нея кровь застывала отъ ужаса, когда она нечаянно дотрогивалась до него“. Онъ былъ не русскаго происхожденія,—армянинъ, кажется,—и между нимъ и женой его ровно ничего не было общаго. Но ея постепенно развивавшуюся ненависть къ мужу всѣхъ краснорѣчивѣе доказалъ князь, опекунъ Сони. Онъ доводился дальнимъ родственникомъ покойнаго и былъ съ нимъ очень друженъ. Онъ твердо держался убѣжденія, что Соня—не дочь Чалаева, и настаивалъ на этомъ обстоятельствѣ такъ упорно и послѣдовательно, что я не могъ не сознаться въ томъ, что Викторовъ правъ—такому человѣку нельзя было поручать опеку надъ осиротѣвшей дѣвочкой. Инстинктъ не обманулъ Соню,—недаромъ ненавидѣла она его.

Digitized by Google

Къ показанію князя было приложено его письмо къ подсудимой, писанное года за три до катастрофы.

Изъ этого письма было видно, что раньше онъ былъ въ любовной связи съ Чалаевой. Письмо не было подшито къ дѣлу и, вѣроятно, принадлежало къ документамъ, которые слѣдователь признавалъ не особенно важными. А, можетъ быть, попало оно сюда позже, послѣ прекращенія дѣла. Во всякомъ случаѣ, приложено оно было именно туда, гдѣ должно было находиться, чтобъ ослабить значеніе показанія князя:—безпристрастію отвергнутаго любовника вѣрить трудно. Почеркъ князя я тотчасъ же узналъ, но чернила отъ времени пожелтѣли и, чтобъ разобрать лучше письмо, я поднесъ его къ лампѣ... Вдругъ по немъ скользнула тѣнь, и невидимая рука вырвала его у меня изъ пальцевъ. Я оглянулся — за моимъ кресломъ стояла Соня. Одной рукой она крѣпко сжимала похищенное у меня письмо, другую приложила на мгновеніе къ моимъ губамъ. Что она сказала при этомъ и сказала ли что нибудь—не помню,—знаю только, что я не въ силахъ былъ ей противорѣчить: такою рѣшимостью дышало ея блѣдное лицо со сверкающими лихорадочнымъ блескомъ глазами.

Какъ она сюда попала? Дверь въ коридоръ оставалась запертой на задвижку, но въ комнатѣ была еще другая дверь, заставленная тяжелымъ шкафомъ, про которую я совсѣмъ забылъ. Когда отодвинула она этотъ шкафъ и какъ ей удалось это сдѣлать безъ посторонней помощи — я до сихъ поръ не знаю. А тогда мнѣ и въ голову не приходило разслѣдовать этотъ фактъ. Я былъ въ какомъ-то чаду. Порой мнѣ казалось, что все, что происходитъ, ничто иное, какъ тяжелый кошмаръ, отъ котораго ничего не останется, когда я проснусь. Соня сидѣла рядомъ со мной и читала Чалаевское дѣло. Всю ночь провели мы за этимъ занятіемъ, и то, что я постепенно узналъ, казалось мнѣ такъ важно и такъ поглощало всѣ мои умственныя способности, что думать о чемъ либо другомъ я ужъ не могъ. Узнать, виновна ли Чалаева въ отравленіи мужа, или нѣтъ, только бы узнать это навѣрное, чтобъ не сомнѣваться больше, а затѣмъ, пожалуй, и умереть,—все равно!

По временамъ я взглядывалъ на Соню, на ея сосредоточенно сдвинутыя брови и стиснутыя губы, и чувствовалъ, что и она тоже ни передъ чѣмъ не остановится, чтобъ узнать ис-

Digitized by Google

тину. Она быстрѣе и ловче меня разбиралась въ бумагахъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе, останавливаясь только на самомъ существенномъ, на томъ, что́ прямо вело къ цѣли, отбрасывая все остальное въ сторону съ самоувѣренностью опытнаго юриста.

Только утромъ, когда совсѣмъ разсвѣло, замѣтилъ я, что она легко одѣта и что вздрагиваетъ она не отъ одного только душевнаго волненія, а также потому, что, кромѣ тонкой юбки и ночной кофты, на ней ничего не было. Я досталъ пледъ и накинулъ ей на плечи. Она не шелохнулась и продолжала читать. Лицо ея принимало все болѣе и болѣе безжизненное выраженіе. Одушевленными оставались одни только глаза. Движенія ея были автоматичны и машинальны; безсознательно раскрывала она побѣлѣвшія губы, чтобъ вдыхать въ себя воздухъ, безсознательно вырывались изъ ея груди тяжелые вздохи съ легкимъ стономъ. Раза два подносилъ я къ ея губамъ стаканъ съ водой, которую она глотала, не пробуждаясь отъ забытья, какъ глотаютъ во снѣ.

И вдругъ, стремительно сорвавшись съ мѣста, она съ лихорадочной поспѣшностью начала собирать разбросанныя по столу бумаги, запихала ихъ въ папку, закрыла ее и, опершись на нее ладонями, уставилась на меня пристальнымъ взглядомъ. Я пытался заговорить съ нею, просилъ ее успокоиться, умолялъ о прощеніи, что-то въ этомъ родѣ; она сдѣлала мнѣ знакъ рукой, чтобъ я смолкъ, и стала прислушиваться...

Что разсказывали ей таинственные голоса? Должно быть, нѣчто ужасное. Взглядъ ея сдѣлался совсѣмъ стекляннымъ. Я не могъ уйти отъ него. Меня охватывало тяжелое предчувствіе; я видѣлъ, что въ ней совершается нѣчто страшное, чему я не въ силахъ одинъ ни помочь, ни помѣшать. Я сознавалъ, что надо звать на помощь, что нибудь дѣлать, съ чѣмъ-то невидимымъ бороться, и не могъ ни двинуться съ мѣста, ни произнести хоть бы одинъ звукъ, ни оторвать глаза отъ ея глазъ... А между тѣмъ губы ея беззвучно шевелились и— вдругъ улыбка, та самая улыбка, которой я такъ испугался, когда увидалъ ее въ первый разъ, появилась на ея губахъ...

Digitized by Google

Соня сошла съ ума.

Винить меня никто не хотѣлъ. Доктора единогласно утверждали, что помѣшательство это давно подготовлялось, что, и безъ особенныхъ нравственныхъ потрясеній, припадки столбняка, которымъ она была подвержена, должны были кончиться пораженіемъ мозга.

Утѣшалъ меня и Лаптевъ, увѣряя, что Соня давно ужь, путемъ догадокъ, додумалась до истины и много разъ намѣкала ему на то, что отецъ ея умеръ насильственною смертью и что мать ея—великая преступница.

— Почти тотчасъ же послѣ того, какъ я съ нею познакомился, начала она повѣрять мнѣ свои ужасныя предположенія,—разсказывалъ Лаптевъ:—тайна эта душила ее, и она обрадовалась чужому человѣку въ домѣ, какъ избавителю. Ни съ вами, ни съ вашей матушкой не смѣла она откровенничать; она знала, что Аглая Петровна покинула домъ, чтобъ не отвѣчать на ея разспросы, и боялась, что князь увезетъ ее отсюда, если узнаетъ, что она говоритъ съ вами про свою мать.

Къ Лаптеву она вдругъ какъ-то почувствовала довѣріе и то, что она ему повѣряла, было такъ ужасно, что ему иногда хотѣлось открыть ей всю правду, чтобъ только успокоить ее, не давать ей тщетно метаться въ предположеніяхъ, одно безобразнѣе и отчаяннѣе другаго.

Все это говорилось, чтобъ утѣшить меня и уменьшить мое невольное преступленіе, но развѣ я могъ утѣшиться? Развѣ я могъ не терзаться мыслью, что всѣ они—и доктора, и Лаптевъ—ошибаются, и что не привези я въ домъ этого проклятаго дѣла, Соня не была бы тѣмъ, что теперь. Близкіе люди стали за меня бояться. Замѣчали во мнѣ большую перемѣну; ихъ пугала моя молчаливость и задумчивость. Помѣшательство заразительно, а я все свое дѣтство и юность провелъ въ обществѣ ребенка, расположеннаго къ помѣшательству. Соню увезли въ Петербургъ, въ лѣчебницу знаменитаго психіатра. Мнѣ ужасно хотѣлось знать, что съ нею дѣлается, но всѣ сговорились не отвѣчать на мои разспросы объ ней, и я не настаивалъ. Слишкомъ упалъ я духомъ, чтобъ проявлять энергію въ чемъ бы то ни было.

Съ наступленіемъ весны, меня отправили за границу. Но и тамъ, не взирая на обиліе новыхъ впечатлѣній, тоска моя

Digitized by Google

не проходила. Я не предавался ей такъ всецѣло, какъ раньше; могъ читать, смотрѣть на произведенія искусства, цѣнить красоты природы, но ни въ чемъ не находилъ наслажденія, ничто меня не радовало. Всѣ впечатлѣнія мои отравлялись мыслью о Сонѣ.

Даже и во снѣ не оставляла она меня въ покоѣ и являлась въ такомъ ужасномъ видѣ, что часто боязнь заснуть преодолѣвала дремоту, и я цѣлыя ночи проводилъ, не смыкая глазъ ни на мгновеніе. Мама оставалась въ Москвѣ. Во всѣхъ письмахъ моихъ освѣдомлялся я о Сонѣ, но отвѣты на этотъ вопросъ получалъ самые краткіе и уклончивые. Наконецъ, на мое настойчивое требованіе сказать мнѣ, въ какомъ она положеніи, нашелъ я въ письмѣ матери слѣдующую фразу: „ты приводишь меня въ отчаянье твоими разспросами про Соню; старайся не думать про нее; она счастливѣе насъ съ тобой".

Счастливѣе насъ! Умерла, значитъ? Я бросился писать письмо и тотчасъ же разорвалъ его. Составилъ депешу, которую постигла та же участь. Мнѣ надо было такъ много узнать, душа моя жаждала такихъ подробностей, что никакимъ письменнымъ отвѣтомъ, даже самымъ обстоятельнымъ и пространнымъ, не удовлетворился бы я.

Въ тотъ же день, никого не предупреждая, уѣхалъ я въ Россію.

Мое внезапное и неожиданное появленіе не столько обрадовало, сколько испугало мою мать. Но долго теряться въ догадкахъ я ей не далъ.

— Когда умерла Соня? Почему мнѣ объ этомъ раньше не написали?—спросилъ я въ отвѣтъ на ея разспросы.

— Соня? Христосъ съ тобою! Да она и не думала умирать.

— Какъ же ты писала?

— Никогда не писала я тебѣ, что она умерла.

Сердце забилось у меня такъ сильно, что дыханіе перехватывало.

— Такъ она, стало быть...

Выздоровѣла, хотѣлъ я сказать, но слово не выговаривалось. Нѣтъ, нѣтъ, повѣрить этому я не могъ, это было бы слишкомъ большое счастье!

— Ты писала, что она счастливѣе насъ,—вымолвилъ я съ усиліемъ.

Digitized by Google

Мама крѣпко меня обняла.

— Да, она счастливѣе насъ съ тобой,—проговорила она со слезами:—ты никогда не забудешь той несчастной ночи; я никогда не перестану мучиться мыслью, что ты черезъ меня страдаешь, что я не должна была брать въ домъ ребенка съ такимъ ужаснымъ прошлымъ; я должна была предвидѣть, что преступленіе матери, такъ или иначе, а непремѣнно должно отразиться на ней, а она... она все забыла и никогда ничего не вспомнитъ. Помѣшательство ея неизлѣчимо: всю свою жизнь будетъ она воображать себя маленькой дѣвочкой, забавляться птицами и цвѣтами, беззаботно играть съ дѣтьми. Никогда не вспомнитъ она ничего; какъ же не сказать, что она такъ счастлива, какъ только можетъ быть счастлива на землѣ?

Мать моя была права. Я видѣлъ Соню, видѣлъ ее вполнѣ довольной и счастливой. Помѣшательство ея неизлѣчимо, но ни для кого не опасно. Въ лѣчебницѣ она не жила больше; ее помѣстили къ Аглаѣ Петровнѣ, которая закрыла свою школу, чтобъ всецѣло посвятить себя несчастной дѣвушкѣ. Я нашелъ Соню окруженною цѣлой толпой ребятишекъ. Дѣти ее обожаютъ, ихъ не отгонишь отъ нея. Меня она не узнала и, какъ у всякаго, кого она видитъ въ первый разъ, стала просить игрушекъ. Я былъ предупрежденъ и подалъ ей купленную для нея куклу. Она такъ обрадовалась, такъ весело и искренно смѣялась, разсматривая новую свою игрушку, что я уѣхалъ домой съ облегченнымъ сердцемъ.

Судьба сжалилась надъ нею и послала именно то, что ей было всего нужнѣе—забвеніе.

Н. Северинъ.

Digitized by Google

МЕТЕОРЪ.

Стремительно звѣзда скатилась золотая,
Мгновенно озаривъ полуночный эфиръ...
Я мнилъ: то падшій духъ, низвергнутый изъ рая,
Иль кроткая душа, покинувшая міръ?
Я мнилъ—то свѣтлый взоръ святаго громовержца
Иль яркая стрѣла слѣпаго сатаны?..
«То цѣлый міръ погибъ»! мнѣ подсказало сердце,
Усмѣшкой упрекнувъ развѣнчанные сны.
«И все вокругъ пройдетъ безплодно и безслѣдно!
«И звуки смѣлыхъ лиръ, и вымыселъ искусствъ,
«И умъ, вашъ гордый умъ, царящій всепобѣдно
«Надъ слабымъ міромъ грезъ и легковѣрныхъ чувствъ.
«Померкнетъ свѣтъ луны, погаснетъ солнце ваше,
«Низринется въ хаосъ ничтожный шаръ земли.
«Недолго черпать жизнь изъ пиршественной чаши,
«И скоро ты пройдешь, какъ тысячи прошли!»—
Шептало сердце мнѣ въ раздумьѣ боязливомъ
И осыпалися мечтанія мои...
Такъ вѣтеръ, пробѣжавъ по наклоненнымъ ивамъ,
Роняетъ листья ихъ на зыбкія струи.
Ужели отцвѣтетъ волшебная природа
И рухнется земля въ мятущійся хаосъ?
Къ чему жъ борьба людей, познанья и свобода,
И сладостный елей благочестивыхъ слезъ?
Ужели все мелькнетъ, какъ искра метеора?
Къ чему жъ тогда любовь и чистыя сердца,
Величье славныхъ дѣлъ и горькій стыдъ позора?
Мнѣ страшно за себя—и больно безъ конца...

К. Фофановъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ
ВЪ
ОТНОШЕНІИ КЪ ВОЗРАСТАМЪ.

Въ прежнее время, воспитаніе нерѣдко отличалось большою односторонностью и искусственностью: изъ множества свойствъ и проявленій человѣка выдвигалось одно свойство, высоко цѣнилась одна сторона; другія стороны и свойства какъ будто забывались и часть шла за цѣлое, или же цѣли воспитанію и образованію ставились книжныя, отвлеченныя, почерпнутыя не изъ жизни, а изъ историческихъ преданій. Напримѣръ, въ Китаѣ почти все воспитаніе сводилось къ развитію безпрекословнаго послушанія, безусловной преданности дѣтей родителямъ; въ средніе вѣка идеаломъ, вершиной человѣческаго образованія считалось знаніе латинскаго и греческаго языковъ, немногихъ древнихъ авторовъ, катехизиса и семи извѣстныхъ искусствъ.

Съ теченіемъ времени, воспитаніе дѣлалось шире, многостороннѣе, жизненнѣе, учебный курсъ сложнѣе; воспитываемый захватывался *весь* воспитаніемъ, а не культивировались только его отдѣльныя свойства и качества. Воспитаніе,—стали говорить,—должно быть вполнѣ естественнымъ, гуманнымъ, основываться на началахъ антропологіи; оно должно удовлетворять всѣмъ потребностямъ и запросамъ учащихся, а потому ему слѣдуетъ быть всестороннимъ. И въ нашихъ нынѣшнихъ школахъ и курсахъ чего-чего нѣтъ: преподаются всевозможныя науки, древніе и новые языки, искусства; прилагаются заботы о введеніи въ школы ручнаго труда, гигіены; врачи призываются къ совѣту относительно раціональнаго устройства школъ и т. д. Но можно ли сказать, что теперь воспитаніе по своему существу, по своимъ принципамъ, дѣйствительно всесторонне, естественно, гуманно; что воспитываемые не трактуются съ какихъ либо искусственныхъ и узкихъ точекъ зрѣнія, и что, поэтому, нынѣшнему воспитанію остается только идти далѣе своимъ настоящимъ путемъ, совершенствуя частности? Или же ему,

Digitized by Google

можетъ быть, предстоитъ еще существенная перемѣна во всей организаціи, не смотря на приписываемыя ему всесторонность и антропологическія основы?

Вполнѣ цѣня значительные успѣхи, которые сдѣлало воспитаніе, тѣмъ не менѣе, едва ли можно признать его, по самымъ основнымъ началамъ, въ достаточной мѣрѣ естественнымъ и гуманнымъ: воспитаніе и въ настоящее время отличается еще односторонностью и искусственностью. Антропологическая точка зрѣнія на воспитываемыхъ еще недостаточно глубоко вошла въ сознаніе; остатки прежней книжности и отвлеченности въ организаціи образованія еще и теперь очень чувствительны. Въ современномъ воспитаніи настоящее приносится въ жертву будущему, въ воспитываемыхъ видятъ собственно не дѣтей и юношей, а будущихъ гражданъ, дѣятелей въ различныхъ сферахъ; воспитаніе понимаютъ не какъ развитіе того, что̀ есть, т. е. дѣтей, отроковъ, юношей, а какъ подготовку къ тому, что̀ будетъ, т. е. подготовку гражданъ. Пояснимъ свою мысль и представимъ доказательства ея справедливости.

I.

Жизнь человѣческаго организма распадается на возрасты; каждый возрастъ имѣетъ свои характерныя черты, физическія и психическія. Свойства возрастовъ различны: есть такія, которыя присущи только извѣстнымъ возрастамъ, и съ переживаніемъ этихъ возрастовъ отпадаютъ, замѣняясь другими, какъ молочные зубы замѣняются настоящими; а есть и такія свойства, которыя переходятъ въ дальнѣйшіе возрасты, и съ жизнью человѣка только измѣняются—или усиливаются, или ослабѣваютъ. Дѣти отличаются полнымъ довѣріемъ ко всему, что̀ имъ говорятъ и обѣщаютъ, ихъ лицо есть для наблюдателя открытая книга; дѣти пугливы: новыя явленія, особенно значительныхъ размѣровъ и силы, совершенно не страшныя сами по себѣ, у нихъ легко вызываютъ чувство страха. Всѣ эти свойства суть чисто дѣтскія свойства, съ дѣтствомъ они исчезаютъ и въ дальнѣйшіе возрасты не переходятъ. У юношей замѣчаются значительная идеалистичность мышленія и дѣйствія, полное довѣріе къ своимъ силамъ, грандіозность замысловъ, увѣренность, что можно разомъ если не совсѣмъ перевернуть міръ вверхъ дномъ, то, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить его въ короткое время. Это специфическія черты возраста, и съ переживаніемъ юности онѣ отпадаютъ. Дѣтямъ присуща сострадательность, дѣти способны въ нѣкоторой мѣрѣ къ логическому мышленію, имъ свойственно любопытство. Эти черты не исчезаютъ съ дѣтствомъ, онѣ переходятъ въ даль-

Digitized by Google

нѣйшіе возрасты, причемъ нѣкоторыя свойства усиливаются, развиваются, напр., способность логическаго мышленія, а другія съ возрастами ослабѣваютъ, напр., любопытство. Юноша обнаруживаетъ значительную энергію и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, владѣетъ способностью отвлеченнаго мышленія, критически относится къ авторитетамъ. Эти свойства не исчезаютъ съ юностью: давнымъ давно пройдетъ юность, но способность отвлеченнаго мышленія, критическое отношеніе къ окружающему и энергія въ преслѣдованіи цѣли сохраняются въ большей или меньшей мѣрѣ, причемъ опять съ возрастомъ иныя черты усилятся, а другія ослабѣютъ. Свойствъ, переходящихъ въ другіе возрасты, гораздо меньше, чѣмъ спеціальныхъ свойствъ, отпадающихъ съ возрастами.

Какъ относится воспитаніе къ различнымъ свойствамъ возрастовъ, и отпадающимъ вслѣдъ за истеченіемъ извѣстныхъ жизненныхъ періодовъ, и сохраняющимся на дальнѣйшее время? Цѣнитъ оно ихъ одинаково или различно? Заботится о развитіи всѣхъ ихъ или только нѣкоторыхъ? Обыкновенно при воспитаніи стараются культивировать такія свойства возрастовъ, которыя переходятъ въ дальнѣйшіе періоды; что же касается специфическихъ, непереходящихъ чертъ возрастовъ, то ихъ или едва-едва терпятъ, или же стараются подавить и истребить, считая ихъ не свойствами возрастовъ, а недостатками этихъ возрастовъ и, вообще, человѣческой природы, отдѣльныхъ лицъ. Отношеніе современнаго воспитанія къ различнымъ свойствамъ возрастовъ требуетъ ближайшаго и болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Для постановки воспитанія въ томъ или другомъ духѣ и направленіи, большое значеніе имѣетъ опредѣленіе цѣли воспитанія. Цѣль воспитанія опредѣляется различно: нужно сдѣлать воспитываемаго хорошимъ, ревностнымъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ и патріотомъ, совершеннымъ человѣкомъ, счастливымъ, самостоятельнымъ служителемъ истиннаго, добраго, прекраснаго, ревнителемъ и дѣятелемъ прогресса и т. д. Намъ нѣтъ нужды разбирать, какое опредѣленіе цѣли воспитанія правильно и какое неправильно, но важно отмѣтить два свойства всѣхъ предполагаемыхъ цѣлей: ихъ весьма значительную отдаленность отъ первыхъ воспитательныхъ періодовъ и малое количество свойствъ, затрогиваемыхъ ими въ воспитанникахъ. Всѣ эти цѣли обращаютъ взоръ воспитателя къ далекому будущему; онѣ внушаютъ ему, что онъ долженъ къ чему-то подготовлять воспитываемыхъ, что настоящее есть простое орудіе для будущаго и само по себѣ значенія не имѣетъ; что если въ настоящемъ онъ достигаетъ какихъ либо результатовъ, то достигнутое имѣетъ настолько цѣнности, насколько приближаетъ къ той отдаленной, едва мерцающей, цѣли. А когда цѣль воспитанія будетъ достигнута, когда воспитываемый можетъ сдѣлаться, напр., хорошимъ

Digitized by Google

гражданиномъ? Очевидно тогда, когда онъ вступитъ въ гражданскую жизнь, будетъ исполнять извѣстныя обязанности и пользоваться соотвѣтственными правами, т. е. весьма не скоро. Когда воспитываемый можетъ сдѣлаться счастливымъ, или самостоятельнымъ служителемъ прогресса? Счастливымъ онъ, вѣроятно, никогда не будетъ, а до самостоятельности въ служеніи прогрессу, можетъ быть, и дорастетъ когда нибудь, но также не скоро. А между тѣмъ, къ этимъ отдаленнымъ, иногда же и вовсе неосуществимымъ цѣлямъ нужно подготовлять воспитываемыхъ; въ жертву тому далекому и невѣрному будущему нужно приносить вполнѣ вѣрное и реальное настоящее. Сосредоточиваясь на достиженіи отдаленной цѣли, смотря постоянно и упорно вдаль, въ будущее, воспитатели естественно мало цѣнятъ потребности настоящаго, плохо видятъ то, что̀ близко, предъ глазами, т. е. дѣйствительныя потребности возрастовъ, переживаемыхъ питомцами.

Перечисленныя цѣли затрогиваютъ далеко не всѣ свойства воспитательныхъ возрастовъ, а только нѣкоторыя. Въ какомъ отношеніи къ развитію христіанскаго благочестія находятся дѣтская подвижность и дѣтская склонность къ игрѣ? Чтобы изъ воспитываемаго вышелъ хорошій гражданинъ, служитель прогресса и пр., нужно ли въ дѣтяхъ поощрять характеризующее ихъ любопытство, или обуздывать? Ослаблять или усиливать дѣтскую довѣрчивость? Къ перечисленнымъ цѣлямъ воспитанія многія свойства дѣтства и юности никакого прямаго отношенія не имѣютъ, да и косвенное, не прямое ихъ отношеніе подчасъ бываетъ трудно опредѣлить. Такимъ образомъ оказывается, что большинство свойствъ возрастовъ не нужно для достиженія цѣлей воспитанія, что для этихъ цѣлей требуются только нѣкоторыя свойства. А отсюда прямой выводъ, что и воспитывать нужно только немногія свойства возрастовъ, дѣйствительно нужныя для достиженія воспитательныхъ цѣлей, а прочія можно игнорировать, не обращать на нихъ вниманія. Такъ обыкновенно и бываетъ въ воспитательной практикѣ: переходящія свойства возрастовъ заботливо культивируются, а специфическія черты ихъ остаются въ пренебреженіи. Практики-воспитатели и родители мало заботятся о выясненіи и разрѣшеніи общихъ теоретическихъ вопросовъ о воспитаніи, къ числу которыхъ принадлежитъ и вопросъ о цѣли воспитанія—подобные вопросы они считаютъ темными и метафизическими. Но отъ разсужденій о цѣли воспитанія и у нихъ въ сознаніи все же остается, что воспитываемыхъ нужно къ чему-то подготовлять въ будущемъ и что далеко не всѣ ихъ свойства заслуживаютъ вниманія. Не заглядывая въ далекое будущее, родители и воспитатели-практики ставятъ ближайшія задачи для своей дѣятельности, заимствованныя также изъ будущаго, но не отдаленнаго, притомъ задачи наиболѣе простыя и практичныя. Дитяти придется учиться въ школѣ; слѣдовательно, нужно возможно раньше и

Digitized by Google

возможно обстоятельнѣе подготовлять его къ школѣ, начать поскорѣе и посерьезнѣе учить. По выходѣ изъ школы, молодому человѣку нужно будетъ, для успѣха въ жизни, умѣть приспособляться къ положенію, ладить съ людьми и обстоятельствами; значитъ, нужно, до выхода въ жизнь, вышколить его хорошенько, дисциплинировать. И вотъ начинаютъ дѣтей съ малолѣтства учить и школить. Стремленіе учить дѣтей возможно раньше и возможно больше, съ возрастаніемъ требованій отъ образованнаго человѣка, съ увеличивающеюся спеціализаціею знаній, съ быстрымъ развитіемъ наукъ,—становится сильнѣе, настоятельнѣе. Зачѣмъ понапрасну терять дорогіе дѣтскіе годы, когда въ это время можно сдѣлать такъ много, такъ хорошо подготовить къ предстоящимъ школьнымъ занятіямъ, такъ облегчить ждущій питомца трудъ? А подготовлять и серьезно подготовлять воспитываемыхъ можно безъ всякаго обремененія, и притомъ мальчиковъ и дѣвочекъ. И тѣ, и другія равно способны къ раннимъ систематическимъ занятіямъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многіе примѣры. Изъ нихъ я напомню только о двухъ извѣстныхъ. У знаменитаго главы педагогической школы филантроповъ, Базедова, была дочь Эмилія. Ея воспитаніемъ занимался его сотрудникъ Вольке. Когда маленькой Эмиліи было всего три четверти года, Вольке началъ уже съ ней нѣкоторыя упражненія. Первымъ дѣломъ—разсказываетъ онъ—я училъ ее, согласно извѣстному выбору и порядку, различать предметы и ихъ свойства посредствомъ указанія ихъ и яснаго звучнаго выговариванія; затѣмъ способу вставать, осторожно падать, избѣгать паденія и т. п. Мы старательно ограждали ее отъ общаго, при обычномъ воспитаніи, перемѣшиванія понятій: въ зеркалѣ Эмилія видѣла свое изображеніе, но не себя саму, на картинкахъ — не людей и животныхъ, а ихъ изображенія; вареное куриное мясо съ костями не называлось у насъ курицею, кукла ребенкомъ и т. д. Благодаря такимъ заботамъ, Эмилія въ два съ половиною года выучилась судить до того правильно, что возбуждала удивленіе всѣхъ видѣвшихъ ее. Когда ей было полтора года, она говорила явственнѣе и правильнѣе дѣтей ея лѣтъ, могла составлять цѣлыя фразы, отчетливо произносить буквы. Читать по нѣмецки Эмилія выучилась, въ концѣ третьяго года, въ одинъ мѣсяцъ. По четвертому году, въ три съ половиною мѣсяца, Эмилія, не слышавшая до сихъ поръ ни одного французскаго слова, настолько выучилась по французски, что могла объясняться на этомъ языкѣ о своихъ потребностяхъ и дѣлишкахъ, не примѣшивая нѣмецкихъ словъ. По четвертому же году, Эмилія читала нѣмецкое и латинское письмо и печать, была знакома со значительнымъ числомъ естественныхъ предметовъ и орудій, вмѣстѣ съ ихъ происхожденіемъ и употребленіемъ; различала, съ примѣненіемъ къ встрѣчающимся случаямъ, математическія линіи, плоскости и тѣла, считала въ восходящемъ порядкѣ до 100, а въ нисходя-

Digitized by Google

щемъ, въ одиночку и парными цифрами, отъ 20 до 0, упражнялась въ рисованіи и письмѣ воспроизведеніемъ написанныхъ карандашемъ чертъ и т. д. Всѣ эти знанія были пріобрѣтены Эмиліею играя, безъ малѣйшаго напряженія и вреднаго для организма сидѣнья. Вообще не имѣлось въ виду сдѣлать изъ нея ученую женщину, пренебрегающую женскими занятіями. Эмилія весьма часто и съ большимъ удовольствіемъ принималась помогать въ кухнѣ при изготовленіи пищи, сама накрывала дѣтскій столъ, держала въ порядкѣ и сохранности столовое бѣлье и другія порученныя ей вещи, и уже съ раннихъ поръ начала заниматься шитьемъ и вязаньемъ. Я пользовался,—продолжаетъ Вольке,—каждымъ удобнымъ случаемъ обратить вниманіе Эмиліи на величіе, благость и мудрость божію при созерцаніи природы. Благодаря этому, она весьма часто переносится мыслью къ Богу и благоговѣетъ предъ нимъ, какъ предъ крайне мудрымъ, крайне могущественнымъ и въ высшей степени милостивымъ отцомъ ея и всего остальнаго рода человѣческаго. Она радуется, видя молнію и слыша громъ, потому что признаетъ грозу и слѣдующій за нею дождь необходимымъ для насъ божескимъ благодѣяніемъ; ее радуютъ ловкость и человѣческія формы ея тѣла, радуетъ разумность ея души; радуютъ дождь, снѣгъ, вѣтеръ, ночной мракъ и подобныя явленія,—даже и въ то время, когда ей приходится отъ нихъ страдать. Видъ гусеницъ, пауковъ, мышей, змѣй и ящерицъ не пугаетъ ея и не внушаетъ ей отвращенія. Она никогда не испытывала страха къ привидѣніямъ и чорту, потому что ей не говорили, что они могутъ вредить человѣку. Ей кажутся лишь смѣшными, но отнюдь не страшными, нелѣпыя чертовскія изображенія. Хотя Эмилія говоритъ и судитъ о весьма многихъ вещахъ, но она никогда еще не злоупотребляла сообщенными ей свѣдѣніями о происхожденіи людей. Во второй половинѣ пятаго года, въ довольно короткое время, при двухъ часахъ занятій въ день, Эмилія выучилась бѣгло и правильно говорить по латыни, знала не менѣе 3000 латинскихъ словъ и могла отвѣчать по латыни свыше чѣмъ на 3000 вопросовъ [1]).

Воспитаніе знаменитаго экономиста Джона Стюарта Миля было еще поразительнѣе: онъ рѣшительно не помнилъ, когда началъ учиться греческому языку, но слышалъ отъ другихъ, что трехъ лѣтъ. Его первыя воспоминанія относятся къ заучиванію вокабулъ—длинныхъ списковъ греческихъ словъ съ англійскимъ переводомъ. Первой греческой книгой, прочтенной маленькимъ Милемъ, были—басни Езопа, но ихъ онъ едва помнилъ; гораздо яснѣе сохранилась въ его памяти вторая книга—«Отступленіе» Ксенофонта. Параллельно съ греческимъ языкомъ, Миль учился ариѳметикѣ и въ то же время читалъ греческихъ авторовъ. Къ семи го-

[1]) *Раумеръ*, „Исторія воспитанія и ученія“, т. II, стр. 443—448.

Digitized by Google

дамъ онъ прочиталъ всего Геродота, «Киропедію» Ксенофонта, Меморіи Сократа, нѣкоторыя изъ біографій древнихъ философовъ, часть сочиненій Луціана и Исократа. Латинскому языку Миль началъ учиться на восьмомъ году и къ 12 годамъ изъ латинскихъ произведеній прочиталъ Буколики Виргилія, первыя шесть книгъ Энеиды, почти всего Горація, первыя шесть книгъ Ливія, всего Саллюстія и другихъ авторовъ; параллельно онъ увеличивалъ свое знакомство съ греческими авторами. Въ то же время (до 12 л.) онъ основательно прошелъ элементарную геометрію и алгебру, и не основательно—дифференціальное исчисленіе и другіе отдѣлы высшей математики. Двѣнадцати лѣтъ Миль принялся за логику—по сочиненіямъ Аристотеля, Гоббса, нѣкоторыхъ схоластиковъ, изучалъ сочиненія Платона и до 14 л. успѣлъ еще обстоятельно ознакомиться съ политической экономіей по сочиненіямъ Рикардо, Адама Смита и объясненіямъ своего отца, которыя Миль долженъ былъ записывать. Эти записки послужили его отцу впослѣдствіи матеріаломъ для сочиненія: «Основы политической экономіи». Кромѣ всѣхъ этихъ занятій, Миль много прочиталъ серьезныхъ историческихъ сочиненій, путешествій, много составилъ компиляцій изъ прочитанныхъ книгъ и т. п. Самъ онъ такъ оцѣниваетъ результаты своего воспитанія: «благодаря раннему развитію моихъ умственныхъ способностей трудами отца, я выступилъ на жизненный путь, могу смѣло сказать, двадцатью пятью годами раньше моихъ сверстниковъ» [1]).

Подобные счастливые опыты весьма ранняго умственнаго развитія мальчиковъ и дѣвочекъ, не сопровождавшіеся никакими вредными слѣдствіями, естественно возбуждали вопросъ о томъ, нельзя ли и со всѣми дѣтьми поступать также, нельзя ли создать соотвѣтственную общую теорію первоначальнаго воспитанія? Такая теорія и была создана нѣмецкимъ педагогомъ Густавомъ Гауффе [2]). Онъ дѣлитъ первоначальное воспитаніе на два воспитательные періода: первый обнимаетъ два съ половиною года, второй—время отъ $2^1/_2$ лѣтъ до 6. Въ первое полугодіе жизни младенца, мать, лаская его и болтая съ нимъ, пробуждаетъ его къ духовной жизни и даетъ познаніе тона, простаго предмета и т. п. (Kenntiss des Tones, eines einfachen Gegenstandes). Болѣе серьезныя занятія матери съ дитятей начинаются во вторую половину перваго года и ведутся ежедневно въ назначенное для того время. Въ скобкахъ Гауффе упоминаетъ даже о расписаніи занятій—Stundenplan oder richtiger Minutenplan. Занятія матери съ ребенкомъ заключаются въ пока-

---

[1]) *Автобіографія Джона Стюарта Миля,* перев. съ англ. Спб. 1874 г. стр. 1—33.

[2]) *Gustav Hauffe*, „Entwickelungsgeschichte des menschlichen Geistes“. Leipzig, 1878. S. 615—650.

Digitized by Google

зываніи ребенку различныхъ предметовъ, въ запоминаніи названій этихъ предметовъ, ихъ дѣятельности и свойствъ. Такія занятія составляютъ первыя начала наглядnаго обученія. На изученіе языка обращается особенное вниманіе; надлежащими заботами усвоеніе языка можетъ быть значительно облегчено и ускорено. Всѣ эти занятія постоянно должны быть ведены съ напередъ обдуманною и намѣченною цѣлью.

Въ два съ половиною года начинается второй воспитательный періодъ. Въ началѣ этого періода продолжается наглядное обученіе и ведутся занятія по системѣ Фрёбеля; но особенное вниманіе обращается на изученіе иностранныхъ языковъ, такъ какъ для духовнаго и спеціально—научнаго образованія иностранные языки—самое главное дѣло. Поэтому, ихъ изученіе нужно начинать возможно раньше (möglichst frühzeitig). Когда дитяти будетъ около трехъ лѣтъ, тогда слѣдуетъ начать обученіе иностранному языку и вести эти занятія ежедневно, два раза въ день, каждый разъ отъ 5 до 10 минутъ времени. Число ежедневно изучаемыхъ вокабулъ должно быть опредѣлено напередъ и для начала достаточно одной вокабулинки, а затѣмъ мало по малу къ ней присоединятся вторая и третья. Нельзя сказать, чтобы это было слишкомъ много, а между тѣмъ къ шести годамъ дитя, считая, что оно будетъ выучивать въ день среднимъ числомъ отъ 3 до 5 вокабулъ, будетъ знать отъ 4,420 до 7,200 вокабулъ, такъ что во всѣхъ ихъ, по замѣчанію самого Гауффе, на этой ступени развитія даже нѣтъ и нужды. Изъ иностранныхъ языковъ Гауффе совѣтуетъ выбрать для занятій съ дѣтьми латинскій или итальянскій и только неохотно допускаетъ французскій. Способъ обученія долженъ быть таковъ же, какъ и роднаго языка. Къ шести годамъ нужно ознакомить дитя съ началами грамматики роднаго и выбраннаго иностраннаго языка, а въ шесть лѣтъ начать систематическое изученіе грамматики. Вскорѣ по окончаніи третьяго года можно начать обученіе еще двумъ предметамъ, которые весьма благотворно дѣйствуютъ на развитіе ума, очень интересны для дѣтей и доставляютъ имъ большое удовольствіе,—это именно исторія и географія или, такъ называемое, отечествовѣдѣніе. Гауффе проситъ своихъ читателей не ужасаться, что онъ дѣтей по четвертому году учитъ всеобщей исторіи. Дѣти чрезвычайно любятъ всякіе разсказы и «исторіи», и вотъ, для удовлетворенія этого запроса со стороны дѣтей, Гауффе и предлагаетъ разсказывать имъ о Геркулесѣ, циклопахъ, Полиѳемѣ, о разрушеніи Трои, объ Одиссеѣ, Александрѣ Македонскомъ, Солонѣ, Сократѣ, Карлѣ Великомъ, Генрихѣ, о великомъ Наполеонѣ и старомъ Фрицѣ. Матеріалъ для выбора весьма обширонъ и обиленъ. Такое раннее введеніе дѣтей во всеобщую исторію прекрасно подготовляетъ къ изученію ея въ позднѣйшее время.

Географія, при занятіяхъ съ четырехлѣтними дѣтьми, состоитъ въ

Digitized by Google

ознакомленіи, прежде всего, съ комнатой—дѣтской, школьной, съ квартирой, а потомъ со дворомъ, улицей, площадями, городомъ. Наглядным путемъ дѣти учатся при этомъ чертить планы.—Въ счетѣ ранѣе шести лѣтъ далеко уходить не слѣдуетъ, — достаточно ограничиться первыми 10 числами. Но въ этихъ предѣлахъ дитя должно научиться прекрасно оперировать съ числами — складывать, вычитать, умножать, дѣлить. Особенное вниманіе Гауффе совѣтуетъ обратить на упражненія съ единицей по всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ: «это очень важно», замѣчаетъ онъ. Въ это же время наглядным путемъ нужно подготовить и къ изученію дробей. Изъ геометріи дитя наглядным образомъ учится элементамъ, а къ 6 годамъ можетъ прекрасно понимать доказательства первыхъ двухъ положеній равенства и отчасти ихъ приложеніе, а къ 8 годамъ можетъ отлично доказывать пиѳагорову теорему и, разумѣется, всѣ предшествующія положенія. Въ тотъ же воспитательный періодъ, до 6 лѣтъ, нужно начать ознакомленіе дитяти и съ естествовѣдѣніемъ. Объемъ этой отрасли научныхъ изслѣдованій увеличивается ежедневно и нужно рано ознакомиться съ нею, если человѣкъ хочетъ сдѣлать что нибудь въ этой отрасли. Ознакомленіе должно быть наглядное. Болѣе подробно говоритъ Гауффе о сообщеніи знаній по физикѣ; его программа довольно широка, въ нее входятъ, между прочимъ, свѣдѣнія о паденіи тѣлъ, о центрѣ тяжести, о точкѣ опоры, о рычагѣ, о магнитѣ, объ электричествѣ.—Довольно рано Гауффе предлагаетъ учить и музыкѣ: по четвертому году и послѣ необходимой подготовки, дитяти можно дать въ руки маленькую скрипку и вести систематическія музыкальныя упражненія.

Вообще, «чему же должно дитя выучиться къ шести годамъ?» спрашиваетъ Гауффе и отвѣчаетъ: «Элементамъ всего того, что̀ юношество изучаетъ въ позднѣйшемъ возрастѣ» (610).

При изложенныхъ опытахъ ранняго умственнаго развитія дѣтей и соотвѣтственной имъ теоріи первоначальнаго воспитанія, что̀ имѣлось въ виду—настоящее или будущее дѣтей? Какія ихъ свойства затрогивались прямо и непосредственно: спеціально принадлежащія дѣтству, отпадающія вмѣстѣ съ нимъ, или переходящія въ другіе возрасты? Отвѣтъ слишкомъ ясенъ и не допускаетъ ни малѣйшаго колебанія: имѣлось постоянно въ виду будущее дѣтей, а не настоящее; затрогивались такія свойства, которыя переходятъ въ другіе возрасты и тамъ достигаютъ полнаго развитія: память, способность мышленія, начала размѣреннаго, обдуманнаго способа дѣйствій во всемъ. Къ чему дѣтямъ по четвертому году греческій, латинскій языки, на что̀ имъ въ дѣтствѣ вся прочая мудрость?

Но это дѣлается въ до-школьномъ воспитаніи. Развитіе какихъ свойствъ имѣетъ въ виду школьное образованіе? Тѣхъ же самыхъ.

Digitized by Google

Школа прилагаетъ всевозможныя усилія къ тому, чтобы вызвать скорѣйшую, раннюю умственную зрѣлость образуемыхъ, зрѣлость серьезную, основательную. Главнѣйшее средство у школы для достиженія указанной цѣли—вовлеченіе учащагося съ перваго шага въ отвлеченную сферу мысли, устраненіе отъ его ума наглядныхъ фактовъ, требованіе, чтобы въ сферѣ отвлеченностей учащійся былъ какъ дома. Важнѣйшіе предметы занятій въ школѣ суть грамматики нѣсколькихъ языковъ и математика. На эти предметы отводится львиная доля школьнаго учебнаго времени, а между тѣмъ упомянутые предметы совершенно отвлеченны, они сразу уносятъ учащагося въ далекій отъ повседневности міръ абстрактовъ. Другіе предметы школьнаго курса также больше имѣютъ въ виду будущее образуемыхъ, чѣмъ ихъ настоящее; дѣтей учатъ не столько тому, что имъ интересно и полезно знать въ данномъ возрастѣ, сколько тому, что взрослые находятъ нужнымъ сообщать имъ въ видахъ ихъ будущей пользы. Смысла и пользы нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ учащіеся совсѣмъ даже не могутъ понять. 13—14-лѣтній мальчикъ изучаетъ, напр., всеобщую исторію, т. е. исторію прогресса цѣлаго человѣчества, исторію международныхъ отношеній и вліяній. Онъ нисколько не интересуется и не понимаетъ хода своего личнаго развитія, а ему говорятъ о развитіи всего человѣчества; онъ не знаетъ и не интересуется знать, какъ управляется народъ, къ которому онъ принадлежитъ, какъ управляется городъ, школу котораго онъ посѣщаетъ, а ему говорятъ о государственномъ устройствѣ Персіи, Аѳинъ, Спарты, разныхъ законодателяхъ и пр.; онъ, безъ помощи школьной инструкціи, никакъ не можетъ еще опредѣлить правильно своихъ отношеній къ товарищамъ по классу, а ему говорятъ о международныхъ отношеніяхъ. Въ какомъ же видѣ будетъ укладываться въ его головѣ всеобщая исторія?

Въ виду того, что школьный курсъ далеко не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ и свойствамъ возрастовъ, онъ, собственно говоря, не влечетъ ранней умственной зрѣлости, по крайней мѣрѣ, у большинства, а влечетъ усвоеніе сообщаемыхъ свѣдѣній преимущественно памятью. Кромѣ недостаточнаго соотвѣтствія курса свойствамъ возрастовъ, это явленіе обусловливается еще и тѣмъ, что въ школахъ обязательно пріобрѣсть извѣстный запасъ знаній въ напередъ опредѣленный срокъ, и потому нерѣдко приходится очень спѣшить, чтобы выполнить программу. Испытанія же происходятъ, главнымъ образомъ, относительно качествъ запоминанія—знаетъ или не знаетъ, точно знаетъ, твердо, обстоятельно или слабо, съ пробѣлами. Насколько учащійся овладѣлъ выученными свѣдѣніями, пріучился мыслить въ сферѣ извѣстной науки, понялъ духъ ея методовъ, ея особенный своеобразный характеръ по сравненію съ другими науками—объ этомъ почти никогда не спрашиваютъ. Потому-

Digitized by Google

то школьное образованіе въ его настоящемъ видѣ есть преимущественно упражненіе въ усвоеніи,—обогащеніе памяти.

Что въ обученіи память, то въ нравственномъ школьномъ образованіи—дисциплина. Дисциплина считается высшею школьною добродѣтелью: постоянно внушается учащимся, чтобы они слушались родителей, учителей, воспитателей, подчинялись правиламъ семейнаго порядка и школьнаго, вѣжливо и почтительно относились къ постороннимъ и особенно старшимъ; на улицахъ и прогулкахъ вели себя скромно, платье свое держали въ порядкѣ и пр. и пр. Соотвѣтствующее дисциплинарнымъ требованіямъ, хорошее поведеніе считается самымъ главнымъ достоинствомъ учащагося. А между тѣмъ дисциплину нельзя отожествлять съ нравственностью, — нравственность несравненно тоньше, обширнѣе и глубже дисциплины: она никогда не мирится съ дисциплиною, приходитъ съ ней въ столкновеніе, въ противорѣчіе. Только отчасти пріученіемъ къ дисциплинѣ воспитывается нравственное чувство.

Такимъ образомъ, развитіе хорошаго запоминанія, съ нѣкоторою примѣсью сообразительности, и дисциплины съ нѣкоторою примѣсью нравственнаго чувства,—составляетъ краеугольный камень современнаго школьнаго образованія. И школа, съ усердіемъ и настойчивостью развивая упомянутыя свойства, имѣетъ въ виду будущее учащихся, и въ достаточной мѣрѣ служитъ этому будущему. Куда годится взрослый недисциплинированный человѣкъ, не умѣющій ладить съ людьми и обстоятельствами, не умѣющій примѣняться, приспособляться и подчиняться? Недисциплинированность для громаднаго большинства родителей и воспитателей есть величайшее зло въ воспитаніи и величайшій недостатокъ въ личности, хуже безнравственности. Точно также въ будущемъ, т. е. въ жизни, бываютъ очень нужны люди не только исполнительные, дисциплинированные, но и съ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ, памятливые и съ нѣкоторою дозою сообразительности. Спросъ на людей съ большою сообразительностью бываетъ меньше, чѣмъ на людей умѣренной мыслительной силы, но съ достаточно снабженною памятью. Такимъ образомъ, требованія будущаго опредѣляютъ, что и въ до-школьномъ воспитаніи и въ школьномъ образованіи родителями и воспитателями съ особою заботливостью культивируются въ дѣтяхъ такія свойства, которыя не исчезаютъ съ дѣтствомъ, но переходятъ въ слѣдующіе возрасты и даже будутъ нужны человѣку во всю его жизнь.

Что же дѣлается съ тѣми свойствами, которыя не переходятъ въ слѣдующіе возрасты, а отпадаютъ съ переживаніемъ дѣтства и юности, какъ къ нимъ относятся родители, воспитатели и вообще взрослые люди? Взрослые смотрятъ на специфическія свойства раннихъ возрастовъ свысока; все это—нѣчто несовершенное, незрѣлое, малоцѣнное. Молодо—

Digitized by Google

зелено. Дѣти и юноши—умственные и нравственные недоросли, несовершенныя существа; все, спеціально имъ присущее, характерное, нужно поскорѣе вытѣснить и замѣнить нашимъ, взрослымъ. Каждый возрастъ имѣетъ свои особенные взгляды, вкусы, свою манеру думать и говорить, свои понятія о прекрасномъ и нравственномъ; каждый возрастъ имѣетъ свою логику, свою религію, свою эстетику, свою мораль. Въ каждомъ возрастѣ человѣкъ есть настоящій, цѣльный человѣкъ, своеобразный, а не только ступень развитія на пути къ настоящему полному человѣку. Но мы, взрослые, мало цѣнимъ особенности мысли и чувства дѣтей и юношей, мало уважаемъ ихъ своеобразную личность; мы упорно стараемся привить имъ наши взгляды и вкусы, нашу манеру думать и поступать, нашу религію, нашу эстетику. Мы увѣрены въ своемъ превосходствѣ и требуемъ подчиненія себѣ; мы часто смѣемся надъ дѣтскимъ простодушіемъ и довѣрчивостью, удивляемся юношескому жару и увлеченію,—все это странно, все это не такъ, не хорошо, потому что мы, взрослые, думаемъ и дѣйствуемъ иначе. Мы даемъ себѣ даже мало труда понять особенности дѣтства и юности, войти въ характеръ мысли и чувства пережитыхъ возрастовъ, выяснить себѣ, что̀ естественно, что̀ необходимо въ этихъ возрастахъ. Къ чему? Вѣдь все дѣтское и юношеское пройдетъ, отпадетъ съ возрастомъ, останутся только свойства, переходящія въ другіе возрасты. И взрослые не церемонятся съ дѣтьми и юношами, насколько именно они—дѣти и юноши; они позволяютъ имъ оставаться вполнѣ самими собой, жить полною жизнью возрастовъ только въ часы отдыха, а во все прочее время только приготовляютъ ихъ къ чему-то въ будущемъ.

Спеціальныя свойства воспитательныхъ возрастовъ нерѣдко прямо объявляются недостатками, съ ними ведется борьба, ихъ пытаются истребить. Давно ли дѣтскую подвижность, рѣзвость, неподдѣльность перестали считать дѣтскими недостатками, давно ли перестали преслѣдовать дѣтей за эти свойства, да и вездѣ ли перестали? Не внушается ли и теперь дѣтямъ, особенно дѣвочкамъ, что они постоянно должны быть zierlich, manierlich, ganz accurat? И многія психическія дѣтскія свойства, напр., малая способность сосредоточивать вниманіе, торопливость въ сужденіи, безцеремонное заявленіе своихъ вкусовъ, желаній и др., не считаются ли доселѣ недостатками, подлежащими искорененію и замѣнѣ качествами болѣе почтенными и солидными? Борьба ведется систематически и противъ существенныхъ свойствъ возрастовъ, и противъ сравнительно неважныхъ ихъ обнаруженій. Вотъ одинъ мелкій, но характерный фактъ: въ одномъ пансіонѣ маленькія дѣти имѣли обычай такъ здороваться съ своей учительницей: завидѣвъ ее, они бѣжали къ ней, обнимали, хватали за платье, садились къ ней на колѣни, разсматривали принесенныя ею книги и т. п. Спустя нѣкоторое время,

Digitized by Google

учительница стала замѣчать, что дѣти относятся къ ней при встрѣчахъ сдержаннѣе, холоднѣе; прежней дѣтской простоты и задушевности нѣтъ, и—дѣло закончилось тѣмъ, что дѣти стали при встрѣчахъ съ своею учительницею раскланиваться вполнѣ чинно: дѣвочки дѣлали книксены, а мальчики шаркали ножкой. По разслѣдованіи обстоятельствъ, вызвавшихъ эту перемѣну, оказалось, что воспитательница долго и настоятельно внушала дѣтямъ, что такъ здороваться, какъ они здороваются съ учительницею, нельзя, невѣжливо; что благовоспитанные мальчики и дѣвочки такъ не дѣлаютъ, а при встрѣчахъ шаркаютъ ножкой и дѣлаютъ книксены. Мало по малу дѣтскій способъ привѣтствія, опредѣлявшійся всѣмъ психическимъ складомъ дитяти, былъ вытѣсненъ, какъ нехорошій, грубый, и замѣненъ другимъ, признаннымъ у взрослыхъ очень деликатнымъ и изящнымъ.

Одинъ изъ самыхъ видныхъ и характерныхъ фактовъ, вполнѣ отчетливо обнаруживающихъ пренебрежительное отношеніе взрослыхъ къ чисто дѣтскимъ свойствамъ, это—трактованіе взрослыми дѣтскихъ игръ. Давнымъ давно признано важное значеніе дѣтскихъ игръ: въ практикѣ семейнаго воспитанія играмъ всегда отводилось болѣе или менѣе видное мѣсто, даже у дикарей дѣти воспитываются путемъ игръ. У нѣкоторыхъ образованныхъ народовъ игры были въ особенномъ почетѣ, напр., у грековъ. Педагогическая теорія, начиная съ Платона, постоянно указывала на важное значеніе дѣтскихъ игръ и пыталась выяснить разнообразное и глубокое значеніе игры для правильнаго развитія дѣтей. Казалось бы, можно ожидать послѣ этого, что игры займутъ видное мѣсто въ учебно-образовательныхъ заведеніяхъ, что взрослые не упустятъ изъ виду такую характерную черту дѣтства и отрочества, какъ любовь къ игрѣ. Что же оказывается на дѣлѣ?

Фактъ налицо: въ Европѣ, кромѣ англійскихъ школъ, едва ли много можно указать такихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, въ которыхъ игры составляли бы сколько нибудь замѣтную часть воспитательно-образовательной системы. Все находитъ защитниковъ и покровителей, все хотятъ ввести въ школьный курсъ: и науки всякія, и языки, и стенографію, и ручной трудъ, и музыку, и гигіену; только злосчастныя игры находятъ мало защитниковъ. Игры не преслѣдуются, не запрещаются, ихъ—терпятъ... Пусть дѣти играютъ, если свободны, если не будутъ очень шумѣть, если позволитъ еще тысяча другихъ условій. Но часто при заведеніяхъ нѣтъ ни достаточнаго мѣста для игръ, ни орудій, и о благопріятной обстановкѣ игръ никто не заботится. Зато выдумали гимнастику и нѣкоторые думаютъ даже замѣнить ею игры, которыя, видите ли, недостаточно развиваютъ организмъ, упражняютъ не всѣ группы мускуловъ; гимнастика—разностороннѣе. Тѣмъ не менѣе, уроки гимнастики обыкновенно бываютъ довольно однообразны, проходятъ вяло, безъ одушевленія;

Digitized by Google

на первыхъ порахъ дѣти очень забавляются, когда ихъ заставляютъ махать руками, изгибаться, повертываться, но потомъ, при повтореніи всѣхъ этихъ упражненій, они скучаютъ. Игры же чрезвычайно богаты внутреннимъ психическимъ содержаніемъ, онѣ подчасъ бываютъ драматичны и обыкновенно увлекаютъ дѣтей. Не смотря на это, гимнастика составляетъ всюду обязательный предметъ, ей въ скромныхъ школахъ удѣляютъ цѣлые часы, школа безъ гимнастики считается отсталой; а играмъ въ образовательныхъ программахъ нѣтъ мѣста и это считается нормальнымъ. Гимнастика выдумана взрослыми и приложима прежде всего ко взрослымъ; игры выдуманы дѣтьми и приложимы прежде всего къ дѣтямъ. Но взрослые хотятъ отнять у дѣтей ихъ игры и навязать свою гимнастику.

Вообще прелесть дѣтства, отрочества, юности цѣнится зрѣлыми людьми мало; взрослые желаютъ, чтобы ихъ дѣти поскорѣе пережили эти возрасты и перешли въ слѣдующій. Глядя на грудного ребенка, родители желаютъ, чтобы онъ поскорѣе подросъ и началъ ходить; 4—5 лѣтнихъ начинаютъ усердно готовить къ школѣ и обуздывать пустое будто бы ребячество дѣтей, не хотящихъ и думать о школѣ; въ школахъ дѣтямъ и юношамъ упорно прививаютъ мудрость и мораль взрослыхъ. Подъ этими давленіями, мальчики и дѣвочки такъ хорошо развиваются, что наконецъ сами желаютъ поскорѣе перейти въ слѣдующій возрастъ, чувствуютъ нѣкоторый стыдъ за свою юность. Взрослые какъ бы говорятъ дѣтямъ: изъ васъ будетъ то-то и вамъ будутъ нужны въ будущемъ, въ жизни, такія-то свойства. Имѣющіеся у васъ задатки этихъ свойствъ мы и будемъ развивать; что же касается всѣхъ прочихъ свойствъ, которыя составляютъ спеціальную принадлежность дѣтства и юности и которыя въ слѣдующіе возрасты не перейдутъ,—то они не нужны, да это и не свойства, а недостатки, препятствія на пути развитія. Ихъ нужно уничтожить и замѣнить, по возможности, свойствами взрослаго человѣка. И вотъ на почвѣ такихъ-то взглядовъ создаются системы первоначальнаго воспитанія, организуются учебно-воспитательныя заведенія, составляется учебный курсъ, опредѣляются пріемы нравственнаго, эстетическаго и всякаго инаго образованія. Дѣти стиснуты, сдавлены, они заключены въ придуманную взрослыми форму, не позволяющую свободно развернуться дѣтской природѣ, раскрыться всѣмъ свойствамъ возраста. Воспитаніе является нынѣ не всестороннимъ, какъ объ этомъ говорятъ на томъ основаніи, что дѣтей учатъ и наукамъ, и языкамъ, и музыкѣ, и ручному труду, а весьма одностороннимъ и узенькимъ, такъ какъ большинство свойствъ воспитанниковъ игнорируется, выбрасывается, уничтожается, а меньшинство культивируется. Младшіе возрасты не представляются цѣнными сами по себѣ, но цѣнятся только по своему подготовительному характеру къ слѣдующимъ; они—ступеньки,

Digitized by Google

чтобы взобраться наверхъ и, чѣмъ скорѣе пробѣгаются, тѣмъ лучше. Человѣкъ спѣшитъ отъ настоящаго къ будущему, не пользуется достаточно настоящимъ и гонитъ все впередъ. Достигъ человѣкъ старости, и тутъ подготовка еще не кончилась; говорятъ: готовься къ переходу въ новую безконечную жизнь, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. И такъ всю жизнь человѣкъ только «готовится жить» и никогда надлежащимъ образомъ не живетъ.

II.

Справедливо ли при воспитаніи игнорировать спеціальныя свойства возрастовъ? Благоразумно ли сосредоточивать всѣ усилія на развитіи переходящихъ свойствъ возрастовъ?

Первые возрасты въ жизни человѣка,—скажутъ нѣкоторые,—суть во всякомъ случаѣ подготовительные возрасты; дѣти выростутъ, станутъ большими, настоящими людьми. Понятно, и воспитаніе нужно поставить такъ, чтобы дѣти превратились позднѣе въ хорошихъ взрослыхъ людей, нужно развивать соотвѣтственныя этой цѣли свойства, т. е. переходящія изъ дѣтства и юности въ зрѣлый возрастъ, а не отпадающія вмѣстѣ съ первыми періодами жизни человѣка. Нельзя же охранять, развивать и укрѣплять чисто дѣтскія свойства, напр., несовершенную дѣтскую мораль, непониманіе явленій природы, дѣтскую пугливость и пр.,—это можетъ иногда причинять страданіе дѣтямъ, да и безполезно въ томъ отношеніи, что спеціальныя свойства возрастовъ все равно исчезнутъ съ лѣтами. Поэтому, совершенно естественно и законно, что воспитатели—одни свойства въ дѣтяхъ и юношахъ развиваютъ и укрѣпляютъ, а другія игнорируютъ или уничтожаютъ и на ихъ мѣсто насаждаютъ новыя. Такъ и должно дѣлать, поступать иначе—значитъ вредить и обществу, дѣятелями котораго со временемъ будутъ дѣти, и самимъ дѣтямъ, какъ будущимъ дѣятелямъ, ихъ счастью и благополучію.

При обсужденіи отношеній воспитателя къ тѣмъ свойствамъ дѣтства и юности, которыя не переходятъ въ слѣдующіе возрасты, прежде всего, весьма важно установить правильную точку зрѣнія на эти свойства, именно: нужно имѣть въ виду, что дѣло касается *свойствъ* возрастовъ, а не *недостатковъ*. Недостатки не необходимы, свойства же неизбѣжны, пока существуетъ опредѣленный типъ человѣческой организаціи; недостатокъ есть нѣчто искусственное, привитое, несвязанное органически съ человѣкомъ; свойство же—вполнѣ естественное и органическое явленіе; съ недостатками можно и должно бороться въ надеждѣ на успѣхъ, со свойствами же безполезно бороться,—они постоянно будутъ существо-

Digitized by Google

вать, такъ какъ невозможно истребить причину, обусловливающую ихъ существованіе. Свойства дѣтства, непріятныя намъ въ какомъ либо отношеніи, можно радикально уничтожить только однимъ путемъ—обождавъ, пока дитя подростетъ и сдѣлается юношей. Но тогда свойство уничтожится само собой и замѣнится новымъ, соотвѣтственнымъ новому возрасту. Свойства возрастовъ суть послѣдовательныя формы и видоизмѣненія основныхъ существенныхъ свойствъ человѣческой природы. Когда вступаютъ въ борьбу съ какимъ либо непріятнымъ свойствомъ дѣтства или юности, то непріятное свойство принимаютъ за недостатокъ. Недостатки есть у дѣтей—индивидуальные и семейные; послѣдніе бываютъ наслѣдственными, но ихъ не нужно смѣшивать со свойствами возрастовъ. Понятіе о недостаткахъ дѣтства и юности возникаетъ путемъ сравненія различныхъ возрастовъ: сопоставляя свойства различныхъ возрастовъ, мы находимъ между ними пріятныя намъ, нравящіяся, и непріятныя. Непріятныя, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, зачисляются въ недостатки и съ ними начинается борьба. При этомъ сравнительномъ взвѣшиваніи свойствъ, мы обыкновенно бываемъ весьма пристрастны къ свойствамъ переживаемаго возраста и легко поддаемся смѣшнымъ увлеченіямъ: намъ, возмужалымъ людямъ, нравятся свойства нашего возраста и, видя отсутствіе ихъ въ дѣтяхъ и юношахъ, мы желаемъ, чтобы эти свойства были и въ нихъ, совершенно забывая, что это—свойства зрѣлаго возраста и, слѣдовательно, никакимъ образомъ не могутъ быть достояніемъ дѣтства и юности. Мы забываемъ, что дѣти и юноши находятъ наши свойства, т. е. зрѣлыхъ людей, также невполнѣ хорошими и не прочь были бы видѣть ихъ измѣненными сообразно свойствамъ дѣтства и юности. А старикъ думаетъ по своему и готовъ былъ бы нѣкоторыя старческія свойства, весьма хорошія и цѣнныя съ его точки зрѣнія, привить всѣмъ другимъ возрастамъ. Кто правъ здѣсь, кто неправъ? Очевидно, исходная точка зрѣнія неправильна: странно признавать такія свойства извѣстнаго возраста недостатками, потому что въ другомъ возрастѣ есть другія лучшія свойства. Свойства возрастовъ—необходимые атрибуты этихъ возрастовъ, и, отъ зачисленія ихъ въ недостатки, неизбѣжная природа свойствъ нисколько не измѣнится: искоренить свойства возраста, пока человѣкъ находится въ переживаемомъ періодѣ, невозможно. Конечно, укрѣплять и развивать, безъ выбора, всѣ дѣтскія и юношескія свойства не слѣдуетъ, (напр., дѣтскую пугливость, дѣтскій эгоизмъ и др., причиняющія страданіе или самимъ дѣтямъ, или окружающимъ ихъ лицамъ); но ослаблять ихъ возможно только постепенно, путемъ развитія и укрѣпленія соотвѣтственныхъ сторонъ духа и тѣла воспитываемыхъ.

Что же касается такихъ свойствъ дѣтства и юности, которыя не только никому не причиняютъ страданій, но служатъ источникомъ жиз-

Digitized by Google

нерадостнаго и веселаго настроенія дѣтей и юношей,—то, хотя бы эти свойства почему либо и не нравились взрослымъ, а позднѣе не оказались нужными и самимъ воспитываемымъ, всецѣло отпавъ съ извѣстнымъ возрастомъ, они должны получить полный просторъ; объ ихъ развитіи, о достиженіи ими возможной силы и энергіи слѣдуетъ заботиться. Полнота дѣтской и юношеской жизни, ея веселый приподнятый тонъ, ея свѣжесть и очаровательность зависятъ именно отъ непереходящихъ свойствъ возрастовъ, а не отъ памяти и дисциплины. Препятствовать развитію чисто дѣтскихъ и юношескихъ свойствъ — значитъ надѣвать оковы, узду на юношескую жизнь, сокращать и ослаблять ее, дѣлать самые свѣтлые и радостные возрасты—монотонными, вялыми. Это значитъ, какъ бы, сказать воспитываемому: ты заглуши, задави бо́льшую часть природныхъ свойствъ, ты умри на три четверти своего существа, а живи только одной четвертью, живи не дитятей, не юношей, не такъ, какъ велитъ тебѣ твой возрастъ, твоя природа, а какимъ-то маленькимъ взрослымъ человѣкомъ, которому дѣтство неприлично и зазорно; живи такимъ, какимъ нравится видѣть тебя мнѣ, взрослому человѣку. Но такое отношеніе къ дѣтямъ превращаетъ настоящихъ дѣтей въ какія-то маленькія поддѣлки подъ большаго человѣка, во что-то искусственное, изъ чего вынуты настоящія душа, жизнь, а оставлено нѣчто такое, съ чѣмъ дитя становится непохожимъ на дитя, не самимъ собою, а фальсификаціей взрослаго человѣка. Кто же и какія права имѣетъ такъ поступать съ дѣтьми? Неужели такъ относиться къ дѣтямъ — значитъ поступать гуманно и по христіански? Неужели такое воспитаніе—естественно, всесторонне и приноситъ несомнѣнную пользу самому воспитываемому и всему обществу?

Подавленіе спеціально дѣтскихъ и юношескихъ свойствъ для будущей пользы самого питомца и общества неудобно и въ виду статистическихъ данныхъ о смертности: болѣе половины рождающихся умираетъ, не достигнувъ зрѣлаго возраста. По таблицѣ возрастовъ, составленной академикомъ Буняковскимъ для десятитысячнаго мужскаго православнаго населенія Россійской имперіи за 1862 г., приходится умирающихъ: въ возрастѣ до году—377 лицъ, 4—5 лѣтъ—272 лица, 7—8 лѣтъ—242 лица, 9—10 лѣтъ—229 лицъ, 14—15 лѣтъ—211 лицъ, 19—20 лѣтъ—197 лицъ, 24—25 лѣтъ—174 лица, 29—30 лѣтъ—150 лицъ. Буняковскій же сдѣлалъ два вычисленія смертности лицъ мужскаго пола въ Россіи по годамъ, одно на основаніи итоговъ умершихъ въ 1862 г., при нормѣ 1000 годовыхъ рожденій, и другое—при той же нормѣ, на основаніи среднихъ итоговъ умершихъ въ восьмилѣтній періодъ 1863—1870 гг. Результатъ этихъ двухъ вычисленій нѣсколько различенъ, но немного. Вотъ нѣкоторыя данныя изъ перваго вычисленія: изъ тысячи родившихся мальчиковъ къ году остается въ живыхъ 735, а къ 5 годамъ 593;

Digitized by Google

умершихъ же къ этому времени 407; къ 10 годамъ изъ тысячи родившихся остается 556, умершихъ 444; къ 15 годамъ живыхъ 538, умершихъ 462; къ 20 годамъ—живыхъ 519, умершихъ 481; къ 25 годамъ—живыхъ 497, умершихъ 503; къ 30 годамъ—живыхъ 472, умершихъ 528 [1]).

Такимъ образомъ, къ наступленію зрѣлаго возраста, если считать его начало съ 30 лѣтъ, болѣе половины рождающихся мальчиковъ умираетъ. Конечно, самое большое число дѣтей умираетъ въ первые годы жизни, когда воспитательныя вліянія преимущественно ограничиваются физическимъ уходомъ за ребенкомъ; но лѣтъ съ трехъ воспитаніе начинаетъ давать себя чувствовать и особенно усиливается лѣтъ съ пяти. А между тѣмъ, изъ числа 638 трехлѣтнихъ мальчиковъ достигаетъ 30-лѣтняго возраста только 472; т. е. между тремя и 30 годами умираетъ *166 изъ тысячи* родившихся мальчиковъ; изъ числа 593 пятилѣтнихъ мальчиковъ достигаетъ 30-лѣтняго возраста 472, т. е., между 5 и 30 годами умираетъ *121 изъ тысячи* родившихся мальчиковъ; изъ числа 574 семилѣтнихъ мальчиковъ достигаетъ 30-лѣтняго возраста 472, т. е. между 7 и 30 годами *умираетъ 102 изъ тысячи* родившихся мальчиковъ. И такую-то массу дѣтей и юношей, умирающихъ въ воспитательные возрасты, ранѣе 30 лѣтъ, зажимаютъ въ воспитательные тиски, чтобы сдѣлать ихъ жизнь счастливою *послѣ 30-лѣтняго возраста*, а, кстати, осчастливить ихъ высокопросвѣщенною дѣятельностью и общество! Не слишкомъ ли уже это далекій и невѣрный разсчетъ? А вычисленія Буняковскаго подтверждаются и другими данными: изъ офиціальныхъ фактовъ относительно призыва къ исполненію воинской повинности, сообщенныхъ въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ», видно, что среднее число оставшихся въ живыхъ мальчиковъ, чрезъ 20 лѣтъ по рожденіи, составляетъ 45,54% , а по отчетамъ медицинскаго департамента—49,1% (*Рабиновичъ*, 334—335).

По поводу этихъ статистическихъ данныхъ, мы не можемъ не привести одного мѣста изъ «Эмиля» Руссо. Напомнивъ своимъ читателямъ, что нѣтъ ничего менѣе вѣрнаго, какъ продолжительность жизни каждаго человѣка въ частности; что едва половина всѣхъ рождающихся дѣтей достигаетъ отрочества и весьма вѣроятно, что данный воспитанникъ не доживетъ до возмужалости, Руссо продолжаетъ: «какъ же назвать варварское воспитаніе, которое настоящее приноситъ въ жертву будущему, налагаетъ на ребенка всевозможныя оковы и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ его несчастнымъ, съ цѣлью приготовить вдали какое-то воображаемое счастье, которымъ онъ, вѣроятно, никогда не воспользуется? Еслибъ даже я считалъ это воспитаніе разумнымъ по своей цѣли,

1) «Антропобіологическія изслѣдованія» *Буняковскаго*. Спб. 1874 г., стр. 105, 152; *Рабиновичъ*, «Статистическіе этюды», Спб., 1886 г., стр. 288.

Digitized by Google

то можно ли безъ негодованія смотрѣть на несчастныя жертвы, подчиненныя нестерпимому игу и осужденныя на каторжный трудъ, безъ увѣренности, чтобы всѣ эти заботы были когда либо полезны имъ? Лѣта веселья проходятъ въ слезахъ, наказаніяхъ, въ страхѣ и рабствѣ. Несчастнаго мучатъ для его пользы и не видятъ смерти, которую призываютъ и которая поразитъ его въ этой грустной обстановкѣ. Кто знаетъ, сколько дѣтей погибаетъ жертвою сумасбродной мудрости отца или наставника? Единственное благо, извлекаемое ими изъ вынесенныхъ страданій—смерть безъ сожалѣній о жизни, въ которой они знали одну только му́ку». (Стр. 16 по русск. перев., изд. *Тиблена*).

Сосредоточеніе воспитательныхъ заботъ преимущественно на тѣхъ свойствахъ, которыя переходятъ въ слѣдующіе возрасты, безъ параллельнаго развитія всѣхъ прочихъ, сопровождается часто существенно-неудобными послѣдствіями: развитіе воспитываемыхъ становится искусственно—скороспѣлымъ, форсированнымъ, обгоняющимъ возрастъ; воспитываемый не имѣетъ возможности пережить надлежащимъ образомъ жизненныя впечатлѣнія, которыя несутъ съ собою смѣняющіеся возрасты. Дитя смотритъ отрокомъ, отрокъ судитъ и рядитъ обо всемъ со смѣлостью юноши, а юноша уже вкусилъ отъ всякихъ древъ познанія добра и зла и быстро теряетъ интересъ къ жизни, пресыщается, разочаровывается. Онъ все видѣлъ, все испыталъ, ничто не манитъ его впереди. Такой человѣкъ никогда не жилъ настоящею человѣческою жизнью, всѣ возрасты у него перемѣшались отъ стремленія его воспитателей создать раннюю зрѣлость; его насильно перетаскивали изъ возраста въ возрастъ, изъ него постоянно фабриковали не то, чѣмъ по природѣ ему слѣдовало быть, у него пробуждали искусственныя потребности, выращивали несоотвѣтственныя возрасту способности. Такіе люди—искалѣченныя и несчастныя существа, они выростаютъ не для блага общества и не на радость самимъ себѣ. Имъ лично бываетъ тяжело жить, а въ обществѣ они—полумертвые члены, дряблые, безъ энергіи, равнодушные, ото всего скучающіе, брюзжащіе на весь міръ. Ничто имъ не мило. Вотъ два частные факта для разъясненія выеказанныхъ общихъ положеній.

Старшій мальчикъ Боголюбовой, разсказываетъ одна наблюдательница [1]), показался мнѣ несовсѣмъ здоровымъ, тщедушнымъ, съ лицомъ блѣднымъ, съ задумчивыми, очень красивыми глазами; общее выраженіе—сосредоточенное, совсѣмъ не дѣтское, а человѣка взрослаго, успѣвшаго пожить и подумать. Мать его особенно заботилась о томъ, чтобы сынъ вдумчиво, серьезно относился къ окружающему міру, отдавалъ отчетъ во внутреннемъ смыслѣ явленій, и она очень гордилась тѣмъ, что у ея сына былъ серьезный складъ ума, серьезный взглядъ на

[1]) «Картинки домашняго воспитанія», *А—вой*. Спб. 1879 г., стр. 58—65.

Digitized by Google

вещи. Наблюдательница подсѣла къ мальчику. «Вы также вчера были на парадѣ съ мамой и Климовыми?» спросила я.—«Да, проходили мимо», безучастно отвѣчалъ мальчикъ.—«Какъ вамъ понравилось?»—«Что?»—«Парадъ».—Онъ улыбнулся нѣсколько снисходительно и ничего не отвѣчалъ, а только посмотрѣлъ мнѣ во всѣ глаза.—«Что же тамъ можетъ нравиться?» произнесъ онъ, въ свою очередь, серьезно.—«Какъ что: да вѣдь все это очень красиво!»—«Не знаю, какъ вамъ», и онъ опять улыбнулся, но грустно.—«Ну, а какъ вамъ нравится Петербургъ? Вы вѣдь первый разъ въ Петербургѣ?»—«Первый».—«Ну, что же, хорошъ онъ?»—«Деревня лучше».—«Это отчего?»—«Шумно такъ, толкотня, никто ничего не дѣлаетъ... все говорятъ... ходятъ... мнѣ скучно!»—«Но посмотрите въ окошко, посмотрите, какіе дома, какіе магазины, экипажи; посмотрите этихъ лошадей на Аничковомъ мосту—не правда ли, какъ красивы?»—«Это меня не интересуетъ», сказалъ онъ совершенно спокойно, но съ оттѣнкомъ грусти.—«Отчего же это васъ не интересуетъ, вѣдь на это пріятно смотрѣть?»—«Я знаю, чего все это стоитъ, я знаю, какъ бѣденъ работящій народъ, сколько горя вездѣ, сколько неправды, а тутъ веселятся, бросаютъ деньги на пустяки—деньги, добытыя тяжелымъ трудомъ!..» И двѣ крупныя слезы медленно скатились у него по щекамъ. Я,—продолжаетъ разсказчица,—во всѣ глаза смотрѣла на этого бѣднаго мальчика; онъ меня просто поразилъ: его разговоръ, мина, правда, которая звучала въ его словахъ, приводили меня въ смятеніе; ему всего было 9 лѣтъ.

А вотъ и другой фактъ, отмѣченный наблюдателемъ:

«Мнѣ пришлось встрѣтить одну 9-лѣтнюю дѣвочку, родители которой чуть не молились на нее; они уже успѣли побывать съ ней почти во всей западной Европѣ, показать ей всевозможныя рѣдкости и художественныя произведенія, возили ее въ театры, на балы и на различные спектакли. Она говорила наизустъ стихи и якобы импровизировала, а отецъ, восхищаясь ею, записывалъ за ней эти импровизаціи. Она принимала участіе въ живыхъ картинахъ и различныхъ фантастическихъ представленіяхъ. Чтобы отпраздновать день ея рожденія, иллюминовали особенно изящно домъ въ деревнѣ, гдѣ она тогда жила, а дѣвочка съ балкона, въ фантастическомъ костюмѣ, при освѣщеніи бенгальскими огнями, въ присутствіи всей деревни, декламировала и импровизировала стихи. Родители сдѣлали все, чтобы удовлетворить и развеселить своего кумира, между тѣмъ этотъ маленькій кумиръ, подъ конецъ торжества, обращается къ своей матери съ грустнымъ восклицаніемъ: «какъ все это скучно!» Когда ее привели въ школу, то она часто убѣгала изъ класса, гдѣ шли уроки, и со слезами на глазахъ говорила, что не можетъ дѣлать все такъ, какъ другія, и только тогда пойдетъ въ классъ, когда научится всему, тамъ требуемому. Она не въ

Digitized by Google

состояніи была написать нѣсколько словъ подъ рядъ и уже на второмъ или третьемъ словѣ нетерпѣливо ставила черточки или просто проводила волнообразную линію. Сосредоточить на нѣкоторое время свое вниманіе она положительно была не въ состояніи» [1]).

Факты по содержанію различны, но результаты ихъ одинаковы: въ одномъ случаѣ мысли и чувства развитого взрослаго человѣка, серьезно мыслящаго и глубоко чувствующаго, перелиты въ головку и сердце девятилѣтняго мальчика; въ другомъ—удовольствія и развлеченія взрослыхъ образованныхъ людей въ самой широкой мѣрѣ предоставлены девятилѣтней дѣвочкѣ. Въ первомъ случаѣ—очень раннее умственное развитіе, во второмъ—очень раннее развитіе со стороны удовольствій. Результаты одинаковы: расшатанность нервной системы, скучливость, меланхолія, какая-то разочарованность и старчество въ 9 лѣтъ. Изнѣженныя свойства, на развитіи которыхъ сосредоточиваются воспитательныя заботы, будучи вырваны изъ своей органической среды и усиленно воздѣлываемы, развиваются не надлежащимъ образомъ, являются дутыми, безъ внутренней энергіи и силы. Какъ общая подготовка къ дальнѣйшимъ возрастамъ существенно страдаетъ отъ непереживанія первыхъ возрастовъ во всей ихъ полнотѣ и энергіи, отъ заглушенія специфическихъ свойствъ дѣтства и юности,—такъ точно существенно страдаютъ и свойства, переходящія въ другіе возрасты, если они развиваются слишкомъ рано, поспѣшно, несоотвѣтственно природѣ. Развитіе и этихъ послѣднихъ свойствъ должно пройти рядъ послѣдовательныхъ ступеней, обусловливаемыхъ возрастами; высшая ступенька основывается на низшей. Развивать способность скачками, вынуждать человѣка въ развитіи свойствъ перепрыгивать чрезъ одну, чрезъ двѣ ступеньки, опредѣляемыя возрастомъ, чтобы поскорѣе добраться до вершины, до зрѣлости,—вредно даже для самого развиваемаго свойства.

Задатки отвлеченнаго мышленія проявляются и у малыхъ дѣтей. Но отсюда было бы ошибочно заключить, что самое лучшее средство къ развитію отвлеченнаго мышленія есть возможно ранняя его культивировка и всяческое препятствованіе наглядному мышленію. Сразу сдѣлаться хорошимъ отвлеченнымъ мыслителемъ невозможно; имъ можно сдѣлаться, только пройдя всѣ низшія формы мыслительности, и именно наглядной. Рано привитое, точнѣе, искусственно-ускоренное отвлеченное мышленіе явится безпочвеннымъ, пустымъ; вмѣсто серьезнаго мышленія мы встрѣтимъ полубезсмысленное повтореніе нахватанныхъ отвлеченныхъ фразъ и выраженій, и самыя удачныя сопоставленія будутъ свидѣтельствовать не о здоровомъ развитіи ума, а о несвойственной возрасту дрессировкѣ. И исторія педагогики вполнѣ подтверждаетъ это

[1]) *Лесгафтъ*, „Школьные типы“, Спб., 1884 г., стр. 32.

Digitized by Google

положеніе; она вполнѣ отчетливо показываетъ намъ, какъ прежнее совершенно отвлеченное обученіе дѣтей, вмѣсто развитія ума, вело къ его притупленію и ослабленію, какъ бойкіе и живые у себя дома мальчики оказывались, чудеснымъ образомъ, тупицами въ школѣ; какъ нѣкоторыя дѣти чѣмъ больше учились, тѣмъ больше глупѣли. А вѣдь, кажется, отчего бы это? Прямо и настойчиво учили тому, что̀ такъ нужно позднѣе, въ будущемъ, учили отвлеченному мышленію и пренебрегали тѣмъ, что̀ должно отпасть съ возрастомъ—наглядностью.

То же самое совершается и во всѣхъ другихъ сферахъ воспитанія. Только тогда, когда человѣкъ вполнѣ, глубоко переживетъ дѣтское и юношеское міровоззрѣнія, несовершенныя дѣтскія: логику, эстетику, мораль, юношескій оптимизмъ и жаръ, когда онъ перечувствуетъ все, что̀ даетъ младенчество, дѣтство, отрочество, юность, молодость,—только тогда онъ будетъ вполнѣ нормальнымъ, сильнымъ, зрѣлымъ человѣкомъ. Настоящія нравственныя убѣжденія развиваются изъ дѣтской несовершенной морали, религія зрѣлаго возраста—изъ религіи юности и отрочества, логика отвлеченнаго мышленія—изъ логики наглядnаго пониманія. Втиснуть зрѣлость въ юность, юность въ отрочество, отрочество въ дѣтство безъ существеннаго вреда и насилія надъ воспитываемымъ—невозможно. А факты говорятъ, какъ будто, противное. Выше приведены случаи ранняго умственнаго развитія, далеко опережавшаго возрастъ, безъ какого либо вреда для воспитываемыхъ. Миль, по его собственнымъ словамъ, опередилъ своихъ сверстниковъ на 25 лѣтъ. Воспитанные по теоріи Гауффе также должны значительно опережать обыкновенное развитіе. Разсмотримъ эти случаи нѣсколько ближе. Характерная черта всѣхъ случаевъ ранняго систематическаго обученія заключается въ чрезвычайно широкой и напряженной дѣятельности *памяти*. Какъ только Миль начинаетъ себя помнить, онъ представляетъ себя заучивающимъ греческія вокабулы; всѣ отцовскія объясненія маленькій Миль долженъ былъ повторять, хотя и своими словами; потомъ началось изученіе латинскихъ вокабулъ; потомъ—компиляціи изъ разныхъ книгъ. Эмилія Базедова по четвертому году выучилась въ три съ половиною мѣсяца французскому языку, на пятомъ году—латинскому и, кромѣ того, усвоила довольно всякихъ другихъ знаній, счетъ, умѣнье рисовать и пр. По теоріи Гауффе, заучиваніе вокабулъ латинскаго или итальянскаго языка—занятіе весьма видное въ первоначальномъ воспитаніи: къ шести годамъ нужно запомнить отъ 4,420 до 7,200 вокабулъ. Въ это же самое время совершается усвоеніе массы разнородныхъ другихъ знаній. Итакъ, раннее умственное развитіе въ приведенныхъ случаяхъ сводится въ существѣ дѣла къ раннему развитію памяти, для котораго едва ли стоитъ жертвовать прелестью дѣтскаго и отроческаго возрастовъ. Что же касается сообразительности, мышленія, то особеннаго

Digitized by Google

развитія его въ приведенныхъ случаяхъ воспитанія, кромѣ воспитанія Миля, мы не видимъ. Нельзя же усматривать признакъ высокаго и ранняго умственнаго развитія въ томъ, что Эмилія вареное куриное мясо съ костями не называла курицей, видѣла въ зеркалѣ свое изображеніе, а не себя, что она не боялась мышей, пауковъ, грома и пр. У Гауффе, въ его теоріи, болѣе вѣса положено опять на упражненія памяти, чѣмъ сообразительности,—таково изученіе роднаго и латинскаго языковъ, знакомство съ историческими разсказами, съ растеніями и животными, отчасти съ элементами географіи. Гауффе прямо обращается къ родителямъ съ увѣщаніемъ—не бояться переполненія дѣтской памяти, скученности въ дѣтскомъ умѣ всякихъ впечатлѣній: силы у дѣтей постоянно прибавляются, органы воспріятія дѣйствуютъ особенно энергично, вслѣдствіе чего дѣтскіе годы преимущественно удобны для обученія (стр. 548). Остается, такимъ образомъ, одно воспитаніе Миля, которое отличалось не только переполненіемъ памяти, но и значительнымъ раннимъ развитіемъ самостоятельнаго мышленія.

Прежде всего, заслуживаетъ вниманія замѣчаніе самого Миля, что у большинства дѣтей или юношей, головы которыхъ набиваютъ множествомъ знаній, умственныя способности обыкновенно не крѣпнутъ, а слабѣютъ отъ чрезмѣрнаго гнета. Ихъ пичкаютъ голыми фактами и готовыми чужими фразами, что считается вполнѣ достаточной замѣной способности самостоятельно мыслить, и такимъ образомъ сыновья замѣчательныхъ отцовъ, не жалѣвшихъ ничего на ихъ воспитаніе, часто выходятъ попугаями, повторяющими лишь затверженные уроки и неспособными мыслить иначе, какъ по проложеннымъ для нихъ тропинкамъ. «Но мое воспитаніе,—продолжаетъ Миль,—не было подобнымъ искусственнымъ высиживаніемъ. Мой отецъ никогда не позволялъ, чтобы я чему нибудь учился одной зубрёжкой. Онъ старался, чтобы я не только понималъ все, чему учусь, но чтобы сознаніе, если возможно, предшествовало знанію. Онъ никогда не говорилъ мнѣ того, до чего я самъ могъ додуматься, и объяснялъ лишь тогда затруднительный для меня вопросъ, когда я напрасно истощалъ всѣ свои усилія» (стр. 33—34). Но замѣчательно, что на Миля его позднѣйшіе пріятели и сотоварищи долгое время смотрѣли все же, какъ на человѣка «сдѣланнаго», искусственнаго, который могъ повторять только тѣ мнѣнія, печать которыхъ была на него наложена (162). Во всякомъ случаѣ, воспитаніе Д. С. Миля дало удивительные результаты. Вопросъ только въ томъ, чего стоило Милю достиженіе этихъ удивительныхъ результатовъ? Дѣтство и отрочество Миля прошли очень своеобразно: онъ не помнитъ себя играющимъ, забавляющимся; самое раннее воспоминаніе его о себѣ касается заучиванія греческихъ вокабулъ. Когда Миль гулялъ, то онъ гулялъ съ отцомъ, и его первыя воспоминанія о зеленой муравѣ и полевыхъ цвѣ-

Digitized by Google

тахъ сливаются съ ежедневнымъ отчетомъ, который онъ давалъ отцу во время прогулки о прочтенномъ наканунѣ. Дѣтскихъ книгъ, равно какъ и игрушекъ, у Миля почти не было, исключая рѣдкихъ подарковъ отъ родственниковъ и знакомыхъ. Педагогическою системою отца чтеніе книгъ для одной забавы допускалось въ крайне ограниченномъ количествѣ. Вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ забавъ, маленькій Миль очень любилъ развлекаться чтеніемъ книгъ по опытнымъ естественнымъ наукамъ, напр., по химіи, причемъ онъ не только не дѣлалъ опытовъ самъ, но и не присутствовалъ при ихъ производствѣ, а только читалъ о нихъ. Такое дѣтство нельзя не признать крайне скудными удовольствіями, однообразнымъ; нельзя не признать, что въ такомъ дѣтствѣ отражается настроеніе серьезнаго взрослаго человѣка. А между тѣмъ и это, скудное радостями, дѣтство было не безъ огорченій и печали. Занятія ариѳметикой въ раннемъ дѣтствѣ были очень непріятны маленькому Милю. Отецъ заставлялъ его читать и передавать содержаніе многихъ книгъ, которыя сами по себѣ едва ли бы заинтересовали его; также, по требованію отца, онъ занимался обученіемъ младшихъ братьевъ и сестеръ, что̀ ему очень не нравилось. Самымъ же непріятнымъ изъ всѣхъ учебныхъ занятій Миля было писаніе стиховъ (на англійскомъ языкѣ), къ чему опять вынуждалъ его отецъ. Вообще, въ занятіяхъ, Миль-отецъ требовалъ отъ сына не только того, что̀ тотъ могъ сдѣлать, но и много такого, что̀ ему было совершенно не по силамъ. Такъ, онъ требовалъ отъ сына, чтобы тотъ самостоятельно, съ помощью однихъ книгъ, разрѣшалъ всѣ трудности, встрѣчающіяся въ высшей математикѣ, и выражалъ неудовольствіе, когда маленькій Миль не могъ сдѣлать трудной задачи, вовсе не принимая въ соображеніе, что сынъ не владѣлъ необходимой подготовкой. Отецъ заставлялъ своего сына собственнымъ разсужденіемъ дойти до сознанія пользы силлогистической формы мышленія. Когда же Миль не могъ этого сдѣлать, то отецъ объяснилъ сыну пользу силлогизма; но сынъ не понялъ и объясненія. При знакомствѣ съ политической экономіей, Миль-отецъ требовалъ, чтобы сынъ къ поверхностнымъ взглядамъ Адама Смита примѣнялъ болѣе глубокія воззрѣнія Рикардо и самъ бы находилъ все, что̀ было важнаго въ аргументахъ Смита или невѣрнаго въ его выводахъ. «Подобный методъ обученія,—замѣчаетъ Миль,—лучшій способъ для образованія мыслителя, но для его практическаго примѣненія необходимъ такой одаренный и точный мыслитель, какъ отецъ. Путь, избранный имъ, былъ тернистъ даже для него, а тѣмъ болѣе для меня, не смотря на весь интересъ, который возбуждала во мнѣ политическая экономія».

Но самымъ главнымъ недостаткомъ въ воспитаніи Миля было—*отсутствіе чувства*. Его отецъ придавалъ очень мало значенія чувству въ оцѣнкѣ людей и ихъ дѣйствій; онъ приписывалъ чувству го-

Digitized by Google

раздо больше дурныхъ, вредныхъ вліяній, чѣмъ хорошихъ, и потому взглядъ и ученія старшаго Миля были направлены на униженіе чувства. Разумъ—вотъ единственная сила, къ которой онъ обращался. Практика отвѣчала теоріи: въ отношеніяхъ старшаго Миля къ дѣтямъ недоставало нѣжности, страхъ къ нему заглушалъ и изсушалъ привязанность. Д. С. Миль прямо говоритъ о себѣ, что хотя онъ и былъ пламенно преданъ отцу, но онъ его не любилъ. Вообще съ отцомъ и его друзьями онъ чувствовалъ себя постоянно, какъ ученикъ среди учителей, но не какъ человѣкъ среди равныхъ людей. Вслѣдствіе такихъ взглядовъ отца на чувство и такой постановки воспитанія, Миль росъ сухимъ мыслителемъ, аналитикомъ, не понимавшимъ прелести поэзіи и презрительно относившимся къ воображенію, какъ элементу человѣческой природы. Онъ самъ говоритъ, что онъ былъ «разсуждающей машиной» въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ своей жизни и питалъ единственную ревность только къ умозрительнымъ мнѣніямъ; пламеннаго же энтузіазма къ возвышеннымъ благороднымъ идеаламъ, столь свойственнаго юности, у него не было. Сухость и черствость чувства, крайняя односторонность развитія породили позднѣе тяжкій нравственный кризисъ въ жизни Миля. Согласно заповѣдямъ своихъ учителей, цѣлью жизни и высшимъ источникомъ своего счастья Миль считалъ благоденствіе всего человѣчества. Но, по недостатку чувства, онъ не испытывалъ истиннаго желанія достигнуть этой цѣли, не ощущалъ удовольствія ни отъ добродѣтели, ни отъ общаго блага; эгоистическія наслажденія также не казались ему цѣнными. Всякое чувство, казалось, совсѣмъ изсякло въ этой «разсуждающей машинѣ» и естественно возникалъ вопросъ: нужно ли жить, когда жизнь потеряла всю свою прелесть? (Стр. 5—10, 112—116, 137—150 и др.).

Нельзя не признать, что раннее умственное развитіе, достигнутое Милемъ, благодаря заботамъ его отца, въ высшей степени замѣчательно; оно просто удивляетъ. Но нельзя не замѣтить и того, что оно обошлось Милю очень дорого. Дѣтству Миля позавидовать трудно: оно было сурово, бѣдно удовольствіями и радостями, переполнено серьезной, подчасъ непосильной работой, вынужденными занятіями. Можно сказать, что Миль совсѣмъ не зналъ дѣтства, что его изъ колыбели прямо посадили за отцовскій рабочій столъ учить греческія азбуку и вокабулы. Что же касается его ранняго умственнаго развитія, то, при всей односторонности, оно обусловливалось врожденными свойствами Миля и большимъ умомъ его отца. Хотя самъ Миль съ преувеличенной скромностью утверждаетъ, что все, что онъ дѣлалъ, «могъ, конечно, сдѣлать всякій мальчикъ или всякая дѣвочка *посредственныхъ способностей* и здороваго сложенія», но въ этомъ слѣдуетъ усомниться: едва ли кто признаетъ Миля посредственностью, да и гдѣ же можно отыскать такихъ отцовъ, какимъ былъ

Digitized by Google

Джемсъ Миль, авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ ученыхъ трактатовъ и вообще человѣкъ выдающагося ума и характера? А когда посредственности-отцы начнутъ изо всѣхъ силъ съ малолѣтства развивать своихъ дѣйствительныхъ посредственностей-сыновей и дочерей—всевозможными языками и науками, то не получится ли нѣчто, въ самомъ дѣлѣ, ужасное?

Много теряется даромъ драгоцѣннаго времени въ годы дѣтства и отрочества; можно сдѣлать гораздо больше въ эти годы для развитія дѣтей, чѣмъ сколько дѣлается; но только тѣ способы, которые рекомендуются для развитія дѣтей, неудовлетворительны, потому что несогласны со свойствами и потребностями возрастовъ. Дѣтей или увлекаютъ удовольствіями взрослыхъ, возятъ въ театры, концерты, музеи по всей Европѣ, даютъ массу самыхъ разнообразныхъ и пріятныхъ впечатлѣній, или налагаютъ на нихъ работу взрослыхъ, заставляя съ ранняго возраста учиться языкамъ, наукамъ, думать и чувствовать на манеръ взрослыхъ. Дѣтямъ не оставляютъ ни дѣтскихъ удовольствій, ни дѣтскихъ занятій; имъ навязываютъ работы и удовольствія взрослыхъ. Въ этомъ—главнѣйшая ошибка всѣхъ системъ первоначальнаго воспитанія; въ этомъ же одинъ изъ видныхъ недостатковъ и системъ школьнаго образованія.

П. Каптеревъ.

Digitized by Google

НА КОНЦЕРТѢ.

(Посвящается *Н. Н. Калиновской*).

Сердце проснуться не смѣетъ —
Жизнь или смерть одолѣетъ?
Струны, какъ сердце, рыдаютъ...
Звуки порхаютъ, порхаютъ.

Звуки растутъ и дробятся,
Блѣдными искрами блещутъ,
Не умирая, родятся,
Молятъ о жизни, трепещутъ—

Словно крылатыя тѣни,
Словно туманныя грёзы,
Словно мечты привидѣній,
Словно безсильныя слезы.

Но въ потемнѣвшей лазури
Грозно мерцаютъ зарницы—
Въ вихрѣ разгнѣванной бури
Звуки кружатся, какъ птицы.

Выше и выше! ихъ стая
Гордое небо затмила...
Ожили звуки, рыдая,
Крѣпнетъ ихъ стройная сила!

Чудится: рой ихъ могучій,
Мѣрно махая крылами,
Тамъ пролетаетъ, гдѣ тучи
Низко плывутъ надъ горами,—

Digitized by Google

Гдѣ утомленная вьюга
Воетъ надъ пропастью черной
И, побѣлѣвъ отъ испуга,
Ключъ замерзаетъ нагорный,—

Тамъ, гдѣ серебряной льдины
Панцырь не таетъ, гдѣ серны
Скачутъ съ стремнинъ на стремнины,
Бѣгъ замедляя невѣрный,—

Тамъ, гдѣ цвѣтокъ одинокій
Блещетъ печальной красою—
Словно, какъ странникъ далекій
Съ томной и нѣжной душою.

Тучи летятъ надъ равниной,
Звуки скользятъ, точно тѣни;
Горныя меркнутъ вершины...
Полонъ я сладостной лѣни.

Звуки порхаютъ, кружатся,
Гаснутъ и въ сердцѣ ютятся;
Стонъ ихъ слабѣетъ, слабѣетъ...
Сердце проснуться не смѣетъ.

І. Ясинскій.

Digitized by Google

ЗОЛОТАЯ РАДУГА.

Романъ Давида Мюррея.

КНИГА ПЯТАЯ.

О томъ, какъ золотая радуга скрылась отъ двухъ искателей приключеній.

I.

Въ ясный мартовскій день, когда въ воздухѣ уже вѣяло весной, Ааронъ Виттекеръ стоялъ у входа новой копи, которая—по его заявленіямъ—должна была быстро обогатить всѣхъ тѣхъ, кто приметъ участіе въ этомъ предпріятіи. На губахъ его мелькала презрительная улыбка, и онъ съ сердитымъ видомъ грызъ сухую соломенку. Грязный рабочій, появившись въ дверяхъ сарая, посмотрѣлъ на голубое небо и на окрестный пейзажъ, насколько позволяли видѣть его груды сырой насыпанной земли,—и въ видѣ привѣтствія крикнулъ Аарону:—«Хорошая погода, сэръ!» Но Ааронъ ругнулъ «хорошую погоду» и пнулъ ногой камушекъ,—камушекъ заупрямился, и Ааронъ съ силой швырнулъ его въ сторону. Затѣмъ, со злостью онъ продолжалъ грызть соломенку.

Было слышно, какъ въ сараѣ зазвонилъ колоколъ, и рабочій немедленно скрылся. Небольшая паровая машина начала свистѣть и фыркать, и блокъ завертѣлся надъ шахтой. Ааронъ отвернулся отъ шахты и пошелъ прочь, но вдругъ остановился какъ бы въ раздумьѣ, и затѣмъ неохотно пошелъ назадъ къ копи. Въ ту минуту, въ отверстіи шахты появилась чья-то голова, потомъ показались плеча. Подъемная машина остановилась, и человѣкъ, стоя въ металлической бадьѣ и держась одной рукой за канатъ, крикнулъ Аарону:

Digitized by Google

— Дайте мнѣ руку, Виттекеръ!

Ааронъ подошелъ къ краю шахты, протянулъ руку, и вновь прибывшій, схватившись за нее, ловко прыгнулъ наземь. Это былъ хорошо сложенный мужчина въ грубомъ, незатѣйливомъ костюмѣ, но голосъ и манеры обличали въ немъ хорошо воспитаннаго человѣка.

— Ну?—спросилъ Ааронъ, съ нѣкоторымъ лукавствомъ посмотрѣвъ на него,—и затѣмъ оглянулся по сторонамъ, какъ бы желая удостовѣриться, что ихъ никто не подслушиваетъ.

— Ну?—отозвался вновь прибывшій.

— Не глупите, Морлей! Договаривайте!—сердито проворчалъ Ааронъ.

— Не глупите вы, а я не буду глупить!—возразилъ Морлей.

— Ну, къ дѣлу!—Что же вы мнѣ скажете?

— По моему мнѣнію, Виттекеръ, ваше дѣло плохо!

— Вы полагаете, что эту копь не стоитъ разработывать?—спросилъ Ааронъ.

Онъ остановился, чтобы поднять соломенку, валявшуюся у его ногъ, и началъ навертывать ее на палецъ.

— Да! Я полагаю такъ!—отвѣтилъ Морлей.—Я даже думаю болѣе... Мнѣ кажется, что вамъ вовсе не слѣдовало браться за это дѣло. Вы тутъ произвели порядочную путаницу, хотя, можетъ быть, и безъ всякаго умысла...

Ааронъ промолчалъ, но лицо его, какъ всегда въ минуты сильнаго волненія, покрылось красными пятнами.

— Ну, пока оставимъ это!—продолжалъ его собесѣдникъ.—Мнѣ показалось, что сегодня утромъ вы были не особенно рады моему приходу.

— Почему же?—спросилъ Ааронъ.

Онъ бросилъ взглядъ на Морлея, но, встрѣтивъ его блестящіе, проницательные глаза, въ то же мгновенье потупился и принялся щипать соломенное колечко, свитое имъ на пальцѣ.

— Почему же вашъ приходъ былъ бы непріятенъ для меня?—замѣтилъ Ааронъ, мелькомъ взглянувъ на своего собесѣдника.—Копь идетъ хорошо. Она суха и безопасна. Заработокъ—отличный, и угольный слой съ каждымъ шагомъ все утолщается.

— Да!—сухимъ тономъ заговорилъ Морлей.—Заработокъ—отличный и слой будетъ все утолщаться... Это—такъ! Но чей это уголь?

При этомъ вопросѣ онъ подвинулся къ Аарону и слегка хлопнулъ его по плечу.

— Да! Уголь-то чей?—повторилъ онъ.

Digitized by Google

— Нашъ!—отвѣтилъ Ааронъ, вдругъ поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Не будемъ играть въ прятки!—промолвилъ Морлей.—Вы уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ роетесь въ чужой землѣ. Что васъ заставило вторгнуться въ чужія владѣнія? Намѣревались ли вы, при самомъ началѣ работъ, вторгнуться въ сосѣдній участокъ земли?

— Нѣтъ! я этого не хотѣлъ...—въ смущеніи отозвался Ааронъ.—Я только хотѣлъ быть какъ можно ближе къ хорошему слою. Я надѣялся выгадать фунта три или четыре въ недѣлю...

— Можетъ быть!—согласился собесѣдникъ.—Но, какъ бы тамъ ни было, теперь вы—въ чужомъ участкѣ... Еслибы эта земля была ваша, тогда ваше предпріятіе, конечно, было бы на хорошей дорогѣ. Но, къ несчастью, вы работаете теперь не въ своемъ участкѣ.

— А нельзя ли надѣяться на уголь съ другой стороны? Напримѣръ, въ сѣверномъ направленіи?—спросилъ Ааронъ.

— Ну, нѣтъ! Не скажу... отвѣчалъ Морлей.—А нижній слой вовсе не стоитъ выдѣлки.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и Ааронъ, щипля свое соломенное кольцо, съ лукавымъ видомъ посматривалъ на своего собесѣдника, крошившаго карманнымъ ножомъ табакъ.

— Морлей!—вдругъ промолвилъ Ааронъ хриплымъ прерывающимся голосомъ.—Морлей!?—повторилъ онъ, откашливаясь.

— Ну?—отозвался тотъ, медленно перетирая табакъ между ладонями.

— Вѣроятно, васъ не подсылали ко мнѣ мои противники... не подсылалъ, напримѣръ, Вайтгоузъ—узнать: не перешли ли мы границы!

Морлей молча пожалъ плечами, продолжая растирать табакъ.

— Еслибы я зналъ: что стоитъ ваше время...

— Еслибы вы знали: что стоитъ мое время?—переспросилъ Морлей.

— Тсс! Тише!—остановилъ его Ааронъ.

Собесѣдникъ его вытащилъ почернѣлую пѣнковую трубку и тщательно набилъ ее. Ааронъ оглянулся по сторонамъ. Рабочій грѣясь на солнцѣ, стоялъ въ дверяхъ сарая и покуривалъ трубку, прислонясь къ косяку двери. Этотъ рабочій находился на довольно значительномъ отъ нихъ разстояніи.

— Какъ вы полагаете: долго ли Вайтгоузъ останется въ невѣдѣніи на счетъ того, гдѣ мы теперь производимъ работы?—вполголоса спросилъ Ааронъ.

Digitized by Google

— Тутъ не можетъ быть вопроса!—отвѣчалъ Морлей.—Какъ вы думаете: ваши рабочіе еще долго не провѣдаютъ, гдѣ они теперь копаютъ уголь?

— О! Они ничего не узнаютъ!—отозвался Ааронъ.

Презрительная усмѣшка промелькнула по лицу Морлея, но Виттекеръ не замѣтилъ ея, потому что собесѣдникъ отвернулся отъ него добыть огня и руками прикрывалъ отъ вѣтра загорѣвшуюся спичку.

— Эти вещи дѣлались уже сотни разъ! — вполголоса замѣтилъ Виттекеръ, оглядываясь на дверь сарая.—И всѣ знаютъ, что это дѣлается...

— Но вы, конечно, не хотите этимъ сказать, что старый Бечъ и Эзекіиль Роундъ завѣдомо участвуютъ въ вашихъ продѣлкахъ!—холодно проговорилъ Морлей.—Вѣдь они не знаютъ: гдѣ вы теперь ведете копь?

— Нѣтъ, не знаютъ!—отвѣтилъ Ааронъ.

— Да, правда!—продолжалъ его собесѣдникъ, потягивая трубку и проницательно взглядывая на него.—Но о такихъ дѣдахъ всегда узнаютъ, ихъ открываютъ и кончаются они плохо...

— Но я вывернусь изъ затрудненій, если вы сохраните тайну! – сказалъ Ааронъ.

— Если я сохраню тайну?... Но вѣдь я долженъ представить отчетъ. Что же мнѣ сказать?

— Скажите всю правду, все, какъ есть, но...—шопотомъ заговорилъ Ааронъ, беря Морлея за рукавъ.

— Но?—переспросилъ его тотъ.

— Но только отнесите угольный пластъ далѣе—въ сѣверномъ направленіи.

— Гм!—промычалъ Морлей, запуская руки въ карманы своей грубой матросской куртки и смотря себѣ подъ ноги.—Такъ вы знаете: что стоитъ мой трудъ и мое время?

— Да! Знаю! — съ живостью подхватилъ Виттекеръ.—Хотите получить сто фунтовъ?

— Нѣтъ, мало!—отвѣтилъ Морлей.

— Ну, сто пятьдесятъ! Идетъ? Не притѣсняйте слишкомъ стараго знакомаго... Такъ, сто пятьдесятъ?

— Мало!—повторилъ Морлей.

— Я не могу предложить болѣе... Ну, двѣсти!

— Мало!

— Сколько же вы хотите?—съ отчаяніемъ вскричалъ Ааронъ.

— Вѣдь вы же знаете: что стоитъ мое время и мой трудъ!—сказалъ Морлей, продолжая упорно смотрѣть въ землю.

Digitized by Google

— Ну, сказывайте: чего же вы хотите?—приступалъ къ нему съ видимымъ нетерпѣніемъ Виттекеръ.

— Я уже давно опредѣлилъ ту сумму, въ какую слѣдовало оцѣнить себя!—заговорилъ Морлей, поднимая голову и смотря Аарону прямо въ лицо.—Я рѣшилъ, Виттекеръ, разъ и навсегда, что еслибы мнѣ когда нибудь пришлось продавать себя за деньги, то я не взялъ бы менѣе милліона стерлинговъ. И этого рѣшенія я держусь стойко. Теперь видите, что вы только напрасно потратили со мной время... (Морлей началъ говорить съ насмѣшкой, но скоро благородное негодованіе въ немъ взяло верхъ). Кой чортъ, сэръ, сказалъ вамъ, что меня можно купить за двѣсти фунтовъ? Ну, Виттекеръ, вы просто глупы... Когда въ другой разъ вы вздумаете подкупать порядочнаго человѣка, такъ предлагайте, по крайней мѣрѣ, побольше денегъ! Это будетъ и ему пріятнѣе, да и для васъ болѣе гарантій въ томъ, что вамъ не дадутъ хорошаго тумака... Вы хотите взять у человѣка его репутацію, хотите взять у него душу и за все это даете ему полкроны! Не смѣйте никогда заговаривать со мной объ этомъ, если не хотите, чтобы я поколотилъ васъ!..

— Ахъ, Морлей!—вскричалъ Ааронъ, хватая его за куртку.— Извините меня, я совсѣмъ не думалъ... я, право, не хотѣлъ... Я съ ума схожу! Вы не знаете: въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я теперь нахожусь!

— Оставьте мою куртку,—сердито проговорилъ Морлей.

— Нѣтъ!—кричалъ Ааронъ, почти въ изступленіи цѣпляясь за него.—Вы меня не поняли... совсѣмъ не поняли! Ну, право же, Морлей... Послушайте! Постойте!.. Я только хотѣлъ бы, чтобы вы сохранили мою тайну на самое короткое время... Понимаете? Только на время, ненадолго... Вы не знаете: въ какомъ я затрудненіи. Честное слово, не знаете!...

— Я знаю то, что мнѣ нужно!... Оставьте мою куртку!— прежнимъ сердитымъ тономъ говорилъ онъ, смотря прямо передъ собою полузакрытыми глазами и оттопыривъ верхнюю губу.

— Ради Бога, Морлей, не посылайте своего донесенія дня два! Дайте мнѣ только два дня! Морлей, послушайте! Вѣдь вы—старый пріятель. Вы знаете, что я всегда любилъ васъ, мы были всегда друзьями...

— Вы запутались и должны теперь, насколько возможно, съ честью выйти изъ своихъ затрудненій! — проговорилъ Морлей, смягчившись.—Вы должны постараться... Съ вашей стороны продолжать работы значило бы бросать деньги даромъ, а относи-

Digitized by Google

тельно вашихъ компаньоновъ это дѣло просто — грабежъ... Оставьте же мою куртку!

— Да, я запутался!—проговорилъ Ааронъ, не выпуская Морлея.—Вы не знаете еще и половины моихъ несчастій. Послушайте, Морлей... Простите меня, пожалуйста! Прошу васъ: задержать на недѣлю ваше донесеніе. Иначе—я разоренъ.

— Вы говорите: я не знаю и половины вашихъ несчастій?—замѣтилъ Морлей, смягчаясь все болѣе.—Ну, въ такомъ случаѣ, тѣмъ хуже для васъ... Я не могу помочь вамъ!

— Нѣтъ, можете!—настаивалъ Ааронъ.—Дайте мнѣ недѣлю сроку и я вывернусь!

— Вывернетесь?—вскричалъ Морлей, снова раздражаясь.—Вы не можете отнести уголь назадъ! Вы не въ состояніи возвратить Бечу и Роунду тѣ деньги, которыя ухлопали на свою шальную забаву. У васъ не было надежды найти здѣсь уголь, а вы только хвастались, и теперь всѣ будутъ очень довольны, когда вы поскользнетесь...

— Морлей! Подобная вещь можетъ случиться со всякимъ!—замѣтилъ Ааронъ.

— Какая вещь? Ошибка при отыскиваніи угольнаго пласта? Да, конечно... Но когда это случается съ порядочнымъ человѣкомъ, то онъ объявляетъ всю правду своимъ компаньонамъ, а не лжетъ, не вывертывается и не запускаетъ руку въ карманъ ближняго...

Иные люди могутъ долго поддерживать въ себѣ гнѣвъ и раздраженіе, но молодой Виттекеръ уже растратилъ всю свою ярость и теперь казался жалкимъ, поминутно сморкался, хватался за носовой платокъ и подносилъ его къ лицу.

— Я ужь не воспользуюсь больше ни одной унціей угля Вайтгоуза!—говорилъ онъ.—Право, не воспользуюсь!.. Послушайте, Морлей! Мнѣ очень жаль, что я обращался къ вамъ съ *той* просьбой... Я, право, съ ума схожу. Я почти самъ не понимаю: что говорю. Вы дадите мнѣ недѣльный срокъ, Морлей? Я прошу у васъ немного... Вы можете разорить меня и разбить мнѣ сердце!

— Разбить сердце! Вотъ вздоръ!...—проговорилъ Морлей, снова смѣясь.

— Я хотѣлъ жениться на внучкѣ стараго Роунда...—пролепеталъ Виттекеръ.—А вы знаете: что за человѣкъ ея отецъ.

— Ну, что жъ!—отозвался собесѣдникъ, стараясь сохранить свою суровость.—Вы можете быть хорошимъ мужемъ для всякой дѣвушки. Но я, право, не вижу: что могу сдѣлать для васъ.

Digitized by Google

Я не понимаю: зачѣмъ вамъ нуженъ этотъ недѣльный срокъ. Не думаете ли вы бѣжать?

— Зачѣмъ же мнѣ бѣжать?—замѣтилъ Ааронъ.—Еслибы даже Вайтгоузъ и узналъ обо всемъ, то онъ можетъ только взыскивать съ меня убытки.

— Не знаю: зачѣмъ вамъ нужна недѣля срока! Но помните: сегодня я пишу свое донесеніе, а черезъ недѣлю оно пойдетъ въ ходъ. Долѣе я ждать не могу.

— Я и не прошу у васъ ни часу сверхъ недѣльнаго срока!—отозвался Виттекеръ.

У него въ ту минуту не было ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ онъ выпутается изъ своего затруднительнаго положенія, но онъ такъ напрактиковался во лжи, что вполнѣ разсчитывалъ, что эта способность придетъ къ нему на помощь,—и скоро успокоился.

— Я не могу всѣмъ заплатить разомъ, но постараюсь дать каждому изъ партнеровъ хотя по пятисотъ фунтовъ, и они, конечно, пока удовольствуются этимъ и дадутъ мнѣ время оправиться!—говорилъ онъ.—Я не намѣренъ, чтобы изъ-за меня кто нибудь потерялъ хотя бы одинъ пенни. Я...

— На вашемъ мѣстѣ я не сказалъ бы ничего болѣе!—холодно перебилъ его Морлей.—Такъ помните: черезъ недѣлю мое донесеніе пойдетъ въ ходъ, и я скажу Вайтгоузу всю правду. Надѣюсь, теперь мы поняли другъ друга...

Надзиратель надъ каменноугольными копями удалился, а Ааронъ, усѣвшись на груду земли, задумался о своемъ непріятномъ положеніи. Тутъ онъ вдругъ вспомнилъ о чумазомъ рабочемъ и, оглянувшись по сторонамъ, съ облегченіемъ замѣтилъ, что насыпь совсѣмъ скрывала его отъ сарая. Онъ вспомнилъ при этомъ, что началъ прибѣгать къ содѣйствію носоваго платка не ранѣе того, какъ они съ Морлеемъ зашли за насыпь и скрылись изъ глазъ рабочаго. Значитъ, рабочій ничего не видалъ и ни о чемъ не могъ догадываться...

Ааронъ вполнѣ сознавалъ, что онъ попалъ впросакъ. Но онъ не отчаивался, потому что въ его распоряженіи была цѣлая недѣля, а въ теченіе недѣли могло произойти немало новаго. Онъ не могъ бы сказать: на что онъ надѣялся и разсчитывалъ,—но можетъ случиться что нибудь такое, что спасетъ его.

Что могъ онъ предпринять? Какъ могъ онъ предотвратить бурю, собирающуюся надъ его головой, или защититься отъ нея? Іовъ Роундъ никогда не любилъ его и, конечно, будетъ радъ случаю прогнать его. Въ такомъ случаѣ онъ лишится Сары?

Digitized by Google

Мысленно онъ плакалъ при этомъ и чувствовалъ себя безпомощнымъ. Что же онъ могъ сдѣлать?

Звуки голосовъ донеслись до него, и онъ, боясь, чтобы его не застали въ ту минуту въ его взволнованномъ состояніи, всталъ и пошелъ по полю, избирая такую дорогу, на которой онъ ожидалъ въ эту пору дня встрѣтить менѣе всего прохожихъ...

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, парламентъ гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ, заботился о копяхъ и объ ихъ владѣльцахъ, и добываніе угля въ томъ округѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, часто производилось на глазомѣръ. И Ааронъ при проведеніи копи также дѣйствовалъ на глазомѣръ при помощи нѣсколькихъ старыхъ опытныхъ рудокоповъ и человѣкъ 30-ти молодыхъ рабочихъ, и дѣло его съ блестящимъ успѣхомъ было бы доведено до конца, еслибы случайно уголь не оказался въ чужомъ участкѣ—вмѣсто того чтобы залегать въ его собственныхъ владѣніяхъ. Положимъ, онъ перешелъ границы своего участка... но это—не бѣда: копи его сосѣда отстояли на милю отъ того мѣста; ни одинъ человѣкъ его профессіи не умѣлъ пользоваться научными инструментами; никто, кромѣ него самого, не зналъ, что онъ зашелъ въ чужія владѣнія, и дѣло, вѣроятно, могло бы спокойно идти годъ или два, еслибы не вмѣшался этотъ «противный выскочка» Морлей, котораго Виттекеръ всегда ненавидѣлъ. И прежде чѣмъ раскрылось бы это дѣло, Ааронъ успѣлъ бы благополучно жениться. Состояніе стараго Эзекіиля, которое—по слухамъ—было весьма значительно, въ свое время перешло бы къ нему въ руки, а за нимъ послѣдовало бы и богатство Іова Роунда. При стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ—или даже при одномъ изъ нихъ—онъ могъ бы закрыть копь и предоставить сосѣду взыскивать съ него судомъ за опустошенный участокъ земли. Онъ самъ могъ бы, какъ бы невзначай, увидать, что зашелъ на чужой участокъ—и сообщить объ этомъ обстоятельствѣ своимъ партнерамъ.

Перебирая въ своемъ умѣ сотни различныхъ уловокъ и изворотовъ, хотя и сознавая всю ихъ безполезность для себя въ настоящее время, Ааронъ съумѣлъ, наконецъ, придать себѣ наружный видъ спокойствія. Путникъ, встрѣтившійся съ нимъ, подумалъ бы, что онъ просто не въ духѣ —и догадки его не пошли бы далѣе этого предположенія.

Нельзя было отрицать, что онъ дѣйствительно находился въ большомъ затрудненіи. Морлей говорилъ ему о бѣгствѣ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, мѣшало ему скрыться изъ Кастль-

Digitized by Google

Барфильда? Что?... Во-первыхъ, наслѣдство, которое онъ разсчитывалъ получить послѣ матери. Во-вторыхъ, Сара... Сара, конечно, вѣрила въ него, Сара видѣла все въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она желала; но, послѣ скандальной огласки по дѣлу объ его копяхъ, отецъ ея, безъ сомнѣнія, будетъ неумолимъ по отношенію къ нему, а она противъ воли отца не выйдетъ за него замужъ. Съ другой стороны,—зачѣмъ и куда ему бѣжать? Зналъ бы онъ, куда бѣжать, еслибы ему было извѣстно мѣсто нахожденія зарытыхъ таинственныхъ сокровищъ!

И онъ придумывалъ способы: какимъ бы образомъ можно было открыть эти богатства... Въ воображеніи—онъ очень просто и легко разрѣшалъ этотъ вопросъ. Онъ отравлялъ Іова и, женившись на Сарѣ, находилъ въ его бумагахъ ключъ къ завѣтной тайнѣ. Затѣмъ, онъ отправлялся въ дальнія страны и выкапывалъ изъ земли зарытыя сокровища... Или: онъ подсыпалъ Іову въ питье какое нибудь наркотическое вещество и, пока великанъ спалъ крѣпкимъ сномъ, онъ находилъ нужный ему документъ. Затѣмъ онъ отправлялся, овладѣвалъ зарытыми сокровищами и, возвратившись домой богатымъ человѣкомъ, женился на Сарѣ, удовлетворялъ стараго Эзекіиля и Беча, и Вайтгоуза,—и никто не подозрѣвалъ — всѣхъ менѣе Іовъ—тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ онъ разбогатѣлъ. Послѣ того Іовъ, выдавъ дочь замужъ, самъ отправлялся въ дальнія страны и тамъ узнавалъ, что богатства его кѣмъ-то похищены... Тутъ ужь мечты Аарона начинали варьироваться. То Іовъ застрѣливался въ отчаяніи, то не застрѣливался, но, подозрѣвая Аарона, возвращался домой и убивалъ *его*, послѣ чего убѣгалъ на край свѣта, къ дикарямъ, или—еще лучше—былъ арестованъ, обвиненъ въ убійствѣ и повѣшенъ.

Увлекаясь пустою мечтою, Виттекеръ раздумывалъ далѣе... Предположивъ, что онъ завладѣлъ ключемъ къ зарытымъ богатствамъ, Ааронъ спрашивалъ себя: какимъ же образомъ онъ доберется до нихъ? гдѣ необходимыя средства для путешествія? Онъ можетъ продать копь, выдавъ ее за свою собственность, но онъ будетъ не въ состояніи предъявить надлежащихъ документовъ и поэтому денегъ за нее не получитъ. Онъ можетъ продать уголь, добытый въ теченіе шести мѣсяцевъ, и часть денегъ получить впередъ. Нѣтъ, все это—не то... Онъ просто получитъ деньги подъ ложный вексель и бѣжитъ. А затѣмъ, овладѣвъ зарытыми богатствами, онъ безъ труда, черезъ довѣренное лицо, выкупитъ этотъ вексель...

Онъ очень хорошо зналъ, что все это, конечно, были глупыя,

Digitized by Google

пустыя ребяческія мечты. Но что жъ дѣлать! Эти мечты были такъ обольстительны, такъ нравились ему, а дѣйствительность была такъ ужасна...

Уже цѣлый часъ бродилъ онъ по полямъ, едва замѣчая окружающее его и лишь машинально избирая болѣе скользкую дорогу. Вдругъ за поворотомъ дороги онъ услыхалъ голоса и, оглянувшись, увидалъ, что подошелъ къ Варрену, къ знаменитой резиденціи генерала Конингема. Онъ находился въ трехъ миляхъ отъ своего дома, и ему надо было спѣшить... Огибая уголъ проселочной дороги, Ааронъ замѣтилъ какого-то блузника, чрезвычайно искусно подстригавшаго изгородь. Его поразило то обстоятельство, что въ одномъ ухѣ этого человѣка болталось тоненькое кольцо изъ золотой проволоки.

— А! Что́ васъ сюда привело?—спросилъ онъ, внимательнѣе присмотрѣвшись къ рабочему.

— А васъ что привело сюда?—отозвался Боулингъ, взглянувъ на вопрошавшаго.—Вы знайте свое дѣло, а я—свое!..

II.

Генералъ Конингэмъ нашелъ покупателя на Варренъ и теперь готовился отрясти кастль-барфильдскій прахъ отъ ногъ своихъ. Онъ самъ удивлялся: зачѣмъ вздумалъ поселиться здѣсь. Джентльменовъ по сосѣдству было очень мало, а вмѣсто нихъ жили владѣльцы каменноугольныхъ копей и кузнечныхъ заведеній, разбогатѣвшіе выскочки, отъ которыхъ припахивало рудникомъ, кузнечнымъ дымомъ и прилавкомъ. Простой же народъ былъ дикъ и грубъ, и генералъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на него. Въ здѣшнемъ народѣ не замѣчалось и слѣда той покорности, какую Конингэмъ любилъ встрѣчать въ низшихъ слояхъ населенія и какую онъ въ дѣйствительности находилъ въ Индіи, гдѣ бѣднякъ-язычникъ умѣлъ гораздо лучше вести себя, чѣмъ его бѣлый собратъ, жительствующій въ Кастль-Барфильдѣ.

Когда генералъ покупалъ Варренъ, цѣна этого имѣнія ему казалась слишкомъ высока. Теперь же, когда ему пришлось продавать Варренъ, онъ находилъ, что имѣніе оцѣнено слишкомъ дешево. Онъ взялъ за него двумястами болѣе, чѣмъ самъ заплатилъ, но покупатель зато выговорилъ, чтобы и домъ, и имѣнье были предоставлены ему въ полной исправности. Поэтому весь домъ былъ отданъ на произволъ каменщиковъ,

Digitized by Google

обойщиковъ, маляровъ и стекольщиковъ. Въ распоряженіе Конингэма—кромѣ спальни и комнатъ служителей—оставалась только одна небольшая комната въ задней части дома, выходившая на дворъ. Однажды, сидя здѣсь съ газетой и покуривая утреннюю сигару, онъ услыхалъ черезъ отворенную дверь разговоръ двухъ рабочихъ и сильно заинтересовался имъ.

Другая особа, также глубоко заинтересовавшаяся тѣмъ же самымъ разговоромъ, былъ Боулингъ, по поводу присутствія котораго въ Варренѣ должно сказать въ поясненіе нѣсколько словъ. Характеръ этого человѣка никогда не отличался мягкостью, а въ послѣднее время окончательно испортился — такъ что Боулингъ сдѣлался невыносимымъ. Хозяинъ разсчиталъ его и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Послѣ того Боулингъ пилъ, пока были деньги, а затѣмъ сталъ искать работы и случайно нашелъ ее въ Варренѣ, гдѣ на ту пору требовались рабочія руки.

Каменщики поправляли садовую стѣну и, какъ водится, оставили послѣ себя груды мусора и щебня. Боулингъ неподалеку отъ стеклянной двери той комнаты, гдѣ сидѣлъ генералъ, медленно складывалъ мусоръ въ тачку. Генералъ, скрывшись за занавѣской, курилъ и разсѣянно пробѣгалъ газету: газетныя новости, очевидно, были мало интересны для него. Неподалеку отъ двери этой комнаты находились на ту пору двое рабочихъ: одинъ изъ нихъ красилъ оконную раму, а другой — протиралъ пемзой раму сосѣдняго окна.

— Я думаю, Исаія, что ты не помнишь Джабеса Гергета!—говорилъ старикъ, сморщенный, какъ испорченное лежалое яблоко.

— Слыхалъ я о немъ!—отвѣчалъ молодой рабочій, оставляя свое занятіе, чтобы набить и закурить трубку.

— Слыхалъ?—повторилъ старикъ, также оставляя работу и облокачиваясь на свою лѣстницу.—Такъ вотъ объ этомъ самомъ Джабесѣ говаривали, что «онъ былъ плохъ съ головы до ногъ—откуда на него ни посмотри!» Но, право, такая поговорка скорѣе относится къ этому молодчику, чѣмъ къ бѣдному Джабесу...

— Къ какому молодчику?—переспросилъ его товарищъ.

— А вотъ къ этому, что̀ живетъ здѣсь... къ генералу!—пояснилъ старикъ.

При этихъ словахъ, Боулингъ улыбнулся такъ весело, какъ давно не улыбался. Онъ видѣлъ, какъ генералъ вошелъ въ комнату и сѣлъ—и теперь замѣтилъ, какъ газета соскользнула на полъ, а ноги, виднѣвшіяся изъ-за занавѣски, удобно перекинутыя одна на другую, такъ торопливо были подобраны, какъ будто до нихъ дотронулись раскаленной кочергой. Боулингъ не былъ

Digitized by Google

въ пріятномъ расположеніи духа, но смѣшная сторона этого приключенія развеселила и позабавила его. Онъ полагалъ, что генералъ тотчасъ же встанетъ и уйдетъ, но не тутъ-то было: комедія, которой онъ былъ единственнымъ зрителемъ, продолжалась въ прежнемъ духѣ.

— Когда ты кончишь, Исаія, дай мнѣ покурить твою трубочку!—сказалъ старикъ.

— Изволь!—отозвался молодой человѣкъ и подалъ ему трубку.

Рабочіе со своихъ лѣстницъ могли доставать рукой другъ до друга. Старикъ взялъ трубку, усѣлся на лѣстницѣ и, обхвативъ колѣна своими жилистыми руками, принялся съ чувствомъ, съ разстановкой потягивать трубку. И тутъ много нелестнаго для генерала высказали рабочіе.

— Я желалъ бы, чтобы онъ услыхалъ тебя, дѣдка!—проговорилъ Исаія.

Боулингъ тихонько засмѣялся, опираясь на ручку своей тачки.

— Пусть бы послушалъ!—отозвался старикъ.—Говорятъ, что во время войны съ русскими онъ убѣжалъ изъ Крыма домой, сказавшись больнымъ.

— Нѣтъ! Начальство само прогнало его...—сказалъ молодой рабочій.

— Я слышалъ, что въ ту ночь, какъ жгли его изгороди, Роундъ все отчиталъ ему—въ самомъ лучшемъ видѣ.

— Вотъ-то, я думаю, онъ разозлился! — замѣтилъ юноша.

— Разозлился! — покашливая, съ усмѣшкой промолвилъ старикъ. Вчера на кастль-барфильской Верхней улицѣ я видѣлъ, какъ онъ встрѣтился съ Роундомъ. Сначала я не видалъ Роунда, стоялъ къ нему спиной и смотрѣлъ на генерала... Ну, парень!... еслибы ты только видѣлъ въ то время его глаза! Онъ смотрѣлъ съ такой злобой, какъ лисица, попавшаяся въ капканъ. Я нарочно оглянулся, чтобы узнать: на кого онъ *такъ* смотритъ. Оглянулся и вижу—идетъ Роундъ и улыбается, какъ невинное дитя. Я потомъ и говорю ему: «Ну, мистеръ Роундъ! Еслибы глаза были бритвами, такъ вамъ бы, говорю, недолго жить на бѣломъ свѣтѣ!» А онъ обернулся ко мнѣ и говоритъ: «А-а! Трипъ! Нака выпей лучше за мое здоровье!» И далъ мнѣ полкроны.

— Не знаю на свѣтѣ человѣка лучше его!—замѣтилъ молодой рабочій.—Въ прошломъ году, лѣтомъ я раскрашивалъ его домъ... Онъ ни разу не отпустилъ меня обѣдать домой, все оставлялъ у себя обѣдать—и каждый вечеръ давалъ мнѣ кружку пива.

— Я зналъ его, когда онъ былъ еще такимъ!—сказалъ старикъ, протягивая руку и показывая ею на нѣсколько дюймовъ отъ

Digitized by Google

земли.—У него—золотое сердце. Иные считаютъ его суровымъ, но они ошибаются. Напримѣръ, зачѣмъ онъ далъ мнѣ эту полкрону? Какъ ты думаешь? Ужь, конечно, не затѣмъ, чтобы я, въ самомъ дѣлѣ, напился на эти деньги! Въ полкронѣ два шиллинга и шесть пенсовъ... И онъ очень хорошо знаетъ, что это—немалыя деньги для меня, для старика, работающаго ради насущнаго хлѣба...

— Хорошій онъ человѣкъ!—согласился Исаія.

Разговоръ принималъ направленіе не особенно интересное для Боулинга, и онъ уже собирался приняться за работу, какъ вдругъ опять сталъ прислушиваться. Все, касавшееся исторіи Іова Роунда, обращало на себя вниманіе Боулинга, можетъ быть, именно потому, что этотъ предметъ былъ для него запрещеннымъ.

— Я помню, какъ онъ оставилъ Кастль-Барфильдъ!—заговорилъ старикъ.—Тогда говорили, что онъ завербовался въ лейбъ-гвардію, но это былъ только слухъ и, сколько мнѣ извѣстно, этотъ слухъ впослѣдствіи не подтвердился. Тебѣ, Исаія, сколько лѣтъ?

— Въ іюнѣ исполнится двадцать шесть лѣтъ!—отвѣтилъ собесѣдникъ.—А что тебѣ до этого, Рейбенъ?

— Онъ ушелъ отсюда около того времени!—сказалъ старикъ.—Двадцать шесть лѣтъ прошло... Господи, какъ время идетъ! Все это, какъ будто, было вчера... Онъ тогда поссорился съ отцомъ и сгоряча ушелъ изъ дома...

Генералъ вскочилъ и стоялъ, сжавъ кулаки и широко раскрывъ свои блѣдноголубые глаза. Онъ далъ бы теперь тысячу фунтовъ за то, чтобы сдѣлать одинъ вопросъ и получить на него отвѣтъ. Онъ забылъ свой гнѣвъ, который за минуту передъ тѣмъ чувствовалъ къ дерзкому старику, онъ забылъ теперь все на свѣтѣ, кромѣ Джона Смита и своей возобновившейся увѣренности въ томъ, что этотъ Джонъ Смитъ и Іовъ Роундъ—одно и то же лицо.

— Онъ, видно, недолго былъ въ отсутствіи!—замѣтилъ молодой рабочій.—Вѣдь его дочери-красавицѣ теперь, я думаю, уже около двадцати лѣтъ... Не такъ ли?... А красивая она дѣвушка!

— Правда, пріятель!—Это вѣрно! согласился собесѣдникъ. На нихъ смотришь, какъ на картину, когда они вмѣстѣ. Онъ—такой высокій и сильный, а она—такая стройная, легкая и цвѣтущая... Настоящая роза!

Старикъ сидѣлъ, посасывая трубочку отъ времени до времени, а Боулингъ, чутко прислушиваясь, началъ складывать на тачку мусоръ и щебень. Замѣтивъ, что рабочіе кончили разговоръ, онъ нагрузилъ тачку и повезъ ее.

Генералъ прислушивался, но не слыхалъ ничего болѣе. Старикъ, докуривъ трубку, передалъ ее товарищу и оба, молча, при-

Digitized by Google

нялись за работу. Упоминаніе о томъ времени, когда Іовъ ушелъ изъ роднаго дома, пробудило въ генералѣ прежнюю увѣренность и страстное желаніе разузнать побольше объ этомъ обстоятельствѣ. Потихоньку, но въ сильномъ волненіи, онъ отправился въ свою комнату, надѣлъ сюртукъ и рѣшился во что бы то ни стало переговорить со старикомъ. Сначала его безпокоила мысль: какимъ образомъ онъ заговоритъ съ рабочимъ, не намекая ему на то, что слышалъ его разговоръ съ товарищемъ, — но скоро онъ придумалъ для себя исходъ.

Рабочіе, бывшіе въ Варренѣ, обыкновенно ходили обѣдать въ сосѣдній трактиръ, гдѣ посѣтители пользовались комнатой, каминомъ, ножами и вилками, въ томъ предположеніи, что они здѣсь будутъ требовать пива. Время уже приближалось къ полднику, и генералъ сталъ гулять по той тропинкѣ, по которой его рабочіе ходили въ трактиръ. Возлѣ самой тропинки за изгородью сидѣлъ м-ръ Боулингъ, разложивъ передъ собой на разостланномъ платкѣ хлѣбъ, кусокъ говядины и свинины. М-ръ Боулингъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе необщительнымъ человѣкомъ; большинство товарищей уже знало его нелюдимый нравъ, и всѣ охотно оставляли его въ покоѣ. Увидавъ приближавшагося хозяина и зная, какъ онъ взыскателенъ за каждую прогульную минуту, Боулингъ, чувствуя свое рыльце въ пуху, счелъ благоразумнѣе всего опуститься на дно высохшей канавы. И тамъ, въ молчаніи, онъ продолжалъ спокойно закусывать, пока генералъ ходилъ мимо него по тропинкѣ взадъ и впередъ.

Колоколъ старинной церкви пробилъ полдень и когда колокольный звонъ чрезъ поля донесся до Варрена, рабочіе толпой двинулись по тропинкѣ, по которой расхаживалъ генералъ. Старый рабочій брелъ въ числѣ отставшихъ и генералъ заговорилъ съ нимъ.

— Подождите минутку! Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ!—промолвилъ Конингэмъ.

Боулингъ подсматривалъ изъ-за изгороди и, узнавъ старика-рабочаго, улыбнулся во весь ротъ.

Рабочій остановился съ самымъ невозмутимо-спокойнымъ видомъ. Онъ не подозрѣвалъ, чтобы его разговоръ съ товарищемъ былъ подслушанъ генераломъ, но еслибы и зналъ, что его подслушали, то, очевидно, не особенно обезпокоился бы этимъ обстоятельствомъ. Конингэмъ, замѣтивъ поотставшихъ рабочихъ и не пожелавъ объясняться при нихъ, зашелъ въ домъ и пробылъ тамъ съ минуту. Затѣмъ, увидавъ, что поле для его операцій было очищено, генералъ возвратился къ рабочему. Боулингъ изъ своей

Digitized by Google

засады услыхалъ шаги хозяина и опять улыбнулся—въ ожиданіи пріятной сцены. Первые же слова генерала сильно удивили его.

— Мнѣ кажется, я вчера встрѣтилъ васъ на Верхней Улицѣ?

— Да, встрѣтили!—отвѣтилъ рабочій.

— Вскорѣ послѣ того вы разговаривали съ человѣкомъ, у котораго большая рыжая борода,—по фамиліи Роундъ!

— Да, разговаривалъ!—подтвердилъ рабочій.

Старикъ подумалъ, что Конингэмъ, можетъ быть, слышалъ тѣ слова, какими онъ обмѣнялся съ Іовомъ Роундомъ, и хотѣлъ теперь выругать его. Для того чтобы не отвѣтить какъ нибудь необдуманно, рабочій вытащилъ изъ кармана связку табаку, оторвалъ зубами кусочекъ листа и принялся жевать его. Жеванье,—также, какъ и куренье табаку—въ состояніи замедлять быстроту рѣчи.

— Вы уже давно знаете этого Роунда?—спросилъ Конингэмъ.

Старикъ подумалъ мгновенье и не нашелъ нужнымъ скрывать истину.

— Давно!—отвѣтилъ онъ.

— Вы знали его прежде, чѣмъ онъ ушелъ изъ отцовскаго дома, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ?—продолжалъ Конингэмъ.

— Зналъ его съ дѣтства!—подтвердилъ рабочій.

— Знаете ли вы въ точности то время, когда онъ ушелъ изъ дома? Вы помните, что въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, исполнилось именно двадцать пять лѣтъ?

Старикъ соображалъ... Іовъ Роундъ былъ его давнишній другъ и благодѣтель, а генералъ Конингэмъ—врагъ Іова Роунда... И весьма возможно было предположить, что вопросы генерала клонились ко вреду Роунда.

— Я могу сходить и спросить у него...—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ! Я вовсе не хочу, чтобы вы спрашивали у него,—отозвался генералъ.

Онъ уже замѣтилъ, что старикъ сталъ остерегаться, но его нетерпѣніе было такъ велико, что онъ рѣшился разомъ побороть всѣ препятствія.

— Вѣроятно, вы помните Пинчера—ту собаку, которую Роундъ взялъ съ собой?

«Пинчеръ!»...—раздумывалъ про себя Боулингъ.—Это было имя собаки, о которой не однажды разсказывалъ Джонъ Смитъ и которую отравилъ какой-то офицеръ. Джонъ Смитъ былъ дезертиръ. Бонавентура зналъ тайны своихъ партнеровъ и этимъ способомъ держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Съ помощью извѣстной ему тайны онъ держалъ въ рукахъ и Джона Смита, или—иначе—

Digitized by Google

Іова Роунда, эсквайра... Не генералъ ли—тотъ офицеръ, что отравилъ собаку?... Боулингъ былъ уже близокъ къ открытію тайны.

— Собаку?—переспросилъ рабочій, посматривая на Конингэма.—Я во всю свою жизнь не видалъ у него никакой собаки!

— Вы, повидимому, умѣете прикусывать языкъ, когда надо!—замѣтилъ генералъ, опуская руку въ карманъ. Вотъ вамъ—полкроны! Узнайте навѣрное кличку той собаки, которую Іовъ Роундъ взялъ съ собой, уходя изъ Кастль-Барфильда,—и вы получите соверенъ!

— Вы—не другъ мистеру Роунду...—сказалъ рабочій, взявъ монету.—Смѣю ли я спросить: зачѣмъ вамъ понадобилось узнать теперь объ этой собакѣ?

— Вамъ не для чего спрашивать объ этомъ...—возразилъ Конингэмъ.—Ну, подумайте сами: какое зло можетъ выйти Іову Роунду изъ того, что я узнаю кличку его собаки?

— Этого ужь я не знаю и ничего сказать не могу!—отозвался старикъ.

Конингэмъ взялъ кошелекъ и вынулъ изъ него пять совереновъ.

— Подумайте и постарайтесь узнать то, что мнѣ нужно!—сказалъ онъ, вертя въ рукахъ монеты. Вы можете легко это сдѣлать. Есть, конечно, въ живыхъ еще люди, которые вспомнятъ эту собаку, если вы заговорите о ней... Когда вы будете въ состояніи доказать мнѣ, что ту собаку, дѣйствительно, звали Пинчеръ—приходите ко мнѣ и получите пять фунтовъ!

Генералу думалось, что рабочій соблазнился бы такими деньгами, еслибы зналъ что нибудь о Пинчерѣ, но, конечно, тотъ запросилъ бы гораздо болѣе, еслибы зналъ, какъ много зависитъ отъ его отвѣта на простой и, повидимому, совершенно невинный вопросъ.

— Можетъ быть, я заработаю эти деньги!—глухо проговорилъ рабочій и подумалъ про себя: «А отъ Іова Роунда я, можетъ быть, получу больше... Ужь недаромъ, молодчикъ, ты такъ стараешься!»

— Прекрасно!—сказалъ Конингэмъ.—Такъ не болтайте лишняго; узнайте то, что мнѣ нужно, и получите пять фунтовъ!

— Буду помнить!—отозвался рабочій.

Конингэмъ, молча, кивнулъ ему головой и брякнулъ деньгами прежде, чѣмъ опустить ихъ въ кошелекъ. Затѣмъ, съ кошелькомъ въ рукѣ, онъ стоялъ нѣсколько минутъ, смотря вслѣдъ удалявшемуся рабочему.

— Я не пожалѣлъ бы тысячи фунтовъ, лишь бы узнать всю правду!—вполголоса задумчиво промолвилъ генералъ Конингэмъ.

Digitized by Google

И съ этими словами онъ повернулся и медленно пошелъ, оставивъ въ величайшемъ удивленіи Боулинга, скрывавшагося за изгородью.

Теперь онъ зналъ исторію Іова. Онъ зналъ, что Іовъ когда-то завербовался въ солдаты и дезертировалъ. Онъ зналъ исторію собаки... Оставались лишь незначительные пробѣлы, которые съ помощью небольшой проницательности можно было уже легко дополнить. Теперь только вопросъ въ томъ: не генералъ ли Конингэмъ тотъ офицеръ, котораго отчаянный Джонъ Смитъ едва не задушилъ въ присутствіи военнаго суда и поколотилъ при его подчиненныхъ? Если это такъ, то Боулингъ теперь могъ скоро отомстить своему безжалостному тирану. Будучи самъ дезертиромъ, Боулингъ очень хорошо понималъ: какъ Іовъ долженъ былъ опасаться раскрытія своей тайны. И зарытый кладъ, по которомъ онъ такъ скорбѣлъ душою, могъ наконецъ попасть ему въ руки... Онъ боялся угрозъ Іова, и эти страшныя угрозы заставляли его молчать, но м-ру Боулингу не придется болѣе бояться его, если генералъ Конингэмъ окажется дѣйствительно тѣмъ человѣкомъ, за какого онъ принимаетъ его...

Въ тяжкомъ раздумьѣ онъ кончилъ свой завтракъ, затѣмъ возвратился къ своему мусору и, кончивъ уборку, отправился подстригать садовую изгородь. Здѣсь-то и встрѣтилъ его Ааронъ Виттекеръ. Словно, самъ дьяволъ нарочно сводилъ этихъ людей... Одинъ изъ нихъ запутался въ своихъ темныхъ дѣлишкахъ и въ отчаяніи готовъ былъ идти напроломъ, а другой — жаждалъ мщенья и громадныхъ богатствъ, лежащихъ подъ спудомъ въ землѣ.

III.

— По ту сторону изгороди никого нѣтъ?—таинственнымъ шопотомъ спросилъ Ааронъ, подкрадываясь къ Боулингу.

— Нѣтъ никого!—грубо отвѣтилъ тотъ.

— Я желаю поговорить съ вами! — сказалъ Ааронъ.—Мнѣ нужно сообщить вамъ кое-что интересное для васъ.

— Могу васъ увѣрить, что вы не можете сказать мнѣ ничего такого, что́ было бы мнѣ пріятно слышать! — отозвался Боулингъ.—Долго ли вы еще будете надоѣдать мнѣ?

— Желаете ли вы раздѣлить со мною *ть* деньги? — продолжалъ Виттекеръ, наклоняясь къ матросу.

— Какія деньги?—съ проклятіемъ переспросилъ Боулингъ.

— Вы знаете, о какихъ деньгахъ я говорю!—шопотомъ про-

Digitized by Google

молвилъ Ааронъ.—Вы желаете раздѣлить ихъ, не такъ ли? Ну, я также желаю!

Боулингъ оглянулся по сторонамъ и потомъ посмотрѣлъ на него. Лицо Аарона было блѣдно и взволновано.

— Прежде всего, вы должны узнать: гдѣ лежатъ деньги...— заговорилъ Боулингъ.—Затѣмъ вы должны взять заступъ и идти— доставать деньги. Вотъ что вамъ нужно сдѣлать, молодой человѣкъ!

— Вы все думаете, что меня педсылаетъ къ вамъ Роундъ?— проворчалъ Ааронъ.—Вы полагаете, онъ такъ простъ, что довѣритъ мнѣ свои тайны! Какъ же!.. Неужели вы не понимаете, что мы могли бы работать въ этомъ дѣлѣ сообща? Неужели вы не видите, какъ вы глупы?

— Я вижу, что вы—глупы! Это такъ!—быстро отвѣтилъ Боулингъ.

— Со мной случилось такое несчастье, какого еще не бывало...—прошепталъ Ааронъ.—Я могу, когда мнѣ вздумается, во всякое время, пробраться въ домъ Роунда. Если вы знаете, гдѣ найти ту бумагу,—тотъ документъ, необходимый для насъ,—я могу достать его. Станемъ помогать другъ другу и раздѣлимъ деньги поровну.

Матросъ опять оглянулся по сторонамъ и посмотрѣлъ на юношу. Ааронъ стойко выдержалъ испытующій взглядъ.

— Я не намѣренъ рисковать своей головой и желаю пока сохранить ее на своихъ плечахъ!—проговорилъ Боулингъ, кивнувъ головой.—Когда же мнѣ наскучитъ жизнь, тогда я заговорю съ вами объ этомъ дѣлѣ!

— Проклятый трусъ! — проворчалъ Ааронъ. — Развѣ вы не видите, что я говорю съ вами серьезно и совершенно искренно? Взгляните на меня!

Боулингъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Я вамъ говорю, что со мной случилось несчастье! Я—въ отчаяніи. Если Іовъ Роундъ узнаетъ о моихъ дѣлахъ, то не пуститъ меня къ себѣ на порогъ. А узнаетъ онъ о моихъ дѣлахъ черезъ недѣлю, навѣрное. Помогите мнѣ, и я воспользуюсь этой недѣлей въ нашихъ общихъ интересахъ! Почему бы намъ не разбогатѣть? Еслибы вы знали, гдѣ тотъ документъ съ указаніемъ «широты и долготы мѣста», и еслибы могли взять, неужели вы отказались бы захватить его?

Боулингъ отошелъ немного отъ изгороди и Ааронъ послѣдовалъ за нимъ.

— Шутки въ сторону!—заговорилъ матросъ, обѣими руками, съ силой ухвативъ его за пальто. — Ни за сорокъ Іововъ Роун-

Digitized by Google

довъ я не позволю долѣе мучить себя такимъ образомъ... Слышите? Ступайте же и скажите ему, что́ я теперь говорю... Я взялъ бы ту вещь, на которой обозначены «широта и долгота» только послѣ того, какъ разрѣзалъ бы *его* самого на мелкіе куски. Но не ранѣе... Теперь вы слышали—и можете идти и пересказать ему!

— Пересказать *ему!*—огрызнулся Ааронъ. — Я вамъ говорю, что и самъ я того же желаю. Вы считаете его моимъ другомъ! Онъ ненавидитъ меня отъ всей души...

— Однако вы женитесь на его дочери!—замѣтилъ Боулингъ.

— Нѣтъ!—пробормоталъ Ааронъ, отвертываясь отъ него.— Нѣтъ! Этому не бывать... (Онъ уже плакалъ сегодня и теперь почувствовалъ, что слезы опять навертывались у него на глаза). Я вамъ говорю, что черезъ недѣлю онъ прогонитъ меня, если я осмѣлюсь показаться къ нему!—страстнымъ, выразительнымъ шопотомъ продолжалъ Ааронъ.—Неужели вы не видите, что я говорю серьезно, что мнѣ можно вѣрить? Неужели вы еще сомнѣваетесь во мнѣ?

— Ну, идите впередъ—вотъ по этой дорогѣ!—сказалъ Боулингъ.—Когда я свисну, поверните направо; когда въ другой разъ свисну, остановитесь. Здѣсь — не мѣсто разговаривать о такихъ дѣлахъ. Маршъ!

Ааронъ колебался и съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на него.

— Маршъ!—повторилъ Боулингъ,—и Ааронъ Виттекеръ полумашинально повернулся по направленію, указанному ему матросомъ, и пошелъ по проселку.

Ааронъ Виттекеръ представлялъ собой одну изъ странныхъ, весьма интересныхъ для наблюденія натуръ, которыя, впрочемъ, нерѣдко встрѣчаются въ жизни. Всѣ люди, обыкновенно, сначала думаютъ, а потомъ говорятъ. У Аарона же было наоборотъ: онъ сначала говорилъ, а затѣмъ начиналъ уже раздумывать...

Пока Ааронъ видѣлъ передъ собой Боулинга и разговаривалъ съ нимъ, его представленія о зарытыхъ сокровищахъ, объ опасностяхъ и непріятностяхъ, ему угрожающихъ, были вполнѣ отвлеченнаго свойства. Теперь же, когда онъ поговорилъ о кладѣ опасенія стали расти, развиваться, облекаться въ плоть и кровь—до того, что наконецъ причинили ему сильное душевное потрясеніе...

Придумывая всякія хитрости и уловки и мысленно поминутно попадая впросакъ, Ааронъ Виттекеръ шелъ прямо проселкомъ, до тѣхъ поръ, пока обѣщанный свистокъ м-ра Боулинга не заставилъ его повернуть направо, откуда дорога съ глубоко про-

Digitized by Google

рѣзанными колеями шла между двумя безлиственными изгородями, по направленію къ полямъ. Дорога вилась вверхъ по склону небольшаго холма, и Ааронъ, поднявшись на холмъ, увидалъ передъ собой какое-то маленькое строеніе—не то коттэджъ, не то хижину, гдѣ, какъ онъ узналъ впослѣдствіи, жилъ Боулингъ, уплачивая за помѣщеніе по восемнадцати пенсовъ въ недѣлю. Эта мѣстность вполнѣ удовлетворяла его склонности къ уединенію. Второй свистокъ заставилъ Аарона остановиться передъ этимъ жилищемъ; молодой человѣкъ съ испугомъ оглянулся назадъ, какъ бы ожидая увидать за собой не Боулинга, а кого-то другаго. Іовъ Роундъ сталъ теперь повсюду мерещиться Аарону Виттекеру...

Боулингъ подошелъ къ нему своею покачивающеюся матросскою поступью, досталъ ключъ и всунулъ его въ заржавленный замокъ. Ключъ съ жалобнымъ визгомъ повернулся въ замкѣ, и хозяинъ, отворивъ дверь, предложилъ Аарону войти. Молодой человѣкъ повиновался ему и вскорѣ очутился въ комнатѣ съ кирпичнымъ поломъ, какой дѣлаютъ въ конюшняхъ, и освѣщенной однимъ маленькимъ оконцемъ, пробитымъ высоко въ стѣнѣ. Небольшой, грубой работы столъ, со слѣдами стершейся зеленой краски, стоялъ почти среди комнаты; подъ одну изъ его ножекъ былъ подложенъ кирпичъ. Тростниковый стулъ съ изломанной спинкой и съ полупродавленнымъ сидѣньемъ былъ придвинутъ къ столу. На грязномъ заброшенномъ очагѣ лежали груды сѣрой золы. Въ углу виднѣлся матросскій сундукъ.

Хозяинъ вынулъ ключъ и заперъ дверь изнутри. Затѣмъ онъ прямо подошелъ къ сундуку, опустился передъ нимъ на колѣни и, открывъ крышку, сталъ рыться въ своемъ хламѣ. Наконецъ, онъ поднялся на ноги и показалъ Аарону какую-то старую толстую книгу небольшаго формата.

— Снимите шляпу!—сказалъ Боулингъ, самъ снявъ свою войлочную шляпу и бросивъ ее въ уголъ.

Теперь оказывалось, что у него былъ открытый лобъ, составлявшій рѣзкій контрастъ съ остальнымъ его смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ, на которомъ въ теченіе многихъ лѣтъ южное солнце и морской вѣтеръ оставили свой неизгладимый отпечатокъ. Вообще, теперь Боулингъ глядѣлъ совсѣмъ почтеннымъ человѣкомъ. Ааронъ повиновался и положилъ свою шляпу на столъ.

— Вы должны относиться теперь къ этой книгѣ также, какъ вы относились бы къ ней въ судѣ!—сказалъ хозяинъ, раскрывая

Digitized by Google

книгу и перелистывая ее. — Это—священное писаніе... Вотъ — Матѳей, Маркъ, Лука, Іоаннъ... Вотъ, посмотрите!

И онъ подалъ книгу Аарону.

— Да! Это евангеліе,—отозвался тотъ, догадываясь, что Боулингъ намѣревался привести его къ присягѣ.

— Посмотрите хорошенько!—повторилъ хозяинъ.

— Я вижу, что это—евангеліе!—подтвердилъ Ааронъ, перелистывая книгу.

— Очень хорошо! Теперь положите на нее правую руку и повторяйте за мной: «Симъ клянусь, что я буду всегда поступать честно и чистосердечно въ отношеніи Вилльяма Дэна—иначе называемаго Томасомъ Боулингомъ! Если же я измѣню вышеупомянутому Вилльяму Дэну, иначе называемому Томасомъ Боулингомъ, ради Іова Роунда или кого нибудь другаго, если я причиню зло вышесказанному Вилльяму Дэну, то пусть я буду проклятъ и осужденъ навѣки въ будущей жизни! Итакъ, помоги мнѣ, Господи!»... Теперь поцѣлуйте книгу — только смотрите: не палецъ, а именно книгу...

Ааронъ повторилъ продиктованную ему формулу присяги, поцѣловалъ книгу и передалъ ее Боулингу, а тотъ опять спряталъ ее въ сундукъ. По тому почтенію, съ какимъ онъ относился къ этой старой книгѣ, можно было заключить, что Боулингъ придавалъ ей какія-то сверхъестественныя качества.

— Ну, теперь вы поклялись и знаете: что̀ ожидаетъ васъ, если вы вздумаете лукавить со мной и водить меня за носъ!— сказалъ Боулингъ.

Ааронъ серьезно кивнулъ ему головой и при этомъ невольно почувствовалъ внутреннюю дрожь при видѣ мрачной рѣшимости своего сотоварища.

— А теперь разскажите мнѣ: какое несчастье приключилось съ вами!

— Я вступилъ въ компанію съ Бечемъ, вашимъ хозяиномъ...

— Съ моимъ хозяиномъ! — воскликнулъ Боулингъ.—У меня нѣтъ хозяина... Я—не вещь, и не могу никому принадлежать... Бечъ—мой наниматель.

— Такъ съ вашимъ нанимателемъ,—поправился Ааронъ,—и съ Эзекіилемъ Роундомъ, отцомъ Іова Роунда. Мы открыли копь, но дѣло не выгорѣло... Впрочемъ, для того чтобы вы поняли меня, нужно начертить планъ.

— Вотъ кусокъ мѣла! Чертите на столѣ!—сказалъ Боулингъ.

Ааронъ взялъ мѣлъ и съ помощью чертежа просто и скоро объяснилъ собесѣднику все дѣло. Затѣмъ, онъ передалъ суть

Digitized by Google

своего утренняго разговора съ надзирателемъ Морлеемъ. Боулингъ только, молча, кивалъ головой въ знакъ того, что онъ понимаетъ все дѣло, какъ должно.

— Садитесь!—сказалъ хозяинъ, когда разсказъ былъ конченъ.

Ааронъ помѣстился на сломанномъ стулѣ, а Боулингъ усѣлся на столъ.

— Вы идете на опасное дѣло, и я иду на опасное дѣло! — началъ хозяинъ, посматривая сверху на Аарона.—Вы видите это? (Онъ провелъ по рубцу, виднѣвшемуся на его лицѣ, тѣмъ пальцемъ, съ котораго былъ содранъ ноготь). Это — образчикъ работы Іова Роунда. Видите?

Шрамъ былъ такъ явственно замѣтенъ, что́ Аарону оставалось только сказать: «да».

— Ну, въ такомъ случаѣ вы знаете, что́ вамъ можетъ угрожать!—сказалъ Боулингъ.—И теперь вы должны спросить себя: «Достанетъ ли у меня храбрости идти напроломъ и вести до конца это дѣло?» На этотъ вопросъ вы должны отвѣтить: да или нѣтъ!

— Если я возьмусь за дѣло, то ужь не остановлюсь ни передъ чѣмъ!—отозвался Ааронъ.

— Теперь я не могу еще сказать вамъ: гдѣ и какимъ образомъ Іовъ Роундъ хранитъ то, что́ намъ нужно! — проговорилъ Боулингъ.—Я вамъ не открою этого раньше завтрашняго дня. А можетъ случиться, что и завтра не скажу. Мнѣ еще надо сначала устроить тутъ одно дѣльце...

— Но мы съ вами не будемъ гоняться за призраками!—спросилъ Ааронъ.—Вы увѣрены, что сокровища, дѣйствительно, лежатъ тамъ?

— Я видѣлъ ихъ передъ тѣмъ, какъ ихъ зарыли...—съ тяжкимъ вздохомъ промолвилъ Боулингъ.—Я знаю навѣрное, что они *были* зарыты тамъ и слышалъ отъ самого Іова Роунда, что они не взяты оттуда. Я въ этомъ увѣренъ также, какъ въ томъ, что теперь стою здѣсь живъ и невредимъ!

Онъ всталъ и сжалъ кулаки. Глаза его горѣли дикимъ огнемъ, а по смуглому лицу разлилась блѣдность, вскорѣ уступившая мѣсто яркому румянцу.

— Я знаю, что деньги—тамъ! — повторилъ онъ со страстнымъ увлеченьемъ. Не можетъ быть и тѣни подозрѣнія, что онѣ кѣмъ нибудь найдены. Въ той сторонѣ нѣтъ никакого жилья. Тамъ круглый годъ рыщутъ только лисицы да волки... Тамъ не встрѣтите ни души живой. Тамъ—пустыня...

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же мы будемъ терять золотое время?—замѣтилъ Ааронъ Виттекеръ.

— Я не хочу терять ни минуты!—возразилъ Боулингъ.—Но я знаю, что̀ предстоитъ впереди, и поэтому хочу позаботиться о своей безопасности... Въ восемь часовъ вечера будьте здѣсь. Въ это время уже совсѣмъ темно, и васъ никто не увидитъ. Если-бы Іовъ Роундъ увидалъ насъ вмѣстѣ, онъ тотчасъ же бы догадался обо всемъ и разомъ порѣшилъ бы съ нами... Теперь я посмотрю: нѣтъ ли кого въ полѣ,—а затѣмъ вы можете идти...

— А что̀ вы будете дѣлать сегодня послѣ обѣда?—спросилъ Ааронъ.

— Не заботьтесь о томъ, что̀ я буду дѣлать!—отвѣчалъ Боулингъ. — Можетъ быть, мнѣ удастся заработать немного денегъ... Вѣдь съ пустыми руками не отправишься на Балканы!

Онъ отворилъ дверь и выглянулъ въ нее. Затѣмъ, возвратившись въ комнату, онъ взялъ свою войлочную шляпу, вытеръ ее о колѣно и, нахлобучивъ на лобъ, отправился на рекогносцировку. Онъ обошелъ вокругъ хижины и зорко оглядѣлся на всѣ стороны.

— Можете идти!—объявилъ онъ, возвратившись въ комнату.— Дорога свободна!.. Такъ помните же: сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ! Я, можетъ быть, сообщу вамъ кое-что...

Боулингъ въ присутствіи Іова Роунда вовсе не походилъ на того человѣка, какимъ онъ являлся передъ Ааромомъ Виттекеромъ. Такъ дрянная собачонка въ присутствіи сильной охотничьей собаки ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ съ маленькими, слабосильными собачками, которымъ она можетъ задать таску. Этотъ хвастунъ и трусъ съ загорѣлымъ лицомъ, обезображеннымъ шрамомъ, казался страшенъ Аарону. Должно отдать справедливость Боулингу: Іовъ Роундъ и французъ, искатель приключеній, по имени Геркулесъ Асмодей Бонавентура, уже давно исчезнувшій со страницъ нашего романа, были единственные люди, наводившіе на него страхъ. Иногда невольно онъ долженъ былъ признавать силу власти и преклоняться передъ ней,—но только эти два человѣка были настоящими господами и повелителями Боулинга.

Въ настоящемъ случаѣ, и физическія преимущества были на сторонѣ матроса; хотя Ааронъ былъ сложенъ недурно, но все таки не могъ тягаться со своимъ единомышленникомъ. Такимъ образомъ, Ааронъ нашелъ себѣ господина, и хотя онъ въ этомъ не признавался себѣ, но въ глубинѣ души чувствовалъ, что онъ будетъ съ полной покорностью повиноваться ему. При этомъ

Digitized by Google

излишне упоминать, что молодой человѣкъ вовсе не намѣревался дѣлиться съ Боулингомъ зарытыми сокровищами, и черезъ полчаса послѣ того какъ оставилъ его хижину, уже придумалъ нѣсколько способовъ отдѣлаться отъ сотоварища — въ томъ случаѣ, еслибы пришлось разоблачить тайну.

Боулингъ, тотчасъ послѣ его ухода, съ задумчивымъ видомъ, медленно направился къ мѣсту своей работы. Его рабочія перчатки и большія ножницы лежали тамъ же, гдѣ онъ бросилъ ихъ, уходя съ Ааропомъ. Теперь онъ поднялъ ихъ и, посмотрѣвъ съ усмѣшкой, промолвилъ:

— Вы мнѣ болѣе не нужны!

Онъ перелѣзъ черезъ изгородь и, помахивая перчатками и ножницами, пошелъ къ Варрену. Придя туда, онъ направился къ помѣщенію служителей и постучалъ въ дверь. Грумъ отворилъ ему.

— Мнѣ нужно видѣть генерала!—сказалъ Боулингъ.

— А зачѣмъ вамъ нужно видѣть его?—съ улыбкой спросилъ грумъ.

— Когда устроится мое дѣло съ генераломъ, тогда, молодой человѣкъ, вы можете спросить его: зачѣмъ мнѣ нужно было видѣть его!—невозмутимо отвѣтилъ Боулингъ.—И вашему хозяину будетъ пріятно увидаться со мной. Мои слова вамъ, быть можетъ, кажутся странны, но это—такъ... Я пришелъ сообщить ему важное извѣстіе!

— Какъ ваше имя? И отъ кого вы пришли?—спросилъ грумъ.

— Мое имя—Томасъ Боулингъ. А насчетъ того, отъ кого я пришелъ—я скажу вашему хозяину. Пожалуйста, передайте ему, что Томасъ Боулингъ хочетъ сообщить ему нѣчто пріятное и интересное для него.

— Я не берусь передавать такое порученіе,—да это и не мое дѣло!—сказалъ грумъ.—Да вонъ кстати—генералъ у конюшенъ... можете идти и переговорить съ нимъ!

Боулингъ обернулся и пошелъ черезъ вымощенный камнемъ дворъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ генералъ, указывая на что-то тростью своему конюху. Онъ скоро замѣтилъ Боулинга, почтительно подходившаго къ нему со шляпой въ рукѣ и отдававшаго честь по военному.

— Что вамъ нужно?—сердито спросилъ Конингэмъ.

— Свидѣтельствую вамъ мое почтеніе, сэръ!—началъ Боулингъ.—Я хотѣлъ бы поговорить съ вами!

— Ну, въ чемъ же дѣло?

Боулингъ посмотрѣлъ на конюха, стоявшаго неподалеку отъ нихъ.

Digitized by Google

— Говорите!—повторилъ Конингэмъ.

— Съ вашего позволенія, сэръ,—сказалъ Боулингъ, вторично отдавая честь,—я желалъ бы поговорить съ вами наединѣ... насчетъ бульдога, сэръ, по кличкѣ «Пинчеръ»...

Послѣднія слова онъ проговорилъ такъ тихо, что генералъ едва разслышалъ ихъ. Конингэмъ вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Ступайте сюда, за мной!—сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ Боулингъ кивнулъ ему на конюха.

Онъ быстро прошелъ по двору и черезъ калитку направился въ поле.

— Ну! Что вы желаете сказать мнѣ?—обратился онъ къ Боулингу, когда калитка захлопнулась за ними.

— Если не ошибаюсь, вы желали получить свѣдѣнія о бульдогѣ, подъ кличкой Пинчеръ?—спросилъ тотъ въ свою очередь,—вертя въ рукахъ войлочную шляпу.

— Что́ же вы знаете о собакѣ и какъ провѣдали о томъ, что я желаю получить свѣдѣнія о ней?—продолжалъ Конингэмъ.

— Я много слыхалъ объ этой собакѣ!—отвѣтилъ Боулингъ.—Если это та самая собака, которою вы интересуетесь, то я знаю и ея хозяина... Только сначала позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ. Не оскорбилъ ли васъ когда нибудь человѣкъ, по имени Джонъ Смитъ, которому принадлежалъ бульдогъ Пинчеръ?

Блѣдноголубые глаза Конингэма блеснули при этомъ вопросѣ,—и, прежде чѣмъ генералъ отвѣтилъ, Боулингъ уже зналъ, что онъ сюда пришелъ не напрасно.

— Да! Этотъ человѣкъ оскорбилъ меня!—отвѣтилъ генералъ.

— И потомъ тотъ же самый человѣкъ въ судѣ напалъ на васъ и едва не задушилъ до смерти?

— Да! Я вторично былъ оскорбленъ этимъ человѣкомъ—отозвался Конингэмъ.

Его холодные голубые глаза блестѣли теперь, какъ ледъ на солнцѣ, а руки конвульсивно сжимали трость.

— Такъ вы говорите, что знаете этого человѣка?—спросилъ онъ.

— Даже, могу сказать, довольно хорошо знаю!—отвѣтилъ Боулингъ.—Вотъ это—его рукъ дѣло!—добавилъ онъ, указывая на шрамъ.—Я ношу этотъ знакъ уже въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.

— Вы знаете этого человѣка... Ну и что жъ? Вы можете представить доказательства?—спрашивалъ генералъ, помахивая палкой.

— А позвольте узнать,—медленно заговорилъ Боулингъ,—

Digitized by Google

когда вы узнаете этого человѣка и будете имѣть доказательства противъ него, будетъ ли онъ лишенъ возможности вредить людямъ?

— За это я вамъ ручаюсь!—отвѣтилъ генералъ.—Вамъ нечего безпокоиться о своей безопасности.

— Ну, въ такомъ случаѣ: что вы можете заплатить мнѣ, если я представлю вамъ нужныя улики?

— Я вамъ дамъ десять фунтовъ!—проговорилъ генералъ, принимая въ соображеніе жалкій костюмъ своего собесѣдника и затаенное желаніе этого человѣка отомстить за наложенный на него шрамъ.

— Ну, нѣтъ!—проворчалъ Боулингъ.—Сегодня утромъ вы говорили, что дали бы тысячу фунтовъ за то, чтобы получить свѣдѣнія о собакѣ. Генералъ! Куйте желѣзо, пока горячо! Кончайте дѣло сію же минуту, пока я не ушелъ отсюда... Я предамъ этого человѣка въ ваши руки и возьму съ васъ за это сто фунтовъ—ни однимъ пени меньше.

— Кто вамъ сказалъ, что я далъ бы тысячу фунтовъ за свѣдѣнія о собакѣ?—спросилъ Конингэмъ.

— Вы сами сказали!—отвѣтилъ Боулингъ.—Вы стояли по сю сторону изгороди, а я работалъ по ту сторону и все слышалъ... Вы сказали: «Я не пожалѣлъ бы тысячи фунтовъ, лишь бы узнать всю правду!».

Конингэмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и затѣмъ возвратился къ Боулингу.

— Я исполню ваше желаніе за сто фунтовъ, но ни пенни меньше!—повторилъ тотъ.

— Вы получите сто фунтовъ въ тотъ день, когда этотъ человѣкъ очутится у меня въ рукахъ!—сказалъ генералъ.

— Нѣтъ, не такъ!—возразилъ Боулингъ.—Я долженъ получить эти сто фунтовъ въ ту минуту, какъ представлю вамъ улики... Я не хочу встрѣчаться съ нимъ и не могу показываться въ этихъ мѣстахъ. Я долженъ быть за тысячи миль отсюда—прежде чѣмъ онъ будетъ арестованъ...

— Такъ вы можете представить мнѣ доказательства?—спросилъ Конингэмъ.—Какого же рода эти доказательства?

— Я вамъ могу указать въ Плимутѣ двухъ человѣкъ, знавшихъ Джона Смита, которые не откажутся подъ присягой указать его. Я могу найти въ Плимутѣ того человѣка, которому Джонъ Смитъ разсказывалъ свою исторію и притомъ грозился убить того офицера, который отравилъ его собаку. Вы, генералъ, знаете этого офицера? Не такъ ли?

Digitized by Google

— Вы, пріятель, становитесь уже слишкомъ фамильярны!— замѣтилъ генералъ, сбрасывая со своей руки руку Боулинга.

— Достаточны будутъ для васъ эти улики?—спросилъ Боулингъ.

— А кто этотъ человѣкъ, котораго вы выдаете?—вмѣсто отвѣта, спросилъ Конингэмъ.

— Теперь я еще не могу исполнить ваше желаніе!—съ усмѣшкой проговорилъ Боулингъ, качнувъ головой.—Вы не должны трогать этого человѣка до тѣхъ поръ, пока я не буду вполнѣ готовъ исчезнуть отсюда. И я прошу васъ, генералъ, дать клятву въ томъ, что вы не тронете его до тѣхъ поръ, пока я не скажу, что я—готовъ...

— Повторяю: вамъ нечего безпокоиться о своей безопасности!— сказалъ Конингэмъ.—Если вы доставите тѣ доказательства, о которыхъ говорите, то ваше имя не будетъ нигдѣ упомянуто и вы вовсе не будете фигурировать въ этомъ дѣлѣ.

— Надо ли мнѣ безпокоиться о своей безопасности или нѣтъ, это ужь мое дѣло, не ваше! — грубо замѣтилъ матросъ. Прошу васъ дать торжественную клятву, что вы не тронете этого человѣка до тѣхъ поръ, пока я не скажу вамъ, что я—готовъ!

— А когда же это будетъ?—спросилъ Конингэмъ.

— Приблизительно, не дальше, какъ черезъ недѣлю... А, можетъ быть, и скорѣе!

— А до тѣхъ поръ вы мнѣ скажете имена и позволите удостовѣриться въ справедливости вашего разсказа?

— Въ Плимутѣ? Да, можете!—отвѣтилъ Боулингъ, не обращая вниманія на тонкій сарказмъ, звучавшій въ словахъ его собесѣдника.—Но сначала вы должны дать клятву, что—пока я не дамъ сигнала—вы ничего не предпримете здѣсь. Въ Плимутѣ вы можете дѣлать, что вамъ угодно. Но пока не дадите клятвы, ничего отъ меня не услышите... Итакъ, поклянитесь, что вы заплатите мнѣ сто фунтовъ золотомъ, когда найдете тѣхъ людей, которыхъ я укажу вамъ, и убѣдитесь, что они, дѣйствительно, знаютъ Джона Смита и—въ случаѣ нужды—могутъ подъ присягой удостовѣрить его личность!

— Но скажите же мнѣ имя этого человѣка! — сказалъ генералъ.

— Поклянитесь!—настаивалъ матросъ.

— Но вѣдь я уже далъ обѣщаніе!—возражалъ Конингэмъ.

— Этого для меня недостаточно! — рѣшительно проговорилъ Боулингъ.

Digitized by Google

Генералъ долженъ былъ уступить, согласиться на всѣ условія Боулинга и дать торжественную клятву.

— Этотъ человѣкъ—Іовъ Роундъ, эсквайръ изъ Конакъ-Коттэджа!—промолвилъ Боулингъ.—Ну, теперь помните, что вы поклялись!

Сердце Конингэма радостно забилось. «Наконецъ-то провидѣніе предаетъ этого мошенника въ мои руки!»—сказалъ онъ про себя.

IV.

— Шахматная игра представляетъ злую сатиру на окружающую насъ дѣйствительность!—говорилъ Армстронгъ.—Берегите короля во что бы то ни стало. Безъ него игра немыслима. Король необходимъ, но въ то же время онъ совершенно безполезенъ и никому не нуженъ... Это несчастное созданіе способно только сдѣлать шагъ во время—въ ту или другую сторону. Народъ за него проливаетъ кровь; церковь, въ лицѣ епископа, стоитъ за него горой... Если вы находите, Іовъ, какое нибудь противорѣчіе въ моихъ словахъ — относительно необходимости и въ то же время безполезности короля, то порицайте за это изобрѣтателя шахматной игры, а не меня: я только констатирую фактъ. Затѣмъ, посмотрите на прочія фигуры... Конь первоначально, очевидно, былъ законовѣдомъ, казуистомъ; недаромъ онъ дѣлаетъ такіе прыжки въ сторону. Башня прежде была рыцаремъ... Что такое рыцарь старыхъ временъ, какъ не ходячая башня, покрытая желѣзомъ?.. Затѣмъ шахматная игра еще разъ подтверждаетъ принципъ гинекократіи.

— Какъ такъ?—спросилъ Іовъ, серьезно посмотрѣвъ на старика.

— Гинекократія—царство юбокъ, сказать иначе!—съ усмѣшкой пояснилъ Армстронгъ. — Дама — въ шахматахъ — управляетъ всѣмъ... Притомъ, шахматная игра носитъ чисто республиканскій характеръ. Всякая пѣшка, если съумѣетъ проворно пройти всю доску до конца, можетъ сдѣлаться епископомъ или барономъ, а при случаѣ можетъ даже завладѣть и королевскимъ саномъ. Наконецъ, въ этой игрѣ—много поэзіи. Вы только присмотритесь къ ней повнимательнѣе, посмотрите на эти разнохарактерныя фигуры.

И старикъ принялся описывать всю поэтическую прелесть шахматной игры, и въ его описаніи шахматныя фигуры, дѣйствительно, становились какъ бы живыми существами, то борющимися, то унывающими, то торжествующими...

Digitized by Google

— Клемъ! Берегите ваши лавры!—сказалъ Іовъ, обращаясь къ горбуну, сидѣвшему неподалеку въ креслѣ.—Армстронгъ становится поэтомъ!

— А вы не знаете, что вашъ тесть уже давно поэтъ?—отозвался Клемъ.

— Попридержите вашъ языкъ, дружище!—полусердито, полусерьезно замѣтилъ Армстронгъ.

— Я не хочу, сэръ, придерживать свой языкъ!—сказалъ Клемъ.—И ужь если на то пошло, если вы заговорили со мной такимъ тономъ, м-ръ Армстронгъ, то я сейчасъ же покажу Іову то, что у меня теперь лежитъ въ карманѣ!

— Дѣлайте, какъ знаете... что хотите!—съ полунасмѣшливымъ, съ полузастѣнчивымъ видомъ проговорилъ старикъ.—Только не въ моемъ присутствіи... А вотъ ужо, какъ уйду!.. Когда я былъ молодъ, то иногда любилъ въ свободную минуту кропать стихи!—возвышая голосъ, говорилъ Армстронгъ, какъ бы желая не дать возможности продолжать Клему.—Это были, просто, невинныя забавы; я имъ не придавалъ никакого особеннаго значенія... И все это ужь давно прошло и забыто...

— А что такое у васъ въ карманѣ, Клемъ?—спросилъ Іовъ.—Впрочемъ, постойте, не торопитесь! Знаете ли вы, что я обладаю вторымъ зрѣніемъ? Вотъ посмотримъ: не въ состояніи ли я прочесть то, что у васъ въ карманѣ...

И Іовъ, полузакрывъ глаза, началъ декламировать:

„Другъ моей юности, старый мой другъ,
Благословляю тебя, милый Джони..."

— Не такъ ли?—спросилъ онъ Клема.

— Такъ!—подтвердилъ Клемъ.

— Клемъ! Вы нарушили свое слово!—почти сурово замѣтилъ старикъ.

— И не думалъ!—возразилъ тотъ.—Ни одной живой душѣ я не показывалъ вашихъ стиховъ.

— Нельзя довѣряться женщинамъ!—сказалъ Іовъ.—Вы показали стихи вашей внучкѣ, Армстронгъ, а она такъ часто повторяла ихъ отцу, что отецъ заучилъ ихъ наизустъ. Вотъ и весь секретъ!.. А кстати и сама преступница—налицо!

Въ ту минуту Сара входила въ комнату.

— Пожалуйте-ка сюда, измѣнница!—сказалъ ей старикъ.—Идите и защищайтесь!.. Извольте оправдываться, лисичка!

— Съ удовольствіемъ!—промолвила Сара, подходя къ нему. Но въ чемъ же я должна оправдываться?

Digitized by Google

— Вы измѣнили моему довѣрію!—проговорилъ старикъ, ущипнувъ ее за ухо.—Я читалъ вамъ свои стихи, а вы сообщили ихъ отцу и теперь вашъ дѣдушка долженъ краснѣть со стыда! Вотъ что вы сдѣлали!

— Охъ, ужь эти поэты!—вскричала дѣвушка.—Они только живутъ и дышатъ одобреніемъ и похвалой свѣта, а между тѣмъ называютъ измѣнницей бѣдную дѣвушку за то, что она заботится о распространеніи ихъ славы...

— Когда же вы, барышня, отправитесь въ Ковентри?—спросилъ Армстронгъ.

— Завтра! — отвѣтилъ за нее Іовъ.—И я останусь одинъ въ домѣ, какъ отшельникъ!—Но ты, Сара, не загостись тамъ дольше трехъ дней... Слышишь? Я не могу долѣе оставаться одинъ. И еслибы тетка, въ самомъ дѣлѣ, не нуждалась въ тебѣ, я бы тебя совсѣмъ не отпустилъ...

— Нельзя сказать, что она—больна, но только прихварываетъ... заговорилъ Амстронгъ.—Къ ней пріѣхала одна знакомая и хочетъ погостить у нея нѣсколько времени. Вотъ поэтому-то она въ письмѣ и просила меня, чтобы я убѣдилъ Сару пріѣхать къ ней. Тогда ей, какъ хозяйкѣ, будетъ легче. Сара можетъ замѣнять ее иногда...

— Тетушка слаба и не можетъ много ѣздить! — замѣтила Сара.—А ея знакомая хочетъ посѣтить Стратфордъ, Шоттери и Чарлькотъ... Я и стану сопровождать ее. Попутешествовать пріятно, еслибы только погода постояла хорошая,—но все таки для путешествій мартъ мѣсяцъ не особенно удобное время.

— Вы едва ли не въ первый разъ разлучаетесь съ нею, Іовъ!—сказалъ Армстронгъ.

— Да, въ первый разъ!—подтвердилъ Іовъ.—Она видѣла уже немало хорошенькихъ уголковъ старой Англіи, но посѣщала ихъ со мной. До сего времени она ночевала подъ одной кровлей съ отцомъ.

— А теперь кто знаетъ,—сказала Сара,—какимъ опасностямъ я подвергаю его, оставляя здѣсь одного!

Она и Клемъ расхохотались надъ этой невинной шуткой, но Іовъ сидѣлъ, серьезно смотря въ каминъ на огонь, а Армстронгъ слегка вздрогнулъ,—впрочемъ, незамѣтно для собесѣдниковъ.

— Сегодня понедѣльникъ!—заговорилъ Іовъ, пробуждаясь отъ задумчивости.—Сара отправится завтра,—и, проводивъ ее, я намѣренъ послать въ «Барфильдскій Гербъ» за экипажемъ и покататься для развлеченія, если погода будетъ хорошая. Мнѣ безъ нея скучно одному дома... Не хотите ли, Клемъ, прокатиться со мной?

Digitized by Google

— Только не завтра!—отвѣчалъ тотъ.—Въ среду я пріѣду къ вамъ въ нашемъ шарабанѣ, а возницу мы отправимъ пѣшкомъ назадъ и сами будемъ править. Вамъ удобно будетъ—въ среду?

— Хорошо! Будь по вашему!—согласился Іовъ.—А завтра я займусь въ саду; тамъ нужно кое надъ чѣмъ поработать...

— Отлично! Такъ, значитъ, въ среду!..—промолвилъ Клемъ.—А теперь уже поздно, мнѣ надо идти домой!

— Я немного пройдусь съ вами!—сказалъ Іовъ, вставая съ мѣста.—Я, конечно, найду васъ еще здѣсь, по возвращеніи, Армстронгъ?

Старикъ кивнулъ головой и Клемъ, попрощавшись, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Іовомъ, составляя съ нимъ, какъ всегда, поразительный контрастъ. Ночь была ясная, звѣздная и—для такого ранняго времени года—удивительно теплая и благоухающая.

— Клемъ!—заговорилъ Іовъ, когда они шли проселкомъ между изгородями.—Я знаю васъ съ того времени, какъ вы начали ходить—и думаю, что могу довѣриться вамъ...

— Надѣюсь, что такъ!—ласково отозвался Клемъ.—Я думаю, Іовъ, что вы можете понадѣяться на меня!

— Я хочу сказать вамъ кое-что, что́ я уже подозрѣвалъ года два тому назадъ и въ чемъ окончательно убѣдился сегодня. Объ этомъ не должна знать ни одна душа. И вы не обижайтесь, если я попрошу васъ дать мнѣ слово, что вы сохраните мой секретъ.

— Какую бы тайну вы ни открыли мнѣ, Іовъ, она всегда будетъ для меня священна!

— Всѣ люди—смертны!—спокойнымъ голосомъ проговорилъ великанъ.—Но только дѣло въ томъ, что я знаю: какого рода смерть ожидаетъ меня.

— Вы... знаете?—вскричалъ Клемъ, остановившись среди дороги и съ величайшимъ изумленіемъ смотря на Іова снизу вверхъ.

— Да! У меня болѣзнь сердца!—промолвилъ Іовъ.—Вотъ—моя тайна! Не выдавайте же ее!

— Іовъ! Да неужели это правда?—вскричалъ карликъ, пораженный ужасомъ.

— Совершенная правда, дружище!—отвѣтилъ великанъ.—За исключеніемъ этого единственнаго слабаго мѣста, я выносливъ и крѣпокъ, какъ выдѣланная кожа. Но сердце у меня виситъ на волоскѣ... Мать моя умерла отъ этой же болѣзни... Теперь, Клемъ, я скажу: почему вамъ довѣрилъ я свою тайну.

Digitized by Google

Сара не должна знать объ этомъ. Это причинитъ ей большое горе, а горя будетъ достаточно съ нея и тогда, когда придетъ мой конецъ и она волей-неволей узнаетъ истину. (Съ виду Іовъ казался невозмутимо спокоенъ, какъ и всегда). Но теперь, зная, что моя жизнь не принадлежитъ мнѣ, я пользуюсь первой удобной минутой, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой. Вы любите мою дочь... (При этомъ онъ положилъ руку на плечо Клема и голосъ его зазвучалъ мягче обыкновеннаго). Будьте ей братомъ, будьте другомъ! Богъ вѣсть... Можетъ быть, ей понадобится братская помощь!.. Душа моя не спокойна, Клемъ...

Клемъ ничего не отвѣчалъ и они съ минуту шли, молча, по дорогѣ.

— Не оставьте ея, дружище, если я исчезну...—продолжалъ Іовъ.—Я знаю, что и безъ моей просьбы вы сами сдѣлали бы это. Но если случится нужда, вы можете сказать ей, что ея отецъ взялъ съ васъ торжественное обѣщаніе охранять ее... Конечно, я могу прожить до восьмидесяти лѣтъ, но могу умереть и каждую минуту. Такъ вы исполните мою просьбу?

— Исполню, Іовъ, — дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ Клемъ,—только дай Богъ, чтобы не представлялось нужды во мнѣ... Я надѣюсь, что вы проживете еще долго, долго, и убидите ее счастливою.

— Можетъ быть!—согласился Іовъ.—Доброй ночи, дружище! Въ среду... Но ни слова никому, помните! Ни намека!

— Ваша просьба служитъ только подтвержденіемъ нашей дружбы, и я оправдаю ваше довѣріе!—проговорилъ Клемъ, крѣпко пожимая руку великана.

Съ этими словами они разстались и пошли своей дорогой,—Клемъ—со слезами на глазахъ, а Іовъ съ виду—спокойный и равнодушный, какъ будто въ смятенной душѣ его, въ самомъ дѣлѣ, царствовали миръ и тишина.

— Ты скоро же возвратился, отецъ! — замѣтила Сара при входѣ его въ комнату.—Ты недалеко проводилъ Клема? Ну, садись же и позволь мнѣ набить для тебя трубку! Я какъ будто надолго уѣзжаю изъ дому и напослѣдокъ хочу побаловать тебя.

— Хорошая она дѣвушка!—сказалъ Армстронгъ, когда Іовъ съ помощью дочери закуривалъ трубку.

— Да! Она у меня добрая!—поддакнулъ Іовъ.

— Я очень благодарна вамъ, джентльмены!—отозвалась добрая дѣвушка.—Но не могу ли я спросить: почему вы такъ серьезно сообщаете другъ другу это необыкновенное открытіе? И не

Digitized by Google

лучше ли мнѣ уйти и дать вамъ возможность на свободѣ разсуждать о моихъ достоинствахъ?

Она сдѣлала видъ, что уходитъ изъ комнаты, но, дойдя до двери, обернулась и, быстро подбѣжавъ къ отцу, взяла его обѣими руками за голову и съ нѣжностью прижала его голову къ своей груди. Потомъ она смиренно сѣла между отцомъ и Армстронгомъ и взяла ихъ за руки.

— Вы—хорошій старый дѣдушка!—обратилась она къ Армстронгу.—А ты—лучшій отецъ въ мірѣ!—сказала она Іову.—Ну, теперь, когда мы такъ довольны другъ другомъ, о чемъ же мы станемъ говорить?

Они еще недолго потолковали кое о чемъ и, наконецъ, Армстронгъ поднялся съ мѣста.

— Когда же мы сойдемся опять всѣ трое вмѣстѣ?—спросилъ онъ Іова.

— А вотъ когда кончится эта житейская сумятица!—отвѣтила весело Сара, подразумѣвая подъ «сумятицей» свой неожиданный отъѣздъ и, вслѣдствіе того, разстройство ихъ обычнаго теченія жизни.

— Эхъ, дѣвушка!—серьезно замѣтилъ ей старый Армстронгъ.—Когда кончится житейская сумятица, тогда и разлуки уже не будетъ болѣе!

При этихъ словахъ, всѣ трое почувствовали какъ бы ощущеніе холода...

— Ну, вотъ, дѣдушка! Я сболтнула пустяки, не подумавши, а вы ужь сейчасъ и придрались къ слову!—съ упрекомъ сказала ему Сара.

— Я ужь старъ, моя дорогая!—возразилъ дѣдъ.—Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, то будете также серьезно относиться къ словамъ. Для старика каждое слово полно значенія! Ну, доброй ночи, голубка. Будь здорова и счастлива! До свиданья, Іовъ!

Онъ медленно вышелъ изъ комнаты и, очутившись на улицѣ, вдругъ остановился, какъ бы стараясь что-то припомнить и сообразить.

— Съ чего въ самомъ дѣлѣ я это сказалъ?—промолвилъ онъ вполголоса.—Что мнѣ такое показалось? Гм!.. Ну, Вильямъ Армстронгъ, старъ ты сталъ, изъ ума выживаешь!

И онъ задумчиво, медленными шагами, направился къ дому.

Іовъ и Сара въ тотъ вечеръ засидѣлись долѣе обыкновеннаго, разсуждая о предстоящемъ путешествіи. Сара написала Аарону о своемъ отъѣздѣ и теперь думала: почему бы ему не прійти проститься съ нею или даже почему бы не проводить ея

Digitized by Google

въ Ковентри. Съ такимъ пріятнымъ предположеніемъ она легла спать и заснула... Въ тотъ вечеръ, при прощаньѣ, отецъ чрезвычайно удивилъ ее, заговоривъ съ нею тѣмъ языкомъ и тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ нею во дни ея дѣтства. Когда она, прощаясь, поцѣловала его и пожелала спокойной ночи, отецъ погладилъ ее по щекѣ и съ нѣжной грустью посмотрѣлъ на нее.

— Дѣвочка! Вѣдь ты увѣрена, что я люблю тебя?—спросилъ онъ.

Она съ жаромъ поцѣловала его и принялась ласкать. О, да, да! Конечно, она увѣрена, что отецъ любитъ ее.

Дѣвушка разставалась съ отцомъ только на три дня, но все таки мысль о разлукѣ печалила ее. Впрочемъ, поутру это тягостное ощущеніе разсѣялось. Въ урочное время они услыхали звукъ рожка, и Іовъ, подхвативъ на плечо чемоданъ, пронесъ его по саду, какъ перышко, и остановился на краю дороги. Когда карета подъѣхала, кучеръ соскочилъ съ козелъ, взялся за чемоданъ, такъ легко вынесенный Іовомъ, и едва не уронилъ его: до того тяжелъ показался ему чемоданъ.

— Я думалъ: онъ почти совсѣмъ пустой!—замѣтилъ возница. Однако у васъ порядочная силища!

Сара сѣла въ карету, дверца захлопнулась, кучеръ взобрался на козла—и черезъ минуту карета скрылась въ облакахъ пыли. Іовъ ушелъ въ садъ и принялся за работу, о которой упоминалъ наканунѣ. Сосѣди, проходя мимо, останавливались, облокачивались на калитку и разсуждали о томъ: какая отличная погода стоитъ у нихъ нынче въ мартѣ мѣсяцѣ. И никто изъ сосѣдей не подмѣтилъ въ Іовѣ Роундѣ никакой перемѣны. Онъ казался все такимъ же сильнымъ, здоровымъ и спокойнымъ человѣкомъ, какимъ уже давно привыкли его видѣть кастль-барфильдцы. Взглядъ его большихъ сѣрыхъ глазъ былъ также смѣлъ и настойчивъ, его густыя, темнорыжія брови были нахмурены съ тѣмъ же самоувѣреннымъ видомъ и подбородокъ, сквозившій изъ-за его мягкой, шелковистой бороды, обличалъ ту же твердость духа и то же упрямство, какія проявлялъ Іовъ съ той самой поры, какъ сдѣлался взрослымъ человѣкомъ. А между тѣмъ въ то прелестное мартовское утро въ немъ ощущалась перемѣна, которую, впрочемъ, трудно было подмѣтить и еще труднѣе выразить словами. Бури улеглись въ его душѣ и разлетѣлись изъ нея всѣ темные страхи...

Онъ унесся мыслью ко временамъ дѣтства и увидалъ своихъ старыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе уже умерли или давно

Digitized by Google

были имъ позабыты. Припомнились ему дѣтскія привязанности, нѣжная дружба—то чувство, которое не поддается выраженію. Онъ вспомнилъ плохо намалеванный портретъ матери, постоянно висѣвшій въ ихъ гостинной,—и, живо представилось теперь ея полузабытое лицо... Потомъ онъ увидалъ себя въ прекрасный лѣтній день гуляющимъ въ полѣ съ молодой женой,—и вспомнилъ: какимъ глубокимъ миромъ въ тѣ дни дышало все вокругъ него и въ немъ. Онъ мысленно видѣлъ, какъ маленькая Сара неувѣрными дѣтскими шагами бѣжала по саду, а онъ показывалъ видъ, что гонится за ней, хочетъ догнать ее. Онъ какъ будто и теперь еще слышитъ ея громкій, звонкій смѣхъ...

Въ то же время, онъ испытывалъ тихую грусть и какое-то странное сознаніе недѣйствительности всего окружавшаго его въ тѣ минуты. Въ такомъ настроеніи духа онъ работалъ въ саду все утро и, когда наступилъ обычный часъ обѣда, онъ пошелъ домой, умылся, накрылъ на столъ и сѣлъ обѣдать. Мѣсто Сары, остававшееся пустымъ, повидимому, произвело на него впечатлѣніе, и хотя онъ никогда не избѣгалъ уединенія, но теперь почувствовалъ потребность въ собесѣдникѣ. Онъ оглянулъ комнату и, увидавъ старую фамильную библію, взялъ ее и положилъ передъ собой на столъ. Обѣдая, онъ сталъ перелистывать книгу. «Страна ваша—земля отчаянія и проклятія, пустынная земля, какова она—въ настоящіе дни!» прочиталъ онъ, между прочимъ, въ библіи и задумчиво отодвинулъ ее отъ себя.

Послѣ обѣда, Іовъ опять ушелъ въ садъ и работалъ тамъ до вечера. Послѣ теплаго, почти лѣтняго дня, наступилъ вечеръ пасмурный и холодный. Іовъ развелъ огонь въ каминѣ, заварилъ чай и съ полчаса просидѣлъ за нимъ. Затѣмъ, онъ спустилъ шторы, зажегъ лампу и усѣлся въ кресло съ трубкой и съ томомъ Шекспира въ рукѣ. На улицѣ вѣтеръ завывалъ; нѣсколько капель дождя попало въ трубу камина...

— Сегодня ночью будетъ дождь!—сказалъ Іовъ, отрываясь отъ чтенія Макбета.—Ну, что жъ! Пусть идетъ!..

Въ ту минуту, до Іова донесся стукъ садовой калитки и на песчаной дорожкѣ послышались чьи-то шаги. «Кто бы это могъ быть?»—спросилъ себя Іовъ. Въ дверь стукнули.

— Войдите!—сказалъ онъ.—А! это—вы, Виттекеръ!.. Непріятный вечеръ, не правда ли?

— Да, мистеръ Роундъ! Погода непріятная... А день былъ такой отличный!.. Миссъ Роундъ дома, сэръ?—проговорилъ Аронъ. Онъ былъ почему-то блѣденъ и запыхался.

Digitized by Google

— Она сегодня утромъ уѣхала въ Ковентри!—отвѣчалъ Іовъ, почти не взглянувъ на юношу.—Она объ этомъ писала вамъ.

— Сегодня утромъ?—съ напускнымъ удивленіемъ вскричалъ Виттекеръ.—Какъ странно съ ея стороны сдѣлать такую ошибку... Она мнѣ написала, что ѣдетъ въ среду!

— Письмо съ вами?—обратился къ нему Іовъ Роундъ.

— Нѣтъ, сэръ!—отозвался Ааронъ, шаря въ боковомъ карманѣ.—Къ сожалѣнію, я оставилъ его дома...

— Я убѣжденъ, что ошиблись вы, а не Сара! Она читала мнѣ письмо... Загляните въ него, когда придете домой!

— Посмотрю непремѣнно! — поддакнулъ Виттекеръ.—Очень жаль, что мнѣ не пришлось повидаться съ ней передъ отъѣздомъ.

— Слышите?—заговорилъ Роундъ, когда крупный дождь захлесталъ въ окна и вѣтеръ жалобно завылъ въ трубѣ.—Садитесь-ка лучше и обождите, пока пройдетъ буря. Ну, что ваша кошь?

— Идетъ отлично, сэръ, какъ я и думалъ!—отвѣтилъ Виттекеръ.—Тамъ залегаетъ довольно толстый слой угля...

— Отлично!—сказалъ Іовъ.—Садитесь же, отдохните!

Ааронъ сѣлъ и слегка облокотился на круглый столъ, на которомъ стояла лампа, накрытая стекляннымъ матовымъ абажуромъ. Только теперь Роундъ замѣтилъ, что Ааронъ необыкновенно блѣденъ.

— Вы сегодня вѣрно не здоровы!—замѣтилъ онъ.—Вы дрожите, какъ листъ. Что съ вами? Дайте-ка пощупать вашъ пульсъ. Прежде я кое-что смыслилъ въ медицинѣ.

Онъ взялъ руку Аарона и съ минуту подержалъ ее.

— Не хочу пугать васъ, Виттекеръ,—проговорилъ онъ,—но все таки скажу, что вамъ слѣдовало бы сегодня же повидаться съ докторомъ. Покажите вашъ языкъ!.. Ничего, довольно чистъ... Но сходите къ доктору! Мнѣ кажется, у васъ—лихорадка.

— Вы думаете?—переспросилъ Виттекеръ, очень хорошо знавшій причины обуревавшаго его волненія.

— Я почти увѣренъ!—отозвался Іовъ.

Онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія къ Виттекеру даже и теперь, когда молодой человѣкъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ велъ самый приличный и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный образъ жизни. Но съ этимъ человѣкомъ было связано благополучіе и счастіе Сары,—и это обстоятельство невольно заставляло Іова интересоваться имъ.

— Не простудились ли вы?—спросилъ онъ Виттекера.

— Я уже другой день чувствую ознобъ, когда ухожу изъ ко-

Digitized by Google

ней!—отвѣтилъ тотъ, подумавъ про себя, какъ удачно объяснилъ онъ свое разстройство.

— Вамъ нужно бы выпить стаканъ грогу!—сказалъ Іовъ.—Это ни въ какомъ случаѣ не повредитъ...

Онъ подошелъ къ буфету, помѣщавшемуся въ углу комнаты, и вынулъ изъ него бутылку съ водкой, сахарницу, ложки и стаканы. Сердце Аарона забилось, и онъ даже испугался, что всѣ обстоятельства слагались для него слишкомъ благопріятно. Онъ боялся, чтобы не попасть въ ловушку... Іовъ поставилъ котелокъ на огонь и, взявъ книгу, принялся за чтеніе. Немного погодя, когда котелокъ зашумѣлъ, онъ отложилъ Шекспира въ сторону и занялся приготовленіемъ грога.

— Кстати, я вспомнилъ, мистеръ Роундъ...—заговорилъ Виттекеръ.—Я взялъ на пробу бутылку шотландской водки; она со мной... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отвѣдали ее. Я слышалъ, что это—замѣчательно хорошая водка, и мнѣ предлагаютъ шесть галлоновъ за очень дешевую цѣну. Она нацѣжена... сегодня прямо изъ бочонка...

Говоря такимъ образомъ и полуотвернувшись отъ Іова, онъ вытащилъ изъ кармана пальто фляжку, въ которой было до полупинты напитка.

— Хорошо!—сказалъ Іовъ, предлагая гостю стаканъ.—Вы отвѣдаете моей виски, а я—вашей!

«Все идетъ благопріятно, думалъ Ааронъ.—Ужасно благопріятно!..» Даже не понадобилось ни одного изъ тѣхъ фокусовъ, какіе онъ придумывалъ съ Боулингомъ, для того чтобы подмѣнить одну бутылку другой. Не требовалось никакого подмѣна, никакой особенной ловкости: жертва сама давалась въ руки.

— Ваша водка очень хороша,—сказалъ Виттекеръ, глотнувъ изъ стакана, поставленнаго передъ нимъ Іовомъ.

Голосъ его дрожалъ и сердце стучало такъ сильно, что онъ удивлялся, какъ Іовъ не слыхалъ его біенія. Іовъ подлилъ въ свой стаканъ изъ бутылки Аарона и затѣмъ сѣлъ въ свое кресло.

— Такъ вы надѣетесь, Виттекеръ, что дѣло съ копями пойдетъ хорошо?—спросилъ онъ.

— Пойдетъ великолѣпно!—дрожащимъ голосомъ промолвилъ Ааронъ.—Я ужь давно былъ увѣренъ, что тутъ есть уголь... Только надо поскорѣе скупить сосѣднія земли, пока онѣ не поднялись въ цѣнѣ.. Вы увидите, что года черезъ два наши копи пройдутъ по всему приходу изъ конца въ конецъ!...

«Когда же онъ станетъ пить?—волновался Виттекеръ.—Долго ли еще ждать? Не почувствуетъ ли онъ какого нибудь особен-

Digitized by Google

наго вкуса въ грогѣ и не догадается ли о причинѣ тревоги Аарона? Вѣдь онъ сказалъ, что кое-что смыслилъ прежде въ медицинѣ... Скоро ли же онъ заснетъ? И достаточно ли онъ выпьетъ для того, чтобы его одолѣлъ сонъ?..» Этотъ трусъ и негодяй дрожалъ съ головы до ногъ, холодный потъ выступалъ у него на тѣлѣ, хотя въ то же время руки его были горячи.

Іовъ задумался и, повидимому, не торопился пить свой грогъ. Наконецъ, онъ протянулъ руку за стаканомъ и хлебнулъ.

— Водка недурна,—замѣтилъ онъ,—но на мой вкусъ нѣсколько сладковата! (Онъ еще налилъ себѣ въ стаканъ изъ бутылки Аарона и опять отвѣдалъ). А, право, не дурна... Что она стоитъ?

— Просятъ девяносто шиллинговъ за шесть галлоновъ!—отвѣтилъ Ааронъ, уже заранѣе приготовившійся къ подобному вопросу.

— Очень дешево!—сказалъ Іовъ.—Пятнадцать шиллинговъ за галлонъ. Но послѣ этой водки во рту остается какой-то странный вкусъ... Не правда ли?

Ааронъ наклонился надъ стаканомъ, пока Іовъ пилъ, и смотрѣлъ на него; Ааронъ боялся, чтобы собесѣдникъ не подмѣтилъ ужаса, отразившагося въ ту минуту въ его глазахъ.

— Нѣтъ!—пролепеталъ онъ въ отвѣтъ.—Я не нахожу... Я отвѣдывалъ ее и не замѣтилъ въ ней ничего особеннаго...

— Можетъ быть, я ошибаюсь...—сказалъ Іовъ и въ третій разъ отпилъ изъ стакана.

Задача оказывалась мошеннику не по силамъ. Было ужасно сидѣть здѣсь, ждать и трепетать отъ страха. Онъ однимъ глоткомъ осушилъ стаканъ и, пошатываясь, поднялся съ мѣста.

— Я хочу сходить къ доктору!—съ усиліемъ проговорилъ онъ.—Я возвращусь назадъ и передамъ вамъ: что онъ скажетъ... У меня сильно болитъ голова...

— Сходите!—промолвилъ Роундъ, кивнувъ ему головой, и, взявъ Шекспира, опять усѣлся передъ каминомъ.

V.

Рѣзкій мартовскій вѣтеръ и пронизывающій дождь значительно облегчили Аарона, но еще болѣе успокоило его отсутствіе Іова Роунда. Тѣмъ не менѣе, когда онъ вышелъ изъ калитки и чья-то рука, протянувшись изъ мрака, схватила его за плечо, онъ опять весь задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Готово? Медаль у васъ?—спросилъ его Боулингъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ!—дрожащимъ шопотомъ отвѣтилъ Ааронъ.—Онъ... онъ сдѣлалъ грогъ. Я... я оставилъ его за грогомъ. Теперь онъ... пьетъ...

— Пьетъ?—переспросилъ Боулингъ.—Почему же вы ушли отъ него и не наблюдали: какъ онъ будетъ пить свой грогъ?... Гдѣ бутылка?

— На столѣ!—въ замѣшательствѣ отвѣтилъ Ааронъ.—Я не могъ оставаться тамъ долѣе... Но я возвращусь къ нему...

— Ну! Я еще отъ роду не видалъ такого низкаго, подлаго труса! Честное слово!..—проговорилъ Боулингъ.—Но вы не разсчитывайте провести меня, дружокъ! Нѣтъ! Вы отъ меня не увернетесь... Генералъ Конингэмъ далъ мнѣ слово не преслѣдовать Роунда до тѣхъ поръ, пока я не завладѣю медалью. Іовъ—еще свободенъ... И если вы вздумаете надуть меня, я натравлю его на васъ!

— Я и не думаю надувать васъ!—возразилъ Ааронъ.—Зачѣмъ мнѣ васъ надувать?!..

— То-то, пріятель!—сказалъ Боулингъ.—Я могу мигомъ поднять противъ васъ весь приходъ... Лучше не пытайтесь увертываться отъ меня!

— Повѣрьте же мнѣ, что я и не воображаю увертываться, отозвался Ааронъ.—Зачѣмъ это?

— Когда же вы намѣрены возвратиться *туда*? — спросилъ Боулингъ.—Впрочемъ, что жъ мы тутъ стоимъ... Вѣдь насъ могутъ замѣтить!

Онъ разразился проклятьями и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ.

— Ступайте назадъ!—прохрипѣлъ онъ, съ силой схвативъ Аарона за воротъ.—Ступайте, жалкій трусъ!

— Теперь я еще не могу идти *туда*...—пролепеталъ тотъ.—Онъ можетъ догадаться... Я ему сказалъ, что пойду къ доктору...

— Къ доктору!—съ бѣшенствомъ проворчалъ Боулингъ.—Ну, врядъ ли я когда на своемъ вѣку видалъ такого гнуснаго, мерзкаго, отвратительнаго труса... Чортъ васъ побери!...

Верхняя Кастль-Барфильдская улица на ту пору была совсѣмъ пуста. Стоя передъ домомъ Іова Роунда, мошенники могли видѣть огни въ лавкахъ, свѣтившіеся во ста ярдахъ отъ нихъ. Пламя уличныхъ фонарей волновалось и мигало отъ вѣтра; дождь продолжалъ идти. Ааронъ и его достойный товарищъ укрылись подъ изгородью. На сосѣдней колокольнѣ пробило полчаса.

— Когда же вы пойдете назадъ?—спросилъ Боулингъ.

Digitized by Google

— Я не пойду до тѣхъ поръ, пока онъ не заснетъ!—отвѣтилъ Ааронъ.

— А какъ же вы узнаете, что онъ заснулъ, баранья голова!—проворчалъ Боулингъ и началъ перебирать самые сильные эпитеты въ лексиконѣ его ругательствъ.

— Я подожду еще съ полчаса!—прошепталъ Ааронъ.

Боулингъ, внѣ себя отъ ярости, отошелъ отъ него.

Іовъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ столовой, спокойно покуривая и прихлебывая грогъ. Онъ думалъ о дочери и мысленно благословлялъ ее... Наконецъ, стаканъ былъ допитъ. Дождь и вѣтеръ по прежнему шумѣли за окномъ. А въ комнатѣ все было тихо... Шумъ дождя и завыванье вѣтра то слышались Іову въ видѣ тихаго шопота, то въ видѣ громкихъ, торжественныхъ звуковъ органа, медленно замиравшихъ вдали... Затѣмъ, онъ увидалъ себя въ полѣ, въ чудесный лѣтній день. Его жена и дочь были съ нимъ, обѣ цвѣтущія молодостью и здоровьемъ. Но эта радостная, свѣтлая картина мигомъ пропала, и онъ погрузился въ темный, глубокій сонъ, уже безъ всякихъ видѣній. Онъ сидѣлъ, свѣсивъ голову и безсильно опустивъ руки съ креселъ...

Часы пробили на сосѣдней колокольнѣ; дождь и вѣтеръ не унимались. Вдругъ садовая калитка скрипнула и на песчаной дорожкѣ послышались шаги. Подходя къ двери коттэджа, Ааронъ чувствовалъ, что волосы его становились дыбомъ, сердце сильно билось и колѣни дрожали и подкашивались. Онъ оперся рукой на рѣшетку, бывшую около двери, и старался прислушаться, но, кромѣ шума въ ушахъ, ничего не слыхалъ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и постучалъ въ дверь. Онъ не могъ дать себѣ отчета, отвѣчали ли на его стукъ,—и громче прежняго застучалъ въ дверь. Въ ту минуту слегка скрипнула калитка и Боулингъ на цыпочкахъ подкрался къ нему.

— Вы хотите поднять на ноги всѣхъ сосѣдей, что ли?—прошепталъ онъ, схватывая Аарона за руку.—Ужь если онъ не слышитъ такого стука, значитъ, ничего не слышитъ. Отворяйте дверь.

Боулингъ говорилъ также дрожащимъ, хриплымъ голосомъ и сердце его, также какъ у Аарона, билось усиленно, но онъ все таки былъ несравненно храбрѣе своего товарища. Ааронъ такъ неумѣло и нерѣшительно началъ отворять двери, что матросъ, (предпочитавшій скорѣе стать лицомъ къ лицу съ Іовомъ Роундомъ, чѣмъ мучиться долѣе отъ страха неизвѣстности), оттолкнулъ его въ сторону и, отворивъ дверь, заглянулъ въ комнату.

Digitized by Google

— Все хорошо!—ободряющимъ тономъ прошепталъ онъ и въ сопровожденіи Аарона вошелъ въ комнату.

Боулингъ осторожно заперъ дверь и затѣмъ оба заговорщика, съ блуждающими глазами и страшно блѣдные, остановились на минуту и взглянули другъ на друга. Одна и та же мысль мелькнула у нихъ въ головѣ и они одновременно посмотрѣли на спящаго. А что если онъ открылъ ихъ обманъ, догадался объ ихъ замыслѣ и теперь притворился спящимъ только для того, чтобы накрыть ихъ на мѣстѣ преступленія? Что если этотъ сильный, могучій человѣкъ вдругъ встанетъ и взглянетъ на нихъ своими страшными глазами? Боулингъ подкрался къ столу и взялъ большой ножъ, валявшійся тамъ случайно.

— Потрясите его за руку!—сказалъ онъ вполголоса Аарону.

— Оставьте ножъ!—пробормоталъ тотъ, нерѣшительно подходя къ креслу.—Если онъ проснется, я скажу, что боленъ, а вы будто бы провожали меня... Онъ уже знаетъ, что я боленъ...

— Потрясите его за руку!—повторилъ матросъ.

Ааронъ трусливо и нерѣшительно протянулъ руку къ спящему, а Боулингъ, побуждаемый алчностью и нетерпѣніемъ, обошелъ вокругъ стола и, очутившись передъ великаномъ, покоившимся въ креслѣ, опустился передъ ними на колѣни съ ножемъ въ рукѣ и принялся возиться надъ пуговицами его жилета, чтобы отстегнуть часовую цѣпочку. Въ ту минуту, какой-то мальчуганъ, бѣжавшій домой по Верхней улицѣ, стукнулъ палкой по садовой калиткѣ съ такимъ трескомъ, что оба мошенника вздрогнули отъ неожиданности, а Боулингъ, поднимаясь второпяхъ съ колѣнъ, повалился навзничъ. Желая удержаться, онъ протянулъ руку и, попавъ рукой въ каминъ—въ груду дотлѣвавшихъ угольевъ, застоналъ отъ боли и, стараясь схватиться за что ни попало, задѣлъ рукой котелокъ. Котелокъ со звономъ покатился на очагъ, за нимъ послѣдовали каминные щипцы и кочерга... Весь этотъ неожиданный шумъ смертельно напугалъ обоихъ мошенниковъ. Но черезъ минуту въ комнатѣ опять все стало тихо. Спящій оставался неподвиженъ...

Боулингъ ругался и стоналъ отъ боли, старательно очищая руку отъ покрывавшей ее золы. Въ нетерпѣніи онъ схватилъ здоровою рукой медаль, висѣвшую на часовой цѣпочкѣ Іова Роунда, и рванулъ ее, но по прежнему безуспѣшно...

— Отцѣпите ее!—съ бѣшенствомъ проворчалъ онъ.

Ааронъ повиновался и дрожащей рукой отстегнулъ цѣпочку. Боулингъ моментально вырвалъ у него цѣпочку и вмѣстѣ съ часами и съ медалью опустилъ въ карманы своихъ штановъ.

Digitized by Google

— Теперь идемъ!—сказалъ онъ.

Ааронъ поспѣшно направился къ двери.

— Погодите немного!— проговорилъ Боулингъ и, къ ужасу Аарона, остановившись позади креселъ, взялъ за бороду Іова Роунда. — А-га, Іовъ! — сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ. — Прежде ты дралъ меня за бороду! Ты немало посмѣялся надо мной, пріятель! Ты говорилъ, что скорѣе бросишь на вѣтеръ свое богатство, чѣмъ дашь мнѣ хотя одинъ піастръ... Болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ я прожилъ, по твоей милости, въ бѣдности, въ трудѣ, въ холодѣ и голодѣ... Будь же ты проклятъ!.. Ты поглумился надо мной... Да!.. А теперь я держу тебя за бороду... я держу... я!—стискивая зубы и не помня себя отъ ярости, шипѣлъ Боулингъ, дергая за бороду безъ чувствъ лежавшаго передъ нимъ великана.

— Тсс! Чу! Слышите?—прошепталъ Ааронъ, обѣими руками хватаясь за него.

Они прислушивались съ минуту; вокругъ нихъ была гробовая тишина.

— Идемъ отсюда!—говорилъ Ааронъ внѣ себя отъ страха.— Идемъ! Каждую минуту здѣсь намъ грозитъ опасность!

Боулингъ съ злой усмѣшкой погрозилъ кулакомъ Іову Роунду и затѣмъ допустилъ увлечь себя въ садъ.

— У васъ есть носовой платокъ?—обратился онъ къ Аарону.—Дайте мнѣ завязать руку. Странная вещь... — продолжалъ онъ, перевязывая свою обожженную руку.—Много лѣтъ тому назадъ, Іовъ Роундъ говорилъ мнѣ: «Если вы когда нибудь пойдете противъ меня, Вильямъ, то обожжете себѣ руки!» Такъ оно и вышло...

— Мнѣ кажется, что ваше имя — Томасъ? — замѣтилъ Ааронъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Вѣрно!—промолвилъ Боулингъ, морщась отъ боли.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, онъ звалъ васъ Вильямомъ?—продолжалъ допытываться Ааронъ.

— Почему!—съ сардонической усмѣшкой отозвался Боулингъ.— Ему вздумалось называть меня этимъ именемъ... Впрочемъ, вы сами скоро узнаете: для чего человѣку иногда нужно два имени... Теперь дѣло въ томъ, что когда я стоялъ у изгороди, полицейскій дважды прошелъ мимо меня,—и я не желалъ бы болѣе встрѣчаться съ нимъ...

— Такъ не пойти ли намъ по Верхней улицѣ?—предложилъ Ааронъ, затворяя за собой калитку.

— Что жъ, идемъ!—согласился его товарищъ.

Digitized by Google

— Но вѣдь насъ могутъ увидать вмѣстѣ...

— Идите, по какой угодно дорогѣ!—съ улыбкой отозвался Боулингъ.—Я пойду по Верхней улицѣ и затѣмъ направлюсь къ генералу Конингэму. Когда Іовъ Роундъ проснется, то первымъ дѣломъ пустится въ погоню за мной, но я надѣюсь, что ему помѣшаютъ...

Аарону Виттекеру казалось, что въ тѣ минуты каждый проходящій, взглянувъ на него, тотчасъ догадался бы: что́ дѣлалъ Ааронъ и откуда теперь онъ шелъ. Конечно, онъ сознавалъ, что подобное опасеніе неосновательно, глупо, но, тѣмъ не менѣе, страхъ мучилъ его всю дорогу. Боулингъ, замѣнившій свою грязную рабочую блузу дешевымъ, но приличнымъ бархатнымъ костюмомъ, шелъ по улицѣ своей матросской переваливающейся поступью, и Ааронъ слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, ни на минуту, впрочемъ, не выпуская его изъ виду. Онъ клялся быть вѣрнымъ Боулингу и Боулингъ клялся быть вѣрнымъ ему, но Виттекеръ уже достаточно познакомился съ натурой своего товарища и не довѣрялъ ему. Самъ онъ свою клятву не ставилъ ни во что и имѣлъ основаніе думать, что и Боулингъ не строже его относится къ своей клятвѣ. Виттекеръ былъ вполнѣ убѣжденъ, что его сотоварищъ при первомъ представившемся случаѣ улизнетъ отъ него съ драгоцѣнной медалью,—съ этимъ ключемъ къ зарытымъ сокровищамъ, и онъ твердо рѣшился предупредить подобныя поползновенія съ его стороны. Идя за Боулингомъ по полуосвѣщенной улицѣ, онъ со страхомъ ожидалъ увидать въ каждомъ прохожемъ полисмена, готоваго его арестовать, и въ то же время придумывалъ различные способы обмануть и провести своего соумышленника. Тотъ, кто грабитъ, естественно долженъ опасаться быть ограбленнымъ въ свою очередь... Ааронъ уже зналъ исторію Іова Роунда и зналъ, что Боулингъ разсчитывалъ получить сто фунтовъ за выдачу Іова его заклятому врагу. Безъ этихъ ста фунтовъ Боулингъ не могъ бы двинуться съ мѣста, а вмѣстѣ съ нимъ не могъ бы двинуться и Ааронъ... «Это такъ! Но за что же я долженъ отдать этому Боулингу 25 тысячъ фунтовъ? За что?» съ раздраженіемъ спрашивалъ себя молодой человѣкъ. «Это, просто,—чудовищный абсурдъ!»... И Ааронъ смѣялся надъ этою странной идеей также, какъ сталъ бы смѣяться надъ серьезной попыткой доказать ему, что два и одинъ равны не тремъ, а девяти. И онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что и Боулингъ въ этомъ случаѣ думалъ также, какъ онъ, и очень хорошо былъ знакомъ на практикѣ съ той аксіомой, что «цѣлое болѣе своей части»...

Digitized by Google

Они миновали Верхнюю улицу, не возбудивъ ничьего вниманія, и Ааронъ послѣдовалъ за матросомъ далѣе по проселочной дорогѣ въ Варренъ.

— Вы увѣрены, что вамъ не придется долго ждать денегъ?— спросилъ Ааронъ, поспѣшно догоняя товарища.

— Не придется!—проворчалъ Боулингъ.—Я заставилъ его поклясться, что онъ мнѣ выдастъ деньги немедленно. Я видѣлся съ нимъ вчера вечеромъ и доставилъ ему всѣ улики. Два главные свидѣтеля—уже на пути сюда и утромъ явятся на очную ставку съ Роундомъ. Тамъ ужь живо разберутъ: какой онъ эсквайръ, да кстати высмотрятъ и знаки, оставленные плетью на его спинѣ... Лѣтъ 25 тому назадъ я не разъ купался съ нимъ и видѣлъ эти знаки...

На душѣ Аарона стало тяжело. Онъ не питалъ ненависти къ Роунду, да и ни къ кому вообще. Его коробило злорадство Боулинга, ему стало жаль Іова Роунда.

— Вотъ и калитка!—сказалъ его спутникъ.—Подождите меня тутъ,—васъ никто не замѣтитъ. Черезъ пять минутъ я возвращусь!

— Не лучше ли бы вамъ отдать часы мнѣ? — проговорилъ Ааронъ, беря его за рукавъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Боулингъ.

— Я полагаю, что вы могли бы дать мнѣ доказательство своего довѣрія!—запинаясь, пробормоталъ Ааронъ.

— Ну, ужь нѣтъ! Мнѣ незачѣмъ торопиться давать вамъ это доказательство. Когда мы достанемъ перо, чернилъ и бумаги, тогда вы спишете для себя все, что обозначено на медали, и мы оба будемъ знать, что намъ нужно... Но до тѣхъ поръ, молодой человѣкъ, съ вашего позволенія, я удержу медаль у себя... И помните!—добавилъ онъ, положивъ руку на плечо Аарону:— Если вы измѣните мнѣ, то вамъ не видать зарытыхъ сокровищъ. Это я вамъ вѣрно говорю! Мы клялись другъ другу и должны сдержать клятву. Мы добудемъ наши богатства только въ такомъ случаѣ, если будемъ вполнѣ довѣрять другъ другу... Теперь подождите меня здѣсь!

Онъ кивнулъ Аарону головой, толкнулъ калитку плечемъ и вошелъ въ нее, бережно охраняя свою обожженную руку. Когда матросъ, своею переваливающеюся походкой, направился по аллеѣ къ дому и песокъ захрустѣлъ подъ его тяжелою поступью, Ааронъ проскользнулъ въ калитку и послѣдовалъ за нимъ, неслышно крадучись по травѣ и вздрагивая отъ холодныхъ капель, падавшихъ на него съ деревьевъ. Вдругъ гдѣ-то неподалеку собака загремѣла цѣпью и залаяла. Ааронъ остановился и прислуши-

Digitized by Google

вался къ шагамъ Боулинга. Вскорѣ послѣ того, шаги прекратились, и Ааронъ услыхалъ звонъ колокольчика.. Затѣмъ дверь отворилась и изъ нея широкая полоса свѣта легла на мокрую траву и обдала трепетнымъ сіяньемъ голыя вѣтви деревьевъ и обрывки сѣдаго тумана, разстилавшаго надъ ихъ вершинами. Свѣтъ изчезъ также внезапно, какъ появился, собака замолчала и по глухому бренчанью цѣпи можно было догадаться, что животное снова убралось въ свою кануру.

Томительно-медленно и невесело тянулись для Виттекера минуты ожиданья. Мучительныя думы, тяжкія сомнѣнья обуревали его... Сара—въ слезахъ, въ горѣ, въ отчаяніи и съ ненавистью къ нему... Его ограбленные пайщики—въ изумленіи, въ ярости, и готовы гнаться за нимъ хоть на край свѣта... Іовъ Роундъ просыпается. Его схватываютъ, судятъ, наказываютъ, заключаютъ въ тюрьму... Затѣмъ, въ воображеніи онъ совершалъ путь, исполненный опасностей, къ тѣмъ далекимъ пустыннымъ горамъ, гдѣ лежатъ зарытыя въ землѣ сокровища...

Нѣтъ ли еще возможности поправить дѣло? А что, еслибы онъ сейчасъ возвратился въ Конакъ-Коттэджъ, пригласилъ доктора, далъ бы Іову Роунду какого нибудь возбуждающаго снадобья, сообщилъ бы объ угрожающей ему опасности и съ помощью его избавился бы отъ постыдной ликвидаціи по дѣлу своей копи? Все это, конечно, вздоръ, абсурдъ, но онъ упорно продолжалъ думать объ этихъ несбыточныхъ предположеніяхъ... Еслибы онъ зналъ, какъ будетъ страдать, то ни за что не вступилъ бы на этотъ путь. Еслибы онъ не вступилъ въ союзъ съ Боулингомъ, то, по всему вѣроятію, всѣ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ съ теченіемъ времени достались бы ему цѣликомъ... Какая жестокая ошибка! И какъ же онъ былъ глупъ!.. Почему бы ему не сказать всю правду? Трудно, тяжело сказать правду, послѣ того какъ онъ постоянно хвасталъ и лгалъ. Зачѣмъ же онъ хвасталъ и лгалъ?.. Но кто же могъ бы думать, что невинное, пустое хвастовство доведетъ его до такого ужаснаго состоянія!

Въ Кастль-Барфильдѣ, конечно, заговорятъ объ его побѣгѣ и объ арестѣ Іова Роунда... Много будетъ разговоровъ!.. Еслибы онъ догадывался, что подобная опасность угрожаетъ отцу Сары... Впрочемъ, что жъ тутъ толковать! Онъ не могъ помочь горю... А если люди не желаютъ, чтобы ихъ преслѣдовали, ловили и наказывали, то они не должны совершать преступленій... Выводъ чрезвычайно неожиданный и крайне, крайне непріятный для Аарона Виттекера.

«Ужь не думаетъ ли пріятель ночевать въ этомъ домѣ?»—по-

Digitized by Google

думалъ онъ. Но пріятель уже возвращался. Дверь отворилась и опять полоса свѣта пронизала ночную тьму, озарила мокрую траву, голые сучья деревьевъ и разстилавшійся надъ ними туманъ. Ааронъ на цыпочкахъ подбѣжалъ къ калиткѣ и сталъ поджидать Боулинга.

— Деньги получены?—шопотомъ спросилъ онъ матроса.

— Да!—отвѣтилъ тотъ.—Теперь—въ путь! Намъ предстоитъ пять миль ходьбы... А утромъ мы будемъ въ Лондонѣ.

Они, молча, шли рядомъ по проселочной дорогѣ, терявшейся въ ночной мглѣ. Вдругъ Боулингъ затянулъ пѣсню...

— Тсс!—останавливалъ его Ааронъ.—Насъ могутъ услыхать!

— А мнѣ что за дѣло!—вскричалъ матросъ.—Вѣдь мы теперь въ безопасности, трусишка!.. Еслибы только у меня не болѣла рука, я былъ бы теперь счастливъ, какъ король!..

И онъ опять хриплымъ голосомъ затянулъ какую-то вульгарную пѣсню...

. . . . . .

Въ Конакъ-Коттэджѣ, въ тихой комнатѣ, передъ потухшимъ каминомъ, великанъ все еще сидѣлъ въ креслѣ. Лампа горѣла до шести часовъ утра, затѣмъ погасла и фитиль долго еще тлѣлся, дымилъ и чадилъ. А великанъ продолжалъ все сидѣть въ креслѣ... Послѣ дождливой, ненастной ночи наступалъ разсвѣтъ теплаго, яснаго дня,—и птички уже чирикали въ кустахъ, подъ окномъ. Свѣтъ разливался все болѣе широкою волной и, наконецъ, залилъ всю комнату. Съ улицы уже доносились голоса дѣтей, отправлявшихся въ школу, протяжные возгласы уличныхъ торговцевъ, стукъ колесъ и звонъ колокольчиковъ, и покрикиванья извощиковъ. Начиналась обыденная житейская суета... А великанъ продолжалъ неподвижно сидѣть въ креслѣ передъ холоднымъ каминомъ.

Клемъ Бечъ поспѣшалъ на назначенное свиданіе съ Іовомъ Роундомъ. Проѣзжая по Верхней улицѣ, онъ немало удивился, увидѣвъ впереди себя шесть солдатъ въ красныхъ мундирахъ; эти солдаты шли по двое въ рядъ, а седьмой держался нѣсколько позади. Солдаты остановились передъ Конакъ-Коттэджемъ и затѣмъ вошли въ калитку. Клемъ былъ пораженъ...

— Поѣзжай дальше,—сказалъ онъ своему кучеру, выходя изъ шарабана,—а я узнаю: что тутъ такое...

Клемъ прошелъ въ калитку и увидалъ, что у дверей коттэджа стоятъ, вытянувшись, два солдата, какъ на часахъ.

— Входить нельзя! — сказалъ одинъ изъ нихъ, протягивая впередъ свою кавалерійскую винтовку и загораживая ею дверь.

Digitized by Google

— Нельзя входить?—Почему?—съ испугомъ спросилъ Клемъ.

Солдатъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ третій его товарищъ показался въ дверяхъ и сказалъ ему:

— Ну, кажется, онъ совсѣмъ ушелъ отъ насъ... Бѣги за ближайшимъ докторомъ, да позови сюда перваго встрѣчнаго полисмена!

— Что такое?—въ ужасѣ вскричалъ Клемъ.

— Вы, вѣроятно, знакомы съ хозяиномъ дома?—спросилъ его военный.—Мнѣ кажется, что вы теперь можете войти!

Клемъ вошелъ и увидалъ въ креслѣ, передъ холоднымъ каминомъ, Іова Роунда. Онъ былъ мертвъ.

VI.

Мошенники той порой отправились пѣшкомъ въ Бирмингэмъ. Боулингъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, а Виттекеру за каждымъ кустомъ мерещился полицейскій. Болѣвшая рука причиняла Боулингу нѣкоторое неудобство, но ничто не могло омрачить его чувства торжества и удовлетвореннаго мщенія, радовавшаго его теперь, какъ манна небесная.

— Я не стану прятаться, какъ прятался Іовъ!—говорилъ онъ Аарону. Я не буду сидѣть, подобно ему, какъ капустный кочанъ въ навозной грядѣ. Я пойду, куда захочу, стану вездѣ странствовать. Я куплю черное платье, высокую шляпу и буду расхаживать, какъ разгуливаетъ капитанъ корабля, сходя на берегъ. Я стану курить самый лучшій табакъ, стану пить лучшую водку и самыя отличныя вина!

Онъ на ходу припрыгнулъ отъ восторга и въ ту же минуту взвылъ отъ боли въ обожженной рукѣ.

— Знаете что!..—послѣ минутной паузы заговорилъ онъ, понизивъ голосъ и наклоняясь къ Аарону. Вамъ нужно придумать себѣ имя! Помните, что я теперь уже не Томасъ Боулингъ и не Вильямъ Дэнъ. Придумывайте себѣ фамилію,—и я стану придумывать для себя... О! У меня черезъ минуту будетъ отличная фамилія... Напримѣръ, Шеппардъ—развѣ не хорошо?—Джекъ Шеппардъ... И Турпинъ—также хорошо. Ричардъ Турпинъ!.. Можно перемѣшать — и выйдетъ: Дикъ Шеппардъ. Такъ помните же... Я теперь—Ричардъ Шеппардъ!.. А какъ ваша фамилія?

Ааронъ, также какъ Боулингъ, очень хорошо зналъ, что нужно назваться какимъ нибудь вымышленнымъ именемъ, но чувство собственнаго достоинства возмущалось тѣмъ, что

Digitized by Google

онъ долженъ былъ по приказу Боулинга выбирать себѣ имя. Онъ увидалъ, что до окончанія дѣла былъ связанъ съ крайне неприличнымъ, грубымъ субъектомъ, съ которымъ оказывалось чрезвычайно непріятно вступать въ какія бы то ни было сношенія. Это размышленіе заставило его окончательно рѣшиться—при первомъ удобномъ случаѣ отдѣлаться отъ Боулинга. Онъ чувствовалъ, что не могъ снизойти до манеръ и способа выраженій матроса; онъ нѣсколько преувеличивалъ представленіе о своемъ собственномъ джентльменствѣ и изяществѣ, и оттого очевидный контрастъ между имъ и его товарищемъ казался болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

— Я думаю, что было бы лучше, еслибы по дорогѣ въ Лондонъ мы показывали вездѣ видъ, что незнакомы другъ съ другомъ! — замѣтилъ Виттекеръ. — Конечно, мы могли бы ѣхать вмѣстѣ,—добавилъ онъ поспѣшно,—но только при этомъ показывать видъ, что сошлись случайно...

— Положитесь на меня!—возразилъ Боулингъ, смекнувшій—въ чемъ дѣло. Я уже давно изучилъ азбуку этихъ дѣлъ и знаю ихъ хорошо... Повторяю: если игра будетъ вестись не на чистоту, то зарытыя богатства никому не достанутся и будутъ лежать въ землѣ. Къ тому же мы съ вами обмѣнялись клятвами... Значитъ, хитрить и лукавить не къ чему. Мы должны оба хорошенько запомнить, заучить наизустъ то, что̀ начертано на медали. А когда запомнимъ, тогда можемъ и потерять медаль, обронить, куда нибудь забросить ее. Тогда медаль намъ будетъ не нужна...

Напоминаніе о медали было непріятно для Аарона. Онъ шелъ, погрузившись въ свои думы и мечты, но каждый встрѣчный, каждая телѣга, проѣзжавшая по дорогѣ, заставляли его вздрагивать и терять нить своихъ мечтаній.

— Ну, что жъ! Придумали вы себѣ фамилію?—спросилъ Боулингъ.—Нѣтъ? Ну, пріятель,—неповоротливы же вы!.. Вы отправляетесь искать себѣ счастья,—не такъ ли?—Прекрасно!.. Дикъ Виттингтонъ также искалъ себѣ счастья на чужбинѣ... Виттингтонъ! Фамилія даже нѣсколько похожа на вашу... Только имя не годится. Мое имя—Дикъ. А намъ неловко называться однимъ и тѣмъ же именемъ. Для разнообразія я окрещу васъ Робертомъ... Прекрасное имя!.. Итакъ вы будете—Робертъ Виттингтонъ!

— Хорошо!—сердито промолвилъ Ааронъ.—Зовите меня, какъ хотите! Только я попросилъ бы васъ—не обращаться со мной слишкомъ фамильярно...

Digitized by Google

— Такъ!—И это довольно основательно...—отозвался Боулингъ, нимало не обидѣвшись на своего спутника.—Я буду обращаться съ вами весьма почтительно, пока не перемѣню своего костюма. Завтра же утромъ я надѣну новое платье. Въ Ретклифъ-Гигвеѣ я знаю одного человѣчка, у котораго можно купить все, что угодно... Я куплю у него черную пару, высокую шляпу, носовой платокъ,—все, какъ слѣдуетъ, и тогда вы примете меня за епископа или лорда.

Въ виду такой блестящей перспективы, Боулингъ замолчалъ и шелъ, переваливаясь болѣе обыкновеннаго. Даже для непроницательнаго Аарона было очевидно, что матросъ въ воображеніи уже облекся въ новое платье. И дѣйствительно, въ мечтахъ Боулингъ уже шелъ по Ретклифъ-Гигвею и привлекалъ на себя всеобщее вниманіе.

— А Іовъ Роундъ спитъ въ своемъ креслѣ!—заговорилъ онъ, немного погодя.—А желалъ бы я знать: что ему теперь снится!.. Добрался таки я до тебя, пріятель! Ха! Ты хотѣлъ скорѣе бросить на вѣтеръ все свое богатство, чѣмъ дать мнѣ одинъ піастръ! Да! Я самъ знаю, что это—такъ... Такія пожеланія—въ твоей натурѣ...

Онъ громко расхохотался и опять запѣлъ свою площадную пѣсню.

— Не кричите!—останавливалъ его Ааронъ.—Ужь вы не желаете ли, чтобы васъ всѣ слышали?

— А мнѣ что за дѣло, если меня услышатъ!—возражалъ Боулингъ.—Я не могу не радоваться своей удачѣ... А если вамъ не по сердцу мое пѣніе, то можете идти по другой сторонѣ дороги и показывать видъ, что незнакомы со мной...

И матросъ снова затянулъ свою пѣсенку.

— Вы, видно, пьяны,—замѣтилъ ему Ааронъ. — Если вы не поостережетесь, мы попадемъ въ бѣду.

— Пьянъ? Я—пьянъ?—вскричалъ Боулингъ.—Да! Правда... Я хватилъ сегодня такого крѣпкаго напитка, какого еще никогда не пивалъ!

Ааронъ что-то глухо проворчалъ.

— Не бойтесь!—успокоивалъ его спутникъ.—Я крѣпокъ, какъ скала, и трезвъ, какъ пасторъ на церковной каѳедрѣ или какъ судья на своемъ судейскомъ мѣстѣ... Сердце радуется! Вотъ что!.. Сегодня я на сорокъ лѣтъ моложе, чѣмъ былъ вчера. Только одно огорчаетъ меня... Я отдалъ бы половину своихъ денегъ за то, чтобы посмотрѣть: какъ станутъ выколачивать пыль изъ Іова Роунда девятихвостной плетью... Видите: брезжитъ ого-

Digitized by Google

некъ!—вдругъ перемѣнивъ тонъ, заговорилъ Боулингъ.—Это—гостинница. Нѣтъ ли у васъ сколько нибудь мѣди? Публика можетъ удивиться, если человѣкъ въ моемъ теперешнемъ костюмѣ вынетъ соверенъ для расплаты за кварту пива.

— У меня нѣтъ мѣдныхъ денегъ!—отвѣтилъ Ааронъ.

— Ну, дайте шиллингъ!—просилъ матросъ.—Я вамъ возвращу, честное слово!.. Войдите въ общую залу, какъ джентльменъ, и не показывайте виду, что знаете меня!

Ааронъ съ самымъ безпечнымъ видомъ вошелъ въ гостинницу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Боулинга, который, выпивъ пива, принялся такъ щедро расточать комплименты черноглазой дѣвушкѣ, прислуживавшей за прилавкомъ, что невольно заинтересовалъ собой посѣтителей. Ааронъ трусилъ и въ то же время порадовался, замѣтивъ, что глаза его товарища помутились и загорѣлое лицо его сильно раскраснѣлось. Боулингъ, въ ожиданіи вечерней «работы», пилъ въ теченіе всего дня. До настоящаго времени сильное возбужденіе не позволяло ему опьянѣть, но это возбужденіе наконецъ измѣнило ему и начало дѣйствовать заодно съ винными парами.

Они почти вмѣстѣ вышли изъ гостинницы, но, повидимому, никто изъ присутствовавшихъ не заподозрилъ, что они были попутчики и странствовали вмѣстѣ. Безъ дальнѣйшихъ приключеній они благополучно дошли до города. Лондонскій поѣздъ проходилъ въ полночь; имъ пришлось дожидаться его часа полтора. Бо́льшую часть этого времени они прошлялись по улицамъ, и Ааронъ страшно боялся, чтобъ съ ними не встрѣтился кто нибудь изъ людей, знавшихъ его и Боулинга. Когда они наконецъ пришли на станцію, захмѣлѣвшій матросъ настоялъ на томъ, чтобы непремѣнно купить въ буфетѣ бутылку рома. Когда ему пришлось расплачиваться, онъ вынулъ изъ кармана цѣлую горсть сувереновъ. Желѣзнодорожный сыщикъ, случившійся при этомъ, очевидно, обратилъ вниманіе на этого богача въ жалкомъ костюмѣ. Нервы Аарона сильно страдали вслѣдствіе такой неосторожности его спутника.

Сыщикъ, сказавъ нѣсколько словъ Боулингу (почти совсѣмъ протрезвившемуся при видѣ важнаго незнакомца, заговорившаго съ нимъ) приблизился къ Аарону, когда тотъ задумчиво ходилъ по платформѣ, и дотронулся до его плеча.

— Прошу извинить меня, сэръ! Вы—мистеръ Виттингтонъ? Стряпчій изъ Кастль-Барфильда?

— Да!—отвѣтилъ Ааронъ, поколебавшись одно мгновенье, но во время вспомнивъ имя, данное ему соумышленникомъ.

Digitized by Google

— Такъ это, значитъ, вѣрно!—промолвилъ сыщикъ.—Не можете ли, сэръ, пройтись со мной по дорогѣ?

Ааронъ повиновался. Пока еще не было причины тревожиться, но, тѣмъ не менѣе, колѣни Аарона такъ сильно дрожали, что онъ едва держался на ногахъ.

— Тамъ, въ буфетѣ, одинъ малый, одѣтый довольно скромно, показывалъ цѣлую горсть соверeновъ. Онъ мнѣ кажется нѣсколько подозрительнымъ...

— Онъ заработалъ деньги честнымъ путемъ!—съ равнодушнымъ видомъ отозвался Ааронъ.—Я знаю этого человѣка!

— И онъ говоритъ, сэръ, что вы знаете его! Я обязанъ былъ спросить васъ. Я—здѣшній сыщикъ и долженъ слѣдить за подобными вещами...

— Онъ—старый матросъ!—спокойно говорилъ Ааронъ.—Онъ любитъ сорить деньгами; ему, повидимому, кажется, что его деньгамъ конца не будетъ... Мнѣ не мѣшало бы поговорить съ нимъ. Онъ, можетъ быть, охотнѣе послушается меня, чѣмъ постороннаго человѣка...

Ааронъ надѣялся посредствомъ такого маневра отвязаться отъ сыщика, но, къ сожалѣнію, увидалъ, что тотъ послѣдовалъ за нимъ въ буфетъ.

— Послушайте, дружокъ!—сказалъ онъ, осторожно дотрогиваясь до руки Боулинга.—Этотъ джентльменъ—сыщикъ, и онъ сказалъ мнѣ, что вы сорите здѣсь деньгами... Это - нехорошо!.. Я поѣду съ нимъ въ одномъ вагонѣ!—добавилъ онъ, обращаясь къ сыщику.—Не безпокойтесь! Я присмотрю за нимъ...

— Ахъ! Люблю я этого джентльмена!—вскричалъ Боулингъ. Это—мистеръ Виттингтонъ, самый почтенный юристъ во всей Англіи! Не выпьете ли со мной, мистеръ?

— Нѣтъ, благодарю,—да и вамъ бы я не совѣтовалъ больше пить!—сказалъ Ааронъ.

— Вѣрно! Я ужь зарядился достаточно!—согласился Боулингъ.

Когда Виттингтонъ раскрылъ свой портмонэ, проницательные глаза сыщика усмотрѣли тамъ въ одномъ отдѣленіи золото, а въ другомъ—изрядную пачку банковыхъ билетовъ,—и сыщикъ рѣшительно ничего не имѣлъ противъ того, чтобы принять отъ него шиллингъ. Когда же подошелъ поѣздъ, онъ замѣтилъ, что старый матросъ и стряпчій сѣли въ одинъ вагонъ. Онъ подошелъ къ окну.

— Вашъ багажъ, сэръ? — спросилъ онъ Аарона, почтительно дотрогиваясь до шляпы.

— Я уже сдалъ его!—отвѣтилъ Ааронъ.

Digitized by Google

Раздался свистокъ, поѣздъ тронулся,—и когда вышелъ на свѣтъ изъ-подъ сводовъ дебаркадера, Боулингъ вскочилъ съ лавки и, ткнувъ Аарона въ грудь бутылкой рома, бывшей у него въ рукѣ, вскричалъ:

— Ура! Да здравствуютъ Балканскія горы!.. Не такъ ли, мистеръ?

У Аарона на этотъ разъ достало храбрости встать, взять пьяницу за плеча и усадить на мѣсто.

— Вѣдь вокругъ насъ—пассажиры!—сказалъ онъ.—Нельзя ли быть поосторожнѣе! Или вы хотите, чтобы всѣ узнали, куда мы отправляемся?

— Вѣрно, вѣрно, пріятель! Я буду осторожнѣе...—пробормоталъ Боулингъ.—Я знаю: вы не особенно храбры... Ну, а я—другое дѣло... Всѣ знаютъ, что Томасъ Боулингъ... Гм! Чортъ возьми... Я забылъ свою теперешнюю фамилію! Новое имя, также какъ новые сапоги, надо еще разнашивать, надо привыкнуть къ нему... Не выпить ли? А? Вы что говорите? Вы не пьете рому? Что же вы, въ такомъ случаѣ, станете дѣлать съ тѣми деньгами, которыя достанутся на вашу долю?

И Боулингъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего спутника, что вышло чрезвычайно комично.

— Ну, теперь я вотъ что хочу сдѣлать...—заговорилъ онъ.—Теперь я буду запоминать знаки на медали!

При этомъ онъ вытащилъ изъ кармана часы съ цѣпочкой, всталъ и, повернувъ медаль къ лампѣ, горѣвшей въ вагонѣ, принялся разсматривать ее. Ааронъ пожиралъ глазами эту драгоцѣнную медаль.

— Ничего нельзя разобрать..—бормоталъ матросъ, пошатываясь отъ сотрясенія поѣзда. — Посмотрите! Не сможете ли вы прочитать!

И онъ вертѣлъ медаль передъ глазами Аарона.

— Неужели вы думаете, что такимъ образомъ можно что нибудь прочесть!—замѣтилъ ему тотъ.—Вы дайте мнѣ медаль!

— Не торопитесь, дружище!—сказалъ Боулингъ, съ лукавымъ видомъ подмигнувъ ему и кивнувъ головой. — Подождите! Вотъ ужо мы достанемъ перо, чернилъ и бумаги, вы спишете для себя знаки и заучите ихъ!...

Онъ опустилъ часы въ карманъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Вотъ они, бобы-то!—забормоталъ онъ, доставая изъ кармана пять совереновъ и разглядывая ихъ на своей широкой, смуглой ладони.—Тамъ, куда мы теперь направляемся, лежитъ въ землѣ подъспудомъ пятьдесятъ тысячъ такихъ блестокъ. Мы из-

Digitized by Google

влечемъ ихъ на бѣлый свѣтъ... Мы протремъ имъ глаза! Да!.. Мы имъ дадимъ ходъ!..

Вслѣдствіе тряски вагона Боулингъ нѣсколько потерялъ равновѣсіе и уронилъ свое золото на полъ. Ааронъ опустился на колѣни и собралъ раскатившіяся монеты.

— Спрячьте ихъ и не дурите!—сердито промолвилъ онъ.—У насъ не скоро будутъ деньги, если вы будете такъ вести себя!

— Я хочу на всю жизнь разбогатѣть! — говорилъ Боулингъ, засовывая деньги въ карманъ.—И теперь — такъ какъ вы мой партнеръ—я скажу вамъ: какимъ образомъ это устроить. Для товарища я—товарищъ, хотя бы онъ и не всегда по товарищески поступалъ со мной... Видите: былъ у меня пріятель, по имени Деррикъ, Билли Деррикъ... Онъ получилъ въ наслѣдство тысячу фунтовъ. Надо вамъ сказать, онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, и когда пришелъ къ стряпчему за деньгами, тотъ сказалъ ему: «Я бы, говоритъ, на вашемъ мѣстѣ, постарался бы, говоритъ, повыгоднѣе помѣстить деньги!» А Билли ему говоритъ: «Какъ же мнѣ ихъ помѣстить?»—«Застрахуйте, говоритъ, себѣ пожизненную ренту—и чудесное дѣло!»... Вы знаете, пріятель, что̀ значитъ застраховать пожизненную ренту? — обратился къ Аарону Боулингъ.

— Конечно, знаю! Каждый ребенокъ это знаетъ...—отвѣчалъ Ааронъ.

Боулингъ откинулся на спинку скамьи, взялъ бутылку съ ромомъ и, выдернувъ зубами пробку, отпилъ изъ горлышка огненнаго напитка.

— Прежде чѣмъ устроить это дѣльце, Билли долженъ былъ сходить къ доктору для освидѣтельствованія... продолжалъ Боулингъ.—Тогда Билли сказалъ мнѣ: «Джорджъ, знаешь что̀»... впрочемъ, нѣтъ! Постойте!.. Онъ сказалъ: «Генри»... Да! Такъ точно... Генри!.. «Знаешь что? Чѣмъ, говоритъ, я окажусь хилѣе и недолговѣчнѣе, тѣмъ большій доходъ я стану получать... А человѣку здоровому, сильному, говоритъ, выдаютъ мало»...

— Да! Я знаю это!—промолвилъ Ааронъ, кивнувъ головой.—Продолжайте... Впрочемъ, если позволите, я выпилъ бы теперь каплю рома!..

Боулингъ передалъ бутылку Аарону и тотъ выпилъ. Боулингъ, соблазненный его примѣромъ, беря отъ него бутылку, также хлебнулъ изрядно.

— Ну, что же сдѣлалъ Билли Деррикъ? — продолжалъ разсказчикъ, обдавая Аарона запахомъ рома и табаку.—Онъ сталъ пить горькую, [illegible] до чертиковъ, а потомъ пошелъ къ

доктору. Докторъ осмотрѣлъ его и сказалъ: «Этотъ человѣкъ дольше трехъ лѣтъ не проживетъ!» И Билли сталъ получать очень большую ренту. А онъ, хитрая бестія, вдругъ пересталъ пить, позволяя себѣ только по воскресеньямъ самую умѣренную выпивку. Онъ и до сего времени продолжаетъ получать свою ренту. Я еще недавно видѣлъ его... «Джозефъ! — сказалъ онъ мнѣ...—Нѣтъ... не Джозефъ!.. Генри!.. Когда, говоритъ, у тебя будутъ деньги, ты сдѣлай то же!» И я это сдѣлаю!..

— Ловкій парень!—замѣтилъ Ааронъ.—А вашъ ромъ—отличный! Я еще пропущу каплю... Я никогда не думалъ, чтобы ромъ былъ такъ вкусенъ.

— А-а! Вы начинаете находить въ немъ вкусъ!—со смѣхомъ вскричалъ Боулингъ.—Вотъ ужо, подождите, когда мы возвратимся изъ Балканскихъ горъ, я васъ научу жить... Только вы не опорожните всю мою бутылку!..

Ааронъ показывалъ видъ, что пьетъ, но самъ не выпилъ ни капли. Боулингъ сердито схватилъ бутылку, переданную ему Ааономъ, и съ жадностью сталъ тянуть изъ нея.

— Сегодня не нужно мнѣ больше пить!—сказалъ онъ, закупоривая бутылку и ставя ее въ уголокъ.—Мнѣ нужно имѣть свѣжую голову, потому что я хочу заучить знаки на медали, прежде чѣмъ лягу спать... Гдѣ мой билетъ?

— Оба билета—у меня! — отозвался Ааронъ. — Перестаньте болтать. Я усталъ и хочу спать!

Онъ никогда еще такъ мало не думалъ о снѣ, какъ въ ту ночь, но все таки прилегъ на скамейку и закрылъ глаза. Въ это время поѣздъ замедлилъ ходъ и въ продолженіе минуты тихо подвигался вдоль платформы,—и вдругъ Ааронъ, къ своему ужасу, услыхалъ крикъ кондуктора: «Станція Ковентри! Ковентри!»... Сара была здѣсь. Конечно, трудно было предположить, чтобы дѣвушка въ такой поздній часъ была на желѣзнодорожной станціи, но вѣдь *могла* же она прійти сюда... Ааронъ забился въ уголокъ, съёжился и не раскрывалъ глазъ, какъ бы ожидая увидѣть передъ собой лицо, котораго онъ теперь боялся всего болѣе въ мірѣ. Даже появленіе самого Іова Роунда не испугало бы его такъ, какъ появленіе его дочери... Вотъ—первый фактъ, который на страницахъ нашего разсказа говоритъ въ пользу Аарона Виттекера.

Поѣздъ снова тронулся далѣе. Ааронъ, полуоткрывъ глаза, посмотрѣлъ на Боулинга, и чувство злораднаго торжества отразилось на лицѣ его. Боулингъ спалъ...

Ааронъ съ сильно бьющимся сердцемъ слѣдилъ за нимъ, та-

Digitized by Google

кимъ образомъ, что въ каждую минуту могъ скрыться въ свой уголъ и притвориться спящимъ. Поѣздъ ненадолго останавливался въ Блечли и Ааронъ ужасно боялся, чтобы какой нибудь пассажиръ не сѣлъ въ ихъ отдѣленіе и не помѣшалъ ему. (Пассажиры, до того времени ѣхавшіе съ ними, повыходили на предъидущихъ станціяхъ). Но поѣздъ опять скоро двинулся и Ааронъ остался одинъ со своимъ спутникомъ. Когда поѣздъ уже приближался къ Виллесдену, Ааронъ началъ расталкивать Боулинга, сначала слегка, а потомъ все сильнѣе.

— Вставайте! Поднимайтесь! Мы скоро пріѣдемъ...—говорилъ онъ ему.

Но не дождался Ааронъ отъ разоспавшагося товарища ни отвѣта, ни послушанія. Тогда Ааронъ съ величайшей осторожностью запустилъ руку въ карманъ Боулинга, вытащилъ оттуда часы съ цѣпочкой и съ медалью, моментально опустилъ ихъ въ карманъ своего пальто и, какъ ни въ чемъ не бывало, опять прикорнулъ въ своемъ уголкѣ. Лишь только онъ усѣлся на свое мѣсто, какъ поѣздъ пошелъ медленнѣе. Тутъ Ааронъ вспомнилъ, что у Боулинга было много денегъ съ собой. Это нехорошо! Какая ему польза отъ медали, если онъ оставилъ этому матросу средство преслѣдовать его? Опять ошибка... на каждомъ шагу ошибки! Онъ ужъ намѣревался положить часы обратно туда, откуда ихъ взялъ. Но было уже поздно: поѣздъ остановился. Впрочемъ, онъ можетъ устроить это дѣло, когда они тронутся со станціи. Онъ скажетъ Боулингу: «Вотъ видите: я веду игру на чистоту. Я могъ бы взять себѣ медаль, когда вы спали... но я не взялъ!» Наконецъ, еще лучше: онъ можетъ обобрать дочиста своего спутника. Онъ намѣревался сойти съ поѣзда въ Виллесденѣ, но скоро отдумалъ: въ Лондонѣ ему будетъ легче скрыться отъ преслѣдованій Боулинга...

Въ ту минуту, въ вагонъ вошелъ кондукторъ и сталъ отбирать билеты.

— Этотъ пассажиръ спитъ! — сказалъ Ааронъ, указывая на Боулинга.—Вотъ его билетъ!

Кондукторъ взялъ билетъ и, мелькомъ взглянувъ на спящаго, уходилъ изъ вагона и сталъ уже затворять дверь, какъ вдругъ въ вагонъ вошелъ какой-то желѣзнодорожный служащій и сѣлъ противъ Аарона. Теперь ужъ не представлялось никакой возможности положить часы обратно, а когда Боулингъ проснется, то ужъ, конечно, прежде всего хватится часовъ. Пусть бы онъ проспалъ до Эйстона! Теперь для Аарона осталось единственное средство спасенія—бѣгство. Ааронъ дрожалъ, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ.

Digitized by Google

Наконецъ, поѣздъ остановился и тормозъ такъ отчаянно, оглушительно завизжалъ, что могъ, по мнѣнію Аарона, пробудить мертваго, но Боулингъ продолжалъ крѣпко спать. Желѣзнодорожный служащій первый подошелъ къ двери, но съ просонокъ не могъ вдругъ отворить ее и безъ толку вертѣлъ ручку, не сознавая того, что за нимъ стоялъ человѣкъ, спѣшившій улизнуть изъ вагона и готовый растерзать его на клочки за неповоротливость. Наконецъ, дверь отворилась, путь былъ свободенъ, и Ааронъ, уходя, еще разъ со страхомъ взглянулъ на Боулинга, низко свѣсившаго во снѣ свою перевязанную руку.

Ааронъ не смѣлъ идти слишкомъ скоро боясь обратить на себя вниманіе. На бѣду, онъ мало былъ знакомъ съ Лондономъ и не зналъ, гдѣ ему пріютиться въ этотъ ночной часъ. Онъ бродилъ по улицамъ до разсвѣта. Утромъ онъ зашелъ въ какую-то кофейню позавтракать и, узнавъ, что могъ остановиться тутъ, рѣшился отдохнуть нѣсколько часовъ. Онъ тотчасъ же отправился на верхъ, въ отведенную ему комнату, и приказалъ разбудить себя въ полдень. Блѣдный дневной свѣтъ проникалъ въ запыленныя окна и разгонялъ его сонъ; страхъ мучилъ его. Но природа, наконецъ, взяла свое—и Ааронъ заснулъ.

Въ полдень онъ всталъ, умылся, вторично позавтракалъ и, уплативъ по счету, отправился бродить по улицамъ, гдѣ, не смотря на равнодушіе жителей большихъ городовъ, многіе обратили вниманіе на его странную привычку — поминутно оглядываться назадъ.

Онъ былъ такъ напуганъ, чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такимъ безпомощнымъ, что даже не рѣшался ни къ кому обращаться съ вопросами; улицы со своимъ многолюдствомъ и толкотней наводили на него страхъ—и онъ бо́льшую частью дня проводилъ въ кофейняхъ. Вечеромъ, въ одной изъ кофеенъ онъ значительно пріободрился. Газета дала ему успокоенье...

Ааронъ прочиталъ, что въ то утро въ мерилебонское полицейское управленіе былъ доставленъ какой-то рабочій въ пьяномъ видѣ. Этотъ рабочій, проснувшись въ вагонѣ на Эйстонской станціи, поднялъ страшный скандалъ, обвиняя кого-то въ разбоѣ и грабежѣ, и вообще буйствовалъ до того, что должны были позвать полицейскихъ, которыхъ онъ также неоднократно оскорблялъ. При немъ было найдено 99 фунтовъ и 10 шиллинговъ золотомъ и 7 шиллинговъ серебромъ. Показалось весьма подозрительно, что у рабочаго, плохо одѣтаго, нашлась такая крупная сумма денегъ. Рабочій по виду—матросъ; лицо его обезображено шрамомъ. Когда его привели въ полицейское управ-

Digitized by Google

леніе, онъ, очевидно, еще находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и бѣсновался, какъ сумашедшій...

Ааронъ Виттекеръ успокоился. Онъ купилъ довольно большую сумку и взялъ для себя мѣсто на пароходѣ «*Ориноко*», отправлявшемся въ Марсель. Онъ купилъ также путеводитель и самую лучшую карту Турціи, какую только возможно было пріобрѣсти за деньги. Онъ забрался на пароходъ и черезъ полчаса долженъ былъ отплыть отъ береговъ Англіи. Онъ спустился въ свою каюту, разложилъ на койкѣ карту Турціи и съ медалью въ рукѣ сталъ отыскивать нужную ему широту и долготу. Въ ту минуту, когда онъ былъ погруженъ въ это занятіе, дверь каюты отворилась,—и Ааронъ, засунувъ медаль подъ подушку, быстро обернулся.

Лицо его сдѣлалось положительно ужаснымъ, когда онъ увидалъ, что передъ нимъ стоитъ полицейскій офицеръ.

— Я долженъ побезпокоить васъ... — вѣжливо обратился къ нему офицеръ.—Прошу васъ слѣдовать за мной!

— Зачѣмъ?—пролепеталъ Ааронъ, чувствуя, какъ языкъ его прилипалъ къ гортани.

— Вы обвиняетесь, какъ соучастникъ въ убійствѣ Іова Роунда изъ Кастль-Барфильда...—проговорилъ офицеръ.—Но я долженъ предупредить васъ: что бы вы ни сказали мнѣ теперь, я...

Но офицеръ увидалъ, что Виттекеръ теперь ничего не желалъ и не могъ сказать ему, потому что былъ безъ чувствъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

Digitized by Google

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

РОМАНЪ.

„Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань..."
А. С. Пушкинъ.

I.

Поѣздъ N-ской желѣзной дороги, замедляя ходъ и оглашая воздухъ раздирающими слухъ свистками, приближался къ послѣднему полустанку, находившемуся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большаго губернскаго города. Съ правой стороны виднѣлась широкая рѣка, покрытая буксирными пароходами и высоко развивающимися флагами уродливыхъ баржъ; съ лѣвой — другая рѣка, еще болѣе широкая и могучая, гордо несла свои темныя волны, и на ней тоже, покачиваясь, красовались громадные пароходы, буксиры и баржи. На высокомъ холмѣ и на ближайшихъ уступахъ, сверкая подъ лучами іюньскаго солнца, бѣлѣлись стѣны Кремля, и ряды каменныхъ строеній пестрою лентою обвивали гребень горы. Масса зелени, золотые куполы церквей, густой и мелодичный звонъ колоколовъ — все очаровывало взоръ путника, только что покинувшаго столицу съ ея казармами, съ ея строго выдержаннымъ стилемъ построекъ.

— Хорошо какъ!—съ увлеченіемъ прошептала Анна Николаевна Ремнева, прислонясь къ окну вагона и жадно вглядываясь въ знакомыя очертанія роднаго города.—Какъ растетъ N-скъ... Какъ хорошѣетъ!

Дорожные спутники Ремневой торопливо связывали вещи. Молоденькая дама, съ которой Анна Николаевна познакомилась въ пути, снимала съ рѣшетки свои картонки и саквояжъ, напоминая дѣвушкѣ объ ея багажѣ, но Ремнева только кива-

Digitized by Google

ла головой. Ее охватили дорогія воспоминанія и не хотѣлось отрываться отъ чудной панорамы древняго города.

— Анна Николаевна, душечка, вы непремѣнно, непремѣнно забудете свой несессеръ!—суетилась худенькая блондинка съ растрепанными на лбу кудряшками и острымъ профилемъ.— Ужъ это я чувствую! Прошлый разъ я потеряла такимъ образомъ подарокъ, который везла мужу... Ужасное положеніе: полторы тысячи верстъ везла и вдругъ...

Вошелъ кондукторъ и привычнымъ жестомъ началъ раскладывать на диваны—красные, желтые и лиловые листы объявленій пароходныхъ обществъ. Машинально, нѣсколько охрипшимъ отъ безсонной ночи голосомъ, онъ повторялъ съ неизмѣнной интонаціей:

— Приготовить прошу билеты. Объявленіе „Кавказъ и Меркурій!“ Объявленіе братьевъ Каменскихъ! Лучшіе пароходы!

Ремнева обернулась, взяла изъ рукъ кондуктора цѣлую пачку пестрыхъ листовъ и, не слушая щебетанія блондинки,— разсказывавшей, какъ разсердился на нее тогда мужъ, хотя вообще онъ добрый,—съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ просматривала объявленія. Она читала: время отхода и прибытія пароходовъ, названіе пристаней и цѣны билетовъ, хотя знала все это наизустъ. Радостное впечатлѣніе росло и ширилось въ ея душѣ. Ей было такъ пріятно видѣть вокругъ себя знакомыя явленія, сталкиваться съ тѣми фактами, которые были ей знакомы до мелочей, и счастливая улыбка озарила ея лицо.

— Вотъ и пріѣхали,—продолжала блондинка, связавъ подушку и пледъ и опускаясь на свое мѣсто. — Мнѣ жаль, что мы съ вами разстанемся, Анна Николаевна! Я выношу такое пріятное воспоминаніе объ васъ... Похвастаюсь передъ мужемъ; скажу: „съ писательницей познакомилась!“ То-то позавидуетъ. вѣдь у насъ, въ N-скѣ, такихъ женщинъ, какъ вы, и не видывали!

Блондинка говорила совершенно просто, безъ малѣйшаго оттѣнка лести, но Ремнева вспыхнула. Слово: „писательница“ ласкало и смущало ея слухъ.

— Да, мнѣ тоже очень пріятно, что удалось познакомиться съ вами,—серьезно отвѣчала она. — Хорошій спутникъ—

Digitized by Google

большое удовольствіе. Повѣрьте, я не забуду этихъ двухъ дней. Вы мнѣ доставили много, много хорошихъ минутъ.

Блондинка засмѣялась и, грозя пальцемъ, съ лукавой усмѣшкой воскликнула:

— Смотрите, вы не опишите меня, Анна Николаевна! Я вѣдь узнаю!... Теперь я непремѣнно буду читать журналы, гдѣ вы пишете. Это такъ интересно: знакомая и вдругъ... пишетъ!

Ремнева успокоила спутницу, но въ то же время упрекнула себя за излишнюю болтливость. Зачѣмъ она разсказывала этой пустенькой женщинѣ о своей дѣятельности? Зачѣмъ впустила въ свой душевный міръ? Вотъ и пришлось выслушать смѣшныя фразы...

— Ахъ, встрѣтитъ ли меня Костя?—обращаясь уже къ другому предмету, тараторила блондинка.—Одной хлопотать съ багажемъ ужасно неудобно... Я только оттого и жду мужа.

— Ну, положимъ, Вѣра Алексѣевна, вѣдь и вы соскучились тоже.

— Я? Ни капельки!... Вотъ еще новости! Неужели вы меня считаете такой дурочкой?

Разговаривая съ интеллигентной женщиной и съ писательницей вдобавокъ, простушка, Вѣра Алексѣевна Долганова, старалась какъ бы подпѣвать собесѣдницѣ, полагая, что отрицаніемъ семейнаго идеала она выкажетъ себя съ наилучшей стороны. Ремнева угадала эту невинную ложь. Она видѣла, какъ загорались глаза Долгановой, какъ ярко вспыхивалъ румянецъ на ея щекахъ, когда она упоминала объ мужѣ, и, пожимая на прощанье руку спутницѣ, сказала задумчивымъ тономъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы, Вѣра Алексѣевна... Не разрушайте составленнаго объ васъ мнѣнія. Я считаю васъ счастливой и любящей женою, а вы хотите казаться чѣмъ-то сухимъ и безсердечнымъ. „Любовь—состоянье, еще и какое... Чудное, полное силъ!“—продекламировала Ремнева.

Долгановой вдругъ стало сердечно жаль эту красивую, но слишкомъ умную, какъ ей казалось, дѣвушку. Она порывисто обняла Анну Николаевну, поцѣловала ее, и хотя поѣздъ уже остановился, на мгновенье удержала руки Ремневой въ своихъ.

— Дай вамъ Богъ счастья! Вы стóите его! Ахъ, еслибы здѣсь, въ N—скѣ, вышли вы замужъ, вотъ бы хорошо!—горячо

Digitized by Google

сказала она.—Смотрите-ка, вонъ мой Костя!... Пришелъ!—съ горделивымъ выраженіемъ протянула Долганова и, торопливо шепнувъ:—До свиданія! Можетъ, еще встрѣтимся!—прыгнула изъ вагона, прямо въ объятія высокаго толстяка, растерянно и слащаво цѣловавшаго жену.

Ремнева съ грустной и ласковой улыбкой смотрѣла на эту парочку, интимная жизнь которой стала ей извѣстна, благодаря простодушной болтовнѣ Долгановой, изливавшей всю душу передъ симпатичной спутницей.

II.

Широкая пролетка, запряженная сытой и рѣзвой башкиркой, быстро катилась по пыльной улицѣ. Ѣхать было далеко,—черезъ длинный мостъ, раздѣляющій городъ на двѣ части, черезъ овраги, по спускамъ и крутымъ подъемамъ, пугающимъ столичнаго жителя своею оригинальностью. Но Ремнева даже не замѣчала опасности пути. Она съ прежнею пытливостью всматривалась въ новыя строенія и любовалась пышною зеленью садовъ, ставшихъ еще гуще и выше за время разлуки.

„Ахъ, еслибы вы здѣсь, въ N—скѣ, вышли замужъ!“—вспомнилось Ремневой желаніе Вѣры Алексѣевны, и она едва не разсмѣялась этому наивному выраженію симпатіи.—Воображаю, какъ это позабавитъ „нашихъ“,—думала дѣвушка, отдаваясь потоку мыслей.—Чиновникъ „соединенной палаты“, ха, ха! Впрочемъ, кажется, эти „палаты“ уничтожены? Да, дѣйствительно. Но людей-то, выросшихъ на почвѣ этихъ „палатъ“—не уничтожишь. А то, быть можетъ, моимъ героемъ окажется мѣстный левъ, офицеръ N—скаго гарнизона? Это—прелесть, просто! Хорошо, что я поѣхала, право! Впечатлѣній—масса! А, кромѣ того, воздухъ родины... Почтенная тетушка... ея неподражаемая Борисовна. Прежде я не умѣла цѣнить этаго матеріала... Теперь...

Извощикъ свернулъ направо, и Анна Николаевна быстро окликнула его:

— Послушай, ты не туда ѣдешь... Мнѣ надо на Бубниху, а ты...

— На Бубниху? — полуоборачиваясь, повторилъ возни-

Digitized by Google

ца.—Приказано отъ начальства, чтобы такъ, значитъ, не называть...

— Какъ? Что такое? Какъ не называть?—изумилась Ремнева.

— Не называть, это точно. Другое названіе дадено, потому: неприличіе. Теперь Бубниха—„Генеральская“ стала и жить не всѣмъ дозволено...

— Ну, прекрасно, поѣзжай на Генеральскую,—отвѣчала путница, восхищаясь и объясненіемъ возницы, и просвѣщеннымъ вниманіемъ начальства, и чудеснымъ яснымъ утромъ, и лучами горячаго солнца, обливавшаго и Кремль, и куполы храмовъ, и синія волны красавицы-рѣки.

— Такъ вамъ къ кому же на Генеральскую? Можетъ, и выселили давно?—продолжалъ возница.—Теперь строго... прежней вольности не стало...

— Мнѣ нужно въ домъ Лаврентьевой, Дарьи Васильевны...

— Дарьи Васильевны?!—обрадовался извощикъ, сдвигая на затылокъ свой картузъ.—Такъ бы и сказали... Какъ не знать! Сколько годовъ ѣзжу, Господи? Пятый начальникъ на моихъ глазахъ смѣняется; пятые, значитъ, порядки переживаю. У насъ, видишь, барышня нонечь такая заведенція...

Но Анна уже не слушала словоохотливаго старика. Съ каждымъ шагомъ все ближе и ближе становился родной домъ. Вонъ издали мелькнулъ мезонинъ, и на высокомъ шестѣ большая скворечница—пріютъ соловья;—вотъ развѣсистыя липы и дубы, а подъ ними широкая скамья, на которой такъ часто, съ книгой въ рукахъ, забывалась дѣвочка-подростокъ, пока дома искали ее во всѣхъ комнатахъ. Вотъ и окна, заставленныя вѣчно цвѣтущими фуксіями и геранью; вотъ филейныя занавѣси—работа крѣпостныхъ рабынь—остатокъ прежняго величія; вотъ спальня тетушки, съ неугасимой лампадой передъ образомъ Спасителя. Все вокругъ,—по внѣшности, по крайней мѣрѣ,—оставалось неизмѣннымъ, но какая громадная разница въ ней самой! Со страстнымъ озлобленіемъ, съ мучительными вспышками узницы, жадно рвущейся на свободу, стремилась она въ столицу, враждебно относясь къ тишинѣ, царившей подъ кровлей роднаго дома, а теперь... Съ выраженіемъ умиленія смотритъ она на этотъ уютный, хорошенькій домикъ, окруженный старыми липами, и глаза ея становятся влажными.

Digitized by Google

— Барышня! Родныя вы мои, голубушки! Господи, да вы ли это?!—захлебываясь отъ радости, вскричала Борисовна, сухощавая, жилистая и загорѣвшая женщина, ключница и наперсница тети Даши.—Всѣ глаза просмотрѣли, васъ дожидаючи... Вотъ-то радости! Чаю, барышня, или кофейку прикажете? Устали? Барыня почивать изволятъ, да я разбужу ихъ...—тараторила Борисовна, забывая обычную степенность и цѣлуя дѣвушку въ плечо и въ щеку, хватаясь за вещи и прикрикивая на извощика.

Въ этомъ хаосѣ восклицаній, поцѣлуевъ, радостнаго лая дворняшекъ и препирательствъ между возницей и садовникомъ изъ-за того, кому нести вещи, Анна Николаевна ничего не понимала. Возбужденное состояніе росло и ширилось въ ея душѣ, выражаясь въ блаженной улыбкѣ, освѣтившей все лицо дѣвушки: „Типичная сцена"!..—скользнуло въ ея головѣ.—„Какъ бы она позабавила *нашихъ*. Вотъ натура"!

— Барышня, а вамъ въ какой комнатѣ угодно? Тетенька приказали приготовить и зеленую, и... дѣтскую.

Борисовна нерѣшительно вымолвила послѣднее названіе. Она еще помнила, какъ Анна-подростокъ сердилась за это слово. Ремнева весело засмѣялась.

— Дѣтскую, дѣтскую, Борисовна,—съ живостью подхватила она.—Вѣдь тамъ все по старому: и кровать съ пологомъ, и картинки по стѣнамъ, и...

Что тамъ еще стояло—Анна не помнила. Борисовна поспѣшила отвѣтить:

— Ничего тамъ не трогано съ мѣста: какъ было все—такъ и есть. Тетенька приказали, чтобы въ порядкѣ все держать. Давно уже васъ поджидали, барышня... Еще прошлую весну...

Въ голосѣ Борисовны послышался укоръ, и легкое облако недовольства отразилось въ лицѣ дѣвушки.

— Да, да, знаю. Собиралась, но нельзя было пріѣхать,—торопливо замѣтила Ремнева. — Такъ въ дѣтскую несите мои вещи. Тётю не будите, Борисовна, я пойду въ садъ пока!

— Погуляйте на здоровье, родимая, погуляйте, у насъ хорошо!—хвастливо протянула ключница.—Эдакая радость тетушкѣ будетъ! Ахъ, ты, Господи... Дождались!

Анна сбросила плащъ и шляпку, поправила прическу и

Digitized by Google

направилась къ калиткѣ. Борисовна что-то крикнула вслѣдъ, но вѣтеръ относилъ слова. Дѣвушка обернулась:

— Что такое? Не слышу?

— Говорю: къ флигелю не ходите, барышня! Жилецъ у насъ... Неспособно... Можетъ, не одѣтъ еще.

Ремнева разсѣянно кивнула головой. Раздалось щелканье замка, и дѣвушка очутилась въ саду, въ тѣнистыхъ, почти темныхъ аллеяхъ, среди старыхъ пахучихъ липъ.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ хорошо! — вымолвила она, вдыхая полной грудью утренній ароматный воздухъ.

III.

Каждый уголокъ обширнаго сада былъ не только знакомъ и дорогъ, но являлся роднымъ и близкимъ, какъ товарищъ минувшихъ лѣтъ. Ремнева была еще молода, но у нея уже существовала область воспоминаній. Переѣздъ въ столицу изъ тихаго губернскаго города являлся гранью, рѣзко раздѣлившею ея жизнь на двѣ части. Дѣтство и юность прошли здѣсь; годы возмужалости и кипучей дѣятельности—въ Петербургѣ. Торопливой походкой обходя дорожки, клумбы и бесѣдки, Анна какъ бы перелистывала альбомъ жизненныхъ картинъ, вспоминая эпизоды и типы былаго.

Здѣсь, дѣвочкой-подросткомъ, скрывалась она отъ тети Даши, когда та сердилась на нее за какую нибудь шалость; здѣсь, передъ экзаменомъ, снѣдаемая тщеславіемъ и страстнымъ желаніемъ отличиться передъ учителями, выдвинуться среди подругъ, Анна бросала книги и начинала пылко молиться, давая обѣты и клятвы. Здѣсь, на этой скамьѣ, подъ громаднымъ кленомъ, она впервые выслушала признаніе въ любви и... разсмѣялась. Тамъ, на порогѣ бесѣдки, она сама тоскливо прощалась съ человѣкомъ, который былъ ей симпатиченъ, но слово любви замерло на ея губахъ; тутъ... да, вотъ тутъ именно то мѣстечко, гдѣ пережила она самое бурное и глубокое счастье, гдѣ слезы восторга катились по щекамъ, а сердце то замирало трепетно, то билось съ невѣдомой силой—то мѣсто, гдѣ, раскрывъ книгу только что полученнаго журнала, она увидала *свою первую повѣсть*, прочла *свою фамилію*.

Digitized by Google

О, что́ это было за упоенье! Какое жгучее наслажденіе испытывала молодая дѣвушка, сознавая, что плоды ея думъ и чувствъ, что образы, созданные ея воображеніемъ, что идеи, прельщавшія ее—все это *напечатано*... Какъ ураганъ ворвалась она въ комнату тети Даши.

— Смотрите! Смотрите!—твердила она, съ пылающимъ лицомъ и ярко сверкающими глазами.—Вы смѣялись! Зрѣніе порчу напрасно... Пустяками занимаюсь... На-пе-ча-та-но!

И пока добрая, но медлительно соображающая женщина разспрашивала, что́ случилось, вспышка горделивой радости смѣнилась тихимъ умиленіемъ.

— Ахъ, какъ я рада, тетя, какъ я рада!—прошептала Анна и, обнявъ Дарью Васильевну, заплакала тѣми сладкими слезами, которыми плачетъ ребенокъ, избавившійся отъ грозной опасности.

Только въ это мгновенье поняла Ремнева, какъ было бы ей стыдно и унизительно, еслибы ея повѣсть не приняли, и ощущеніе гордости смѣнилось порывомъ признательности къ тому редактору, который снисходительно отнесся къ ея первому труду. Какъ вчерашняя быль, встала передъ Анной эта сцена. Понявъ, въ чемъ дѣло, Дарья Васильевна истово перекрестилась, сердечно поздравила племянницу съ „начатіемъ дѣла" и освѣдомившись: платятъ ли за повѣсти и сколько именно, задумчиво замѣтила:

— Что дѣлать, Аня, всѣ нынче работаютъ... Такое время пришло. Генеральскія дочери босоногихъ ребятишекъ учатъ или по урокамъ бѣгаютъ, а тутъ—въ теплѣ... *Чистая работа*, что и говорить...

Ремнева не могла и не хотѣла возражать теткѣ. Громадная пропасть, раздѣлявшая ихъ, ярко сказалась въ это мгновенье.

— На четыреста рублей, говоришь?—продолжала Лаврентьева, какъ-то охорашиваясь и оглядываясь по сторонамъ.—Порядочный кусочекъ! А во сколько времени ты написала-то, а?

— Въ два мѣсяца, тетя!—думая о другомъ, отвѣтила Анна.

— Въ два мѣсяца!! Вотъ это хорошо!—Мужчинѣ любому впору!.. Каково покажется? Дѣвушка, почти ребенокъ, и вдругъ... Вѣдь это двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ!

Digitized by Google

— Ахъ, тетя, не въ томъ дѣло! Вы не понимаете!—съ горечью вырвалось у Ремневой.

— Очень понимаю, ошибаешься, мой другъ! Помимо денегъ, лестно.

Анна жадно смотрѣла на тетю Дашу. Ей такъ горячо хотѣлось встрѣтить истинное пониманіе, сочувствіе, откликъ.— Лаврентьева продолжала:

— Теперь Малявскія барышни съ ума сойдутъ отъ зависти. Нельзя имъ хвастаться своимъ приданымъ. Двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ—это вѣдь капиталъ, почти въ пятьдесятъ тысячъ...

Ремнева круто повернулась и пошла къ дверямъ. Дарья Васильевна окликнула ее.

— Поцѣлуй же меня, баловница моя, умница! Право, умница! Вотъ оно что образованіе-то значитъ! Бывало, посадишь тебя за уроки, а ты плачешь: „Не хочу! Пусти, тетя, гулять!“ Только я не позволяла; по моему: дѣлу—время, потѣхѣ—часъ. Теперь скажешь спасибо теткѣ—ворчуньѣ!..

На широкой скамьѣ, подъ липами, нашла успокоеніе Ремнева,—и теперь, послѣ долголѣтней разлуки, съ благодарностью вспоминала она, какъ тихій шорохъ листвы и ласкающій вѣтерокъ смирили ея душевную тревогу, помогли понять законность различія двухъ поколѣній. Но вмѣстѣ съ книжкой журнала, въ которомъ была помѣщена повѣсть Анны, въ забытый домикъ на Бубнихѣ ворвалась струя новой жизни. Что случилось, въ чемъ выражалась перемѣна—объяснить казалось невозможнымъ, но чуялось свѣжее вліяніе, слышался бодрящій призывъ, и окружающая обстановка представлялась еще болѣе гнетущей.

Учителя гимназіи, подруги и знакомые, узнавъ объ литературномъ дебютѣ Анны, отнеслись къ ней полунасмѣшливо. Дѣвушка ничего не обѣщала и очень рѣдко говорила о себѣ. На нее привыкли смотрѣть, какъ на симпатичное и красивое существо, ничѣмъ не выдѣляющееся надъ общимъ уровнемъ, и Ремнева - писательница казалась забавной. Судьба улыбнулась, однако, Аннѣ. Два-три столичныхъ рецензента очень горячо похвалили „Пучину“ и, съ исключительною смѣлостью, признали въ авторѣ оригинальный и крупный талантъ. Журнальные подголоски подхватили мнѣніе, и слава Ремневой

Digitized by Google

быстро создалась. N-скіе судьи и цѣнители были смущены. Признавать „своего“ и непріятно, и обидно, но они все таки признали, хотя и съ оговорками. Одинъ высказывалъ порицаніе, зачѣмъ фамиліи героевъ Ремневой слишкомъ банальны; другой замѣчалъ, что мѣсто дѣйствія и время драматическаго эпизода не ясно выражены; третій... Но каждый являлся своеобразнымъ критикомъ, указывалъ на безцвѣтныя мелочи, заводилъ скучнѣйшіе споры изъ-за слова; никто только не упоминалъ о крупныхъ промахахъ, и хотя Ремнева угадывала ихъ художественнымъ чутьемъ, но исправиться не могла, не имѣя дѣльнаго руководителя.

— Пишешь?—интересовалась Дарья Васильевна.

— Чѣмъ вы насъ подарите теперь? — любезничалъ судебный приставъ, сосѣдъ тети Даши.

— Смотри, Аня, не вздумай меня описать!—воскликнула подруга-гимназистка.—Я тебѣ все, какъ другу, говорю, а ты, пожалуй, возьмешь и...

Вслѣдъ за первымъ цвѣткомъ славы, посыпались терніи. Вторая повѣсть была напечатана и возбудила новыя похвалы, но зато Ремнева попала въ число „пишущихъ“, и каждая корреспонденція изъ N-ска ставилась на ея счетъ, порождая враговъ и ненавистниковъ.

— Я не пишу въ газетахъ,—оправдывалась дѣвушка.

— Ну, да ужь это все равно: начала этимъ дѣломъ заниматься—такъ вездѣ напишетъ!—разсуждали про Анну.—Даже въ церкви тетѣ Дашѣ приходилось выслушивать разныя колкости насчетъ „писательницы“. Добродушная женщина рѣшительно терялась.

Крупный для дѣвушки заработокъ и прельщалъ, и удивлялъ ее, но выносить соръ изъ избы, оглашать чужія тайны—это не нравилось Дарьѣ Васильевнѣ. Она недовѣрчиво относилась къ Аннѣ и даже немножечко побаивалась ея, хотя дѣвушка давала честное слово, что корреспонденціи, надѣлавшія столько шума, вовсе не ея трудъ.

Прошло около года. Ремнева тосковала и жадно рвалась къ свѣту. Благодаря своимъ заработаннымъ деньгамъ, она выписывала теперь журналы, газеты и книги; она слѣдила за жизнью того кружка, который въ мечтахъ называла *своимъ*; она знала по карточкамъ всѣхъ писателей, жадно интересо-

Digitized by Google

валась ихъ успѣхами и даже анекдотами изъ ихъ жизни, но сама была отрѣзана отъ ихъ общества. Разстояніе и обособленность тети Даши являлись непреодолимой преградой, а между тѣмъ окружающіе люди день ото дня становились антипатичнѣе. Смѣшныя стороны провинціальной жизни рѣзали глаза, хорошія не замѣчались, и тягостное сознаніе полнаго отчужденія начинало вліять на характеръ дѣвушки. Анна становилась замкнутой и холодной, но это принимали за гордость и отодвигались.

— Съ этимъ несчастнымъ писательствомъ Аня совсѣмъ испортилась,—жаловалась тетя Даша Борисовнѣ.—Никуда: ни въ гости, ни въ церковь не дозовешься. Отъ однихъ отстала, къ другимъ не пристала. И денегъ-то ужъ не такъ чтобы очень много присылали. Обсчитываютъ, вѣрно! Усердно вѣдь пишетъ Аня, что говоритъ, а все таки двухъ тысячъ не вышло...

Лаврентьева не понимала, конечно, что нравственная неудовлетворенность сказывалась на творчествѣ дѣвушки. Ей нужны были новыя впечатлѣнія, необходимъ просторъ—а она оставалась прикованной къ семьѣ, къ тѣсному жилищу на Бубнихѣ, къ своей „дѣтской“, которая казалась ей самою ненавистною тюрьмою... Пойти въ гости одной, позвать къ себѣ молодаго человѣка, представляющагося оригинальнымъ, отправиться на Волгу ночью, чтобы подмѣтить эффекты пейзажа, словомъ, черпать проявленія жизни и природы такъ, какъ хочешь, силою чутья—все это считалось чѣмъ-то чудовищнымъ. Еслибы тетя Даша проявляла протестъ—Анна съ наслажденіемъ отдалась бы борьбѣ, но Дарья Васильевна съ видомъ жертвы переносила подобные поступки племянницы, и это обезоруживало дѣвушку.

Бывали дни, когда Анна готова была убѣжать изъ дому, или сдѣлаться женою старика, чтобы только получить свободу; бывали ночи, когда она не смыкала глазъ, оплакивая свою судьбу, проклиная талантъ и нелѣпую попытку нарушить сонное бытіе. Въ теченіе такихъ дней, она вдругъ начинала выказывать интересъ къ домашнему хозяйству, бралась вязать чулокъ или варить варенье, но портила все, къ чему прикасалась, и убѣгала въ садъ, подъ эти старыя липы—нѣмыя свидѣтельницы ея кипучихъ запросовъ.

Письмо изъ Петербурга, отъ дяди, роднаго брата отца,

Digitized by Google

перевернуло все существованіе дѣвушки. Ремневъ звалъ къ себѣ племянницу погостить, а понравится—такъ и поселиться, добавляя, между прочимъ, что такіе-то и такіе писатели—его друзья—будутъ рады познакомиться съ авторомъ „Пучины".

IV.

Передать радостныя ощущенія дѣвушки нѣтъ возможности: точно заключенный, передъ которымъ вдругъ, нежданно-негаданно, пали желѣзные засовы и бодрящій лучъ солнца озарилъ широкій путь. Она то смѣялась безпричинно, то становилась мечтательна, какъ существо, предвкушающее близкое блаженство. Сборы продолжались дня два, не больше. Сопровождаемая благословеніями тети Даши и глубокими вздохами Борисовны, еще не рѣшившей: радоваться или печалиться отъѣзду барышни, Анна Николаевна сѣла въ вагонъ желѣзной дороги, и только въ послѣдній моментъ разлуки стало ей жаль и тетю, и Борисовну, и добрыхъ, но недалекихъ людей, составлявшихъ тѣсный кружокъ знакомыхъ Лаврентьевой. Но, отъѣхавъ двѣ станціи, Ремнева забыла всѣхъ и все. Она думала о будущемъ, строила блестящіе планы и, въ качествѣ абсолютно здороваго человѣка, была всецѣло поглощена эгоистическими заботами.

Павелъ Ильичъ Ремневъ занималъ мѣсто члена суда и пользовался общимъ уваженіемъ. Это былъ рослый и крупный мужчина, съ симпатично-добродушнымъ лицомъ, очень подвижной и увлекающійся, про котораго утверждали, что онъ сдѣлалъ крупную ошибку, избравъ судейскую карьеру. Ремневъ очень любилъ касаться этого вопроса и всегда говорилъ: „J'ai manqué ma vocation... О, еслибы сбросить лѣтъ двадцать пять, я бы вамъ показалъ, *какъ нужно* говорить рѣчи!" Подобныя восклицанія срывались съ языка Павла Ильича не только по отношенію къ адвокатамъ, которыхъ онъ очень любилъ въ своей гостинной, но ненавидѣлъ въ залѣ суда. Добрый и любезный человѣкъ, Ремневъ положительно не переносилъ, если въ его присутствіи хвалили художника, литератора или оратора. Въ подобныхъ случаяхъ, онъ обязательно находилъ въ восхваляемыхъ смѣшныя стороны и двумя-тремя удачными выраженіями

Digitized by Google

сталкивалъ ихъ съ пьедестала. Сочувствіемъ Ремнева и его горячей защитой пользовались только тѣ изъ выдающихся личностей, которыя посѣщали его домъ. Павелъ Ильичъ считалъ нравственнымъ долгомъ поддерживать „своихъ“ и въ этомъ отношеніи нѣсколько пересаливалъ. Узнавъ, что племянница, дочь брата Николая, подвизается, и не безъ успѣха, на литературномъ поприщѣ, услыша два-три благосклонныхъ отзыва объ авторѣ „Пучины“, Павелъ Ильичъ задумалъ пригласить къ себѣ Анну и, такъ сказать, „лансировать“ ее въ кружокъ столичной интеллигенціи. Прихоть мужа возбудила слабый протестъ со стороны Лидіи Васильевны, немолодой, но еще довольно красивой супруги Ремнева. Она пожала плечами и, поправляя передъ зеркаломъ кружевную косынку, замѣтила:

— Это будетъ стоить не дешево, Поль. Я воображаю, какіе костюмы у твоей провинціальной родственницы. Ее придется одѣть съ головы до ногъ...

— О, ma chère, говорить объ деньгахъ, когда тамъ, въ глуши, гибнетъ талантъ. Айдановъ прямо сказалъ, что это звѣздочка. Онъ ею очень и очень заинтересованъ.

— Айдановъ заинтересованъ?..—съ изумленіемъ и недовѣріемъ повторила Лидія Васильевна.

Ремневъ подробно, но съ безчисленными отступленіями, передалъ, что вчера въ театрѣ онъ случайно разговорился съ Айдановымъ объ русской журналистикѣ и критикѣ упомянулъ двѣ вещи новаго автора, молодой дѣвушки, но не могъ вспомнить ея фамиліи. Въ концѣ бесѣды, Айдановъ припомнилъ, и оказалось, что его заинтересовала свѣжесть молодаго таланта, Анны Ремневой. Онъ пророчитъ ей блестящую будущность. Онъ такъ жалѣлъ, что автора нѣтъ въ столицѣ.

— Что же, отлично, Поль, пригласи ее,—замѣтила Лидія Васильевна, выслушавъ рѣчь мужа и размышляя о томъ, что появленіе Айданова и молодой дѣвушки-писательницы на ихъ вторникахъ будетъ способствовать оживленію. „Это даже привлечетъ къ намъ новый элементъ,—рѣшила Ремнева,—а то, признаться, понадоѣли всѣ“.

Черезъ недѣлю послѣ супружеской бесѣды, Анна Николаевна пріѣхала въ Петербургъ и, какъ это часто бываетъ, разочаровала и очаровала людей, составившихъ себѣ неправильное мнѣніе о дѣвушкѣ-провинціалкѣ. Въ ней не было ни

Digitized by Google

излишней робости передъ крупными именами, ни горделивой увѣренности въ своихъ силахъ. Она держала себя свободно и просто, охотно бесѣдуя о музыкѣ, литературѣ, о художествахъ или дамскихъ нарядахъ, всюду выказывая наблюдательность, остроуміе и самобытность. Лидія Васильевна съ удивленіемъ замѣчала, что скромные туалеты Анны носятъ отпечатокъ изящества, что дѣвушка умѣетъ поддерживать всякій разговоръ, что она не только много читала, но и запомнила прочитанное. Въ лицѣ Анны, „вторники“ Ремневой пріобрѣли great attraction и ни одну зиму не бывало такъ оживленно и весело въ гостинной Лидіи Васильевны. Дядя, Павелъ Ильичъ, былъ въ полномъ восторгѣ. Не имѣя дѣтей, онъ привязался къ Аннѣ, какъ къ родной дочери, и гордился ея успѣхами, какъ влюбленный поклонникъ. Но шумныя похвалы дяди и подчеркиванія ея литературныхъ достоинствъ смущали дѣвушку. Она чутьемъ угадывала, что бо́льшая часть успѣха вызвана ея наружностью, манерой вести себя, и ощущала невольное раздраженіе. Бывали мгновенья, когда Аннѣ страстно хотѣлось быть некрасивой и старой, чтобы только имѣть возможность получить правильную оцѣнку.

Ремневы познакомили Анну съ нѣсколькими семьями литераторовъ и сослуживцевъ Павла Ильича, и дѣвушка всего охотнѣе бывала у Мидасовыхъ,—милой, симпатичной парочки тружениковъ, страстно любившихъ и газетное дѣло, и другъ друга. Здѣсь Анна встрѣчалась съ литературной богемой и горячо принимала къ сердцу всякую бѣду молодыхъ журналистовъ.

А бѣды часто и часто сваливались на голову бѣдняковъ—тружениковъ. То закроется и лопнетъ газета; то редакторъ, стремясь къ дешевизнѣ, замѣнитъ старый кругъ сотрудниковъ новымъ; то издатель разсердится, что ему не поклонились на улицѣ; то смѣлый тонъ замѣтки вызоветъ крупное объясненіе... Счастливчики, умѣющіе лавировать по житейскимъ волнамъ, только изрѣдка заглядывали къ Мидасовымъ, но неудачники считали эту семью родною. Пока Юлія Ивановна торопливо просматривала корректуру, а Иванъ Николаевичъ Мидасовъ писалъ передовую статью, его товарищи ставили самоваръ или нянчились съ четырехлѣтней дочкой, Маней, или жарили яичницу съ ветчиной, устроенную въ складчину. Появленіе

Digitized by Google

Анны возбуждало радостныя восклицанія. Эта милая дѣвушка, съ задумчивыми черными глазами, съ непокорными кудрями черныхъ волосъ, красиво обрамлявшихъ ея овальное смуглоблѣдное лицо, была для всего кружка звеномъ, соединявшимъ ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Черезъ нее узнавали они новости того замкнутаго общества, которое сторонилось отъ нихъ; съ нею могли они отводить наболѣвшую душу, порицая тѣхъ, кто стоялъ выше и не тратилъ силъ на грошовую работу. Сначала Мидасовы и ихъ друзья дичились Анны. Имъ казалось, что она ищетъ матеріала и типовъ; что, входя желаннымъ гостемъ, она отплатитъ безпощаднымъ обличеніемъ и понесетъ на людское торжище ихъ невидимыя, но жгучія страданія, ихъ разбитыя упованія, ихъ грубые, быть можетъ, но вымученные проступки. Но Анна съумѣла поставить себя здѣсь и заслужить общее уваженіе. Къ ней относились, какъ къ нѣжному цвѣтку, выросшему на краю рудника или въ темницѣ. Ее лелѣяли, ее любили; каждымъ шагомъ ея интересовались и вели безконечные дебаты: должна была она поступить такъ или иначе?

Въ этихъ-то двухъ кружкахъ провела Анна пять лѣтъ жизни. Въ гостинной Лидіи Васильевны появлялись литературные генералы, тузы адвокатуры и выдающіяся лица всѣхъ профессій. Здѣсь толковали обо всемъ и обо всѣхъ, но съ неизмѣнной ноткою пренебреженія и насмѣшки, точно нельзя было разсуждать серьезно и мягко въ этихъ роскошныхъ комнатахъ, куда никогда не проникалъ лучъ солнца, гдѣ по вечерамъ зажигалось множество лампъ, но всѣ ревниво прятались подъ разноцвѣтные абажуры. Здѣсь Анна слушала и училась умѣнью владѣть собою; здѣсь она видѣла, какъ сѣдые и добившіеся прекраснаго положенія люди блѣднѣли отъ досады и зависти, узнавая успѣхъ новичка; здѣсь, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія или пріятнаго впечатлѣнія, уничтожались и возвеличивались люди, гибли и создавались репутаціи. Сила и произволъ царили тутъ во всемъ оскорбительномъ величіи, и слово Айданова являлось закономъ. Изъ дома дяди Анна бѣжала къ Мидасовымъ, въ кружокъ скромныхъ тружениковъ, но и тамъ, когда улеглось первое впечатлѣніе восторга, дѣвушка встрѣчала то же озлобленіе противъ товарища-удачника, то же презрѣніе къ непризнанному таланту, то же поклоненіе передъ

Digitized by Google

„рублемъ"... Мечты Анны объ истинно-дружественномъ обществѣ разбивались въ прахъ. Она сознавала необходимость быть вѣчно начеку, никому не довѣряться, не откровенничать ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ и, главное, всегда держать камень наготовѣ... Подобныя отношенія были ей тягостны, не симпатичны, но, тѣмъ не менѣе, сама жизнь богемы увлекала, засасывала ее.

Анна сроднилась со всѣми интересами Мидасовскаго кружка, знала всѣ эпитеты и прозванія, подъ которыми фигурировали тѣ или другія личности. Въ то же время она проникалась тенденціями, царившими въ домѣ Павла Ильича, она до мелочей понимала оттѣнки фразъ Айданова. Но, благоговѣйно выслушивая рѣзкіе и грубые отзывы критика, она, въ качествѣ красивой и симпатичной особы, держала себя гордо и невольно поддразнивала Филипа Филиповича, не привыкшаго къ женскому равнодушію.

За эти пять лѣтъ Анна встрѣчала немало поклонниковъ, даже жениховъ. Она посѣщала студенческіе балы, театры и настоящія большія пиршества у знакомыхъ дяди; бывала на лекціяхъ и на публичныхъ актахъ, на концертахъ и каткахъ,—всюду, гдѣ кипѣла жизнь. Она много работала и много читала. Страстно любя музыку и живопись, она не пропускала ни одного интереснаго концерта, ни одной выставки. Но, не взирая на такую разсѣянную жизнь, или, быть можетъ, благодаря ей, дѣвушка совершенно не жила сердцемъ. Никто не нравился Аннѣ, никто не возбуждалъ ея вниманія, и тоскливое ощущеніе нравственной неудовлетворенности начало томить ее. Присматриваясь къ окружающимъ, она слишкомъ ярко и рельефно видѣла теперь ихъ недостатки, не искупаемые тѣми блестками добродѣтели, которыя они тщеславно выставляли на видъ. Она чувствовала ложь и обманъ въ каждомъ словѣ и взглядѣ, а по временамъ съ ужасомъ отмѣчала, что и сама обманываетъ и хитритъ; что лжетъ съ поразительной легкостью; что сказать правду ей труднѣе и непріятнѣе, чѣмъ слукавить или промолчать. Глухое недовольство собою и близкими людьми все возрастало. Аннѣ показалось, что она слишкомъ зависима въ домѣ дяди, что его семейный строй роковымъ образомъ отражается на ней, и выразила желаніе поселиться отдѣльно.

Digitized by Google

Эта рѣшимость, казавшаяся ей чѣмъ-то громаднымъ и важнымъ, не возбудила протеста со стороны родственниковъ. Періодъ упоенія собственнымъ подвигомъ и восторга передъ хорошенькой и талантливой племянницей успѣлъ изжиться, подавленный новыми впечатлѣніями. Лидія Васильевна открыла замѣчательный поэтическій даръ у полотера, и Павелъ Ильичъ также горячился, увѣряя, что долгъ интеллигенціи помогать даровитымъ самородкамъ, что высшіе классы вырождаются и спасеніе можетъ явиться только изъ народа. Задумавъ писать историческій романъ, Анна заперлась дома и начала читать рѣдкія и дорогія книги, относящіяся къ избранной эпохѣ. Она бывала только въ Публичной библіотекѣ, да у Мидасовыхъ, видимо избѣгая общества.—Филипъ Филиповичъ Айдановъ заходилъ иногда къ Аннѣ, но въ ея скромной комнатѣ какъ-то не завязывались тѣ злыя и блестящія бесѣды, въ которыхъ критикъ былъ очарователенъ и невольно увлекалъ. Груды книгъ, рукописей и старинныя картины, отсутствіе комфорта и той пикантной прелести, которая чуялась въ квартирѣ Лидіи Васильевны, парализовали Айданова. Онъ могъ возбуждаться и острить только подъ вліяніемъ дорогаго вина только въ обстановкѣ, пропитанной духами, пудрой и хорошими сигарами, предвкушая гастрономическій ужинъ. Здѣсь—все было слишкомъ похоже на его собственное жилище, тѣсное и неуютное, и блестящій гость Айдановъ превращался въ неинтереснаго Айданова—домосѣда, брюзгу и желчнаго человѣка.

Наступила весна и въ сердцѣ Анны властно заговорило стремленіе жить, двигаться, сбросить мертвящія оковы будничнаго существованія и дерзко кинуть вызовъ судьбѣ.

— Я хочу любить!—шептала она въ сладкой истомѣ, навѣянной бѣлою петербургскою ночью.—Я хочу жить полною жизнью, хочу страдать и радоваться, ждать, надѣяться, даже ревновать и плакать, но только не переносить этой ошеломляющей пустоты.

Анна вглядывалась въ людей съ новымъ, еще невѣдомымъ чувствомъ ожиданія. Она желала найти въ нихъ симпатичныя стороны; она подчеркивала нѣкоторыя достоинства и старалась увѣрить себя, что тотъ или другой изъ ея знакомыхъ и красивъ, и уменъ, и пріятенъ. Напрасный трудъ! Обманчивая

Digitized by Google

мечта! Одинъ вечеръ, проведенный вмѣстѣ, обличалъ передъ нею всю пустоту человѣка, всю его банальную выучку. Мѣнялись коньки, на которыхъ горделиво гарцовали эти люди; звучали новыя фразы, новыя комбинаціи хлесткихъ словъ—но сущность оставалась все та же. Подъ изящною или грубою внѣшностью неизбѣжно скрывалась та же бѣдность мысли и возмутительное самомнѣніе. Одни кичились дипломами, другіе — ихъ отсутствіемъ; одни лицемѣрно превозносили свою честность, другіе щеголяли отрицаніемъ нравственнаго руля; одни выражались мягко, другіе цинично и всѣ-то, всѣ рисовались, обманывали другихъ и доводили самопоклоненіе до геркулесовыхъ столбовъ. Разочарованная и пристыженная своею неудачею, Анна вдругъ перестала бывать у знакомыхъ. Ей было тяжело. Ей казалось, что окружающіе, не понявъ тайнаго и вполнѣ чистаго смысла ея исканій, поспѣшили, какъ это всегда бываетъ, приклеить и къ ней пошлый ярлычокъ. Оправдываться противъ безмолвныхъ, но жгучихъ, какъ жало змѣи, обвиненій—было невозможно. Анна перестала бывать у знакомыхъ, прекратила свои jour fix'ы, на которые собирался тѣсный кружокъ коллегъ, и съ большимъ увлеченіемъ отдалась труду.

Въ это-то время судьба столкнула ее съ Кронидомъ Петровичемъ Зарницынымъ. Нѣсколько разъ въ теченіе зимы встрѣчала она Зарницына въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ. Она видѣла его на студенческихъ вечеринкахъ и въ кабинетѣ литературнаго туза; видѣла на большихъ балахъ и въ скромной меблированной комнаткѣ газетнаго труженика. Всюду и всегда онъ былъ невозмутимо-спокоенъ, холоденъ и молчаливъ. Онъ приходилъ, занималъ такое мѣсто, съ котораго было всего удобнѣе наблюдать, и часто въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не произносилъ ни слова. Сначала—это удивляло, потомъ смущало и раздражало, но, затѣмъ, къ странной манерѣ Зарницына привыкли и относились къ молчаливому собесѣднику съ особымъ почтеніемъ.

— Онъ замѣчательно уменъ!—говорили Аннѣ о Зарницынѣ.

— Не могу судить. Никогда не слыхала отъ него ни слова...

— Нѣтъ, онъ очень и очень уменъ... Это—голова!

— Что же онъ сдѣлалъ? Въ чемъ проявилъ себя?—допы-

Digitized by Google

тывалась дѣвушка, испытывая досаду на эти незаслуженныя похвалы.

— О, матеріалистка! Вы, какъ Ѳома, хотите вложить персты въ рану, чтобы увѣровать во Христа!...

— Мнѣ надоѣли слова, я вѣрю только фактамъ.

По большей части, разговоръ обрывался неоконченнымъ. Впрочемъ, Анна не особенно интересовалась Зарницынымъ. Она мысленно назвала его „самонадѣяннымъ тупицей“ и только негодовала на рабскіе инстинкты людей, готовыхъ признавать въ человѣкѣ героя, повинуясь чьему-то мнѣнію, и съ недовѣріемъ относилась къ Кроніду Петровичу. Даже красота Зарницына какъ-то злила дѣвушку. Высокій, прекрасно сложенный, съ черными, какъ смоль, волосами и курчавою, густою бородою, съ правильными чертами лица и блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ кожи, онъ походилъ на античную статую. Выраженіе физіономіи Зарницына поражало холодомъ. Какая-то застывшая презрительная насмѣшка лежала на его губахъ, но ничего фатовскаго или оскорбительнаго въ ней не было. Казалось, этотъ человѣкъ все пережилъ, все испыталъ и чувствовалъ себя такимъ усталымъ, что даже говорить у него не хватаетъ желанія. Глаза Зарницына производили изумительное впечатлѣніе. Они представляли такую рѣзкую противоположность съ характеромъ лица и съ его выраженіемъ, что каждому приходило въ голову: „Вѣроятно, Зарницынъ похожъ на своего отца, но глаза у него материнскіе. Только у женщины, у хорошей русской женщины, могли быть такіе глаза, и она передала ихъ своему ребенку, какъ лучшій даръ!“ Сѣро-голубые, задумчивые и безконечно глубокіе, съ овальнымъ разрѣзомъ, эти глаза поражали красотою выраженія. Во время горячихъ споровъ молодежи, въ минуту увлеченія музыкой, пѣніемъ, или подъ вліяніемъ желанія переглянуться съ понимающимъ человѣкомъ, когда какой нибудь фактъ возбуждалъ насмѣшку, знакомые Зарницына торопливо смотрѣли на него и въ его взорѣ находили отвѣтъ. Кронидъ Петровичъ почти никогда не смѣялся; улыбка рѣдко появлялась на его губахъ—но глаза и говорили, и смѣялись, и порицали, и негодовали.

— Въ жизни Зарницына было много горя. Онъ столько пережилъ, что на десятерыхъ хватитъ,—разсказывали его старые знакомые.—Онъ нѣсколько разъ круто измѣнялъ свою карь-

Digitized by Google

еру—былъ врачемъ, актеромъ, а теперь пишетъ. Его сочиненіе заставитъ обратить на себя вниманіе. Громадный талантъ!

Анна спрашивала: какое сочиненіе, въ чемъ выражается его талантъ, отчего онъ бросилъ свою профессію, почему не удовольствовался артистическою дѣятельностью — ей отвѣчали уклончиво. Навѣрное никто ничего не зналъ, а самъ Зарницынъ говорить о себѣ избѣгалъ.

На праздникахъ, у однихъ знакомыхъ устроился костюмированный балъ. Анна заказала себѣ прелестный нарядъ черкешенки и съ неудовольствіемъ замѣтила Кронида Петровича въ костюмѣ черкеса...

V.

— Ахъ, какъ это хорошо!—восхищалась хозяйка дома, во всемъ любившая симметрію.

— Теперь для всѣхъ есть пары... Мы хотимъ устроить процессію, и вы, chère Анна Николаевна съ Кронидомъ Петровичемъ... Пожалуйста, занимайте мѣста! Сейчасъ начинаемъ.

Хозяйку отвлекли новыя заботы. Пріѣхала хорошенькая дамочка въ польскомъ костюмѣ, а поляка не оказывалось и торопливая барыня бросилась къ старшему сыну съ просьбою превратиться изъ Гамлета въ польскаго вельможу. Зарницынъ, подойдя къ Аннѣ, почтительно и съ особымъ достоинствомъ поклонился ей. Онъ взглянулъ на дѣвушку, какъ бы прося извиненія, и суровымъ тономъ вымолвилъ:

— Вамъ угодно исполнить желаніе хозяйки дома? Въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ.

Анна растерялась. Зарницынъ не далъ себѣ труда произнести банальную фразу вѣжливости. Онъ становился на почву долга передъ хозяйкой дома и исключалъ всякое предположеніе, что ему лично было пріятно сдѣлаться кавалеромъ красивой дѣвушки.

— Да, пожалуйста... Это оказывается необходимымъ... Мы являемся пополненіемъ другъ друга,—смущенно говорила Анна.

— Совершенно справедливо!—подтвердилъ Зарницынъ.

Кронидъ Петровичъ и Анна составляли прекрасную пару. Они участвовали въ процессіи, изображали живую картину

Digitized by Google

при красномъ заревѣ бенгальскаго огня, удачно поставленную гостемъ-художникомъ; они возбуждали похвалы, лестныя замѣчанія и взрывы рукоплесканій, но когда дѣвушка пытливо посматривала на Зарницына, то видѣла то же спокойствіе, ту же холодную и красивую маску.

Глаза Зарницына со скучающимъ выраженіемъ скользили по всей залѣ, ни на комъ не останавливаясь.

— Вамъ, должно быть, невыносимо скучно,—съ досадой вырвалось у Анны.

— Мнѣ никогда не бываетъ весело,—спокойно отвѣчалъ онъ.

— Но я этому не вѣрю!

— Какъ вамъ угодно. Я говорю правду.

— Есть люди, увѣряющіе, что они недѣлю провели безъ сна. Это фигуральное выраженіе я понимаю. Но нельзя же фактически утверждать, что здоровый человѣкъ не спалъ семь дней! Такъ и по отношенію къ веселью.

— Мнѣ никогда не бываетъ весело и было время, когда я не спалъ буквально восемь сутокъ!—упорно повторилъ Зарницынъ.

„Какой онъ непріятный человѣкъ?“ подумала Анна. Вообще разговоръ между Ремневой и Зарницынымъ плохо вязался. Кронидъ Петровичъ не велъ себя, какъ большинство людей, считающихъ, что необходимо говорить съ собесѣдникомъ объ его спеціальности. Привыкши, что въ бесѣдахъ съ нею начинаютъ касаться литературныхъ вопросовъ и обязательно произносятъ банальныя похвалы той или другой изъ ея повѣстей, Анна была благодарна Зарницыну, что онъ не обращался къ этому предмету, давно потерявшему для нея прелесть новизны. Но Кронидъ Петровичъ, казалось, шелъ еще дальше: онъ или не зналъ, или признавалъ слишкомъ ничтожными ея литературныя произведенія, и это уязвляло самолюбіе писательницы. Ей хотѣлось напомнить о своей дѣятельности, вызвать его на критическое отношеніе, и Анна искала подходящаго мотива. Всесильный случай помогъ ей. Въ залу вошелъ одинъ изъ беллетристовъ, взысканный газетными критиками, хотя публика,—этотъ настоящій, истинный цѣнитель,—и говорила, что всѣ его произведенія пахнутъ потомъ и отзы-

Digitized by Google

ваются вымученностью ради полистной платы. Анна обратила на него вниманіе.

— Петровскій явился! Вы его знаете?

— Какъ же. Современный писатель!

Зарницынъ подчеркнулъ слово „современный“ съ такою безпощадною ироніей, что Анна поняла, какъ относится собесѣдникъ къ новому гостю. Это ее оживило. Они одинаково смотрѣли на Петровскаго и, слѣдовательно, почва для общенія нашлась.

— Вамъ извѣстны его повѣсти? нравятся?—спросила Анна.

— Являться судьею мнѣ, не литератору и не критику, странно, но, какъ читатель, я скажу: его повѣсти не имѣютъ будущаго... Это не литература, это—балластъ.

— Но онѣ нравятся...

— Толпѣ? Не думаю. Онѣ—не дороги и потому нравятся редакторамъ. Даже толпа требуетъ чего нибудь болѣе глубокаго, чѣмъ эти мелочныя и ненужныя описательныя подробности, въ которыхъ теряется мысль, если она есть...

Между молодыми людьми завязался литературный разговоръ. Зарницынъ заявилъ, что не помнитъ фамилій авторовъ, но кратко и вѣрно передавалъ сюжеты нѣкоторыхъ вещей, понравившихся ему. Онъ метко и вѣрно опредѣлялъ характеры, оцѣнивалъ положенія, входилъ въ психическія подробности. Ремнева слушала съ возрастающимъ интересомъ.

— Я помню одну вещь,—холодно и разсудительно говорилъ Зарницынъ,—которая произвела на меня впечатлѣніе, да, произвела,—какъ бы взвѣшивая каждое слово, повторилъ онъ,—это была...

И, къ изумленію Анны, Зарницынъ передалъ ей сюжетъ „Пучины“. Она видѣла, что человѣкъ не только прочелъ эту повѣсть, но подумалъ надъ нею и проникъ въ идею автора. Такой читатель являлся для автора драгоцѣннымъ, и Анна жадно, не прерывая, слушала рѣчь собесѣдника. Теперь она находила его и умнымъ, и интереснымъ.

— Вы читали эту вещь, Анна Николаевна? — заключилъ Зарницынъ.—Прочтите! Я бы совѣтовалъ женщинамъ читать побольше подобныхъ повѣстей...

— Эта повѣсть—моя!—робѣя и смущаясь, прошептала Ремнева.

Digitized by Google

— Ваша?

Глубокіе глаза Зарницына на мгновенье остановились на Аннѣ. Онъ точно не вѣрилъ словамъ дѣвушки, точно удивлялся, чтобы Ремнева была авторомъ „Пучины“. Насмѣшливая улыбка скользнула по его губамъ; глаза снова сдѣлались суровы и холодны.

— Ваша! Я никогда не помню фамилій авторовъ и, признаться, кто написалъ—мнѣ все равно. Важно, *что* написано. Да, эта вещь мнѣ доставила хорошія минуты.

Онъ даже не сказалъ „ваша вещь“, и это укололо Анну. Кто-то пригласилъ ее танцовать. Дѣвушка согласилась, безъ всякаго удовольствія и даже съ затаенной злобою. Она точно мстила кому-то, точно дразнила какого-то несуществующаго обидчика. За первымъ танцемъ слѣдовалъ второй и третій. Анна была очень интересна; она являлось замѣтной и по красотѣ, и по собственному значенію. За нею ухаживали, ей льстили, а она, по временамъ, выслушивая похвалы, набившія оскомину, бросала быстрый взглядъ въ залу, кого-то отыскивая. Статная фигура Зарницына привлекала ея вниманіе. Кронидъ Петровичъ стоялъ одиноко, стройный и изящный, съ тонкой таліей, перетянутой кованнымъ поясомъ, со сверкающимъ кинжаломъ, въ живописномъ костюмѣ горца, съ неизмѣнно грустнымъ выраженіемъ лица. Раза два-три встрѣтились глаза Анны съ глазами Зарницына и горячій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ. Что́ прочла она въ его симпатичномъ взглядѣ—на этотъ вопросъ не могла бы отвѣтить сама Ремнева, и только смутное, невѣдомое волненіе подсказывало ей, что Зарницынъ произвелъ на нее впечатлѣніе.

Анна танцовала кадриль съ красивымъ юношей. Онъ былъ и милъ, и остроуменъ. Дѣвушкѣ показалось, что сто́итъ обѣщать ему мазурку, и она уступила его желанію. Но въ это мгновенье къ Зарницыну подошла хорошенькая и пикантная вдовушка. Анна насторожила вниманіе. Она видѣла, что вдовушка кокетничаетъ съ Зарницынымъ, видѣла, что Кронидъ Петровичъ съ небывалымъ оживленіемъ отвѣчаетъ ей... Вотъ онъ предложилъ ей руку; она оперлась на нее; она смѣется, не соглашается на его просьбу... „А, онъ умѣетъ просить? Онъ умѣетъ оживляться?“

Digitized by Google

— Простите!—порывисто сказала Анна.—Я не могу танцовать мазурку. Я ѣду домой... У меня голова заболѣла...

И Ремнева дѣйствительно уѣхала.

Ее никто не обижалъ,—но она чувствовала себя оскорбленной; у нея не было никакого горя—а она сознавала себя глубоко несчастной. Въ этотъ день, впервые дрогнуло ея сердце.

Дѣвушка боялась Зарницына; она не хотѣла съ нимъ встрѣчаться, отлично сознавая, что это—не герой ея романа, а между тѣмъ ее неудержимо влекло видѣть его. Она посѣщала тѣ дома, гдѣ бывалъ Зарницынъ; ѣздила на тѣ спектакли, гдѣ надѣялась встрѣтить его навѣрное. Но эти свиданія, доставлявшія такую обильную пищу ея мечтамъ, не приносили удовлетворенія. Встрѣтить его загадочный взоръ, полюбоваться оригинальной красотою его лица—вотъ и все, чего она жаждала. Возможности завести разговоръ съ Зарницынымъ она избѣгала, какъ огня. Она лелѣяла любовь, просыпавшуюся въ ея сердцѣ, какъ художникъ лелѣетъ зародышъ идеи, какъ поэтъ—первый проблескъ вдохновенія. Тревога ожиданія, встрѣчи, горечь неудачи—все это щекотало ея дѣвственное сердце, страстно жаждавшее любви. Такъ прошло нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ.

Просыпалась весна и ея первые вѣстники,—ясные морозные дни съ неуловимымъ, но бодрящимъ обаяніемъ, разлитымъ въ воздухѣ,—побуждали уходить изъ душнаго жилья на улицу, облитую лучами яркаго солнца. Хотѣлось движенія, хотѣлось звуковъ, и силы жадно рвались на просторъ. Анна начала рано вставать, и утромъ, когда еще уличное движеніе дремало, когда по панелямъ двигались только школьники, гимназисты и гимназистки, имѣющіе печальную привилегію не высыпаться въ теченіе всего учебнаго семестра, когда, словомъ, „столичный день“ еще не начался,—дѣвушка шла на набережную Невы и долго гуляла взадъ и впередъ. Опершись на гранитный парапетъ, окаймляющій гордую рѣку, Анна внимательнымъ взоромъ подмѣчала тѣ едва уловимыя перемѣны, что производила весна въ теченіе одной ночи. Тамъ дыханіе животворящей красавицы наложило черную тѣнь на бѣлую пелену снѣга; здѣсь—лучи солнца и шаловливый гонецъ весны, южный вѣтерокъ, заставили рухнуть глыбу льда; тутъ вчера еще скрипѣлъ подъ ногами сверкающій снѣгъ, а сегодня уже показывалась влажность

Digitized by Google

и съ веселымъ журчаньемъ катился ручеекъ. Никогда еще наступленіе весны такъ не радовало Анну; никогда она не чувствовала ея приближенія съ тою захватывающею нѣжностью, какъ нынче.

— Надо поѣхать къ тетѣ, а потомъ въ деревню, *въ настоящую деревню*,—рѣшала дѣвушка.—Ясное дѣло, я истосковалась по неподкрашенной природѣ. Всѣ эти дачи, пуанты и загородные сады способны возбуждать отвращеніе своею ординарностью и банальностью. Уѣду, непремѣнно уѣду!

— Анна Николаевна! —Вотъ неожиданность! —раздался знакомый голосъ. Ремнева обернулась и покраснѣла. Передъ нею стоялъ Зарницынъ.—Я и не подозрѣвалъ, что вы способны вставать такъ рано и—главное—любоваться Невой, —продолжалъ Зарницынъ, пожавъ руку дѣвушки и идя съ нею рядомъ.

— Я очень люблю Неву,—возразила дѣвушка, едва оправляясь отъ смущенія и робости, охватывавшихъ ее при каждой встрѣчѣ съ Зарницынымъ.

— Нисколько не сомнѣваюсь: любите, но на законномъ основаніи, т. е. въ тѣ періоды ея жизни, когда Невою принято восхищаться. У насъ, въ Петербургѣ, на все есть извѣстный часъ. Во время ледохода восхищаются обязательно, также какъ и лѣтомъ въ лунную ночь, или зимой, катаясь на тройкѣ. Но теперь находить красоту или слѣдить за просыпающеюся жизнью—это не въ нравахъ. Впрочемъ, можетъ быть, и вы здѣсь случайно?—торопливо добавилъ Зарницынъ.—А я вообразилъ, что васъ могла привлечь подобная красота!..

Въ его голосѣ звучало и разочарованіе, и горькая насмѣшка. Аннѣ стало неловко. Подтвердить, что ее влекло сюда то же свободное пониманіе красоты—дѣвушкѣ казалось неудобнымъ. Замѣтивъ молчаніе Ремневой, Зарницынъ пытливо взглянулъ на нее и теперь только обратилъ вниманіе на ея смущеніе. „Можетъ, барышня сюда на свиданіе явилась!“ мелькнуло у него въ головѣ. „А я объ красотѣ природы распространяюсь... Хорошъ!“

— Извините,—громко произнесъ онъ, приподнимая шляпу,—не въ пору гость хуже татарина... Я не спросилъ позволенія... пошелъ рядомъ. Можетъ быть, вы желали быть одной... Пожалуйста, извините.

— Нѣтъ, нѣтъ, Кронидъ Петровичъ, я очень рада...

Digitized by Google

— Мое почтеніе, Анна Николаевна, — съ холодною вѣжливостью повторилъ Зарницынъ и, не замѣчая протянутой руки дѣвушки, поклонился и быстро отошелъ на другую сторону.

Анна готова была заплакать отъ досады. Она угадала причину поступка Зарницына. Дѣйствительно, эта ранняя прогулка была не въ нравахъ кружка знакомыхъ, къ которому принадлежала она, и каждый, кто встрѣтилъ бы ее здѣсь въ восемь часовъ утра, могъ составить подобное предположеніе. „Каждый,—да! но неужели и Кронидъ Петровичъ способенъ придумать такую пошлость,—негодовала Анна. — Свиданіе! У меня свиданіе на улицѣ!.. Да съ кѣмъ же, съ кѣмъ? Вѣдь ни души нѣтъ, на кого подумать можно... Удивительно умно со стороны Зарницына! Право, я считала его тактичнѣе... Чего же было бѣжать? И какъ онъ смѣлъ подумать, какъ позволилъ себѣ?“... Ремневой страстно хотѣлось встрѣтить Зарницына, объясниться съ нимъ и наговорить ѣдкихъ фразъ. Она придумывала самыя язвительныя слова, сочиняла его отвѣты и вновь приготовляла реплики. Въ теченіе этой усиленной мозговой работы, дѣвушка ходила по набережной, противъ Лѣтняго сада, и все поглядывала: не покажется ли фигура Зарницына, не пройдетъ ли онъ мимо нея. И чѣмъ меньше оставалось надежды увидѣть Кронида Петровича, тѣмъ сильнѣе и во что бы то ни стало хотѣлось ей этого свиданія. А Зарницынъ, между тѣмъ, стоялъ въ углу сада, прижавшись къ рѣшеткѣ, и зорко слѣдилъ за Анной. Ему было крайне интересно убѣдиться въ справедливости своей догадки. Онъ увидѣлъ, что дѣвушка не уходитъ, что она поминутно оглядывается, и убѣждался, что напалъ на слѣдъ романа. Для его извращенной, все пережившей и испытавшей натуры, для его души, утратившей вѣру во все чистое, для его ума, изъѣденнаго рефлексіями, существовало только одно удовольствіе: какъ падшій демонъ, онъ радовался погибели ближняго; какъ Неронъ—онъ наслаждался зрѣлищемъ людскихъ страданій.

Ремнева вернулась домой не въ духѣ. Она ощущала гнетущее недовольство, какъ человѣкъ, несправедливо оскорбленный и не имѣющій возможности оправдаться. Напрасно она убѣждала себя, что мнѣніе Зарницына не имѣетъ въ глазахъ ея никакого значенія, напрасно старалась вспоминать о немъ

Digitized by Google

самые дурные отзывы — ничто не помогло. Нѣсколько разъ въ теченіе дня дѣвушка повторяла: „Съ чего онъ взялъ? Какъ смѣлъ подумать? Развѣ я давала поводъ?“

VI.

Наступилъ великій постъ. Ремнева усиленно работала, стараясь подавить въ себѣ разростающуюся хандру. Она по недѣлямъ никуда не ходила, выбирая для прогулокъ отдаленныя улицы Выборгской стороны или Песковъ, точно боясь новой встрѣчи. Съ Зарницынымъ она видѣлась раза два, мелькомъ, въ большомъ обществѣ, и они только издали поклонились другъ другу.

Правда, въ одномъ домѣ за ужиномъ, когда хозяинъ, большой поклонникъ таланта Анны, предложилъ лестный тостъ и всѣ чокались съ Ремневой,—дѣвушка взглянула на Зарницына. Онъ держалъ свой бокалъ наготовѣ, какъ будто увѣренный, что Анна посмотритъ на него, и, не сводя глазъ съ разгорѣвшагося лица Ремневой, залпомъ выпилъ вино. Этотъ молчаливый привѣтъ подѣйствовалъ на Анну сильнѣе, чѣмъ всѣ похвалы и любезности гостей. Дѣвушкѣ вдругъ показалось, что Зарницынъ снялъ съ нея подозрѣніе, что онъ сознается въ своей ошибкѣ, и ей стало такъ легко, пріятно. Не глядя въ сторону Кронида Петровича, она чувствовала на себѣ взглядъ его глубокихъ ласкающихъ глазъ, видѣла добрую усмѣшку и находилась въ томъ возбужденно-счастливомъ настроеніи, когда даже недалекіе люди дѣлаются остроумными, некрасивые—очаровательными. Кружокъ мужчинъ возлѣ нея возросталъ и дамы, даже симпатизирующія ей, начинали ощущать зависть. Но Аннѣ было пріятно подчеркнуть свой успѣхъ при Зарницынѣ и она ликовала, наслаждалась. Мѣткія сравненія, красивые эпитеты, ловкія фразы такъ и сыпались съ устъ дѣвушки. Посреди оживленнаго спора о любви, Ремнева бросила взоръ на Зарницына и изумилась. Блѣдный и скучающій, онъ стоялъ, опершись на каминъ, и зѣвалъ самымъ искреннимъ образомъ.

Подходя прощаться къ хозяйкѣ, Анна очутилась возлѣ Зарницына.

Digitized by Google

— Вамъ, кажется, сегодня было ужасно скучно?—замѣтила она.

— Да, невесело, какъ всегда впрочемъ. Одинъ моментъ не можетъ искупить пятичасоваго напряженія.

Зарницынъ говорилъ небрежно, играя цѣпочкой и не смотря на дѣвушку. Ремнева вспыхнула. „Одинъ моментъ!“ Какой? Неужели онъ намекнулъ на ея взглядъ? Значитъ, придалъ значеніе?

— Вы больше не гуляете по набережной? — черезъ мгновенье спросила она, такъ какъ хозяйка дома была все еще окружена и подойти къ ней было неудобно.

— Я? Нѣтъ, больше не гуляю!—отвѣчалъ Зарницынъ съ такимъ выраженіемъ, какъ бы говорилъ: „довольно-съ!“.

— А теперь тамъ такъ хорошо... — нечаянно сорвалось у Анны.

Зарницынъ вопросительно взглянулъ на нее и прищурилъ глаза.

„Что это вызовъ или хвастовство?“ подумалъ онъ.

— Вездѣ хорошо, гдѣ насъ окружаютъ понимающіе люди, гдѣ есть человѣкъ, съ которымъ можно подѣлиться. Одному—вездѣ худо, Анна Николаевна!

Щемящая тоска послышалась Аннѣ въ послѣдней фразѣ Зарницына. Дѣвушкѣ стало жаль его. Но прежде чѣмъ она успѣла сказать что либо, Кронидъ Петровичъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и отошелъ въ другую сторону. Прощаясь съ хозяевами и съ гостями, Анна нѣсколько разъ встрѣчала взоръ Зарницына, упорно устремленный на нее съ какимъ-то холоднымъ и злымъ выраженіемъ. Какъ-то разъ, за нѣсколько дней до пасхи, Ремнева зашла въ Публичную библіотеку. Взявъ нужныя книги, она направилась въ уголъ залы, ближе къ окну, и расположилась на краю стола. Публики было очень много, но Анна ни на кого не смотрѣла. Быстро и умѣло, какъ человѣкъ, привыкшій къ работѣ, она находила нужныя свѣдѣнія въ толстыхъ фоліантахъ и стенографически выписывала факты и критическія оцѣнки, характеристики и документы,—все, что заранѣе было намѣчено ею. Нѣсколько страницъ было уже написано, какъ вдругъ она почувствовала на себѣ чей-то пытливый взглядъ. Дѣвушка подняла глаза. За ругимъ столомъ, какъ разъ напротивъ нея, сидѣлъ Зарни-

Digitized by Google

цынъ. Облокотившись на столъ, съ развернутою передъ нимъ рукописью, Кронидъ Петровичъ спокойно, какъ на вещь, которая намъ нравится, смотрѣлъ на дѣвушку. Мирное настроеніе Анны было нарушено. Кровь горячей волною приливала къ ея щекамъ. Дѣвушка хотѣла встать и уйти. Это неделикатное разглядыванье и смущало, и раздражало ее. Нѣсколько разъ Анна смотрѣла по сторонамъ, намѣреваясь нерейти на другое мѣсто, но вездѣ было тѣсно. Кромѣ того, показать, что она бѣжитъ отъ Зарницына, ей не хотѣлось, даже больше: ей становилось и хорошо, и жутко подъ этимъ глубокимъ и задумчиво-холоднымъ взглядомъ.

„Неужели я влюбилась въ него?“ впервые блеснула мысль. И, внутренно смѣясь надъ подобною нелѣпостью, дѣвушка ощущала невѣдомый сладостный трепетъ. Сзади нея, на случайно освободившееся мѣсто сѣла какая-то дама. Зарницынъ сталъ смотрѣть на вновь пришедшую, и Аннѣ показалось, что жгучій интересъ притупился, что вокругъ сдѣлалось какъ-то холодно, непріятно.

— Пора домой!—рѣшила она, точно мстя кому-то.

Ремнева начала собирать книги и укладывать въ портфель свои выписки. Все было окончено, а уходить не хотѣлось. Не имѣя силъ сопротивляться властному взору Зарницына, дѣвушка подняла глаза. Кронидъ Петровичъ тоже складывалъ свои рукописи.

— Здравствуйте! Вы уходите?—заговорилъ онъ шопотомъ.—Вмѣстѣ пойдемъ!—повелительно добавилъ Зарницынъ, какъ бы угадывая, что Анна совершенно покорна ему, что она рада быть возлѣ него. Они пошли рядомъ по широкой панели Невскаго проспекта. Веселое солнце ласково и ярко обливало ихъ лучезарнымъ свѣтомъ. На всемъ протяженіи проспекта шумливо и торопливо двигались толпы гуляющихъ, гремѣли экипажи и, съ назойливою наглостью, какъ грубый диссонансъ, раздавались оглушительные звонки конки, ея лязганье и грохотъ. Нѣсколько времени Зарницынъ и Анна шли молча. Охваченная волненіемъ, дѣвушка чего-то ожидала. Ей казалось, что Зарницынъ сейчасъ скажетъ, *долженъ сказать* что-то такое, что́ несомнѣнно внесетъ въ ея жизнь новую струю, дастъ обильную пищу ея мечтамъ. И, какъ человѣкъ, предчувствующій нападеніе, Анна готовилась отразить его, представиться

Digitized by Google

изумленной. Но Зарницынъ молчалъ. Анна взглянула на спутника, не то удивляясь, не то раздражаясь его нелюбезностью.

— Славный день!—вымолвилъ онъ спокойно и разсудительно, точно сообщая результатъ своихъ размышленій.

Анна Николаевна расхохоталась съ нервически-злобнымъ порывомъ.

— Какой вы странный человѣкъ!—воскликнула она.

— Странный? Чѣмъ?

Дѣвушка затруднялась отвѣтить кратко. Уличный шумъ мѣшалъ говорить продолжительно и, кромѣ того, на встрѣчу подвигалась знакомая барыня съ краснымъ зонтикомъ. Она непремѣнно остановитъ, начнетъ разспрашивать.

— Почему я кажусь вамъ страннымъ?—повторилъ Зарницынъ.—Нѣтъ, Анна Николаевна, я самый обыкновенный, самый ничтожный человѣкъ.

„Только не ничтожный!“—подумала Ремнева.

— Какъ нибудь при случаѣ мы поговоримъ объ этомъ,—уклончиво отвѣчала она.

— Сегодня вы не расположены? Какъ вамъ угодно! Однако... На насъ несется шквалъ, въ видѣ Марьи Викентьевны... Я полагалъ бы свернуть въ Михайловскую...

Скрыться изъ подъ носа озлобленной сплетницы и всесвѣтной кумушки явилось счастливою мыслью. Анна и Зарницынъ выскользнули изъ потока гуляющихъ и очутились на просторѣ.

— Вы домой, обѣдать?—спросилъ Зарницынъ, замедляя шаги.

— Д-да,—какъ-то неувѣренно протянула Анна.

— Анна Николаевна, вы... Я хотѣлъ спросить... Вы ничего не найдете неприличнаго пообѣдать вмѣстѣ въ ресторанѣ?

— Конечно! Но только не сегодня. Другой разъ съ удовольствіемъ.

Дѣвушка вспомнила, что у нея съ собою очень мало денегъ. Зарницынъ иначе понялъ ея отказъ.

— Простите, пожалуйста! Можетъ быть, васъ ждутъ дома?!

— Меня некому ждать!

— Въ такомъ случаѣ... Я не смѣю спрашивать, конечно. Но... Но отчего же вы не хотите?

Его голосъ звучалъ такъ грустно и мягко. Кровь прилила

Digitized by Google

къ щекамъ Анны. Провести вмѣстѣ съ Зарницынымъ часъ за обѣдомъ казалось ей чрезвычайно интереснымъ.

— Пожалуй, впрочемъ, пойдемте... Мнѣ, кстати, страшно ѣсть хочется,—добавила она бравурнымъ тономъ, стараясь побѣдить смущеніе.

Ожиданіе чего-то неизбѣжнаго вновь начало томить дѣвушку. Ея сердце усиленно билось и сладостно замирало. Зарницынъ заговорилъ о чемъ-то, но Анна отвѣчала наудачу. Она прислушивалась къ невѣдомымъ доселѣ ощущеніямъ и то трепетала отъ радости возбужденія, то нервно вздрагивала. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Зарницынъ выказывалъ поразительное вниманіе и любезность. Оказывалось, онъ помнитъ, какія кушанья любитъ дѣвушка, и меню обѣда было составлено исключительно въ ея вкусѣ. Только въ вопросѣ о винѣ Зарницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи.

— Я не знаю, что вы любите изъ винъ?—угодливо спросилъ онъ.

— Мегсі, я ничего не пью...

— Вообще, и я не пью,—отвѣчалъ онъ,—но сегодня я прошу васъ сдѣлать исключеніе. На прощанье можно позволить себѣ кое-что лишнее...

„На прощанье!"—это слово укололо Анну. Дѣвушка кивнула головой въ отвѣтъ на предложенное Зарницынымъ бѣлое вино и, когда слуга вышелъ, спросила, стараясь говорить небрежно:

— На прощанье? Развѣ вы уѣзжаете?

Онъ угадалъ тревогу въ ея вопросѣ и, ласково улыбаясь глазами,—что выходило у него замѣчательно красиво,—возразилъ загадочнымъ тономъ:

— Развѣ нужно непремѣнно уѣзжать для прощанья? Впрочемъ, лѣто близко; всѣ разъѣдемся.

Подали вино. Зарницынъ закурилъ сигару, и даже Анна, никогда не курившая, взяла папиросу. Она какъ-то потеряла способность самообладанія и чувствовала себя выбившейся изъ колеи. Поведеніе Зарницына положительно интриговало ее. Его чудные, глубокіе глаза съ нѣмымъ вопросомъ останавливались на ней; они и ласкали, и нѣжили, и чаровали. Но когда онъ начиналъ говорить—рѣчь звучала холодно и спокойно. Утонченная вѣжливость выраженій и суровый смыслъ

Digitized by Google

словъ производили какое-то странное впечатлѣніе. Кронидъ Петровичъ ловко направлялъ бесѣду на серьезные вопросы, касался политики, литературы, общественныхъ дѣлъ. Онъ острилъ, смѣялся, но Анна чувствовала, что Зарницына нисколько не интересуютъ эти мотивы, и удивлялась, зачѣмъ онъ обращается къ нимъ. Когда взгляды ихъ встрѣтились, они, на мгновенье, какъ бы угадывали настроеніе другъ друга и безмолвно подтверждали, что играютъ комедію.

— Скажите, Анна Николаевна,—спросилъ Зарницынъ,—мнѣ все хотѣлось знать: какъ художники, поэты... ну, беллетристы... *переживаютъ* они свои сюжеты, или это... выдумка? Вотъ вы, напримѣръ... въ вашихъ произведеніяхъ отведено широкое поле чувству. Вы сами-то любили?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ не къ женщинѣ, но къ писательницѣ. Анна отвѣчала съ нѣкоторою рѣзкостью:

— Да, любила.

Зарницынъ оживился, какъ человѣкъ, увидѣвшій жителя луны и намѣревающійся разспрашивать его объ невѣдомой планетѣ.

— Любили! И это все такъ, дѣйствительно? Все, какъ описывается въ романахъ, да? Терзанія неизвѣстности? Ревность? Да?

— Вы смѣетесь надо мною?

— Анна Николаевна!

— Ну, конечно, смѣетесь! Можетъ ли быть, чтобы вы не знали любви?

— Никогда не любилъ!

— Невозможно!

— Какая увѣренность?! Даю вамъ честное слово: я никогда не испытывалъ любви...

Ремнева задумалась.

— Можетъ быть, различіе заключается въ самомъ словѣ, въ опредѣленіи... Но, право, мнѣ странно слышать, чтобы человѣкъ никогда не любилъ. У васъ была мать?

— Я ее только боялся...

— Сестры, братья, ну, наконецъ, друзья?..

— Соревнованіе, зависть, притворныя ласки. Друзья—только собутыльники...

Digitized by Google

— И ни одной привязанности, во всю жизнь? Ни разу теплаго, нѣжнаго чувства къ женщинѣ?

Зарницынъ рѣзко и непріятно засмѣялся.

— Въ тотъ возрастъ, когда, по словамъ поэтовъ, сердце открывается для любви,—я былъ уже homme blasé. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни“... Все прожито непережитымъ...

Анна молчала. Ей хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, но она чувствовала себя смущенной и неловкой. Зарницынъ прошелся по комнатѣ.

— Знаете, теперь, только теперь я жалѣю о прошломъ,— съ сердечнымъ порывомъ заговорилъ онъ.—Мнѣ кажется, что можно бы еще попытать счастья... Какъ вы думаете, Анна Николаевна? А?

— Попытайте,—глухо отвѣчала она.

Зарницынъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и ласково, почти нѣжно улыбался. Продолжая глядѣть на дѣвушку, онъ сѣлъ возлѣ нея и повторилъ:

— Думаете, что надо попытаться? А? Нѣтъ! Ничего не будетъ! Кому нуженъ такой безсердечный, изношенный, извѣрившійся человѣкъ? Вѣдь во мнѣ нерва здороваго нѣтъ, капли крови настоящей...

Кронидъ Петровичъ былъ жалокъ въ это мгновенье.

— Вы на себя клевещете!

— Полагаете, что клевещу? Да? Вы думаете, меня *можно* полюбить? Будь вы обыкновенная женщина, я не сталъ бы задавать вамъ подобнаго вопроса, но вы, Анна Николаевна, должны быть сердцевѣдцемъ. Еще недавно я въ одномъ критическомъ фельетонѣ прочелъ,—вставилъ онъ, слегка усмѣхаясь,—въ васъ признаютъ „знаніе мужскаго сердца“... Похвала серьезная! Я къ вамъ, какъ къ врачу, обращаюсь...

— Я васъ такъ мало знаю...—прошептала Анна.

А въ сердцѣ ея властно и громко звучалъ иной отвѣтъ.

— Деликатная форма отрицанія... Понимаю!—съ грустнымъ взоромъ произнесъ онъ и, вставъ, отошелъ къ окну.

Анна вдругъ опомнилась. Что, если эти вопросы имѣли иной смыслъ?.. Что, если онъ спрашивалъ объ *ея* отношеніяхъ къ нему? Благодаря недогадливости, она оттолкнула то, чего сама страстно желала, къ чему стремилась! О, какъ это глупо, глупо! Слезы подступили къ ея горлу. Вѣдь она любитъ

Digitized by Google

Зарницына, любить... это стало ей ясно сегодня, сейчасъ, а она, между тѣмъ, сама оттолкнула его!

— Кронидъ Петровичъ!

Зарницынъ обернулся. Его лицо было блѣдно и утомлено; глаза стали тусклы; на губахъ блуждала неопредѣленная улыбка.

— Вы изволили меня звать, Анна Николаевна?

Онъ игралъ съ нею, какъ кошка съ мышью. Но онъ имѣлъ право такъ поступать. *Она* была виновата; *она* не поняла его...

— Кронидъ Петровичъ, сядьте здѣсь... я не могу говорить, когда вы такъ стоите, точно вотъ-вотъ уходите...

— Женскій капризъ? Покоряюсь.

Анна пропустила мимо ушей эту маленькую колкость. Она продолжала считать себя чрезмѣрно виновной, и, волнуясь, спѣша, желала облегчить свою душу.

— Вы сказали, что никогда не любили... Такъ!.. Но... васъ—любили?

— Никто и никогда!

— Но еслибы... еслибы вамъ сказали, что васъ... Ну, однимъ словомъ... Ну, полюбила бы васъ дѣвушка... женщина... призналась вамъ... Неужели это бы на васъ не повліяло?

— Вы представляете невозможный примѣръ, Анна Николаевна! Полюбить меня можетъ нравственный уродъ, только...

— Перестаньте! я говорю серьезно!

Глаза Зарницына засіяли привычнымъ ласковымъ блескомъ.

— *Что* вы говорите серьезно? *Что*?—звучнымъ шопотомъ переспросилъ онъ, наклоняясь къ Аннѣ и обжигая ее взглядомъ.

Долѣе владѣть собою Ремнева не могла. Жажда любви, давно уже дремавшая въ ней, сказалась съ могучей силой. Забывая всѣ условныя приличія, гордость и тактъ, она порывисто вымолвила:

— *Я* васъ люблю, Кронидъ Петровичъ!

Онъ тихо засмѣялся, взялъ холодную дрожавшую руку дѣвушки и, крѣпко пожавъ ее, выпустилъ въ то же мгновенье.

— О, да вы вовсе не чопорная! Не „синій чулокъ“! Умѣете пошутить, подурачить. Очень милая, милая... но все таки шутка!

Digitized by Google

Блѣднѣя отъ стыда и гнѣва, Анна почти крикнула:

— Я не шучу! Отвѣчайте прямо. Повторяю: я васъ люблю.

Она быстро поднялась съ мѣста и стояла въ гордой вызывающей позѣ. Теперь она больше ненавидѣла, чѣмъ любила этого человѣка, но упорно ждала и желала его отвѣта.

Зарницынъ съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Вы *приказываете* вѣрить въ ваши слова, вы приказываете отвѣчать. Помните, я повинуюсь вашему приказу...

— Хорошо, хорошо. Я жду.

— Анна Николаевна, неужели вы сами думаете, что *это* серьезно? Вѣдь это вспышка, шалость, капризъ... Драматическій этюдъ, который вамъ пригодится, какъ натура... *Меня любить!!* О, полноте, хорошая, милая Анна Николаевна, да еслибы я имѣлъ глупость вообразить, что это возможно, повѣрить, сказать. Да вы сами расхохотались бы. Вы стали бы избѣгать меня, какъ зачумленнаго...

— Не правда! Вы не понимаете меня. Вы не хотите пон...

— Вспышка первой эмоціи... не больше! Я не могу быть Левинымъ; я, какъ Онѣгинъ, не созданъ для блаженства... и, признаться, привыкъ читать книгу жизни *серьезно*, перелистывая страницу за страницей и вникая въ нее... Нѣтъ, это выше моихъ способностей.

Зарницынъ говорилъ мягко и почтительно, но каждое слово его, какъ удары бича, дѣйствовали на Анну. Она стояла, опустивъ голову и безсильно уронивъ руки. Лицо ея осунулось и губы дрожали отъ волненія. Какъ она простилась съ Зарницынымъ, какъ ушла и очутилась дома,—все это было точно въ туманѣ. Дѣвушка чувствовала себя пристыженной и униженной, она не могла безъ ужаса вспоминать объ этомъ эпизодѣ и питала къ Кроніду Петровичу глубокую, злобную ненависть. Каждаго знакомаго она подозрѣвала въ томъ, что онъ *знаетъ* позорный фактъ ея жизни; при имени Зарницына она вздрагивала и краснѣла, какъ школьница; она избѣгала людей, не посѣщала ни театровъ, ни даже Публичной библіотеки и, наконецъ, впала въ чисто болѣзненное, угнетенное состояніе. Подобное положеніе продолжалось цѣлыя недѣли. Дѣвушка старалась оправдаться въ собственныхъ глазахъ и въ мірѣ литературныхъ героинь подыскивала себѣ извиненія. Татьяна—Пушкина, Елена—Тургенева—и другія смѣлыя ма-

Digitized by Google

туры, сами шедшія на встрѣчу чувству, вспоминались ей, но тутъ же вставало подавляющее сознаніе: то былъ романъ, а это—жизнь...

Но, помимо воли, образъ Зарницына все преслѣдовалъ ее. Тѣ сцены счастья, взаимной любви, которыя она, повинуясь силѣ художественнаго проникновенія, вставляла въ свои романы; тѣ рѣчи, полныя страсти, что́ говорили ея герои и героини; тѣ бурныя, или нѣжныя перипетіи, что́ переживали лица, созданныя ея воображеніемъ—все это получало теперь иной, болѣе реальный смыслъ. Отдаваясь мечтамъ, дѣвушка подставляла, вмѣсто фантастическихъ героевъ, *его* и *себя*; она переживала въ сладкихъ грезахъ все то, что́ могло бы быть, еслибы *онъ* не отвергъ ея чувства. Она любила свою любовь; она жадно и страстно стремилась къ жизненнымъ бурямъ; она такъ хотѣла кому-то отмстить и воздать горечью за испытанное пораженіе. При такихъ условіяхъ, въ голову Анны запала счастливая мысль навѣстить тетю Дашу и, отрѣшившись отъ всего столичнаго, прожить два-три мѣсяца въ глуши приволжскаго города. Кто не испыталъ, какое бодрящее и заживляющее вліяніе имѣетъ путешествіе, перемѣна мѣста, обстановки, людей? Едва рѣшивъ вопросъ объ отъѣздѣ, Ремнева почувствовала себя болѣе здоровой и чѣмъ больше верстъ отдѣлитъ ее отъ Петербурга, тѣмъ легче станетъ ей.

Въ послѣдній моментъ, когда раздался уже свистокъ и поѣздъ двинулся, Анна выглянула изъ окна на провожающихъ ее знакомыхъ. Ей посыпались воздушные поцѣлуи, ей кричали что-то, махали платками... Она тоже кланялась, довольная и радостная, что уѣзжаетъ. Но вотъ миновало зданіе вокзала; сейчасъ окончится дебаркадеръ; вотъ — выцвѣтшая дрезина, возлѣ нея, пониже, сторожъ въ красной рубахѣ, а рядомъ... Кто стоитъ рядомъ, кто? Ремнева узнаетъ фигуру, лицо Зарницына и не вѣритъ своимъ глазамъ...

— Зачѣмъ онъ здѣсь? Что ему нужно! А, впрочемъ, случайно могъ очутиться или провожалъ кого нибудь...

Зарницынъ заглянулъ именно въ то окно вагона, гдѣ сидѣла Анна, и почтительно поклонился ей. Ремнева вспыхнула и откинулась назадъ. Черезъ мгновеніе она вновь выглянула, но его уже не было тамъ, или дымъ ревниво заволакивалъ его фигуру.

Digitized by Google

И вотъ Анна—дома, на старомъ пепелищѣ, подъ родными липами. Вся жизнь за годы разлуки пронеслась передъ нею, пока тетя Даша сладко дремала на дѣдовскихъ пуховикахъ, а потомъ торопливо одѣвалась и причесывалась для дорогой гостьи.

— Какъ хорошо, что все это такъ случилось!—вырвалось у Анны.—Да, онъ былъ правъ: нервная эмоція. Вѣдь я его вовсе, вовсе не любила... Меня дразнило это напускное печоринство, вотъ и все... Здѣсь—простые, здоровые люди... Среди нихъ и отдохнешь, и окрѣпнешь...

— Анюточка! А-а-нюта! Гдѣ ты, родная?—раздался голосъ тети Даши и дѣвушка бросилась въ ея объятія.

К. Назарьева.

(*Продолженіе будетъ.*)

Digitized by Google

СТАРИКЪ.

Какъ тополей сребристые листы
Въ вечерній часъ при звѣздномъ одѣяньѣ,
Еще въ душѣ колышутся мечты,
Еще въ груди волнуются желанья...
Еще горитъ невѣрный факелъ мой
Въ холодной мглѣ, подъ воемъ непогоды,
И носятся надъ дряхлой головой
Живыми снами прожитые годы.
И старческой отрадою дыша
О прошломъ все мнѣ, все напоминаетъ!
Промчится ль вѣтеръ, зеленью шурша,
Луна въ пруду сосѣднемъ заиграетъ,
Дѣвичій смѣхъ раздастся ль за рѣкой,—
Я говорю: вотъ и тогда такъ было...
На ложе сна склонюсь ли я—порой
Мнѣ грезится любви моей могила
И много, много дорогихъ мнѣ лицъ...
Ихъ отъ забвенья жадно берегу я,
И съ пожелтѣлыхъ дневника страницъ
Очей своихъ подолгу не свожу я...
Но вновь—о нѣтъ! я не позволю имъ,—
Былымъ страстямъ,—шумѣть надъ головою,
Что̀ сѣдинамъ и думамъ роковымъ
Обречена законной чередою.
То утра лучъ, на мигъ зажегшій тьму!
Что̀ радостей минутныхъ скоротечность
И что̀ вся жизнь бѣгущая—тому,
Кому въ глаза глядитъ сама ужь вѣчность?!

Ф. Андреевъ.

Digitized by Google

НА ЯКОРѢ.

Повѣсть.

I.

Панъ Гржибовскій, обрусѣлый владѣлецъ полуразореннаго, но все еще богатаго имѣнья въ одной изъ великорусскихъ губерній, праздновалъ день своихъ именинъ. Сосѣди, жадные до пировъ, начали готовиться къ балу, по крайней мѣрѣ, за недѣлю. Барышни натирали себѣ лица колькремомъ и глицериномъ, чтобы не отстать другъ отъ друга въ бѣлизнѣ и свѣжести кожи; барыни ѣздили въ городъ закупать цвѣты и наряды; даже мужчины волновались и спѣшили съ продажей пшеницы, чтобъ было на что повинтить или даже заложить банкъ.

Публика съ восьми часовъ начала собираться въ гостепріимный домъ любезнаго пана; вытребованная изъ города музыка встрѣчала однообразнымъ тушемъ каждаго изъ пріѣзжающихъ. Старушки чинно усаживались по стѣнамъ, сливаясь съ мебелью, а молодежъ увивалась около барышень, соперничавшихъ роскошью и свѣжестью туалетовъ.

— Скажите, пожалуйста, Василій Антоновичъ, будутъ у васъ Орѣшниковы?—обратилась къ хозяину барыня лѣтъ тридцати пяти, искоса поглядѣвъ на сидѣвшую рядомъ съ нею дѣвушку, одѣтую въ черное платье, съ бѣлой фуляровой косынкой на шеѣ.

— Непремѣнно, непремѣнно, Прасковья Борисовна. Не знаю, пріѣдутъ ли старушки, но Дмитрій Васильевичъ непремѣнно будетъ.

Хозяинъ тоже посмотрѣлъ на дѣвушку; она невозмутимо пила чай, прижавшись въ уголокъ дивана и, казалось, не слыхала того, что говорилось возлѣ нея.

— Вы, кажется, несовсѣмъ въ духѣ сегодня, Аглая Яковлевна?—обратился къ ней хозяинъ.—А я надѣялся, что вы оживите мой праздникъ; вы—душа нашего маленькаго общества.

— Мегсі за лестное мнѣніе, постараюсь оправдать его,—

Digitized by Google

лѣниво отвѣчала дѣвушка, ставя на столъ выпитую чашку.— „Душа общества“ не прочь была бы потанцовать, и начать съ вальса.

Она встала, выпрямилась и махнула чернымъ вѣеромъ въ разгорѣвшееся лицо. Хозяинъ вышелъ въ другую комнату, и вскорѣ оркестръ заигралъ штраусовскій вальсъ.

— Вы позволите мнѣ открыть съ вами балъ?—обратился къ Аглаѣ молодой помѣщикъ, одѣтый въ блестящій гвардейскій мундиръ.

Дѣвушка, улыбаясь, положила ему на плечо узкую ручку, обтянутую длинной черной перчаткой, и плавно понеслась по залѣ.

Дѣвицы поблѣднѣли отъ зависти, слѣдя глазами за танцующей парой. Дунаевъ былъ первымъ танцоромъ въ уѣздѣ, также какъ и первымъ женихомъ, и вдругъ эта чужая, пріѣзжая дѣвушка отнимаетъ у нихъ честь открыть съ нимъ балъ. Проще всѣхъ одѣтая, живущая изъ милости въ чужомъ домѣ, она смотритъ на всѣхъ ихъ свысока; ее, конечно, поощряютъ къ этому ухаживанья мужчинъ.

— Что они находятъ въ ней такого, что липнутъ, какъ мухи къ меду?—не выдержавъ, шепнула сосѣдкѣ молодая пикантная вдовушка.

— Кокетка большая! Смотрите, какъ она повелительно обращается съ ними; точно принцесса крови, право! А они это любятъ, они рабы съ головы до ногъ.

— Какъ мила сегодня m-lle Надѣина,—раздался позади нихъ восторженный голосъ хозяина.—Этотъ бѣлый цвѣтокъ въ волосахъ и строгая бѣлая косыночка на диво пристали къ ея правильной красотѣ.

— Даже красотѣ?—подчеркнула вдовушка, язвительно улыбаясь.—Не взыскательны же вы!

Она поправила пунцовую лилію на груди, передернула узкими плечиками, бѣлѣвшими сквозь прозрачную ткань платья, и бѣгло оглядѣлась въ висѣвшее на стѣнѣ зеркало.—У вашей Надѣиной такое блѣдное лицо, что никто не повѣритъ, будто бы ей двадцать четыре года. Хотите вальсировать?—тихо спросила она, боясь, чтобы ее не услышали. Ей невыносимо было сидѣть, когда Надѣина танцовала.

— Не смѣю отказаться, Анна Аѳанасьевна.

Они сдѣлали туръ и начали второй, когда въ дверяхъ залы появился новый гость.

— Мегсі, я устала.

Анна Аѳанасьевна опустилась на стулъ, не сводя глазъ съ вошедшаго. Лицо ея поблѣднѣло, глаза заискрились.

Надѣина стояла у окна, разговаривая съ гвардейцемъ; на

Digitized by Google

щекахъ ея горѣлъ тонкій, нѣжный румянецъ, глаза сіяли, губы сложились въ открытую, безпечную улыбку веселья. Анна Аѳанасьевна посмотрѣла на нее и отъ души порадовалась, что широкая спина гвардейца закрываетъ отъ глазъ вошедшаго это красивое личико.

— Дмитрій Васильевичъ! Наконецъ-то! Отчего такъ поздно? —спросилъ хозяинъ, тряся руку гостя.

— Сказать стыдно: проспалъ.

Гость, улыбаясь, поклонился Аннѣ Аѳанасьевнѣ и крѣпко пожалъ ей руку. Это былъ мѣстный помѣщикъ Орѣшниковъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова: высокій, статный, широкоплечій съ смѣлыми черными глазами и точенымъ профилемъ блѣднаго, бронзоватаго лица. Въ его свободныхъ, простыхъ движеніяхъ, въ каждомъ поворотѣ головы, въ манерѣ держать себя, было что-то выдѣлявшее его изъ толпы. Анна Аѳанасьевна заговорила съ нимъ и они вмѣстѣ прошли въ гостинную. Черные глаза Надѣиной посмотрѣли имъ вслѣдъ изъ-за спины ея собесѣдника, и лукавая усмѣшка пробѣжала по губамъ.

— Хорошо было бы устроить хоръ въ промежуткахъ между танцами,—сказала она.—Пойдемъ, предложимъ это хозяину.

Она направилась къ дверямъ гостинной и на порогѣ ея встрѣтилась съ Орѣшниковымъ.

— Вы... здѣсь?

Онъ вспыхнулъ и дольше, чѣмъ полагается, удержалъ ея руку въ своихъ широкихъ смуглыхъ рукахъ.

— Какъ видите. Почему же это васъ удивляетъ?

— Но... Прасковья Борисовна сказала, что вы не будете, что вы остались дома.

— Прасковья Борисовна любитъ шутить.

Надѣина подошла къ группѣ дамъ и усѣлась съ ними, не обращая больше вниманія на стоявшаго подлѣ нея Орѣшникова. Онъ взялъ стулъ и присоединился къ нимъ.

— А что же вы не присядете къ намъ, Илья Ильичъ?— привѣтливо обратилась къ гвардейцу Надѣина.—Мы съ вами еще не кончили разговора. Впрочемъ... Лучше мы кончимъ его завтра, у насъ. Вы вѣдь пріѣдете, не такъ ли?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, Аглая Яковлевна.

„Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ;
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозитъ“—

неслось по густо-заросшимъ аллеямъ сада. Аглая задумчиво прислушивалась къ этимъ гармоничнымъ звукамъ, смот-

Digitized by Google

рѣла въ свѣтлыя воды разстилавшагося у ея ногъ пруда, любовалась играющими въ немъ лунными переливами и почти не слышала, что говорилъ ей Орѣшниковъ, упрашивавшій ее пройтись съ нимъ по саду.

— Вы меня не слышите... не хотите слышать?

— Что? простите меня, я дѣйствительно задумалась.

— О чемъ это? Любопытно было бы узнать.

— О чемъ? Да хоть бы о томъ, что вотъ такой уголочекъ сада, съ маленькимъ прудомъ и жильемъ въ двѣ, много три комнаты, можетъ сдѣлать человѣка вполнѣ довольнымъ и счастливымъ. Много ли, подумаешь, нужно!

— Да вѣдь это имѣніе только съ виду красиво: въ сущности же оно давно не приноситъ никакого дохода. Пріѣзжайте ко мнѣ, посмотрите на мое хозяйство: образцовое, я вамъ доложу, всѣ удивляются. Втрое лучше этого!

— Значитъ, ужь слишкомъ хорошо,—улыбнулась Аглая.— Такъ хорошо, что даже дурно: забалуешься!

— Полноте. У кого есть въ душѣ искра божія, тотъ не забалуется. Выходите за меня, Аглая Яковлевна: право раскаиваться не будете.

Аглая нахмурилась.

— Опять, Дмитрій Васильевичъ? Я сейчасъ уйду.

— Нѣтъ, не уйдете; я не пущу васъ. Надо же хоть когда нибудь хорошенько высказаться. За что вы меня мучите? за что не хотите раздѣлить моего чувства?

— Вы мнѣ нравитесь и даже очень нравитесь. Но любви-то у меня къ вамъ нѣтъ, а безъ любви я не пойду замужъ.

— Она послѣ придетъ, я ее вызову.

— Не придетъ, Дмитрій Васильевичъ.

— Это жестоко и рѣшительно. Или ужь... занято сердце?

— Занято.

— Братцемъ Прасковьи Борисовны?

— Зачѣмъ вамъ знать: кѣмъ? Не вами, вотъ что важно для васъ, а тѣмъ или другимъ—все равно.

— Да... это правда! Напрасно только раньше не сказали; напрасно... тѣшились надо мной. Благодаримъ покорно-съ!

— Не за что. Я вами не тѣшилась, это вздоръ: я даже не замѣчала, пока вы сами не сказали, что любите меня. Я вамъ надеждъ не подавала.

— Но и не отнимали-съ!

— Вспомните, что сегодня мы въ первый разъ говоримъ съ вами съ глазу на глазъ и сегодня я вамъ сказала...

— Поздно-съ! Мнѣ тридцать пять лѣтъ; я люблю въ первый разъ и на всю жизнь. На всю жизнь! Поймите это.

— Аглая Яковлевна, Дмитрій Васильевичъ! Гдѣ вы?—

Digitized by Google

раздался съ террасы гнусливый, рѣзкій голосъ пана Гржибовскаго.

— Здѣсь, у пруда!—крикнула Аглая. — Идите къ намъ, тутъ прелестно.

— Закусить неугодно ли?

— Идемъ.

Гржибовскій шелъ имъ на встрѣчу подъ руку съ Анной Аѳанасьевной.

— Change des dames...—шаловливо скомандовала Аглая, взяла подъ руку Гржибовскаго и быстро взбѣжала съ нимъ на крыльцо.

— Теперь ужъ меня не надо... теперь новинка явилась,— донеслось до нея шипѣнье Анны Аѳанасьевны.

II.

— Что вы не спите, Аглая? Пора, кажется. Еслибы я, какъ вы, прыгала цѣлый вечеръ, то навѣрное спала бы послѣ этого дня три, какъ сурокъ.

Прасковья Борисовна лѣниво потянулась на мягкомъ пуховикѣ и протяжно зѣвнула.

— Я совсѣмъ не лягу,—отозвалась Аглая, стоя у открытаго окна и задумчиво глядя на алѣвшій край неба.—Жалко было бы проспать такое утро. Выгонъ блеститъ, точно усыпанный брилліантами; птицы проснулись; слышите: перекликаются?

— Слышу, душа моя, и не нахожу въ этомъ ничего привлекательнаго. Только спать мѣшаютъ. Вамъ, столичной жительницѣ, все это въ диковинку, а намъ ужъ надоѣло. Потрудитесь спустить штору: сейчасъ мухи проснутся и начнутъ свой концертъ.

Аглая спустила штору и со словами: „спите, я вамъ не буду мѣшать",—направилась къ двери.

— Куда же вы? погодите, побесѣдуемъ немножко; я скорѣе усну.

Аглая покорно опустилась на стулъ; она знала, что̀ значитъ это „побесѣдуемъ", и готовила въ умѣ отвѣты на ожидаемые вопросы. Съ какимъ удовольствіемъ ушла бы она изъ этой душной, мрачной комнаты къ солнцу, свободѣ и зелени. Но какъ тутъ уйдешь, когда хозяйка дома, у которой она почти полгода прожила изъ милости, проситъ остаться.

— Ну, что же,—зѣвая, начала Прасковья Борисовна,—весело вамъ было у Гржибовскаго?

— Ничего,—отвѣчала Аглая, чувствуя, что кровь приливаетъ къ лицу.

Digitized by Google

„Сейчасъ заговоритъ объ Орѣшниковѣ“,—подумала она.

— Знаете ли, вы очень нравитесь Гржибовскому. Онъ спрашивалъ, не родственница ли вы мнѣ, и все восхищался вами. Одно только ему не понравилось... впрочемъ...

— Что впрочемъ? Говорите, пожалуйста, не стѣсняйтесь: я такъ мало дорожу мнѣніемъ г-на Гржибовскаго, что не оскорблюсь ничѣмъ.

— Вы, сколько я могла замѣтить, вообще не дорожите мнѣніемъ здѣшняго общества и забываете пословицу: „съ волками жить, по волчьи выть“. Оно, разумѣется,—насмѣшливо вставила Прасковья Борисовна,—куда же намъ до васъ! Вы дѣвица ученая, ну, а мы вѣдь простые смертные, не трогаемъ тѣхъ, кто насъ не трогаетъ.

— Не понимаю, къ чему вы все это говорите?—не выдержала Аглая.

— А къ тому, душа моя, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Вы можете быть о г-нѣ Гржибовскомъ какого угодно мнѣнія, но выражать ему пренебреженіе не имѣете права; тѣмъ болѣе, что Гржибовскій — личность вполнѣ порядочная. Человѣкъ богатый, прекрасно воспитанный, кончилъ университетъ, былъ за границей — чего же вамъ еще?

— Никто и не отнимаетъ у него этихъ благопріобрѣтенныхъ достоинствъ. Пренебреженія ему я не выражала, но и поклоняться его богатству и приличнымъ манерамъ не нахожу нужнымъ. У него крестьяне по міру ходятъ, а онъ гостей обливаетъ шампанскимъ и ужины задаетъ, какъ на убой. Я къ этому не могу снисходительно относиться.

— Напрасно вы у него бываете, пьете это шампанское и не отказываетесь отъ этихъ ужиновъ.

— Упрекъ справедливый; но я вчера поѣхала въ первый разъ и то по вашей усиленной просьбѣ. Да и потомъ... если выбирать себѣ знакомыхъ по ихъ внутреннему содержанію, то придется сидѣть дома; а вы сами желаете, чтобы я бывала всюду, гдѣ бываете вы.

— Какая уступчивость! удивительно! Такъ ужъ позвольте просить васъ не отступать отъ нашихъ обычаевъ и побольше дорожить мнѣніемъ моихъ знакомыхъ.

— Что же я сдѣлала такого, за что меня можно осудить?

— Какъ „что?“—Прасковья Борисовна даже приподнялась съ подушекъ.—А уйти въ садъ *вдвоемъ* съ Орѣшниковымъ? Это, *по вашему*, ничего?

— Такъ неужели *по вашему* это что нибудь?

Аглая расхохоталась.

— О, милая провинція! Ей богу я не подозрѣвала, что

Digitized by Google

моя невинная прогулка по саду дала г-ну Гржибовскому поводъ составить обо мнѣ дурное мнѣніе. Въ Петербургѣ мы съ Андреемъ Борисовичемъ предпринимали вдвоемъ не такія короткія прогулки и моя мать не находила этого неприличнымъ. Нѣтъ, у васъ здѣсь, дѣйствительно, какой-то особенный міръ, и я даю слово отнынѣ не выходить изъ дому. Надо имѣть очень нечистое воображеніе, чтобы подозрѣвать въ моихъ отношеніяхъ къ Орѣшникову какую-то гадость.

Прасковья Борисовна засмѣялась.

— Вы будете меня увѣрять, что не влюблены другъ въ друга?

— Въ этомъ увѣрять я васъ не буду, Прасковья Борисовна, уже потому, что это васъ рѣшительно не касается. Но что предосудительнаго въ моихъ отношеніяхъ къ Орѣшникову—ничего нѣтъ, въ этомъ я даже могу вамъ поклясться. Вѣдь ужь, конечно, меня въ чемъ-то очень дурномъ подозрѣваетъ ваше „прекрасное общество?“

— Не знаю, со мною никто не посмѣетъ заговорить объ этомъ. Признаться, я въ первый разъ въ жизни слышу такія странныя оправданія отъ дѣвушки вашихъ лѣтъ; эмансипація внесла цинизмъ какъ въ вашу рѣчь, такъ и въ манеру держать себя. Прежде этого не было.

— Зато прежде было другое: цинизмъ въ поступкахъ, ложь и обманъ. Жизнь, которою я жила—жизнь труда, заботъ и лишеній—пріучила меня проще смотрѣть на вещи и стыдиться не словъ, а поступковъ.

— Странно, что вы удостоиваете меня „отчетомъ“. Вы вѣдь начали съ того, что „меня это не касается“.

— Чувства мои, дѣйствительно, не касаются никого, кромѣ меня самой, но поступки касаются васъ, какъ хозяйки, гостепріимствомъ которой я такъ долго пользовалась: мой позоръ бросилъ бы тѣнь и на васъ. Вотъ почему я ручаюсь вамъ, что не позволю себѣ ничего такого, что выходило бы изъ предѣловъ приличія. Въ садъ я вчера пошла по невѣдѣнію; больше не пойду, даю вамъ слово. Мнѣ кажется, что разговоръ нашъ конченъ? Могу я идти купаться? Это не будетъ *неприлично?*

— Не смѣйтесь, пожалуйста, Аглая; вы еще успѣете и выкупаться, и нагуляться. Я хочу поговорить съ вами серьезно.

— Да? Значитъ, рѣчь пойдетъ объ Андреѣ Борисовичѣ?

— Да. Васъ это не интересуетъ?

— Самый разговоръ? Дѣйствительно не интересуетъ. Вы не можете сказать мнѣ ничего такого, чего бы я сама не знала, не перечувствовала. О знакомствѣ съ Орѣшниковымъ, объ

Digitized by Google

его ухаживанье за мной я писала Андрею Борисовичу; стало быть, лгать, обманывать его не хотѣла.

— Еще бы! Такъ любить, какъ онъ любитъ васъ цѣлыхъ пять лѣтъ, жить вашею жизнью, страдать вашими страданіями... О, Андрей—святой человѣкъ!—сантиментально заключила Прасковья Борисовна.

— И вѣрьте, что я умѣю цѣнить это, вѣрьте, что ближе, дороже Андрея у меня нѣтъ никого послѣ матери. Моя дружба къ нему...

— Дружба? Только дружба?

— Да... только дружба. Съ пятнадцати лѣтъ я привыкла смотрѣть на него, какъ на учителя, какъ на старшаго брата; я не могу даже представить себя женою Андрея. Умереть за него, вынести какую угодно муку—я хоть сейчасъ готова, но приблизиться къ нему хоть на шагъ, нѣтъ... мнѣ даже непріятно думать объ этомъ.

— Фразы, моя милая! Я вообще замѣчаю, что вы любите говорить какимъ-то... *приподнятымъ* языкомъ, какъ выражался одинъ мой знакомый литераторъ.

— Можетъ быть, у меня и чувства-то... тоже приподнятыя. Романовъ много читала,—вѣроятно, потому. Но только, пожалуйста, не думайте, что это *фразы:* я могу выражать только то, что̀ дѣйствительно чувствую. Господи! Еслибы къ этому чувству, которое влечетъ меня къ Андрею, присоединить еще страсть—это было бы несчастіе; это значило бы перестать существовать для чего нибудь, кромѣ его.

— И превосходно! Онъ же вѣдь любитъ васъ.

— Что жъ изъ того? Онъ любитъ разумно, какъ человѣкъ здравый, онъ разстанется со мною, если этого потребуетъ дѣло, которому онъ служитъ. Я же,—болѣзненно чувствую это,—отдамъ ему всю мою жизнь, всю мою личность. Что же дѣлать? У меня натура плюща. Все прекрасно, если мы пойдемъ одною дорогою, какъ шли до сихъ поръ; но... представьте вы себѣ, что Андрей измѣнится, что жизнь, общество, товарищескій кружокъ, наконецъ, даже я сама своей неотвязной любовью испорчу, избалую его. Разъ начавъ спускаться, онъ не удержится и будетъ падать все ниже, постепенно, незамѣтно для себя. Что же будетъ со мною тогда? Потерявъ вѣру въ него, я и во всѣхъ извѣрюсь, а жить безъ этой вѣры я не могу и убью себя,—это несомнѣнно. И его жизнь будетъ испорчена: съ трупомъ на совѣсти жить не легко.

— Знаете ли, что̀ я вамъ посовѣтую? Полѣчитесь немножко. Вы, дѣйствительно, сумашедшая. Если Орѣшниковъ любитъ васъ, выходите за него: наше болото засосетъ васъ и проживете прекрасно.

Digitized by Google

— Не думаю. Здѣсь отрава на каждомъ шагу; ѣсть до отвалу, когда рядомъ чуть не мруть съ голоду — я этого не умѣю и никогда не буду умѣть. Однако, вотъ что: вамъ пора спать, а мнѣ гулять и купаться. Вы меня растравили, Прасковья Борисовна, надо освѣжиться. Смотрите, утро-то, утро какое!

Она быстро выбѣжала изъ комнаты и съ наслажденіемъ вдохнула въ себя ароматный утренній воздухъ. Садъ уже ожилъ: блестѣли листья кудрявыхъ березъ, открылись чашечки цвѣтовъ на куртинахъ, и пчелы жужжали надъ ними, сверкая золотымъ тѣльцемъ и прозрачными крыльями. Все кругомъ улыбалось широкой праздничной улыбкой, очаровывало мысль, усмиряло тревогу. Аглая прошла по липовой аллеѣ къ калиткѣ, отворила ее и вышла на выгонъ. Онъ блестѣлъ еще остатками росы.

— Хорошъ божій міръ, ахъ, какъ хорошъ!

Она остановилась и, прислонясь къ дереву, смотрѣла сквозь зеленую листву на яркое небо, на сверкающую, облитую горячими лучами даль. Туманъ поднимался надъ прудомъ бѣловато-сизыми жилками и таялъ, испаряясь въ горячихъ лучахъ солнца. Аглаѣ показалось, что и у нея внутри что-то поднимается, напрягается и точно также таетъ отъ этой волшебной, чарующей прелести нарождающагося утра. Она крикнула во всю грудь и бросилась бѣжать черезъ выгонъ, внизъ къ рѣкѣ. Въ ней кипѣла кровь, клокотала какая-то безотчетная, захватывающая духъ, удаль. Хотѣлось или громко запѣть, или хохотать безъ умолку, или неудержимо бѣжать впередъ.

— Матушка... барышня... а я вѣдь къ тебѣ шла... за тобой,—раздался позади Аглаи дрожащій слезливый голосъ.

— Матренушка! Здравствуй, здравствуй, родная. Что тебѣ надо? Матушки мои, да на тебѣ лица нѣтъ! Что Настя? или опять больна?

— Настя-то... да что Настя, помираетъ никакъ. То-то, я говорю, за тобой пришла. Глянь-ка поди, можетъ, отходитъ, какъ ономнясь отходила. Я за батькой пойду; долгъ христіанскій отдать надоть.

Матрена, всхлипывая, пошла къ маленькому бѣлому домику, обнесенному тыномъ. Аглая нѣсколько минутъ стояла, какъ остолбенѣвшая, потомъ быстро пошла по тропинкѣ въ деревню и остановилась предъ покривившейся черной избой. Толкнувъ калитку, она вошла въ грязный, маленькій дворъ. Старикъ въ синей линючей рубахѣ, сидѣлъ на связкѣ соломы и трудился надъ лошадью, лежавшей возлѣ него съ пѣной на губахъ.

Digitized by Google

— Дѣдушка, здравствуй! Что Настенька? Есть съ ней кто нибудь?

— Да... тутъ... сосѣдка пришла... ладону принесла, попоить ее,—равнодушно отозвался старикъ. — А у меня вонъ бурый-то... глянь-ка-сь, ногу-то какъ отшибъ. Разоръ, какъ подохнетъ. Прямо ужь бери суму, да и иди по міру.

У старика дрогнулъ голосъ.

— Что же это ты дѣлаешь съ ней?—участливо спросила Аглая.

— Да вотъ купоросомъ смазать велѣлъ фершалъ; да чтой-то бьется, дотронуться не даетъ.

— Брось купоросъ, дѣдушка. Погоди меня, я только Настю посмотрю и ворочусь къ тебѣ; поглядимъ вмѣстѣ, что дѣлать.

— Да что же Настя?.. извѣстно... отходитъ. Тутъ бы попа надоть, а не лѣкарокъ.

Аглая не отвѣчала; она уже взошла на крыльцо, хруснувшее подъ ея легкой поступью, и отворила дверь въ большія темныя сѣни.

Залаяли собаки, закудахтали куры, бросившись въ разныя стороны. Аглая остановилась, оглушенная этимъ шумомъ, и ощупью отыскала скобу двери, ведущей въ избу. Удушливый жаръ пахнулъ въ лицо: хворостъ пылалъ въ русской печи, запахъ ладона носился по избѣ. На кровати, разгорѣвшись и чуть дыша, лежала дѣвочка лѣтъ десяти-одиннадцати, покрытая овчиной, съ большимъ платкомъ на головѣ. Подлѣ нея, бормоча молитвы, сидѣла баба и держала руки больной, не давая имъ разбрасываться.

— Боже мой, да тутъ по неволѣ задохнешься.

— Ш... ш... ш!..

Баба погрозила пальцемъ.

— Тише, барышня, отходитъ она. Упокой Господи малую душеньку. Испорчена она, ладону въ ротъ не береть; какъ, значитъ, поднесешь, такъ ликъ-то весь на сторону сведетъ. А сама все мечется, все мечется, а на губахъ-то пѣна, такъ и бьетъ клубомъ да клубомъ.

— Ну-ка, пусти Ильинишна, дай поглядѣть.

— Чего ужь тутъ глядѣть! Синяя вся. Одно слово: отходитъ; мѣшать не слѣдъ. Я ей ручки держу, чтобы, значитъ, не барахталась. А то какъ скривитъ ручку, такъ и передъ судомъ божьимъ предстанетъ.

— Ладно, я подержу. А ты покуда окошки отвори, да огонь-то въ печкѣ залей.

— Што ты, што ты, нешто можно! Черезъ огонь душенька очищается. Видишь, не въ себѣ ребенокъ; порча въ ней.

Digitized by Google

Аглая оттолкнула упрямую бабу и, взявъ на руки Настю, вынесла ее на дворъ.

— Сѣна сюда, да воды холодной,—скомандовала она, съ трудомъ сдерживая бьющуюся въ ея рукахъ дѣвочку.

Видя такой энергичный отпоръ, баба измѣнила тактику, и хотя продолжала укоризненно качать головой, но безпрекословно исполняла всѣ приказанія барышни. Минуть черезъ десять, дѣвочка лежала уже подъ навѣсомъ, защищенная отъ солнца, покрытая только легонькой юбочкой, съ холоднымъ компрессомъ на головѣ. Аглая послала Ильинишну домой за валеріановыми каплями, и черезъ часъ Настя спала, какъ убитая, утомившись продолжительнымъ истерическимъ припадкомъ. Видя успѣхъ Аглаи надъ „отходившей“ внучкой, старикъ довѣрилъ ей лѣченіе своей лошади; купоросъ былъ выброшенъ, нога облѣплена сырой глиной и крѣпко забинтована.

— Водой поливай чаще,—закончила свой медицинскій визитъ Аглая и пошла домой.

Купаться было уже поздно: жара стояла смертельная. Но домой идти тоже не хотѣлось; она прошла лѣсомъ къ кладбищу, гдѣ густо разросшіеся вязы такъ хорошо защищали отъ солнца. Дѣвушка утомилась, ее охватила дремота; она шла медленно, блѣдная, вялая, апатичная.

„Неужели же то, что́ я сейчасъ сдѣлала, можно назвать добрымъ дѣломъ? Нѣтъ, никогда. А вѣдь называютъ. Гадки же люди, если за такіе пустяки остаются довольны собою! И вотъ все такъ, всю жизнь будешь только мухъ вынимать изъ паутины. Надо же втолковать ей, этой дурѣ-бабѣ, что́ за болѣзнь была у дѣвочки, разъяснить, что порчи никакой тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Но вѣдь на то, чтобъ растолковать это, умѣнье нужно, а у меня его нѣтъ. Я и говорить съ ними не умѣю, не знаю, какъ заставить понять себя“.

Звонъ колокольчиковъ прервалъ ея думы. Аглая вышла изъ лѣсу и посмотрѣла на дорогу, щуря свои близорукіе глаза и заслоняясь рукою отъ солнца. Запряженная парой телѣжка остановилась у парадnаго подъѣзда; изъ нея вышелъ человѣкъ въ клеенчатомъ пальто и бѣлой фуражкѣ.

„Изъ города кто-то... съ поѣзда“, — подумала Аглая и снова пошла по тропинкѣ, ведущей къ кладбищу.

III.

— Здравствуйте, Грунюшка! Не ждали меня? Все ли въ добромъ здоровьѣ?—спрашивалъ гость, входя въ прихожую дома Прасковьи Борисовны и дружелюбно обнимая хорошенькую черноглазую дѣвушку, стоявшую за гладильной доской.

Digitized by Google

— Андрей Борисовичъ! Вотъ ужь не ждали-то! То-то барыня рады будутъ. Въ кои-то вѣки къ намъ собрались.

— А что сестра? Неужели спитъ? Этакимъ утромъ не пользоваться.

— Встаю, встаю, братецъ!—раздалось изъ сосѣдней комнаты.—Вчера у сосѣда на именинахъ пировали, вернулись въ пять часовъ утра и заспались. Грунька! проводи въ мой кабинетъ барина; умыться подай ему, а я пока одѣнусь и чай приготовлю. Вотъ сюпризъ-то пріятный.

Послѣдній комплиментъ пропалъ даромъ: Андрея уже не было въ комнатѣ. Чрезъ четверть часа, онъ вошелъ въ столовую, умытый, причесанный и одѣтый въ легкій сѣрый пиджакъ. Сестра ждала его за чайнымъ столомъ, тоже одѣтая, даже нарядная. Отношенія ихъ были странныя, полуофиціальныя: ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы показаться другому неумытымъ или непричесаннымъ, а между тѣмъ въ свѣтѣ, который изрѣдка посѣщалъ Андрей и когда-то очень усердно посѣщала Прасковья Борисовна,—они слыли за самыхъ закадычныхъ друзей. Они, дѣйствительно, никогда не ссорились, даже не спорили, но оба усердно скрывали другъ отъ друга все, чего не могли сказать открыто, при всѣхъ. О любви брата къ Аглаѣ Прасковья Борисовна узнала случайно, прочитавъ письмо, присланное къ ней по ошибкѣ: Андрей перепуталъ конверты и письмо къ Аглаѣ очутилось у Прасковьи Борисовны. Какъ женщина умная, она и виду не показала, что не одобряетъ выбора брата и приняла, повидимому, горячее участіе въ его романѣ. Аглая получила приглашеніе бывать у нея запросто, а часто Прасковья Борисовна и сама заѣзжала за ней, возила ее въ театръ, въ клубы, и вообще осыпала такимъ вниманіемъ и любезностью, что Аглая смущалась, робѣла и кончила тѣмъ, что начала сторониться ея. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Аглая отодвигалась все дальше и дальше, сообразно тѣмъ усиліямъ, которыя употребляла Прасковья Борисовна, чтобы приблизить ее. Все это происходило ровно за три года до того времени, когда, по желанію Андрея, Аглая пріѣхала гостить въ имѣнье Прасковьи Борисовны, поселившейся въ деревнѣ навсегда.

Озлобленная, желчная и нервная, Прасковья Борисовна ненавидѣла все молодое и въ проявленіяхъ этой молодости усматривала чуть не личное оскорбленіе себѣ. Потерявъ надежду на замужство, она отказалась отъ свѣта и, понявъ, что роль ея сыграна до конца, задалась мыслью посвятить себя заботамъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Фраза эта понравилась и произвела даже нѣкоторую сенсацію въ непритязательномъ кружкѣ ея знакомыхъ, гдѣ идти дальше фразы показалось бы даже

Digitized by Google

смѣшнымъ. Разумѣется, фраза такъ и осталась фразой. Въ хозяйствѣ Прасковья Борисовна ничего не смыслила и при ней оно шло даже хуже, чѣмъ безъ нея: хозяйскій глазъ оказался много слабѣе глаза управляющаго, которому было отказано въ видахъ сбереженія жалованья. Съ его уходомъ, убытокъ насчитывался въ квадратѣ. Управляющій былъ человѣкъ молодой и честный, добросовѣстно выполнявшій возложенную на него обязанность; у него и волки были сыты, и овцы цѣлы. Вотъ именно эта-то цѣлость овецъ—въ помѣщичьемъ быту довольно рѣдкая—и внушила недовѣріе радѣтельницѣ о крестьянскомъ благѣ. Черезъ недѣлю послѣ ея пріѣзда, Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ изъ Зеленаго, провожаемый цѣлой толпой озадаченныхъ этой реформой крестьянъ. Познакомившись съ сосѣдями, владѣтельница шестисотъ десятинъ земли, Прасковья Борисовна Круцкая, ожила душою, надежда опять проснулась въ ея тридцатипятилѣтнемъ сердцѣ. Жениховъ насчитывалась тьма-тьмущая, отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ включительно. Если исчезла привлекательность молодости и обаяніе красоты,—что зеркало безжалостно подсказывало Прасковьѣ Борисовнѣ,—то вѣдь шестьсотъ десятинъ не старѣли, не дурнѣли, и найти на нихъ охотника казалось ей дѣломъ нехитрымъ. Пикники, балы, обѣды чередовались въ Зеленомъ на радость сосѣдей и на горе крестьянъ. Все шло, какъ по маслу, и панъ Гржибовскій началъ уже дѣлать нѣкоторые авансы Прасковьѣ Борисовнѣ, какъ вдругъ письмо любезнаго братца, Андрея Борисовича, упало ей, какъ снѣгъ на голову. Взять къ себѣ гостить эту красивую молодую дѣвушку—не значило ли опять стушеваться? Но отказать было нельзя и, скрѣпя сердце, Прасковья Борисовна послала любезное приглашеніе.

Орѣшниковъ являлся спасителемъ и все кончалось благополучно. „Теперь, навѣрное, братецъ увезетъ ее съ собой“—радовалась Прасковья Борисовна, посыпаясь предъ зеркаломъ пудрой и обдумывая планъ неотразимаго нападенія на ревность братца.

Дочь бѣднаго чиновника, окончившая курсъ въ гимназіи, съ помощью какой-то благодѣтельницы, у которой въ молодости отецъ ея служилъ на побѣгушкахъ, Аглая не лгала Прасковьѣ Борисовнѣ, говоря, что вся жизнь ея была жизнью труда, невзгодъ и лишеній. Въ дѣтствѣ—нужда и колотушки пьяницы-отца, по выходѣ изъ гимназіи—нужда и зависимость. Она рано научилась страдать, и не за одну себя. Ея мученица-мать всю жизнь не знала просвѣта, и даже тогда, когда могла бы отдохнуть отъ горя, схоронивъ мужа и поселившись съ дочерью,—судьба приподнесла ей цѣлый рядъ новыхъ испытаній, превысившихъ все, что она переносила до сихъ поръ.

Digitized by Google

Андрей встрѣтилъ Аглаю у своихъ родственниковъ, къ которымъ она поступила гувернанткой тотчасъ по выходѣ изъ гимназіи. Это мѣсто ей доставилъ инспекторъ гимназіи, принимавшій большое участіе въ способной и симпатичной дѣвушкѣ. Ей только что минуло восемнадцать лѣтъ, она была красива, умна, хорошо рисовала, пѣла, держала себя съ тактомъ и достоинствомъ, и скоро съумѣла расположить къ себѣ какъ свою маленькую ученицу, такъ и ея родителей. Андрею она съ перваго раза таки понравилась, что онъ началъ искать случаевъ видѣться съ нею; они подолгу бесѣдовали, читали вмѣстѣ, играли въ четыре руки, разучивали дуэты. Черезъ два-три мѣсяца, Андрей уже чувствовалъ, что жизнь его не полна безъ этой живой, впечатлительной дѣвушки, и началъ усиленно хлопотать о разводѣ съ женой, съ которой разстался года за три до встрѣчи съ Аглаей. Она ничего не замѣчала и вниманіе Андрея принимала за выраженіе дружбы и участія къ ней. Онъ былъ очень сдержанъ и ни разу не проявилъ передъ ней своихъ настоящихъ чувствъ.

Проживъ два года у Засѣкиныхъ, Аглая разсталась съ ними: ея маленькая воспитанница умерла отъ возвратной горячки. Она поселилась съ матерью (отца уже не было въ живыхъ), посѣщала только что открывшіеся тогда курсы въ пятой гимназіи и жила уроками, которые ей доставлялъ Андрей. Она прошла въ эти два года все то, что̀ проходитъ столичная учащаяся молодежь. Уроковъ было мало и едва доставало на то, чтобы не умереть съ голоду. Мать начала хирѣть и прихварывать, явились траты на докторовъ, лѣкарства и дорогую діэту. А тутъ и другое еще подоспѣло, что̀ вырвало два года изъ ея жизни. Но... объ этомъ „другомъ“—Аглая не любила вспоминать. И Андрей вѣчно былъ тутъ, заботливый, любящій; въ тяжелыя минуты страданій онъ любилъ Аглаю больше, чѣмъ въ радостные дни, и не было жертвы, которой онъ не принесъ бы ей, не было мысли, отдѣльной отъ ея существованія. Матери ея онъ замѣнялъ самаго любящаго сына, весь—любовь, весь—забота. Аглая и книги—вотъ все, чѣмъ онъ жилъ. Она цѣнила это, любила его, какъ самаго дорогаго брата, но именно только какъ *брата*. Сердце ея ни разу не дрогнуло, когда его шаги раздавались по коридору, ведущему въ ея бѣдную комнатку, гдѣ она сидѣла у ногъ полуслѣпой отъ слезъ матери, читая ей какой нибудь глупый старинный романъ. Она весело, радостно шла къ нему на встрѣчу, но еслибы онъ не пришелъ,—не стала бы волноваться и тревожиться. Аглая не была кокеткой и, теоретически, всякое кокетство было ей отвратительно. Она и Писарева обвиняла за то, что въ жен-

Digitized by Google

скомъ кокетствѣ онъ видѣлъ что-то естественное, съ чѣмъ бороться нельзя и не слѣдуетъ.

Въ ней дремали женскіе инстинкты до встрѣчи съ Орѣшниковымъ, этимъ мощнымъ деревенскимъ красавцемъ; одно присутствіе Орѣшникова волновало ее, не давало забыться, она видѣла все, что́ онъ дѣлалъ, что говорилъ, какъ бы ни была занята бесѣдой съ другими. А между тѣмъ она не любила его, забывала о его существованіи, разъ онъ не попадался ей на глаза. Но если онъ былъ тутъ,—что-то поджигало ее: являлась особенная живость, бойкость, развязность, являлось (впервые въ жизни) желаніе нравиться.

— Здравствуйте, братецъ,—запѣла Прасковья Борисовна, вставая на встрѣчу Андрею изъ-за чайнаго стола.

Лицо ея вытянулось, окислилось, глаза учащенно заморгали длинными стрѣльчатыми рѣсницами. На всякомъ другомъ лицѣ такія рѣсницы могли бы очаровывать; тутъ же онѣ пропадали даромъ. Андрей любезно обнялъ сестру и поцѣловалъ ея руку.

— Здравствуйте, сестрица. Очень радъ повидаться съ вами. Какъ у васъ славно здѣсь: зелень кругомъ, поля вдали, прудъ серебрится. Я хоть и не поэтъ, но невольно поддался очарованію. Воображаю восторгъ Аглаи Яковлевны. Кстати, что ея не видно? Неужели еще спитъ?

— О, нѣтъ, она ранняя пташка. Купаться пошла, а потомъ, должно быть, гулять.

— Онѣ у Матрены,—вставила свое слово Груня.—Настюшка, надо быть, плоха: за лѣкарствомъ прибѣгали.

— Вотъ какъ,—спокойно отозвался Андрей.—И здѣсь ужь лѣчить принялась?

— Ахъ, не говорите!

Прасковья Борисовна кисло улыбнулась.

— Теперь у меня отбою нѣтъ отъ мужиковъ и бабъ. Велѣла ужь гонять ихъ, потихоньку отъ Аглаи Яковлевны. Да что же мы стоимъ-то, братецъ? Чайку не хотите ли?

— Съ удовольствіемъ выпью. На желѣзныхъ дорогахъ поятъ какими-то помоями.

— Милости, милости просимъ. Грунька! ты бы сходила за Аглаей Яковлевной; будетъ ужь ей тамъ сердобольничать.

— Что жъ, сердоболье—вещь хорошая!

— Конечно, только надо вѣдь и себя пожалѣть. Она всю ночь не спала сегодня, вчера танцовала, ну, и немало утомилась, я думаю.

— Гдѣ же вы были вчера?

— У Гржибовскаго, сосѣда-помѣщика. Очень милая личность, я вамъ скажу. Здѣсь вѣдь, вообще, весело живутъ: со-

Digitized by Google

сѣди все молодые, любятъ попировать. Аглаю Яковлевну здѣсь на рукахъ носятъ, барышень у насъ мало, а жениховъ видимо-невидимо. А Орѣшниковъ, такъ тотъ ужь совсѣмъ...

Прасковья Борисовна остановилась, увидавъ, что лицо Андрея покрылось синеватой блѣдностью.

— Что же Орѣшниковъ?—не выдержалъ онъ.

— Ахъ, они такіе друзья съ Аглаей Яковлевной. Однако разскажите мнѣ, братецъ, какъ это вы вздумали завернуть ко мнѣ? Вы вѣдь мое Зеленое несовсѣмъ жалуете.

— Да что жъ... время теперь свободное, ну... отчего жъ бы и не прокатиться. Васъ хотѣлъ повидать... Аглаю Яковлевну. А главное, старушка соскучилась безъ нея.

— Ахъ, это... мать ея? Вѣра Петровна, кажется?

— Да, Вѣра Петровна. Мы вѣдь теперь вмѣстѣ съ ней поселились, въ одной квартирѣ.

— Ахъ, братецъ! Господь васъ наградитъ за это, что сиротъ не оставляете. Вы меня извините, но... я не могу не сказать, что не понимаю холодности Аглаи къ матери.

— Ну... мы лучше не будемъ говорить объ этомъ. Вы несовсѣмъ справедливы къ Аглаѣ Яковлевнѣ, я это уже давно замѣтилъ. Она—лучшая дочь въ мірѣ. Ея письма доказываютъ, какъ она скучала здѣсь, безъ старушки.

— Я не замѣчала этого. Она цвѣтетъ розаномъ и очень охотно принимаетъ участіе во всѣхъ нашихъ увеселеніяхъ.

— Еще бы! Эта сторона жизни для нея совсѣмъ нова и необходимо должна была увлечь ее. Вы забываете, сестрица, что молодость имѣетъ свои права, о которыхъ мы съ вами давно позабыли.

Сестрица смолчала, но надѣлила братца такимъ взглядомъ, что онъ сконфузился за нее и залпомъ выпилъ остывшій чай.

— Попрошу еще стаканчикъ. Такъ вы, стало быть, веселитесь здѣсь на славу?

— О, да, мы весело живемъ. Аглаю здѣсь очень полюбили; молодежь ухаживаетъ за нею наперерывъ.

— Ну... а она?

— А ужь это ее спросите. Я до чужихъ тайнъ не охотница, вы это знаете. Ну, что ваши дѣла?

— То есть какія дѣла? Матеріальныя—превосходны.

— Это я знаю. А... дѣло о разводѣ?

— Неудача полнѣйшая. Надо было выставить причины, такія грязныя и позорныя, что... я не рѣшился.

— Гдѣ же теперь Claudine?

— Не знаю, право; кажется, въ Парижѣ. Ну, что же, Груня, нашли барышню?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ-съ, онѣ, говорятъ, въ лѣсъ ушли, къ кладбищу. Это ихъ любимое мѣсто. Можно сбѣгать за ними.

— Нѣтъ, не трудитесь, я самъ пойду; кстати посмотрю окрестности. Вы только покажите мнѣ, какъ пройти къ кладбищу?

Андрей отодвинулъ недопитый стаканъ, снова поцѣловалъ руку сестры и вышелъ изъ дому, безпечно насвистывая маршъ изъ Фауста.

IV.

Аглая шла впередъ, ни разу не повернувъ головы, задумчивая, усталая. Въ первый разъ во все лѣто она безъ вниманія прошла мимо колосящейся ржи, въ первый разъ не отвѣчала на поклоны встрѣчныхъ крестьянъ. Она шла, какъ слѣпая, обжигаясь крапивой, задѣвая за кочки; остановилась передъ знакомой могилой, съ большимъ деревяннымъ крестомъ, и почти упала на траву, до такой степени утомлено и разслаблено было все ея тѣло. Въ головѣ стояла какая-то путаница, нельзя было выдѣлить ни одной цѣльной мысли,—какіе-то отрывки, шумъ, неурядица, что-то давящее до одурѣнія, до тошноты.

Молодая дѣвушка прислонилась головой къ кресту и громко, отчаянно разрыдалась. О чемъ? Она не знала сама. Безумно, безотчетно. Сегодня все то же, что́ было вчера, завтра—будетъ повтореніемъ сегодня; можно ждать лишь худшаго, а лучшаго—не откуда. Вотъ Андрей того и гляди пріѣдетъ, увезетъ ее въ Петербургъ. А тамъ? Тамъ еще хуже, еще стереотипнѣе потянется жизнь. Опять выплывутъ насущные интересы, сводящіеся къ погонѣ за хлѣбомъ, опять мелочное исканіе личныхъ удобствъ, если не для себя, такъ для матери. Право, ужь не выйти ли за Орѣшникова? Она разрыдалась еще больше отъ стыда за саму себя; только въ больномъ мозгу могла зародиться такая мысль. А Андрей? За что же его то карать, за что, убивая себя, и его убить тѣмъ же самымъ ударомъ? Вѣдь онъ вѣритъ въ нее, любитъ ее. „Любитъ! Такъ что же? развѣ это заслуга? Любить для себя, а не для меня. Сколько разъ онъ могъ замѣтить, что меня стѣсняютъ его непрошенныя милости и все также продолжалъ ихъ дѣлать, потому что это было пріятно ему“. Аглая все позабыла и, несправедливая, готова была обвинять его. Еслибы онъ былъ тутъ, она наговорила бы ему много колкихъ и даже дерзкихъ словъ. Письма его, полныя ревнивыхъ разспросовъ и подозрѣній,—письма, надъ которыми она вчера еще могла только смѣяться — раздражали, оскорбляли ее теперь. „Эгоистъ

Digitized by Google

онъ",—рѣшила она. Слезы ея высохли, глаза закрылись. Она положила голову на руку и задремала, обнявъ другой рукой могильный крестъ.

Въ этой могилѣ лежала молодая дѣвушка, дочь старосты. Аглая вспомнила сквозь дремоту, какъ хоронили эту дѣвушку; собрались всѣ сосѣди, Прасковья Борисовна сдѣлала похоронный обѣдъ. Аглая, тогда только что пріѣхавшая, въ первый разъ видѣла на этомъ обѣдѣ Орѣшникова и онъ ей понравился больше всѣхъ. Къ концу дня гости подвыпили, забыли, зачѣмъ собрались, и запѣли пѣсни. Аглая, вся подъ впечатлѣніемъ печальной церемоніи, ушла отъ веселой компаніи и задумчиво сидѣла въ угловой комнатѣ, когда къ ней подошелъ Орѣшниковъ.

— Здѣсь пѣсни горланятъ,—сказалъ онъ,—а въ кухнѣ староста моремъ разливается. У него только и свѣта въ окнѣ было, что покойница; теперь, какъ перстъ, одинъ остался.

„Онъ добрый и славный"—подумала Аглая и заговорила съ нимъ дружелюбно и искренно. Съ тѣхъ поръ они часто встрѣчались; крестины, именины, или даже просто какіе бы то ни было праздники являлись поводомъ къ пикникамъ, вечерамъ и собраніямъ, на которыхъ Орѣшниковъ, до встрѣчи съ Аглаей, сиднемъ сидѣвшій въ своей деревнѣ, началъ являться непремѣннымъ гостемъ. „На рукахъ бы унесъ васъ къ себѣ, никому бы не отдалъ",—вспомнилась Аглаѣ фраза, сказанная ей взволнованнымъ шопотомъ наканунѣ, во время вальса. Ей хотѣлось отвѣчать на нее дерзостью, но черные мягкіе глаза Орѣшникова сіяли такой искренней нѣжностью, что на дерзость не хватило духу. Образъ Орѣшникова, какъ живой, всталъ предъ Аглаей; сердце стукнуло и быстро забилось. „Ужъ не влюблена ли я, чего добраго"?—подумала она и тотчасъ же отвѣтила себѣ: „Нѣтъ! это невозможно. Правда, что-то тянетъ къ нему, но это не любовь. О, нѣтъ, сохрани Богъ!"

Она открыла глаза и перемѣнила мѣсто: солнце передвинулось въ пространство между двумя вязами и било ей въ глаза знойными лучами. Хорошо тутъ, ахъ, какъ хорошо! Даже кресты на могилахъ какъ-то празднично искрятся, какъ будто привѣтствуютъ смерть. Шевельнулся вопросъ—чѣмъ жизнь краше смерти? Стóитъ ли цѣпляться за эту, полную горя и борьбы, жизнь, для того чтобы въ концѣ концовъ смѣшаться съ землей, обратиться въ ничтожество? Что страшнаго въ смерти, когда люди такъ охотно отдаются ея подобію—сну? когда опіофаги половину жизни проводятъ въ нирванѣ? Глаза Аглаи опять закрылись. Мысль еле бродила, тупо, лѣ-

Digitized by Google

ниво складываясь какъ будто извнѣ, какъ будто изъ чужихъ впечатлѣній.

— Аглая Яковлевна!—донесся до ея слуха громкій крикъ.

Голосъ былъ близко, она узнала его и... ей захотѣлось бѣжать, спрятаться, въ землю зарыться, лишь бы не встрѣтиться съ нимъ теперь, пока не улеглась въ опредѣленную форму вся эта неурядица мыслей и чувствъ. Опять Петербургъ, опять эти цѣпи благодѣяній, опять неисходная, тяжкая зависимость. Она обняла руками могилу и крѣпко прижалась къ ней, какъ будто прося у мертвой защиты отъ себя самой. Окрикъ повторился. Аглая подняла голову и сквозь нависшіе сучья вяза увидала Андрея, быстро идущаго по дорогѣ къ кладбищу.

„Не съ ума ли я схожу? Можетъ, моя мать прислала его... можетъ, она больна... ждетъ меня... стосковалась?“ Наступила минута раздумья, и щоки вспыхнули жгучимъ румянцемъ стыда. Забота, рядомъ съ сознаніемъ долга, разомъ вытѣснили все, что закипало и волновалось въ ней въ это утро съ самаго солнечнаго восхода. „Намъ ли, горемыкамъ, поддаваться такимъ тонкостямъ! Пусть ужь онѣ остаются на долю сытыхъ и праздныхъ“.

— Здѣсь я!—рѣзко отвѣчала она и подумала почему-то, что Орѣшниковъ не узналъ бы ея голоса, какъ и она сама не узнала его.

Осторожно раздвинувъ вѣтки закрывавшаго ее вяза, Аглая пошла по дорогѣ, какъ виноватая или осужденная. Андрей бросился къ ней, не помня себя отъ радости. Онъ сильно обнялъ ее, горячо поцѣловалъ въ губы, не замѣчая, какъ нервная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу и губы похолодѣли, безотвѣтно принявъ его поцѣлуй.

— Я такъ скоро шелъ... задохнулся. Присядемъ здѣсь, отдохнемъ.

— Нѣтъ... нѣтъ!—испуганно вскрикнула дѣвушка.—Я давно уже ушла, пора домой.

Она силилась сдержать дрожь въ рукахъ и голосѣ, но это не удалось ей.

— Прасковья Борисовна ждетъ насъ, — поправилась Аглая,—вы такъ давно не видались! Она будетъ сердиться, если мы опоздаемъ. Да и солнце ужь высоко, завтракъ скоро. Воображаю, что она наготовила для дорогаго гостя; вѣдь пріѣздъ совсѣмъ неожиданный, для нея, по крайней мѣрѣ. Она, вообще, очень радушная хозяйка: такою здѣсь ее считаютъ всѣ и говорятъ, что нигдѣ не бываетъ такъ весело, какъ у нея.

Аглая могла болтать сколько угодно и что угодно, и все

Digitized by Google

таки ничего не достигала этимъ: отъ Андрея не укрылась ни тревога, звучавшая въ ея голосѣ, ни румянецъ, то вспыхивавшій, то пропадавшій. Онъ взялъ ее за руку и заглянулъ въ глаза, съ глубокой, серьезной лаской.

— Не такой ждалъ я встрѣчи, моя дорогая. Я надѣялся, что вы съумѣете понять ту боль сомнѣній, которую такъ упорно возбуждали и поддерживали во мнѣ ваши письма, и оцѣните мою готовность все бросить и летѣть сюда по первому вашему зову.

— Да развѣ я... „звала васъ?“—хотѣла сказать она, но остановилась.

— Что „развѣ?“—переспросилъ Андрей.

— Ничего... такъ.

Онъ пытливо и грустно смотрѣлъ въ ея смущенное лицо.

— Что-то случилось здѣсь, чего я не долженъ знать и чего, вѣроятно, никогда не узнаю. Неужели въ эти пять лѣтъ я не заслужилъ даже довѣрія? Неужели отъ меня, какъ отъ врага, надо сторониться, прятаться? Зачѣмъ же было писать? Зачѣмъ дѣлиться только частью, когда не можешь сказать всего?

— Чего это „всего?“—раздражаясь, подчеркнула Аглая.—Я ничего не скрывала и ничего не хочу скрывать. Развѣ я виновата въ томъ, что...

— Въ чемъ?

Аглая замолчала, робѣя, теряясь отъ мгновенно проснувшагося сознанія двойственности, расколовшей ее пополамъ: рядомъ съ Андреемъ всталъ образъ Орѣшникова, съ горячею рѣчью и любящимъ взглядомъ, и она тутъ только поняла, во что обошлись ей и эти рѣчи, и эти взгляды.

— Нѣтъ... какъ же, право?.. я не знаю... я вѣдь, кажется, писала вамъ, что онъ мнѣ ужасно нравится. Что же тутъ такого... дурнаго? Мнѣ вѣдь ужь двадцать четыре года... пора и увлечься кѣмъ нибудь.

Она чувствовала, что не можетъ сказать теперь ничего, кромѣ самой отчаянной глупости, и замолчала.

Глаза Андрея вспыхнули.

— Что же мѣшало на меня излить эту потребность увлечься кѣмъ нибудь?—горько спросилъ онъ и тутъ же понялъ нелѣпость и безсмыслiе этого вопроса.

— Какъ это странно вы говорите! Точно я люблю кого нибудь больше васъ? Точно я измѣнилась и не отдамъ за васъ, по прежнему, всю свою жизнь до послѣдняго вздоха? — почти крикнула Аглая, сердясь, что онъ заставляетъ ее говорить это.—Я не люблю Орѣшникова, утверждаю это смѣло, увѣренно; но что-то такое есть у меня къ нему, что заставляетъ

Digitized by Google

меня оживляться въ его присутствіи; мнѣ становится какъ-то жутко и весело. Онъ такъ не похожъ на всѣхъ тѣхъ, кого я до сихъ поръ знала. Если тѣхъ можно было сравнить съ подстриженными, расчищенными садами, то Орѣшниковъ—густой, настоящій лѣсъ; даже не лѣсъ, а какая-то тайга непролазная. Въ ней дышать вольнѣе, въ ней крикнуть хочется отъ восторга и удали.

— Вы даже теперь волнуетесь; воображаю, что̀ дѣлается съ вами при немъ!—сказалъ Андрей съ ѣдкимъ упрекомъ въ голосѣ.

— Только теперь и волнуюсь, повѣрьте; при немъ я воли себѣ не даю.

— „Тайга непролазная!“ Хороша похвала! Вы натолкнетесь въ этой тайгѣ на такое чудовище, съ которымъ бороться не хватитъ ни силъ, ни желанія.

— Да я и не думаю идти туда; говорю только, что сердце замираетъ при видѣ этого нетронутаго богатства природы. Я вовсе не склонна ни уважать его, ни вѣрить ему; я нисколько не удивлюсь, если онъ будетъ бить свою жену, ревновать ее, мучить; но увѣрена, что онъ сдѣлаетъ это безсознательно, по невѣдѣнію, или даже просто отъ избытка силъ.

— А крестьянъ онъ тоже „отъ избытка силъ“ обираетъ?

Аглая вздрогнула.

— Я не слыхала о немъ ничего подобнаго,—смущенно прошептала она.

— Не хотѣли слышать, не интересовались. Все, огуломъ, простилось за красоту и страсть. Я не узнаю васъ, Аглая: прежде вы пересаливали въ нетерпимости, теперь пересаливаете въ снисходительности. Болото уже засосало васъ. Орѣшниковъ, обирающій крестьянъ, во всю свою жизнь не одолѣвшій ни одной сколько нибудь серьезной книги, возводится въ идеалъ простоты, безыскусственности и искренности. Въ чемъ состоитъ эта искренность? Гдѣ тѣ свѣтлыя стороны, за которыя можно было бы простить все то зло, которое онъ творитъ, какъ вы выражаетесь, „по невѣдѣнью“. Благодать божья это невѣдѣнье! Всякую гадость можно прикрыть имъ. Я нарочно собиралъ о немъ справки по дорогѣ; онъ здѣсь всѣхъ богаче: у него домъ въ Москвѣ и два магазина. А крестьяне его чуть не побираются. Онъ кулакъ, какихъ мало, кулакъ наглый и смѣлый. Говорятъ, онъ уменъ, но умъ этотъ помогаетъ ему только крѣпче забирать въ руки то, что̀ ему нужно, и изо всего извлекать выгоду. Вы ослѣпли, дитя мое, вы больны, и должны какъ можно скорѣе уѣхать отсюда.

— Уѣхать?—какъ во снѣ повторила Аглая.—Уѣхать? Да, да... пожалуй, что такъ. Это правда... здѣсь все какъ-то иначе...

Digitized by Google

мысли какія-то особенныя являются. Этотъ Орѣшниковъ... онъ такимъ добрымъ казался, и вдругъ... кулакъ... нѣтъ... это что-то не то... Вы преувеличиваете... О немъ всѣ говорятъ, что онъ... добръ и честенъ.

Она волновалась; лицо ея то блѣднѣло, то вспыхивало, и самыя разнообразныя чувства чередовались въ немъ.

Андрей смотрѣлъ на нее, не сводя глазъ, точно хотѣлъ изучить это лицо, ясностью котораго такъ недавно еще любовался. Онъ понялъ наконецъ, что въ двадцать четыре года мало той тихой, спокойной преданности, которою онъ неустанно окружалъ ее въ эти пять лѣтъ. „Въ ней появилось что-то новое, чего я не замѣчалъ до сихъ поръ“,—думалъ онъ, тревожно слѣдя за переливавшейся въ лицѣ ея горячей кровью, за огнемъ, чудно вспыхивавшимъ въ большихъ темныхъ глазахъ.

— Милая моя, милая, — тихо прошепталъ онъ, садясь подлѣ нея.—Научи, что мнѣ дѣлать, для того чтобы ты полюбила меня? Я бы полжизни отдалъ за это счастье, моя голубка! Мнѣ казалось безчестнымъ будить въ тебѣ тѣ искры, которыя, не церемонясь, пробудили здѣсь. А вѣдь въ нихъ-то и сила, какъ оказывается. Уѣдемъ, уѣдемъ, милая. Разводъ мой не выгорѣлъ, но это не помѣшаетъ, не можетъ помѣшать намъ слить воедино двѣ нашихъ жизни. Вѣрь, я съумѣю оградить тебя отъ бурь и волненій; мы будемъ принадлежать другъ другу всецѣло и безраздѣльно, будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ отдыхать отъ работы. Будемъ черпать другъ въ другѣ силу и крѣпость.

Онъ могъ говорить долго, безъ конца; Аглая его не слушала: опять что-то холодное подползло къ сердцу и застудило, защемило его.

„Развѣ объ этомъ сговариваются? Развѣ тутъ возможна преднамѣренность? Разсуждаетъ, взвѣшиваетъ, расцѣниваетъ. Этимъ и бракъ противенъ, это одна изъ его худшихъ сторонъ. То, что дѣйствительно сливаетъ вмѣстѣ двѣ жизни, должно подойти незамѣтно... невольно... нежданно. А иначе... иначе это—развратъ“—негодовала Аглая, цѣпенѣя отъ внутренняго холода. Но вотъ она почувствовала, что снова начинаетъ все забывать: и одинокіе дни, и тупоумную пошлость, окружавшую ея юные годы, тѣ годы, что обычно зовутся лучшими. Одинъ Андрей неугасимо свѣтилъ ей, одинъ изъ всѣхъ. А она ждетъ отъ него, ею же замученнаго, какихъ-то дикихъ, неудержимыхъ порывовъ. Сердце вдругъ какъ будто раскрылось, завѣса упала съ глазъ. Тамъ-то что, тамъ, куда она чуть было не ушла? Жизнь желудка и тысячи чужихъ жизней, цѣликомъ глотаемыхъ этимъ ненасытнымъ чудовищемъ. Жить изо дня въ день безъ идеала, безъ освѣжающей мысли; время отмѣчать

Digitized by Google

праздниками и именинами, сплетничать въ угоду пустотѣ, выжимать соки изъ крестьянъ во имя надутаго тщеславія, для пышнаго пилейфа и новой шляпки; воплотить въ самой себѣ типъ, признанный отжившимъ, заклейменный лучшими изъ лучшихъ людей. Вотъ жизнь, которую издали, въ бреду горячки, она приняла было за что-то заманчивое. Аглая вздрогнула и крѣпче прижалась къ плечу Андрея. Инстинктивно почувствовавъ въ ней возвратъ къ прежнему, Андрей наклонился и свѣтло, радостно заглянулъ ей въ глаза.

— Такъ сегодня уѣдемъ?—мягко спросила она.—Что́ мама? Я думаю, соскучилась?

— Да, разумѣется. Она поправилась, такая бодрая стала. Ждетъ насъ вмѣстѣ, какъ жениха и невѣсту. Голубка ты моя! Я отлично понимаю, что, живя здѣсь такъ долго, трудно не подпасть подъ общій уровень. Поэтому я не виню тебя и не напомню этого тебѣ никогда, ни однимъ словомъ,—сказалъ Андрей тихо и торжественно, какъ будто ставилъ надъ чѣмъ-то крестъ, какъ будто заранѣе отпускалъ какой-то тяжкій грѣхъ.

— Но что́ же было такого, за что́ меня можно винить? Въ вашемъ тонѣ мнѣ слышится подозрѣніе. Клянусь вамъ, что ничего и не было, кромѣ того, что́ я уже разсказала.

— Ну, хорошо... хорошо, я вѣрю, только успокойся, моя дѣточка, моя...

Аглая сердито вырвала руку.

— Нѣтъ, это ужасно! Вы ласкаете меня, какъ провинившагося ребенка. Да поймите же вы наконецъ, что я не чувствую себя нисколько виноватой ни передъ вами, ни даже передъ собой. Я не прошу и не хочу никакого снисхожденія. Если вы мнѣ не вѣрите, откажитесь отъ меня...

— Отказаться? Это легко по вашему?

— Да, это во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ продолжать прежнія отношенія ко мнѣ, уже потерявшей ваше довѣріе.

— Да вѣрю же я, вѣрю. Не упала, а только поскользнулась; съ кѣмъ этого не бываетъ. Значитъ, вѣрю, когда не ревну́ю и не спрашиваю. Давай, поговоримъ о другомъ; освѣжимъ немножко воздухъ Зеленаго.

Они вернулись домой подъ руку, оба спокойные, почти веселые. Лицо Аглаи было нѣсколько задумчивѣе обыкновеннаго; въ глазахъ Андрея стояло цѣлое море тихаго, теплаго свѣта.

„Обманула... вывернулась хитрая дѣвчонка“,—подумала Прасковья Борисовна, привѣтливо встрѣтившая ихъ за чайнымъ столомъ, уставленнымъ пирогами и ватрушками всевозможныхъ сортовъ.

Digitized by Google

— Загулялись, загулялись, братецъ,—нараспѣвъ протянула она.—Гдѣ нашли бѣглянку?

— На кладбищѣ, сестрица. Жилище мертвыхъ, какъ видно, любимое мѣстечко Аглаи Яковлевны.

— Я на немъ даже мѣсто выбрала для собственной могилы,—смѣясь, отвѣчала Аглая.—Если умру у васъ на глазахъ, Андрей Борисовичъ, дайте мнѣ слово перевезти сюда мой трупъ. Знаете, въ самомъ концѣ кладбища,—тамъ, гдѣ вязы переплелись густымъ сводомъ.

— Я уже второй разъ слышу такое мрачное желаніе,—ехидно усмѣхнулась Прасковья Борисовна.—Вы ужь какъ-то высказывали его Орѣшникову.

Аглая покраснѣла и молча прошла къ себѣ. За завтракомъ Андрей объявилъ сестрѣ, что долженъ какъ можно скорѣе вернуться въ Петербургъ, гдѣ его ждало какое-то неотложное дѣло. Прасковья Борисовна упрашивала его остаться, погостить хоть съ недѣльку, обѣщала познакомить съ сосѣдями, устроить пикникъ, но Андрей сдѣлалъ только маленькую уступку и отложилъ отъѣздъ до слѣдующаго дня. Вечеръ прошелъ прелестно; Андрей былъ веселъ, много разсказывалъ, игралъ на фортепіано и пѣлъ русскія пѣсни, до которыхъ былъ большой охотникъ и которыя пѣлъ прекрасно. Въ два часа ночи всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, а на утро слѣдующаго дня та же телѣжка, въ которой наканунѣ пріѣхалъ Андрей, опять подкатила къ крыльцу.

— Право, погостили бы, братецъ,—упрашивала Прасковья Борисовна, стоя на площадкѣ. — Вотъ и Аглаю Яковлевну увозите: такая скука у насъ опять настанетъ.

— Не могу, не могу, сестрица; радъ бы душой, да дѣло ждать не будетъ. Лучше вы ко мнѣ зимой пріѣзжайте; освѣжитесь, въ оперѣ побываете.

— Мегсі, непремѣнно. Аглая Яковлевна! Что же сказать отъ васъ сосѣдямъ? Они навѣрное обидятся, что вы уѣхали, не простившись.

— Извинитесь, придумайте что нибудь. Еще разъ благодарю васъ, милая Прасковья Борисовна. Прощайте, Грунюшка, спасибо вамъ. Дай вамъ Богъ жениха хорошаго.

— Пишите мнѣ, не забывайте, — сказала Прасковья Борисовна, еще разъ цѣлуясь съ Аглаей. — Бѣдный Орѣшниковъ! Вотъ огорченъ-то будетъ.

— Ступай!—скомандовалъ Андрей.

Отдохнувшія сытыя лошади дружно понесли ихъ по мягкой пыльной дорогѣ.

— Дура! Сама въ петлю лѣзетъ,—понеслось вслѣдъ Аглаѣ напутственное благословеніе радушной хозяйки.—Что ты рю-

Digitized by Google

мишь!—крикнула она на плачущую Груню, усердно махая платкомъ отъѣзжающимъ.—Пошла, принимайся за работу. Золото какое, подумаешь! Слава Богу, что чортъ унесъ!

Прасковья Борисовна вернулась въ домъ, хлопнула дверью и, наскоро одѣвшись, велѣла запрягать лошадей. Она злилась, не отдавая себѣ отчета, за что и на кого, и рѣшила ѣхать въ Орѣшниково, чтобы подразнить отъѣздомъ Аглаи Дмитрія Васильевича.

„Воображаю себѣ, какъ у него вытянется физіономія,—заранѣе злобствовала она.—Можетъ, узнаю тамъ, не было ли чего между ними. Онъ-то не скажетъ, ну а Секлетея Ильинишна врядъ ли утерпитъ".

Е. Дубровина.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ВѢКЪ ЭПИКУРЕЙСТВА.

(Черты нравовъ въ Россіи XVIII столѣтія).

XI.

Мы видѣли, что въ «златой вѣкъ»,—какъ титуловали поэты вторую половину прошлаго столѣтія,—наши эпикурейцы роскошно и прихотливо кушали; но и пили они также недурно, какъ сейчасъ увидимъ. Возможность крайняго излишества на этотъ счетъ, даже во дворцѣ и въ присутствіи самой императрицы, была, между прочимъ, предусмотрѣна извѣстными правилами для эрмитажныхъ собраній. Правила эти были написаны самой Екатериной, и 9-й параграфъ ихъ гласилъ: «Кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій всегда могъ найти свои ноги для выхода изъ дверей». Предполагалось, значитъ, что могутъ быть гости, которые безъ этого обязательнаго правила сами не «найдутъ своихъ ногъ», не догадаются о неумѣстности и неприличіи неумѣреннаго питья. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что смягченіе и облагороженіе нравовъ, съ распространеніемъ просвѣщенія и подъ обаятельнымъ вліяніемъ элегантнаго екатерининскаго двора и личности самой императрицы, пошли настолько успѣшно, что грубое и откровенное пьянство,—по крайней мѣрѣ, въ высшемъ столичномъ обществѣ,—сдѣлалось явленіемъ довольно рѣдкимъ, да и не всегда сходило съ рукъ безнаказанно. Когда на престолъ вступилъ императоръ Павелъ, и его любимые, знаменитые въ своемъ родѣ «гатчинцы», отличавшіеся казарменной неотесанностью и солдатской необузданностью, забрали силу и стали заявлять себя крайней нецеремонностью, то петербургскіе щеголи-гвардейцы были чрезвычайно скандализованы, видя, что ихъ новые коллеги среди бѣла дня посѣщаютъ грязные питейные дома и иногда выходятъ оттуда въ состояніи «еле можаху». Рѣчь идетъ не о солдатахъ, а объ офицерахъ, прошедшихъ гатчинскую

Digitized by Google

школу и, можно сказать, прославившихся своей неразвитостью и загрубѣлостью.

Усердные поклонники Вакха встрѣчались даже среди приближенныхъ Екатерины, но они большею частью умѣли съ этимъ скрываться, умѣли выбирать удобныя минуты для уединенныхъ возліяній. Таковъ былъ, между прочимъ, извѣстный Храповицкій, оставившій любопытный дневникъ, ловкій царедворецъ, успѣвшій, не смотря на свою слабость, десять лѣтъ держаться на отвѣтственной должности домашняго статсъ-секретаря императрицы. Онъ, по словамъ его біографа, Бантышъ-Каменскаго, напивался на ночь, «ложась спать, въ надеждѣ, что не будетъ потребованъ во дворецъ». Надежда эта иногда не оправдывалась. Случалось, что Екатерина призывала своего статсъ-секретаря не въ урочное время, когда онъ бывалъ въ подпитіи, и тогда Храповицкій, по разсказу своего родственника, В. А. Озерова, записанному графомъ Д. Н. Блудовымъ, «окачивался холодной водою, чтобы предстать къ монархинѣ въ сколько нибудь благообразномъ видѣ». Ему, кажется, удавалось скрывать отъ нея свой порокъ, но самъ онъ горько жаловался тому же Озерову, что возліянія мѣшали ему вести свой дневникъ болѣе обстоятельно и полно.

Менѣе счастливъ и искусенъ былъ по части укрывательства товарищъ Храповицкаго по управленію императорскими театрами, сенаторъ Стрекаловъ, состоявшій при кабинетѣ. Императрица съѣдала, что онъ, «сидя дома, пилъ», поэтому былъ «лѣнивцемъ» и привелъ въ крайній безпорядокъ театральныя дѣла.—«Довольно съ нимъ мучилась»,—потеряла, наконецъ, терпѣніе государыня, и Стрекаловъ былъ уволенъ отъ должности за пьянство и нерадивость. Но, повторяемъ, такихъ откровенныхъ, самообличавшихся пьяницъ встрѣчалось мало среди екатерининской придворной знати, хотя пьющихъ, и сильно пьющихъ, было достаточно. «Кто бы повѣрилъ,—записалъ Гаріовскій подъ 1788-мъ годомъ,—что графъ Завадовскій, ничего хмѣльнаго не пьющій, напивался до пьяна?» То есть, значитъ, что любившій выпить Завадовскій составилъ себѣ ложную репутацію строгаго трезвенника и такъ искусно носилъ эту маску, что никто не подозрѣвалъ въ немъ слабости къ хмѣльному зелью. Гаріовскій замѣтилъ объ этомъ въ своихъ запискахъ по поводу стараній Завадовскаго и графа Брюса подпоить бывшаго тогда «въ случаѣ» фаворита Мамонова съ интригантской цѣлью, «чтобы послѣ попойки воспользоваться слабостію его». Они попеременно устраивали для него у себя пышные ужины, не достигавшіе, кажется, намѣченной цѣли; зато Завадовскій, безплодно стараясь подпоить Мамонова, самъ акуратно

Digitized by Google

«изъ преданности къ нему», напивался каждый разъ. Мамоновъ же избѣгалъ ловушки не потому, чтобы онъ не былъ кутилой, но изъ весьма понятныхъ въ его положеніи осторожности и недовѣрія къ хлѣбосольнымъ хозяевамъ, «на «преданность» которыхъ вообще было очень рискованно полагаться. А разсчетъ-то Завадовскаго и Брюса былъ не безосновательенъ. Мамоновъ, дѣйствительно, любилъ хорошо поужинать. Во время своего фавора, живя въ Зимнемъ дворцѣ и получая изъ кабинета столовыхъ 400 рублей въ день, да около двухсотъ рублей на вино, онъ устраивалъ у себя частыя вечернія пирушки, съ роскошными ужинами, на которые, по свидѣтельству Державина, «менѣе не съѣзжалось, какъ человѣкъ двадцать, и гдѣ происходили разныя веселья». Изъ другихъ приближенныхъ и фаворитовъ Екатерины большими кутилами въ молодости были Орловы, посредствомъ попоекъ вербовавшіе участниковъ въ произведенномъ ими дворцовомъ переворотѣ въ 1762 г. Самый переворотъ этотъ увѣнчался гомерическимъ пьянствомъ. «Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ были растворены,—разсказываетъ достовѣрный очевидецъ.—Пошелъ пиръ на весь міръ, солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, ниво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина, и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбора въ кадки и бочонки, что у кого случилось». Потомъ, казна заплатила за это угощеніе хозяевамъ разграбленныхъ питейныхъ заведеній нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Жестоко кутили, послѣ отставки, экс-фавориты Зоричъ и Корсаковъ, ведя въ своихъ пожалованныхъ имѣніяхъ самую безпорядочную жизнь среди непрерывныхъ пировъ, попоекъ и всяческихъ излишествъ. Такую же велъ жизнь роскошный, сластолюбивый Безбородко, кончившій водянкой отъ неумѣреннаго пьянства. Подобно Храповицкому, онъ умѣлъ, однако, ловко скрывать свою слабость отъ императрицы, которой обязанъ былъ, по своей должности, представляться ежедневно. Онъ умѣлъ выбирать моменты для своихъ оргій и нерѣдко, послѣ безпутно проведенной напролетъ ночи, окачивался холодной водою и являлся во дворецъ, какъ встрепанный, съ докладомъ, который, случалось, тутъ же импровизировалъ. Разъ какъ-то, государыня прислала за нимъ не въ урочный часъ, когда Безбородко находился въ сильномъ подпитіи. Что было дѣлать? Безбородко приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился этимъ способомъ и явился предъ царскія очи, какъ ни въ чемъ не бывало.

«Горькую» пилъ подъ конецъ жизни и Потемкинъ, пилъ отъ кручины и обиды за утраченное вліяніе надъ императрицей, без-

Digitized by Google

завѣтно подчинившейся страсти къ ненавистному для него Платону Зубову. На это намекаетъ Державинъ. «Князю (т. е. Потемкину) при дворѣ было очень плохо,—записалъ онъ въ своихъ мемуарахъ подъ 1791 годомъ.—Злоязычники говорили, что онъ часто пьянъ напивается, а иногда какъ бы сходитъ съ ума»...

Екатерининскіе моралисты крайне не одобряли поведеніе и нравовъ гвардіи. «Всѣмъ извѣстно,—говоритъ, напр., Болотовъ,—что ничто все благородное россійское юношество такъ много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служа, дѣлались они и повѣсами, и шалунами, и мотами, и буянами, и негодяями; словомъ, гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою». Впрочемъ, и армейская среда въ провинціи едва ли была лучше въ этомъ отношеніи. Служившій въ армейскомъ полку Энгельгардтъ разсказываетъ, какъ онъ, подъ вліяніемъ компаніи, чуть «не впалъ было въ гнусный порокъ» пьянства. Все почти офицерство въ полку кутило, не исключая полковника, который, «слѣдуя англійскому обычаю, подпивалъ послѣ обѣда». А полкомъ командовалъ, надо замѣтить, князь Дашковъ, сынъ знаменитой сподвижницы Екатерины, получившій блестящее англійское воспитаніе. Послѣобѣденныя возліянія состояли изъ пунша, ставшаго у насъ весьма распространеннымъ и любимымъ напиткомъ съ конца прошлаго столѣтія. На столѣ воздвигалась тотчасъ послѣ обѣда огромная ваза съ пуншемъ, и хозяинъ, вмѣстѣ съ гостями—офицерами своего полка (тогда полковые командиры почти обязательно держали открытый столъ для подначальныхъ офицеровъ), принимались ее методически опустошать. Энгельгардтъ, тогда еще молодой, не искушенный человѣкъ, не пилъ, вслѣдствіе чего «товарищи мои,—разсказываетъ онъ,—стали надо мной подшучивать, что похожъ ли я на гренадерскаго офицера: водки и пунша не пью и трубки не курю? Желая быть въ числѣ короткихъ пріятелей полковника и быть настоящимъ гренадерскимъ офицеромъ, сперва пилъ я въ угожденіе, потомъ это вошло въ привычку и, наконецъ, не только у полковника, но уже я искалъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы подпить: словомъ сказать, ни одного дня не проходило, чтобы я не былъ пьянъ». Къ счастью для разсказчика, въ полкъ былъ переведенъ одинъ старый и добрый его знакомый, степенный секундъ-майоръ, и, живя въ одной палаткѣ съ Энгельгардтомъ, сталъ ему рѣзко выговаривать за его нетрезвость, а въ заключеніе сказалъ, что если тотъ не перестанетъ пьянствовать, то онъ съ нимъ разстанется. На молодаго человѣка

Digitized by Google

эта укоризна подѣйствовала благотворно и онъ уже на всю жизнь былъ спасенъ отъ «гнуснаго порока».

И дѣйствительно, при существовавшихъ условіяхъ общежитія и моральномъ уровнѣ окружающей среды, уберечься отъ этого порока равнялось почти чудесному спасенію, выпадавшему на долю счастливцевъ только по особо удачному стеченію обстоятельствъ. Напримѣръ, Фонъ-Визинъ въ своемъ автобіографическомъ «Чистосердечномъ признаніи» исповѣдуется, что, только благодаря постоянно удручавшей его смолоду сильной головной боли, «не сдѣлался онъ пьяницей, къ чему однако имѣлъ *великій случай* и склонность». А могъ ли соблазнительный «случай» быть не «великимъ», когда заразительный примѣръ безпросыпнаго пьянства подавали даже педагоги обучаемому ими юношеству! Въ московскомъ университетѣ, во время Фонъ-Визина, учителя, какъ говоритъ его біографъ, «были не только люди малосвѣдущіе, но между ними были и горькіе пьяницы. Капитанъ Чернявскій, который показывалъ начатки ариѳметическіе, пилъ горькую чашу, а объ латинскомъ учителѣ, Яремскомъ, правдивая лѣтопись университета внесла сказаніе, что «онъ, за пьянствомъ, не являлся на лекціи по нѣсколько мѣсяцевъ» и, когда къ нему являлся докторъ для освидѣтельствованія,—то находилъ его съ утра пьянымъ. Даже патентованные, высокоученые академики, въ большинствѣ, были пьяницами, начиная съ геніальнаго Ломоносова, не однажды сиживавшаго на съѣзжей за неукротимое буйство въ «пьяномъ естествѣ». Въ собраніи матеріаловъ для его біографіи, Билярскаго, находится нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ о скандалезнѣйшихъ «непорядкахъ» нашего знаменитаго ученаго. По показанію свидѣтелей, Ломоносовъ «всегда былъ пьянъ», чѣмъ и объяснялись самые «непорядки» такого, напр., сорта:—то Михаилъ Васильевичъ, «идучи мимо чрезъ конференцію, около стола господъ профессоровъ, усмѣхался и, остановившись, ударялъ въ ладоши и кукишъ показывалъ», то, засѣдая съ ними, ссорился, ругался матерно и лѣзъ драться, то врывался къ своимъ недругамъ въ жилища и чинилъ невообразимый дебошъ. Однажды, когда у академическаго садовника Іогана Штурма сидѣли гости, Михаилъ Васильевичъ «незнаемо съ какого умыслу» забрался къ его служанкѣ. «Потомъ, пришедъ ко мнѣ въ горницу,—жаловался Штурмъ,—говорилъ онъ, какіе нечестивые у меня гости сидятъ, что епанчу его украли; на что ему отвѣтствовалъ бывшій у меня въ гостяхъ ингерманландскаго полку лѣкарь Брашке, что ему, Ломоносову, непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ, за что онъ его въ

Digitized by Google

голову ударилъ и, схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, почалъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказывая бить всѣхъ до смерти; и, выскочивъ я изъ окна, почалъ караулъ звать, и, пришедъ я назадъ, засталъ гостей своихъ на улицѣ битыхъ и жену свою прибитую, которая, беременна и ходитъ на сносяхъ, выскочила отъ бою его, Ломоносова, также изъ окошка и лежитъ больна. А тесть мой, каморъ-конторы переводчикъ Иванъ Грове, раненъ въ руку и битъ до полусмерти; также бывшій у меня въ гостяхъ академіи бухгалтеръ Прейсеръ лежитъ отъ бою его при смерти. И, разбивъ зеркало и двери, шпагою рубилъ» и т. д. Погромъ этотъ былъ подтвержденъ слѣдствіемъ и былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ: Ломоносовъ всю академію держалъ въ трепетѣ, не разъ подвергался аресту за «безчинные въ пьянствѣ поступки», судился за нихъ въ сенатѣ и только «ради довольнаго его обученія» подвергался довольно снисходительнымъ взысканіямъ.

Если другіе академики вели себя смирнѣе, то пили они не меньше, за немногими исключеніями. Гречъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что «многіе изъ нихъ были люди невысокой нравственности, т. е. просто пьяницы». Не составлялъ исключенія и выдававшійся между ними, извѣстный своею талантливостью и основательной ученостью, Озерецковскій. По словамъ Греча, онъ «былъ вздорный, злоязычный сквернословъ и горькій пьяница». Случился разъ съ Озерецковскимъ и его коллегами такой характеристическій анекдотъ. Академикъ Л. В. Ваксель, возвратясь изъ Англіи, куда онъ ѣздилъ съ ученой цѣлью, задалъ товарищамъ пирушку. Жилъ онъ гдѣ-то за Владимірской церковью, въ глуши (тогда эта мѣстность считалась еще глухой) и потому, когда подвыпившіе гости, часа въ три зимней ночи, собрались домой, то извощиковъ для нихъ нельзя было найти.

— Ну, вези, какъ хочешь, собака-нѣмецъ!—сказалъ пьяный Озерецковскій хозяину.

— Да у меня, Николай Яковлевичъ,—отвѣтилъ тотъ,—одна только лошадь, да обшевни.

— Умѣстимся какъ нибудь! Вели закладывать, а мы пока выпьемъ еще по маленькой на подковку лошадей.

— Дѣло!—согласился Ваксель и приказалъ подать миску свѣжаго пуншу.

Пока закладывали лошадь, маститые академики такъ употчивались, что не могли сдвинуться съ мѣста. Ихъ снесли въ сани, уложили и приказали кучеру бережно свезти въ домъ академіи, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ и сдать каждаго въ его квартиру по принадлежности. Семерыхъ кучеръ сдалъ въ академическомъ

Digitized by Google

домѣ, а восьмаго свезъ въ его собственный домъ и, сдавъ послѣдняго его человѣку, съ облегченнымъ сердцемъ сказалъ:

— Ну, слава Богу, всѣхъ сдалъ счетомъ!

— Какъ всѣхъ?—возразилъ слуга.—Тамъ никакъ еще одинъ!

— Что ты? Я принялъ счетомъ восемь.

— Да нѣтъ же, тамъ въ саняхъ еще одинъ.

Принесли фонарь, стали смотрѣть и, дѣйствительно, нашли еще сверхсмѣтнаго, девятаго:—это былъ самъ хозяинъ, Ваксель, невѣдомо какъ улегшійся вмѣстѣ съ пріятелями.

«И много носилось такихъ анекдотовъ о членахъ академіи наукъ»,—заключаетъ разсказчикъ. А мало ли однородныхъ анекдотовъ носилось и о тогдашнихъ писателяхъ! Сколько ихъ разсказывалось, напр., про одного Кострова, который и самъ нерѣдко подшучивалъ надъ своей преданностью Бахусу. Даже на одрѣ смерти нашелся онъ сказать шутливо Карамзину:

— Странное дѣло:—всегда я, кажется, пилъ одно горячее (т. е. вино), а умираю отъ озноба!

Его уморила изнурительная лихорадка. Костровъ во хмѣлю бывалъ тихъ и нѣженъ; любилъ онъ, чтобы въ такія минуты читали ему «Вертера», и, слушая, заливался слезами. Не таковъ былъ высокомѣрный, самомнящій и задорный Сумароковъ. Удивительныя происходили у него встрѣчи съ Ломоносовымъ. Оба они другъ друга ненавидѣли и взаимно перекорялись пьянствомъ. Встрѣчались они нерѣдко у извѣстнаго мецената, графа Шувалова, и, не взирая на мѣсто и высокій санъ хозяина, обмѣнивались такимъ діалогомъ:

— Не вѣрьте вы ему, ваше превосходительство,—онъ все лжетъ!—кричалъ Сумароковъ еще съ порога, входя къ Шувалову и видя его въ бесѣдѣ съ Ломоносовымъ.—Удивляюсь, какъ вы пускаете къ себѣ такого негодяя и пьяницу!

— Самъ ты—подлецъ, пьяница и неучъ!—не оставался въ долгу Михаилъ Васильевичъ.

И въ такомъ стилѣ перебранка тянулась въ продолженіе всей встрѣчи. Если таковы были сливки общества, если въ такой степени было распространено злоупотребленіе спиртными напитками даже среди высшей столичной интеллигенціи, то легко судить, что творилось, въ этомъ отношеніи, въ провинціи и въ мало-культурныхъ слояхъ мелкаго чиновничества, дворянства и мѣщанства. Бывши въ Козловѣ, въ 1788 г., Болотовъ удивлялся мѣстнымъ чиновникамъ, «какъ это-де люди и по самымъ утрамъ могутъ пить, какъ свиньи». По его же наблюденіямъ, вся общественная жизнь тогдашняго провинціальнаго россіянина исчерпывалась «изряд-

Digitized by Google

ными угощеніями», попойками, картами да охотами, да распутствомъ. Особенно широкіе размѣры принимала гульба во время различныхъ съѣздовъ въ городахъ. Тогда пиры шли нескончаемой чередой. Разъ, во время такого съѣзда въ Богородицкѣ, гдѣ служилъ Болотовъ, его начальникъ, Давыдовъ, наскучивъ однообразіемъ «изрядныхъ угощеній» въ городѣ, пригласилъ все уѣздное общество въ подвѣдомственное ему казенное имѣніе Іевлево, на звѣриную ловлю. «И едва компанія расположилась въ деревнѣ, какъ и началось у нихъ тамъ,—разсказываетъ Болотовъ,—пьянство, буянство, собираніе бабъ, скачка, пляска и всякія гадкости, и такія безпутства, что я, услышавъ объ ихъ проказахъ, пожималъ только плечами и содрогался»... Оргія безпросыпно продолжалась къ ряду нѣсколько дней и, только благодаря экстренному вызову Давыдова калужскимъ намѣстникомъ, оборвалась въ самомъ развалѣ.

Пьянство чиновниковъ, не только провинціальныхъ, но и столичныхъ, было явленіемъ заурядным и общеизвѣстнымъ. Удивлялись не тому, что чиновникъ пьетъ, а тому, что онъ трезвъ, такъ какъ, дѣйствительно, непьющіе между ними встрѣчались рѣдко. Въ своей «Ябедѣ», метко обличавшей пороки приказныхъ конца прошлаго столѣтія, Капнистъ, насчетъ ихъ огульнаго пристрастія къ дарамъ Бахуса, влагаетъ въ уста одного дѣйствующаго лица слѣдующую характеристику:

„Вѣрь, что хоть напролетъ всеночну пропушшуютъ,
Проспавшись, какъ ни въ чемъ, вновь мертву чашу дуютъ,
И что, не клюнувши и чарки и другой,
Въ судъ ни одинъ изъ нихъ не ступитъ и ногой“...

Это исторически вѣрно. Понятно, какъ шло дѣлопроизводство и какъ отправлялось правосудіе при такомъ безпросыпномъ «пушеванѣ» жрецовъ Ѳемиды и охранителей государственнаго интереса. Спьяна творились иногда чиновниками изумительныя и просто безумныя вещи. Князь С. М. Голицынъ разсказываетъ, что разъ, въ концѣ царствованія Екатерины, произошелъ въ сенатѣ такой казусъ. Въ одну изъ сенатскихъ канцелярій поступилъ указъ, только что подписанный собственноручно императрицей. Когда разошлось присутствіе, оставшійся на дежурствѣ подьячій, по обыкновенію, послалъ сторожа за водкой и напился пьянъ. Пьяный, онъ принялся за чтеніе бумагъ, и, когда прочелъ на новомъ указѣ: «быть по сему», вдругъ сказалъ себѣ: «анъ, врешь—не быть по сему!». Подъ наитіемъ сумасбродной фантазіи, схватилъ онъ перо и весь листъ указа исписалъ словами: «врешь,

Digitized by Google

не быть по сему!» Сдѣлавъ это дѣло, подьячій легъ спать и на утро, забывъ о своей дерзости, ушелъ домой. Когда хватились указа и нашли его въ такомъ испакощенномъ видѣ, канцеляріей овладѣлъ ужасъ. Бросились къ генералъ-прокурору, кн. Вяземскому, который поѣхалъ съ указомъ къ государынѣ и упалъ передъ ней на колѣни, каясь въ оплошности.

— Ну, что жъ?—сказала Екатерина.—Я напишу другой указъ, но вижу въ этомъ перстъ божій: должно быть, мы рѣшили неправильно; пересмотрите дѣло!

И дѣйствительно, при пересмотрѣ, дѣло оказалось рѣшеннымъ неправильно.

XII.

Познакомившись въ предшествовавшихъ очеркахъ съ разнообразнымъ эпикурействомъ по части ѣды и питья нашихъ прихотниковъ и сластолюбцевъ прошлаго вѣка, мы перейдемъ теперь, слѣдуя нашему плану, къ проявленіямъ роскоши и расточительности въ домашней обстановкѣ и, вообще, во внѣшнемъ ритуалѣ жизни.

До нашихъ дней, какъ извѣстно, сохранились со всей обстановкой въ неприкосновенности нѣкоторые дворцы и дома, въ которыхъ жилъ Петръ В. Кто посѣщалъ эти жилища и видѣлъ ихъ старинную утварь и убранство, тотъ знаетъ, въ какой изумительной степени они незатѣйливы, просты и даже мизерны, сравнительно, напр., съ нынѣшними роскошными жилищами хотя бы только средней руки, не говоря уже о царскихъ палатахъ. Петръ не любилъ жить въ обширныхъ помѣщеніяхъ и потому, при немъ, даже петербургскіе дворцы, лѣтній и зимній, были очень малы и съ такими маленькими комнатами, что обыкновенно большія придворныя собранія и пиры устраивались либо въ Почтовомъ домѣ, гдѣ имѣлись просторныя залы, либо въ огромномъ палаццо кн. Меньшикова (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ на Васильевскомъ островѣ). Въ Москвѣ царскія пиршества давались тоже не во дворцѣ, а въ обширномъ домѣ Лефорта.

Скромный и нетребовательный лично для себя, Петръ однако желалъ, чтобы его любимцы и вельможи жили широко и обзаводились великолѣпными домами, особенно въ Петербургѣ, который ему такъ хотѣлось поскорѣе обстроить, расширить и украсить, чтобы сдѣлать достойнымъ названія «парадиза». На этотъ счетъ царь издалъ даже законодательное требованіе, обязавъ

Digitized by Google

указомъ привлеченныхъ къ жительству въ Петербургѣ «лутчихъ людей» изъ разныхъ сословій—строиться какъ можно шире и щеголеватѣе. Такъ, по указу 1712 г., петербургскіе обыватели, владѣвшіе 250—500 дворами крестьянъ, обязаны были строить, по предписанному плану, двухъэтажные каменные дома не менѣе 8—10 саженъ по фасаду; владѣвшіе 150—250 дворами должны были строить такіе же дома въ складчину, соединяясь по двое; только мелкопомѣстнымъ дворянамъ и низшихъ ранговъ служилымъ людямъ разрѣшалось имѣть деревянные или мазанковые дома. Надо, впрочемъ, замѣтить, что, не взирая на эти понудительные указы, Петербургъ въ прошломъ столѣтіи застроивался довольно плохо и только въ центральныхъ улицахъ щеголялъ кое-какимъ благоустройствомъ и пышными барскими палатами; окраины же его, которыя начинались тогда (уже въ дни Екатерины) сейчасъ же за Фонтанкой и даже отчасти за Мойкой, представляли собой жалкія, тонувшія въ грязи и перемежаемыя обширными пустырями, поселенія. Что касается зарѣчныхъ—Петербургской и Выборгской—сторонъ, то тамъ въ тѣ времена еще охотились на дикихъ звѣрей. Еще менѣе благоустроенный видъ представляла Москва. Видѣвшій ее въ 70-хъ гг. французъ Белькуръ говоритъ:—«Нельзя лучше представить себѣ Москву, какъ въ видѣ совокупности многихъ деревень, безпорядочно размѣщенныхъ и образующихъ огромный лабиринтъ... Вы видите тутъ огромныя, роскошно разукрашенныя палаты», которыя окружены дрянными, маленькими домишками... Кремль состоитъ изъ безпорядочныхъ, полуразрушенныхъ построекъ... Улицы дурно проложены и также дурно содержатся. Благоустроенныхъ общественныхъ зданій нѣтъ»...

Преемники Петра уже не довольствовались его тѣсными, скромными дворцами. При Аннѣ Ивановнѣ былъ задуманъ, по плану славнаго архитектора, графа де-Растрелли, огромный Зимній дворецъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ и теперь стоитъ. Основаніемъ ему послужилъ, завѣщанный двору владѣльцемъ, большой домъ генералъ-адмирала Ѳ. М. Апраксина. Поселившись въ этомъ домѣ послѣ коронаціи, Анна Ивановна назвала его «Императорскимъ дворцомъ». Въ апраксинскомъ домѣ было шестьдесятъ комнатъ; онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ домовъ въ столицѣ. При Екатеринѣ I, въ немъ поселился, послѣ женитьбы на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, герцогъ голштинскій, для котораго его наняли за три тысячи рублей, что, по нынѣшнимъ цѣнамъ, баснословно дешево.

Не смотря на громадность апраксинскаго дома, Аннѣ Ива-

Digitized by Google

новнѣ было въ немъ тѣсно. По ея повелѣнію, были скуплены всѣ смежные дома, потомъ сломанные, и на ихъ мѣстѣ началъ въ 1732 г. строиться Зимній дворецъ по плану Растрелли, а покамѣстъ, для пышныхъ и многолюдныхъ придворныхъ празднествъ, была сооружена наскоро особая зала, «которая,—по словамъ видѣвшей ее леди Рондо,—казалась гораздо обширнѣе, нежели зала св. Георга въ Виндзорѣ». Вотъ въ какомъ волшебномъ видѣ въ трескучую зиму увидѣла ее наблюдательная англичанка:—«Зала была украшена померанцовыми и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту. Деревья, разставленныя шпалерами, образовали съ каждой стороны аллею, между тѣмъ какъ среди залы оставалось довольно пространства для танцевъ. Эти боковыя аллеи доставляли гостямъ возможность отдыхать, потому что укрывали садившихся отъ взоровъ государыни. Красота, благоуханіе и тепло въ этой своего рода рощѣ,—тогда какъ изъ оконъ видны были ледъ и снѣгъ,—казались чѣмъ-то сказочнымъ и наполняли душу пріятными мечтами. Въ смежныхъ комнатахъ гостямъ подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; въ залѣ гремѣла музыка и происходили танцы; аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами въ праздничныхъ платьяхъ... Все это заставляло меня думать, что я нахожусь въ странѣ фей».

У наслѣдовавшей Аннѣ Ивановнѣ, послѣ небольшаго межеумочнаго антракта, Елизаветы Петровны и вкусы, и понятія о просторѣ въ домашней обстановкѣ и претензіи на внѣшнее царственное великолѣпіе оказались еще капризнѣе и шире. Одобренные Анной Ивановной, планъ и размѣръ дворца уже не удовлетворили ея — она желала бо́льшаго. По вступленіи на престолъ, Елизавета Петровна, при содѣйствіи назначенной ею особой комисіи, распорядилась сломать на половину уже возведенныя стѣны Зимняго дворца и на ихъ мѣстѣ начать постройку новаго, гораздо обширнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго, по плану все того же де-Растрелли. Императрица, однако, не дождалась его окончанія. Вполнѣ оконченъ онъ былъ уже при Екатеринѣ II-ой, въ 1764 г., такъ что постройка его длилась безъ малаго двадцать пять лѣтъ. Ушло на нее 2.622,020 руб. 19$^{3}/_{4}$ коп. Эти историческія «три четверти копѣйки» — весьма характеристическая деталь наивной отчетности казенныхъ строителей прошлаго столѣтія, да отчасти и нынѣшняго. Только въ наши трезвенные дни эти скрупулезные грошики и полушки утратили, къ сожалѣнію, въ глазахъ контроля свой обаятельный престижъ «честности высокой»...

Ожидая окончанія постройки Зимняго дворца, Елизавета Пет-

Digitized by Google

ровна жила во временномъ деревянномъ, построенномъ у нынѣшняго Полицейскаго моста. Онъ былъ огроменъ и занималъ цѣлый кварталъ. Внутреннее великолѣпіе его было таково, что увидѣвшій его впервые Болотовъ «не могъ, по его словамъ, довольно всему насмотрѣться, и показалось ему, что былъ тогда передъ нимъ сущій рай». Императрица Елизавета, въ своихъ постройкахъ, въ своей придворной обстановкѣ,—какъ и во всемъ,—была безмѣрно великолѣпна и расточительна. Ей главнымъ образомъ обязанъ Петергофъ своими, понынѣ удивительными, сооруженіями и увеселительными затѣями; она воздвигла и громадный дворецъ въ Царскомъ Селѣ на мѣстѣ скромной мызы, построенной Петромъ. Когда дворецъ этотъ былъ оконченъ и императрица спросила кого-то изъ придворныхъ острослововъ — чего еще недостаетъ этому сооруженію?—тотъ льстиво отвѣтилъ: «футляра»! И точно, футляръ тутъ былъ бы не лишнимъ. Дворецъ былъ украшенъ снаружи причудливыми, густо насаженными орнаментами, на позолоту которыхъ вышло чистаго золота 6 пудовъ, 17 фунтовъ и 2 золотника. Конечно, на самомъ дѣлѣ, вышло его меньше, такъ какъ должна же была, по естественному порядку, прилипнуть порядочная его частица къ распоряжавшимся имъ рукамъ; но все же и на стѣнахъ осталось золота расточительно много, особенно, если принять во вниманіе убійственное вліяніе петербургскаго климата. Уже въ дни Екатерины позолота эта слиняла и орнаменты были окрашены желтой краской. Не менѣе поразительны были внутреннія украшенія и убранства этого дворца. Напримѣръ, всѣхъ современниковъ приводила въ восторгъ и оторопь «янтарная комната», замѣчательная сама по себѣ, но еще болѣе способомъ пріобрѣтенія для нея матеріаловъ. Эти матеріалы—кафли и орнаменты изъ янтаря—были вымѣнены Анной Ивановной у прусскаго короля Фридриха Вильгельма на восемьдесятъ рослыхъ русскихъ рекрутовъ. Король этотъ, какъ извѣстно, до умоизступленія любилъ исполиновъ-солдатъ и ничего не жалѣлъ для ихъ пріобрѣтенія, откуда бы то ни было, въ ряды своей гвардіи.

Императрица Екатерина II очень любила строиться, съ тщеславнымъ разсчетомъ украсить свое царствованіе наглядными «вещественными знаками» фундаментальности, грандіозности и, притомъ, экономности «маленькаго хозяйства бѣдной вдовы», какъ любила она въ веселую минуту называть свое управленіе Россіей и саму себя. Дѣйствительно, въ ея царствованіе воздвигнуто много капитальныхъ построекъ. Напримѣръ, при ней и по ея мысли, «въ гранитъ одѣлася Нева», проведена подземная ка-

Digitized by Google

нализація въ Петербургѣ, послужившая, впрочемъ, къ вящему засоренію петербургскихъ рѣкъ и каналовъ, построены многія церкви, дворцы и общественныя зданія. Все это, по словамъ современнаго панегириста (См. «Описаніе обитающихъ въ Рос. Гос. народовъ», изд. 1799 г.), было выстроено «съ такимъ вкусомъ, какого и въ самой нѣмецкой землѣ рѣдко найти можно... Зиждущіяся, какъ Кадмово воинство, градскія великолѣпнѣйшія и преогромныя зданія вездѣ, въ цѣлой Россіи, и притомъ съ такою неимовѣрною поспѣшностью, суть тому неоспоримѣйшимъ доказательствомъ».

Обратимся, однако, къ частнымъ постройкамъ, наиболѣе характеристичнымъ и интереснымъ въ чертѣ нашей задачи.

Къ концу царствованія Петра, въ Петербургѣ имѣли уже большіе, по европейски построенные и убранные дома: князья Меньшиковъ и Черкасскій, графы Апраксинъ, Головкинъ, Шафировъ, адмиралъ Крюйсъ, Кикинъ и др. Они были частью голландской, частью итальянской архитектуры, со статуями и орнаментами на фронтонахъ. Нѣкоторые, притомъ, имѣли довольно курьезныя украшенія. Напримѣръ, домъ «князь-папы» Бутурлина вѣнчался куполомъ, на которомъ возвышалась статуя Бахуса. Объ обширности этихъ хоромъ можно судить по тому, напр., что въ домѣ Апраксина, какъ мы уже знаемъ, имѣлось шестьдесятъ комнатъ; столько же, если не болѣе еще, въ домѣ Меньшикова, въ которомъ была и самая большая въ Петербургѣ зала. Славился своей огромной залой также домъ Шафирова, перешедшій впослѣдствіи къ академіи наукъ. Внутреннее убранство вельможескихъ домовъ петровскаго, да и позднѣйшаго времени, часто представляло довольно странную смѣсь великолѣпія съ безвкусіемъ и изысканности съ неряшествомъ. Обыкновенно, къ такимъ палатамъ вели широкіе подъѣзды съ крыльцами или колоннадами. Большія парадныя сѣни со сводами, опиравшимися на мраморныя (или, по крайней мѣрѣ, отдѣланныя подъ мраморъ) колонны, всегда были наполнены многолюдной челядью—швейцарами, выѣздными лакеями, скороходами, гайдуками или «гусарами», которые верхомъ сопровождали барскій экипажъ и очищали для него путь отъ встрѣчныхъ пѣшеходовъ, извощиковъ и мужичьихъ телѣгъ. Изъ сѣней шла широкая каменная лѣстница во второй этажъ, гдѣ помѣщались по лицевому фасаду парадныя комнаты. Самые роскошные дома въ прошломъ столѣтіи рѣдко были выше двухъ этажей; четырехъэтажные же появляются у насъ не ранѣе нынѣшняго столѣтія. Точно также искусство располагать комнаты *анфиладой*, хотя и изобрѣтенное

Digitized by Google

въ прошломъ вѣкѣ французами, было еще мало распространено у насъ. Парадные покои состояли изъ залъ и гостинныхъ. Въ главной залѣ, часто въ два свѣта, стѣны украшались венеціанскими зеркалами въ золоченыхъ рамахъ; потолокъ, какъ и во всѣхъ другихъ комнатахъ, расписывался живописью al-fresco; съ него спускались мѣдныя золоченыя люстры, освѣщаемыя восковыми свѣчами, полъ былъ «штучный», т. е. паркетный изъ разноцвѣтнаго дерева въ затѣйливомъ сочетаніи. Въ залахъ стояла легкая крашеная мебель, обитая сафьяномъ или сукномъ. Въ гостинныхъ стѣны были или оклеены французскими «шпалерами», или обиты парчами, штофами, «глясетравчатымъ», «баркателью» и др. матеріями, въ рамахъ рѣзныхъ или золоченыхъ съ такими же панелями. Мебель, состоявшая изъ орѣховыхъ, дубовыхъ, краснаго и пальмоваго дерева, иногда корельской березы, софъ, канапэ, креселъ и стульевъ, набитыхъ шерстью, покрывалась тою же матеріей, что и стѣны, нерѣдко съ серебряными и золотыми аграмантами по краямъ. Пружинныя подушки въ сидѣньяхъ не были еще извѣстны въ прошломъ столѣтіи. Одинаковыя съ мебелью «гарденаплевыя» занавѣски украшали двери и окна съ металлическими золочеными рамами. Кромѣ того, разставлены были, гдѣ умѣстно, массивные, съ богатой рѣзьбою, библіотечные и буфетные шкафы и бюро, ломберные и «кадрильные» столики, металлическіе «коридоны» (guéridon), «нагдыши», туалеты, часы съ фигурами, китайскія вещи, дорогой фарфоръ и пр. Въ спальныхъ комнатахъ помѣщались подъ балдахинами изъ дорогой шолковой матеріи, «съ выкладками позументовыми и съ вырѣзными изъ парчей травами», пышныя кровати съ атласными матрасами, въ «канфовыхъ» наволокахъ, и перинами съ камчатными, часто мѣховыми одѣялами. Для тепла полъ покрывался, какъ въ спальнѣ, такъ и въ другихъ покояхъ, овчинами, а сверху ихъ—коврами. Комнатными коврами русскаго дѣла славился въ первой половинѣ прошлаго столѣтія фабрикантъ Затрапезный. Отапливались покои «камельками» и голландскими печами. «Камельки» эти, однако, мало грѣли, отличаясь совершенно первобытнымъ устройствомъ. Разъ былъ такой случай уже съ Екатериной II-й. Императрица, вставъ какъ-то очень рано и не желая тревожить еще спавшую прислугу, сама затопила въ своей комнатѣ камелекъ, но едва огонь вспыхнулъ, какъ изъ трубы послышался отчаянный вопль и моленіе немедленно погасить огонь. Оказалось, что въ трубу забрался, для исполненія своей обязанности, трубочистъ. Государыня, конечно, исполнила его требованіе, но, во избѣжаніе на будущее время возможности проникнуть этимъ пу-

Digitized by Google

темъ какому нибудь злоумышленнику, трубу забрали внутри желѣзной рѣшеткой. Изъ этого видна вся безхитростность тогдашней строительной техники:—труба отъ камина шла перпендикулярно, безъ всякихъ колѣнъ и приспособленій для сохраненія тепла, а такъ, какъ устраивали ее при какомъ нибудь царѣ Горохѣ. Голландскія печи больше служили своему назначенію, хотя и встрѣчались только въ богатыхъ домахъ. Онѣ утверждались на свинцовыхъ фигурныхъ, позолоченныхъ или посеребренныхъ, ножкахъ. Ставились иногда также въ жилыхъ комнатахъ кафельныя «лежанки», сильно нагрѣвавшіяся, самое употребленіе которыхъ уже указываетъ на то, что въ тогдашнихъ даже барскихъ хоромахъ зимой не много было тепла.

Дѣйствительно, бо́льшая часть этихъ домовъ, за описываемый періодъ и особенно въ Петербургѣ, при всей своей внѣшней пышности, не отличались ни теплотой, ни уютностью, ни удобствами. Они были сыры и холодны. Екатерина въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что, когда она была еще великой княгиней, то въ ея покояхъ во дворцѣ стояла иногда вода чуть не по колѣно, печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя щели и дымили. А разъ, лѣтомъ, живя въ загородномъ придворномъ домѣ, въ Гостилицахъ, она съ великимъ княземъ чуть не поплатилась жизнью. Домъ этотъ въ одно прекрасное утро самъ собой обрушился. Катастрофа произошла въ ту минуту, когда въ домѣ всѣ еще спали; къ счастію, въ это время явился по какому-то дѣлу сержантъ Левашовъ и, замѣтивъ, что домъ трещитъ и изъ подъ него вываливаются камни, поднялъ тревогу и вынесъ на рукахъ Екатерину, отдѣлавшуюся только легкими ушибами.

Вообще, въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, нашъ восемнадцатый вѣкъ гонялся только за внѣшними эффектами, хлопоталъ только о показной сторонѣ, о наружномъ блескѣ, и мирился съ самой жалкой сущностью за кулисами. Надутая, тщеславная риторика во всемъ—отличала тогдашняго нашего «европейца» и часто прикрывала собой самую безотрадную пустоту, грязь и грубость. Эти претензіи бывали иногда совершенно комическія, но—что́ всего характеристичнѣе и страннѣе—ими задавались не только частныя лица въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но, случалось, и государственная власть. Напримѣръ, при Екатеринѣ II, въ желаніи придать Петербургу, «по примѣру другихъ европейскихъ столицъ», видъ многолюдства, благоустройства и красоты, правительство распорядилось, по именному императорскому указу, скрыть досадные для глаза пустыри въ городѣ по-просту декораціями. Были намѣчены, по плану, несу-

Digitized by Google

ществовавшія на дѣлѣ площади и улицы, и обнесены «казеннымъ коштомъ одною нереднею фасадою съ перевезьми». Эта курьезная «фасада» изображала рядъ фальшивыхъ, мнимыхъ домовъ. Въ довершеніе, предполагалось декорировать еще эти необитаемыя игрушечныя площади, «въ память Россіи, славныхъ дѣлъ монументами». Извѣстно, что позднѣе, во время достопамятнаго путешествія Екатерины по пустынной Новороссіи, находчивый Потемкинъ тѣшилъ ее и свиту по пути такими же театральными декораціями многолюдныхъ деревень, пышныхъ барскихъ усадебъ, райскихъ садовъ и тучныхъ пажитей. И этимъ балаганнымъ «благоглупостямъ» съ напускной искренностью «благоудивлялись», такъ какъ хотѣли быть обманываемыми, и риторическій, льстивый, «насъ возвышающій обманъ» былъ дороже горькой истины, да и маскировка ея, хотя бы самая грубая, формально снимала съ покладистой совѣсти всякую отвѣтственность.

Эта черта довольно рельефно сказалась въ самомъ характерѣ и во вѣшности построекъ прошлаго столѣтія. Бо́льшая часть ихъ отличалась безвкусной претензіей на величавость, псевдоклассичность и монументальность, а на самомъ дѣлѣ все это было только вычурно и отчасти нелѣпо. На всемъ лежала печать рабскаго и не всегда умѣлаго подражанія. Явились самодѣльные «Тріаноны», «Монплезиры», «Сансуси», «Монрепо́», «храмы славы», «бельведеры» и тому подобные, часто смѣшные, сколки съ знаменитыхъ зданій античной и новѣйшей европейской архитектуры. Еще до сихъ поръ можно кое-гдѣ видѣть у насъ остатки этихъ странныхъ, по своей претенціозности, затѣй минувшаго фразистаго вѣка. Въ разсчеты строителей входили не столько насущныя потребности и житейскія удобства, сколько суетное желаніе поразить, блеснуть и озадачить внѣшнимъ эффектомъ. Не смотря на изумительную для нашихъ дней тогдашнюю дешевизну труда и всякихъ строительныхъ матерьяловъ, тщеславные вельможи умудрялись истрачивать на сооруженіе своихъ хоромъ громадныя суммы, а нерѣдко даже разоряться на постройкахъ. У одинокаго холостяка Безбородко были два дома, въ Петербургѣ и Москвѣ, которые поражали иностранцевъ своей огромностью и роскошью. «Во всей Европѣ,—записалъ видѣвшій ихъ польскій король Станиславъ Понятовскій,—не найдется ничего подобнаго въ пышности и убранствѣ». Особенно поразилъ короля московскій домъ Безбородко, постройка котораго обошлась въ 700,000 рублей, не считая внутренняго убранства. Строился онъ девять лѣтъ. Говоря о послѣднемъ, Понятовскій нашелъ «особенно пре-

Digitized by Google

красивыми бронзы, ковры и мебель, чрезвычайно покойную и удобную... Многіе,—заключаетъ онъ,—видѣвшіе Сенъ-Клу въ то время, когда онъ совсѣмъ былъ отдѣланъ для французской короны, утверждали, что въ украшеніи Безбородкина дворца и болѣе пышности, и болѣе вкуса». При Павлѣ, весьма благоволившемъ къ Безбородко, описанный здѣсь московскій домъ послѣдняго былъ купленъ дворцовымъ вѣдомствомъ за 670,000 рублей.

Вообще, Москва не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ Петербурга, но часто и затмѣвала его. Когда, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ нее пріѣхалъ впервые императоръ Александръ I, московскіе баре были крайне непріятно изумлены скромностью и простотой новаго двора, и «вознаграждали себя только тѣмъ,—какъ разсказываетъ извѣстная Волкова,—что разорялись на балы въ пику петербургскимъ скаредамъ. Одна изъ племянницъ гр. Разумовскихъ получила шифръ, и ея тетка, желая по этому поводу дать въ честь двора праздникъ, рѣшила для этого купить вновь одной мебели тысячъ на сто»...

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

НА ТРОНѢ.

Историческій романъ изъ царствованія Людвига II баварскаго.

Кларисы Лоде.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Ясное осеннее утро золотило верхушки высокихъ сосенъ стараго лѣса. Молодой человѣкъ, съ котомкой за плечами, бодро подвигался впередъ по проѣзжей дорогѣ, называвшейся Королевской, потому что она вела къ одному изъ новыхъ дворцовъ короля Людвига. Этотъ извилистый путь отлого поднимался въ гору и съ него открывались великолѣпные виды. Передъ глазами путника появлялась то тихая долина, то монастырь, окруженный зелеными рощами, то глубокія пропасти, съ обрывистыми высокими скалами по окраинамъ, а вдалекѣ высились снѣговыя горы, ясно обрисовываясь на свѣтлой синевѣ неба. Молодой человѣкъ снялъ соломенную шляпу и осмотрѣлся вокругъ блестящими отъ восторга глазами. Свѣжій осенній вѣтерокъ игралъ его русыми волнистыми волосами, обвѣвая румяное юношеское лицо. Эти ясные глаза, такъ привѣтливо смотрѣвшіе на божій міръ, очевидно, еще не знали жгучихъ слезъ настоящаго горя, а слегка загорѣлыя щеки пылали румянцемъ здоровья. Путешественникъ, отдохнувъ немного, собирался уже двинуться дальше, какъ вдругъ замѣтилъ облако пыли на поворотѣ дороги, шедшей къ монастырю; онъ едва успѣлъ посторониться, какъ мимо него пронеслась легкая охотничья коляска, запряженная двумя великолѣпными лошадьми золотисто-рыжей масти. Въ экипажѣ неподвижно сидѣлъ мужчина, плотно закутавшись въ плащъ и низко надвинувъ на глаза широкополую шляпу.

«Король»—прошепталъ юноша; его веселое лицо сдѣлалось задумчивымъ и онъ продолжалъ путь съ сосредоточеннымъ видомъ.

Digitized by Google

Вскорѣ передъ нимъ показалась рѣшетка королевскаго парка. Ворота, откуда сію минуту выѣхалъ экипажъ, были снова заперты. Не зная дороги, молодой человѣкъ съ недоумѣніемъ осматривался по сторонамъ. Стоявшіе на часахъ сторожа спросили его:

— Вѣрно, вы идете въ ближайшую гостинницу? — и на утвердительный отвѣтъ сказали, что ему надо повернуть вправо, огибая паркъ.

Онъ поблагодарилъ ихъ молчаливымъ поклономъ и пошелъ по указанной дорогѣ. На слѣдующемъ поворотѣ, передъ его глазами выступилъ изъ чащи зеленыхъ деревьевъ королевскій замокъ, отражавшійся въ серебристой поверхности горнаго озера; другое недоконченное строеніе виднѣлось неподалеку на крутомъ обрывѣ. Юноша невольно остановился, любуясь волшебной картиной. Едва ли можно было представить себѣ что нибудь болѣе романическое: посреди суровыхъ дикихъ скалъ, точно какимъ-то чудомъ раскинулся великолѣпный дворецъ оригинальной архитектуры; сторожевая башня смѣло поднимала къ небу свой высокій шпиль; оттуда, какъ съ птичьяго полета, можно было окинуть взглядомъ всю очаровательную панораму горнаго ландшафта съ его лѣсами, пропастями, извилистыми дорогами и озерами. Однако беззаботная веселость окончательно исчезла съ лица юноши. Постоявъ немного, онъ прибавилъ шагу и черезъ полчаса остановился противъ деревенской гостинницы съ высокой крышей и деревянными балконами. Домикъ смотрѣлъ необыкновенно привѣтливо. Хозяинъ въ опрятномъ костюмѣ горца стоялъ у дверей, почтительно кланяясь гостю. Въ отворенной настежъ кухнѣ хлопотала у очага пожилая, немного сгорбленная женщина; ей помогала молоденькая нарядная дѣвушка въ крестьянскомъ платьѣ и нѣсколько служанокъ.

— Господь васъ помилуй, молодой баринъ! Славная сегодня погодка для путешествія!—обратился трактирщикъ къ молодому человѣку, вѣжливо отворивъ ему дверь въ общую залу.

— Отличная погода!—отвѣчалъ тотъ, садясь къ столу, покрытому свѣжей скатертью, и принимаясь заказывать завтракъ.

— А позвольте спросить, молодой господинъ, куда лежитъ вашъ путь?—спросилъ хозяинъ, подсаживаясь къ гостю съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать.

— Мнѣ еще нужно пройти часа два; я иду къ лѣсничему фонъ-Фельдау,—откровенно отвѣчалъ посѣтитель.—Не дадите ли вы мнѣ провожатаго?

Трактирщикъ слегка поклонился, какъ бы изъ почтенія къ названному имени лѣсничаго.

Digitized by Google

— Такъ вы, вѣроятно, господинъ фонъ-Рандау, новый ученикъ, котораго ожидаетъ къ себѣ нашъ старшій лѣсничій?

Молодой человѣкъ удивился.

— Да, мое имя, дѣйствительно, Георгъ фонъ-Рандау, но какимъ образомъ вамъ оно извѣстно?

— Очень просто, молодой господинъ; господа Фельдау нерѣдко заходятъ къ намъ и мы слышали эту новость. Моя двоюродная сестра, которая теперь хозяйничаетъ у меня, служила много лѣтъ экономкой у родственниковъ супруги господина лѣсничаго. Если вамъ будетъ угодно немножко подождать, то вы можете даже отправиться отсюда въ охотничій замокъ вмѣстѣ съ г-жею Фельдау. Она только что проѣхала съ дочерьми въ монастырь и черезъ часъ непремѣнно вернется.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—возразилъ Георгъ;—въ экипажѣ едва ли найдется для меня свободное мѣсто.

— А, можетъ быть, и найдется! Г-жа Фельдау очень любезна, а съ учениками своего мужа обходится точно родная мать, хотя сама она еще молодая женщина.

— Вѣрю, вѣрю; профессоръ Вальбургъ много разсказывалъ мнѣ о ней.

— Ахъ, ты, Господи!—раздалось восклицаніе изъ отворенныхъ дверей кухни, откуда только что вышла нарядная дѣвушка, неся на подносѣ завтракъ.

Сгорбленная старушка послѣдовала за нею въ комнату. Она вытерла передникомъ руки и приблизилась къ посѣтителю, почтительно присѣдая чуть не на каждомъ шагу.

— Ахъ, ты, Господи!—повторила она.—Такъ вы знакомы съ господиномъ Ромуальдомъ? Тогда ужь позвольте мнѣ присѣсть и послушать, что вы про него станете разсказывать!

Женщина тщательно вытерла стулъ и сѣла, не обращая вниманія на очевидное недовольство хозяина.

— Вы должны знать, молодой господинъ,—словоохотливо начала она,—что я помню г-на Ромуальда, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Въ то время я служила экономкой у кастеляна Стернау на Тегернскомъ озерѣ и прожила тамъ десять лѣтъ ровнехонько съ той поры, когда кастелянъ овдовѣлъ, и до самой его смерти. Онъ приходился роднымъ братомъ матери господина Ромуальда и г-жи Фельдау, супруги лѣсничаго. Молодые господа часто пріѣзжали къ намъ въ лодкѣ, въ королевскій замокъ, навѣстить Францль... Вы изволили слышать о Францль, о красавицѣ Стернау, которая сначала пѣла на театрѣ, а потомъ поступила въ монастырь?—Да, баринъ, она сдѣлалась монахиней; ее назы-

Digitized by Google

вали послѣ постриженія сестрой Эфеміей, и сегодня минуло ровно восемь лѣтъ, со дня ея смерти.

Трактирщикъ откашлялся довольно громко и прервалъ старуху съ очевидной досадой:

— Ну, зачѣмъ ты болтаешь, сестрица?—Это все старыя исторіи, которыя не интересны новому человѣку.

Женщина принялась перебирать пальцами передникъ, а потомъ вытерла имъ глаза.

— Да, да,—подтвердила она, кивая головой.—Конечно, это старыя исторіи; однако господину Ромуальду онѣ настолько же памятны, какъ и мнѣ. Онъ остался одинокимъ, потому что слишкомъ ужь любилъ свою Франциль... Ахъ, не разъ подумаешь, какъ была бы она съ нимъ счастлива, какъ была бы счастлива, еслибъ не король...

— Замолчи, сестрица; перестань!—довольно рѣзко перебилъ трактирщикъ.—Вы, бабы, вѣчно болтаете, о чемъ не слѣдуетъ. Пожалуйста, молодой баринъ, потѣшьте ее, разскажите, какъ поживаетъ г. профессоръ Вальбургъ!—Ей некогда; она должна идти на кухню. Не такъ-ли, Бербель?—обратился онъ къ дѣвушкѣ, которая только что кончила накрывать столъ.

— Разумѣется, тетушка, у насъ дѣла много.—Не сидите здѣсь долго.

— Все, что я могу сообщить о профессорѣ Вальбургѣ, скажется въ двухъ словахъ, милая бабушка,—отвѣчалъ Георгъ, обращаясь къ Терезѣ:—«онъ работаетъ».

— А кто работаетъ, тотъ и доволенъ судьбою, сестрица; это вы сами знаете,—вмѣшался хозяинъ.—Ну, вотъ съ васъ и довольно.

Старуха поднялась со стула.

— Вижу, хозяинъ, вамъ не хочется, чтобъ я стала разсказывать о томъ, что пережила и что видѣла. Пусть будетъ по вашему; не смотрите на меня такъ сердито; я иду на кухню. А вы, молодой господинъ, скажите Ромуальду Вальбургу при свиданіи, чтобы онъ навѣстилъ насъ непремѣнно, какъ пріѣдетъ сюда. Вотъ его сестрица—дай Богъ ей здоровья!—не пренебрегаетъ нами, даромъ что стала лѣсничихой. Она помнитъ свою молодость, надо правду сказать, и не гордится тѣмъ, что вышла за дворянина.

Съ этими словами, Резя еще разъ кивнула Георгу и пошла слѣдомъ за молоденькой Бербель, которая поспѣшила запереть кухонную дверь по знаку трактирщика.

— Надо вамъ сказать,—началъ тотъ въ видѣ извиненія,—что

Digitized by Google

моя двоюродная сестра иногда болтаетъ страшный вздоръ; на нее не надо обращать вниманія. Она была просватана за лейбъ-егеря Бурдаха и когда тотъ погибъ ужасной смертью—сказать правду, онъ былъ большой негодяй и заслужилъ свою участь,—то наша бѣдная Рези немножко рехнулась съ горя. У нея несовсѣмъ ладно въ головѣ—хозяинъ постукалъ себя по лбу—но, впрочемъ, она полезна въ хозяйствѣ и не дѣлаетъ никому вреда.

— Я уже слышалъ кое-что о пѣвицѣ Стернау,—сказалъ Георгъ,—только не отъ профессора Вальбурга, конечно; онъ избѣгаетъ говорить про нее. Но я знаю... вѣдь она была его кузиной...

— Совершенно вѣрно, и такая красавица, такая превосходная дѣвушка! Объ ней распустили неблаговидные слухи только изъ-за того, что король училъ ее пѣнію на свой счетъ, а потомъ она вдругъ покинула театръ и поступила въ монастырь, хотя ей всѣ предсказывали громкую славу. Теперь фрейлейнъ Стернау уже умерла; сегодня исполнилось ровно восемь лѣтъ со дня ея смерти, какъ вы слышали сейчасъ отъ Терезы.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Георгъ.—И ея прахъ погребенъ въ монастырѣ, который виденъ отсюда?

— Да, потому-то г-жа Фельдау и поѣхала нынче къ ней на могилку. Она не пропускаетъ никогда этого дня и всегда привозитъ вѣнокъ усопшей.

Рандау подумалъ о королѣ. Вѣрно, онъ также возвращался съ поминокъ. Значитъ, этотъ нелюдимъ, котораго всѣ называли ненавистникомъ женщинъ, хотя одинъ разъ въ жизни любилъ истинной любовью? При этой мысли Георгъ почувствовалъ искреннюю симпатію къ королю; до сихъ поръ до него доходили слухи только о необыкновенныхъ странностяхъ государя, удалявшагося отъ людей и проводившаго жизнь въ уединеніи.

— Король живетъ теперь въ замкѣ Нейшванштейнъ?—спросилъ онъ, видимо заинтересованный.

Трактирщикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Онъ постоянно переѣзжаетъ сюда въ это время года. Прежде ему больше нравилось въ Швейцарскомъ домикѣ, который находится еще выше, въ самыхъ горахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ умеръ капельмейстеръ Рейнгардъ, съ которымъ они проводили тамъ по нѣсколько недѣль ежегодно, этотъ дворецъ наскучилъ государю. Нашъ король ужасно чувствителенъ ко всему.

— А вы иногда видите его?

— Какой странный вопросъ!—Впрочемъ, я знаю, какіе нелѣпые слухи ходятъ про короля въ Мюнхенѣ. Тамъ болтаютъ,

Digitized by Google

будто бы онъ не допускаетъ къ себѣ по цѣлымъ днямъ, и даже недѣлямъ, ни одной человѣческой души. Это все выдумки, а если тутъ есть крупинка правды, то изъ мухи слона дѣлаютъ. Нашъ король—человѣкъ добрѣйшій и входитъ во всѣ нужды бѣдняковъ. Онъ знаетъ здѣсь въ окрестности всѣхъ и каждаго и со всѣми разговариваетъ. Разумѣется, у него много странностей. Но у кого изъ высокопоставленныхъ лицъ нѣтъ ихъ? Государь, правда, не похожъ на обыкновенныхъ людей, однако если онъ удаляется отъ свѣта, кто въ этомъ виноватъ, кто отравилъ ему жизнь?—Ахъ, молодой господинъ, какъ пораздумаешь обо всемъ да посмотришь вокругъ, то невольно душа заноетъ!.. Вѣдь нашего короля мучатъ, обманываютъ, доводятъ его до разныхъ сумасбродствъ, а потомъ и пускаютъ нарочно молву по всему свѣту, чтобъ очернить его, какъ нельзя хуже. Недаромъ онъ прячется отъ людей и не хочетъ никого видѣть.

Трактирщикъ одушевился.

— Очень можетъ быть,—замѣтилъ Георгъ,—но если у короля нѣтъ истинныхъ друзей, чья же въ томъ вина? Разумѣется, его собственная. Зачѣмъ же онъ совсѣмъ ушелъ отъ общества, забрался въ горы и не пускаетъ къ себѣ никого?

Хозяинъ покачалъ головой.

— Это не такъ, молодой господинъ; вы ошибаетесь. Королю хотѣлось бы имѣть друга, друзья у него даже были; онъ привязывался къ нимъ всей душой и имъ удавалось отвлекать его отъ странностей и чудачествъ. Но приближенные, едва только замѣтятъ, что у государя завелся фаворитъ, какъ тотчасъ начинаютъ интриговать противъ него безъ конца и тому по неволѣ приходится удалиться отъ двора. Впрочемъ, вы сами должны были слышать о Рейнгардѣ; вотъ вамъ примѣръ, чего же лучше!—И, придвинувшись ближе къ Рандау, словоохотливый старикъ шепнулъ ему на ухо:—Теперь опять разыгрывается такая же исторія; вы услышите объ ней въ домѣ господина лѣсничаго. Дѣло идетъ объ адъютантѣ его величества, графѣ Адлерсгорстѣ... Честнѣйшій, великодушнѣйшій человѣкъ, преданный государю безо всякой лести! Какъ только графъ Адлерсгорстъ пріѣзжаетъ въ замокъ, король становится веселъ, обходителенъ, и мрачныя минуты, когда онъ избѣгаетъ общества, находятъ на него рѣже. Но надо же и тутъ случиться бѣдѣ: въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отсюда, въ Гольдау, баронъ Эберсдорфъ выстроилъ себѣ виллу и живетъ тамъ каждое лѣто. Онъ женатъ вторично, первая жена была у него женщина превосходная и оставила ему дочь, фрейлейнъ Паулу; а потомъ онъ женился на одной итальянкѣ, двоюродной сестрѣ

Digitized by Google

лѣсничаго Фельдау. Фрейлейнъ Паула—красавица собой, обходительная и, можетъ быть, добрая, если мачиха не испортила ея. Только вотъ что худо: домъ барона Эберсдорфа—настоящее гнѣздо заговоровъ противъ нашего всемилостивѣйшаго короля. Тамъ бываютъ всѣ, кто стремится къ новому образу правленія. Вы услышите, потомъ, молодой господинъ, въ какихъ отношеніяхъ находилась бывшая графиня Маріо, теперешняя баронесса Эберсдорфъ, къ принцу Генриху. А тутъ еще лукавый попуталъ графа Адлерсгорста влюбиться въ баронессу Паулу и черезъ нѣсколько дней будетъ ихъ свадьба!

Трактирщикъ съ досадой замолчалъ.

— Ну, что жъ изъ этого?—спросилъ Георгъ.

— Какъ что? Развѣ вы не понимаете? Съ этой женитьбой король теряетъ своего единственнаго друга, который запутался въ сѣтяхъ его враговъ. Остается еще графъ Гольдбергъ, шталмейстеръ; онъ пользуется полнымъ довѣріемъ государя, а между тѣмъ это первый предатель, чему я имѣю несомнѣнныя доказательства. Вотъ увидите: пройдетъ немного времени, и графу Адлерсгорсту дадутъ высокій постъ при дворѣ герцога Фердинанда, а король опять останется одинокимъ.

— Но если король не захочетъ,—возразилъ Рандау, недовѣрчиво качая головой, — кто можетъ заставить его отпустить отъ себя молодаго графа?

— Не безпокойтесь: все будетъ подстроено въ лучшемъ видѣ! Тутъ всѣ постараются, начиная съ высшихъ сановниковъ до послѣдняго камердинера. Хотя люди, преданные королю, втихомолку сжимаютъ кулаки, но они слишкомъ слабы, чтобы защитить его, и государя нарочно возстановляютъ противъ нихъ, внушая ему недовѣріе именно къ этимъ людямъ.

— Но какъ это все можетъ быть вамъ извѣстно? — спросилъ Георгъ съ прежнимъ недоумѣніемъ.

— Вы удивляетесь, молодой господинъ? — замѣтилъ, смѣясь, трактирщикъ.—Вы думаете: какъ это простой содержатель деревенской гостинницы знаетъ о томъ, что дѣлается при дворѣ. Но вѣдь мой родной племянникъ Іосифъ Зеппъ, какъ его здѣсь называютъ по-просту—служитъ камеръ-лакеемъ у его величества, а Зеппъ помолвленъ съ моей дочерью Бербель. Теперь понимаете, откуда до меня доходятъ вѣсти? Кромѣ того, трактирщику всегда приходится случайно слышать много новостей. И графъ Адлерсгорстъ, и графъ Гольдбергъ, и даже самъ благочестивый аббатъ фонъ-Эйхфельдъ, духовникъ ея величества королевы, не брезгаютъ заходить сюда выпить чего нибудь прохладительнаго; а итальянка

Digitized by Google

съ падчерицей часто отдыхаютъ у насъ во время прогулокъ по горамъ.

Съ этими словами онъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Я сейчасъ услышалъ стукъ экипажа; это, должно быть, пріѣхала супруга лѣсничаго,—замѣтилъ хозяинъ.

II.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошла полная дама небольшаго роста съ веселымъ, привѣтливымъ лицомъ. Всѣ обитатели дома съ хозяиномъ во главѣ привѣтствовали ее самымъ почтительнымъ образомъ. За ней шли двѣ дѣвочки-подростка, лѣтъ тринадцати и одиннадцати; при нихъ была гувернантка. Живые, каріе глаза Катерины фонъ-Фельдау смотрѣли также весело и ласково на божій міръ, какъ и въ то время, когда она была просто Катей Вальбургъ, беззаботной рѣзвушкой, выросшей среди деревенскаго приволья. По ея лицу было видно, что это счастливая жена и мать, вполнѣ довольная своей семейной жизнью. Узнавъ отъ трактирщика о прибытіи новаго ученика своего мужа, она тотчасъ протянула руку Георгу и, привѣтливо улыбаясь, предложила ему мѣсто въ своемъ экипажѣ. По ея словамъ, Гретель, младшая дѣвочка, будетъ въ восторгѣ, если ей позволятъ сѣсть на козлы. Но Рандау, конечно, энергически воспротивился этому и объявилъ, что самъ сядетъ рядомъ съ кучеромъ. Въ сущности, ему было бы пріятнѣе продолжать свой путь пѣшкомъ, но онъ не могъ отказаться отъ любезнаго приглашенія симпатичной молодой женщины. Рези заранѣе распорядилась завтракомъ для пріѣзжихъ, такъ что онъ моментально явился на столѣ. Во время ѣды завязалась оживленная бесѣда, въ которую былъ вовлеченъ и Георгъ. Его стали разспрашивать о профессорѣ Вальбургѣ. Слушая подробности объ уединенной жизни брата и о томъ уваженіи, которое онъ пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ, Катерина видимо была растрогана; ея глаза жадно смотрѣли на говорившаго и отливали влажнымъ блескомъ отъ сдержаннаго волненія.

Отецъ Георга, знаменитый филологъ, подружился съ Ромуальдомъ и даже дѣлилъ съ нимъ свои ученые труды; по совѣту молодаго Вальбурга, онъ отдалъ сына въ лѣсной корпусъ, а потомъ опредѣлилъ въ ученики къ лѣсничему Фельдау; живая, воспріимчивая натура юноши влекла его къ жизни посреди природы и у Георга не было охоты къ усидчивой кабинетной работѣ ученаго. Единственная особа, не принимавшая никакого участія въ общемъ

Digitized by Google

разговорѣ, была фрейлейнъ Эмма Вальдовъ, гувернантка дѣтей Катерины, молодая дѣвушка лѣтъ двадцатипяти. У нея было необыкновенно серьезное лицо, не отличавшееся красотою, но привлекательное выраженіемъ грустной покорности, запечатлѣвшейся въ его чертахъ. Бѣлокурая, худенькая и блѣдная, Эмма Вальдовъ казалась безжизненной, когда сидѣла съ опущенными глазами, но стоило ей поднять ихъ, какъ все лицо ея оживало. Эти голубовато-сѣрые глаза таили въ себѣ столько огня, такъ странно блестѣли и были такъ печальны, что невольно вызывали сочувствіе къ тихой, задумчивой дѣвушкѣ, въ которой положительно сказывалось что-то загадочное. Она произвела сильное впечатлѣніе на Георга; онъ дѣлалъ попытки разговориться съ нею, но она отвѣчала ему съ большою сдержанностью. Эмма оставалась молчаливой и на обратномъ пути, отвѣчая только на вопросы г-жи Фельдау, между тѣмъ какъ ея воспитанницы, темнорусая Франциска и бѣлокурая Катерина, весело болтали всю дорогу.

Охотничій замокъ, гдѣ жилъ старшій лѣсничій, представлялъ собою старинное зданіе шестнадцатаго столѣтія, выстроенное посреди лѣса въ чрезвычайно живописной мѣстности. Пѣнистый ручей, выбѣгая изъ темной расщелины скалы, орошалъ покрытыя богатой растительностью луговины, примыкавшія къ обширному саду. Этотъ клочокъ земли былъ тщательно обработанъ и отличался обиліемъ плодовыхъ деревьевъ. Широкое шоссе спускалось внизъ по лѣсной просѣкѣ; оно вело къ ближайшему мѣстечку, богатой горной деревнѣ Гольдау, куда въ лѣтнее время наѣзжало много богачей изъ столицы, настроившихъ здѣсь уютныя, красивыя дачи. И этотъ идиллическій лѣсной уголокъ былъ окруженъ вѣнцомъ суровыхъ горъ, грозно громоздившихся одна на другую, блестя на солнцѣ снѣговыми вершинами. Георгъ съ восторгомъ осматривался вокругъ. Онъ съ самаго дѣтства мечталъ поселиться въ горной мѣстности, вдали отъ городскаго шума. Въ такой обстановкѣ душа невольно должна проникнуться чувствомъ высокаго и прекраснаго, а сердце—сбросить съ себя оковы мелкихъ страстей. Въ эту минуту, болѣе чѣмъ когда нибудь, ему стало понятно пристрастіе короля къ уединенію посреди горъ.

Но, впрочемъ, имѣетъ ли право король, повелитель цѣлой страны, отъ котораго зависитъ благосостояніе или бѣдствіе многочисленнаго народа, не нарушая священныхъ обязанностей, слѣдовать вполнѣ своимъ наклонностямъ и руководствоваться только личными вкусами? Можно ли въ наше тревожное время, въ эпоху упорнаго труда, пытливаго мышленія, неудержимыхъ порывовъ впередъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, преда-

Digitized by Google

ваться безплоднымъ мечтамъ, тѣмъ болѣе на мѣстѣ избранника судьбы, призваннаго создать свѣтлую будущность цѣлой націи и оставить по себѣ неизгладимый слѣдъ на страницахъ исторіи? Здравый смыслъ Георга рѣшительно отвѣчалъ: «нѣтъ» на этотъ вопросъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ глубоко сочувствовалъ человѣку съ благородной, возвышенной душой, который не вынесъ борьбы съ грубой дѣйствительностью и замкнулся въ себѣ, чтобы населить идеалами, недостижимыми въ жизни, волшебный мірокъ, созданный собственной фантазіей. Зачѣмъ не нашлось посреди его приближенныхъ никого, кто рѣшился бы предостеречь короля, открыть ему глаза на опасности, грозившія со всѣхъ сторонъ, вывести его изъ апатіи, чтобъ онъ сорвалъ маску съ лицемѣровъ и показался своему народу энергичнымъ, увѣреннымъ въ своей нравственной силѣ государемъ, какимъ его знали въ молодые годы! Кто способенъ на такой подвигъ? Георгъ пытливо вглядывался то въ того, то въ другаго изъ обитателей охотничьяго зáмка. Конечно, въ этомъ домѣ, больше чѣмъ гдѣ нибудь, король Людвигъ пользовался неизмѣнной преданностью. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоило взглянуть на открытое симпатичное лицо лѣсничаго Фельдау; въ бородѣ и на вискахъ Эриха стала показываться легкая сѣдина, но его глаза смотрѣли по прежнему ясно, и въ нихъ выражались счастливое довольство и энергія. Такое же пріятное впечатлѣніе производилъ старый лѣсничій Вальбургъ, державшійся прямо и бодро, не смотря на свои годы; онъ только что пріѣхалъ навѣстить дочь изъ своего дома на Тегернскомъ озерѣ. Посѣщенія отца становились съ каждымъ годомъ все рѣже; теперь онъ пріѣзжалъ въ охотничій зáмокъ не иначе, какъ по какому нибудь экстренному случаю. Увидѣвъ отца, Катерина взглянула на него съ нѣкоторой тревогой, потому что здоровье ея матери стало съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно ослабѣвать. Вальбургъ поспѣшилъ успокоить ее, не объясняя однако причины своего пріѣзда. Онъ поздоровался съ зятемъ и внуками, особенно нѣжно погладивъ бѣлокурую головку младшаго, пятилѣтняго Эриха, который съ громкимъ крикомъ радости выбѣжалъ на встрѣчу дѣда. Зная Георга заочно, по письмамъ Ромуальда, лѣсничій принялся разспрашивать его объ отсутствующемъ сынѣ; онъ говорилъ по обыкновенію ласково и оживленно, но Катеринѣ все таки казалось, что отецъ чѣмъ-то озабоченъ; однако она не стала приставать къ нему съ разспросами, потому что на столѣ уже дымилась миска съ супомъ.

За столомъ разговоръ мало по малу перешелъ на короля, которому опять грозили придворныя интриги. Людвигъ истощилъ

Digitized by Google

казну разорительными постройками, и это дало поводъ его противникамъ возбудить неудовольствіе въ народѣ.

— Рѣшительно не понимаю,—воскликнулъ старый лѣсничій,—почему изъ-за этой прихоти короля поднимаютъ столько шуму, какъ будто онъ разорилъ всю страну! Его покойный отецъ имѣлъ ту же страсть къ возведенію роскошныхъ зданій, и казна безпрекословно выдавала ему втрое больше того, въ чемъ отказываетъ теперь Людвигу II-му.

— Ты забываешь, отецъ,—прервалъ Фельдау, улыбаясь горячности старика,—что мы живемъ въ конституціонномъ государствѣ. Покойному королю не приходилось испрашивать разрѣшенія палатъ, когда ему требовались деньги.—Вальбургъ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами.

— Но развѣ страсть государя къ новымъ постройкамъ не приноситъ пользы народу?—проворчалъ онъ.—Сколько людей черезъ это имѣютъ занятіе и заработокъ, какое развитіе получили искусство и промышленность. Кромѣ того, въ этой прихоти король находитъ свою единственную отраду; жестоко лишать его такого, въ сущности, невиннаго развлеченія.

Супруги Фельдау только тяжело вздохнули, обмѣнявшись краснорѣчивымъ взглядомъ. Имъ обоимъ пришла на память бѣдная Франциска, такъ рано сошедшая въ могилу послѣ своего кратковременнаго счастья, съ его неожиданной и трагической развязкой. Тоска о погибшей любви продолжала терзать ее и въ стѣнахъ монастыря. Франциска не выдержала борьбы съ собою и умерла, произнося имя короля въ послѣднюю минуту. Людвигъ также не забылъ ея; каждый годъ онъ пріѣзжалъ въ это время въ замокъ Нейшванштейнъ и посѣщалъ скромную могилу сестры Эфеміи. Въ порывѣ юношеской любви, онъ поклялся своей подругѣ, что никогда не полюбитъ другую, и сдержалъ свое слово. Съ тѣхъ поръ король не зналъ ласкъ другой женщины; въ свѣтѣ смѣялись надъ нимъ, называя его ненавистникомъ женскаго пола, но Катерина понимала, что король хотѣлъ остаться вѣренъ памяти Франциски и, какъ благородный человѣкъ, не желалъ вторично искать любви, сознавая, что онъ никого не могъ осчастливить ею.

Послѣ обѣда, Вальбургъ удалился со своимъ зятемъ въ рабочій кабинетъ.

— Что привело тебя сюда?—спросилъ его Фельдау, подавая старику трубочку, которую всегда держалъ для него наготовѣ. Однако Вальбургъ отказался курить, мрачно нахмуривъ лобъ.

Digitized by Google

— Развѣ опять творится что нибудь недоброе?—съ испугомъ произнесъ Эрихъ.

— Разумѣется,—проворчалъ старикъ, нетерпѣливо барабаня пальцами по столу.—Сквернѣйшая исторія! Подлая интрига! Дѣло идетъ ни больше, ни меньше, какъ о томъ, чтобы свергнуть съ престола нашего законнаго государя и короля. Между прислугой во дворцѣ снова нашлись Іуды-предатели.

Фельдау сдѣлался очень серьезенъ.

— Какъ ты узналъ объ этомъ, отецъ?

— Очень просто. Одного изъ негодяевъ, лакея Лихта, стала мучить совѣсть; онъ пришелъ къ нашему пастору Бернеру и, рыдая, разсказалъ ему всю истину.

— И ты вполнѣ увѣренъ, что къ этому признанію вынудила его не зависть и недоброжелательство къ своимъ товарищамъ?

— Совершенно увѣренъ. Лакей принесъ пастору письмо,— низкій доносъ, составленный однимъ изъ этихъ псовъ и переданный Лихту для пересылки въ Мюнхенъ. Въ немъ преднамѣренно искажаются всѣ поступки и дѣйствія государя.

— Но съ какой же цѣлью?

Вмѣсто всякаго отвѣта, лѣсничій ударилъ себя рукою по лбу въ знакъ недоумѣнія.

— Я тутъ рѣшительно ничему не вѣрю, — продолжалъ онъ послѣ короткой паузы.—Все это однѣ сплетни и ложь.

— Ты заходишь слишкомъ далеко, — замѣтилъ Фельдау. — Странности короля, къ несчастью, возрастаютъ съ каждымъ днемъ.

Вальбургъ со всей силы хлопнулъ рукою по столу.

— Не хочу думать, Эрихъ, что ты принадлежишь къ числу тѣхъ, которые суются въ воду, не поискавъ броду, и говорятъ наобумъ, или, можетъ быть, ты судишь по навѣтамъ кузины Людмилы? По правдѣ говоря, тебѣ не слѣдовало поддерживать знакомство съ такою дрянною женщиной.

— Но вѣдь Людмила моя сосѣдка и близкая родственница,— оправдывался Эрихъ.—Кромѣ того, мои отношенія къ ней не переходятъ въ дружескую короткость, а поддерживаются только ради приличія. Впрочемъ, ты и самъ, папа, не можешь отрицать, что образъ жизни короля невольно наводитъ на сомнѣнія.

— Конечно, я этого не отрицаю! — съ жаромъ воскликнулъ лѣсничій.—Однако, надо вспомнить, что́ привело короля къ этимъ странностямъ. Всякій на его мѣстѣ возмечталъ бы о себѣ, очутившись въ такихъ молодыхъ годахъ на королевскомъ тронѣ. Могущество способно вскружить голову, кому угодно; при этомъ у Людвига не было ни одного истиннаго друга, который ука-

Digitized by Google

залъ бы ему настоящую дорогу; а если и находился возлѣ него такой безкорыстный человѣкъ, — враги ловко умѣли отстранить непрошеннаго руководителя. Тутъ подоспѣло горькое разочарованіе юноши при его помолвкѣ; насильственная разлука съ нашей бѣдной Франциской, которую онъ горячо любилъ; наконецъ, ея отреченіе отъ міра и смерть. Да развѣ всего этого мало, чтобы внушить глубокую жалость къ королю и отнестись снисходительно ко всѣмъ его слабостямъ?

— Я не способенъ осуждать его, папа,—подтвердилъ Фельдау,—но вѣдь согласитесь однако, что къ повелителю цѣлаго народа предъявляются болѣе строгія требованія, чѣмъ къ обыкновенному смертному. Общечеловѣческія чувства должны отступить на задній планъ передъ стремленіями государственнаго дѣятеля. Никто не помѣшалъ бы королю слѣдовать собственнымъ наклонностямъ, еслибы онъ рѣшился сложить съ себя корону и жить частнымъ человѣкомъ.

— Конечно, — съ грустью отвѣчалъ старикъ. — Это общее мнѣніе, къ которому присоединяшься и ты! А между тѣмъ намъ слѣдовало бы день и ночь молиться, чтобы Господь какъ можно дольше удержалъ на тронѣ нашего короля для блага Баваріи. Не смотря на свои чудачества, онъ всегда дѣйствовалъ, какъ дальновидный правитель, въ рѣшительныя минуты. Можешь ли ты опровергнуть это?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я признаю несомнѣнныя заслуги короля передъ отечествомъ, но, говоря по правдѣ, онъ перемѣнился теперь къ худшему.

— Пустяки, все пойдетъ по старому,—горячился лѣсничій,— только бы удалось показать королю въ настоящемъ свѣтѣ его теперешнее положеніе. Пусть онъ встанетъ на борьбу съ крамолой и смѣло разорветъ сѣти интригъ, которыми его оплели въ глазахъ народа.

— Отлично сказано, отецъ, но твое желаніе едва ли исполнится. Нашъ король совершенно недоступенъ.

— Для тебя и для меня, конечно, недоступенъ,—настаивалъ на своемъ старикъ,—но не для тѣхъ, кого онъ охотно слушаетъ, какъ напримѣръ, для графа Адлерсгорста.

— Графъ Адлерсгорстъ на дняхъ женится и уѣзжаетъ путешествовать.

— А между тѣмъ среди приближенныхъ короля это единственный человѣкъ, на котораго мы можемъ разсчитывать и положиться. Графъ Гольдбергъ, пользующійся довѣріемъ государя, какъ выяснилось теперь, принадлежитъ къ числу двоедушныхъ

Digitized by Google

лицемѣровъ; онъ не хочетъ ссориться ни съ той, ни съ другою партіей и мирится съ тѣмъ, чего, по его мнѣнію, нельзя измѣнить. Вотъ почему пасторъ Бернеръ, послѣ признанія лакея Лихта, рѣшился обратиться къ графу Адлерсгорсту. Самъ Бернеръ боленъ; его мучитъ ломота и онъ не можетъ выйти изъ комнаты. Я привезъ тебѣ письмо, которое ты долженъ, во что бы то ни стало, передать въ собственныя руки королевскаго адъютанта. Пасторъ приглашаетъ его для переговоровъ къ себѣ.

— И ты такъ твердо увѣренъ въ графѣ? — спросилъ Фельдау, съ улыбкой принимая письмо изъ рукъ тестя. — Но вѣдь онъ женится на падчерицѣ моей кузины Людмилы, которую ты такъ рѣзко осудилъ. Всѣ полагаютъ, что его дружба съ королемъ прекратится послѣ этой свадьбы.

— Да, мы съ Бернеромъ вѣримъ въ него, — съ твердостью возразилъ Вальбургъ. — Графъ Адлерсгорстъ честный человѣкъ, а честные люди не мѣняютъ такъ легко своихъ убѣжденій, какъ перчатки, еслибы даже десять интриганокъ, въ родѣ твоей кузины Людмилы, старались ихъ обойти. Кромѣ того, баронесса Паула во всѣхъ отношеніяхъ хорошая дѣвушка, и можно только пожалѣть, что у нея такой недалекій отецъ, какъ баронъ Эберсдорфъ, и такая мачиха, какъ бывшая графиня Маріо. Приступимъ же къ дѣлу. Согласенъ ты передать письмо по адресу?

Эрихъ не на шутку задумался.

— Во всякомъ случаѣ, это надо сдѣлать незамѣтно,—соображалъ онъ вслухъ.—Но мнѣ неловко явиться къ графу въ Нейшванштейнъ, а поручить кому нибудь письмо—опасно.

— А, чортъ возьми! Что тутъ раздумывать! — воскликнулъ лѣсничій.—Говорю тебѣ, что письмо должно быть передано въ руки графа и не позже, какъ сегодня, потому что, въ виду близкой свадьбы, нужно дорожить каждой минутой. Я не пожалѣлъ своихъ старыхъ костей и трясся битыхъ два часа въ экипажѣ ради этого. Неужели мнѣ воротиться домой ни съ чѣмъ? Рѣшай скорѣе,—одно или другое?

— Дай мнѣ время обдумать, какъ ловче взяться за дѣло,— отвѣчалъ молодой лѣсничій успокоительнымъ тономъ. И онъ прибавилъ послѣ короткой паузы: — какъ тебѣ нравится молодой Рандау?

— Твой новый ученикъ? Причемъ онъ тутъ?

— Ты слышалъ, съ какимъ участіемъ говорилъ Георгъ о королѣ? Не возьмется ли онъ...

— Какъ?—съ негодованіемъ воскликнулъ Вальбургъ:—Ты хо-

Digitized by Google

чешь дать такое важное порученіе совершенно незнакомому человѣку?

— Онъ не чужой для насъ, милый отецъ. Твой сынъ Ромуальдъ знаетъ его съ дѣтства и поручился мнѣ за честность его характера.

— Гм...—произнесъ старый лѣсничій.—Юноша, конечно, насъ не выдастъ—у него такое славное открытое лицо—но во всякомъ случаѣ...

— Выслушай, что́ я тебѣ скажу,—перебилъ Эрихъ. — Фрейлейнъ Вальдовъ, гувернантка моихъ дѣтей, ѣдетъ сегодня въ Гольдау съ порученіями отъ моей жены и дочерей къ баронессѣ Паулѣ, которая была также ея воспитанницей. Молодой Рандау могъ бы присоединиться къ ней.

— Ага!—насмѣшливо воскликнулъ лѣсничій. — Значитъ, ты не рѣшаешься довѣрить письма вашей хваленой гувернанткѣ? Это открываетъ мнѣ глаза на многое; недаромъ она состоитъ подъ покровительствомъ аббата фонъ-Эйхфельда. Мнѣ было такъ непріятно ея переселеніе въ нашъ домъ! Но отчего бы тебѣ самому не проводить эту барышню? по моему, такъ было бы гораздо вѣрнѣе, предполагая, что графъ будетъ сегодня въ Гольдау.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, потому что онъ ежедневно по вечерамъ бываетъ у своей невѣсты. Къ сожалѣнію, я никакъ не могу выѣхать изъ дому; неотложныя дѣла заставляютъ меня отправиться въ лѣсной участокъ.

Вальбургъ покашливалъ, недовольный оборотомъ разговора.

— Дѣлай, какъ знаешь, если нельзя иначе. Но подъ какимъ предлогомъ поручишь ты чужому человѣку сопровождать фрейлейнъ Вальдовъ?

— Найти предлогъ очень легко. Рандау дальній родственникъ барона Эберсдорфа и воспользуется случаемъ представиться ему.

— Въ первый же день своего пріѣзда? Это покажется подозрительнымъ.

— Нисколько. Сегодня Георгъ свободенъ, а завтра начнутся его занятія.

— Тогда ступай, пришли мнѣ молодаго человѣка,—нетерпѣливо воскликнулъ старый лѣсничій.—Я немножко позондирую его и, если онъ окажется порядочнымъ малымъ, пусть будетъ по твоему, хоть я имѣлъ въ виду устроить дѣло иначе.

Фельдау ничего не отвѣчалъ на этотъ косвенный упрекъ и молча вышелъ изъ комнаты. Желаніе Вальбурга поговорить съ нимъ наединѣ удивило Георга. Переговоры съ лѣсничимъ тяну-

Digitized by Google

лись довольно долго. Послѣ того, молодой человѣкъ торопливо побѣжалъ въ назначенную ему комнату въ башнѣ, чтобы наскоро переодѣться и ѣхать съ визитомъ къ барону Эберсдорфу.

III.

Баронесса Эберсдорфъ сидѣла въ своемъ будуарѣ, роскошно убранномъ въ новѣйшемъ вкусѣ, и бесѣдовала со своимъ опекуномъ и единственнымъ другомъ, аббатомъ Эйхфельдомъ, который сталъ теперь у нея рѣдкимъ гостемъ.

Онъ пріѣхалъ къ своей воспитанницѣ по дѣлу, изъ лѣтней резиденціи вдовствующей королевы, которая, также какъ и ея сынъ, жила въ уединенномъ замкѣ въ горахъ. Время пощадило аббата и красавицу-итальянку. Людмила, которой было теперь уже за тридцать пять лѣтъ, все еще могла назваться обворожительной, хотя очертанія ея рта стали гораздо рѣзче, а бархатистые черные глаза отчасти утратили свой блескъ. Аббатъ сохранилъ прежнюю живость ума и врожденную подвижность, а сѣдѣющіе волосы придавали его характерному лицу и насмѣшливой улыбкѣ еще болѣе выразительности. Губы Эйхфельда сложились въ особенно ироническую складку, когда онъ наклонился къ баронессѣ, возражая на ея слова.

— Въ васъ по прежнему кипитъ молодая горячая кровь, Людмила; вы сами не знаете, чего хотите, и колеблетесь во всѣ стороны. Когда же вы научитесь неуклонно стремиться къ своей цѣли? Вы всю жизнь старались достичь силы и могущества, чтобы отмстить тому, кто нанесъ вамъ тяжкую обиду, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Теперь вамъ удобнѣе, чѣмъ когда нибудь, достичь своей цѣли. Къ чему же вы колеблетесь?

Людмила взглянула на опекуна; въ ея глазахъ вспыхнула страсть и вмѣстѣ съ тѣмъ отразилось глубокое горе.

— Видите, аббатъ, я еще не перестала чувствовать по человѣчески.

— Ахъ, пожалуйста, не будьте сантиментальны! — довольно рѣзко прервалъ ее Эйхфельдъ.—Подругѣ принца Генриха не пристало разыгрывать изъ себя моралистку.

Она закусила губы, но ея вѣки невольно опустились подъ насмѣшливымъ взглядомъ холодныхъ сѣрыхъ глазъ аббата.

— Вы хотите этимъ сказать, что пріятельница принца Генриха не должна имѣть собственной воли, а подчиняться во всемъ аббату Эйхфельду?

Digitized by Google

— Къ счастью для нея самой, это дѣйствительно такъ.

Теперь баронесса подняла глаза; ея губы приняли горькое выраженіе.

— Прошу васъ быть откровеннымъ, аббатъ! Вамъ удалось сдѣлать изъ меня то, что я есть теперь, но ваши издѣвательства и угрозы не производятъ больше на меня прежняго дѣйствія.

— А что же такое сдѣлалъ я изъ васъ, позвольте спросить?— снова поддразнилъ Эйхфельдъ свою жертву.—Я заставилъ людей завидовать вамъ, создалъ для васъ привилегированное положеніе! А если принцу Генриху достанется наконецъ королевская корона...

Людмила пожала плечами.

— Да, если... Но пока эту корону носитъ другой, и притомъ герцогъ Фердинандъ пользуется превосходнымъ здоровьемъ.

— Вы знаете, Людмила, что тотъ, кому принадлежитъ теперь корона, не долженъ носить ея и скоро сложитъ съ себя королевскій санъ. Когда же герцогъ Фердинандъ взойдетъ на престолъ, ближайшимъ человѣкомъ къ трону будетъ его сынъ...

— И его супруга, принцесса Адельгейда, будущая королева.

Аббатъ расхохотался.

— Разумѣется, дочери промотавшагося итальянскаго скульптора не подобаетъ занять мѣсто рядомъ съ королемъ! Но вы напрасно завидуете такому преимуществу бѣдной принцесы Адельгейды; ея участь гораздо печальнѣе участи баронессы Эберсдорфъ. Будьте довольны тѣмъ, что вамъ принадлежитъ сердце принца Генриха...

— Аббатъ, къ чему вся эта комедія? — вспыхнула гордая итальянка.—Вамъ хорошо извѣстно, что у этого жуира нѣтъ никакого сердца, что онъ не способенъ прочно привязываться и не умѣетъ цѣнить по достоинству близкую ему женщину?

— Что не помѣшало ему однако страстно влюбиться когда-то въ графиню Маріо и оставаться до сихъ поръ во власти ея чаръ.

— О, это давно прошло! Принцу просто весело бывать у меня въ домѣ, потому что онъ встрѣчаетъ здѣсь пріятное общество, подходящее къ его вкусамъ, тогда какъ въ своемъ дворцѣ вѣчно стѣсненъ докучнымъ этикетомъ.

— И потому что вы обладаете искусствомъ, adorata mia, привлекать къ себѣ все новыхъ красавицъ, которыя, какъ звѣзды, вращаются вокругъ васъ, солнца красоты.

Лобъ баронессы омрачился; она отрицательно покачала головой.

Digitized by Google

— Оставимъ это! Вы коснулись—и не безъ цѣли, конечно—самой больной струны въ моемъ сердцѣ.

— Какъ прикажете, stigmatissima signora!—Итакъ приступимъ къ дѣлу. Вамъ извѣстны теперь мои желанія?

— Извѣстны и абсолютно несимпатичны.

— Однако я долженъ васъ просить преодолѣть себя и покориться необходимости.

Его глаза впились въ нее мрачнымъ, повелительнымъ взглядомъ.

— Вы замышляете сатанинскія козни!—произнесла баронесса, стиснувъ зубы.

— Нельзя ли, синьора, потише! Приберегите вашъ пылъ для лучшихъ цѣлей. Весь нашъ планъ, который мы имѣли въ виду, устраивая бракъ вашей надчерицы съ графомъ Адлерсгорстомъ, совершенно рушится, если намъ не удастся удалить его отъ короля.

— Но нѣтъ ли здѣсь другаго пути? Этотъ невозможенъ!

— Однако вы не успѣли придумать инаго исхода въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, покуда графъ былъ женихомъ баронессы Паулы!

— У него такой характеръ, который трудно подчинить себѣ.

— Чего нельзя согнуть, то надо сломить.

По тѣлу Людмилы пробѣжала дрожь.

— Паула любитъ жениха со всею искренностью своей дѣтской натуры. Уже это одно послужитъ помѣхой вашимъ планамъ.

— Напротивъ: чѣмъ сильнѣе будетъ любовь между молодыми супругами, тѣмъ щекотливѣе станетъ относиться графъ къ чести своей жены.

— Вы ужасны, аббатъ!

— То есть я знаю, чего хочу, тогда какъ вы, Людмила... Впрочемъ, женщины всѣ одинаковы. Не смотря на самую пылкую ненависть къ человѣку, съ презрѣніемъ оттолкнувшему ихъ любовь, онѣ все таки продолжаютъ любить его въ глубинѣ души. Онѣ играютъ своей жертвой, какъ кошка мышью, находя эту игру до того очаровательной, что имъ хочется продлить ее, какъ можно дольше.

Баронесса устремила въ пространство пристальный взглядъ, сдвинувъ темныя брови.

— Вы ошибаетесь; моя ненависть не ослабѣла, но я полагаю, что король стремится къ вѣрной гибели и безъ нашего содѣйствія. Чудакъ, погруженный въ безумныя фантазіи...

— Который однако служитъ предметомъ нѣжнѣйшаго участія

Digitized by Google

со стороны женскаго пола,—насмѣшливо прервалъ аббатъ,—и одной изъ самыхъ пламенныхъ поклонницъ Людвига является принцесса Адельгейда.

— Знаю, знаю!—воскликнула Людмила, дѣлая рѣзкій жестъ рукою.—Принцесса любитъ все, что́ мнѣ враждебно.

Аббатъ взглянулъ на баронессу съ саркастической усмѣшкой.

— Не думайте, пожалуйста, чтобы король по прежнему оставался вашимъ врагомъ. Онъ давно позабылъ васъ и то, что произошло между вами; иначе, какъ бы государь могъ немедленно согласиться на бракъ своего любимца, графа Адлерсгорста? Прошлое живетъ въ головѣ этого маньяка только подъ видомъ отдѣльныхъ образовъ, которые онъ чтитъ въ душѣ, какъ святыню. Развѣ онъ не боготворитъ память этой дѣвушки, этой Стернау? Не дальше, какъ сегодня, король опять провелъ нѣсколько часовъ на ея могилѣ.

Людмила измѣнилась въ лицѣ. Аббатъ наблюдалъ за нею изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ. Онъ зналъ, какъ глубоко язвили его слова гордое сердце итальянки.

Въ эту минуту послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа. Эйхфельдъ всталъ со стула и подошелъ къ окну.

— Вы ожидаете гостей?—спросилъ онъ свою воспитанницу, по прежнему остававшуюся въ неподвижной позѣ.

— Нѣтъ, я не ждала никого,—принужденно отвѣтила та.—Сегодня, въ особенности, посѣтители явятся не кстати.

— А почему это, смѣю спросить?

— Потому что вы разстроили меня, аббатъ.

— Искренно сожалѣю о томъ! Такимъ давнишнимъ друзьямъ, какъ мы съ вами, напротивъ, должно быть пріятно, когда имъ удастся встрѣтиться и откровенно поболтать между собою часокъ-другой! Мнѣ сегодня было очень не легко урваться изъ дому, тѣмъ болѣе, что ея величество опять назначила нынче вечеромъ общую молитву о спасеніи души больнаго сына. Я непремѣнно обязанъ присутствовать при этомъ. Слѣдовательно, мнѣ не долго придется надоѣдать вамъ, Людмила!—Однако я вижу, сюда ѣдетъ Эмма Вальдовъ въ экипажѣ лѣсничаго. Мнѣ будетъ очень кстати потолковать съ нею кой о чемъ.

— Значитъ, вы велѣли ей сюда явиться?

— Да, если она можетъ такъ устроить. Бѣдняжка вѣдь не всегда располагаетъ своимъ временемъ. Но для меня интересно услышать новости изъ охотничьяго за́мка. Жена лѣсничаго также ѣздила сегодня рано поутру на могилу сестры Эфеміи.

— Вамъ и это извѣстно?

Digitized by Google

— Вы удивляетесь? Но вѣдь у меня вездѣ есть добрые друзья.

— Скажите лучше: шпіоны!—съ презрѣніемъ воскликнула баронесса.

Онъ бросилъ ей холодный, уничтожающій взглядъ.

— Я вижу, вы сегодня не въ духѣ, Людмила. Постарайтесь развеселиться. Маленькая Вальдовъ везетъ съ собою еще одного гостя, красивенькаго юношу, вѣроятно, новаго ученика старшаго лѣсничаго. Молодой человѣкъ пользуется случаемъ быть вамъ представленнымъ.

— Это Рандау,—отвѣчала баронесса равнодушнымъ тономъ:— онъ дальній родственникъ моего мужа. Эрихъ говорилъ мнѣ о немъ. Ему, между прочимъ, покровительствуетъ и Ромуальдъ Вальбургъ.

— Ахъ,—воскликнулъ аббатъ,—тутъ дѣло не чисто! Въ этомъ юношѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, мы встрѣтимъ новаго противника.

— Потому что профессоръ Вальбургъ съ нимъ хорошъ? Напротивъ, у него-то ужь менѣе всего причинъ стоять за короля!

— Потому что Ромуальдъ также любилъ Стернау? О, Людмила, какъ же вы мало знаете мужчинъ такого закала, какъ этотъ Вальбургъ! Онъ такой же сумасбродный идеалистъ въ своемъ родѣ, какъ и самъ король. Въ его глазахъ бывшій возлюбленный Стернау является чѣмъ-то священнымъ и заступничество за него Ромуальдъ считаетъ христіанскимъ долгомъ по отношенію къ умершей. Повѣрьте мнѣ: я знаю, что говорю. Профессоръ Вальбургъ—одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ короля; всѣ чудачества этого маньяка онъ объясняетъ глубокимъ горемъ о потерѣ бѣдной дѣвушки, невинной жертвы людской несправедливости. Неужели вы полагаете, что ваши родственники, Фельдау и его семья, думаютъ иначе? Сначала въ Эрихѣ Фельдау заговорила дворянская спесь, когда семейство его невѣсты было опозорено поведеніемъ Стернау. Но, послѣ того какъ бывшая пѣвица пошла въ монастырь и скончалась въ его стѣнахъ, какъ раскаявшаяся Магдалина, она сдѣлалась въ глазахъ вашего двоюроднаго брата мученицей, достойной удивленія за свою беззавѣтную любовь, какъ и самъ король, который, по своей глупости, со дня ея смерти, точно отшельникъ, упорно избѣгаетъ женскаго пола. Да, однимъ изъ нашихъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ является отецъ профессора Вальбурга и молодой г-жи Фельдау, старый лѣсничій съ Тегернскаго озера. Поэтому, Людмила, будьте ежеминутно на сторожѣ.—Аббатъ подошелъ къ баронессѣ и судорожно стиснулъ ей руку.—Теперь нечего больше колебаться и раздумывать,—продолжалъ онъ.—У насъ затѣяна не дѣтская за-

Digitized by Google

бава, запомните это хорошенько, и если намъ не удастся заполучить старшихъ козырей себѣ на руки, то мы, смотря по обстоятельствамъ, можемъ заплатить жизнью за свою оплошность. Мы замышляемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ государственную измѣну, а за такое преступленіе полагается жестокая кара законовъ, безъ различія званія и пола.

Людмила ничего не отвѣтила и только молча кивнула головой, приглашая аббата движеніемъ руки послѣдовать за ней въ гостинную. Здѣсь баронесса Паула разливала кофе въ маленькія чашки севрскаго фарфора, разставленныя передъ нею на серебряномъ подносѣ. Она очень мило хозяйничала, серьезно погрузившись въ свое занятіе. У этой дѣвушки была воздушная фигура маленькой феи; бѣлокурые волосы обрамляли свѣжее личико съ выразительными голубыми глазами, а на розовомъ, нѣжно закругленномъ подбородкѣ красовалась соблазнительная ямочка. Женихъ, сидѣвшій съ ея отцомъ у стола передъ диваномъ, обитымъ восточными тканями, любовался издали своей невѣстой, которая часто поднимала на него глаза. При входѣ Людмилы, графъ Адлерсгорстъ поспѣшилъ на встрѣчу хозяйкѣ и почтительно поцѣловалъ у нея руку. Это былъ краеивый, высокій мужчина съ роскошной бородой и серьезнымъ лицомъ. Когда слуга доложилъ о пріѣздѣ фрейлейнъ Вальдовъ и г-на фонъ-Рандау, Паула радостно бросилась встрѣчать свою бывшую гувернантку. Убранную цвѣтами корзину со свадебными подарками отъ семейства Фельдау лакей поставилъ на столъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ были выставлены и другіе сюрпризы невѣстѣ. Паула прошла туда, а Георгъ, съ развязностью свѣтскаго человѣка, отрекомендовался въ это время хозяину дома и его супругѣ.

— Фонъ-Рандау?—раздался хриплый, гнусавый голосъ съ дивана, и баронъ Эберсдорфъ, вставивъ въ глазъ монокль, началъ всматриваться въ Георга, обративъ къ нему свое изношенное лицо.—Къ какой фамиліи принадлежите вы, молодой человѣкъ: къ Рандау изъ Грюнгагена, или Рейнфельдена?

— Изъ Грюнгагена,—быстро отвѣчалъ пріѣзжій, и имѣю честь состоять съ вами въ родствѣ, г-нъ баронъ, черезъ мою бабушку, урожденную баронессу Эберсдорфъ.

— А-а!—промямлилъ тотъ,—значитъ, «ученое» родство!—Мало чести дворянскому достоинству, любезный кузенъ, когда мы промѣняемъ шпагу на учительскую линейку, какъ вздумалось сдѣлать вашему батюшкѣ! Духъ времени, духъ времени! Ну, а вы какое поприще избрали?

Digitized by Google

— Я хочу быть лѣсничимъ и поступилъ въ ученики къ начальнику лѣснаго округа, г-ну фонъ-Фельдау.

Баронъ опять забормоталъ, поглаживая нервнымъ движеніемъ руки свою плѣшь; изъ его словъ можно было съ трудомъ разобрать что-то насчетъ измѣны дворянскимъ принципамъ, неравныхъ бракахъ и т. д. Однако Людмила безцеремонно прервала его, любезно приглашая гостя садиться. Ея красивые темные глаза обратились при этомъ на мужа съ нескрываемымъ презрѣніемъ и гадливостью,

Аббатъ наблюдалъ всю сцену, ликуя въ душѣ. Ему удалось до того унизить эту гордую своенравную женщину, что она по неволѣ согласилась отдать свою руку изношенному, почти выжившему изъ ума придворному. Изъ раболѣпства передъ принцемъ Генрихомъ,—у котораго онъ служилъ при дворѣ,—Эберсдорфъ женился на его фавориткѣ и даже тщеславился бракомъ со знаменитой красавицей, пользовавшейся явнымъ благоволеніемъ принца. Это случилось вскорѣ послѣ смерти первой жены барона, матери Паулы, превосходной женщины, влачившей жалкое существованіе съ кутилой-мужемъ и преждевременно сошедшей въ могилу.

Георгъ не скоро нашелъ возможность подойти къ графу, чтобы передать ему полученное порученіе, о которомъ Эмма Вальдовъ не должна была подозрѣвать.

Лѣсничій Вальбургъ совѣтовалъ ему не разговаривать дорогой съ молодою дѣвушкой, но это предостереженіе оказалось напраснымъ, такъ какъ Эмма сама не проронила почти ни слова и очевидно избѣгала бесѣды со своимъ спутникомъ.

Наконецъ, Паула позвала мачиху въ другую комнату—взглянуть на присланные ей подарки. Аббатъ занялся разговоромъ о придворныхъ новостяхъ съ барономъ, и Георгу удалось незамѣтно подойти къ графу, который перелистывалъ альбомъ кипсековъ.

— Въ интересахъ его величества, господинъ графъ, прошу васъ выслушать меня наединѣ,—сказалъ Рандау.

Съ недоумѣніемъ, почти съ испугомъ обернулся къ нему Адлерсгорстъ, но, тотчасъ опомнившись, онъ только сдѣлалъ знакъ глазами, что готовъ исполнить просьбу и снова погрузился съ притворнымъ равнодушіемъ въ разсматриванье рисунковъ. Однако этотъ маневръ молодыхъ людей не ускользнулъ отъ вниманія аббата, хотя онъ и не могъ разслышать словъ, произнесенныхъ Георгомъ вполголоса. Пользуясь перерывомъ разговора, Эйхфельдъ всталъ и подошелъ къ графу, освѣдомляясь тономъ сочувствія о здоровьѣ его величества. Къ сожалѣнію, до королевы снова дошли тревожные слухи о возрастающей нервной раздражительности сына,

Digitized by Google

который на дняхъ, въ болѣзненномъ припадкѣ, будто бы собственноручно жестоко избилъ одного изъ слугъ. Для него, аббата, было бы очень важно разузнать объ этой исторіи отъ очевидца, чтобы успокоить королеву. Можетъ быть, непріятная молва лишена всякаго основанія или же случившійся фактъ подвергся преднамѣренному искаженію.

Графъ совершенно спокойно выслушалъ медоточивую рѣчь іезуита, прерывавшуюся частыми сочувственными вздохами.

— Конечно, истина въ этомъ разсказѣ грубо искажена, господинъ аббатъ—отвѣчалъ онъ.—Очень жаль, что злые языки, которыхъ, къ несчастью, слишкомъ много на свѣтѣ, понапрасну оклеветали короля, и это такъ сильно огорчило ея величество вдовствующую королеву. Происшествіе, надѣлавшее столько шуму, заключалось лишь въ томъ, что его величество поймалъ на мѣстѣ преступленія своего лакея, который стянулъ драгоцѣнную вещь съ письменнаго стола въ королевскомъ кабинетѣ и положилъ ее себѣ въ карманъ, въ полной увѣренности, что его никто не видитъ. Король въ порывѣ гнѣва схватилъ слугу за воротникъ и собственноручно вытолкалъ за дверь. Къ несчастью, лакей стукнулся головой объ острый край стола въ прихожей и такъ сильно ушибся, что до сихъ поръ, вѣроятно, лежитъ еще въ постели.

Аббатъ поклонился съ подобострастной улыбкой, но по его лицу было замѣтно, что онъ только изъ вѣжливости соглашается съ графомъ, не довѣряя въ душѣ его словамъ.

— Мнѣ будетъ очень пріятно передать ея величеству королевѣ такія успокоительныя свѣдѣнія,—сказалъ онъ однако—Ея материнское сердце хотя немного успокоится насчетъ сына.

— Государынѣ не объ чемъ тревожиться, г. аббатъ, — возразилъ графъ, рѣзко подчеркивая свои слова.—Здоровье его величества не внушаетъ никакихъ опасеній, а если его нервы раздражительнѣе, чѣмъ у другихъ людей, то это объясняется вообще индивидуальными свойствами государя. Слабые нервы сдѣлали его очень рано болѣзненно-впечатлительнымъ и дали его воображенію перевѣсъ надъ прочими духовными силами.

Эйхфельдъ снова поклонился, вѣжливо соглашаясь со словами Адлерсгорста, но все таки не скрывая недовѣрчивой улыбки. Графъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ язвительности аббата, и вдругъ обратился къ Георгу съ вопросомъ, не желаетъ ли тотъ пройтись съ нимъ по саду, откуда можно полюбоваться живописными окрестностями. Рандау выразилъ свое согласіе поклономъ, и королевскій адъютантъ вышелъ съ нимъ изъ комнаты, сказавъ мимоходомъ барону:

Digitized by Google

— Вы, конечно, позволите мнѣ, папа, оставить васъ на нѣсколько минутъ?

Хозяинъ разсѣянно кивнулъ головою, погруженный въ какое-то отупѣніе.

Духовникъ королевы сердито закусилъ губу и, нахмуривъ брови, подошелъ къ окну; однако молодые люди, выйдя въ садъ, скрылись у него изъ виду въ тѣнистой буковой аллеѣ.

Онъ пробормоталъ имъ вслѣдъ проклятіе и, когда Паула съ мачихой и фрейлейнъ Вальдовъ снова вернулись въ гостинную, опекунъ подозвалъ баронессу къ окну и прошепталъ ей взбѣшеннымъ тономъ:

— Сейчасъ я имѣлъ случай убѣдиться, что вы не съумѣли оказать ни малѣйшаго вліянія на образъ мыслей графа. Напротивъ, онъ кажется мнѣ теперь еще болѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ прежде. Пеняйте же сами на себя и на свою собственную безтактность, если мнѣ придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, о которыхъ я говорилъ.

Людмила мрачно сверкнула на него своими темными глазами.

— Поступайте, какъ найдете нужнымъ, но сами и весите на себѣ отвѣтственность за послѣдствія затѣянной вами рискованной игры.

— Будьте покойны,—торопливо отвѣчалъ аббатъ: — передъ отвѣтственностью я не отступаю, а если по моей милости какіе нибудь хорошенькіе глазки и поплачутъ немного, то для меня это сущіе пустяки!

Между тѣмъ, во время этого разговора, графъ стоялъ съ Георгомъ на высокой площадкѣ въ концѣ сада. Возвышенность заканчивалась обрывомъ. У подножія скалы шумѣлъ и бурлилъ неукротимый горный потокъ, сбѣгавшій оттуда въ долину. Но молодые люди не думали любоваться красотами природы. Графъ прочиталъ письмо стараго пастора и, разорвавъ листокъ на мелкіе клочки, бросилъ ихъ съ обрыва; они закружились, подхваченные вѣтромъ, который постоянно дулъ въ узкомъ ущельѣ. Лицо Адлерсгорста сдѣлалось очень серьезно и даже озабоченно.

— Передайте почтенному лѣсничему Вальбургу, что я непремѣнно буду завтра поутру у пастора Бернера.

Съ этими словами, он повернулся и пошелъ назадъ. Рандау молча слѣдовалъ за нимъ. Но, прежде чѣмъ они успѣли выйти изъ тѣнистой аллеи, графъ снова остановился и съ искреннимъ порывомъ протянулъ Георгу руку.

— Позвольте васъ поблагодарить, т. фонъ-Рандау!—произнесъ

Digitized by Google

онъ задушевнымъ тономъ:—я вижу, что мы пріобрѣли въ вашемъ лицѣ новаго союзника.

— Я не заслуживаю пока никакой благодарности,—скромно отвѣтилъ Георгъ,—но надѣюсь однако, что мнѣ представится еще случай послужить честному дѣлу,—прибавилъ онъ, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Графъ привѣтливо улыбнулся ему.

— Намъ предстоитъ, пожалуй, очень скоро воспользоваться вашей готовностью постоять за короля; кризисъ, можетъ быть, не далекъ; и я боюсь, что приближается тотъ моментъ, когда намъ и прочимъ вѣрнымъ подданнымъ придется отстаивать грудью безопасность священной особы государя.

— Разсчитывайте на меня, г. графъ. Моя жизнь принадлежитъ королю!

Это было сказано съ такимъ жаромъ, съ такимъ юношескимъ увлеченіемъ, что Адлерсгорстъ былъ тронутъ. Еще разъ пожалъ онъ Рандау руку.

— Мы вскорѣ увидимся съ вами, г. фонъ-Рандау,—замѣтилъ онъ.—А сегодня ни слова болѣе объ этомъ. Намъ нужно немедленно вернуться въ комнаты, чтобы не возбудить ничьихъ подозрѣній.

IV.

Глубокая тишина вокругъ. Темносинее ночное небо, совершенно ясное, какое бываетъ только осенью въ возвышенныхъ горныхъ мѣстностяхъ, разстилается надъ скалистой долиной съ ея сверкающимъ темнымъ озеромъ и королевскимъ замкомъ на горѣ. Только безчисленныя звѣзды весело сіяютъ въ вышинѣ, все остальное погружено въ темноту. Зато тѣмъ ярче свѣтятъ огни въ окнахъ замка. Въ комнатѣ, возлѣ большой концертной залы, полулежитъ на мягкой шолковой кушеткѣ столичная примадонна въ роскошномъ туалетѣ. Она приглашена сюда, чтобы исполнить арію изъ знаменитой оперы Рейнгарда, той самой, въ которой когда-то очаровывала публику пѣвица Стернау, промелькнувшая ослѣпительнымъ метеоромъ на театральномъ горизонтѣ. Издали доносятся звуки настраиваемыхъ инструментовъ. Возлѣ примадонны стоитъ, опираясь на рояль, дирижеръ королевской оперы, капельмейстеръ Альбертъ, и перелистываетъ ноты.

Артистка старается подавить легкую зѣвоту.

— Какъ долго будетъ это продолжаться и когда насъ, наконецъ, отпустятъ, г. Альбертъ?—говоритъ она.

Digitized by Google

Капельмейстеръ пожимаетъ плечами.

— Я и самъ не знаю, сударыня. Вѣроятно, не раньше полуночи.

Снова наступаетъ молчаніе.

— Присядьте возлѣ меня и поболтаемъ немного!—предложила актриса.—Иначе я, право, засну, и тогда ужь вы меня не добудетесь. Ѣзда по свѣжему вечернему воздуху, кажется, повредила мнѣ. Я боюсь оказаться не въ голосѣ.

— Что же, поболтаемъ,—согласился, улыбаясь, Альбертъ.

— Ну, разскажите мнѣ что нибудь о покойномъ Рейнгардѣ. Вы не были его ученикомъ?

— Конечно, былъ, и горжусь этимъ, фрау Ева!

— А вы присутствовали на первомъ представленіи любимой оперы его величества?

— Какъ же!

— Но, Боже мой! оставьте наконецъ свои односложные отвѣты. Отъ этого можно, право... я не скажу «рехнуться»—подобныя слова были бы crimen majestatis въ этихъ стѣнахъ — но хотя бы... сдѣлаться классикомъ. Не правда ли, вѣдь вы тоже противникъ старой,—какъ выразился великій маэстро,—«табакерочной» музыки Моцарта?

Альбертъ засмѣялся.

— Вы сегодня опять неистощимо остроумны, сударыня! Какъ жаль, что графъ Гольдбергъ въ отсутствіи: онъ давно лежалъ бы теперь у вашихъ ногъ.

— Замолчите!—воскликнула дива, дотрогиваясь кончикомъ вѣера до губъ капельмейстера.—Пошлости неумѣстны въ этихъ стѣнахъ, посвященныхъ поклоненію идеальной красотѣ. Лучше отвѣтьте на мой вопросъ: присутствовали вы на первомъ представленіи той оперы?

— Разумѣется, но моя роль была очень незамѣтна: я игралъ вторую скрипку въ оркестрѣ.

— Однако вы видѣли Стернау, слышали ея пѣніе? Была ли она въ самомъ дѣлѣ такъ обворожительна, какъ разсказываютъ, и правда ли, будто бы его величество...

— Шш!—произнесъ, смѣясь, капельмейстеръ и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Стернау, пожалуй, жила здѣсь, въ этихъ комнатахъ?—продолжала между тѣмъ допытываться неугомонная пѣвица, закидывая назадъ хорошенькую головку прелестнымъ, кокетливымъ движеніемъ.

— Что за вопросъ!—Этого замка тогда еще и не существовало.

Digitized by Google

— А гдѣ же разыгралась трагикомедія королевской любви?

— Въ замкѣ Гогеншвангау на Тегернскомъ озерѣ, насколько мнѣ извѣстно. Стернау была дочерью тамошняго кастеляна.

— Ага!—Значитъ, она была деревенской красоткой... теперь мнѣ понятно...

— Что вамъ понятно, сударыня, смѣю спросить?

— Что она пошла въ монастырь и обратила своего возлюбленнаго короля въ рыцаря Тогенбурга. Вѣдь она умерла здѣсь по близости, въ монастырѣ урсулинокъ?

— Фрау Ева, конечно, поступила бы совсѣмъ иначе.

— Разумѣется! Я сдѣлала бы на мѣстѣ Стернау разумнаго человѣка изъ экзальтированнаго, влюбленнаго юноши-короля, если онъ дѣйствительно такъ сильно любилъ эту дѣвушку, какъ утверждаютъ...

— Но кто утверждаетъ это?

— Тотъ и другой, пятый и десятый.—Имена тутъ не причемъ. Итакъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ серьезно любилъ эту Стернау, то ея глупость много повредила ему.

— Ахъ, вы, шалунья!—Обуздайте вашъ языкъ; имѣйте уваженіе къ августѣйшей особѣ!

— Вотъ еще! Могу ли я уважать короля, который заставляетъ меня пѣть за рѣшеткой, въ пустой комнатѣ, да еще вдобавокъ въ полночь!

— Однако идетъ молва, что фрау Ева любитъ ночные часы и превосходитъ всѣхъ веселостью на интимныхъ собраніяхъ баронессы Эберсдорфъ, пріятельницы нашего неугомоннаго принца Генриха. Тамъ вы не скучаете и время летитъ для васъ незамѣтно до самаго утра.

— Это совсѣмъ другое дѣло: въ пріятномъ обществѣ, когда ведутся интересные разговоры, «при звонѣ чашъ и звукахъ струнъ», какъ поется въ одной старинной пѣснѣ, я готова просидѣть цѣлую ночь. Но здѣсь, въ этомъ уединеніи, среди подавляющей роскоши, которой не видитъ почти ничей глазъ, невольно становится какъ-то тяжело на сердце, тоскливо!..

— Вы, вѣроятно, поете въ первый разъ передъ его величествомъ?

— Да, въ первый... Я думаю, что меня пригласили по ходатайству графу Гольдберга, но зачѣмъ же измѣнникъ оставляетъ меня одну въ этомъ заколдованномъ замкѣ?

— Его задерживаютъ служебныя обязанности. Впрочемъ, благодарю за любезность! Моя особа, значитъ, идетъ ни во что въ вашихъ глазахъ? Со мною вы чувствуете себя въ одиночествѣ?

Digitized by Google

Молодая женщина звонко засмѣялась.

— Но, милѣйшій г. капельмейстеръ, вѣдь мы встрѣчаемся съ вами ежедневно; вы принадлежите къ нашему міру.

— А людямъ свойственно не цѣнить того, что̀ всегда при нихъ, не такъ ли?—Très bien, ma belle, мы это вамъ припомнимъ!

Она наклонилась къ нему и съ умоляющимъ видомъ взглянула на него своими прекрасными глазами.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня?—Нѣтъ, нѣтъ, вы не могли серьезно принять къ сердцу моихъ словъ! Атмосфера этого сказочнаго дворца туманитъ мнѣ разсудокъ; право, я не помню, что̀ болтаю! Скоро ли придетъ волшебникъ, чтобы разрушить чары и освободить насъ изъ неволи? Или пускай бы лучше этотъ чародѣй вернулъ насъ на много лѣтъ назадъ и обратилъ меня въ настоящую живую Стернау и я стала бы пѣть ея голосомъ передъ его величествомъ.—Дива погрузилась въ задумчивость и потомъ прибавила:—А вѣдь этой пѣвицѣ выпало на долю рѣдкое счастье—быть любимой королемъ Людвигомъ, когда онъ былъ еще красивъ, молодъ и не дивилъ міръ причудами, какъ теперь!

— Неужели вы можете завидовать покойницѣ?

— Почему жъ нѣтъ?—Она испытала то, чего не приходится испытывать ни одной женщинѣ. Быть единственнымъ предметомъ любви мужчины, да еще короля, это что нибудь да значитъ! Гдѣ встрѣчаются такія диковинки? Развѣ въ романахъ? И, по моему, Стернау не особенно дорого заплатила за свое счастье отреченіемъ отъ міра и преждевременной смертью.

— Странная вы женщина: сейчасъ только смѣялись надъ королемъ Людвигомъ, а теперь завидуете чести быть любимой имъ!

— Неужели онъ ежегодно въ этотъ день заставляетъ исполнять въ своемъ присутствіи всегда одну и ту же арію?—спросилъ фрау Ева, пропуская мимо ушей замѣчаніе Альберта.

— Да, каждый годъ; если не ошибаюсь, нынче день смерти Стернау и король устраиваетъ ей оригинальныя поминки.

— Онъ хочетъ воскресить въ памяти свое прошлое и создать себѣ отрадную иллюзію,—продолжала пѣвица прежнимъ задумчивымъ тономъ.—Знаете, г. капельмейстеръ, эта странная затѣя пришлась мнѣ по душѣ; она какъ-то наэлектризовала меня и теперь я не досадую больше на то, что мнѣ придется пѣть передъ невидимымъ слушателемъ.

— Браво, браво! Вотъ за это я васъ хвалю! — воскликнулъ Альбертъ.—Выпейте еще бокалъ шампанскаго и тогда вы будете совершенно молодцомъ.

Digitized by Google

Онъ позвонилъ, чтобы потребовать вина.

Въ это время король сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ,— великолѣпно убранной комнатѣ. Фрески яркаго колорита украшали стѣны. По обѣимъ сторонамъ высокихъ оконъ, съ великолѣпнымъ видомъ на живописныя окрестности, ниспадали тяжелыми складками темныя бархатныя занавѣси, богато вышитыя золотомъ. На высокомъ креслѣ, также съ роскошной золотой вышивкой на спинкѣ, сидѣлъ король за письменнымъ столомъ художественной работы, стоявшимъ посреди кабинета; комната мягко освѣщалась канделябромъ съ голубыми стеклышками. Передъ Людвигомъ были развернуты пожелтѣвшіе исписанные листки бумаги, которые онъ, повидимому, перечитывалъ. Его рука, въ изнеможеніи упавшая на столъ, держала раскрытый простенькій медальонъ съ портретомъ нѣжной блондинки.

Полузакрытые глаза короля были устремлены на это изображеніе въ какомъ-то мечтательномъ забытьи. Его губы вздрагивали порою и съ нихъ срывалась тихая жалоба, мольба или чуть слышно произнесенное имя Франциски... Людвигъ просидѣлъ такимъ образомъ въ одиночествѣ уже нѣсколько часовъ и никто не смѣлъ нарушить его уединенія ни малѣйшимъ звукомъ. Наконецъ, послышалось что-то въ родѣ легкаго царапанья въ дверь. Король встрепенулся. Это былъ условный знакъ. Камердинеру Липперту приказали напомнить государю, что наступаетъ назначенный часъ концерта. Король торопливо провелъ рукою по лбу и глазамъ, точно желая отогнать отъ себя осаждавшіе его призраки. Когда онъ всталъ со стула и выпрямился, опираясь одной рукой на столъ, его геркулесовская фигура выказалась во всей своей мощи. Это былъ уже не прежній кудрявый юноша высокаго роста, восхищавшій всѣхъ своей чарующей красотой, а зрѣлый мужчина въ расцвѣтѣ силъ; его курчавые, коротко остриженные, волосы не скрывали широкаго лба. Лицо Людвига все еще было замѣчательно красиво, однако глубокія душевныя страданія успѣли оставить на немъ замѣтный слѣдъ.

Большіе, когда-то лучистые синіе глаза потускнѣли, и мрачно хмурились надъ ними темныя брови. Впрочемъ, когда ихъ взглядъ еще разъ обратился на миньятюрный портретъ въ медальонѣ, глаза короля вспыхнули юношескимъ огнемъ и загорѣлись нѣжностью. Но это продолжалось всего одну минуту; закрывъ медальонъ, Людвигъ механически надѣлъ его на шею и спряталъ у себя на груди. Все это совершалось имъ полубезсознательно, точно во снѣ.

Digitized by Google

— Прощай, моя единственная, вѣчно любимая!—тихо произнесли его губы.

Король выпрямился. Не смотря на простое статское платье темнаго цвѣта, каждое его движеніе было величаво и внушительно. Онъ слегка нажалъ пуговку серебрянаго колокольчика; необыкновенно чистый музыкальный звонъ нарушилъ тишину замка. Тогда, какъ будто по мановенію волшебства, медленно откинулась шолковая портьера на одной изъ дверей, которая безъ шума отворилась на обѣ половинки. Король вышелъ на галлерею, опиравшуюся на порфировыя колонны; гардина пурпуроваго бархата съ золотымъ шитьемъ скрывала приготовленное ему мѣсто. Людвигъ опустился на стулъ. Отсюда можно было окинуть взглядомъ всю концертную залу, высотою въ два этажа, роскошно освѣщенную и расписанную фресками изъ Рейнгардовыхъ оперъ; между тѣмъ артисты, скрывавшіеся за вызолоченной рѣшеткой, не могли видѣть государя. Наконецъ раздались первые аккорды увертюры; она была исполнена великолѣпно и послѣ нея звучный и сильный женскій голосъ запѣлъ полную страстной истомы арію, которую нѣкогда такъ восхитительно исполняла Франциска. Закрывъ глаза и откинувшись на спинку кресла, король какъ будто весь обратился въ слухъ. Настоящее исчезло передъ нимъ; онъ переживалъ минувшіе блаженные дни. Тающій, прелестный голосъ оперной примадонны, дѣйствительно, создалъ для него отрадную иллюзію; Людвигу казалось, будто бы передъ нимъ воскресла любимая дѣвушка, подарившая ему часы величайшаго счастья, которое не повторялось больше въ его жизни.

Послѣднія ноты аріи замерли въ тихихъ, ласкающихъ аккордахъ; ихъ смѣнили звуки скрипокъ и трубъ; то было бурное море звуковъ, будившихъ въ душѣ столько разнородныхъ чувствъ. Затѣмъ все это слилось въ одинъ мощный гармоническій хоръ, разрѣшилось потрясающимъ финаломъ, и концертъ былъ оконченъ.— Между тѣмъ король не трогался съ мѣста; опершись локтями на перила галлереи и поддерживая голову рукою, онъ точно замеръ, погрузившись въ воспоминанія. Имъ переживалось въ эти минуты и прошлое счастье, и прошлое горе; но его счастье было слишкомъ мимолетно, а горе, напротивъ, такъ продолжительно, такъ тяжко!

Вдругъ Людвигъ вскочилъ на ноги, дико озираясь. Онъ услышалъ позади себя шаги: кто осмѣливался безпокоить его въ эти священныя минуты самоуглубленія?

Гнѣвное слово сорвалось съ его губъ. Вѣрный слуга короля,

Digitized by Google

камердинеръ Липпертъ, испуганный грознымъ видомъ государя, дрожа и заикаясь, едва могъ выговорить:

— Ваше величество изволили приказать...

Людвигъ все еще мрачно смотрѣлъ на слугу, стоявшаго передъ нимъ въ смиренной позѣ, однако выраженіе его лица мало по малу смягчилось, когда душа вернулась изъ области сновъ къ сознанію дѣйствительности.

— Хорошо, Липпертъ, хорошо!—торопливо сказалъ онъ:—вы найдете все, что́ нужно, у меня на письменномъ столѣ.

И король повернулся къ камердинеру спиной, окидывая отуманеннымъ взглядомъ опустѣвшую громадную залу.

«Какъ скоро все проходитъ! Даже воспоминаніе оживаетъ ненадолго; мелочныя житейскія заботы спѣшатъ спугнуть его и развѣять, какъ дымъ!» подумалъ про себя Людвигъ. А между тѣмъ онъ самъ приказалъ Липперту прійти къ нему тотчасъ послѣ окончанія концерта, для передачи оперной примадоннѣ королевскаго подарка на память за ея артистическое исполненіе.

Когда король хотѣлъ вернуться въ свою комнату, онъ увидѣлъ камердинера, все еще стоящаго въ дверяхъ.

— Вамъ нужно еще что нибудь, Липпертъ?—спросилъ онъ, хмуря брови.

— Ваше величество изволили заказать ужинъ на два прибора въ малой залѣ.

Только тутъ Людвигъ окончательно опомнился.

— Развѣ графъ Адлерсгорстъ уже здѣсь?

— Онъ пріѣхалъ часъ тому назадъ.

— Хорошо; я сію минуту приду.

Слуга поспѣшилъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ, онъ вошелъ въ комнату пѣвицы, которая успѣла тѣмъ временемъ переодѣться; королевскій экипажъ ожидалъ у подъѣзда, чтобы отвезти ее съ капельмейстеромъ Альбертомъ до ближайшей станціи желѣзной дороги.

Подарокъ короля, хотя и не былъ неожиданностью для пѣвицы, однако очень обрадовалъ ее; но особенно лестно было примадоннѣ удостоиться величайшей благодарности, которую передалъ ей камердинеръ. Довольная улыбка появилась на ея губахъ. Она раскрыла футляръ и залюбовалась прекраснымъ браслетомъ съ дорогими каменьями, ярко блестѣвшими при огнѣ.

— Благодарю васъ!—искреннимъ тономъ сказала молодая женщина Липперту, вынувъ изъ портмонэ червонецъ и подавая его камердинеру.

Тотъ почтительно поклонился, но денегъ не взялъ.

Digitized by Google

— Его величество запрещаетъ принимать подарки,—былъ его отвѣтъ.

Пѣвица смѣшалась и положила имперьялъ обратно въ карманъ.

— Что же вамъ нужно еще отъ меня?

Немного сконфуженный Липпертъ подалъ ей развернутый листокъ бумаги.

— Смѣю просить васъ, сударыня, подписать здѣсь внизу ваше имя?

— Мое имя, къ чему же это?

— Это простая расписка въ полученіи...

— Ахъ, вотъ что!

Артистка подписала, но едва они съ капельмейстеромъ Альбертомъ успѣли сѣсть въ экипажъ, какъ фрау Ева передала ему случившееся и съ живостью замѣтила:

— Король, поэтъ и мечтатель, оказывается на дѣлѣ ужасно практичнымъ! Говоря откровенно, его подарокъ, доставившій мнѣ въ первую минуту столько удовольствія, какъ знакъ королевскаго благоволенія, потерялъ теперь въ моихъ глазахъ очень много. Формальная расписка низводитъ его на степень простаго вознагражденія за трудъ.

— Но, добрѣйшая фрау Ева,—возразилъ капельмейстеръ,—вы забываете, что для короля это былъ единственный способъ убѣдиться, точно ли вы получили его сюрпризъ. Довѣріемъ государя слишкомъ часто злоупотребляли и онъ сталъ формалистомъ.

— Но кто же могъ осмѣлиться утаить королевскую награду?

— Къ несчастью, это случалось много разъ и мошенническія продѣлки совершались такими людьми, отъ которыхъ меньше всего можно было ихъ ожидать. Конечно, почтенный старикъ Липпертъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній, но король разъ навсегда завелъ правило требовать письменныхъ квитанцій и это вошло у него теперь въ обычай.

Пѣвица съ негодованіемъ покачала головой.

— Право, если вникнуть хорошенько, то участь королей не особенно завидна,—сказала она.—И послѣ этого еще удивляются, что лица, поднятыя на высоту трона, становятся мизантропами или удаляются отъ всякаго человѣческаго общества, какъ нашъ бѣдный король.

— Вы говорите истинную правду,—подтвердилъ капельмейстеръ, кивнувъ ей головою.—Мнѣ будетъ очень пріятно, если ваша сегодняшняя поѣздка сюда заставитъ васъ снисходительнѣе отнестись къ нашему государю и если вы будете стараться съ этихъ поръ уничтожить предубѣжденіе противъ него въ тѣхъ

Digitized by Google

сферахъ, гдѣ постоянно вращаетесь. Высшее общество несправедливо осуждаетъ короля Людвига.

— Да, еслибъ я могла это сдѣлать!—отвѣчала примадонна съ невольнымъ вздохомъ.— Но что значитъ личное мнѣніе скромной театральной звѣздочки въ кругу титулованныхъ особъ, сіятельныхъ князей и графовъ, которые чувствуютъ себя отодвинутыми на задній планъ, оскорбленными невниманіемъ главы государства?

— Не унывайте! Дружными усиліями можно достичь важныхъ результатовъ. Если каждый изъ сторонниковъ короля принесетъ хоть по одному камню, то изъ этого матерьяла можно создать крѣпкій оплотъ для несчастнаго государя,—этой беззащитной жертвы человѣческой несправедливости!..

— Будемъ надѣяться, что такъ случится!—сказала пѣвица и, погрузившись въ собственныя мысли, откинулась въ уголъ кареты.

V.

Подъ сѣнью пальмъ, лавровъ и папоротниковъ раздается тихое журчанье фонтана. Водяныя лиліи, точно въ сладкой истомѣ, дремлютъ на поверхности прозрачной воды въ бассейнѣ; высокоствольныя розы наполняютъ воздухъ упоительнымъ ароматомъ. Мягкій свѣтъ искусственнаго мѣсяца освѣщаетъ этотъ уголокъ съ тропической растительностью и серебритъ своими блѣдными лучами перила террасы, выстроенной въ видѣ гигантской раковины. На террасѣ горятъ канделябры на подставкахъ, изображающихъ фигуры нимфъ. Накрытый столъ съ коралловыми ножками ожидаетъ прихода гостей. Среди такой поэтической обстановки сервированъ ужинъ королю и графу Адлерсгорсту.

Съ каждой перемѣной блюдъ столъ опускается при помощи невидимаго механизма и опять поднимается, уставленный новыми кушаньями. Такимъ образомъ, двое друзей могутъ бесѣдовать между собою, не боясь, что ихъ подслушаютъ. Дѣйствительно, король считаетъ своимъ искреннимъ другомъ молодаго адъютанта, который собирается поѣхать въ Италію послѣ свадьбы и явился получить отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Людвигъ, совершенно отрезвившійся отъ своего мечтательнаго забытья, выказываетъ свойственную ему очаровательную любезность, противъ которой не могли устоять даже враги короля, пока находились въ его присутствіи. У него тяжело на сердцѣ, но онъ притворяется веселымъ, оживленнымъ, стараясь разсѣять облако озабоченности на лицѣ своего любимца.

Digitized by Google

Но графъ недоволенъ этимъ; онъ намѣренъ высказать королю очень многое и выжидаетъ только благопріятнаго момента приступить къ серьезному разговору, не задѣвая чувствительности государя. Адлерсгорстъ рѣшился напомнить королю, что ему, какъ правителю цѣлаго народа и человѣку съ твердой волей, пора подумать объ энергической оборонѣ своей власти и свободы, оставивъ тотъ фантастическій міръ мечтаній, куда влекла его наклонность къ уединенію.

Сегодня поутру молодой графъ побывалъ у пастора Бернера. Почтéнный священникъ, разбитый старостью, со слезами на глазахъ раскрылъ передъ нимъ всѣ хитросплетенія интригановъ, подготовлявшихъ гибель королю. Теперь Адлерсгорсту извѣстны имена тѣхъ, кто, подъ лицемѣрной маской преданности, пользуется довѣріемъ государя, чтобы обратить потомъ откровенность короля ему же во вредъ. Графъ знаетъ также, какую роль взяла на себя въ этой интригѣ мачиха его невѣсты, со своимъ другомъ, аббатомъ Эйхфельдомъ. Онъ давно подозрѣвалъ нѣчто подобное. Любовь къ прелестной, чистосердечной Паулѣ долго боролась въ немъ съ отвращеніемъ къ роднѣ молодой дѣвушки, и графъ серьезно колебался свататься за нее, пока наконецъ не рѣшился на этотъ шагъ съ позволенія короля.

— Я увѣренъ, Адлерсгорстъ,—сказалъ ему тотъ въ порывѣ благороднаго великодушія,—что вы останетесь вѣрны мнѣ даже въ лагерѣ моихъ враговъ. Но я совѣтую вамъ удалить поскорѣе свою милую невѣсту изъ зараженной атмосферы родительскаго дома; близость людей порочныхъ легко можетъ отозваться и на ней.

И Адлерсгорстъ послѣдовалъ этому совѣту: онъ торопилъ свадьбой, а послѣ вѣнца молодые рѣшили прожить всю зиму въ уединеніи на морскомъ берегу Ривьеры, гдѣ у нихъ была заранѣе нанята хорошенькая вилла. Графъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ и только предстоящая разлука съ королемъ отравляла ему эту радость. То, что́ онъ узналъ сегодня отъ пастора Бернера, особенно смутило и встревожило молодаго человѣка. Вотъ почему онъ сидѣлъ задумчивый за веселымъ ужиномъ, слабо улыбаясь и не особенно слѣдя за тѣмъ, что́ ему разсказывалъ король, который по прежнему старался поддержать веселую бесѣду. Между тѣмъ Людвигъ беззаботно развивалъ смѣлые планы объ украшеніи своихъ прежнихъ замковъ и о постройкѣ новаго дворца въ мавританскомъ вкусѣ, который ему вздумалось создать въ одной изъ долинъ, посреди горной мѣстности, отличавшейся дикой красотой.

Digitized by Google

— Воздвигнуть такое чудо искусства въ виду ледниковъ южныхъ горъ,—воскликнулъ король съ блескомъ оживленія въ прекрасныхъ глазахъ,—прогуливаться по роскошнымъ колоннадамъ, при тихомъ плескѣ фонтановъ, межъ цвѣтущихъ олеандровъ и гранатовыхъ рощъ, тогда какъ за стѣнами дворца шумитъ и завываетъ по лѣсамъ неукротимый фёнъ [1]), ну, развѣ это не поэзія скажите, Адлерсгорстъ? Передъ такой грандіозной затѣей идиллическая «Вильгельма» между холмами Неккара близъ Штутгарта покажется просто жалкой игрушкой! Я хочу создать настоящій королевскій дворецъ, перенести великолѣпіе Альгамбры въ дикій альпійскій міръ и воскресить въ немъ пеструю, подвижную картину жизни древнихъ мавровъ съ ихъ молодецкими военными играми, плясками, пѣснями войны и любовной нѣги.

Губы графа Адлерсгорста приняли горькое выраженіе.

— Это однѣ мечты, ваше величество; прекрасныя, но... несбыточныя!

— Вы думаете, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ мнѣ будетъ трудно осуществить мой проэктъ?—перебилъ его король, мрачно нахмуривъ лобъ.

— Если говорить откровенно, это совершенно невозможно.

Людвигъ откинулся на спинку стула; его лицо еще болѣе омрачилось.

— Вы правы; съ моей стороны глупо надѣяться на осуществленіе подобныхъ затѣй, но видите, Адлерсгорстъ, у меня нѣтъ другихъ радостей въ жизни и мнѣ трудно отказаться отъ этой послѣдней отрады.

На лицѣ графа отразилась тяжелая нравственная борьба.

— Ваше величество,—началъ онъ серьезнымъ тономъ,—какъ мнѣ ни трудно, но я долженъ откровенно высказать вамъ непріятную истину ради спасенія вашей священной особы. Вашему величеству приходится теперь отказаться не отъ однихъ только этихъ заманчивыхъ плановъ на будущее, но и отъ многаго другаго. Вспомните предостереженіе великаго поэта: «кто любитъ одиночество, тотъ самъ скоро сдѣлается одинокъ». Между тѣмъ вашему величеству болѣе, чѣмъ кому нибудь другому, нужны друзья и сторонники. Въ этомъ настала теперь крайняя необходимость для васъ, государь!

Глаза короля загорѣлись.

— Я слишкомъ хорошо понимаю васъ, Адлерсгорстъ. У васъ вѣрно есть что нибудь на сердцѣ. Но мнѣ не хотѣлось бы тол-

[1]) Сильный періодическій вѣтеръ.

Digitized by Google

ковать на эту тему. Завтра ваша свадьба; къ чему портить вамъ счастливое настроеніе? Однако...

Графъ опустился на одно колѣно и припалъ губами къ рукѣ короля. Онъ былъ взволнованъ.

— Ваше величество, вы безконечно добры ко мнѣ, но все таки я не смѣю молчать. Еслибъ было возможно, я, не говоря ни слова, отвелъ бы опасность, угрожающую вашей священной особѣ. Между тѣмъ, никто изъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ не въ состояніи этого сдѣлать, хотя бы цѣною собственной жизни. Здѣсь все зависитъ отъ васъ самихъ. Въ вашихъ рукахъ счастье всего отечества.

Король также сдѣлался серьезенъ и съ кроткой ул
ставилъ адъютанта встать съ колѣнъ.

— Что случилось, Адлерсгорстъ? Въ такомъ случаѣ объяснитесь; я готовъ ко всему. Какое новое злодѣйство замышляютъ противъ меня и чѣмъ, по вашему мнѣнію, долженъ я его отвратить?

— Враги вашего величества дѣйствуютъ по старому, только съ новыми комбинаціями. Ваше величество окружены предателями и шпіонами.

Людвигъ торопливо остановилъ графа, коснувшись его руки.

— Ради Бога, не называйте именъ, Адлерсгорстъ, умоляю васъ! Еслибъ я сегодня же очистилъ весь свой придворный штатъ отъ вредныхъ элементовъ и возобновилъ его, кто поручится мнѣ, что на мѣстѣ уволенныхъ не появятся еще худшіе мошенники?—Да, еслибъ я имѣлъ силу создать изъ трусливой, жалкой толпы—людей мыслящихъ и чувствующихъ! Но здѣсь оказывается безсильнымъ даже королевское могущество. Клянусь вамъ, мнѣ страшно надоѣла глупая комедія, которая разыгрывается вокругъ меня! Если хотите поступить по дружески относительно вашего короля, то лучше не разстраивайте меня, напоминая о подобныхъ вещахъ. Я давно отказался отъ мысли передѣлать и исправить существующій порядокъ. День просвѣщенія еще не наступилъ. Пожалуй, я родился на свѣтъ слишкомъ поздно, чтобы осуществить мои завѣтныя идеи, или, можетъ быть, онѣ и осуществились бы, еслибъ короли имѣли ту же власть, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, когда Людовикъ Великій могъ съ гордостью воскликнуть: государство—это я!—Сдѣлать мой народъ великимъ, счастливымъ, доставить ему всѣ блага, нужныя для его процвѣтанія, вызвать новый расцвѣтъ искусства, дать развитіе всему прекрасному, доброму, великому и оградить крѣпкимъ оплотомъ всѣ свои полезныя нововведенія, вотъ чего желалъ бы я достичь, занимая тронъ Баваріи! Но мои руки связаны; вокругъ меня происходитъ ожесточенная борьба

Digitized by Google

враждебныхъ партій, которыми руководитъ только зависть, ненависть, недоброжелательство. Я стою одиноко, точно утесъ посреди разъяренныхъ волнъ; мнѣ остается только сдерживать эту стихійную ярость, полагая предѣлъ уже слишкомъ большимъ безразсудствамъ и насиліямъ. Сознавая безполезность энергичнаго противодѣйствія, я уединился ото всѣхъ, не желая быть вовлеченнымъ въ эту всеобщую адскую сумятицу. Меня упрекаютъ за мое отшельничество; ставятъ мнѣ въ вину мое пристрастіе къ искусствамъ, но увѣряю васъ: еслибъ милосердное провидѣніе не дало мнѣ дара забывать печальную, безотрадную дѣйствительность, погружаясь въ міръ гармоніи, красоты и поэзіи, то я давно не жилъ бы на свѣтѣ. О, Адлерсгорстъ, когда я вспомню, сколько мнѣ привелось пережить и выстрадать, сколько предательства, низости и коварства я видѣлъ вокругъ и испыталъ на самомъ себѣ; чѣмъ, наконецъ, я обладалъ и что навсегда... утратилъ...

Голова Людвига склонилась на руку; изъ его груди вырвалось какъ будто подавленное рыданіе.

Графъ Адлерсгорстъ почтительно молчалъ, терзаясь въ душѣ при видѣ этого покорнаго, тихаго горя.

— Здѣсь,—продолжалъ король, погрузившись въ воспоминанія, на этомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, сидѣлъ я въ послѣдній разъ съ нимъ... благороднымъ, дорогимъ другомъ, геніальнымъ, великимъ артистомъ, моимъ Рейнгардомъ. Его постарались удалить изъ Мюнхена и только втихомолку, въ глубокомъ уединеніи, могъ я принимать его изрѣдка у себя. Но какъ были хороши эти чудные, незабвенные часы, которые мы проводили съ нимъ вдвоемъ въ незатѣйливыхъ комнаткахъ моего Швейцарскаго домика въ горахъ! Тамъ мнѣ не нужно было ни блеска, ни царской пышности; Рейнгардъ замѣнялъ мнѣ все; его высокій умъ увлекалъ меня изъ ничтожества земнаго праха въ ту высокую, чистую область, гдѣ постоянно жила его душа. Только нашъ прощальный ужинъ происходилъ обыкновенно здѣсь, обставленный всею роскошью, которая также ласкала артистическій вкусъ маэстро. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, я поднялъ въ послѣдній разъ бокалъ съ прощальнымъ тостомъ, пожелалъ Рейнгарду создать еще много прекраснаго и прибавилъ: «Пускай вашъ геній свѣтитъ германскому народу еще много счастливыхъ лѣтъ, какъ свѣтилъ до этихъ поръ». Съ веселымъ лицомъ выслушалъ меня композиторъ и чокнулся со мною, но едва наши бокалы коснулись одинъ другаго, какъ по комнатѣ раздался дребезжащій звукъ и кубокъ Рейнгарда упалъ къ его ногамъ, разбитый въ дребезги. «Я не суевѣренъ,—промолвилъ онъ, скорѣе для моего, чѣмъ для соб·

Digitized by Google

ственнаго успокоенія,—но, ваше величество, если судьба готовитъ мнѣ близкій конецъ, не жалѣйте меня. Я исполнилъ свое земное назначеніе и могу успокоиться отъ трудовъ».—Печальное предзнаменованіе сбылось очень скоро: на слѣдующій годъ Швейцарскій домикъ опустѣлъ. Внезапная смерть, безо всякихъ страданій, прекрасная, какъ и его жизнь, похитила Рейнгарда. Онъ отдыхаетъ теперь отъ своихъ трудовъ. Право, я завидую ему, завидую такому безболѣзненному концу!

— Ваше величество, вы не должны думать о смерти!—замѣтилъ графъ серьезнымъ тономъ.—Вамъ предстоитъ борьба и, пожалуй, очень суровая. Но вашему величеству суждено выйти изъ нея побѣдителемъ, съ обновленной силой, съ воскресшей энергіей и жаждой жизни.

Король отрицательно покачалъ головой.

— Ошибаетесь, Адлерсгорстъ. Я утратилъ всякую способность къ борьбѣ; моя сила сломлена. Я смертельно утомился и жажду отдыха въ могилѣ.

— Ваше величество, умоляю, оставьте это малодушіе, ради друзей, которые васъ любятъ и смотрятъ съ надеждой на своего короля.

— Именно ради своихъ друзей я долженъ уклониться отъ борьбы, чтобы не погубить ихъ вмѣстѣ съ собою...

— Этого никогда не случится, ваше величество, если вы храбро вступитесь за нихъ. Да, я смѣло настаиваю на томъ; — напрасно вы отрицательно качаете головою!—не смотря на все, что, повидимому, говоритъ противъ этого факта, народъ любитъ своего короля и цѣлые мильоны баварцевъ страстно жаждутъ того момента, когда онъ снова появится посреди нихъ, чтобы взять твердою рукою бразды правленія.

— А между тѣмъ представители народа подали голосъ противъ исполненія моего желанія, моей *просьбы!*

Людвигъ ударилъ по столу рукою и въ его глазахъ блеснулъ мрачный, зловѣщій огонь, испугавшій графа Адлерсгорта, но король сейчасъ же овладѣлъ собою.

— Однако, перестанемъ говорить о моихъ неудачахъ, милѣйшій графъ. Много безсонныхъ ночей, много горькихъ часовъ стоило мнѣ это постыдное пораженіе.

— Ваше величество, вы слишкомъ скоро падаете духомъ.— Повѣрьте мнѣ: зло еще поправимо,—возразилъ графъ, стараясь ободрить короля, который сидѣлъ, отвернувшись, и печально смотрѣлъ передъ собою.—Вашему величеству стóитъ только пе-

Digitized by Google

рѣхать на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Мюнхенъ и снова показываться народу, чтобы вернуть свою популярность.

Людвигъ опять такъ сильно ударилъ ладонью по столу, что на немъ задребезжала хрустальная посуда.

— Въ Мюнхенъ?—воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ.—Да развѣ вы не знаете, какъ поступили тамъ со мною? Жители столицы осмѣлились затѣять бунтъ противъ своего короля и это грубое насиліе съ ихъ стороны лишило меня лучшаго друга и еще одного, болѣе дорогаго мнѣ существа!

Графъ Адлерсгорстъ въ замѣшательствѣ опустилъ рѣсницы.

— Ваше величество, лучше забудьте прошлое, простите.

— Да развѣ я питаю къ кому нибудь вражду, Адлерсгорстъ? Но и вы не можете ставить мнѣ въ вину, если мнѣ ненавистенъ городъ, гдѣ я вынесъ величайшія душевныя пытки. Требуйте отъ меня всего, кромѣ возвращенія туда!

— Однако, ваше величество,—снова началъ графъ серьезнымъ тономъ,—вы должны преодолѣть справедливое чувство гнѣва. Здѣсь дѣло идетъ ни больше, ни меньше, какъ о безопасности вашего трона. Вопросъ поставленъ прямо: «быть или не быть».

Король взглянулъ широко раскрытыми, недоумѣвающими глазами на смѣльчака, заговорившаго о такихъ вещахъ, о которыхъ никто не смѣлъ и заикаться въ присутствіи раздражительнаго государя.

— О безопасности моего трона?...—повторилъ онъ наконецъ, и его губы слегка дрогнули.—Значитъ, и вы, Адлерсгорстъ, опасаетесь катастрофы, подозрѣваете предумышленную государственную измѣну?

— Я не только подозрѣваю, но знаю навѣрное, что она готовится.

Смертельная блѣдность покрыла на одинъ моментъ лицо короля.

— Значитъ, то, что представлялось мнѣ въ мрачныхъ снахъ посреди непроглядныхъ зимнихъ ночей, начинаетъ осуществляться? Страшное бѣдствіе приближается, неотвратимое, роковое!

Людвигъ протянулъ руки, какъ будто отталкивая ужасный призракъ; его глаза странно потускнѣли; по членамъ пробѣгала дрожь.

— Ваше величество, вы вполнѣ можете отвратить угрожающее вамъ бѣдствіе—донеслись до него, какъ во снѣ, ободряющія слова адьютанта.—Вы непремѣнно выйдете побѣдителемъ изъ этого новаго испытанія...

Адлерсгорстъ старался поддержать энергію государя, но тотъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

Digitized by Google

— Нѣтъ, скорѣе несчастія доконаютъ меня самого!

— Сдѣлайте хоть одну попытку,—настаивалъ графъ, не терявшій надежды уговорить короля.—Я ручаюсь головою, что вашему величеству стоитъ только показаться въ Мюнхенѣ и всѣ козни вашихъ враговъ разсѣются, какъ ночные призраки передъ свѣтомъ солнца.

Людвигъ, старавшійся оправиться отъ волненія, снова пристально взглянулъ на графа. Потомъ онъ слегка кивнулъ ему головой, говоря:

— Хорошо, я принимаю ваше предложеніе, графъ, но я рѣшусь показаться въ Мюнхенѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами, слѣдовательно послѣ вашего возвращенія. Ваша дружба, ваша дальновидность необходимы мнѣ въ этомъ Вавилонѣ, съ его несносной суетой, которая для меня такъ ненавистна.

— Позвольте же мнѣ, ваше величество, сказать вамъ еще одно слово!—въ радостномъ волненіи воскликнулъ графъ.—Тогда я буду въ полной надеждѣ на счастливый исходъ. Соизвольте оказать мнѣ ваше монаршее благоволеніе, сокративъ мой шестимѣсячный отпускъ ровно на половину. Такимъ образомъ, я успѣю вернуться изъ Италіи къ началу зимняго сезона, чтобы сопровождать ваше величество въ Мюнхенъ.

Король взглянулъ на адъютанта съ растроганнымъ видомъ.

— Какъ, Адлерсгорстъ, вы готовы пожертвовать полугодовымъ отдыхомъ отъ службы и сократить срокъ желаннаго уединенія съ любимой женщиной ради меня, ради вашего короля? А мнѣ еще говорили, что графъ Адлерсгорстъ совсѣмъ выйдетъ въ отставку, подчинившись вліянію моихъ недруговъ!

Лицо графа вспыхнуло, какъ зарево.

— Кто же осмѣлился говорить это вашему величеству!

Людвигъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукою.

— Вы знаете, я никогда не называю именъ.

— И ваше величество повѣрили?

— Я былъ увѣренъ,—перебилъ король дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—что графъ Адлерсгорстъ—честнѣйшая душа, неспособная къ измѣнѣ, и что даже въ объятіяхъ любви онъ не забудетъ своего государя, у котораго нѣтъ ни одного друга, кромѣ него, ни одного,—продолжалъ Людвигъ,—поймите меня хорошенько! Исключеніе составляютъ только нѣсколько старыхъ, вѣрныхъ слугъ.

— Въ такомъ случаѣ, вашему величеству нужно вдвойнѣ остерегаться предательства... и удалить измѣнниковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ король.—Я не люблю перемѣнъ въ

Digitized by Google

своемъ штатѣ, вы знаете это; я уже привыкъ прямо смотрѣть въ лицо измѣнѣ. А теперь, мой другъ, намъ лучше распрощаться, такъ какъ вы въ концѣ испортили мнѣ послѣдній вечеръ передъ нашей разлукой. Выпьемъ еще разъ за ваше будущее счастье. Любовь и благословеніе вашего короля будутъ невидимо сопровождать васъ повсюду.

Нѣсколько минутъ спустя, непроницаемый мракъ окутывалъ уже королевскій зимній садъ съ его сказочными, фантастическими чудесами, но самъ король еще долго прохаживался по своей комнатѣ, не находя покоя. Потомъ въ замкѣ раздался протяжный звонокъ, изъ конюшни были выведены лошади, запряженъ экипажъ, и Людвигъ выѣхалъ кататься въ темнотѣ ночи, плотно закутавшись въ плащъ и надвинувъ на глаза широкополую шляпу.

VI.

Принцъ Генрихъ съ супругой давали свой первый балъ послѣ новаго года. Прекрасныя комнаты ихъ дворца сіяли пышнымъ убранствомъ, пестрѣли мундирами гордыхъ сановниковъ и роскошными туалетами изящныхъ красивыхъ дамъ. Въ одной изъ залъ происходили оживленные танцы. Посреди мельканья пестрыхъ матерій, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ трудно было остановиться на чемъ нибудь одномъ. Между тѣмъ принцъ Генрихъ, по прежнему элегантный и моложавый, не смотря на сильно порѣдѣвшіе волосы и обрюзглость красиваго лица съ правильными чертами, успѣлъ замѣтить прелестную фигуру молодой графини Паулы, супруги графа Адлерсгорста, которая проходила по залѣ, опираясь на руку своего кавалера. Ея радостно улыбавшееся личико разгорѣлось отъ танцевъ.

— Клянусь небомъ, женщина прекрасна!—продекламировалъ принцъ тираду изъ «Донъ-Карлоса», выразительно подмигивая стоявшему рядомъ съ нимъ господину въ нарядномъ камергерскомъ мундирѣ.—Противному Адлерсгорсту, другу моего царственнаго кузена, ненавистника женщинъ, везетъ слѣпое счастье, котораго онъ не заслуживаетъ. Какая чарующая прелесть невинности! Нѣтъ, передъ графиней Паулой стушевывается даже ваша пріятельница, прекрасная Ева, графъ Гольдбергъ. Скажите, кстати, какъ она поживаетъ; мнѣ давно уже не приходилось видѣть ее въ интимномъ кружкѣ...

— О, эти женщины, ваше королевское высочество! — отвѣчалъ камергеръ.—Какъ много въ нихъ неразгаданнаго! Пред-

Digitized by Google

ставьте себѣ: наша веселая пріятельница сдѣлалась неузнаваема съ тѣхъ поръ, какъ побывала въ замкѣ Нейшванштейнъ и пѣла передъ его величествомъ. Хотя она не удостоилась видѣть высочайшей особы короля, но успѣла проникнуться къ нему благоговѣніемъ. Примадонна превозноситъ теперь государя вездѣ и всюду; восторгается его благородствомъ, пониманіемъ искусства и т. д. Однимъ словомъ, фрау Ева совершенно примкнула къ лагерю поклонниковъ его величества.

— Хм!—произнесъ принцъ. — Это вполнѣ естественно. Недаромъ великій Гёте сказалъ: «Кто равнодушенъ къ поклоненью, кого восторгъ не трогаетъ ничей, тотъ безъ труда внушаетъ восхищенье и обольщаетъ прелестью своей». Впрочемъ, милѣйшій, мы можемъ спокойно предоставить этотъ чисто платическій успѣхъ его величеству.

Принцъ благосклонно кивнулъ графу и отошелъ къ другой группѣ гостей. Но и тутъ онъ остановился ненадолго, а повернулъ въ уединенную небольшую комнату, гдѣ сидѣла баронесса Эберсдорфъ.

Людмила разговаривала съ нѣсколькими мужчинами, которые съ восхищеніемъ окружали ее. Приходъ принца Генриха заставилъ ихъ почтительно отступить. Баронесса была великолѣпна въ блѣдно-зеленомъ шолковомъ платьѣ—она по прежнему предпочитала этотъ цвѣтъ, зная, что онъ особенно ей къ лицу;—нитки превосходнаго жемчуга выдѣлялись своей матовой бѣлизной на ея шеѣ, рукахъ и въ массѣ блестящихъ черныхъ волосъ. Однако отъ принца не укрылось, что лицо Людмилы было блѣднѣе обыкновеннаго, а вокругъ глазъ выступали синеватые круги.

— Вамъ нездоровится, баронесса, или вы чѣмъ нибудь недовольны?—спросилъ онъ съ неподдѣльнымъ участіемъ, потому что все еще былъ, по своему, привязанъ къ красавицѣ-итальянкѣ.

— Чѣмъ же я могу быть недовольна, ваше королевское высочество, когда нахожусь вблизи васъ? — спросила она загадочнымъ тономъ, который можно было счесть за иронію.

— Ахъ, я замѣчаю, вы не въ духѣ, мой прекрасный другъ, и, если не ошибаюсь, виною тому вѣчно интригующій аббатъ Эйхфельдъ. Онъ никому не даетъ спокойно повеселиться, рѣшительно никому, даже мнѣ. Подумайте только: завтра опять назначенъ семейный совѣтъ у моего отца, серьезное, въ высшей степени важное засѣданіе, затѣянное навѣрно никѣмъ инымъ, какъ вашимъ другомъ, аббатомъ. Клянусь небомъ, мнѣ страшно надоѣли всѣ эти нескончаемыя совѣщанія и я утѣшаю себя только надеждою пріятно провести у васъ остатокъ вечера, послѣ

Digitized by Google

скучнѣйшей процедуры...—И, наклонившись къ баронессѣ еще ближе, принцъ прибавилъ:

— Вѣдь мы будетъ en petit comité?

— Совершенно такъ, какъ было угодно распорядиться вашему королевскому высочеству!

— А графиня Паула?

— Она, вѣроятно, также будетъ у насъ, потому что ея мужъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней изъ Мюнхена.

— Mercі, mercі!

Ихъ глаза встрѣтились. Въ блестящемъ взглядѣ принца былъ пытливый вопросъ, тогда какъ баронесса смотрѣла на него съ непроницаемымъ выраженіемъ.

Въ то же время, въ парадной залѣ, принцесса Адельгейда подозвала къ себѣ графа Адлерсгорста. Графъ уже давно вернулся изъ своего путешествія послѣ свадьбы и дѣлалъ тайныя приготовленія къ пріѣзду короля въ столицу. Онъ надѣялся такимъ путемъ положить быстрый, рѣшительный конецъ какъ явнымъ, такъ и негласнымъ интригамъ противъ государя. Эта перспектива поддерживала въ немъ бодрость духа и веселость. Дома молодой графъ наслаждался полнымъ счастьемъ и потому съ надеждой смотрѣлъ на будущее, искренно вѣря въ осуществленіе своихъ плановъ.

— Меня очень радуютъ сообщенныя вами благопріятныя извѣстія о состояніи здоровья его величества,—сказала принцесса.—Я безусловно довѣряю вашимъ словамъ, любезный графъ, и вижу теперь, что слухи о возобновившихся у короля болѣзненныхъ симптомахъ были пустыми выдумками.

Принцесса Адельгейда, изящная женщина съ блѣднымъ лицомъ, была далеко некрасива, но ея черты невольно нравились каждому выраженіемъ доброты и грустной покорности. Изъ ея кроткихъ глазъ смотрѣла прекрасная любящая душа.

— Ваше королевское высочество вполнѣ можете быть покойны,—отвѣчалъ графъ.—Его величество чувствуетъ себя прекрасно. Не дальше, какъ вчера, я видѣлъ государя въ отличномъ настроеніи духа. Ему опять удалось осчастливить двоихъ людей, устроивъ свадьбу одного изъ своихъ преданныхъ слугъ, а извѣстно, что нашъ король только тогда бываетъ искренно веселъ, когда онъ въ состояніи осыпать благодѣяніями окружающихъ, оказывая помощь въ нуждѣ и горѣ.

Глаза принцессы заблестѣли; она была растрогана.

— Да, я знаю это и потому глубоко уважаю моего двоюроднаго брата. Онъ, дѣйствительно, заслуживаетъ счастья, но по

Digitized by Google

своему характеру его величество едва ли способенъ быть счастливымъ. Въ жизни мрачныя стороны преобладаютъ надъ свѣтлыми. Совершенства нѣтъ на землѣ; между тѣмъ королю хочется, чтобы всѣ, кто его окружаетъ, были совершенными, начиная съ его министровъ и совѣтниковъ и кончая баварскимъ народомъ. Несчастный государь чувствуетъ себя вдвойнѣ оскорбленнымъ, встрѣчая неблагодарность и злобу... Его нѣжная душа слишкомъ поддается тяжелымъ впечатлѣніямъ и потому онъ жаждетъ замкнуться въ себѣ, изъ боязни новыхъ мучительныхъ соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ. Все это мнѣ слишкомъ хорошо понятно!

Принцесса подавила невольный вздохъ и прибавила, ласково улыбнувшись графу:

— Можетъ быть, любезный графъ, вашей дружбѣ и удастся совершить такое чудо: вернуть нашего царственнаго отшельника обратно въ свѣтъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, было бы крайне важно. Хорошо, еслибъ король, глядя на васъ, научился снова довѣрять людямъ и не сомнѣваться въ ихъ преданности.

— О, ваше королевское высочество!—возразилъ съ улыбкой графъ.—Не одинъ я служу примѣромъ преданности его величеству. Если въ королевскомъ штатѣ и попадались мошенники, то большинство служащихъ—люди честные, а жители горной страны, гдѣ его величество сыплетъ милостями, какъ добрый геній, отличаются беззавѣтной преданностью особѣ государя и готовы въ каждую данную минуту стать за него грудью и пролить свою кровь.

— Дай Богъ, чтобы нашъ добрый народъ никогда не былъ доведенъ до такой крайности, чтобъ его миновали ужасы междоусобія!—съ волненіемъ произнесла принцесса.

Графъ сочувственно кивнулъ ей головой.

— Я самъ ежедневно молюсь о томъ же, ваше королевское высочество,—сказалъ онъ.

Принцесса ласково кивнула ему головой.

— Пока вы находитесь при его величествѣ, я вполнѣ спокойна за него. Вы—самая лучшая защита короля.

Герцогъ Фердинандъ собирался уже уѣхать съ бала, но передъ отъѣздомъ вздумалъ переговорить о чемъ-то съ аббатомъ Эйхфельдомъ; они оба удалились въ зимній садъ, гдѣ было довольно пусто во время танцевъ, и стали прохаживаться по аллеѣ, слабо освѣщенной лампами подъ абажурами матоваго стекла. Герцогъ, хотя ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, держался прямо, представляя собою рѣзкій контрастъ съ почтительно согбенной фигурой маленькаго аббата. Волосы и борода были у него бѣлы,

Digitized by Google

какъ снѣгъ, но характерныя черты дышали жизнью и энергіей; по внѣшности онъ сохранился гораздо лучше сына, такъ какъ на принцѣ Генрихѣ слишкомъ замѣтно отразились излишества, которымъ онъ предавался съ молодыхъ лѣтъ.

— Что подѣлываетъ ея величество королева?—спросилъ герцогъ Фердинандъ.—Сообщили вы ей вкратцѣ, господинъ аббатъ, о чемъ мы будемъ завтра толковать на семейномъ совѣтѣ? Вѣдь наше засѣданіе будетъ рѣшительнымъ.

— Разумѣется, ваше королевское высочество,—подобострастно отвѣчалъ тотъ. — Я счелъ нужнымъ заранѣе подготовить государыню, но ея величество и безъ того покорна волѣ божіей. Королева смиренно преклоняется передъ судьбою и совершенно согласна съ мнѣніемъ вашего королевскаго высочества, что только соотвѣтствующая медицинская помощь можетъ привести къ выздоровленію августѣйшаго больнаго.

— Королева давно не видала своего сына?—задумчиво спросилъ герцогъ.

— Уже цѣлый годъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сообщить вашему королевскому высочеству, что его величество, въ свой послѣдній пріѣздъ ко вдовствующей королевѣ, отнесся крайне неблагосклонно къ ея простому образу жизни, посвященной однимъ религіознымъ заботамъ. Когда же ея величество замѣтила, что она надѣется постоянными молитвами и подвигами набожности отвратить отъ своего возлюбленнаго августѣйшаго сына справедливый гнѣвъ божій и загладить его грѣхи, тогда его величество вышелъ изъ себя и рѣзко замѣтилъ, что онъ съумѣетъ самъ оправдаться передъ Богомъ и не нуждается ни въ чьемъ посредничествѣ, хотя бы даже и родной матери. Съ тѣхъ поръ ея величество избѣгаетъ новой встрѣчи съ королемъ. Государыня хорошо понимаетъ ненормальное душевное состояніе сына и глубоко скорбитъ о немъ, но чувствуетъ себя не въ силахъ переносить подобныя сцены.

Герцогъ потупился съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Однако я все таки нахожу, аббатъ, что вамъ не слѣдуетъ поддерживать въ ея величествѣ этой наклонности къ суровому аскетизму. Жизнь зимою въ горахъ, чуть не въ крестьянской хижинѣ, несовсѣмъ прилична матери короля. Скоро окончательно никто не согласится состоять въ ея придворномъ штатѣ, лишая себя рѣшительно всякихъ удобствъ жизни.

Аббатъ пожалъ плечами.

— Ея величество—настоящая мать своего царственнаго сына:—у нихъ обоихъ одинаково непреклонная воля.

Digitized by Google

Герцогъ молча кивнулъ головою и прибавилъ послѣ короткой паузы:

— Ахъ, да, я совершенно забылъ вамъ сказать еще одну вещь: вчера мнѣ прислалъ кто-то иностранную газету, гдѣ была замѣтка, сильно поразившая меня:—король будто бы рѣшился отказаться отъ своего затворничества и вернуться въ Мюнхенъ, чтобы провести здѣсь нѣсколько недѣль и по прежнему устраивать обычныя празднества въ своемъ королевскомъ замкѣ.

Аббатъ опустилъ глаза въ землю.

— До меня также дошли эти слухи, ваше королевское высочество,—замѣтилъ онъ вполголоса,—и сегодня я самъ навелъ кое-какія справки во дворцѣ. Дѣйствительно тамъ, повидимому, готовятся къ пріѣзду его величества.

Глаза герцога широко раскрылись отъ испуга.

— Но въ такомъ случаѣ всѣ наши старанія пропадутъ даромъ!—съ досадой воскликнулъ онъ.—Увидѣвъ его величество, народъ подумаетъ, что король совершенно здоровъ и что его напрасно выставляли ненормальнымъ субъектомъ. При такихъ условіяхъ, ни рѣшеніе семейнаго совѣта, ни свидѣтельства врачей не приведутъ ни къ чему; стоитъ Людвигу явиться передъ жителями столицы, чтобы завоевать всеобщую симпатію. Вы знаете, аббатъ, такъ было всегда: моему племяннику стоило взяться за какое нибудь дѣло самому, и успѣхъ становился несомнѣннымъ.

— Конечно, я это знаю,—небрежно отвѣчалъ аббатъ.—Но повѣрьте, ваше королевское высочество, я съумѣю помѣшать возвращенію его величества въ столицу.

— Вы? — недовѣрчиво спросилъ Фердинандъ. — Ну, едва ли вамъ это удастся!

— Очень просто, — отвѣчалъ Эйхфельдъ, понизивъ голосъ.— Графъ Адлерсгортъ — душа всего этого плана; обрѣзать ему крылья—значитъ помѣшать исполненію проэкта.

— Легко сказать! Какими путями вы этого достигнете? Всѣ наши усилія переманить графа на свою сторону оказались напрасными.

— Согласенъ съ этимъ, но все таки... Впрочемъ, ваше королевское высочество, предоставьте мнѣ дѣйствовать тутъ самому.

Герцогъ бросилъ на аббата быстрый испытующій взглядъ.

— Объяснитесь точнѣе, аббатъ.—Я никогда не соглашусь прикрыть своимъ именемъ какое нибудь возмутительное насиліе, заявляю вамъ это самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Духовникъ королевы улыбнулся съ тонкой ироніей.

— Ваше королевское высочество, я имѣю честь носить одежду

Digitized by Google

служителя церкви и, слѣдовательно, не могу помыслить о какомъ нибудь насиліи; всѣ мои замыслы сводятся къ маленькой хитрости; если она удастся, то мы упрячемъ черезчуръ пылкаго графа на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость, нисколько не повредивъ его будущности, за что я вполнѣ ручаюсь. Адлерсгорстъ вступилъ теперь въ близкое родство съ семействомъ барона Эберсдорфа. Эти люди слишкомъ мнѣ дороги; причинить графу какой нибудь серьезный вредъ—значило бы для меня нанести позоръ самому себѣ.

Эйхфельдъ говорилъ полу-насмѣшливо, полу-серьезно, такъ что герцогъ пришелъ въ очевидное недоумѣніе, какъ ему понять слова іезуита; однако онъ сдѣлалъ видъ, что вполнѣ убѣдился его доводами. И какъ могъ Фердинандъ поступить иначе? Аббатъ до того крѣпко запуталъ его въ сѣть своихъ интригъ, что герцогъ не надѣялся больше достичь своей цѣли безъ помощи его ума и энергіи. Но въ чемъ же состояла эта цѣль? Фердинандъ былъ убѣжденъ, что онъ имѣетъ въ виду только одно благо своего королевскаго дома; ему, какъ старшему въ семьѣ, слѣдовало защищать честь своего стариннаго уважаемаго рода, и потому онъ считалъ себя вправѣ наложить опеку на такого неисправимаго безумца, какимъ былъ его племянникъ, Людвигъ II; этого, по его мнѣнію, требовали интересы государства. Вотъ почему старый герцогъ обратился къ аббату и сказалъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ бы слагая съ себя всякую отвѣтственность:

— Въ такомъ случаѣ, поступайте, аббатъ, какъ найдете нужнымъ; вы знаете, что я вполнѣ довѣряю вашей порядочности и вашей преданности моему королевскому дому, который долженъ быть чистъ отъ всякаго пятна. Прошу васъ запомнить это хорошенько.

Аббатъ поклонился чуть не не до земли и прикоснулся губами къ рукѣ герцога.

— Вы останетесь вполнѣ довольны мною, ваше королевское высочество.

VII.

— Намъ пора домой, Паула!

Разгорѣвшаяся отъ танцевъ, молодая женщина подняла на мужа странно блестѣвшіе глаза и торопливо взяла его подъ руку.

Digitized by Google

— Да, уѣдемъ отсюда поскорѣе, Альфонсъ; атмосфера этихъ залъ душитъ меня.

Графъ встревоженно и пытливо взглянулъ на жену. Потомъ онъ вывелъ ее въ прихожую, гдѣ было немного прохладнѣе, медленно прошелся съ Паулой нѣсколько разъ взадъ и впередъ, и тогда только приказалъ слугѣ подать шубу, которою заботливо укуталъ молодую женщину. Рѣзкій холодъ на улицѣ заставилъ Паулу вздрогнуть всѣмъ тѣломъ; въ каретѣ она прижалась къ плечу мужа; онъ обнялъ ее рукою и они ѣхали молча всю дорогу. Но когда Адлерсгорстъ вошелъ въ ярко освѣщенный вестибюль своего уютнаго дома, подареннаго ему въ день свадьбы королемъ, на его лбу все еще было замѣтно облако озабоченности; однако онъ опять таки воздержался отъ разспросовъ. Наконецъ Паула, переодѣвшись при помощи камеристки изъ бальнаго платья въ голубой пеньюаръ, отдѣланный лебяжьей опушкой, который необыкновенно возвышалъ ея плѣнительную, нѣжную красоту, вошла въ свой будуаръ, гдѣ ждалъ ее мужъ съ нескрываемымъ волненіемъ и тревогой.

При видѣ жены, онъ страстно прижалъ ее къ груди.

— Что случилось, Паула? Скажи мнѣ всю правду, прошу *тебя!*

— О, рѣшительно ничего такого, о чемъ тебѣ стоило бы тревожиться, Альфонсъ. Принцъ Генрихъ по обыкновенію сталъ опять говорить мнѣ любезности, но то, что я могла принимать за шутку, когда была не замужемъ, оскорбило меня теперь, когда я сдѣлалась твоей женой.

— И ты была совершенно права!—съ раздраженіемъ воскликнулъ графъ.—Ты должна высоко ставить честь моего и твоего имени. Принцъ долженъ уважать его, какъ и всякій другой мужчина. Что онъ осмѣлился сказать тебѣ, Паула?

— Онъ оскорбилъ меня не словами, Альфонсъ, а своимъ тономъ, своими дерзкими взглядами, которые просто пугали меня.

Графъ крѣпче прижалъ къ себѣ жену и нѣжно погладилъ рукой ея волнистые распущенные волосы, падавшіе по плечамъ.

— Негодяй! я понимаю, что одинъ взглядъ этого человѣка способенъ возмутить цѣломудренную женскую душу. А я между тѣмъ долженъ уѣхать, долженъ покинуть тебя среди этого легкомысленнаго общества, потому что меня призываетъ священный долгъ! Здѣсь дѣло идетъ объ интересахъ моего дорогаго, возлюбленнаго короля, который рискуетъ потерять не только корону, но даже самую жизнь.

— Неужели его жизнь въ опасности?—воскликнула Паула,

Digitized by Google

съ испугомъ вскакивая съ мѣста.—Ты опасаешься какого нибудь заговора, Альфонсъ?

— Нѣтъ. Я боюсь, что нѣжная душа короля не вынесетъ всѣхъ потрясеній, которыя его ожидаютъ, но тѣмъ, не менѣе, я обязанъ открыть ему глаза. Завтра состоится семейный совѣтъ, и каково бы ни было его рѣшеніе,—а я знаю, что оно будетъ не въ пользу государя,—король непремѣнно долженъ показаться въ своей столицѣ и лично присутствовать въ парламентѣ.

— Но согласится ли онъ на это, совершенно отвыкнувъ отъ многолюднаго общества? Будетъ ли король въ силахъ преодолѣть себя?

— Каждый человѣкъ съ твердой волей можетъ сдѣлать очень многое!—воскликнулъ графъ.—Съ моей стороны было бы преступленіемъ потворствовать въ настоящую минуту малодушію короля; вблизи его и такъ слишкомъ много низкихъ льстецовъ, которые нарочно поддакиваютъ ему во всемъ, что̀ служитъ къ его гибели. Мое положеніе не легкое, Паула, хотя король и удостоиваетъ меня своей дружбой. Я долженъ непоколебимо и твердо отстаивать его интересы, тѣмъ болѣе, что самъ онъ мало надѣется на свое спасеніе. Король—фаталистъ, и въ часы меланхоліи, которые повторяются все чаще, онъ считаетъ себя обреченнымъ судьбою на гибель; только мое краснорѣчіе и мое вліяніе могутъ принудить его дать отпоръ врагамъ.

— Въ такомъ случаѣ, поѣзжай, Альфонсъ, исполни свой долгъ,—мягко сказала Паула.—Будь увѣренъ, что я уже не ребенокъ, какимъ ты увидѣлъ меня въ первый разъ на весеннемъ праздникѣ, въ загородномъ дворцѣ принцессы Адельгейды. Неужели ты думаешь, что я не сдѣлалась самостоятельной и не научилась защищать себя въ три мѣсяца нашего супружества?

Адлерсгорстъ еще нѣжнѣе прижалъ къ себѣ жену.

— Ты не должна перетолковывать въ ложную сторону моихъ словъ, милая Паула; тебѣ я довѣряю безусловно, но ты еще не знаешь, какъ дуренъ свѣтъ. Что̀, если кому нибудь вздумается оскорбить жену ненавистнаго графа Адлерсгорста только потому, что онъ явно стоитъ на сторонѣ короля? Вдругъ кто нибудь рѣшится посягнуть... Но нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ напрасно разстраивать себя такими ужасными предположеніями. Чуть ли я самъ не заразился болѣзненною подозрительностью государя,—прибавилъ графъ и принужденно улыбнулся, замѣтивъ блѣдность, разлившуюся по̀ лицу Паулы.—Мнѣ все начинаетъ казаться въ мрачномъ свѣтѣ и я только пугаю своими опасеніями милаго ребен-

Digitized by Google

ка, который имѣетъ полное право видѣть пока однѣ розы на своемъ пути и наслаждаться одними свѣтлыми сторонами жизни!

— Нѣтъ, Альфонсъ, не говори такимъ образомъ,—возразила она.—Для любящей жены нѣтъ высшаго счастья, какъ раздѣлять заботы своего мужа, поддерживать его въ трудныя минуты жизни. Вѣдь ты знаешь, Альфонсъ, что я полюбила тебя именно за твой серьезный умъ и за то, что ты несъ тяжелое бремя на службѣ короля. Я слышала о тебѣ очень много еще до нашего знакомства; твое имя часто упоминалось въ домѣ моего отца; тамъ считали себя вправѣ отзываться съ пренебреженіемъ о графѣ Адлерсгорстѣ, какъ о любимцѣ короля. Но, слушая клеветы моихъ родныхъ, я только поняла, какъ безкорыстно ты преданъ всѣми покинутому, одинокому государю, и этимъ самымъ ты пріобрѣлъ мое сочувствіе раньше, чѣмъ я тебя узнала. Странно сказать, что я тѣмъ болѣе симпатизировала королю, чѣмъ больше нападали на него въ нашемъ обществѣ.

— Напротивъ, это вполнѣ понятно,—перебилъ графъ:—сердце благородной женщины не могло не отозваться участіемъ къ судьбѣ человѣка, котораго подвергали несправедливымъ преслѣдованіямъ. Недостатки короля вполнѣ искупаются его несомнѣнными достоинствами; всѣ, кто живетъ по близости королевскихъ замковъ, не разъ слыхали о его широкой благотворительности, о его состраданіи къ бѣднымъ, о готовности выручить изъ бѣды всѣхъ и каждаго; онъ дѣйствуетъ вполнѣ по заповѣди евангельской, какъ милосердный самарянинъ, который видѣлъ своего ближняго въ каждомъ человѣкѣ, нуждавшемся въ помощи.

Глаза Паулы зажглись горячимъ, дѣтскимъ одушевленіемъ.

— Да, король дѣйствительно таковъ!—воскликнула она. — Живя лѣтомъ въ Гольдау, я слышала такъ много о его благородствѣ, что невольно заинтересовалась какъ самимъ королемъ, такъ и ближайшимъ къ нему человѣкомъ, графомъ Адлерсгорстомъ, на котораго столько клеветали и которому въ то же время такъ завидовали. Вскорѣ принцесса Адельгейда устроила въ своемъ загородномъ замкѣ веселый праздникъ. Помнишь, какъ въ прекрасномъ саду надъ озеромъ разбили ярмарочные балаганы, гдѣ за прилавкомъ сидѣли самыя миловидныя изъ молодыхъ аристократокъ? Меня, по желанію принцессы, одѣли въ тирольскій костюмъ, я предлагала гостямъ букетики альпійскихъ фіалокъ и бѣлыхъ иммортелей изъ своей корзиночки. Ты взялъ мое приношеніе съ такимъ благороднымъ достоинствомъ и подарилъ меня такимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, что онъ запалъ мнѣ въ душу!..

Digitized by Google

— Да, моя прелестная тиролька, увидѣть и полюбить тебя было для меня одно и то же!—воскликнулъ графъ, нѣжно привлекая къ себѣ жену.

Паула угадала со свойственнымъ женщинѣ тактомъ, что эти воспоминанія успокоительно дѣйствуютъ на мужа, и продолжала:

— Ты украсилъ моимъ букетикомъ свою шляпу и между нами завязался разговоръ, который прекратило только появленіе моей мачихи. Ты поклонился ей съ такой ледяной холодностью, что я испугалась, такъ какъ мое сердце уже успѣло заговорить въ твою пользу. Мнѣ пришло въ голову, что мы никогда больше не увидимся, но все случилось какъ разъ наоборотъ; нашему сближенію никто не думалъ препятствовать, и когда я откровенно разсказала о нашей встрѣчѣ моей доброй гувернанткѣ, Эммѣ Вальдовъ, она и не подумала оспаривать моего хорошаго мнѣнія о тебѣ, какъ бывало прежде, когда ей случалось не соглашаться въ чемъ нибудь со мною. Вотъ какъ она отозвалась тогда о тебѣ: графъ Адлерсгорстъ—превосходный человѣкъ, вполнѣ достойный уваженія, и вы, Паула, можете гордиться, если вамъ дѣйствительно удалось остановить на себѣ его вниманіе.

— Да,—съ горькой улыбкой замѣтилъ графъ,—никто не ставилъ преградъ нашему сближенію, но какъ мало подозрѣваешь ты настоящую причину такой уступчивости, милая Паула!

— Что ты хочешь этимъ сказать?—съ тревогой спросила она.

— Враги короля надѣялись избавиться отъ меня, думая, что я измѣню своему государю, запутавшись въ сѣтяхъ любви. Не правда ли, ты поражена такимъ открытіемъ? Конечно, отъ тебя тщательно скрывали всѣ хитрыя махинаціи и даже я самъ до сихъ поръ не рѣшался омрачать нашего счастія, раскрывая передъ тобой неприглядную истину. Но теперь настала пора открыть тебѣ глаза, чтобы ты видѣла ясно свое положеніе... Хотя между тобой и мачихой никогда не существовало искренней симпатіи, но ты считала себя у нея въ долгу, за то, что она не думала мѣшать нашему браку; однако это не было ни уступкой, ни жертвой съ ея стороны. Баронесса отдала твою руку явному сторонніку ненавистнаго ей короля, имѣя въ виду своекорыстную цѣль, прикладывая ко мнѣ собственную мѣрку. Коноводы противной партіи разсчитывали, что честолюбіе и привязанность къ тебѣ заставятъ меня измѣнить королю. Твоя учительница, Эмма Вальдовъ, также взяла мою сторону, потому что баронесса уполномочила ее поступить такимъ образомъ.

Щоки Паулы страшно поблѣднѣли; ея руки дрожали.

— Неужели это правда?—повторяла она, растерявшись.—Не-

Digitized by Google

ужели можно такъ низко спекулировать самымъ священнымъ чувствомъ человѣка? И Эмма Вальдовъ также была въ заговорѣ? Но, нѣтъ, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ ней ты навѣрное ошибся: она невиновна. Отъ нея я научилась только одному хорошему, благородному; пока она жила у насъ, Эмма такъ кротко уговаривала меня въ горькія минуты, когда мнѣ приходилось тяжело въ отцовскомъ домѣ; она не могла быть лицемѣркой, а если и приняла участіе въ низкомъ заговорѣ мачихи, то единственно ради моего счастія. О, я не могу подозрѣвать ее ни въ чемъ другомъ!

Графъ для виду согласился съ женой, стараясь успокоить ея волненіе.

— Я не хочу подрывать твоего довѣрія къ любимой учительницѣ,—сказалъ онъ,—но теперь ты видишь, какъ нужно быть осторожной съ твоей мачихой; она—ловкое орудіе въ рукахъ аббата Эйхфельда, самаго опаснаго врага его величества. Этотъ безсовѣстный честолюбецъ упрямо стремится къ власти, не пренебрегая никакими средствами.

— О, я испытываю всегда неопредѣленный страхъ въ его присутствіи,—съ волненіемъ прошептала Паула,—и мнѣ кажется порою, что его холодный взглядъ покоится на мнѣ съ затаенной ненавистью. Онъ мнѣ врагъ, я это чувствую.

— Онъ врагъ всего добраго и чистаго, а потому не можетъ любить тебя.

Адлерсгорстъ снова обнялъ жену; въ это время часы изъ мейссенскаго фарфора въ стилѣ «рококо», стоявшіе на каминѣ, пробили три. Графъ вскочилъ съ мѣста.

— Я слишкомъ долго заговорился съ тобою, Паула, ты устала,—нѣжно замѣтилъ онъ,—пора спать.

На другое утро молодая женщина встала блѣдная, съ потускнѣвшими глазами. Слезы повисли у нея на рѣсницахъ, когда она бросилась на шею уѣзжавшему мужу.

— Возвращайся поскорѣе назадъ!

— Какъ только будетъ можно, я непремѣнно вмѣстѣ съ королемъ,—отвѣчалъ графъ, подчеркивая послѣднія слова.

— Могу я не ѣхать сегодня на вечеръ къ моей мачихѣ?—прошептала Паула умоляющимъ тономъ.—Мнѣ будетъ трудно хладнокровно встрѣтиться съ ней, послѣ того, что я узнала вчера.

— Если ты можешь преодолѣть себя, моя дорогая, то отправляйся къ ней, не смотря ни на что. Въ интересахъ короля мы должны быть осторожны; явный разрывъ съ твоей мачихой прежде-

Digitized by Google

временно встревожитъ нашихъ враговъ.—И, замѣтивъ грусть своей молодой жены, графъ прибавилъ утѣшительнымъ тономъ:—Еще немного терпѣнія, милая Паула; если предстоящее мнѣ великое дѣло удастся, и король снова выступитъ на защиту законнаго права, тогда настанетъ время, когда мы можемъ поднять забрало и смѣло показать свое лицо, какъ друзьямъ, такъ и врагамъ.

VIII.

Баронъ Эберсдорфъ занималъ роскошный бель-этажъ въ одномъ изъ новыхъ домовъ на главной улицѣ Мюнхена. Длинный рядъ оконъ этого жилища ярко горѣлъ среди ночнаго мрака, хотя баронесса, по желанію принца Генриха, пригласила на вечеръ только ограниченный кружокъ избранныхъ знакомыхъ: нѣсколькихъ придворныхъ съ ихъ женами, нѣсколькихъ выдающихся живописцевъ и скульпторовъ, нѣсколькихъ артистовъ королевскаго театра и въ числѣ ихъ капельмейстера Альберта и примадонну Еву. Принцъ еще не пріѣзжалъ и гости могли, не стѣсняясь, разговаривать о предметахъ, которыхъ нельзя было касаться въ его присутствіи; его высочество не любилъ, чтобы веселье интимныхъ вечеровъ нарушалось серьезными бесѣдами. Ко всеобщему удивленію, въ числѣ гостей баронессы оказался и аббатъ Эйхфельдъ, который не показывался въ ея обществѣ уже нѣсколько лѣтъ. Одѣтый въ щегольскую сутану, онъ съ веселымъ видомъ переходилъ отъ одной группы къ другой, повсюду поддерживая разговоръ, вставляя тамъ и сямъ меткое словцо со свойственной ему находчивостью. Только объ одномъ предметѣ хитрый аббатъ не обмолвился ни единымъ словомъ: онъ упорно молчалъ о томъ, чѣмъ кончился сегодня семейный совѣтъ во дворцѣ герцога Фердинанда. Между тѣмъ, этотъ вопросъ естественно интересовалъ все собраніе, но духовникъ королевы старался отклонить отъ себя даже самый осторожный, косвенный намекъ на это щекотливое обстоятельство, еще болѣе подстрекая общее любопытство. Посреди этихъ ловкихъ маневровъ непроницаемаго іезуита, вниманіе гостей было привлечено появленіемъ новаго посѣтителя, никогда еще не виданнаго въ салонахъ баронессы. То былъ прежній повѣренный короля, графъ Гольдбергъ.

— Ну, это не спроста!—промолвилъ одинъ изъ придворныхъ своему сосѣду.—Подумайте только: графъ Гольдбергъ въ непріятельскомъ лагерѣ! Вѣрно, кораблю предстоитъ окончательное крушеніе, если крысы спѣшатъ его покинуть.

Digitized by Google

— Чего жъ вы хотите?—возразилъ другой,—самъ графъ Адлерсгорстъ, первый другъ короля, породнился съ домомъ Эберсдорфовъ.

— Но это не помѣшало ему остаться вѣрнымъ сторонникомъ государя. Однако, гдѣ же онъ? Я что-то его не вижу!

— Онъ на дежурствѣ у его величества, какъ сообщилъ мнѣ баронъ.

— А графиня Паула?

— Она стоитъ вонъ тамъ, возлѣ примадонны, фрау Евы! Взгляните, какая граціозная группа! Роскошная, гордая красавица Ева со своими огненными черными глазами, съ короной черныхъ волосъ надъ задумчивымъ лбомъ, въ великолѣпномъ туалетѣ цвѣта crême, который такъ прекрасно оттѣняетъ ея смуглую кожу, а рядомъ съ нею воздушная блондинка въ свѣтло-голубомъ платьѣ, настоящее воплощеніе юности и невинности!

— Графиня кажется мнѣ сегодня поразительно блѣдной.

— Не мудрено: она осталась въ первый разъ соломенною вдовою, а молодые супруги, повидимому, воркуютъ, какъ нѣжные голубки.

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе.

— Пламенная супружеская любовь слишкомъ несовременна. Подобные брачные союзы давно вышли изъ моды. Впрочемъ, вѣдь графъ Адлерсгорстъ—близкій другъ короля-идеалиста!

— Въ такомъ случаѣ, его мѣщанская сантиментальность вполнѣ понятна!

— Неужели вамъ ничего не извѣстно о результатѣ сегодняшняго совѣщанія, г. тайный совѣтникъ?—раздался вопросъ въ другой группѣ гостей.

Тайный совѣтникъ, видный мужчина лѣтъ пятидесяти, съ вѣчно улыбавшимся лицомъ дипломата, пожалъ плечами.

— Объ этомъ вамъ слѣдовало бы спросить аббата фонъ-Эйхфельда; я не принадлежу къ числу посвященныхъ.

— Аббатъ совершенно неприступенъ.

— Зато его лицо говоритъ достаточно ясно,—вмѣшался третій.—Посмотрите, какъ онъ сіяетъ. Вѣроятно, все устроилось по его желанію.

— Бѣдный король!—со вздохомъ замѣтила фрау Ева, услышавъ этотъ разговоръ, и взглянула на Паулу, ожидая встрѣтить въ ней сочувствіе.

Графиня закусила губы, опасаясь обмолвиться неосторожнымъ словомъ. Она надѣялась, что темныя интриги партій скоро будутъ разоблачены, что король вскорѣ появится посреди своихъ

Digitized by Google

подданныхъ и принудить къ молчанію тѣхъ, кто нагло издѣвался надъ нимъ теперь. Паула вѣрила въ счастливый исходъ, въ торжество правды, какъ можетъ вѣрить одна неопытная юность. Ей казалось невозможнымъ, чтобы энергичныя старанія ея мужа не увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

— А вы сочувствуете королю, фрау Ева?—спросила Паула, обращая на примадонну ласковый взглядъ.

— Горячо сочувствую!—рѣшительно отвѣтила та.—Хоть я недавно перешла на его сторону, зато сдѣлала это вполнѣ искренно.

Въ эту минуту вниманіе графини было отвлечено ея отцомъ, который очевидно отыскивалъ ее, вооружившись моноклемъ.

— Хэ, графиня Паула!—прогнусавилъ онъ еще издали.—Тебя ищутъ наши дамы.—И, бросивъ презрительный взглядъ на пѣвицу, которую тотчасъ окружила толпа поклонниковъ, старый баронъ продолжалъ тономъ укора:—Баронесса нарочно послала меня за тобой. Графинѣ Адлерсгорстъ вовсе неприлично такъ долго вести интимную бесѣду съ какой-то актрисой.

— Но, папа,—осмѣлилась возразить Паула:—она здѣсь гостья и, какъ всякая другая изъ приглашенныхъ, имѣетъ право на вниманіе со стороны хозяевъ.

Баронъ взглянулъ на дочь съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ и проворчалъ съ досадой:

— Странныя однако у тебя воззрѣнія. Отъ кого ты позаимствовалась ими, любопытно было бы узнать! Ужь не отъ твоей ли возлюбленной Эммы Вальдовъ? Мы должны выше всего ставить достоинство нашего званія, дитя мое, помни это! Въ наше время, когда вольнодумцы стремятся уничтожить всѣ сословныя разграниченія, представители знати должны высоко держать свое знамя!

Графу Гольдбергу, послѣ многочисленныхъ привѣтствій по адресу высокопоставленныхъ лицъ, удалось наконецъ добраться до фрау Евы. Всѣмъ было извѣстно, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ рьяныхъ поклонниковъ примадонны; поговаривали даже, будто бы графъ намѣревался предложить свою руку знаменитой артисткѣ. Тѣмъ болѣе показалось страннымъ, что надменная красавица отвѣчала на его поклонъ съ замѣтнымъ равнодушіемъ. Нервно играя вѣеромъ, она продолжала начатый разговоръ съ капельмейстеромъ Альбертомъ касательно выбора романса, который ей предстояло пропѣть передъ обществомъ по желанію хозяйки.

— Повѣрьте, сударыня, что вашъ выборъ не подходитъ къ

Digitized by Google

веселому настроенію собравшагося общества,—серьезно замѣтилъ капельмейстеръ.

— Мнѣ это совершенно безразлично; я не желаю пѣть ничего другаго,—упрямо настаивала примадонна.—Я нарочно выбрала прекрасное стихотвореніе Ленау для гостей графини Эберсдорфъ. Пусть оно дойдетъ имъ до сердца, образумитъ ихъ. Прошу васъ, сдѣлайте по моему!

Съ этими словами она подошла къ роялю; Альбертъ охотно послѣдовалъ за ней и вскорѣ въ залѣ раздалось звучное пѣніе дивы, которое такъ и проснлось въ душу своими богатыми модуляціями, своими рыдающими нотами:

Если рощу зеленую въ гнѣвѣ Зевесъ
Громовою стрѣлой поражалъ,
Эллинъ набожный, видя въ томъ волю небесъ,
Это мѣсто священнымъ считалъ.

Такъ и вы не тревожьте того, кто судьбой
Обреченъ съ юныхъ лѣтъ на несчастья,
Не смущайте его ни слѣпою враждой,
Ни непрошеннымъ словомъ участья!

— Какая трагическая арія! А кто положилъ ее на музыку?—посыпались любопытные разспросы.

— Кто же другой, какъ не покойный Рейнгардъ!

— Рейнгардъ! И его произведенія исполняются въ домѣ Эберсдорфовъ?! Ну, это что-то совсѣмъ небывалое здѣсь, гдѣ прежде никто не смѣлъ упоминать даже имени умершаго композитора.

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на красавицу-хозяйку дома. Ея отношенія къ Рейнгарду были въ памяти еще у многихъ; знакомый мотивъ аріи взволновалъ Людмилу; она не могла скрыть своей блѣдности. Только страшнымъ усиліемъ воли удалось ей стряхнуть съ себя тяжелыя воспоминанія, воскресшія передъ нею на одно мгновеніе и какъ будто воплотившіяся въ осязаемую дѣйствительность. Почему раздался именно теперь этотъ откликъ далекаго прошлаго? Теперь, когда баронесса не можетъ болѣе ничего исправить, ничего измѣнить даже относительно оставшагося пока въ живыхъ короля? Его участь рѣшена, неизмѣнно и безповоротно. Людмилѣ, только одной изъ всѣхъ присутствующихъ, извѣстно рѣшеніе, къ которому пришли сегодня члены королевской фамиліи большинствомъ голосовъ—потому что и на этомъ семейномъ совѣтѣ нашлись люди, заступавшіеся за несправедливо обвиняемаго государя. Аббатъ съ торжествующей

Digitized by Google

миной сообщилъ Людмилѣ о побѣдѣ, одержанной ихъ партіей. Король Людвигъ II признанъ неспособнымъ къ правленію и съ этихъ поръ будетъ находиться подъ надзоромъ врачей. Созванныя на совѣтъ медицинскія знаменитости произнесли свой приговоръ на основаніи письменныхъ документовъ, добытыхъ различными путями отъ королевской прислуги и собранныхъ съ большимъ трудомъ стараніями аббата Эйхфельда въ теченіе многихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, было достигнуто то, къ чему такъ долго стремились мстительная итальянка и ея дальновидный, хитрый совѣтникъ и другъ. Но почему же она не испытываетъ ни радости, ни довольства? куда разлетѣлись честолюбивыя мечты, которыя баронесса надѣялась осуществить, когда наступитъ часъ ея торжества? Леденящій холодъ пробѣгалъ у нея по тѣлу при этой мысли. Людмила чувствовала только, и внутри себя, и вокругъ, одну страшную, мертвящую пустоту. Женщина, служившая когда-то предметомъ общей зависти, окруженная любовью и поклоненіемъ, стояла теперь такъ далеко отъ всѣхъ, чувствовала себя такой одинокой, никому ненужной, всѣмъ чужой! Ея мужъ представлялъ собою полнѣйшее нравственное ничтожество; падчерица не симпатизировала мачихѣ и отдалилась отъ нея еще больше, выйдя замужъ за человѣка, явно нерасположеннаго къ баронессѣ Эберсдорфъ. Молодой графъ не поддался вліянію Людмилы, не смотря на всѣ ея ловкіе маневры. О, чего бы она не дала теперь за безкорыстную любовь такого друга, какимъ былъ для нея умершій Рейнгардъ! Но и онъ оставилъ этотъ міръ, когда его привязанность къ ней давно уже смѣнилась презрѣніемъ. Бывшая графиня Маріо, блестящая красавица, богато одаренная разнообразными талантами, мало по малу лишилась всего, что̀ украшаетъ человѣческую жизнь; ея жизнь была посвящена пустой погонѣ за призракомъ, который расплывался въ туманѣ всякій разъ, едва она готовилась схватить его, овладѣть имъ.

Неожиданное движеніе въ залѣ вывело Людмилу изъ задумчивости. Съ вынужденной улыбкой пошла она на встрѣчу только что пріѣхавшему принцу Генриху, своему мнимому другу, къ которому баронесса на самомъ дѣлѣ всегда питала одну скрытую непріязнь и отвращеніе. Ни на одну минуту, даже среди порывовъ страсти, въ объятіяхъ любви, она не могла отдѣлаться отъ этихъ чувствъ и создать себѣ хотя бы мимолетную сладкую иллюзію.

Между тѣмъ принцъ Генрихъ, веселый и оживленный, благосклонно заговаривалъ то съ однимъ, то съ другимъ изъ гостей, почтительно привѣтствовавшихъ высокаго посѣтителя. Но въ

Digitized by Google

сущности его высочество не замѣчалъ никого, кромѣ той, ради которой онъ пріѣхалъ сюда. Эта избранница была молодая графиня Паула. Принцъ жаждалъ добиться ея благосклонности съ необузданностью человѣка, никогда не знавшаго помѣхи своимъ желаніямъ. Онъ даже почти совсѣмъ забылъ, что Паула—жена другаго. Она была падчерицей баронессы Эберсдорфъ, которой принцъ Генрихъ создалъ положеніе въ обществѣ, не смотря на ея небезупречное прошлое. Это служило достаточной порукой успѣха дерзкому волокитѣ. Кромѣ того, аббатъ фонъ-Эйхфельдъ, повѣренный его высочества въ сердечныхъ дѣлахъ, убѣдилъ принца, что ему представится сегодня случай свободно объясниться съ плѣнительной красавицей, принадлежавшей ненавистному графу Адлерсгорсту, который оставилъ молодую жену, чтобы предаваться нелѣпымъ бреднямъ въ обществѣ своего царственнаго друга, полоумнаго короля Людвига. Подѣломъ достанется этому спесивому, гордому своей добродѣтелью глупцу, если принцъ воспользуется благопріятной минутой и плѣнитъ ребяческое сердечко прелестной Паулы!

Съ такими мыслями его высочество подошелъ къ молодой женщинѣ и принялся довольно безцеремонно нашептывать ей страстныя признанія. Она возражала ему скромно, но въ рѣшительномъ тонѣ; однако принцъ не падалъ духомъ отъ первой неудачи. Онъ любовался яркимъ румянцемъ, который вызывали на ея щоки его нескромныя любезности; Паулѣ волей-неволей приходилось выслушивать ихъ, соблюдая необходимыя правила вѣжливости относительно высокаго гостя.

Въ то же время графу Гольдбергу снова удалось приблизиться къ фраю Евѣ. Онъ казался взволнованнымъ; его глаза съ умоляющимъ выраженіемъ ловили ея взглядъ.

— Вы сердитесь на меня, Ева... за что же это?

— И вы еще спрашиваете? — съ неудовольствіемъ возразила примадонна.—Развѣ я не понимаю, что̀ означаетъ ваше присутствіе здѣсь? Ни больше, ни меньше, какъ измѣну вашему королю и государю!

Графъ измѣнился въ лицѣ.

— Но вѣдь и вы сами находитесь въ числѣ гостей баронессы Эберсдорфъ?

— Я женщина, а вы мужчина и прежде слыли другомъ его величества.

— Боже мой! — но что же я могу сдѣлать противъ обстоятельствъ? Вѣсы склоняются въ сторону гибели короля Людвига; было бы глупостью стараться поддержать ихъ.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, въ такомъ случаѣ всякая вѣрность, вообще, есть только звукъ пустой... Отвѣтьте мнѣ впрочемъ, графъ Гольдбергъ, на одинъ вопросъ: правда ли что вы находились сегодня въ числѣ тѣхъ, кто подавалъ голосъ противъ короля, своего законнаго государя?

Пѣвица посмотрѣла на графа пронизывающимъ взглядомъ; онъ поблѣднѣлъ.

— Вы совершили эту низость? Не оправдывайтесь! — съ жаромъ продолжала она, дрожа отъ гнѣва.—Съ этихъ поръ наши дорòги разошлись навсегда, г. графъ. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ мѣста измѣннику!

Молодая женщина повернулась къ нему спиной; взбѣшенный графъ проворчалъ, заскрипѣвъ зубами:

— Еслибъ Ева была мужчиной, я смылъ бы кровью такое оскорбленіе; но она женщина и я любилъ ее!

Наконецъ, Паула освободилась отъ своего черезчуръ назойливаго поклонника. Двери въ столовую отворились настежъ; серебро и хрусталь сверкали на столѣ, убранномъ цвѣтами. Принцъ Генрихъ шепнулъ графинѣ, сопровождая свои слова пылкимъ взглядомъ:

— Мы возобновимъ нашъ разговоръ послѣ ужина, божественная Паула!

Потомъ онъ подалъ руку хозяйкѣ дома и за ними пестрой, шумной вереницей потянулись попарно остальные гости.

Ужинъ отличался большимъ оживленіемъ. Веселый гулъ голосовъ прерывался смѣхомъ, дружными тостами, звономъ бокаловъ. Нѣжныя парочки перешептывались подъ шумокъ, влюбленные обмѣнивались изподтишка пламенными взглядами. Но центромъ собравшагося общества, конечно, оставался все время принцъ Генрихъ. Присутствующіе наперерывъ старались занять его высочество; все тяготѣло къ нему, все передъ нимъ преклонялось и курило ѳиміамъ высокому гостю, стараясь добиться его благосклонности. Не удивительно, если онъ считалъ себя владыкой въ этомъ подобострастномъ міркѣ, гдѣ ему оказывали раболѣпное подчиненіе. Вставъ изъ-за стола съ разгорѣвшимся лицомъ и блестящими глазами, принцъ осматривался по сторонамъ, отыскивая взглядомъ Паулу. Гдѣ она могла быть? Онъ прошелся по всѣмъ парадным комнатамъ, завернулъ даже въ будуаръ баронессы, напоминавшій скорѣе опочивальню султанской одалиски, однако молодой графини нигдѣ не оказалось. Восклицаніе досады сорвалось съ губъ его высочества. Неужели она осмѣлилась уѣхать потихоньку, чтобы одурачить своего царственнаго обожателя?

Digitized by Google

Ему встрѣтился Эйхфельдъ.

— Аббатъ, что жъ это значитъ? — набросился на него Генрихъ.—Куда вы дѣвали лучшее сокровище этого дома, который существуетъ, благодаря моей щедрости? Я не хочу думать, чтобъ вы издѣвались надо мною... Вѣдь вы обѣщали мнѣ свиданіе наединѣ съ красавицей... И что же?..

Принцъ зазвалъ іезуита въ будуаръ и теперь выговаривалъ ему съ нескрываемымъ гнѣвомъ.

— Простите, ваше королевское высочество! Неужели графиня дѣйствительно уѣхала? Значитъ, она почувствовала себя хуже. Паула съ самаго начала жаловалась на нездоровье.

— Вы угощаете меня пустыми отговорками, г. аббатъ. Погодите: я вамъ это припомню!

— Во всякомъ случаѣ, я не виноватъ, ваше королевское высочество. Баронесса нашла нужнымъ измѣнить на сегодняшній вечеръ придуманный нами планъ. Ей показалось неловкимъ допустить нѣкоторыя вещи у себя въ домѣ, въ присутствіи мужа... Однимъ словомъ, тутъ замѣшались въ дѣло чисто женскія соображенія. Впрочемъ, ваше королевское высочество, вы все равно достигнете желаемаго!..

Духовникъ королевы увлекъ принца въ оконную нишу и сталъ шептать ему что-то на ухо съ самымъ таинственнымъ видомъ.

Лицо Генриха постепенно прояснялось, наконецъ онъ кивнулъ головой, очевидно вполнѣ довольный словами іезуита.

— Ну, хорошо, на сегодня я прощаю, что вы нарушили свое обѣщаніе. Значитъ, до завтра. Позаботьтесь же однако, чтобъ хорошенькая птичка не упорхнула изъ нашихъ сѣтей, — сказалъ онъ.

— Ручаюсь въ томъ, — отвѣчалъ аббатъ съ низкимъ поклономъ.

Но едва принцъ вышелъ изъ комнаты, какъ онъ прошепталъ съ насмѣшливымъ подергиваніемъ губъ:

— Ты воображаешь, что способенъ провести другихъ, а между тѣмъ самого тебя отлично водятъ за носъ! Милѣйшій принцъ, ты также принадлежишь къ числу маріонетокъ, которыя послушно ходятъ у меня по струнке!

IX.

Снѣгъ валилъ крупными хлопьями, окутывая пушистымъ бѣлымъ покровомъ лѣса и горы. Около полудня. Георгъ фонъ-Ран-

Digitized by Google

дау съ якташемъ черезъ плечо приближался къ охотничьему замку. Старинное зданіе съ занесенными снѣгомъ окнами смотрѣло уныло и непривѣтливо. Старшій лѣсничій съ женою и дѣтьми отправился въ гости къ своему тестю на Тегернское озеро, гдѣ праздновали въ семейномъ кругу день рожденія г-жи Вальбургъ. Кромѣ Георга, котораго задержали въ своемъ участкѣ служебныя обязанности, въ домѣ Фельдау осталась и гувернантка, фрейлейнъ Вальдовъ. Она сказалась больной и не выходила изъ своей комнаты цѣлое утро. Поэтому Георгъ немало удивился, проходя черезъ садъ и увидѣвъ ее, также возвращавшуюся домой. Эмма, закутанная въ шубу, медленно подвигалась впередъ; она, очевидно, страшно измучилась продолжительной ходьбой, потому что едва передвигала ноги. Рандау, насколько позволялъ ему глубокій снѣгъ, поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Отношенія между обоими молодыми людьми были по прежнему холодны, гордая Эмма не допускала никакой короткости. Однако юноша чувствовалъ къ ней прежнюю симпатію, которую возбудила въ немъ при первой встрѣчѣ эта молчаливая дѣвушка, очевидно находившаяся подъ гнетомъ тайнаго горя. Впослѣдствіи онъ узналъ, что она сирота, что ея отецъ служилъ чиновникомъ при дворѣ вдовствующей королевы и погибъ во время путешествія по горамъ. Мать Эммы умерла при ея рожденіи. Дѣвочка воспитывалась въ монастырѣ на счетъ королевы и была подготовлена здѣсь къ званію домашней учительницы; всѣ эти грустныя обстоятельства достаточно объясняли ея робость и сдержанность; во всемъ остальномъ она была образцовой гувернанткой, строго исполняя свои обязанности. Обѣ воспитанницы любили ее, хотя молодая дѣвушка была довольно требовательна по отношенію къ нимъ; сама г-жа Фельдау, съ удовольствіемъ замѣчая успѣхи дочерей подъ руководствомъ Эммы, постоянно выказывала ей свое расположеніе. Рождественскіе праздники, которые Георгъ провелъ у родителей въ Мюнхенѣ, Эмма Вальдовъ провела съ семействомъ Фельдау въ домѣ Вальбурговъ на Тегернскомъ озерѣ. Здѣсь ее обласкали и приняли, какъ родную, хотя старый лѣсничій все еще не могъ преодолѣть своего недовѣрія къ воспитанницѣ антипатичнаго ему аббата Эйхфельда. Каникулы прошли для нея очень пріятно, но Эмма Вальдовъ вернулась домой такою же грустной, какъ и была; ея щоки покрывала болѣзненная блѣдность; въ словахъ и движеніяхъ обнаруживалась нервная раздражительность, такъ что г-жа Фельдау нисколько не удивилась, когда гувернантка попросила оставить ее дома и не поѣхала въ гости къ Вальбургамъ.

Digitized by Google

— Не привезти ли вамъ доктора изъ города?—съ участіемъ спросила добрая Катерина.—Вы кажетесь мнѣ совсѣмъ больною.

Однако Эмма Вальдовъ ласково, но рѣшительно отклонила это предложеніе, увѣряя, что отдыхъ послужитъ ей лучшимъ лѣкарствомъ. И вдругъ теперь Георгъ встрѣтилъ мнимую больную посреди смѣжной мятели на большой дорогѣ, совершенно иззябшую и измученную! Вуаль, опущенная на лицо дѣвушки, обледенѣла отъ ея дыханія.

Противъ обыкновенія, Эмма Вальдовъ охотно приняла предупредительность Георга и позволила взять себя подъ руку. Войдя въ сѣни, она въ изнеможеніи прислонилась къ стѣнѣ, едва переводя духъ.

— Я сейчасъ пошлю къ вамъ служанку!—съ тревогой воскликнулъ Рандау.

Но Эмма съ усиліемъ махнула рукой.

— Не зовите никого, прошу васъ,—еле слышно проговорила она.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте, по крайней мѣрѣ, провести васъ въ теплую комнату; тамъ вы оправитесь скорѣе,—настаивалъ Георгъ. Эмма сдалась на его доводы.

Онъ почти донесъ ее до гостинной нижняго этажа, гдѣ молодая дѣвушка, съ закрытыми глазами, почти безъ памяти опустилась на софу. Одну минуту Рандау стоялъ передъ ней въ нерѣшимости, не зная, позвать ли на помощь, или выждать, пока больная очнется. Наконецъ, онъ опомнился и сталъ хлопотать около больной. Прежде всего Георгъ откинулъ обледенѣвшую вуаль съ лица дѣвушки, покрылъ ея озябшее тѣло теплымъ одѣяломъ и принялся оттирать холодныя руки. При этомъ онъ всматривался въ тонкія страдальческія черты Эммы Вальдовъ, носившія несомнѣнный отпечатокъ благороднаго ума, и странное чувство овладѣло молодымъ человѣкомъ. Его сердце забилось сильнѣе, въ безсознательномъ еще порывѣ нѣжности къ этому одинокому существу. Мало по малу Эмма начала обнаруживать признаки жизни; ея вѣки, окаймленныя темными рѣсницами, стали потихоньку вздрагивать, приподнялись, и Рандау увидѣлъ передъ собою прекрасные глаза, которыми такъ часто любовался втихомолку. Они смотрѣли на него недоумѣвающимъ, вопросительнымъ взглядомъ. Вдругъ Эмма пришла къ полному сознанію; она старалась насильно стряхнуть съ себя овладѣвшее ею оцѣпененіе, но не могла и зарыдала.

Георгъ опять заговорилъ о томъ, что ей нужно позвать кого-

Digitized by Google

нибудь на помощь; фрейлейнъ Вальдовъ въ испугѣ схватила его за руку и заговорила страстнымъ умоляющимъ тономъ:

— Не оставляйте меня, господинъ фонъ-Рандау; побудьте здѣсь! Я должна... должна съ вами переговорить.

— Дорогая фрейлейнъ,—съ жаромъ сказалъ Георгъ, садясь возлѣ нея,—очень радъ чѣмъ нибудь помочь вамъ.

— Помочь мнѣ? Нѣтъ, этого не можетъ сдѣлать никто, никто!... Но я попрошу вашей помощи для другаго существа, которое я люблю. Здѣсь идетъ дѣло о счастьѣ благородной, прекрасной женщины.

Эммѣ удалось съ помощью Георга подняться съ подушекъ и принять полусидячее положеніе.

— Меня довела до обморока не ходьба по холоду,—торопливо заговорила она:—жестокія душевныя страданія надломили мои силы. О, г. фонъ-Рандау, не смотрите на меня съ такимъ состраданіемъ, я не стою жалости ни одного порядочнаго человѣка.

— Перестаньте! Что съ вами?—успокоивалъ ее Георгъ, воображая, что дѣвушка бредитъ.—Вы такъ добросовѣстно относитесь къ своимъ обязанностямъ, такъ мало думаете о себѣ. Нервное разстройство заставляетъ васъ видѣть вещи въ ненормальномъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, выслушайте меня сначала, а потомъ увидимъ, найдете ли вы оправданіе моимъ поступкамъ. Впрочемъ, тутъ дѣло не во мнѣ. Боже мой!... Съ чего мнѣ начать, чтобы объяснить вамъ всѣ эти ужасныя вещи?

И она снова заплакала, закрывъ лицо руками. Георгъ по прежнему думалъ, что Эмма говоритъ подъ вліяніемъ нервнаго припадка, но не рѣшался противорѣчить больной.

— Вы счастливы,—заговорила Эмма, прерывистыми, безсвязными фразами. У васъ есть родительскій домъ, гдѣ васъ любятъ. Тамъ вы окружены дорогими людьми. Я же никогда не знала родительской ласки; матери я лишилась тотчасъ послѣ своего рожденія; отецъ впалъ въ меланхолію послѣ ея смерти. Онъ погрузился въ свои служебныя обязанности, а свободное время посвящалъ молитвѣ, предоставивъ мое воспитаніе дальней родственницѣ, у которой мнѣ жилось сравнительно хорошо. Съ отцомъ я видѣлась рѣдко и потому его преждевременная смерть не особенно опечалила меня; вѣдь я не знала, что значитъ остаться беззащитной сиротой и не имѣть никого близкаго въ мірѣ! Мнѣ сдѣлали хорошенькое траурное платьице и привели въ такомъ видѣ къ королевѣ, которую я не разъ видала издали, но ни-

Digitized by Google

когда до тѣхъ поръ не говорила съ нею. Она произвела сильное впечатлѣніе на мою дѣтскую фантазію въ своей простой темной одеждѣ, съ черной вуалью, обрамлявшей блѣдное лицо съ благородными чертами. Въ то время мнѣ было десять лѣтъ и я выросла въ уединенномъ замкѣ въ горахъ, гдѣ королева живетъ теперь постоянно. Тогда же она пріѣзжала туда только на лѣтніе мѣсяцы. Государыня обошлась со мною очень ласково, сказала, что беретъ на себя заботу о моемъ воспитаніи и назначаетъ мнѣ опекуномъ своего почтеннаго духовника, аббата фонъ-Эйхфельда, которому я должна безусловно подчиняться во всемъ, если хочу доказать свою благодарность королевѣ за ея благодѣяніе. Эти слова глубоко запали мнѣ въ сердце, я поклялась самой себѣ исполнить въ точности волю государыни, такъ что аббату не стоило большаго труда воспитать меня на свой ладъ и сдѣлать изъ меня то, что я есть.

Георгъ начиналъ догадываться.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ въ смущеніи.—Чѣмъ же сдѣлались вы, фрейлейнъ Вальдовъ? Неужели...

— Да, я взяла на себя обязанность шпіона аббата Эйхфельда,— перебила Эмма суровымъ тономъ. — Теперь вы знаете все и можете наказать меня презрѣніемъ, какъ я того заслуживаю. Но посудите сами: какъ могла я, выросшая въ монастырскихъ стѣнахъ, пріученная къ безусловному подчиненію, не знавшая свѣта, понять, какую роль беру на себя, когда мой опекунъ опредѣлилъ меня въ домъ баронессы Эберсдорфъ въ качествѣ воспитательницы Паулы и приказалъ доносить ему обо всемъ, что тамъ дѣлается? Я отдавала ему подробный отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ мною также добросовѣстно, какъ исполнила бы и всякое другое его порученіе. Но съ лѣтами кругъ моихъ понятій расширился и я наконецъ поняла всю низость своего поведенія. Между тѣмъ страхъ передъ аббатомъ и чувство невольной благодарности за его заботы удерживали меня отъ явнаго протеста; кромѣ того, я утѣшалась сознаніемъ, что приношу несомнѣнную пользу милому ребенку, довѣренному моимъ попеченіямъ. Безъ меня бѣдная Паула навѣрно измельчала бы нравственно въ обществѣ пустой и тщеславной мачихи. Сама дѣвочка привязалась ко мнѣ со всѣмъ жаромъ одинокаго дѣтскаго сердца и я поневолѣ мирилась съ постыдной ролью шпіона, лишь бы не разставаться съ нею. Наконецъ наступилъ тотъ день, когда Паула познакомилась съ графомъ Адлерсгорстомъ. Зная, какъ враждебно относились къ нему въ домѣ баронессы Эберсдорфъ, я была немало удивлена, когда аббатъ поручилъ мнѣ всячески способство-

Digitized by Google

вать сближенію молодыхъ людей. Я поняла, что мнѣ предстоитъ близкая разлука съ моимъ сокровищемъ, но побѣдила въ себѣ всякое ревнивое чувство. До меня доходило столько благопріятныхъ слуховъ о характерѣ жениха, что эти отзывы позволяли мнѣ надѣяться на счастье молодой баронессы; но эти надежды оказались теперь неосновательными. Не стану описывать вамъ во всѣхъ подробностяхъ гнуснаго замысла аббата, это было бы слишкомъ отвратительно: однимъ словомъ, вскорѣ я узнала, что Паулу избрали только безсознательнымъ орудіемъ низкой интриги, разсчитывая, что любовь къ ней заставитъ Адлерсгорста перейти на сторону противной партіи. Мнѣ внушили, что я должна заставить свою воспитанницу добиться выхода въ отставку ея жениха. Я пыталась достигнуть этого, но Паула не поддалась дурнымъ навѣтамъ. «Какъ могу я уговаривать любимаго человѣка забыть свой долгъ?»—сказала она мнѣ. Эти слова пристыдили меня и я передала ея отвѣтъ аббату Эйхфельду.—«Вы не съумѣли взяться за дѣло»,—возразилъ онъ мнѣ съ досадой, — поэтому я нахожу нужнымъ удалить васъ изъ дома, гдѣ вы не можете больше приносить мнѣ пользы. Вамъ найдутъ другое мѣсто».—Я молча раскланялась съ нимъ, хотя на душѣ у меня было такъ тяжело, какъ будто надо мной произнесли смертный приговоръ. Мнѣ предстояло разстаться съ единственнымъ существомъ, которое я любила и которое платило мнѣ взаимностью. Но меня научили повиноваться и я безропотно подчинилась. Аббатъ нашелъ мнѣ мѣсто въ семействѣ Фельдау.

— Неужели для того, чтобы и здѣсь?.. — нерѣшительно промолвилъ Георгъ и запнулся.

— Конечно, для того чтобы и здѣсь продолжать роль шпіона, г. фонъ-Рандау,—подтвердила Эмма жосткимъ тономъ. — И что могло помѣшать мнѣ выдавать тайны чужаго дома? Все, что привязывало меня къ жизни, было у меня отнято вмѣстѣ съ Паулой; я покорилась тяготѣвшей надо мной судьбѣ и стала машиной, которую приводили въ движеніе чужія руки. Только здѣсь, сойдясь съ семействомъ Фельдау, я познакомилась съ другими, честными воззрѣніями и услышала также новые для меня отзывы о королѣ, рѣзко противорѣчившіе тому, что говорилось о немъ въ домѣ баронессы Эберсдорфъ. Это смутило меня; но я боялась вдаваться въ размышленія, инстинктивно сознавая, что тогда мнѣ придется осудить и возненавидѣть саму себя. Такъ я продолжала плыть по теченію, точно была неодушевленнымъ предметомъ безъ воли и желаній, и только старалась находить утѣшеніе, безупречно исполняя свои обязанности учительницы. Давеча вы лю-

Digitized by Google

безно упомянули о моей образцовой добросовѣстности,—она для меня была только средствомъ заглушить невыносимую душевную тоску! Но тутъ наступилъ ужасный день...

Она выпрямилась съ выраженіемъ испуга въ широко раскрытыхъ глазахъ.

— Вчера вечеромъ я получила съ нарочнымъ письмо отъ аббата, который велѣлъ мнѣ, во время отсутствія семейства Фельдау, явиться въ домъ баронессы Эберсдорфъ, въ деревнѣ Гольдау. Чтобы эта прогулка осталась втайнѣ, я должна была идти пѣшкомъ. Разстояніе отсюда до Гольдау очень невелико, и я охотно согласилась; мнѣ всегда бываетъ отрадно посреди природы, вдали отъ людей. Вы всѣ думали, что я сижу, запершись въ своей комнатѣ, а меня не было дома цѣлое утро. Аббатъ прибылъ изъ Мюнхена въ Гольдау по желѣзной дорогѣ еще раньше; онъ былъ такой веселый; его глаза горѣли торжествомъ. «Теперь, дитя мое, мы скоро достигнемъ своей цѣли»,—сказалъ онъ, по привычкѣ потрепавъ меня рукой по щекѣ: «тогда всѣ, кто служилъ нашему дѣлу, будутъ щедро награждены, и ты, малютка, также».—Я смотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Какую награду могли мнѣ дать? Я жаждала только одного освобожденія отъ своего рабства. «А теперь»,—продолжалъ аббатъ,—«скорѣй за работу. Мнѣ нужно до сумерекъ вернуться къ ея величеству королевѣ, чтобы сообщить ей о результатѣ вчерашняго семейнаго совѣта. Надменный вѣнценосецъ»,—съ насмѣшкой прибавилъ онъ, указывая на фотографію короля, стоявшую въ золотой, осыпанной драгоцѣнными каменьями, рамкѣ на письменномъ столѣ баронессы,—скоро ты поплатишься за всѣ оскорбленія, нанесенныя мнѣ.—Садитесь сюда Эмма, къ письменному столу моей пріятельницы»—заговорилъ аббатъ, перемѣняя тонъ, «и напишите поскорѣе письмецо, которое я продиктую».—Кому?—механически спросила я.—«Послѣ узнаете, пишите!»—И онъ продиктовалъ:

«Дорогая Паула!—больная, измученная и нравственно разбитая, пріѣхала я въ Мюнхенъ. Мнѣ дали отпускъ до тѣхъ поръ, пока я оправлюсь. Если желаете порадовать своимъ посѣщеніемъ свою бывшую учительницу и подругу,—ахъ! вѣдь вы знаете, какъ горячо я васъ люблю!—то приходите ко мнѣ завтра около девяти часовъ вечера въ мой скромный уголокъ у г-жи Бергеръ, гдѣ я остановилась. Цѣлый день, къ сожалѣнію, мнѣ придется толковать съ докторами».

Тутъ рядомъ съ моею подписью я помѣстила названіе одной мюнхенской улицы и нумеръ какого-то совершенно неизвѣстнаго мнѣ дома. Не удивляйтесь, что я твердо запомнила адресъ; я по-

Digitized by Google

няла, что здѣсь готовится западня для Паулы, ради которой я охотно пожертвовала бы жизнью. Аббатъ хотѣлъ было поскорѣе взять письмо, но я прикрыла его рукою и сказала:—«Я не отдамъ вамъ этого листка, пока не узнаю, на что вамъ понадобилась такая ложь».—«Дурочка!—съ раздраженіемъ вскричалъ Эйхфельдъ,—не спрашивайте ничего, а дѣлайте, что́ вамъ велятъ!»

— Ни за что! Паула мнѣ дорога.—Я сдѣлала все, что вы хотѣли, г. аббатъ; не касайтесь же единственной святыни въ моей души; я не въ силахъ злоупотребить довѣріемъ друга.

Онъ никакъ не ожидалъ такого отпора и съ минуту смотрѣлъ на меня, точно не довѣряя своимъ ушамъ.

— Вижу, что вамъ хочется хоть разъ въ жизни поступить по своему, малютка. Хорошо, пусть будетъ такъ. Обѣщаю вамъ, что съ вашей Паулой не случится ничего дурнаго... А теперь пишите скорѣе адресъ.

— Вы клянетесь мнѣ въ томъ?—Клянусь.—Я повиновалась. Онъ взялъ письмо къ себѣ.—Потрудитесь написать еще записочку.—Я не спрашивала больше, что́ буду писать и кому. Все, что не касалось Паулы, было для меня безразлично. Аббатъ снова началъ диктовать; записка заключалась въ немногихъ словахъ. Это было приглашеніе явиться завтра въ девять часовъ вечера въ ту же улицу, въ тотъ же домъ, въ квартиру г-жи Бергеръ, которая была указана и Паулѣ, но въ концѣ письма стояло прибавленіе: «здѣсь дѣло идетъ о вашей чести, о чести вашей жены; графиню заманили въ ловушку». Внизу мнѣ велѣли поставить лаконическую подпись: «Другъ».—Я почти механически водила перомъ по бумагѣ; моя рука дрожала. Самыя тревожныя опасенія осаждали меня. Что бы это значило?.. Неужели аббатъ хотѣлъ только провести меня своей клятвой и замышлялъ предательство противъ Паулы? Наконецъ, онъ продиктовалъ мнѣ адресъ: «Графу Адлерсгорсту, въ замкѣ Нейшванштейнъ».—Что вы такое замышляете?—воскликнула я, и перо выпало у меня изъ рукъ.—Вспомните вашу клятву!—Пишите, вамъ говорятъ!—накинулся на меня Эйхфельдъ, сверкая своими холодными сѣрыми глазами. Эта гнѣвная вспышка парализировала мою волю и я повиновалась ему, какъ малодушная женщина. Онъ вырвалъ у меня письмо и бросился вонъ изъ комнаты. Я осталась одна, не зная, что́ дѣлать. Нѣсколько минутъ спустя, подали къ крыльцу сани, которые должны были отвезти аббата въ горы, въ замокъ королевы. Опекунъ еще разъ вернулся ко мнѣ, въ комнату, предлагая доставить меня въ своемъ экипажѣ въ охотничій замокъ. Я

Digitized by Google

отклонила это предложеніе и вдругъ, забывъ всякую осторожность, разразилась градомъ упрековъ и угрозъ. Долго сдерживаемое отвращеніе къ этому человѣку неожиданно вырвалось наружу. Потомъ, испугавшись своей смѣлости, я снова перешла къ мольбамъ возвратить мнѣ злополучныя письма.—Поздно, дитя мое,— отвѣчалъ мнѣ опекунъ. — Они уже отправлены съ нарочнымъ. А такъ какъ у васъ, повидимому, слишкомъ горячая кровь, то прогулка по морозу принесетъ вамъ несомнѣнную пользу. Постарайтесь охладить вашъ пылъ и будьте по прежнему благоразумны, когда мы опять увидимся съ вами. Тогда я прощу вамъ вашу сегодняшнюю выходку противъ меня. Съ этими словами, онъ ушелъ и вскорѣ до меня донесся звонъ колокольчиковъ, который мало по малу замеръ въ отдаленіи. Я осталась одна, совершенно уничтоженная случившимся; моя голова шла кругомъ, я напрасно искала какого нибудь исхода, какого нибудь средства къ спасенію! Тутъ меня осѣнила внезапная мысль; я вспомнила о васъ, г. Рандау. Вы такой благоразумный юноша и не отказываете въ участіи даже бѣдной одинокой гувернанткѣ. Кромѣ того, вы родственникъ семейству Эберсдорфъ. Сообразивъ все это, я рѣшилась вамъ довѣриться и, собравшись съ силами, пустилась въ обратный путь. Поднялась мятель, но я почти не замѣчала ея; страхъ потерять время какъ будто придалъ мнѣ крылья. Только у самаго дома, при видѣ васъ, я почувствовала, что силы оставляютъ меня. Теперь вамъ все извѣстно. Дайте же мнѣ совѣтъ, помогите, г. фонъ Рандау! Что могу я сдѣлать, чтобы отвратить ужасное несчастіе?

Эмма смотрѣла на Георга лихорадочно горѣвшими глазами. Ея разсказъ ошеломилъ его; наконецъ онъ опомнился.

— Я тотчасъ отправлюсь въ королевскій замокъ, можетъ быть мнѣ посчастливится застать тамъ графа Адлерсгорста.

— Нѣтъ, вы опоздаете!—съ отчаяніемъ воскликнула Эмма.— И куда вамъ ѣхать въ такую вьюгу передъ наступленіемъ сумерекъ?

Георгъ подошелъ къ окну. Снѣгъ по прежнему валилъ крупными хлопьями.

— Во всякомъ случаѣ, нужно попробовать. Я велю заложить охотничьи санки, предоставленныя въ мое распоряженіе хозяиномъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ Эммѣ и взялъ ее за руку.— Дрожа отъ волненія, она отвернула отъ него лицо.

— Бѣдная дѣвушка!—сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Какъ? Вы еще жалѣете меня, вмѣсто того чтобы осуждать?

Digitized by Google

— Кто поставилъ меня надъ вами судьею? Вы слабая женщина и злые люди воспользовались вашимъ безпомощнымъ положеніемъ. Но мы послѣ потолкуемъ объ этомъ. Сегодня я прошу васъ только объ одномъ: постарайтесь успокоиться, подкрѣпите свои силы, хотя бы даже въ интересахъ семьи Фельдау, передъ которой вы также отчасти виноваты; вамъ слѣдуетъ загладить свою вину передъ этими добрыми людьми.

— Загладить?—Да, еслибы я только могла!

— Вы можете вполнѣ, и непремѣнно сдѣлаете это. А теперь пока до свиданія. Помолитесь за меня, чтобы я успѣлъ предупредить графа и помѣшать злому умыслу.

Эмма взглянула на Георга своими прекрасными глазами, въ которыхъ выражалась и горячая благодарность, и тревога о немъ, наполнявшая въ этотъ моментъ ея душу. Вслѣдъ затѣмъ, Рандау вышелъ, и Эмма слышала, какъ онъ распорядился на дворѣ закладывать лошадей.

X.

Въ замкѣ Нейшванштейнъ происходила большая суета. Прислуга поспѣшно укладывала сундуки; изъ сараевъ вывозили кареты и сани, предназначенныя для путешествія короля въ столицу. Онъ намѣревался выѣхать изъ замка въ ту же ночь. Въ ожиданіи отъѣзда, Людвигъ прохаживался тревожными шагами по своему рабочему кабинету. На его блѣдномъ лицѣ рѣзко выдѣлялись темные круги подъ глазами и по тѣлу нерѣдко пробѣгала нервная дрожь. Наконецъ, король подошелъ къ одному изъ высокихъ оконъ и сталъ пристально всматриваться въ даль, окутанную туманомъ.

— Неумолимая судьба не даетъ мнѣ даже на прощанье взглянуть на любимыя горы. Безотрадный мракъ кругомъ меня и во мнѣ самомъ. Чѣмъ-то все это кончится?

И государь снова подошелъ къ письменному столу, гдѣ лежало развернутое письмо. Его привезъ сегодня поутру верховой, посланный принцемъ Эдгаромъ, двоюроднымъ братомъ короля. Здѣсь въ немногихъ словахъ заключалось секретное сообщеніе о томъ, что всѣ усилія принца защитить Людвига на семейномъ совѣтѣ не привели ни къ чему. Еще двое присутствующихъ подали за него свой голосъ, однако семейный совѣтъ рѣшилъ удалить короля отъ управленія государствомъ.

«Почему? на какихъ основаніяхъ?»—Глубоко оскорбленный,

Digitized by Google

ошеломленный такою неожиданностью, король въ сотый р задавалъ себѣ этотъ вопросъ, не находя на него отвѣта. «Н жели за то, что онъ жилъ въ уединеніи, вдали отъ людей? Зам нутая жизнь не мѣшала ему, однако, добросовѣстно выполнять свои королевскія обязанности. Развѣ онъ не просматривалъ съ самой пунктуальной точностью каждую бумагу, поданную ему къ подписи? Да и къ чему собственно сводится власть конституціоннаго монарха? На самомъ дѣлѣ страною правятъ отвѣтственные министры и палаты. Но гдѣ требовалось приложить къ дѣлу королевскую руку, Людвигъ поступалъ всегда обдуманно, не увлекаясь враждою партій и придерживаясь одной строгой справедливости. Или, пожалуй, ему ставили въ вину его щедрость, пристрастіе къ новымъ постройкамъ? Но вѣдь этимъ онъ разорялъ только самого себя. И кто, наконецъ, смѣетъ упрекать короля за его невинныя прихоти?»

Людвигъ гордо поднялъ голову; его темные глаза загорѣлись.

— Я покажу вамъ, что я есть и чего могу достигнуть,—произнесъ онъ про себя.—Вы всегда завидовали мнѣ, старались стѣснить смѣлый полетъ моей души, приравнять меня къ себѣ, низвести до общаго ношлаго уровня, чтобы и я, подобно вамъ, руководствовался мелочнымъ тщеславіемъ, жилъ для одного удовлетворенія низкихъ страстей.

Король въ порывѣ энергіи рѣшительно дернулъ за колокольчикъ. Старый Липпертъ вошелъ въ кабинетъ съ озабоченной миной. Преданный слуга молча раздѣлялъ душевныя страданія короля; онъ зналъ Людвига съ молодыхъ лѣтъ; посѣдѣлъ у него на службѣ и видѣлъ отъ государя только доброту и ласку. Липпертъ давно уже стоялъ у дверей въ прихожей, съ тревогой прислушиваясь къ тому, что происходило въ рабочемъ кабинетѣ.

— Что прикажете, ваше величество?—спросилъ онъ, появляясь на порогѣ.

— Попросите ко мнѣ графа Адлерсгорста.

Камердинеръ съ облегченнымъ сердцемъ побѣжалъ исполнять приказаніе. Какъ только его величество желалъ кого нибудь видѣть, это служило вѣрнымъ признакомъ, что его мрачное настроеніе проходило.

У графа Адлерсгорста были полны руки хлопотъ по поводу предстоящаго отъѣзда государя; поэтому Липпертъ нисколько не удивился, что требованіе короля смутило адъютанта. На самомъ дѣлѣ графъ охотно бы уклонился отъ разговора съ глазу на глазъ съ королемъ. Онъ догадывался, о чемъ будетъ рѣчь, и въ первый разъ ему приходилось лицемѣрить со своимъ царствен-

Digitized by Google

мъ другомъ, скрывая печальную истину для его же блага. анунѣ Адлерсгорстъ посѣтилъ стараго лѣсничаго Вальбурга; амъ, подъ предлогомъ семейнаго праздника, происходило совѣща- нѣсколькихъ лицъ, преданныхъ королю; въ числѣ ихъ былъ акже профессоръ Ромуальдъ Вальбургъ, пріѣхавшій изъ Мюнхена.

— Времена нынче не тѣ, чтобы праздновать день твоего ожденія «при звонѣ чашъ и звукѣ струнъ»,—сказалъ, въ видѣ тѣшенія, лѣсничій своей уже нѣсколько сгорбившейся, но все еще редставительной женѣ.—Настоящему патріоту нужно теперь ду- ать только объ одномъ,—о несчастномъ королѣ, которому гото- ятъ гибель. Эхъ, старуха, зачѣмъ мнѣ пришлось дожить до этого! Зачѣмъ такъ рано подломились молодыя, богатыя силы, зачѣмъ гибнетъ такой свѣтлый умъ, такое благородное сердце! Клянусь всѣми святыми, я бы давно желалъ лежать въ могилѣ, чтобы мои глаза не видѣли ничего этого!

— Не грѣши малодушнымъ ропотомъ, Вальбургъ,—уговари- вала его жена.—Если Господь продлилъ твою жизнь, значитъ, ты на что нибудь да нуженъ; пара честныхъ глазъ, хотя бы и старыхъ, можетъ пригодиться, въ особенности теперь, когда чест- ность повсюду пошатнулась и каждый думаетъ только о своей выгодѣ.

Это было сказано слишкомъ вѣрно, потому что Ромуальдъ привезъ изъ Мюнхена такія вѣсти, которыя, какъ громомъ, по- разили присутствующихъ. Знакомый врачъ сообщилъ ему слѣ- дующее: созванные королевской фамиліей лучшіе столичные врачи, на основаніи письменныхъ документовъ и словесныхъ показаній многихъ свидѣтелей о странныхъ поступкахъ короля, о его раз- дражительности, мрачности и нелюдимости, единогласно при- писали эти явленія серьезной болѣзни мозга и признали короля неспособнымъ къ управленію государствомъ.

— О, я догадывался объ этомъ!—воскликнулъ пораженный пасторъ Бернеръ.—Безсовѣстные люди предали своего добраго, благороднаго государя! Уже это одно,—такая бездна предательства и низости въ самыхъ близкихъ людяхъ,—можетъ свести съ ума кого угодно.

— Да, да!—подхватилъ Ромуальдъ.—Слово великаго поэта приложимо здѣсь, какъ нельзя болѣе кстати: «Кто при извѣст- ныхъ обстоятельствахъ не лишится разума, у того, слѣдовательно, не было его никогда».

Графъ Адлерсгорстъ обратился къ профессору, смотрѣшему уже не молодымъ человѣкомъ; глубокое горе, усиленныя занятія и безсонныя ночи провели рѣзкія морщины на его лбу.

Digitized by Google

— Какъ это возможно,—замѣтилъ адьютантъ короля,—чтобы такой важный во всѣхъ отношеніяхъ приговоръ былъ основанъ на болѣе или менѣе сомнительныхъ показаніяхъ и документахъ, причемъ медицинскій персоналъ даже не потрудился произвести личныхъ наблюденій надъ его величествомъ? Такой поступокъ, по моему, недостоинъ людей науки, тѣмъ болѣе по отношенію къ коронованной особѣ.

Профессоръ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, врачамъ были представлены доказательства, исключающія всякія сомнѣнія.

— Какъ же это могло быть, когда всѣ письменные документы добыты изъ рукъ подкупленной прислуги?

— А, можетъ быть, и нѣтъ. Говорятъ, графъ Гольдбергъ также давалъ словесныя показанія.

— Ну, вотъ, я такъ и думалъ! Этотъ надменный дуракъ, вѣчно гонявшійся за женщинами, давно казался мнѣ предателемъ,— воскликнулъ старый лѣсничій, не помня себя отъ гнѣва.—Такіе развратники способны сохранять вѣрность только до тѣхъ поръ, пока имъ это выгодно.

Графъ Адлерсгорстъ мрачно смотрѣлъ передъ собою.

— Въ свое время я сосчитаюсь съ этимъ господиномъ, а теперь нужно думать лишь о спасеніи короля,—промолвилъ онъ.

— Да будетъ надъ вами благословеніе божіе и всѣхъ святыхъ въ этомъ благородномъ дѣлѣ!—сказалъ пасторъ, сочувственно кивая головой.—Я также раздѣляю вашу надежду, что баварскому народу стоитъ увидѣть лицомъ къ лицу своего возлюбленнаго монарха, чтобы всѣ дьявольскія навожденія разсѣялись, какъ дымъ.

— Пожалуй и такъ, но если король преждевременно узнаетъ объ ужасномъ приговорѣ медицинскаго персонала, тогда дѣло можетъ кончиться плохо. Давеча вы, господинъ профессоръ, цитировали изреченіе Гамлета, я могу только повторить его еще разъ: «Кто при извѣстныхъ обстоятельствахъ не потеряетъ разсудка, у того, значитъ, нѣтъ его вовсе».

— Король не долженъ знать истины, пока не убѣдится въ силѣ своего вліянія и не докажетъ врагамъ, что имъ еще рано торжествовать!—воскликнулъ старый лѣсничій.

— Я сдѣлаю все, что въ человѣческихъ силахъ, чтобы отвратить катастрофу,—серьезно подтвердилъ графъ.

— Господь—наше упованіе...—торжественно прибавилъ пасторъ дрожащимъ голосомъ.—Пусть каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ; остальное же въ рукахъ божіихъ.

Digitized by Google

«Да, Господь—наше упованіе». Сколько разъ, со вчерашняго вечера, повторялъ про себя графъ эти слова, но на сердцѣ у него было тяжело и радостная надежда на успѣхъ, поддерживавшая его нѣсколько дней назадъ, начала колебаться. Чего нельзя было ожидать отъ раздражительнаго темперамента короля, когда онъ узнаетъ горькую правду? И какъ долго можно будетъ скрывать ее, тѣмъ болѣе, что Людвигъ обнаруживалъ порою и удивительную проницательность, и нравственную чуткость? Неизбѣжныя объясненія съ королемъ не на шутку пугали графа Адлерсгорста и не удивительно, что онъ съ глубокимъ вздохомъ послѣдовалъ за старымъ Липпертомъ.

Однако адьютантъ постарался надѣть маску беззаботности, входя въ рабочій кабинетъ государя. Король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу, также притворяясь спокойнымъ.

— Подите сюда, любезный графъ, присядьте со мной. Мнѣ надо еще разспросить васъ кое о чемъ.

Адлерсгорстъ испугался. Неужели король зналъ уже о случившемся? Однако онъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Какъ прикажете, ваше величество.

Онъ сѣлъ противъ короля, первый разъ въ тотъ день позволяя себѣ отдохнуть. Людвигъ подалъ ему своей узкой бѣлой рукой письмо принца Эдгара. Эта рука слегка дрожала.

— Прочтите, любезный графъ. Можетъ быть, вы съумѣете объяснить мнѣ хорошенько то, что́ здѣсь написано.

Графъ колебался одинъ моментъ, пробѣгая глазами посланіе принца; въ немъ было сказано глухо о самой сущности дѣла. Слѣдовательно, король еще ничего не зналъ.

— Къ величайшему сожалѣнію, до меня дошли уже непріятные слухи, ваше величество,—сказалъ адьютантъ, сдерживая себя.

Король пытливо взглянулъ ему въ глаза.

— А извѣстно ли вамъ, на чемъ основано рѣшеніе семейнаго совѣта?

— Полагаю, что да...

— Въ такомъ случаѣ объяснитесь.

— Я уже не разъ имѣлъ смѣлость докладывать вашему величеству, что главной причиной зла является здѣсь отчужденіе короля отъ своего народа, который жаждетъ видѣть его въ своей средѣ.

Взглядъ Людвига принялъ еще болѣе испытующее выраженіе.

— И это все, Адлерсгорстъ; вы ничего не скрываете отъ меня?

— Ничего!

Густой румянецъ выступилъ на лицѣ графа. Ложь была ему

Digitized by Google

невыносима, но въ этомъ случаѣ правдивость была бы преступленіемъ.

Къ немалому облегченію Адлерсгорста, послышалось легкое царапанье въ дверь. Это былъ условный знакъ, что Липпертъ проситъ позволенія явиться съ докладомъ.

Король вздрогнулъ и вскочилъ съ мѣста.

— Что тамъ опять такое?

Адлерсгорстъ бросился къ дверямъ.

Камердинеръ подалъ ему запечатанное письмо.

— Адресовано господину графу.

— Незнакомая рука. Кто это принесъ?

— Верховой гонецъ, и велѣлъ немедленно передать въ ваши руки.

— Ожидаетъ онъ отвѣта?

— Нѣтъ. Посланный тотчасъ повернулъ лошадь и ускакалъ обратно.

— Гм!—произнесъ графъ, нерѣшительно повертывая въ рукахъ изящный конвертъ.—Пожалуй, тутъ какой нибудь обманъ?—подумалъ онъ про себя. Когда Липпертъ вышелъ изъ комнаты, адъютантъ вопросительно взглянулъ на короля, который также напряженно ожидалъ, что̀ будетъ.

— Во всякомъ случаѣ, распечатайте письмо,—посовѣтовалъ государь.—Что̀ бы въ немъ ни заключалось, отъ врага ли оно, или отъ друга, всегда полезно прямо считаться съ фактами.

Графъ повиновался, но едва прочелъ первыя строки, какъ его лицо помертвѣло и онъ машинально ухватился за спинку сосѣдняго кресла, ища опоры.

— Это мошенническая продѣлка, ваше величество!—вырвалось у него.

— Противъ кого?—воскликнулъ король, вскакивая съ мѣста.—Если противъ меня, то я привыкъ ко всякимъ подлостямъ. Но говорите скорѣе, въ чемъ дѣло.

— На этотъ разъ оно касается не вашего величества...

— Такъ, значитъ, тутъ задѣты вы сами?—вспыхнулъ король.—Тѣмъ хуже. Если враги обращаютъ оружіе противъ васъ, чтобы оскорбить меня въ лицѣ моего лучшаго, единственнаго друга, тѣмъ болѣе я имѣю право узнать, что̀ случилось.

Графъ молча подалъ королю письмо. Тотъ быстро пробѣжалъ его и сдѣлался грозенъ, какъ туча.

— Покушеніе на честь вашей молодой, прелестной жены!—съ гнѣвомъ воскликнулъ онъ.—Какая неслыханная низость! Догадываетесь ли вы, кто можетъ быть вашимъ соперникомъ?

Digitized by Google

— Боюсь, что это никто иной, какъ двоюродный братъ вашего величества, принцъ Генрихъ.

У короля сверкнули глаза, передернулись губы, и онъ сказалъ тономъ глубокаго презрѣнія:

— Да, кто же другой могъ поступить такимъ образомъ, какъ не этотъ выродокъ благородной семьи, позорящій мой королевскій домъ! Онъ готовъ погубить каждую молодую женщину, если она хороша собой и невинна. А между тѣмъ Генрихъ воспитанъ отцомъ, въ которомъ я не могу не признать многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, хотя онъ мой личный врагъ. А добрая, прекрасная принцесса Адельгейда? Она, право, заслуживаетъ лучшей участи, чѣмъ быть женою пустаго испорченнаго человѣка! Но даже ея вліяніе не могло исправить безнравственнаго мужа.

Король говорилъ съ такой желчью, что даже забылъ на одну минуту о душевномъ состояніи графа. Однако, взглянувъ на своего адъютанта, погруженнаго въ глубокую задумчивость, онъ опомнился и положилъ ему руку на плечо.

— Не раздумывайте много, любезный Адлерсгорстъ, а поскорѣе отправляйтесь домой, чтобы не дать коршуну заклевать вашу голубку.

И, вынувъ свои часы, Людвигъ прибавилъ:

— Вы еще успѣете захватить поѣздъ желѣзной дороги и своевременно пріѣхать въ Мюнхенъ.

— Какъ же я могу это сдѣлать?—проговорилъ графъ въ мучительной борьбѣ съ самимъ собою.—Въ настоящую минуту, для меня немыслимо оставить ваше величество.

— Поѣзжайте; я охотно отпускаю васъ.

Адлерсгорстъ все еще стоялъ въ нерѣшительности, почти съ отчаяніемъ схватившись за голову.

— Могу ли я, смѣю ли? Господи Боже, моя дорогая, беззащитная жена въ такой опасности!..

— Что вы колеблетесь? Каждая минута драгоцѣнна!—уговаривалъ его король.

— А если въ этомъ письмѣ окажется ложь и оно написано съ единственной цѣлью удалить меня отъ вашего величества?

Король смутился въ свою очередь.

— Это возможно! Но все таки вамъ необходимо ѣхать, убѣдиться собственными глазами. Если же это правда... то страшно даже подумать! Нѣтъ, нѣтъ, я приказываю вамъ отправиться домой. Спѣшите и возвращайтесь скорѣе!

— Тогда я принужденъ настоятельно просить ваше величе-

Digitized by Google

ство ѣхать въ Мюнхенъ безъ меня. Всякая отсрочка будетъ гибельна.

— Даже отсрочка на одинъ день? Полноте, любезный графъ; вы шутите. Кромѣ того, говоря откровенно, я фаталистъ. Я всегда говорилъ, что поѣду въ столицу не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, мой другъ, мнѣ нужно ваше присутствіе, чтобъ исполнить это трудное рѣшеніе,—прибавилъ государь съ глубокимъ вздохомъ. Ну, отправляйтесь же съ Богомъ. Прощайте!

Графъ припалъ губами къ рукѣ короля.

Тотъ слегка толкнулъ его къ двери.

— До свиданья, до радостнаго свиданья, если будетъ угодно Богу!

Нѣсколько минутъ спустя, графъ мчался верхомъ во весь опоръ къ ближайшей станціи желѣзной дороги.

XI.

Старый кучеръ Мартинъ былъ еще занятъ чисткой великолѣпныхъ королевскихъ саней, украшенныхъ на передкѣ рѣзной фигурой художественной работы, какъ до него дошла вѣсть, что отъѣздъ короля въ столицу отложенъ до завтрашняго дня.

— Я такъ и думалъ, — обратился онъ, съ неудовольствіемъ пожимая плечами, къ стоявшему рядомъ съ нимъ Зеппу, бывшему камеръ-лакею, который былъ теперь произведенъ въ привратники и занималъ прехорошенькій домикъ у воротъ, гдѣ у него хозяйничала молодая жена.—Не видать намъ столицы, какъ своихъ ушей, вотъ припомни мое слово. Застрянемъ здѣсь по прежнему!

— Неужели ты такъ разлакомился, старикъ Мартинъ, насчетъ столичныхъ удовольствій, что тебѣ ужь не сидится въ горахъ?— пошутилъ Зеппъ.

Кучеръ уперся руками въ бока и посмотрѣлъ на красиваго парня, покачивая головою.

— Эхъ ты, пустая твоя башка!.. Развѣ не знаешь, какъ важно для его величества переѣхать въ Мюнхенъ? Развѣ не слыхалъ, что недавно говорилъ въ трактирѣ у часовни мельникъ Алойзъ? Какія въ столицѣ идутъ смуты и затѣвается недоброе противъ нашего государя? Тебѣ-то ужь, кажется, стыдно было бы зубоскалить въ такое времячко, когда его величеству грозитъ неминучая бѣда. Вспомни, что сдѣлалъ для тебя король: онъ самъ устроилъ тебѣ знатную свадьбу съ твоей зазнобушкой и вы живете теперь, припѣваючи, въ такомъ красивомъ домикѣ, что по-

Digitized by Google

смотрѣть любо! Эй, послушай малый, если послѣ всего этого да ты еще не согласенъ положить голову за нашего добраго, возлюбленнаго государя...

— Успокойся, Мартинъ!—оправдывался Зеппъ, стараясь умиротворить расходившагося кучера.—Кто говоритъ, что я не готовъ пойти въ огонь и воду за его величество? Только, видишь, любезный другъ, я не сразу повѣрю пустой болтовнѣ, какъ ты. Что можно сказать худаго про нашего короля? Зачѣмъ замышлять противъ него зло? Да и наконецъ онъ правитель страны, глава государства и властелинъ надо всѣми. Чья рука поднимется противъ него?

— Ты судишь по своему глупому разуму, Зеппъ,—проворчалъ старикъ.—Молодежь всегда думаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего печальнаго, потому что она сама готова плясать съ утра до ночи безъ устали. Но—Господи прости!—я отдалъ бы свою душу за то, чтобъ было по твоему. Однако насъ тутъ не спрашиваютъ! Прогнѣвили мы, вѣрно, Создателя своими грѣхами: ужь больно нечистая сила принялась мутить христіанскій народъ. Оглянись-ка хорошенько вокругъ себя, Зеппъ,—прибавилъ Мартинъ, понижая голосъ:—сколько набралось мазуриковъ между королевской прислугой. Мошенникъ мошенникомъ погоняетъ. Ну, про Лихта я еще не говорю: это болванъ, съ него нечего и спрашивать, а вотъ наши лакеи: Наци, Петеръ и Амброзъ, всѣ трое претонкія бестіи! Я имъ ни на грошъ не вѣрю. Положимъ, они вышли сухи изъ воды и нажили денежки, только не пойдетъ имъ въ прокъ проклятое золото, за которое заплачено человѣческой кровью. Но это еще мелкіе негодяи, а, начиная съ нихъ, идетъ все выше да выше!.. Предатели, воры, такъ и кишатъ кругомъ и всѣ думаютъ только, какъ бы хорошенько набить свои карманы, а про совѣсть и Бога давно позабыли. Эй, говорю тебѣ, Зеппъ, гляди въ оба, не то плохо придется всѣмъ намъ, кто безъ обмана преданъ его величеству! Захватятъ насъ вмѣстѣ съ нимъ да и уберутъ куда нибудь подальше.

— Ну, что ты мелешь, Мартинъ!—возразилъ привратникъ недовѣрчиво покачивая головой.—Ничего съ нами не сдѣлаютъ! Неужели тутъ можетъ быть какая нибудь опасность для жизни государя и его приближенныхъ?

Старикъ крякнулъ и потупился.

— А хоть бы и такъ? Если насъ не отправятъ на тотъ свѣтъ, зато и по головкѣ не погладятъ. А самое главное — развѣ мы можемъ равнодушно видѣть, какъ у нашего законнаго короля отнимутъ власть? Я, по крайней мѣрѣ, ни за что этого не стер-

Digitized by Google

плю да и ты также, Зеппъ... Обдумай-ка хорошенько это дѣло, спроси свою совѣсть!

Прежде чѣмъ Зеппъ, задѣтый за живое въ вопросѣ чести, успѣлъ сказать слово въ свою защиту, завыванье снѣжной вьюги было прервано отдаленнымъ звономъ колокольчика, заливавшагося на большой дорогѣ. Кучеръ и привратникъ насторожили уши.

— Кому это, чортъ возьми, вздумалось пожаловать къ намъ въ сумерки и по такой дьявольской погодѣ?—спросилъ Мартинъ, съ любопытствомъ вытягивая шею.

— Пожалуй, опять нарочный съ эстафетой! — воскликнулъ Зеппъ.—Сегодня что-то разъѣздились гонцы. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ въ столицѣ несовсѣмъ благополучно. Ты, право, напустилъ на меня страху, дядя Мартинъ!

Все это привратникъ проговорилъ уже на ходу; оба они съ кучеромъ направились къ воротамъ, которыя постоянно были на запорѣ.

Молоденькая жена Зеппа, Бербелэ изъ гостинницы на горѣ, торопливо кивала мужу съ порога своего жилища. Она закутала голову большимъ шерстянымъ платкомъ отъ холода и держала въ рукахъ ключи.

— Чортъ побери!—воскликнулъ старый Мартинъ, указывая на экипажъ, остановившійся противъ за́мка. Вѣдь это санки старшаго лѣсничаго и въ такую-то погоду! Тутъ, парень, дѣло не спроста.

— Это молодой Рандау изъ охотничьяго за́мка,—крикнула Бербелэ подходившимъ мужчинамъ:—онъ хочетъ видѣть тебя, Зеппъ!

Кучеръ привѣтливо кивнулъ головою хорошенькой молодой женщинѣ, цвѣтущее личико которой, улыбаясь, выглядывало изъ тяжелыхъ складокъ теплаго платка. Мартинъ остановился возлѣ Бербелэ, а ея мужъ вышелъ изъ калитки и приблизился къ подъѣхавшимъ санямъ, гдѣ нетерпѣливо ожидалъ его Георгъ, совершенно занесенный снѣгомъ.

— Могу я переговорить съ графомъ Адлерсгорстомъ?— спросилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, молодой баринъ. Часъ тому назадъ, господинъ графъ уѣхалъ на ближайшую станцію, чтобы отправиться въ Мюнхенъ.

У Георга невольно вырвалось вполголоса крѣпкое словцо.

— Эхъ, значитъ, опоздалъ!.. Не знаете ли вы, когда идетъ отсюда слѣдующій поѣздъ?

Digitized by Google

— Ужь не могу вамъ въ точности объяснить! Сегодня это былъ послѣдній, потому графъ и помчался верхомъ, сломя голову.

— Послѣдній!—воскликнулъ Рандау, въ испугѣ вскакивая съ сидѣнья,—но это не можетъ быть!

— Извините, сударь, я говорю вѣрно. Развѣ у васъ дома нѣтъ расписанія поѣздовъ? Чтобы поспѣть во время къ послѣднему поѣзду, вамъ нужно было выѣхать изъ охотничьяго замка часомъ раньше. Но, конечно, при такой мятели, нетрудно и опоздать.

Тутъ работникъ лѣсничаго, сидѣвшій на козлахъ саней, обратился къ Георгу:

— Все равно, мы не можемъ ѣхать дальше, молодой баринъ! Лошади замучились...

Тѣмъ временемъ, Мартинъ присоединился къ группѣ разговаривающихъ и разсматривалъ съ видомъ знатока усталыхъ коней; отъ нихъ валилъ паръ, обращавшійся въ иней.

— Да, да, молодой баринъ, работникъ говоритъ правду. Если ѣхать дальше, можно загнать коней, подтвердилъ старикъ.—Поѣзжай,—обратился онъ къ возницѣ,—кругомъ парка къ стойлу, гдѣ у насъ стоятъ рабочія лошади. Я прикажу засыпать вашимъ лошадкамъ двѣ мѣры овса; потомъ, когда онѣ отдохнутъ, можете ѣхать обратно.

Тотъ не заставилъ повторять себѣ радушнаго приглашенія.

— Неугодно ли молодому барину зайти пока въ сторожку? А я прикрою санки отъ снѣга.

И возница принялся выпрягать измученныхъ животныхъ.

— Да, пожалуйста, сдѣлайте намъ такую честь, взойдите,— подтвердилъ Зеппъ, почтительно снявъ шапку.

Георгу оставалось только покориться необходимости.

Служанка сняла съ него въ сѣняхъ занесенную снѣгомъ шубу, въ комнатѣ, освѣщенной лампой, зардѣвшаяся Бербелэ хлопотала уже у дубоваго стола, разставляя на немъ чашки и спѣша налить нежданному гостю горячаго кофе.

— Вы, конечно, ужасно озябли, господинъ фонъ-Рандау?—замѣтила она, присѣдая, и подвинула стулъ къ натопленной печкѣ.

Картина скромнаго довольства, послѣ продолжительной ѣзды по снѣжной мятели и холоду, пріятно подѣйствовала на юношу, отчасти примиряя его съ неудачей.

— Ай да г-жа Бербелэ!—воскликнулъ Георгъ веселымъ тономъ.—Какое хорошенькое гнѣздышко устроили вы себѣ со своимъ Зеппомъ! Желаю вамъ счастливо прожить въ немъ многіе годы!

Зеппъ также вошелъ въ сторожку, предварительно перебро-

Digitized by Google

сившись нѣсколькими словами съ кучеромъ Мартиномъ, который обѣщалъ зайти къ нему послѣ выдачи овса лошадямъ лѣсничаго. Старику любопытно было узнать о причинѣ экстреннаго пріѣзда Рандау къ адъютанту короля.

Услышавъ привѣтствіе Георга, привратникъ не безъ гордости поспѣшилъ отвѣтить за свою жену:

— Все наше маленькое хозяйство—свадебный подарокъ его величества, нашего всемилостивѣйшаго государя.

При имени короля, Георгомъ Рандау овладѣло прежнее безпокойство.

— Посовѣтуйте, пожалуйста, что мнѣ дѣлать,—обратился онъ къ хозяину.—Я долженъ непремѣнно сегодня же добраться до Мюнхена и переговорить съ графомъ Адлерсгорстомъ.

— Развѣ у васъ къ нему такое спѣшное дѣло?—спросилъ Зентъ.

— Разумѣется! Все зависитъ отъ того, удастся ли мнѣ своевременно видѣть графа.

— Хорошо! Но вы ни въ какомъ случаѣ не можете попасть въ городъ до завтрашняго утра, молодой господинъ!

Георгъ въ отчаяніѣ уронилъ голову на грудь.—Тогда будетъ слишкомъ поздно. Но все же я долженъ ѣхать.

Зепнъ переговорилъ вполголоса съ женой и снова обратился къ посѣтителю.

— Если вамъ, сударь, будетъ угодно переночевать у насъ въ свѣтелкѣ, то милости просимъ! Тогда ужь вы ни за что не пропустите утренняго поѣзда и будете во время на станціи.

— Съ благодарностью принимаю ваше приглашеніе,—отвѣчалъ лѣсничій;—но гдѣ же останутся лошади, которыя понадобятся мнѣ завтра?

— Объ нихъ позаботится Мартинъ; санки мы задвинемъ въ дровяной сарай. Когда дѣло идетъ о графѣ Адлерсгорстѣ, для него каждый изъ насъ не пожалѣетъ ничего. За графа мы готовы въ огонь и воду.

Въ сѣнцахъ, между тѣмъ, послышались тяжелые шаги кучера Мартина. Зепнъ кивнулъ ему въ отворенную дверь, чтобъ тотъ зашелъ. Почтенный старикъ также изъявилъ готовность на всякую услугу молодому Рандау, узнавъ, что онъ хлопочетъ въ интересахъ Адлерсгорста. Ему, конечно, хотѣлось разспросить подробнѣе о дѣлѣ, но Георгъ хранилъ упорное молчаніе о цѣли своего пріѣзда и Мартину не пришлось удовлетворить своего любопытства. Тѣмъ временемъ, Бербелэ подала на столъ все, что было у нея въ запасѣ на кухнѣ и въ погребѣ. Ей было очень лестно

Digitized by Google

принимать у себя важнаго гостя, одного изъ обитателей охотничьяго зáмка, близко стоявшаго къ аристократической семьѣ Фельдау. При этомъ она весело болтала съ Георгомъ, разсказывая ему о своемъ свадебномъ пирѣ, устроенномъ на счетъ его величества короля, который удостоилъ даже своимъ высочайшимъ присутствіемъ обрядъ вѣнчанія въ монастырской церкви. Оттуда его величество заѣхалъ съ графомъ Адлерсгорстомъ и въ гостинницу—поздравить новобрачныхъ и полюбоваться на танцы приглашенныхъ гостей.

— Вотъ видите, сударь,—прибавила бойкая молодая женщина,—когда вы были въ нашей гостинницѣ первый разъ прошлою осенью, то сказали, будто бы въ Мюнхенѣ ходятъ слухи о нелюдимости государя. Тамъ всѣ думаютъ, что его величество прячется отъ людей, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ: здѣсь въ окрестностяхъ каждый ребенокъ знаетъ короля въ лицо и многіе находятъ у него помощь и защиту. Никто не боится обращаться къ нему прямо со своими просьбами. Вотъ хоть бы взять къ примѣру старую Катерину, которая живетъ въ избушкѣ на утесѣ. Король встрѣтилъ ее недавно въ лѣсу,—вѣдь онъ ходитъ вездѣ одинъ, потому что его всѣ любятъ и ему нечего бояться;—бѣдная женщина страшно озябла, присѣла у дороги съ вязанкой хвороста и задремала. А государь подошелъ къ ней и давай тихонько трясти Катерину за плечо. Она опомнилась, открыла глаза да такъ и обмерла со страху. Потомъ начала жалобно плакать и разсказала королю про свою горькую бѣдность: какъ у нея нѣтъ больше силъ работать и она стала не нужна добрымъ людямъ, а потому часто по цѣлымъ недѣлямъ не видитъ зимою горячей пищи и оттого на нее нападаетъ слабость, такъ что ноги отказываются служить.—Ахъ, ты, бѣдная старуха!—говоритъ его величество, да съ такой жалостью, что у нея у самой сердце перевернулось. Тутъ онъ далъ ей новенькій червонецъ и велѣлъ приходить каждый день на королевскую кухню. Теперь Катерина въ сильные холода постоянно приходитъ въ зáмокъ и ей даютъ положенную порцію горячаго кушанья. Вотъ видите, сударь,—заключила хорошенькая Бербелэ со слезами,—каковъ нашъ государь! Это такая добрая душа, что нѣтъ ему подобнаго на землѣ, да благословитъ его пресвятая Дѣва!

Зеппъ со своей стороны также разсказалъ немало случаевъ, гдѣ выказывалось рѣдкое человѣколюбіе короля. Георгъ слушалъ съ большимъ участіемъ простыя рѣчи этихъ людей и внутренно сожалѣлъ, что жители столицы такъ мало знаютъ о настоящемъ образѣ жизни государя-отшельника. Еслибъ истина была извѣст-

Digitized by Google

на, его не подвергали бы несправедливому осужденію и снисходительнѣе отнеслись бы къ чудачествамъ больнаго человѣка, которыя, хотя и были нѣсколько несогласны съ королевскимъ достоинствомъ, зато въ избыткѣ искупались рѣдкими качествами души несчастнаго государя.

Рандау долго засидѣлся у радушныхъ хозяевъ. Наконецъ, его отвели въ свѣтелку, но здѣсь, не смотря на удобство опрятной постели, ему долго не спалось. Пережитыя душевныя потрясенія отгоняли отъ него сонъ. Сколько несчастій могло произойти въ это короткое время, если Господь не защититъ графа Адлерсгорста! Когда Зеппъ въ условленный часъ постучался въ дверь и разбудилъ Георга отъ легкой дремоты, мѣсяцъ ярко свѣтилъ на небѣ; снѣжная вьюга прекратилась и ослѣпительно бѣлый слой пушистаго снѣга окутывалъ горы, лѣса, королевскій замокъ и примыкавшій къ нему садъ. Звонко позвякивали колокольчики у саней въ чистомъ утреннемъ воздухѣ и отдохнувшія сытыя лошади бодро пустились по дорогѣ. На зарѣ Георгъ сѣлъ на поѣздъ желѣзной дороги и ровно въ десять часовъ утра прибылъ въ Мюнхенъ.

XII.

Терзаясь самыми мучительными сомнѣніями, вернулся графъ Адлерсгорстъ наканунѣ вечеромъ въ столицу. По случаю сильной мятели поѣздъ немного опоздалъ и громадные часы на церковной башнѣ королевскаго замка показывали четверть девятаго, когда онъ позвонилъ у дверей своего дома.

Что ожидало его здѣсь? Подтвердится ли то, чѣмъ ему угрожали въ анонимномъ письмѣ, или все дѣло окажется простой мистификаціей, разсчитанной на то, чтобы отвлечь его отъ короля и замедлить хотя бы на одинъ день пріѣздъ государя въ Мюнхенъ?

Слуга, отворившій хозяину, выразилъ удивленіе на своемъ лицѣ, но нисколько не смутился при видѣ графа.

— Графиня дома?

— Ихъ сіятельство изволили выѣхать полчаса назадъ. Экипажъ уже возвратился. Графиня приказали прійти за ними черезъ часъ; имъ угодно вернуться пѣшкомъ.

«Значитъ, извѣстіе въ письмѣ начинаетъ оправдываться!» — мелькнуло въ головѣ Адлерсгорста и его сердце мучительно замерло; однако онъ постарался преодолѣть свое безпокойство.

— Вы можете остаться дома: я самъ поѣду за графиней,—сказалъ графъ слугѣ.

Digitized by Google

— Какъ прикажете, ваше сіятельство.

Адлерсгорстъ поспѣшно взошелъ въ комнату, чтобы перемѣнить тяжелую шубу на форменное военное пальто и собрался на поиски за женою.

Проходя мимо ея будуара, онъ остановился въ раздумьѣ и наконецъ зашелъ туда въ надеждѣ найти здѣсь что нибудь, что могло бы объяснить ему загадочный визитъ Паулы въ незнакомый домъ, означенный въ анонимномъ письмѣ. Взглядъ графа тотчасъ обратился къ письменному столу. Здѣсь дѣйствительно лежалъ развернутый и небрежно брошенный листокъ бумаги.

— Я подозрѣвалъ это раньше!—промолвилъ Адлерсгорстъ, познакомившись съ содержаніемъ письма гувернантки. Значитъ, Эмма Вальдовъ, образцовая воспитательница, также подкуплена нашими врагами и вела двойную игру. Гадкая обманщица!.. Зачѣмъ я не предостерегъ противъ нея Паулу!

Въ своемъ волненіи онъ не замѣтилъ, что анонимное письмо, полученное имъ, было написано тѣмъ же почеркомъ. Сложивъ записку, графъ торопливо сунулъ ее въ грудной карманъ и поспѣшилъ изъ дому. Этотъ документъ могъ еще пригодиться.

Съ возраставшей тревогой Адлерсгорстъ скорѣе сбѣжалъ, чѣмъ спустился съ лѣстницы. Къ счастью, ему тотчасъ попалась наемная карета, которая черезъ нѣсколько минутъ доставила его въ означенную мѣстность.

На звонокъ графа, въ прихожей раздались тяжелые шаги. Плотный мужчина съ брюшкомъ и хитрыми, заплывшими жиромъ, глазками вышелъ къ нему на встрѣчу и спросилъ, чего онъ желаетъ. Графъ назвалъ фамилію г-жи Бергеръ, упомянутую въ запискѣ Эммы.

— Такой у насъ нѣтъ!—коротко отрѣзалъ швейцаръ, собираясь захлопнуть дверь.

— Стой!—крикнулъ Адлерсгорстъ такъ повелительно, что старикъ опѣшилъ.—Если означенная особа здѣсь не живетъ, то я вдвойнѣ имѣю право дознаваться, кто осмѣлился умышленно ввести меня въ заблужденіе: я получилъ письменное приглашеніе къ дамѣ, носящей эту фамилію.

— Приглашеніе?—отвѣчалъ привратникъ, нерѣшительно почесывая затылокъ.—Значитъ, вы одинъ изъ членовъ и имѣете входный билетъ?

— Какъ одинъ изъ членовъ? Чего?

— Ну, разумѣется, здѣшняго клуба. Парадный подъѣздъ въ сосѣднемъ домѣ. Мнѣ данъ строгій приказъ не впускать никого въ эту дверь безъ билета.

Digitized by Google

Графъ почувствовалъ, какъ кровь ударила ему въ голову; безумный страхъ овладѣлъ имъ. И сюда-то заманили его Паулу! Боже, чему она подвергалась въ этомъ вертепѣ?

Онъ торопливо вынулъ кошелекъ, взялъ изъ него червонецъ и сунулъ въ руку толстяку.

— Сдѣлайте для меня исключеніе!

Давно испытанное средство возъимѣло желанное дѣйствіе.

— Хорошо, я рискну, только это противно уставу! Потрудитесь обождать, милостивый государь; надо захватить ключъ, чтобъ провести васъ наверхъ.

И привратникъ исчезъ въ швейцарской. Адлерсгорстъ мѣрилъ нетерпѣливыми шагами узкія сѣни. Нѣсколько минутъ мучительнаго ожиданія показались графу цѣлой вѣчностью. Только теперь онъ вспомнилъ, что клубъ въ этой улицѣ былъ знакомъ ему по наслышкѣ. Это было собраніе всѣхъ мюнхенскихъ кутилъ, которые являлись сюда для попоекъ и азартной игры въ замкнутомъ кружкѣ, недоступномъ для прочихъ. Судя по обстановкѣ, этотъ притонъ, пожалуй, служитъ еще и для другихъ цѣлей. И вдругъ сюда попала его невинная, молоденькая жена! Нѣжный цвѣтокъ въ смрадной атмосферѣ порока. Нѣтъ, это неслыханно, чудовищно!

— Не пропускали ли вы сюда же, около часа тому назадъ, одну молодую особу?—спросилъ графъ привратника, поднимавшагося рядомъ съ нимъ на лѣстницу.

— Да, какъ же, я очень хорошо помню ее: такая красавица, совсѣмъ молодая, и видно, что важная аристократка. Она пріѣхала въ экипажѣ, съ ливрейнымъ лакеемъ.

— А вы не задерживали ея, какъ меня?

Швейцаръ сдѣлалъ хитрую гримасу.

— Мнѣ приказано безпрепятственно пропускать всѣхъ барынь и не опрашивать ихъ; только мужчины обязаны предъявлять мнѣ членскіе билеты.

Адлерсгорста начинала пробирать лихорадка.

— А вы не знаете: эта дама еще наверху?

Онъ старался говорить спокойно, однако его голосъ дрожалъ.

— Не могу сказать навѣрное,—былъ отвѣтъ.—Этотъ домъ имѣетъ много ходовъ и выходовъ, а я не обращаю вниманія на тѣхъ, кто выходитъ вонъ.

Сердце несчастнаго мужа почти громко колотилось въ груди, когда онъ взошелъ во второй этажъ и остановился у двери съ фамиліей г-жи Бергеръ. Не въ силахъ произнести ни слова, графъ только указалъ на эту дверь своему провожатому.

Digitized by Google

Тотъ многозначительно кивнулъ головою, подмигивая сальными глазками.

— Конечно, конечно, г-нъ офицеръ! женщина по фамиліи Бергеръ живетъ здѣсь; ея мужъ служитъ лакеемъ въ клубѣ, но мы обыкновенно впускаемъ сюда только тѣхъ, которые имѣютъ свой ключъ къ дверямъ, остальные же идутъ съ другаго подъѣзда, въ домѣ рядомъ.

Адлерсгорсту пришлось прислониться къ стѣнѣ: у него вдругъ потемнѣло въ глазахъ. Однако онъ собрался съ силами и вошелъ въ отворенную передъ нимъ дверь, которая снова быстро захлопнулась. Графъ очутился въ длинномъ, ярко освѣщенномъ коридорѣ, куда выходило справа и слѣва множество дверей. Но онъ напрасно старался отворить какую нибудь изъ нихъ; онѣ были крѣпко заперты и никто не отвѣчалъ на его стукъ.

Наконецъ, ему послышался какой-то шумъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, молодой человѣкъ различилъ громкіе голоса, хохотъ, звонъ стакановъ. Паула не могла здѣсь находиться. Графъ хотѣлъ уже вернуться назадъ, чтобы еще разъ попробовать, не попадетъ ли онъ въ одну изъ дверей по близости входа, какъ вдругъ возлѣ него растворилась настежь широкая дверь и оттуда повалила толпа офицеровъ, бывшихъ очевидно навеселѣ, судя по ихъ невѣрной походкѣ. Они такъ шумѣли, что было трудно разобрать отдѣльныя слова. Въ одномъ изъ этихъ гвардейцевъ Адлерсгорстъ узналъ принца Генриха. Тотъ, въ свою очередь, также узналъ королевскаго адъютанта и невольно попятился назадъ, но тотчасъ оправился. На его покраснѣвшемъ отъ вина лицѣ отразились ненависть и злорадство.

— Какъ это вы здѣсь?—произнесъ онъ заплетающимся языкомъ, направляясь къ графу.—Вашъ визитъ—особенная честь нашему клубу. Высоконравственный графъ Адлерсгорстъ почтилъ своимъ присутствіемъ этотъ пріютъ, посвященный веселымъ божествамъ наслажденія! Чему мы обязаны удовольствіемъ видѣть васъ у себя?

— Это не касается вашего королевскаго высочества!

— Вотъ какъ! Значитъ, тутъ замѣшана тайна. Pardon! въ такомъ случаѣ я не настаиваю... Однако скажите мнѣ, милѣйшій Гельдборнъ,—обратился принцъ къ одному изъ стоявшихъ позади его офицеровъ, извѣстному въ Мюнхенѣ своимъ распутствомъ,—развѣ графъ Адлерсгорстъ вступилъ въ число членовъ нашего клуба?

— Не знаю, не слыхалъ, ваше королевское высочество!—былъ отвѣтъ.

Digitized by Google

— Э, любезный графъ, такъ вы попали сюда контробандным способомъ. Не взыщите, если мы попросимъ васъ удалиться. Нашъ уставъ запрещаетъ входить сюда всѣмъ постороннимъ лицамъ.

— Простите, ваше королевское высочество, если я, не смотря на это, покорнѣйше попрошу дозволить мнѣ остаться. Одна близкая мнѣ особа попала въ этотъ домъ вслѣдствіе ошибки; ее, какъ я подозрѣваю, заманили сюда обманомъ и она должна находиться еще здѣсь. Вы поймете, что долгъ чести вынуждаетъ меня выручить ее изъ ложнаго положенія. Я уйду отсюда только вмѣстѣ съ нею. Въ письмѣ, которымъ ее пригласили сюда, говорилось о какой-то г-жѣ Бергеръ.

Спутники принца переглянулись между собою и не безъ смущенія опустили вѣки. Между тѣмъ Генрихъ возразилъ заносчивымъ тономъ:

— Значитъ, особа, состоящая на вашемъ попеченіи, находится у фрау Бергеръ? Знаете что, милѣйшій графъ? Дамы, имѣющія доступъ къ ней, обыкновенно не стоютъ заступничества такихъ добродѣтельныхъ кавалеровъ, какъ вы!

Адлерсгорстъ перемѣнился въ лицѣ; его рука судорожно сжала рукоятку сабли.

— Ваше королевское величество, конечно, возьмете обратно свои слова, когда я скажу, что отыскиваю здѣсь мою супругу.

Короткій смѣхъ принца, заставившій вздрогнуть Адлерсгорста, былъ отвѣтомъ на его слова.

— Какая высокая честь для насъ, милостивые государи,—снова обратился Генрихъ къ своимъ собутыльникамъ:—прелестнѣйшая дама высшаго общества посѣтила нашъ клубъ! Не укажетъ ли кто нибудь изъ васъ, гдѣ ее найти?

Руки графа тряслись; зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Ваше королевское высочество, это—личное оскорбленіе!

Присутствующіе столпились возлѣ обоихъ противниковъ, опасаясь послѣдствій ссоры, которая приняла серьезные размѣры.

— Перестаньте, Адлерсгорстъ, уймитесь! — шептали ему на ухо.—Вспомните, кто передъ вами!

— Кто передо мною? Къ несчастью, я это помню слишкомъ хорошо!—воскликнулъ графъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Передо мною принцъ, который злоупотребилъ своимъ высокимъ положеніемъ и связанною съ нимъ безнаказанностью, чтобы заманить съ помощью своихъ клевретовъ неопытную молодую женщину въ такой домъ, гдѣ можетъ пострадать, по крайней мѣрѣ, ея репутація!

Принцъ вспыхнулъ, какъ порохъ; его лицо побагровѣло. Пре-

Digitized by Google

жде чѣмъ свидѣтели этой сцены могли помѣшать ему, онъ обнажилъ саблю и замахнулся ею на графа.

— Молчите!—прогремѣлъ Генрихъ.—Вѣрно, въ пресловутомъ замкѣ среди скалъ вы позабыли всякую дисциплину? Недаромъ мнѣ разсказывали, что тамъ въ угоду его величеству придворные по китайской модѣ ползаютъ на животѣ!—Сію минуту на колѣни, негодяй, и проси у меня прощенья!

Принцъ задыхался отъ бѣшенства. На его губахъ выступила пѣна.

— На колѣни, говорятъ тебѣ.

На одну минуту графъ былъ ошеломленъ этой новой обидой. Но вдругъ онъ опомнился и повернулся назадъ, чтобы уйти.

— Дорогу, господа!—раздался его взволнованный голосъ. Пропустите меня или случится недоброе. Принцъ не помнитъ, что дѣлаетъ.

Офицеры безсознательно разступились передъ нимъ. Но Генрихъ рванулся впередъ и отрѣзалъ Адлерсгорсту отступленіе.

— Ни шагу далѣе!

Тутъ графъ не выдержалъ больше. Его сабля также сверкнула въ воздухѣ. Разнять противниковъ было невозможно. Вдругъ коридоръ огласился пронзительнымъ крикомъ. Одна изъ дверей съ шумомъ распахнулась и оттуда выбѣжала стройная молодая женщина въ темномъ шолковомъ платьѣ. Она бросилась прямо къ дерущимся.

— Паула!—воскликнулъ графъ, повернувъ къ ней голову.

Но въ ту же минуту онъ пошатнулся: оружіе принца вонзилось ему въ плечо.

— Альфонсъ, мой Альфонсъ!—съ воплемъ крикнула графиня, подхватывая падавшаго мужа.

При видѣ крови, обагрившей мундиръ противника, Генрихъ отрезвился. Его спутники тихо перешептывались между собою. Безчувственнаго графа внесли въ комнату, гдѣ ему немедленно была оказана первая медицинская помощь и наскоро сдѣлана перевязка.

Онъ вскорѣ пришелъ въ себя. Не потеря крови, а душевное волненіе вызвало обморокъ. Когда графъ опомнился, жена сидѣла возлѣ него; на глазахъ у нея блестѣли слезы, но взглядъ ихъ по прежнему былъ чистъ и ясенъ. Вздохъ облегченія вырвался у раненаго.

— Только бы поскорѣе прочь отсюда!—прошепталъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, его желаніе исполнилось. Графа

Digitized by Google

осторожно перенесли въ экипажъ; онъ склонилъ голову на плечо жены и карета тронулась въ путь.

XIII.

— Разсказывай, дорогая Паула, разсказывай! Я не успокоюсь, прежде чѣмъ не узнаю всего!

Такъ говорилъ графъ Адлерсгорстъ, лежа въ своей постели; онъ былъ блѣденъ, но лихорадочныхъ явленій у него не обнаруживалось. Домашній врачъ только что ушелъ, еще разъ внимательно осмотрѣвши рану и сдѣлавъ необходимыя распоряженія. По его словамъ, состояніе больнаго не представляло опасности; важные органы не были повреждены и графу было нужно только безусловное спокойствіе и внимательный уходъ, чтобы окончательно поправиться. Разумѣется, паціенту по всей вѣроятности предстояло не выходить, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю изъ комнаты. Занятый исключительно событіями этой ночи, Адлерсгорстъ довольно хладнокровно выслушалъ приговоръ врача, не думая о возможныхъ послѣдствіяхъ своего нежданнаго домашняго ареста. Тревога за Паулу взяла въ немъ перевѣсъ надо всѣми прочими соображеніями. Онъ и теперь не могъ безъ ужаса вспомнить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ она подвергалась въ грязномъ притонѣ разврата. Молодая женщина сидѣла у постели мужа, держа его здоровую руку въ своихъ; ея заплаканное личико, послѣ разговора съ докторомъ, сіяло счастьемъ. Она не спускала съ графа своихъ прелестныхъ глазъ, и взглядъ жены, полный тревожной нѣжности и ласки, служилъ лучшимъ лѣкарствомъ для истерзанной души Адлерсгорста.

— О, не безпокойся обо мнѣ, милый Альфонсъ,—отвѣчала она на его просьбу передать ему всѣ подробности роковаго происшествія.—Со мной, право же, не случилось ничего такого, что могло бы тебя встревожить.

— Но все таки я хочу, чтобъ ты объяснила мнѣ свое появленіе въ коридорѣ именно въ тотъ моментъ, когда мы съ принцемъ бросились другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ...

— Боюсь, мой дорогой, что я сама была причиной катастрофы. Еслибъ я не бросилась къ вамъ и не крикнула отъ испуга, ты, пожалуй, не былъ бы раненъ. Ты обернулся, ко мнѣ и тогда оружіе принца вонзилось тебѣ въ плечо... Тутъ онъ самъ страшно перепугался... Да, не смотри на меня такъ недовѣрчиво, милый... Хотя принцъ Генрихъ мой врагъ, но я должна

Digitized by Google

сказать по правдѣ: онъ поблѣднѣлъ, когда ты упалъ въ обморокъ, и на его лицѣ ясно отразился испугъ...

— И ты еще защищаешь его, Паула, ты?

Она покраснѣла.

— Ты правъ, въ сущности онъ не заслуживаетъ этого. Однако я думаю, что принцъ не виноватъ въ этомъ несчастномъ недоразумѣніи. Впрочемъ, все должно объясниться, когда я увижу Эмму Вальдовъ. Но послушай, какъ это произошло. Письмо, полученное мною отъ гувернантки, ты уже читалъ. Зная, какъ я ее люблю и жалѣю, ты поймешь, что я поспѣшила на ея зовъ.

— Да, да, я знаю,—нѣсколько нетерпѣливо замѣтилъ графъ, ожидая продолженія разсказа жены, который дѣйствовалъ на него все болѣе и болѣе успокоительнымъ образомъ.

— Когда я подъѣхала къ указанному дому,—продолжала графиня,—и спросила г-жу Бергеръ, швейцаръ немедленно проводилъ меня наверхъ, объясняя при этомъ, что названная особа—жена одного изъ служащихъ при клубѣ. Имѣя обширную даровую квартиру, она отдаетъ комнаты пріѣзжимъ дамамъ по рекомендаціи знакомыхъ. Вверху встрѣтила меня какая-то женщина, очень скромная съ виду и почтительная. По ея словамъ, старшій лѣсничій фонъ-Фельдау прислалъ къ ней гувернантку своихъ дѣтей, которая очень больна и нуждается въ медицинской помощи. Днемъ былъ у нея докторъ; найдя у паціентки сильное разстройство нервовъ, онъ прежде всего далъ ей наркотическое средство, чтобъ она заснула, и не велѣлъ ее будить. Г-жа Бергеръ не смѣла ослушаться предписаній врача, она предложила мнѣ подождать, пока больная проснется сама. Я согласилась... Однако, зачѣмъ ты смотришь на меня такими странными глазами, Альфонсъ?... Если мой разсказъ волнуетъ тебя, я лучше перестану...

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжай, ради Бога!—проговорилъ онъ, стискивая зубы отъ сдержаннаго гнѣва и судорожно, почти до боли, сжимая руку жены.

— Я сейчасъ кончу. Г-жа Бергеръ привела меня въ хорошенькую пріемную, гдѣ на столахъ были разложены альбомы литографированныхъ рисунковъ и фотографій, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ пансіонахъ. Хозяйка предложила для развлеченія пересмотрѣть ихъ, пока она вернется, и оставила меня одну. Проходила минута за минутой; Эмма Вальдовъ все не показывалась. Я съ нетерпѣньемъ взглянула на часы, прошло уже цѣлыхъ полчаса, какъ я ожидала въ пріемной. Ровно въ девять долженъ былъ прійти за мной лакей; онъ, вѣроятно, уже пришелъ,

Digitized by Google

а я еще не повидалась съ Эммой. Тутъ я встала, намѣреваясь пойти на поиски за г-жей Бергеръ и передать ей, что если больная еще спитъ, то я лучше приду навѣстить ее на другой день. Однако мои усилія отворить ту или другую дверь оказались напрасными; онѣ всѣ были заперты. На меня напалъ страхъ. Между тѣмъ, до моего слуха сталъ доноситься издали звукъ голосовъ; я стала прислушиваться и замѣтила въ стѣнѣ маленькую дверь, обитую обоями. Къ моей немалой радости она подалась, когда я нажала ручку замка. Но тутъ я испугалась еще болѣе, очутившись въ большой, роскошно освѣщенной комнатѣ, пышное убранство которой представляло рѣзкій контрастъ съ только что оставленной мною простенькой гостинной въ скромномъ мѣщанскомъ вкусѣ. Розовый фонарикъ матоваго стекла, спускавшійся съ потолка, придавалъ золотымъ украшеніямъ, шолковой обивкѣ на стѣнахъ и мебели какой-то фантастически-сказочный колоритъ. Блескъ всего этого убранства и особенный, раздражающій нервы, ароматъ, носившійся въ комнатѣ, чуть не заставили меня вернуться обратно. Но именно въ ту минуту до моего слуха донесся громкій, несвязный гулъ многихъ голосовъ и мнѣ почудилось, Альфонсъ, что я различаю между ними и твой голосъ, дрожавшій отъ сдержаннаго гнѣва. Это заставило меня броситься впередъ. Я не спрашивала себя, какъ могъ ты неожиданно попасть въ клубъ, находясь при королѣ въ замкѣ Нейшванштейнъ; я чувствовала только непреодолимое желаніе тебя увидѣть. Вдругъ позади меня раздался испуганный голосъ: «Что вы дѣлаете, графиня! Вернитесь назадъ: здѣсь клубное помѣщеніе!» Это была г-жа Бергеръ. Заслышавъ громкій споръ, она вышла посмотрѣть, гдѣ я. Однако ея слова не остановили меня: я толкнула первую попавшуюся дверь, выскочила въ коридоръ и увидала, как[illegible] вы оба съ принцемъ подняли другъ на друга оружіе. Клинки блеснули при яркомъ газовомъ освѣщеніи и я крикнула, что̀ есть силы. Моя неосторожность чуть не погубила тебя, мой ненаглядный!

— Нѣтъ, напротивъ, она меня спасла!—воскликнулъ онъ, съ любовью и тоскою заглядывая въ глаза жены.—Безъ тебя я уложилъ бы принца, можетъ быть, на смерть и погубилъ свою будущность. Надо благодарить Бога, дорогая Паула, что все окончилось такъ благополучно. Господь помиловалъ тебя и меня.

Графъ говорилъ серьезно и съ волненіемъ.

— Почему же ты сказалъ «тебя?»—спросила молодая женщина нерѣшительнымъ тономъ. Уже во время самаго разсказа, въ ней стало пробуждаться неясное сознаніе, что она, ничего не подо-

Digitized by Google

зрѣвая, подвергалась страшной опасности. И ея милое личико, за минуту передъ тѣмъ смотрѣвшее на любимаго мужа съ такимъ невиннымъ, открытымъ выраженіемъ, покрылось вдругъ яркимъ румянцемъ; вѣки стыдливо опустились и по всему тѣлу пробѣжала нервная дрожь.

— Милая, дорогая Паула...—съ безконечной нѣжностью прошепталъ графъ, видя ея смущеніе.

Его голосъ звучалъ такъ мягко, такъ любовно... Она прижалась лицомъ къ его плечу и тихонько заплакала.

— Все обошлось хорошо. Утѣшься, дитя мое, но пусть этотъ случай послужитъ тебѣ полезнымъ урокомъ. Не будь такъ довѣрчива съ людьми. Развѣ я не предостерегалъ тебя противъ этой Эммы Вальдовъ?..

— О, Альфонсъ, неужели ты хочешь сказать, что она...

— Низкая обманщица? Конечно, и я—первымъ долгомъ—открою глаза на ея поведеніе семейству Фельдау, чтобъ и они, благодаря этой интриганкѣ, не попались въ ловушку, какъ мы съ тобою.

— Нѣтъ, мнѣ все не вѣрится!—возразила Паула.—Какъ могла Эмма, такая добрая, благородная дѣвушка, которая любила меня, какъ родная мать, и дѣйствительно была мнѣ матерью цѣлые годы... Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть!—И, снова поднявъ глаза на мужа, она быстро спросила:—А почему ты знаешь, что другіе не злоупотребили только ея именемъ? О, Альфонсъ, не суди, не выслушавши предварительно оправданія. Но объясни теперь, милый, какъ самъ ты попалъ въ тотъ домъ!

— Какъ? Меня предупредилъ какой-то неизвѣстный другъ—благослови его Господь за это! Открой мой бумажникъ, Паула; тамъ ты найдешь письмо Вальдовъ къ тебѣ и еще другое, анонимное, которымъ меня предупредили о грозившей тебѣ опасности.

Графиня исполнила желаніе мужа, но, при первомъ взглядѣ на адресъ, обомлѣла.

— Но вѣдь это... также... почеркъ Эммы Вальдовъ.

— Эммы Вальдовъ?

Настала очередь графа прійти въ изумленіе.

— [redacted] что-то невѣроятное. Не ошибаешься ли ты?

— [redacted]ѣтъ, нѣтъ! Сравни самъ.

Паула поднесла къ глазамъ мужа оба письма; онъ долго внимательно разсматривалъ ихъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія. Значитъ, у Эммы проснулась совѣсть, и она изъ раскаянія поспѣшила написать мнѣ, или, пожалуй...

Digitized by Google

Адлерсгорстъ терялся въ догадкахъ. Жена не сводила съ него тревожнаго взгляда.

— Перестань мучить себя тяжелыми мыслями,—сказала она.— Ты обѣщалъ успокоиться, когда я разскажу тебѣ всю правду. Только ради этого докторъ позволилъ мнѣ разговаривать съ тобою такъ долго. Но теперь пора тебѣ вспомнить о данномъ словѣ.

Графъ пожалъ руку Паулѣ, молча соглашаясь съ нею, однако тревожныя догадки не хотѣли его оставить. Его умъ терялся среди противорѣчій, точно Адлерсгорстъ заглядывалъ въ глубину мрачной пропасти и у него кружилась голова отъ ужаса. Нѣтъ, во всей этой интригѣ скрывалось что-то болѣе важное, чѣмъ любовный капризъ легкомысленнаго принца.

Графиня тихонько поднялась. Больной закрылъ глаза, и она подумала, что онъ спитъ. Когда молодая женщина вышла въ другую комнату, лакей подалъ ей карточку.

— Этотъ господинъ дожидается уже полчаса въ пріемной,— замѣтилъ слуга. — Онъ непремѣнно желаетъ видѣть ваше сіятельство.

Паула съ удивленіемъ прочла на карточкѣ имя Георга Рандау.

— Просите его въ гостинную,—сказала она, послѣ минутнаго раздумья.— Я сейчасъ выйду.

Георгъ прямо съ дебаркадера желѣзной дороги отправился къ своимъ родителямъ, разсчитавъ, что онъ не успѣетъ уже предотвратить послѣдствій низкаго замысла аббата Эйхфельда, что ему остается только открыть графу Адлерсгорсту имя человѣка, покушавшагося на его честь, и хотя отчасти оправдать несчастную Эмму Вальдовъ въ глазахъ молодой графини, которую она такъ горячо любила. Юноша почувствовалъ къ своему немалому удивленію, что, послѣ откровенныхъ признаній бѣдной дѣвушки, его участіе къ ней не только не ослабѣло, но даже усилилось, и теперь онъ искренно желалъ освободить ее отъ ужасныхъ условій жизни, въ которыя она попала вслѣдствіе бѣдности и совершеннаго незнанія свѣта.

Было воскресенье, торжественный церковный благовѣстъ гулко раздавался въ чистомъ зимнемъ воздухѣ. Георгъ [illegible], что застаетъ отца за работой. Рандау любилъ повторять своимъ дѣтямъ: «трудъ—та же молитва и человѣку не слѣдуетъ безъ пользы тратить время.»—Мать Георга, напротивъ, была очень богомольна и принадлежала къ протестантской церкви. Однако различіе вѣроисповѣданій не мѣшало супругамъ Рандау жить въ примѣрномъ согласіи. Сыновья, по закону, были воспитаны въ като-

Digitized by Google

лицизмѣ, какъ ихъ отецъ; но Рандау, человѣкъ съ широкимъ умственнымъ развитіемъ, относился вполнѣ терпимо къ различнымъ религіознымъ догматамъ и всю жизнь слѣдовалъ прекрасному правилу, что нужно уважать каждую форму религіи, если она основана на истинѣ и глубокомъ внутреннемъ убѣжденіи. Обѣ сестры Георга, давно уже вышедшія замужъ—онъ былъ самый младшій въ семьѣ—были протестантками, какъ мать, и вышли за протестантовъ. Но, по примѣру отца, каждый членъ семьи уважалъ религіозныя вѣрованія другаго, такъ что въ домѣ господствовала полная вѣротерпимость. Здѣсь придавали значеніе содержанію, а не формѣ; ставили дѣло выше мертвой буквы; любили все доброе, изъ какого бы источника оно ни происходило. Несправедливости, лицемѣрія и ханжества Рандау, напротивъ, избѣгали, какъ заразы.

Войдя въ сѣни отцовскаго дома, Георгъ дѣйствительно встрѣтилъ свою мать, спускавшуюся съ лѣстницы съ молитвенникомъ въ рукѣ. Это была статная, красивая матрона съ такими же веселыми, привѣтливыми глазами, какъ и у Георга. При видѣ сына, она вскрикнула отъ радости.

— Вотъ пріятный сюрпризъ, мой милый мальчикъ! Конечно, теперь ужь я останусь дома. Надолго ли данъ тебѣ отпускъ?

Мать и сынъ расцѣловались и въ радостномъ волненіи пошли подъ руку вверхъ по лѣстницѣ. Ихъ квартира находилась во второмъ этажѣ.

— Послѣ полудня я долженъ отправиться обратно,—отвѣчалъ Георгъ на вопросъ матери.—Важныя дѣла вызвали меня сегодня въ Мюнхенъ. Вечеромъ я застану семейство Фельдау въ домѣ стараго лѣсничаго Вальбурга на Тегернскомъ озерѣ и переночую тамъ, а въ понедѣльникъ поутру мы всѣ вмѣстѣ вернемся въ охотничій замокъ, гдѣ насъ ждетъ много дѣла.

Дѣйствительно, Георгъ, уѣзжая въ столицу, прямо со станціи желѣзной дороги отправилъ посланнаго въ домъ Вальбурга, отстоявшій не больше какъ на одинъ часъ ходьбы. Онъ извѣщалъ, что пріѣдетъ туда вечеромъ, а лошадей съ санями отправилъ обратно въ охотничій замокъ, гдѣ въ нихъ могла [illegible] надобность.

Профессоръ Рандау тотчасъ отложилъ работу, узнавъ о пріѣздѣ сына, а пока мать хлопотала о завтракѣ для усталаго, озябшаго Георга, отецъ завелъ съ нимъ откровенный разговоръ.

Но едва они успѣли коснуться самаго важнаго пункта, т. е. причины неожиданнаго появленія юноши въ Мюнхенѣ, какъ доложили о приходѣ новаго гостя, профессора Ромуальда Вальбурга.

Digitized by Google

Посѣтитель вошелъ въ кабинетъ сильно взволнованный.

— Какъ, вы уже успѣли вернуться съ Тегернскаго озера?— спросилъ хозяинъ, пожимая пріятелю руку.

— Я оттуда еще вчера вечеромъ,—былъ отвѣтъ,—и благословляю моего Создателя, что такъ случилось. Можетъ быть, я могу еще помочь бѣдѣ...

— О чемъ вы толкуете, любезный Вальбургъ?— воскликнулъ Рандау, привыкшій удерживать въ границахъ благоразумія своего чересчуръ впечатлительнаго друга.—Успокойтесь, прошу васъ присядьте къ намъ и поговоримте толкомъ.

Профессоръ только тутъ замѣтилъ присутствіе Георга.

— Какъ, вы пріѣхали въ гости къ родителямъ, милый Георгъ?— воскликнулъ онъ въ радостномъ изумленіи.—Вотъ счастливая случайность! Значитъ, вы можете немедленно передать моимъ роднымъ одно очень важное извѣстіе... Боже, какой ударъ для моего добрѣйшаго старика! Опять всѣ наши надежды и планы рушились: графъ Адлерсгорстъ, наша единственная опора, лежитъ раненый въ своемъ отелѣ!

— Графъ Адлерсгорстъ раненъ?—вскричали въ одинъ голосъ отецъ и сынъ Рандау, вскакивая съ мѣста.

— Да развѣ вы не знаете? Весь городъ толкуетъ объ этомъ. Вчера вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ произошло столкновеніе между графомъ и принцемъ Генрихомъ... говорятъ, будто бы изъ-за графини... Принцъ, бывшій навеселѣ, погорячился, выхватилъ саблю; графъ сдѣлалъ тоже и, прежде чѣмъ присутствующіе успѣли броситься между ними, Адлерсгорстъ, раненый въ плечо, покатился безъ памяти на полъ.

Георгъ страшно поблѣднѣлъ.

— О, я боялся этого!

— Какимъ же образомъ вы могли предвидѣть катастрофу? Значитъ, вамъ было что нибудь извѣстно и вы пріѣхали сюда по этой причинѣ?

Молодой Рандау счелъ нужнымъ высказаться откровенно. Онъ передалъ безъ утайки, что заставило его въ мятель и бурю выѣхать изъ охотничьяго замка, какъ онъ не засталъ графа въ Нейшванштейнѣ и пріѣхалъ сюда. Только имени Эммы Гольдовъ Георгъ не хотѣлъ назвать.

— Какая мошенническая штука!—воскликнулъ внѣ себя Ромуальдъ.—И досаднѣе всего, что дьявольскій замыселъ аббата вполнѣ удался. Будемъ надѣяться, что графъ не поплатится жизнью въ настоящемъ случаѣ, но все таки подобная исторія не останется безъ послѣдствій. Адлерсгорста предадутъ военному

Digitized by Google

суду за то, что онъ поднялъ руку на одного изъ членовъ королевской фамиліи и, кромѣ того, нарушилъ военную дисциплину, оскорбивъ человѣка выше себя рангомъ. За такія преступленія полагается строгая кара и неизвѣстно, къ какому финалу можетъ привести виноватаго этотъ прискорбный инцидентъ. Общественное положеніе графа пошатнется, а король, лишившись единственнаго друга, снова останется одинокимъ и попадетъ въ руки низкихъ мошенниковъ, которые подготовляютъ ему гибель. О, зачѣмъ праведное небо не поразитъ этотъ жалкій міръ, утонувшій въ преступленіяхъ, и не уничтожитъ его! Къ несчастью, всѣ мы готовы сочувствовать, жалѣть, проливать слезы надъ жертвами несправедливости, а какъ дойдетъ до дѣла, то оказываемся трусами. Напримѣръ, чего пришлось мнѣ сегодня наслушаться?... Люди благонамѣренные—т. е. тѣ, которыхъ мы считаемъ благонамѣренными—хотя и сочувствуютъ графу, и отзываются съ негодованіемъ о легкомысліи принца, который не хочетъ остепениться, не смотря на свои годы, а все таки прибавляютъ при этомъ, пожимая плечами: «зачѣмъ было Адлерсгорсту брать жену изъ дурной семьи? Можно было заранѣе предсказать ему несчастье въ такомъ супружествѣ. Графиня была налицо во время дуэли и кто можетъ съ достовѣрностью утверждать, что она не причемъ въ происшедшемъ скандалѣ?»

— О, она нисколько тутъ не виновата!—съ жаромъ вмѣшался Георгъ.

— Разумѣется, разумѣется! Я никогда не рѣшился бы подозрѣвать ее,—продолжалъ Вальбургъ.—Но свѣтъ такъ ужь устроенъ, что—по пословицѣ—хорошая слава лежитъ, а худая далеко бѣжитъ... Злословіе ищетъ себѣ пищи... А посмотримъ, какъ судитъ о дѣлѣ противная партія? Ея сторонники такъ и захлебываются благороднымъ негодованіемъ, твердя о растлѣніи современныхъ нравовъ, когда ставится ни во что неприкосновенность чести царствующаго дома, когда офицеръ и дворянинъ подаетъ такой возмутительный примѣръ нарушенія субординаціи и неуваженія къ августѣйшимъ особамъ. Любимецъ короля считаетъ для себя все позволительнымъ! Напротивъ, вотъ тутъ-то и слѣдовало бы показать на дѣлѣ передъ свѣтомъ и баварскимъ народомъ, что мы живемъ пока не посреди азіатской распущенности,—какъ того хотѣлось бы королю,—а въ благоустроенномъ европейскомъ государствѣ, гдѣ даже коронованныя особы обязаны преклоняться передъ закономъ.

Говоря такимъ образомъ, Ромуальдъ Вальбургъ съ досадой

Digitized by Google

отбросилъ назадъ свои густые волосы и мрачно уставился глазами въ одну точку.

— Ну, что теперь дѣлать?—воскликнулъ онъ послѣ короткой паузы, обращаясь къ обоимъ Рандау съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ.—Я рѣшительно ничего не въ силахъ придумать!

— Къ счастью,—утѣшительнымъ тономъ замѣтилъ хозяинъ дома,—король пока еще властелинъ своей страны; онъ не допуститъ гибели Адлерсгорста. По моему, прежде всего надо извѣстить государя о случившемся.

— Но какимъ образомъ?—спросилъ Вальбургъ.—Нельзя разсчитывать съ достовѣрностью, что письмо частнаго лица благополучно дойдетъ до короля въ отсутствіи графа, который зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ Нейшванштейнѣ. Кромѣ того—я говорю только по слухамъ — кому извѣстна истинная правда о настоящемъ дѣлѣ?

— Я надѣюсь разузнать все въ точности!—вмѣшался Георгъ, вскакивая съ мѣста.—Я лично разспрошу самого графа, а если его нельзя видѣть, то графиню, которая не откажется принять меня при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Ты отлично придумалъ, юноша!—отвѣчалъ профессоръ Вальбургъ, хлопая своего любимца по плечу.—Но въ такомъ случаѣ не будемъ терять ни минуты. Одѣвайся и ѣдемъ вмѣстѣ!

— Дайте ему, по крайней мѣрѣ, съѣсть тарелку горячаго супа!—послышался въ эту минуту ласковый голосъ хозяйки дома.—Да и вы сами, г. профессоръ, не откажитесь закусить что нибудь,—прибавила она, отворяя двери въ столовую.

Семья усѣлась завтракать. Но Георгъ такъ сильно волновался, что не могъ проглотить куска. Напрасно мать предлагала ему одно вкусное блюдо за другимъ. Онъ утѣшилъ ее обѣщаніемъ плотно поѣсть за обѣдомъ и поспѣшилъ къ графу Адлерсгорсту.

Принятый Паулой, юноша разсказалъ ей все, слышанное отъ Эммы Вальдовъ, причемъ передалъ ей о горькомъ раскаяніи виновной. Вѣроятно, его заступничество было очень убѣдительно, потому что глаза Паулы наполнились слезами и она произнесла тѣ же самыя слова, которыя вырвались и у него послѣ откровенной исповѣди гувернантки: «Несчастная, жалкая дѣвушка»!

Но, кромѣ того, предстояло обсудить болѣе важные вопросы.

— Не знаю,—нерѣшительно замѣтила графиня, — могу ли я снова безпокоить мужа безъ вреда его здоровью послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ потрясеній. Но, пожалуй, онъ никогда не проститъ мнѣ потомъ, что я скрывала отъ него истину, когда отъ этого зависѣло такъ много.

Digitized by Google

— Рискните, графиня, заговорить съ нимъ,—умолялъ Георгъ:— Только онъ одинъ можетъ научить насъ, какъ нужно дѣйствовать при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ.

— Хорошо, я пойду къ нему,—серьезно отвѣтила Паула, кивая головой посѣтителю.—Подождите меня минутку, г. фонъ-Рандау. Надѣюсь, что мой мужъ будетъ въ состояніи потолковать съ вами лично.

Эта кроткая, положительная рѣчь, въ которой обнаруживалась извѣстная твердость характера, удивительно шла къ прелестному юношескому личику Паулы. Георгъ съ молчаливымъ восхищеніемъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся молодой женщинѣ, залюбовавшись ея граціозными движеніями и воздушнымъ станомъ. Какъ она успѣла расцвѣсти и развиться нравственно въ такой короткій срокъ, подъ вліяніемъ благородной натуры Адлерсгорста!

Нѣсколько минутъ спустя, Рандау, дѣйствительно, пригласили въ спальню больнаго. Графъ привѣтствовалъ его со своей постели ласковымъ, благодарнымъ взглядомъ.

Графиня уступила Георгу свое мѣсто у кровати мужа.

— Какое счастье, что вы рѣшились дѣйствовать смѣло и не отступили назадъ изъ ложной деликатности, г. фонъ-Рандау,— заговорилъ раненый, обращаясь къ молодому человѣку. Его голосъ былъ слабъ, но совершенно ясенъ.—Вы оказали мнѣ большую услугу, разоблачивъ махинаціи аббата. Я подозрѣвалъ, что сдѣлался жертвой низкой интриги, но теперь мнѣ все извѣстно до точности и я знаю, что̀ нужно дѣлать. Прошу васъ, г. фонъ-Рандау, довершите свое честное предпріятіе: поѣзжайте прямо отсюда къ его величеству и употребите всѣ усилія убѣдить короля, чтобы онъ собрался въ Мюнхенъ, не смотря на мое отсутствіе. Всѣ нужныя приготовленія къ этому переѣзду уже сдѣланы мною; остается только подняться съ мѣста. Не скрою отъ васъ: ваше порученіе не легкое, однако я увѣренъ, вы не откажетесь взять его на себя, сознавая, какъ оно важно. Я не въ состояніи держать въ рукахъ пера, но моя жена напишетъ отъ моего имени рекомендательное письмо, которое должно открыть вамъ доступъ въ королевскій за́мокъ.

— Г. графъ,—съ чувствомъ отвѣчалъ Георгъ,—вы оказываете мнѣ величайшую честь своимъ довѣріемъ. Поэтому повторю еще разъ то, что̀ я имѣлъ счастье выразить вамъ при нашей первой встрѣчѣ въ Гольдау: моя жизнь принадлежитъ моему государю. Я сдѣлаю все, что̀ могу, чтобы въ точности исполнить возложенное на меня порученіе.

— Дай Богъ вамъ успѣха!—сказалъ графъ съ тяжелымъ вздо-

Digitized by Google

хомъ.—Помните, что я ожидаю здѣсь прибытія короля въ самомъ мучительномъ нетерпѣніи. Но не о себѣ я хлопочу, вы это знаете. Какое бы наказаніе мнѣ ни опредѣлили, я его перенесу безропотно, лишь бы знать, что мой возлюбленный государь внѣ опасности.

И, подавая Георгу на прощанье свою здоровую руку, графъ прибавилъ:

— Прошу васъ, обождите въ гостинной, пока будетъ написано для васъ рекомендательное письмо.

Выходя, четверть часа спустя, изъ дома Адлерсгорста, молодой Рандау столкнулся на лѣстницѣ съ баронессой Эберсдорфъ, пріѣхавшей навѣстить больнаго. Ея черные глаза сверкнули зловѣщимъ огнемъ на желтовато-блѣдномъ лицѣ при видѣ Георга. Она смѣрила его съ головы до ногъ нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ и прошла мимо, молча кивнувъ головою.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

НА СМЕРТЬ М. Е. САЛТЫКОВА.

Пустынен̀ъ мрачный небосклонъ,
Умолкъ послѣдній громъ сатиры...
Ужь не раздастся гнѣвный стонъ
Суровыхъ струнъ угрюмой лиры!

Уста, пылавшія грозой,
Уже не бросятъ намъ укора;
Поэту тѣсенъ̀ъ гробъ нѣмой,—
И въ жизни онъ̀ъ не зналъ простора!

М. Б.

Digitized by Google

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

I.

О вкусахъ,—говорятъ,—не спорятъ, а тѣмъ болѣе не спорятъ о журнальныхъ вкусахъ, о которыхъ мы, въ настоящую минуту, и намѣрены поговорить съ читателями.

Было бы любопытно и, можетъ быть, поучительно разсмотрѣть внимательнѣе этотъ «вопросъ» о журнальныхъ вкусахъ. Казалось бы, что именно о вкусахъ не можетъ быть и рѣчи, когда говорятъ о журналѣ. Журналъ, какъ текущее, періодическое проявленіе литературы, какъ термометръ, указывающій на степень и характеръ умственнаго движенія въ обществѣ, въ извѣстный моментъ, на относительную интенсивность его, долженъ быть, по преимуществу, явленіемъ объективнымъ, независимымъ отъ личныхъ симпатій и антипатій,—разумѣется, за исключеніемъ такъ называемаго направленія, которое есть, въ свою очередь, ничто иное, какъ извѣстное теченіе общественной мысли и, въ этомъ качествѣ, имѣетъ свой raison d'être. На дѣлѣ, однако же, выходитъ совершенно другое. Не столько направленіе, сколько личные вкусы редакціи выражаются въ русскомъ журналѣ. Каждая редакція ведетъ свою линію, если можно такъ выразиться, вовсе не соображаясь, отвѣчаетъ ли эта самая линія умственнымъ потребностямъ общества. Въ обществѣ, напримѣръ, возникаетъ крупный экономическій вопросъ. Казалось бы—чего лучше?—его-то именно и слѣдуетъ разработывать въ текущей журналистикѣ. Но для этого требуются нѣкоторыя усилія со стороны редакціи, нѣкоторое напряженіе силъ и, въ особенности, требуется, чтобы редакція не только сознавала важность въ данную минуту этого вопроса, но также была бы компетентна въ разрѣшеніи и обсужденіи его. Все это, можетъ быть, и есть въ наличности; нѣтъ только желанія заняться «вопросомъ», который, по тѣмъ или другимъ причинамъ, кажется редакціи скучнымъ и не интереснымъ; и «вопросъ», благодаря такому соображенію, рѣшается самъ собою и очень просто: онъ упраздняется, по крайней мѣрѣ, въ заботахъ редакціи; жур-

Digitized by Google

налъ объ немъ молчитъ или отдѣлывается пустыми, безсодержательными фразами, переходя къ другимъ явленіямъ, болѣе подходящимъ подъ вкусы и настроеніе редакціи. Читатели и подписчики, въ свою очередь, до такой степени свыклись съ этою халатностью нашихъ редакцій, что въ концѣ концовъ не протестуютъ и позволяютъ добродушно угощать себя всякимъ вздоромъ.

За послѣднее время, однако, такъ мало возникаетъ «вопросовъ» въ русской общественной жизни, что вторженіе личныхъ вкусовъ въ журналистику, еще, пожалуй, не бѣда. Но не то бываетъ, когда дѣло касается не того или другаго спеціальнаго вопроса, а цѣлаго теченія русской общественной жизни, основъ русской культуры, международнаго значенія русскаго народа въ настоящее время, или такихъ общественно-философскихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ прямо и непосредственно задѣваетъ русскую дѣйствительность и интересуетъ русскую науку. Правда, и по части такихъ задачъ, мы сдѣлались, за послѣднее время, очень скупы. Въ прежнія времена цѣлая полоса въ исторіи русской мысли характеризовалась, напримѣръ, продолжительными, имѣвшими живой интересъ, спорами между славянофилами и западниками; этотъ споръ тянулся десятки лѣтъ, въ немъ участвовали корифеи русской литературы; возникали журналы, имѣвшіе спеціальною цѣлью отстаивать то или другое направленіе, и хотя этотъ вопросъ, само собою разумѣется, такъ и канулъ въ вѣчность не разрѣшеннымъ, но споръ о немъ выяснилъ очень многое для истиннаго пониманія русской культуры. Въ настоящее время принято считать этотъ споръ окончательно сданнымъ въ архивъ на вѣки вѣковъ; предполагается, что, съ послѣдней восточной войны и со смерти И. С. Аксакова, западники и славянофилы примирились въ какомъ-то высшемъ историческомъ синтезѣ, что вопросы, волновавшіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, теперь не существуютъ уже; что сама жизнь устранила ихъ, показавъ несостоятельность западнической теоріи, причемъ поминается, что западники покаялись въ своихъ прегрѣшеніяхъ и подали руку славянофиламъ. Въ дѣйствительности, едва ли это такъ. Въ настоящее время такіе грандіозные умственные турниры, конечно, не имѣютъ уже мѣста, но едва ли можно сказать категорически, что нѣтъ у насъ ни славянофиловъ, ни западниковъ, и что споръ между ними потерялъ всякій смыслъ. На дѣлѣ мы видимъ нѣчто другое; и теперь еще отъ времени до времени возникаютъ въ печати болѣе или менѣе широкія «задачи», благодаря личной иниціативѣ того или другаго писателя, задачи, имѣющія прямое отношеніе къ спору между славянофилами и западниками, хотя постановка вопроса является иная; но, къ сожалѣнію, отголосковъ въ журналистикѣ такія задачи уже не встрѣчаютъ, и все дѣло обыкновенно кончается узкой, придирчивой полемикой между двумя-тремя лицами, непосредственно заинтересован-

Digitized by Google

ными въ ней. Вспомнимъ хотя бы интересъ, возбужденный статьей Вл. С. Соловьева: «Россія и Европа». Статья эта была написана по поводу извѣстной книги покойнаго Данилевскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, но она, не смотря на свой отчасти полемическій характеръ, тѣмъ не менѣе принципіально коснулась самыхъ основъ русской культуры и, въ сущности, оживила прежній споръ между славянофилами и западниками. Трудъ В. С. Соловьева возбудилъ дѣйствительный интересъ въ русскомъ обществѣ, но въ печати этотъ интересъ обнаружился довольно странно: газеты коснулись вопроса только мелькомъ, съ его, такъ сказать, сплетнической стороны; однѣ робко сказали нѣсколько словъ въ пользу г. Соловьева, другія посмѣялись надъ «философомъ» и обругали его за «измѣнничество». Въ толстыхъ журналахъ этотъ вопросъ такъ и не дебатировался; исключеніемъ въ этомъ отношеніи явился только нашъ журналъ, гдѣ была помѣщена замѣчательная статья В. П. Безобразова, разсматривавшая вопросъ съ точки зрѣнія принципіальной. Въ толстыхъ журналахъ все дѣло окончилось чрезвычайно неудачной полемикой между г. Соловьевымъ и г. Страховымъ, полемикой, имѣвшей личный и даже какъ бы интимный характеръ. А между тѣмъ трудъ г. Соловьева, не смотря на нѣкоторыя односторонніе увлеченія почтеннаго автора, имѣетъ весьма серьезное значеніе и, казалось, долженъ былъ послужить началомъ цѣлаго ряда другихъ литературныхъ работъ, которыя бы разсмотрѣли его съ разныхъ точекъ зрѣнія, при новомъ освѣщеніи недавнихъ политическихъ событій, принимая во вниманіе строй мысли и потребности современнаго русскаго общества.

Какъ объяснить фактъ, что русская журналистика не приняла ни малѣйшаго участія въ разработкѣ вопроса, поставленнаго такъ удачно и талантливо г. Соловьевымъ? Объяснить это равнодушіемъ общества—не возможно, по той простой причинѣ, что общество живо интересовалось и теперь даже интересуется имъ. Остается предположить только равнодушіе нашей современной журналистики къ подобнаго рода общимъ вопросамъ. Обыкновенно это равнодушіе объясняютъ, говоря, что современная русская журналистика, по преимуществу, «дѣловая», что время общихъ теоретическихъ вопросовъ безвозвратно прошло. «Иными публицистами,—говоритъ по этому поводу г. Безобразовъ,—наиболѣе олицетворяющими собою духъ новѣйшаго времени, этотъ дѣловой, практическій характеръ печати ставится въ главную ей похвальбу; предавать глумленію и поруганію эти общіе вопросы стараго времени составляетъ нынѣ излюбленную тему для этихъ ликующихъ публицистовъ новѣйшей формаціи, единственный, интересующій ихъ, общій вопросъ, хотя тѣ же самые вопросы, обозванные ими праздными и далеко еще не рѣшенные, потребуютъ, безъ сомнѣнія, много разработки отъ нашихъ потомковъ». Но увы! и на дѣловой, будто бы, характеръ нашей печати въ данномъ

Digitized by Google

случаѣ ссылаться невозможно. Посмотрите на наши толстые журналы: много ли *дѣловаго* найдете въ нихъ? Современный русскій журналъ имѣетъ не дѣловой характеръ, а скучный или просто легкомысленный; чаще всего встрѣчается тамъ, что скука и легкомысліе не только идутъ рука объ руку, но и сливаются до такой степени, что не знаешь, гдѣ начинается скука и гдѣ кончается легкомысліе. «Дѣло» отъ этого нисколько не выигрываетъ; даже напротивъ: вмѣсто дѣла вы встрѣчаете сухой, педантскій тонъ самоувѣреннаго публициста, умудрившагося говорить такими мудреными фразами, что его трудно, а иодчасъ и невозможно понять, а то, что̀ можно понять, — вздорно и легкомысленно, не продумано и не переварено; такъ что, по внѣшней формѣ, статьи такого публициста необыкновенно скучны и педантичны, а по содержанію легкомысленны и чрезвычайно легковѣсны.

Попробую иллюстрировать мое замѣчаніе однимъ фактомъ, который я беру почти наудачу. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» существуетъ прелюбопытный публицистъ, именующій себя «соціологомъ». Этотъ публицистъ—г. Южаковъ. Въ названномъ журналѣ онъ ведетъ политическую лѣтопись, но въ качествѣ соціолога ведетъ ее довольно своеобразно. Обыкновенно, политическая лѣтопись ежемѣсячнаго журнала имѣетъ характеръ систематическаго свода свѣдѣній по политическимъ событіямъ за цѣлый мѣсяцъ. Ничего другаго отъ такой лѣтописи и не требуется. Но г. Южаковъ понимаетъ дѣло совершенно иначе. Онъ полагаетъ, что мѣсто, удѣляемое ему въ журналѣ для политической лѣтописи, есть нѣчто въ родѣ каѳедры, съ которой онъ, г. Южаковъ, можетъ и долженъ читать лекціи о политикѣ, какъ наукѣ, разсматривать начала, которыми руководствуется международная политика современной Европы, подвергать ихъ своему строгому анализу, критиковать и затѣмъ произносить свой безапеляціонный приговоръ съ важностью и достоинствомъ, по истинѣ, комичными. Онъ, конечно, понимаетъ, что всѣ его приговоры, рѣшенія и совѣты дипломатамъ такъ и останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но этимъ онъ не смущается и продолжаетъ свое дѣло съ наивною вѣрою неунывающаго россіянина. «Я хорошо понимаю, — говоритъ онъ,—что всѣ эти мои сужденія имѣютъ чисто академическое значеніе и не имѣютъ ни малѣйшихъ шансовъ быть принятыми во вниманіе практическими политиками, руководящими международнымъ поведеніемъ европейскихъ державъ, но, быть можетъ, читатели припомнятъ соображенія, приведенныя мною нѣсколько страницъ тому назадъ по поводу такихъ же чисто академическихъ сужденій о международномъ политическомъ положеніи. Русская публицистика вообще рѣдко можетъ имѣть въ виду практическое значеніе своихъ сужденій, но если она внимательно и преданно (?) относится къ своему, повидимому, чисто академическому дѣлу, она можетъ въ будущемъ сослужить и практи-

Digitized by Google

ческую службу, вырабатывая общественное самосознаніе». Какъ видитъ читатель, г. Южаковъ «вырабатываетъ общественное сознаніе» русскаго общества. Для этого, очевидно, ему нужна каѳедра, хотя бы въ видѣ политической лѣтописи ежемѣсячнаго журнала. Онъ этой каѳедрой пользуется, въ виду сознанія своего долга, со рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Чаще всего онъ совершенно игнорируетъ факты политической жизни, о которыхъ, повидимому, обязанъ говорить въ своей лѣтописи, зато съ избыткомъ угощаетъ читателя своими теоретическими соображеніями, наивно вѣря, что эти соображенія и есть «послѣднее слово науки». Такъ, онъ распространяется о «европействующей» (?) международной политикѣ, о политической солидарности европейскихъ государствъ и народовъ, объ экономической солидарности и экономической политикѣ, объ историческихъ задачахъ русской внѣшней политики и о многихъ другихъ поучительныхъ предметахъ.

Остановимся на минуту на историческихъ задачахъ русской политики. По мнѣнію г. Южакова, программа русской политики сводится или должна сводиться къ четыремъ задачамъ. Первая задача: огражденіе европейской цивилизаціи отъ азіатскаго варварства и постепенное пріобщеніе азіатскихъ сосѣдей къ этой цивилизаціи. Повидимому, г. Южаковъ не отдаетъ себѣ вполнѣ яснаго отчета, чѣмъ азіатское варварство можетъ угрожать европейской цивилизаціи; насколько извѣстно, азіатское варварство агрессивной политикой не занимается и мирно сидитъ у себя дома, никого не безпокоя; да и неудобно было бы ему заниматься такими дѣлами, потому что съ европейскою цивилизаціей, надѣленной круповскими пушками, магазинными ружьями, митральезами, варварству было бы довольно трудно справиться. Но, тѣмъ не менѣе, г. Южаковъ ограждаетъ Европу отъ варваровъ и постепенно пріобщаетъ ихъ къ цивилизаціи, т. е., другими словами, прибираетъ ихъ къ рукамъ. Говоря по всяческой справедливости, не европейскую цивилизацію слѣдовало бы ограждать отъ азіатскихъ варваровъ, а наоборотъ—варваровъ ограждать отъ цивилизаціи; но «наука», устами г. Южакова, рѣшила другое. Вообще, «наука» подъ перомъ г. Южакова гласитъ по временамъ самыя изумительныя истины. Такъ, напримѣръ, она вѣщаетъ, что, для успѣшной борьбы съ азіатскими ордами, Россіи пригодится «развить» начало авторитета, которое выросло на почвѣ демократическаго строя (?!) Этотъ демократическій строй столкнулся на равнинахъ восточной Европы съ противоположнымъ аристократическимъ теченіемъ въ лицѣ Польши, которая, по странной игрѣ исторіи, «развила» вдобавокъ свободныя республиканскія учрежденія. Такимъ образомъ выходитъ, что на восточныхъ равнинахъ Европы начала авторитета и демократіи боролись съ началами политической свободы и аристократіей, — дѣло невиданное доселѣ въ исторіи. Но и этимъ дѣло еще не кончается. Россія побѣ-

Digitized by Google

дила Польшу, но борьба «началъ» возобновляется теперь въ болѣе обширныхъ предѣлахъ. Польшу замѣняетъ Австрія, а за ея спиною стоитъ Германія. Отсюда являются двѣ слѣдующія историческія задачи русской внѣшней политики: борьба съ австрійской гегемоніей на европейскомъ Востокѣ и ограниченіе германской гегемоніи въ Европѣ. Наконецъ, по той же все наукѣ соціологіи, оказывается, что состояніе Россіи, какъ экономически отсталой страны, указываетъ ей еще одну задачу международнаго поведенія,—борьбу съ господствомъ капитала, съ его сосредоточеніемъ, и поддержку всякаго начинанія, клонящагося къ этой цѣли. Г. Южаковъ, изложивъ эти «начала» своей теоретической политики, говоритъ въ заключеніе: «Такая праграмма, повидимому, никакихъ спеціально русскихъ интересовъ не преслѣдуетъ, но это только такъ кажется, потому что лишь на этомъ безкорыстномъ пути и лишь при этой европействующей политикѣ можно обезпечить правильное прогрессивное развитіе, быстрый и постоянный ростъ благосостоянія, просвѣщенія, нравственности». Какимъ образомъ всѣ эти блага можетъ обезпечить европействующая политика, г. Южаковъ не сообщаетъ, но и то, что онъ говоритъ, способно внушить читателю искреннее удивленіе передъ чудесами соціологіи, такъ понимаемой. Сообразите, сколько времени неунывающій россіянинъ корпитъ надъ рѣшеніемъ трудной задачи: какъ пріобрѣсти капиталъ и сохранить невинность, и до сихъ поръ не можетъ ее рѣшить; соціологія г. Южакова сразу рѣшаетъ эту задачу въ международной политикѣ!

Меня смущаетъ, впрочемъ, одно обстоятельство: все это несомнѣнно такъ, г. Южаковъ нашелъ вѣрное средство пріобрѣтать капиталъ и сохранять невинность, но по отношенію къ послѣдней задачѣ русской политики,—по отношенію къ борьбѣ съ господствомъ капитала, рекомендуемой Россіи точно также г. Южаковымъ, — дѣло, мнѣ кажется, не такъ просто. Я не знаю, внемлетъ ли Россія совѣтамъ г. Южакова, борется ли она съ капиталомъ, или нѣтъ, но нѣкоторые экономическіе факты, совершающіеся на нашихъ глазахъ, способны привести въ недоумѣніе хоть какого угодно соціолога. Еще недавно въ нашемъ журналѣ В. П. Безобразовъ указалъ на такіе два факта: на промышленные кризисы, свеклосахарный и каменноугольный; свеклосахарная промышленность страдаетъ отъ *избытка производства*, а такъ называемый каменноугольный кризисъ заключается въ томъ, что *недостаетъ товара* для удовлетворенія спроса. Во всей этой исторіи любопытно то, что оба кризиса, совершенно противоположные по своему прямому, практическому содержанію, порождены одною и тою же причиною. Обѣ отрасли производства одинаково поражены въ своемъ развитіи крайнимъ таможеннымъ протекціонизмомъ; сущность всѣхъ недуговъ той и другой—одна и та же. Точно также тожественны и окончательные прак-

Digitized by Google

тическіе результаты этихъ недуговъ для публики: высота рыночныхъ или покупныхъ цѣнъ сахара и угля сравнительно съ ихъ естественною стоимостью. Оказывается, что, благодаря таможенному протекціонизму, сахаръ дорогъ, хотя его и некуда дѣвать, а уголь, благодаря тому же обстоятельству, совершенно исчезъ съ рынка. Злосчастная судьба этого послѣдняго производства дошла до такого безобразія, что, не смотря на крайне высокій таможенный тарифъ, коксъ привозится на желѣзныя дороги и заводы въ мѣстности, ближайшія къ нашимъ южнымъ залежамъ этого матеріала, признаваемымъ и по ихъ количеству, и по ихъ качеству первостепенными въ мірѣ, — чуть не на самыя эти залежи! Выходитъ, такимъ образомъ, что-то совершенно необъяснимое и съ точки зрѣнія какой бы то ни было соціологіи совершенно нелѣпое. Если уже правительственный протекціонизмъ приводитъ на практикѣ къ такимъ результатамъ, то и противоположная система — фритредерство, примѣняемое такимъ же образомъ, приведетъ къ тому же самому. Г. Южаковъ, конечно, такими пустяками не занимается; онъ докторально утверждаетъ, что, по послѣднимъ словамъ науки-соціологіи, борьба съ капиталомъ является для Россіи исторической необходимостью. Эту необходимость онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: нѣкоторыя европейскія страны, которыя первыя вступили на путь капитализма, сосредоточивъ и выдѣливъ капиталъ, «дифференцировали» націю на экономическіе классы и лишили всякаго экономическаго обезпеченія громадное большинство своего населенія,—но тѣмъ самымъ обрѣли въ сосредоточенномъ капиталѣ громадную силу, которая нынѣ подчиняетъ имъ экономически весь міръ. Слѣдовать по этому пути Россія не можетъ, потому что, еслибы она и успѣла сосредоточить капиталъ обездоливъ для того массы своего населенія, то удержать его у себя и не уступить опередившимъ націямъ была бы все таки не въ силахъ. Ей остается другой путь: «всячески затруднять сосредоточеніе капитала и, направивъ собственное экономическое развитіе по противоположному пути равномѣрнаго распредѣленія капитала, открыть и для народной массы передовыхъ странъ исходъ къ тому же экономическому преобразованію, которое одно способно упразднить экономическое господство и экономическую зависимость и въ международныхъ отношеніяхъ». Все это прекрасно, но бѣда только въ томъ, что г. Южаковъ не объясняетъ: имѣетъ ли государство какія либо средства «затруднять сосредоточеніе капитала» и какъ можно направить экономическое развитіе, безъ сосредоточенія капитала, по пути равномѣрнаго распредѣленія капитала,—чтобы такимъ образомъ сразу исправить всѣ ошибки и преступленія европейской цивилизаціи, «издифференцировавшейся», по мнѣнію почтеннаго публициста, до послѣдней степени? Теперь резюмируйте «мысли» г. Южакова, и вы получите что-то совершенно несуразное. То г. Южаковъ настаиваетъ

Digitized by Google

на томъ, что европейскую цивилизацію необходимо оберегать отъ азіатскихъ варваровъ, то онъ утверждаетъ, что эта цивилизація никуда не годится, и что ее нужно исправлять варварскими средствами, «задерживая» сосредоточеніе капитала. То г. Южаковъ говоритъ, что система покровительства въ экономической жизни никуда не годится, то настаиваетъ на томъ, чтобы «задерживать» сосредоточеніе капитала, т. е. требуетъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, покровительственной системы, которую онъ только что оспаривалъ, ибо что такое «задерживаніе», если не вмѣшательство государства въ экономическія отношенія? — Таковы соціологическія упражненія г. Южакова, упражненія, имѣющія болѣе чѣмъ академическій характеръ, потому что они не только не практичны и не осуществимы, но даже и съ теоретической точки зрѣнія противорѣчивы.

II.

Мы упомянули о соціологіи. Это даетъ намъ поводъ коснуться любопытныхъ статей г. Слонимскаго въ «Вѣстникѣ Европы» и еще болѣе любопытной полемики, возбужденной этими статьями.

Насколько можно судить по первымъ главамъ труда г. Слонимскаго, этотъ публицистъ «Вѣстника Европы» задумалъ довольно обширное изслѣдованіе о теоріяхъ прогресса. О характерѣ этого труда въ настоящую минуту еще невозможно судить, потому что покуда появилось только начало его. Но это начало вызвало нѣкоторую сенсацію въ нашей печати. Не потому, конечно, чтобы здѣчь читатель встрѣтилъ что либо новое, а потому, что въ этомъ началѣ г. Слонимскій коснулся (несовсѣмъ почтительно) нѣкоторыхъ нашихъ «соціологовъ». Такъ, напримѣръ, г. Слонимскій говоритъ между прочимъ: «Когда авторъ (конечно, русскій) не знаетъ, къ какой отрасли знаній отнести свои разсужденія, онъ называетъ ихъ «соціологическими этюдами». Такихъ безпредметныхъ этюдовъ появилось уже немало въ нашей литературѣ и опредѣлить содержаніе ихъ было бы довольно трудно. Одни изъ «соціологовъ» упражняются въ безконечномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же словъ, заимствованныхъ у Спенсера,—«дифференціація», «интеграція», «дизинтеграція» (вмѣсто «дезинтеграція»), въ самыхъ разнообразныхъ и иногда удивительныхъ сочетаніяхъ. Другіе стараются создать нѣчто самобытное и безнадежно запутываются въ своихъ измышленіяхъ. Третьи превозносятъ мнимые подвиги своихъ собратьевъ и серьезно увѣряютъ, что у насъ существуетъ замѣчательная «соціологическая школа», какой не имѣетъ еще Европа».

Для того чтобы читатель понялъ язвительность этихъ словъ, нужно сказать, что къ послѣдней категоріи «соціологовъ» принадлежитъ все

Digitized by Google

тотъ же неутомимый и неунывающій г. Южаковъ, который уже нѣсколько разъ провозгласилъ г. Михайловскаго первымъ соціологомъ въ Европѣ. Понятно, что какъ г. Михайловскій, такъ и г. Южаковъ обидѣлись, не умѣли скрыть своего уязвленнаго самолюбія и разразились филиппикой противъ г. Слонимскаго. Первый напечаталъ полемическую статью противъ г. Слонимскаго (въ «Русской Мысли») подъ заглавіемъ: «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», а второй выступилъ съ замѣткой въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» объ интеграціи, дизинтеграціи и дифференцированіи. Объ этой полемикѣ мы еще скажемъ нѣсколько словъ, но пока намъ нужно коснуться нѣкоторыхъ выводовъ г. Слонимскаго.

Въ третьей главѣ своего труда, озаглавленной: «Вѣра въ будущее», г. Слонимскій разбираетъ соціологическія ученія гг. Бестужева-Рюмина, Михайловскаго и Карѣева. Оказывается, что всѣ эти три писателя неукоснительно вѣрятъ въ самое розовое будущее, но каждый изъ нихъ понимаетъ это будущее по своему. По мнѣнію, напримѣръ, г. Бестужева-Рюмина, восточный вопросъ долженъ вызвать къ міровой борьбѣ и кончиться созданіемъ новой цивилизаціи. «Душа,—говоритъ почтенный профессоръ,—рвется на просторъ. Такой просторъ, такая историческая ширь открывается только кровавой борьбою. Страшно произнести это слово въ нашъ слабонервный вѣкъ, но произнести его надобно, и надо готовиться къ его осуществленію». Эти слова г. Слонимскій характеризуетъ и коментируетъ довольно метко. По его мнѣнію, эти слова не составляютъ вывода изъ анализа прошлаго и настоящаго, а являются лишь безотчетной фантазіей. Оставаясь на почвѣ реальной дѣйствительности, авторъ не имѣлъ бы абсолютно никакого матеріала для своего пророчества. «Пришлось бы предположить, что онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: мы взялись устроить балканскія дѣла послѣ двадцатилѣтней передышки и не обнаружили при этомъ умѣлости, порядочности въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, способности справиться какъ слѣдуетъ даже съ одною Турціею, рѣшительности и пониманія нашихъ интересовъ, но зато обнаружили страшную расточительность, связанную съ системою откровеннаго казнокрадства,—а потому мы имѣемъ всѣ шансы для полнаго торжества надъ Европою, надъ сознательною энергіей ея государственныхъ людей, надъ разсчетливостью и ловкостью ея дипломатовъ, надъ точною обдуманностью ея военныхъ и политическихъ плановъ, надъ исправностью и акуратностью ея интендантовъ, надъ всѣми разнообразными средствами ея культуры и богатства, ея умственнаго и общественнаго развитія. До сихъ поръ западно-европейскіе Меттернихи, Бисмарки, Биконсфильды безъ особеннаго труда справлялись съ нашей внѣшней политикой и даже косвенно руководили ею по своему; мы дали себя даже обойти юному нѣмецкому принцу, котораго сами же назначили болгарскимъ княземъ,—а потому намъ въ будущемъ предстоитъ

Digitized by Google

торжествовать побѣду надъ Западомъ и достигнуть нашихъ отдаленныхъ политическихъ цѣлей, вопреки всей Европѣ. Мы не съумѣли создать единой Болгаріи, удовлетворить Сербію, Черногорію и Грецію послѣ тяжелой и кровопролитной войны,—а потому мы можемъ объединить славянство и создать новую цивилизацію. Недостающія намъ качества и знанія явятся какъ будто съ неба, и великія задачи сами собою рѣшатся въ нашу пользу, въ желанномъ для насъ смыслѣ. Будущее въ этихъ случаяхъ представляется намъ чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ прошлаго и настоящаго, въ противность 'элементарнѣйшимъ предположеніямъ обыкновенной человѣческой логики'.

У г. Михайловскаго не менѣе розовый идеалъ будущаго. По его мнѣнію, прежде господствовало міровоззрѣніе, по которому всѣ окружающія силы природы считались подчиненными человѣческимъ цѣлямъ; затѣмъ наступилъ періодъ, когда цѣли человѣка лежали внѣ его интересовъ, въ окутавшей его сложной общественной организаціи, при господствѣ раздѣленія труда; въ будущемъ же предстоитъ преобладаніе такого соціальнаго строя, при которомъ всѣ человѣческія личности будутъ развиваться равномѣрно; раздѣленіе труда, соединенное съ чрезвычайной спеціализаціей, уступитъ мѣсто идеальному простому сотрудничеству безъ эксплуатаціи и насилій, при полномъ равенствѣ людей.—Очевидно, что логика и выводы г. Михайловскаго построены на томъ же самомъ шаткомъ фундаментѣ, на которомъ г. Бестужевъ-Рюминъ строилъ свои «чаянія». Это совпаденіе г. Слонимскій очень вѣрно подмѣтилъ. «До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—человѣческія общества развивались путемъ раздѣленія труда и шли неизмѣнно по одной протоптанной исторической дорогѣ;—а потому намъ предстоитъ очутиться на совершенно другомъ пути, прямо противоположномъ и «пройти еще одни великія историческія ворота», въ такомъ пунктѣ, отъ котораго мы непрерывно удалялись и удаляемся, если даже допустить, что такой пунктъ гдѣ либо существуетъ. Идти непрерывно въ одномъ направленіи и ожидать, что мы дойдемъ до мѣста, лежащаго далеко за нами въ туманѣ вѣковъ и, быть можетъ, даже нигдѣ и никогда не существовавшаго,—это, конечно, невинное самообольщеніе, свидѣтельствующее объ упорномъ нашемъ оптимизмѣ; но нельзя выдавать такой оптическій обманъ за научную теорію. Періодъ идеальной «цѣлостности» людей, послѣ многихъ тысячелѣтій преобладанія неравенства, раздѣленія труда и спеціализаціи, падаетъ какъ будто съ неба и является еще болѣе неожиданнымъ, чѣмъ предсказаніе цитированнаго нами выше профессора-славянофила».

Наконецъ, г. Карѣевъ, не менѣе гг. Бестужева-Рюмина и Михайловскаго, вѣритъ въ идиллію будущаго. «Окидывая взорами все человѣчество въ пространствѣ и времени,—говоритъ онъ,—мы можемъ сказать, что оно прогрессируетъ». На чемъ основано такое утвержденіе? Ровно

Digitized by Google

ни на чемъ, но оно достигается тѣмъ, что всѣ непріятныя или неудобныя явленія отбрасываются или игнорируются, и самая оцѣнка ихъ дѣлается крайне поверхностно и огульно по какому-то заранѣе установленному шаблону. Г. Карѣевъ придерживается того мнѣнія, что идея прогресса—продуктъ субъективной оцѣнки и что «формулу прогресса мы можемъ выработать только a priori, начертавъ себѣ извѣстный идеалъ и указавъ, какая комбинація частныхъ эволюцій въ области мысли и жизни можетъ вести къ осуществленію этого идеала». Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу г. Слонимскій, что, замѣнивъ изученіе и анализъ условій человѣческаго развитія созданіемъ идеаловъ, авторъ прямо переходитъ въ область безплодныхъ и безсодержательныхъ отвлеченностей, не имѣющихъ ни малѣйшей связи съ фактическимъ ходомъ исторіи. Понятно, поэтому, что г. Карѣевъ и на исторію смотритъ довольно своеобразно. «Чѣмъ болѣе прогрессируетъ человѣчество,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе оно сознаетъ *ненормальность хода исторіи*, тѣмъ болѣе оно сознаетъ, какой ходъ исторіи *былъ бы нормальнымъ*». Не мудрено, что историкъ, который смотритъ на исторію такими глазами, способенъ только фантазировать и утѣшаться своими фантазіями, принимая ихъ за «нормальную» дѣятельность. И онъ дѣйствительно фантазируетъ. «Если люди,—говоритъ онъ,—будутъ вести нормальную, здоровую жизнь, они не будутъ преждевременно состариваться отъ излишествъ и лишеній, и дѣти у нихъ будутъ рождаться здоровыя и умныя. Только правильный прогрессъ, руководимый вѣчно юнымъ духомъ (sic), умудреннымъ опытностью старости, можетъ предохранить отдѣльные народы и все человѣчество отъ того коснѣнія въ несовершенныхъ формахъ быта, вину котораго сваливаютъ на органическую дряхлость расы». Откуда возьмется этотъ «вѣчно юный духъ», необходимый для «правильнаго» (т. е. небывалаго) прогресса—неизвѣстно. Такимъ образомъ, для «правильнаго» прогресса нужны идеальные люди, которыхъ нигдѣ не существовало и не существуетъ. Выводъ этотъ вполнѣ равносиленъ идеѣ о чудесномъ превращеніи нынѣшнихъ испорченныхъ типовъ культурнаго человѣчества въ новый видъ «цѣлостныхъ индивидуумовъ» г. Михайловскаго. Г. Слонимскій,—надо ему отдать справедливость, — удачно резюмируетъ чаянія и фантазіи нашихъ соціологовъ, показывая всю несостоятельность ихъ пріемовъ, всю ненаучность ихъ субъективизма.

Конечно, устами нашихъ оптимистическихъ соціологовъ и медъ бы пить, но, прежде чѣмъ пить, нужно узнать, изъ какихъ ингредіентовъ онъ состоитъ, ибо, какъ бы онъ ни былъ вкусенъ, но если онъ негоденъ по своимъ составнымъ частямъ, то и пить его не стоитъ. По мнѣнію г. Слонимскаго, все несчастіе нашихъ соціологовъ состоитъ въ томъ, что они выдумали какой-то свой собственный, никому неизвѣстный, «субъективный» ме-

Digitized by Google

тодъ. Наши соціологи до такой степени возгордились этой своей выдумкой, что г. Михайловскій обозвалъ книгу Спенсера объ изученіи соціологіи «не стоющей мѣднаго гроша», только потому, что Спенсеръ не додумался до этого субъективнаго метода.

Конечно, не нужно быть Кантомъ, чтобы знать, что «субъективный методъ», выдуманный г. Михайловскимъ, есть сущая нелѣпость, потому что для всякой науки методъ можетъ быть только одинъ, научный, т. е. такой, который не примѣшиваетъ къ выводамъ науки никакихъ субъективныхъ, личныхъ пожеланій и чаяній. Выводъ можетъ быть безотраденъ, но его необходимо принять, если онъ сдѣланъ на основаніи точныхъ, объективныхъ и несомнѣнныхъ изысканій, потому что наука можетъ и должна имѣть только одинъ идеалъ—истину. Вотъ этого-то именно и не могутъ никакъ понять наши соціологи,—для нихъ не истина дорога, а ихъ личная фантазія. Но какъ узаконить, хотя бы внѣшнимъ образомъ, ихъ фантазіи? Остается одно: придумать quasi—научный методъ, обозвать его безъ всякаго смысла «субъективнымъ» и совать всюду, не обращая вниманія ни на исторію, ни на логику, ни на элементарную психологію. Вотъ въ двухъ словахъ все, что г Слонимскій говоритъ о «соціологіи» г. Михайловскаго. Признавая въ г. Михайловскомъ талантливаго публициста, который умѣетъ «сочетать отвлеченные споры съ интересами живой современности», онъ, тѣмъ не менѣе, весьма основательно упрекаетъ его въ томъ, что стремленіе къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ увлекло г. Михайловскаго въ сторону отъ научной почвы и поэтому, вмѣсто постройки соціологіи, у него явилась пустячная болтовня о матеріяхъ важныхъ. Наука имѣетъ цѣлью изслѣдованіе явленій и ихъ причинность; поэтому Спенсеръ,—который имѣлъ въ виду науку, а не фантазію,—поставилъ себѣ задачей изслѣдовать ходъ развитія явленій въ природѣ и въ человѣческихъ обществахъ, какъ этотъ ходъ совершается въ дѣйствительности. Спенсеръ прямо говоритъ, что понимаетъ прогрессъ не въ смыслѣ совершенствованія, съ точки зрѣнія человѣческихъ интересовъ, а въ смыслѣ простаго ряда измѣненій, происходящихъ въ жизни природы и ея разнообразныхъ формъ, въ періодъ развитія. На этомъ основаніи Спенсеръ даже замѣнилъ слово «прогрессъ» словомъ «эволюція». Но г. Михайловскій, вмѣсто того чтобы разобрать ученіе Спенсера по существу, перешелъ на точку зрѣнія человѣческихъ интересовъ, цѣлей и желаній и, разумѣется, попалъ пальцемъ въ небо.

Какъ видитъ читатель, обвиненіе, сдѣланное г. Слонимскимъ, вполнѣ серьезно; г. Слонимскій не придирается неумѣстно, ради полемическихъ цѣлей, къ г. Михайловскому, не ловитъ его на словахъ, не касается мелочей, признаетъ даже за г. Михайловскимъ публицистическій талантъ; онъ только разбираетъ сущность вопроса и

Digitized by Google

обвиняетъ г. Михайловскаго въ томъ, что этотъ публицистъ, взявшись за разработку соціологическаго вопроса, не справился съ своей задачей и, вмѣсто научной постановки, убаюкивалъ своихъ читателей идилліей золотаго вѣка. Что отвѣчаетъ г. Михайловскій на это обвиненіе? Увы, мы должны замѣтить, что, не смотря на все задорное остроуміе и развязность «почти военнаго человѣка», отвѣтъ г. Михайловскаго ниже всякой возможной критики и обнаруживаетъ тайное сознаніе, что оправдаться онъ не можетъ. Этотъ отвѣтъ такъ слабъ, что для г. Михайловскаго было бы въ тысячу разъ лучше, еслибы онъ вовсе не писалъ его. Г. Слонимскій говоритъ, напримѣръ, что еще никому, кромѣ г. Михайловскаго, не приходило въ голову смѣшивать соціологію, какъ науку, съ публицистикой и политикой, и что это смѣшеніе привело г. Михайловскаго къ «нелѣпой путаницѣ». Г. Михайловскій,—что особенно любопытно,—не только не открещивается отъ такого обвиненія, а прямо признаетъ его правильность. «Правда-истина,—говоритъ онъ,—разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благороднѣйшая житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить, и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять ту правду-справедливость, правду субъективную, въ вѣрномъ пониманіи которой и вы, г. Слонимскій, мнѣ не отказываете,—такова задача всей моей жизни». Согласитесь сами, читатель, что такой отвѣтъ—вовсе не отвѣтъ. Вмѣсто того чтобы сказать дѣло, г. Михайловскій немного порисовался передъ г. Слонимскимъ, пококетничалъ передъ читателемъ, и наговорилъ много легковѣснаго, но претенціознаго вздора. «Задача всей жизни» г. Михайловскаго, задача, о которой онъ говоритъ такъ патетически, задача, состоящая въ томъ, чтобы примирить какія-то двѣ правды, — правду-матку и правду-справедливость,—давнымъ давно рѣшена, и если этого не знаетъ г. Михайловскій, то тѣмъ хуже для него. Справедливость, понимаемая не метафизически,—какъ понимаетъ ее, очевидно, г. Михайловскій,—а реально, конкретно, есть лишь компромиссъ, наилучшій съ человѣческой точки зрѣнія, между многообразными элементами дѣйствительности. Слѣдовательно, чтобы открыть эту справедливость, нужно изучать дѣйствитель-

Digitized by Google

ность безстрастно, нелицепріятно, и въ концѣ этого изученія, какъ выводъ, явится сама собой *возможная* справедливость, а не та идеальная справедливость, о которой такъ сантиментально мечтаетъ г. Михайловскій. Къ сожалѣнію, г. Михайловскій не можетъ не мечтать и такъ увлекается своими мечтаніями, что позволяетъ себѣ вышучивать Спенсера и говоритъ съ самодовольнымъ апломбомъ, что книга англійскаго мыслителя о соціологіи «не стоитъ мѣднаго гроша» (!!) Такой отзывъ не дѣлаетъ чести г. Михайловскому. Въ оправданіе его можно только сказать, что онъ слишкомъ замечтался и поэтому, въ данномъ случаѣ, не оказался ни на сторонѣ правды-истины, ни на сторонѣ правды-справедливости, если ужь употреблять его терминологію. Еслибы онъ меньше мечталъ и больше изучалъ Спенсера, то къ англійскому мыслителю онъ отнесся бы съ должнымъ уваженіемъ, не по ухарски. Онъ бы вспомнилъ, что Спенсеръ—первый сталъ разработывать вопросъ о соціологіи, потому что попытка Огюста Конта не можетъ идти въ счетъ; онъ бы вспомнилъ, что Спенсеръ, по справедливости, считается во всей Европѣ однимъ изъ великихъ мыслителей нашего времени, мыслителемъ, который создалъ ученіе объ эволюціи и который примѣнилъ это ученіе къ психологіи и къ соціологіи; вспомнилъ бы, наконецъ, что и самъ онъ, г. Михайловскій, по сей день питается крохами отъ стола Спенсера и что если мы считаемъ г. Михайловскаго однимъ изъ видныхъ нашихъ публицистовъ, то только потому, что онъ популяризировалъ того же Спенсера, хотя, къ сожалѣнію, популяризируя его, примѣшалъ къ идеямъ Спенсера свой «субъективный» вздоръ. Благодаря этому странному смѣшенію Спенсера съ Михайловскимъ, явилось то, что г. Михайловскій своими «субъективными» измышленіями косвенно повліялъ на Л. Н. Толстаго и указалъ ему на тотъ шаткій и прискорбный путь, по которому этотъ писатель пошелъ, ища «смыслъ жизни».

Субъективизмъ, дѣйствительно, одолѣваетъ насъ. Это можно замѣтить не только въ изученіи предполагаемой соціологіи, но и въ другихъ отрасляхъ знанія. Мы какъ-то до сихъ поръ не научились мыслить научно, строго взвѣшивать факты, изучать ихъ, не примѣшивая къ этому изученію своихъ личныхъ вкусовъ, мечтаній и желаній. Чтобы не ходить далеко, укажу на другое проявленіе нашего субъективизма, имѣвшее мѣсто въ нашей журналистикѣ тоже очень недавно, и тоже по вопросу, несомнѣнно интересующему русское общество. Я говорю о толкахъ по поводу тенденціозности въ искусствѣ.

III.

Въ былое время, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ и нашего возрожденія, этотъ вопросъ объ искусствѣ, объ его конечныхъ цѣляхъ и задачахъ, чрезвычайно сильно интересовалъ общество; по этому

Digitized by Google

поводу велась жаркая, страстная полемика, приводившая по временамъ антагонистовъ къ удивительнѣйшимъ абсурдамъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло и вопросъ на время, казалось, былъ забытъ. Онъ всплылъ снова теперь,—какъ кажется на первый взглядъ,—безъ всякаго видимаго повода. Но это только такъ кажется на первый взглядъ. Въ сущности, поводъ есть, и поводъ совершенно такого же характера, какой былъ въ шестидесятыхъ годахъ. Тогда, благодаря возбужденію дѣятельности, общество приняло какой-то практически-дѣловой характеръ, который въ концѣ концовъ отразился и на искусствѣ. Критика приняла какой-то ожесточенный характеръ, совершенно враждебный искусству; роль искусства сводилась на роль служебную по отношенію къ жизни; значеніе искусства, какъ самостоятельной и независимой области въ человѣческой дѣятельности, умалялось до минимума и нѣкоторые эксцентрики тогдашней критики провозгласили даже, что «хорошая сигара неизмѣримо полезнѣе Шекспира» и что «эстетическая критика» не болѣе, какъ «сапоги въ смятку». Все это были временныя увлеченія молодой мысли, не созрѣвшей еще, но, во всякомъ случаѣ, не желавшей идти по торной дорожкѣ,—увлеченія, которыя, рано или поздно, должны были уступить мѣсто болѣе трезвому отношенію и болѣе строгому анализу. Въ эпоху «возрожденія» спокойные люди такъ и относились къ этимъ увлеченіямъ, которыя были тогда нормальнымъ результатомъ односторонняго направленія мысли. Но поэты и художники кипятились: эти теоріи прямо подрывали ихъ кредитъ и умаляли ихъ значеніе. Они раздражались, негодовали на незрѣлость нашей критики и выступали со стихотвореніями и прозаическими обвиненіями—съ насмѣшками, съ юмористическими картинками, съ сатирой противъ «нигилистовъ», во имя искусства для искусства. Въ настоящую минуту происходитъ обратное движеніе: въ настоящую минуту теорія искусства для искусства торжествуетъ повсюду и защитники тенденціозности въ искусствѣ поджали хвосты и считаютъ себя побѣжденными. И вотъ канувшій въ Лету вопросъ снова воскресаетъ, только на этотъ разъ роли перемѣнились и нападающей стороной являются защитники искусства для искусства. Военныя дѣйствія начались въ видѣ легкихъ перестрѣлокъ уже довольно давно, но первый, заговорившій сколько нибудь серьезно теперь объ этомъ предметѣ, былъ г. Гольцевъ въ московскомъ психологическомъ обществѣ. Ему отвѣчалъ г. Астафьевъ. Г. Гольцевъ выступилъ защитникомъ тенденціозности въ искусствѣ; г. Астафьевъ стоитъ на точкѣ зрѣнія метафизической и — за искусство для искусства. Г. Гольцевъ утверждаетъ, что «идея составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ выдающихся художественныхъ произведеній, причемъ тенденція, какъ одинъ изъ видовъ идеи, имѣетъ полное право на существованіе въ искусствѣ». Г. Астафьевъ считаетъ такую точку зрѣнія старымъ недоразумѣніемъ и выдвигаетъ почти проти-

Digitized by Google

воположный тезисъ: «Эстетическое впечатлѣніе,—говоритъ онъ,—дается душѣ непосредственно, а не путемъ напряженной умственной работы. Не въ силу разсужденій и выводовъ прекрасное мною признаётся прекраснымъ, но въ силу того, что оно есть, созерцается мною. Въ этомъ свойствѣ эстетическаго впечатлѣнія быть непосредственнымъ, созерцательнымъ, коренится и его умиротворяющая сила и его безтрудность и законченность, и ясность, и безкорыстная объективность».

Недавно, въ «Вѣстникѣ Европы», г. Арсеньевъ резюмировалъ весь этотъ споръ и, при этомъ случаѣ, высказалъ также и свое мнѣніе. Рѣшаетъ г. Арсеньевъ этотъ споръ, примиряя обѣ стороны. На его взглядъ, роль тенденціи въ искусствѣ—роль возможная, но отнюдь не неизбѣжная. «Допустимъ,—говоритъ онъ,—что художникъ—человѣкъ, глубоко преданный политической или соціальной идеѣ, страстно желающій ея торжества и меньше всего расположенный скрывать это желаніе. Онъ не можетъ, еслибы и хотѣлъ, оградить свою художественную дѣятельность отъ соприкосновенія съ идеей, владѣющей всѣмъ его существомъ; столь же невозможенъ для него и отказъ отъ художественнаго творчества. Какъ художникъ, онъ мыслитъ и чувствуетъ образами; они возникаютъ въ немъ сами собой, свободно и непринужденно, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ ту окраску, которую носитъ на себѣ весь его внутренній міръ. Онъ это сознаётъ, онъ этого хочетъ; онъ видитъ въ созданіяхъ своей фантазіи могучихъ борцовъ за идею. Въ этомъ именно смыслѣ и можетъ быть рѣчь о тенденціи, какъ о сознательномъ и намѣренномъ проведеніи идеи. Здѣсь нѣтъ, очевидно, ничего похожаго на «голую разсудочность», на «механическую работу»; процессъ творчества сохраняетъ свой «органическій характеръ», но усложняется еще однимъ элементомъ, отсутствующимъ въ творчествѣ не тенденціозномъ».

Странное впечатлѣніе оставляетъ весь этотъ споръ о тенденціозности въ искусствѣ. Читая всѣ эти почти противоположные и, во всякомъ случаѣ, крайне разнорѣчивые тезисы за и противъ такъ называемаго искусства для искусства, невольно находишь, что въ каждомъ изъ нихъ кроется если не вся полностью истина, то доля ея: легко пріискать примѣры въ исторіи искусства, которые оправдываютъ каждый изъ этихъ тезисовъ. Въ защиту, напримѣръ, тезиса г. Гольцева можно смѣло сказать, что нѣтъ такого великаго поэта, который не былъ бы, хотя по временамъ, тенденціознымъ Тенденціозность Шиллера очевидна; не менѣе тенденціозенъ и Данте. Въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ узко тенденціозенъ; въ другихъ, напротивъ, не замѣчается ни малѣйшей тенденціи. Въ защиту тезиса г. Астафьева можно указать на Петрарку, на большинство лирическихъ поэтовъ, на Аріосто, на большинство произведеній романтической литературы. Наконецъ, тезисъ г. Арсеньева легче всего защитить фактически, потому что нѣтъ поэта, ко-

Digitized by Google

торый бы не былъ въ извѣстное время тенденціознымъ, а въ другое—поклонникомъ искусства для искусства. Эта черта двойственности очень ярко сказывается въ дѣятельности Пушкина, о чемъ мы уже упомянули.

Изъ этого легко, какъ намъ кажется, заключить, что всѣ положенія, относящіяся къ тенденціозности или нетенденціозности въ искусствѣ,—односторонни и не исчерпываютъ всего содержанія искусства. Ошибочность и односторонность этихъ положеній обнаружатся въ особенности ясно, когда мы вспомнимъ, что они имѣютъ въ виду не всѣ области изящныхъ искусствъ, а лишь одну изъ нихъ,—чаще всего поэзію, въ которой вопросъ о тенденціозности несомнѣнно играетъ важную роль, такъ какъ въ этомъ искусствѣ абстрактная или практическая идея, направленіе, тенденція легче всего могутъ быть обнаружены, между тѣмъ какъ въ другихъ искусствахъ такое обнаруженіе стѣснено въ большей или меньшей степени средствами самого искусства. Въ живописи, также какъ и въ скульптурѣ, тенденціозность достигается съ трудомъ; въ архитектурѣ и въ музыкѣ почти невозможно въ опредѣленныхъ и ясныхъ очертаніяхъ выразить не только тенденцію, но даже и вообще идею. Но, оставляя въ сторонѣ другія искусства и остановившись только на поэзіи, нельзя не видѣть, что и самый вопросъ о тенденціозности или нетенденціозности, какъ намъ кажется, поставленъ ошибочно. Прежде чѣмъ разсуждать о цѣляхъ, которымъ должна подчиняться поэзія, необходимо рѣшить вопросъ о томъ, что̀ такое поэзія въ своей сущности, на какихъ физіологическихъ и психологическихъ элементахъ она покоится, какія ея первоначальныя, элементарныя свойства, напримѣръ, у дикихъ народовъ и проч. Намъ кажется, что метафизическое положеніе г. Астафьева довольно близко подходитъ къ этому требованію и, очевидно, находится въ родствѣ съ эстетическими взглядами Канта. Затѣмъ, существуетъ еще и другой методъ изслѣдованія, который можно было бы назвать естественно-научнымъ, или историческимъ. Прежде чѣмъ разсуждать вообще о томъ, что такое поэзія, не правильнѣе ли было бы изучать произведенія поэзіи, какъ извѣстные факты и явленія, уже данныя. Такъ, въ ботаникѣ, никто не задаетъ себѣ вопроса: что̀ такое растеніе, но всякій ботаникъ прежде всего изучаетъ тѣ или другіе виды растенія, какіе онъ встрѣчаетъ въ природѣ, и только полнотой этихъ изученій онъ уже доходитъ до общаго понятія о томъ, что такое вообще растеніе. Когда это понятіе у него уже есть, онъ приступаетъ къ другой области изслѣдованія,—къ вопросу о функціяхъ, о дѣятельности растительнаго организма, что̀ уже принадлежитъ къ физіологіи. Этотъ методъ можетъ и долженъ быть примѣненъ къ эстетикѣ. У насъ есть произведенія поэзіи, какъ факты, какъ нѣчто существующее; изучая эти факты, каждый отдѣльно, мы въ концѣ концовъ откроемъ тѣ общіе признаки, которыми произведенія поэзіи опредѣляются во всякомъ случаѣ и

Digitized by Google

безъ которыхъ они перестатъ быть произведеніями поэтическими. Сумма этихъ признаковъ и составитъ сущность поэзіи. Послѣ этого, функціи поэзіи уже опредѣлятся сами собой и сравнительно легко; тогда и самый вопросъ о тенденціозности въ поэзіи будетъ рѣшенъ окончательно.

Думаю, что такое изученіе прежде всего покажетъ, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ самое слово «тенденція» очень часто, а, можетъ быть, и всегда смѣшивается съ словомъ «идея»; а между тѣмъ эти два понятія далеко не тожественны. Идея и,—какъ производное отъ этого слова,—идеалъ (отчасти въ платоническомъ смыслѣ) въ эстетикѣ имѣетъ опредѣленное значеніе; это есть сущность предмета, наиболѣе характерная его особенность; а такъ какъ всякое искусство, и въ томъ числѣ поэзія, имѣетъ цѣлью выразить сущность, характерную особенность изображаемаго предмета, то само собой разумѣется, что безъ идеи или, вѣрнѣе, безъ идеала не можетъ быть и художественнаго произведенія. Подъ тенденціей мы подразумѣваемъ нѣчто совершенно особенное: тенденція есть опредѣленная мысль, сужденіе, которое можетъ и не вытекать изъ сущности изображаемаго предмета, и которое навязывается ему художникомъ. Такъ, напримѣръ, «Евгеній Онѣгинъ» есть не тенденціозное произведеніе, а идейное: своему Евгенію Пушкинъ ничего не навязываетъ такого, чего бы не было въ его характерѣ, въ условіяхъ его воспитанія, въ томъ, какъ этотъ характеръ складывался подъ вліяніемъ окружающей среды. Такихъ Онѣгиныхъ Пушкинъ видѣлъ вокругъ себя цѣлыми сотнями; мало по малу, наблюдая ихъ, присматриваясь къ нимъ, всматриваясь въ нихъ ближе, онъ задумалъ возвести ихъ въ художественный типъ, въ то, что Гоголь называетъ «перломъ созданія»; другими словами, задумалъ художественно выразить существенныя особенности Онѣгина. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ «Бѣсахъ» Достоевскаго; это произведеніе есть произведеніе на половину, по крайней мѣрѣ, тенденціозное. Своимъ нигилистамъ Достоевскій придалъ такія черты характера, такія душевныя побужденія и стремленія, такой психическій строй, которыхъ вовсе не было или которые были только отчасти въ дѣйствительности; всѣ эти особенности были навязаны Достоевскимъ и, такимъ образомъ, его герои-нигилисты превратились въ типъ такихъ мастеровъ соціальной революціи, какихъ русская дѣйствительность никогда не производила. Другими словами, изображаемому предмету Достоевскій придалъ особенности, которыхъ въ немъ не существовало, но которыя образовались въ умѣ Достоевскаго, такъ сказать, апріорно, какъ извѣстное опредѣленное, законченное сужденіе. Оттого-то и романъ его — тенденціозенъ, т. е. только на половину отвѣчаетъ идеѣ художественнаго произведенія.

Вотъ почему всѣ толки, сдѣлавшіеся у насъ за послѣднее время очень модными, о безсознательности или сознательности художествен-

Digitized by Google

наго творчества, не имѣютъ никакого научнаго смысла. Прежде всего, психологія творчества до такой степени мало выяснена въ наукѣ, до такой степени шатка въ своихъ основаніяхъ,—что говорить о ней, предрѣшая самый вопросъ, пока невозможно. Но и теперь, однако, мы можемъ сказать, что вполнѣ безсознательнаго творчества нѣтъ и быть не можетъ. Поэтъ или художникъ не есть простой инструментъ, или пассивный автоматъ, который приводится въ движеніе, или на которомъ играетъ какое-то особенное метафизическое существо, называемое вдохновеніемъ. Самое художественное вдохновеніе, если и есть слѣдствіе какого либо органическаго возбужденія, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ имѣетъ характеръ сознательности, потому что человѣкъ управляетъ своимъ вдохновеніемъ, направляетъ его такъ или иначе, такъ или иначе пользуется имъ, слѣдовательно, это есть актъ разумный, сознательный. Для занимающаго насъ вопроса этого совершенно достаточно. Вообще можно было бы сказать, что въ зачаткахъ своихъ творчество имѣетъ характеръ органическаго порыва, просто потребности (и въ этомъ смыслѣ оно безсознательно), но затѣмъ, на своихъ вершинахъ, въ томъ, какъ художникъ пользуется этою потребностью, — является сознаніе, и чѣмъ выше сознаніе, тѣмъ и произведеніе, созданное этими двумя силами, будетъ выше. «Безсознательное, — говоритъ г. Арсеньевъ, — и непроизвольное несомнѣнно входитъ въ составъ творчества, какъ одинъ изъ его элементовъ; но едва ли есть, во все продолженіе творческаго процесса, хоть одна минута, когда этотъ элементъ вытѣснялъ бы всѣ остальные или отсутствовалъ бы совершенно. Именно потому, что процессъ творчества есть процессъ органическій, а не механическій, его нельзя расчленить на нѣсколько моментовъ, вполнѣ отдѣльныхъ и отличныхъ одинъ отъ другаго; нельзя сказать, что сначала идетъ сознательная подготовка, потомъ безсознательное созданіе образа, потомъ сознательное переведеніе его въ вещественный міръ. Смутныя очертанія того, чему суждено стать яркимъ и живымъ образомъ, могутъ носиться передъ глазами художника уже въ то время, когда онъ еще только думаетъ о будущей работѣ, собираетъ для нея матеріалы,—и, наоборотъ, видоизмѣненія сложившагося образа могутъ возникать помимо воли художника и въ то время, когда онъ трудится надъ осуществленіемъ художественной идеи. Творческій актъ не имѣетъ опредѣленнаго начала и заканчивается, сплошь и рядомъ, только съ окончаніемъ произведенія. Пріурочивать процессъ «созданія» исключительно къ области безсознательнаго кажется намъ такой же ошибкой, какъ и вовсе устранять безсознательное изъ процесса исполненія».

Любопытно, что именно художники, поэты склоняются больше всего къ теоріи безсознательнаго въ искусствѣ,—и, по преимуществу, поэты и художники нашихъ дней. Они любятъ представлять себя, въ своихъ

Digitized by Google

собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ простыхъ смертныхъ, въ качествѣ какихъ-то древнихъ «vates»,—прорицателей, которые ставятъ таинственные вопросы, но не разрѣшаютъ ихъ, или которые изрекаютъ велѣнія Господа. Оно, конечно, легче ставить вопросы, чѣмъ разрѣшать ихъ; и этою привилегіей наши современные поэты не только пользуются съ избыткомъ, но и злоупотребляютъ. Они съ убійственной настойчивостью, съ какимъ-то непонятнымъ упрямствомъ «безсознательнаго» процесса выдвигаютъ самые глубокомысленные вопросы, но не обмолвятся обыкновенно ни однимъ словечкомъ о томъ, въ какихъ «сознательныхъ» отношеніяхъ они находятся къ этимъ вопросамъ. Все это они предоставляютъ рѣшать публикѣ и критикамъ, и эти послѣдніе, по ихъ мнѣнію, должны играть роль ихъ истолкователей; другими словами, критикъ долженъ думать за нихъ, сами же поэты ограничиваются болѣе благородною ролью, создавая «невѣдомый міръ». Конечно, такія претензіи нашихъ юныхъ поэтовъ нелѣпы: прорицателями они никогда не будутъ, а тотъ «невѣдомый міръ», который они создаютъ, оказывается такого плохаго качества, что вникать въ его «смыслъ» становится дѣломъ совершенно невозможнымъ для взрослаго человѣка, который покончилъ всѣ разсчеты съ гимназическими тетрадками.

Итакъ, тенденціозность или нетенденціозность?—Само собой разумѣется, не тенденціозность, но идейность. Художественное произведеніе должно быть идейно, потому что, въ противномъ случаѣ, оно безсмысленно, слѣдовательно и не художественно. Но эта идейность не должна быть тенденціозностью, потому что узкая тенденціозность есть своего рода филистерство, которое, какъ извѣстно, не можетъ ужиться съ искусствомъ. Быть тенденціознымъ значитъ навязывать изображаемому предмету мысль, цѣль, значеніе, которыхъ онъ не имѣетъ, и которыя для этого предмета суть свойства пришлыя и внѣшнія. Но и безтенденціозность абсолютная, та пошлая безтенденціозность, которая есть не болѣе какъ форма безъ содержанія, есть также своего рода филистерство. Поэтъ тенденціозный и поэтъ, открещивающійся отъ всякой тенденціи, подъ которой онъ понимаетъ идею,—оба одинаково филистеры самаго худшаго сорта. Первый является филистеромъ-педантомъ, который хочетъ кого-то чему-то научить, а такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ самъ—совершеннѣйшій неучъ (извѣстно, что поэты и художники, въ большинствѣ случаевъ, не отличаются высокимъ образованіемъ, ибо имъ «некогда» учиться; исключеніемъ являются только великіе художники и поэты), такъ какъ, говоримъ мы, онъ и самъ—неучъ, то его поученія ничего не стоютъ, и безъ его проповѣди человѣчество весьма легко могло бы обойтись. Второй (нетенденціозный поэтъ)—такой же филистеръ, только вмѣсто поученій и проповѣдей онъ предпочитаетъ уединяться въ свое поэтическое a parte и жить тамъ, созерцая гармонію сферъ. Такой

Digitized by Google

поэтъ-филистеръ представляется мнѣ въ видѣ русскаго помѣщика прежняго времени. Имѣя болѣе или менѣе прочное наслѣдіе отцовъ, не нуждающійся въ заработкѣ, равнодушный къ окружающему, которое не отвѣчало его вкусамъ, взлелѣяннымъ искусственно на чужой почвѣ,—человѣкъ этой среды воспитывалъ въ себѣ идеалы, отрѣшенные отъ жизни. Ближайшимъ и самымъ безопаснымъ идеаломъ было, конечно, искусство. За тысячелѣтіе своего существованія оно выработало такую высоко-гармоническую красоту, такую роскошь красокъ, такое разнообразіе тоновъ, такіе переливы свѣта, что, конечно, могло покорить своему культу хоть кого,—не только что русскаго помѣщика, воспитаннаго на крѣпостномъ правѣ. Но этотъ помѣщикъ не сообразилъ только одного. Онъ не сообразилъ, что это искусство, которымъ онъ такъ восхищался, на томъ далекомъ Западѣ, откуда онъ его переносилъ на свою русскую почву, никогда *тамъ* не отрѣшалось отъ жизни, никогда не было изолировано, всегда шло рука объ руку съ людскими страданіями и радостями, и было лишь выразителемъ того, чѣмъ жило человѣчество. Перенесенное на чуждую ему почву, превращенное въ какой-то идолъ, которому стали поклоняться,—оно потеряло всю свою жизненность, сдѣлалось чѣмъ-то школьнымъ, сухимъ, безжизненнымъ, и, въ концѣ концовъ, даже чѣмъ-то уродливымъ. Со стороны помѣщика добраго стараго времени это было печальнымъ, хотя и понятнымъ недоразумѣніемъ. Онъ и поплатился за него въ исторіи, ибо, по милости этого недоразумѣнія, онъ былъ сметенъ «нравственной температурой» позднѣйшаго времени, когда крѣпостное право испарилось, какъ дымъ, и когда наступила пора не только созерцать гармонію небесныхъ сферъ, но и дѣятельно участвовать такъ или иначе въ общественной жизни. Боюсь, что и нашимъ современнымъ поэтамъ-филистерамъ угрожаетъ та же печальная судьба. Теперь они воспѣваютъ небо и звѣзды, восхищаются поцѣлуями и розами, сибаритничаютъ, создавая вычурныя фразы, прикрываясь авторитетомъ Пушкина и восклицая вмѣстѣ съ нимъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ....

Но наступятъ другія времена, и тогда эти поэты-филистеры въ свою очередь будутъ сметены новою жизнью, которая выкинетъ ихъ за бортъ, какъ нѣчто совершенно негодное, какъ соръ и плевелы.

О. В.

Digitized by Google

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Юбилей французской революціи.

Въ настоящій моментъ, нельзя найти болѣе современнаго предмета для бесѣды съ публикою, чѣмъ великая французская революція конца прошедшаго столѣтія. И это далеко не потому только, что вниманіе праздной толпы всего свѣта сосредоточено нынѣ на чествованіи этого событія, и она, со всѣхъ концовъ міра, устремляется къ новымъ развлеченіямъ, окружающимъ башню Эйфеля, которую французы съ необыкновеннымъ искусствомъ и необыкновеннымъ высокомѣріемъ воздвигнули превыше всѣхъ существующихъ зданій человѣчества.

Этотъ шумный праздникъ, на который даже многіе мыслящіе французы, наканунѣ новыхъ потрясеній, угрожающихъ ихъ отечеству, смотрятъ съ глубоко меланхолическимъ чувствомъ, долженъ напомнить каждому образованному человѣку о необходимости установить правильныя воззрѣнія на французскую революцію,—согласныя съ успѣхами европейскаго просвѣщенія, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Она, совокупно со всѣми прямыми своими послѣдствіями, болѣе чѣмъ всякія другія историческія событія, опредѣлила собою весь ходъ и внѣшней, и внутренней исторіи Европы,—не исключая даже ея великой восточной равнины. Поэтому, тотъ или другой взглядъ европейскаго общества на внутренній смыслъ этого переворота, на его значеніе въ исторіи Франціи и образованнаго міра, есть не только взглядъ на свое прошедшее, но и на свое настоящее и будущее. Отсюда, изъ тѣхъ или другихъ сознательныхъ отношеній къ прошедшему и настоящему, возникаютъ тѣ или другія понятія объ общеевропейскихъ государственныхъ задачахъ, къ достиженію которыхъ обязана стремиться каждая европейская нація, а также и представленія о способахъ ихъ разрѣшенія. Наконецъ, этими понятіями опредѣляются общія политическія начала, которыми будутъ ру-

Digitized by Google

ководиться въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ, имѣющіе какое либо государственное или умственное вліяніе на дѣла своего отечества и всей Европы. Значитъ, отъ воззрѣній на французскую революцію, въ особенности въ средѣ подростающаго и воспитывающагося поколѣнія, можетъ зависѣть многое въ будущемъ образованнаго міра.

Между тѣмъ, тѣ изъ этихъ воззрѣній, которыя господствуютъ въ общественныхъ кругахъ, даже самыхъ образованныхъ, въ особенности у насъ, чрезвычайно сбивчивы и смутны и, во всякомъ случаѣ, далеко отстали отъ движенія наукъ, касающихся этой области. До сихъ поръ огромное большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей и у насъ, и даже въ Западной Европѣ относится къ французской революціи *не сознательно*, т. е., не сознавая ея дѣйствительнаго значенія въ исторіи Франціи и Европы, въ исторіи политическихъ идей, но преимущественно съ точки зрѣнія непосредственнаго *чувства*, тѣхъ или другихъ религіозныхъ и политическихъ симпатій, а въ худшемъ случаѣ—предубѣжденій, предразсудковъ, и политическаго фанатизма. Тутъ проявляются самыя разнородныя мнѣнія, болѣе или менѣе вращающіяся около двухъ противоположныхъ полюсовъ: поклоненія революціи, какъ величайшему благу, совершившемуся въ новѣйшей исторіи человѣчества и освободившему его отъ всѣхъ угнетеній прежняго государственнаго порядка (l'ancien régime), или посрамленія ея, какъ бича божія, какъ величайшаго бѣдствія, лишившаго Францію, а съ нею весь европейскій міръ, благъ стараго монархическаго режима. Отсюда два противоположныхъ тока стремленій: однихъ—къ водворенію повсюду «великихъ идей революціи» (les grands principes) и къ повторенію французскаго переворота въ каждомъ уголкѣ, въ каждомъ самомъ дикомъ деревенскомъ захолустьѣ европейскаго материка; а другихъ—къ искорененію всѣхъ послѣдствій этого переворота въ государственномъ строѣ Европы и къ насильственному возрожденію, реставраціи, «добраго стараго времени». Эти противоположныя стремленія достаточно заявили себя, въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, въ длинномъ рядѣ событій двухъ различныхъ категорій, наполнившихъ собой исторію всѣхъ безъ изъятія европейскихъ государствъ (кромѣ Великобританіи),—въ бурныхъ революціонныхъ катастрофахъ и въ не менѣе жестокихъ реакціяхъ! И до сихъ поръ ощущаются повсемѣстно то тѣ, то другія отраженія этихъ двухъ токовъ. Всего яростнѣе свирѣпствуютъ ихъ разливы въ самой Франціи, раздирая ее до сихъ поръ на непримиримые лагери, ежеминутно готовые въ те-

Digitized by Google

ченіе цѣлаго столѣтія, повергнуть страну въ междоусобную войну или подчинить ее самой деспотической диктатурѣ. Съ фанатическимъ ослѣпленіемъ, истекающимъ изъ обоихъ упомянутыхъ міровоззрѣній, крайніе ихъ представители во Франціи мечтаютъ: одни—о возстановленіи дореволюціонной монархіи, даже когда погасъ весь ея наслѣдственный родъ; другіе—о какомъ то «довершеніи» (accomplissement) революціи, когда она уже въ прошедшемъ столѣтіи исчерпала всѣ возможныя и невозможныя формы и стадіи своего развитія. До половины нынѣшняго столѣтія, даже въ сферѣ науки и литературы всей Европы не слышалось ничего другаго, кромѣ двухъ упомянутыхъ взглядовъ на революцію. Только Англія, опередившая своимъ государственнымъ ростомъ всю остальную Европу на нѣсколько столѣтій, оставалась, въ своей внутренней жизни, совсѣмъ въ сторонѣ отъ этихъ разнородныхъ умственныхъ отношеній къ революціи, за исключеніемъ немногихъ эксцентрическихъ личностей.

Такимъ образомъ, французская революція остается до сихъ поръ, даже для большинства образованнаго общества, *вопросомъ*, о которомъ ходятъ различныя мнѣнія въ указанныхъ направленіяхъ. И онъ остается спорнымъ.

Однако очевидно,—и это уже давно чувствовалось всѣми здравомыслящими людьми,—что ни на одну изъ этихъ двухъ непримиримыхъ точекъ зрѣнія стать невозможно. Для сколько нибудь правильнаго и точно-научнаго рѣшенія этого вопроса, необходимо перенести его *съ почвы политическихъ предубѣжденій и сочувствій*, на которой онъ исключительно вращался въ прежнее время и остается для большинства публики до сихъ поръ, совсѣмъ на другую почву,—*научную*, и именно *историческую*. Нужно подвергнуть событія во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія безстрастному и безпартійному историческому анализу, чтобъ понять ихъ историческій смыслъ, ихъ причины и послѣдствія, и затѣмъ вывести изъ нихъ возможныя государственныя назиданія для будущаго. Успѣхи наукъ во второй половинѣ нынѣшняго вѣка доставляютъ для этого достаточно способовъ. Съ одной стороны новѣйшія историческія изысканія фактовъ революціи и дореволюціоннаго періода, основанныя на подлинныхъ документахъ которыхъ не вѣдали прежніе историки,—каковы, напримѣръ, труды Зибеля, Токвиля, Мортимера Терно, Ланфрэ, Лоренца Штейна, Тэна и многихъ другихъ; съ другой стороны, изслѣдованія государственныхъ и общественныхъ наукъ, созрѣвшія преимущественно на исторической почвѣ, привели къ такимъ понятіямъ о французской революціи, какихъ не существовало въ пер-

Digitized by Google

вой половинѣ XIX вѣка и которыя не имѣютъ ничего общаго со всѣми прежними на нее взглядами или, лучше, *чувствами* къ ней. Къ сожалѣнію, успѣхи наукъ, въ особенности не техническихъ, проникаютъ даже въ высшіе слои практической публики слишкомъ медленно, чтобъ съ новыми понятіями о событіяхъ, потрясшихъ весь государственный организмъ Франціи сто лѣтъ тому назадъ, могло скоро освоиться большинство общества.

Мы воспользуемся указанными работами относительно французской революціи и новѣйшимъ движеніемъ политическихъ ученій только для того, чтобы намѣтить здѣсь тѣ методы воззрѣній и главныя мысли, которые могутъ содѣйствовать правильнымъ сужденіямъ объ этой раздѣльной исторической грани двухъ вѣковъ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки [1]).

Первая причина всѣхъ неправильныхъ толковъ о французской революціи и, въ особенности, ея прославленія заключалась просто въ незнаніи ея дѣяній и ихъ героевъ. Разоблаченные историческими изысканіями, они оказались совсѣмъ иными, чѣмъ являлись посреди сіянія традиціонныхъ легендъ. Но затѣмъ немаловажная причина всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ этою эпохою, лежитъ безспорно въ томъ фактѣ, что съ такъ называемыми «освободительными идеями», долженствовавшими обновить государственное зданіе, совокупились неразрывными узами самыя крайнія революціонныя насилія, — нравственныя (преслѣдованія свободы совѣсти), юридическія (всяческія нарушенія права гражданскаго и публичнаго), и физическія (доходившія до самыхъ звѣрскихъ истязаній). Противъ прежнихъ умѣренно-либеральныхъ воззрѣній, отличавшихъ въ своихъ сочувствіяхъ первый періодъ революціи, въ 1789 г., отъ дальнѣйшаго ея хода, можно возразить, что насильственный характеръ всѣхъ этихъ событій начался съ самаго перваго ихъ акта, — съ 20 іюня 1789 года, съ противозаконнаго объявленія себя *національнымъ собраніемъ* со стороны третьяго сословія (tièrs état) генеральныхъ штатовъ, вопреки королевскому повелѣнію; насильственнаго неподчиненія этому повелѣнію, и затѣмъ присвоенія себѣ національнымъ собраніемъ правъ верховной власти (по волѣ народа). Съ этого перваго шага, пошли самымъ послѣдовательнымъ путемъ, бы-

---

[1]) Мы не можемъ входить здѣсь ни въ какія пространныя разсужденія и фактическое изложеніе. Мы посвятили этому предмету довольно обширный трудъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 70-хъ годахъ, подъ заглавіемъ: „Война и революція“. Первая часть этихъ статей вышла отдѣльною книгою.

Digitized by Google

стрѣйшимъ crescendo, всѣ правонарушенія и насилія, разразившіяся, наконецъ, изступленнымъ потокомъ террора.

Отсюда,—изъ этой исторіи кореннаго преобразованія путемъ революціи государственныхъ учрежденій великой націи, нравственно вліявшей на всѣ народы новаго міра,—возникло понятіе объ исторической неизбѣжности соединенія всякихъ государственныхъ преобразованій съ насиліемъ и бунтомъ. Это понятіе, въ большей или меньшей степени, распространилось по всѣмъ странамъ Европы (кромѣ Англіи) во всѣхъ ея сферахъ, въ возвышенныхъ и низменныхъ, въ просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, въ правительственныхъ и общественныхъ. Оно было обще людямъ всякихъ политическихъ партій, при самыхъ противоположныхъ ихъ цѣляхъ; оно соединяло, въ общемъ слѣпомъ вѣрованіи, самыхъ крайнихъ реакціонеровъ съ самыми крайними революціонерами; потому что тѣ и другіе были одинаково увѣрены, что для ихъ цѣлей безъ насилія нельзя ничего сдѣлать. Борьба съ этимъ понятіемъ, дошедшимъ до предѣловъ фанатическаго суевѣрія, сдѣлалась чрезвычайно затруднительной для всѣхъ замѣчательнѣйшихъ и разумнѣйшихъ государственныхъ преобразователей нашего вѣка. Отсюда пошла та «революціонная школа», которой развѣтвленія и оттѣнки распространялись изъ Франціи по всей Европѣ и къ которой принадлежали далеко не одни злонамѣренные люди и демагоги. Ею всюду увлекались многія личности съ наилучшими намѣреніями и талантами, которыя безплодно погибли для общества вслѣдствіе заблужденій доктрины. Революціонныя вспышки, за которыми слѣдовали насильственныя реакціонерныя давленія, всюду и надолго сдѣлались главною помѣхою для правильнаго прогресса государственной жизни.

Самыя простыя истины требуютъ цѣлыхъ вѣковъ для своего водворенія въ человѣчествѣ, по крайней мѣрѣ, въ его массахъ, а не въ исключительныхъ личностяхъ. Также и въ нашемъ вопросѣ мы едва ли можемъ надѣяться, что и за истеченіемъ цѣлаго столѣтія исчезнутъ грубыя заблужденія, связанныя съ французской революціей. Хотя теоретическая и историческая несостоятельность указаннаго понятія о *необходимости* насильственнаго переворота, для обновленія и даже пересозданія государственнаго строя, совершенно ясна, но она далеко не для всѣхъ очевидна, даже и теперь.

Если еще можно предполагать *историческую необходимость* такого переворота во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, то это совершенно невозможно относительно остальной Европы и въ наше время. Прежде совершенно не принимались въ соображеніе исклю-

Digitized by Google

чительныя историческія и національныя особенности Франціи, а потому ея революціи придавался характеръ всемірнаго общечеловѣческаго явленія, тогда какъ ея формы были обусловлены чисто *мѣстными* обстоятельствами. На этотъ предметъ было брошено много свѣта новѣйшими историческими изслѣдованіями. На важнѣйшія изъ этихъ исключительныхъ особенностей Франціи мы бѣгло здѣсь укажемъ.

Французская монархія, вмѣстѣ съ своимъ высшимъ аристократическимъ классомъ, превратившимся изъ знати въ придворную стаю, праздно провела цѣлый вѣкъ, съ послѣднихъ годовъ Людовика XIV, въ забавахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ. Она безусловно отсутствовала въ государственномъ дѣлѣ. И это—въ то самое время, когда въ остальной Европѣ энергически дѣйствовали съ высоты престола великія личности и реформаторы: въ Пруссіи Фридрихъ II, въ Австріи Марія-Терезія и Іосифъ II, въ Россіи—Петръ I и Екатерина II, въ Англіи—рядъ замѣчательныхъ министровъ. И это—въ то самое время, когда напоръ новыхъ идей и новыхъ движеній жизни, зачавшихся съ XVI столѣтія, съ каждымъ днемъ настоятельнѣе требовалъ коренныхъ преобразованій—во Франціи, какъ въ наиболѣе цивилизованной странѣ, *раньше* и *сильнѣе*, чѣмъ во всякой другой! Единственный здѣсь государственный человѣкъ, провидѣвшій все будущее и настоятельность реформы,—Тюрго не былъ поддержанъ несостоятельною монархіей противъ тупаго непониманія общества: чуждая всякому государственному труду и нравственно разслабленная, она окончательно потерялась посреди революціонной бури. Въ началѣ бури, Франція не была осчастливлена и историческою или провиденціальною случайностью, какою можно назвать появленіе въ исторіи необыкновенной личности: она явилась гораздо позже, въ лицѣ Наполеона I, когда все государственное зданіе было уже въ развалинахъ. Историки говорили не безъ основанія, что еслибы Мирабо былъ честнѣе, а Лафайетъ государственно умнѣе, то они могли бы спасти Францію. Самою характеристическою чертою единственнаго, въ своемъ родѣ, непониманія французской монархіей своего положенія посреди революціи—служитъ отвѣтъ Маріи Антуанеты генералу Лафайету, когда, возмущенный парижскими бунтами, онъ восторженно предложилъ свою шпагу для защиты трона. Королева, съ величайшимъ раздраженіемъ, отвѣчала ему черезъ свою придворную даму (г-жу де-Кампанъ): «il vaut mieux périr que d'être sauvé par cette canaille, les constitutionels». Въ этихъ словахъ вся исторія французской монархіи въ XVIII вѣкѣ! Другая историческая особенность Франціи, совсѣмъ исключительная

Digitized by Google

въ Европѣ, заключается въ крайностяхъ ея административной централизаціи и въ отсутствіи всякаго мѣстнаго самоуправленія, областнаго (земскаго) и общиннаго, которое въ томъ или другомъ видѣ существовало вездѣ въ Европѣ, даже въ Россіи. Централизація содѣйствовала захвату власти надъ всѣмъ государствомъ небольшою кучкою людей въ Парижѣ и превращенію парижскихъ бунтовъ въ общефранцузскій переворотъ государственнаго правленія. Тому же способствовало отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, которое нигдѣ не было такъ радикально вытравлено бюрократіей, какъ во Франціи. Отсюда та слабость политическаго воспитанія въ массахъ французскаго народа и та личная политическая ихъ несамостоятельность, та привычка къ бюрократической опекѣ, которыя объясняютъ слабость отпора парижскимъ революціоннымъ движеніямъ со стороны мѣстнаго народонаселенія (за исключеніемъ одной Вандеи). Безъ этого былъ бы необъяснимъ тотъ изумительный фактъ, что такое ничтожное меньшинство людей въ Парижѣ, часто единицы, производили, вопреки волѣ большинства образованныхъ и необразованныхъ людей, общегосударственные перевороты во всей Франціи. И такъ продолжается до сихъ поръ.

Съ другой стороны, опытъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй вполнѣ доказалъ возможность и успѣшность глубочайшихъ государственныхъ реформъ, происшедшихъ безъ всякихъ революціонныхъ насилій, на совершенно законной почвѣ. Такія. напр., реформы были произведены въ нынѣшнемъ столѣтіи: неоднократно въ Англіи (Греемъ, Робертомъ Пилемъ и Гладстономъ), въ Пруссіи (Штейномъ и Гарденбергомъ въ началѣ столѣтія) въ Россіи, въ прошломъ царствованіи. Совершенно ошибочно приравнивали въ прежнее время англійскую революцію XVII в. къ французской: какія бы частныя насилія ни происходили въ Англіи, вся революція совершилась тамъ на вполнѣ законной почвѣ, не только безъ всякаго систематическаго нарушенія права (какъ во французскую революцію), а, напротивъ того, *во имя права и закона*. Вся она имѣла характеръ законнаго *судебнаго процесса*. Поэтому и послѣдствія ея были иныя.

Переходимъ къ другому источнику недоразумѣній и заблужденій, связанныхъ съ французской революціей. Не одно только свирѣпое революціонное насиліе, дошедшее до неистовства животныхъ страстей, омрачаетъ славу послѣдовавшаго черезъ нее пересозданія государства. Далеко не всѣ *новыя* государственныя идеи, провозглашенныя ею, послужили къ этому пересозданію и къ разрушенію несостоятельнаго стараго государственнаго строя,

Digitized by Google

и далеко не всѣ эти идеи получили прочное, здоровое развитіе въ дальнѣйшей исторіи Франціи. Такихъ идей было, собственно, очень мало; онѣ далеко не самыя крупныя въ разливахъ революціи, и въ нихъ даже ничего не было новаго, сравнительно съ движеніемъ теоретической мысли во всей западной Европѣ, въ XVIII вѣкѣ, и съ гораздо болѣе раннимъ практическимъ осуществленіемъ ихъ въ Англіи.

Новыя государственныя начала, на основаніи которыхъ перестроилось французское государство во время революціи, въ строгомъ смыслѣ, ограничивались понятіями гражданскаго равенства, которыя разрушили крѣпостное право со всѣми его послѣдствіями и сословный строй общества со всѣми неисчислимыми его привилегіями и перегородками. Это, конечно, было первичнымъ условіемъ для перехода стараго типа государства, созданнаго средними вѣками, къ новому типу, окончательно сложившемуся въ XIX вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи,—въ этой неизбѣжной для современнаго государства эволюціи отъ сословнаго общественнаго строя къ равноправному государственному гражданству,—Франція, послѣ Англіи, опередила всю остальную Европу. Но эти новые принципы нисколько не были лично придуманы дѣятелями революціи; они уже давно носились въ воздухѣ всей образованной Европы. Та же самая эволюція совершилась бы во Франціи безъ всякаго революціоннаго погрома, въ силу исторической необходимости, естественнаго движенія историческихъ элементовъ, какъ она совершилась потомъ во всѣхъ странахъ Европы, и какъ должна была совершиться гораздо ранѣе во Франціи, еслибы ея монархія и ея правители не бездѣйствовали въ теченіе всего XVIII столѣтія.

Затѣмъ, почти всѣ остальныя идеи, провозглашенныя французской революціей, оказались совсѣмъ несостоятельными и передъ практическимъ опытомъ исторіи, и передъ судомъ современной науки (даже въ историческомъ ихъ значеніи для своего времени). Укажемъ здѣсь только на крупнѣйшіе принципы революціи.

Во главѣ всѣхъ стоитъ догматъ народнаго верховенства (souveraineté du peuple) съ истекающимъ отъ него поголовнымъ избирательнымъ правомъ (suffrage universel). Внутренняя состоятельность этого догмата, основаннаго на мечтаніяхъ Centrat social Руссо, давно подвергнута сомнѣнію. Въ своемъ прямомъ смыслѣ онъ принятъ, во всемъ новѣйшемъ мірѣ, только во Франціи, не исключая даже всѣхъ существующихъ республикъ. Въ практическомъ примѣненіи этотъ догматъ приводитъ зачастую къ деспотизму толпы и избранныхъ ею агентовъ, неизмѣримо болѣе тяжкому для

Digitized by Google

частныхъ лицъ, чѣмъ даже всякій деспотизмъ единоличной неограниченной власти. Этотъ догматъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ всѣмъ идеаламъ новѣйшаго законнаго или правомѣрнаго государства, въ которомъ не должно быть ничьего права, не ограниченнаго правомъ другаго и неподсуднаго, въ своихъ нарушеніяхъ, судебной власти. Эти принципы народнаго верховенства и голаго поголовнаго избирательнаго права (безъ всякихъ различій по образованію и имуществу) до сихъ поръ смущаютъ жизнь Франціи, узаконяя въ ней всякіе насильственные перевороты.

Упомянемъ еще о другомъ государственномъ принципѣ, установленномъ французской революціей, составляющемъ также исключительную черту французскаго государственнаго устройства и не выдерживающемъ критики ни съ практической, ни съ теоретической точки зрѣнія. Таково понятіе о власти распорядительной, или административной, какъ о *власти исполнительной* (pouvoir exécutif) *въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова*. Даже главѣ государства, и въ монархіи, и въ республикѣ, не принадлежитъ, по этому понятію, почти никакой дѣятельной иниціативы. Отсюда происходитъ то, что во Франціи XIX вѣка, въ періоды парламентскіе, народное представительство, на подобіе конвента, захватываетъ въ свои руки всю распорядительную власть и текущую политику, такъ что правительство должно сдѣлаться слѣпымъ механическимъ ея агентомъ. Всѣ сколько нибудь значительные, самостоятельные и талантливые государственные люди невозможны черезъ это на должностяхъ министровъ. Это положеніе вещей дошло до послѣдней крайности въ настоящее время и даетъ поводъ буланжистамъ вопіять противъ парламентскаго правленія въ его существѣ. А въ періоды диктатуры французская административная власть, при своихъ громадныхъ прерогативахъ и почти полномъ отсутствіи административной юстиціи и мѣстнаго самоуправленія, дѣлается *деспотическою сверху до низу*.

Наконецъ, даже и конституціонные принципы, въ которыхъ прежде хотѣли видѣть одну изъ главныхъ заслугъ французской революціи и которымъ, впрочемъ, она слѣдовала только въ самые первые свои дни, были крайне недостаточны. Мы можемъ говорить здѣсь объ этомъ необъятномъ предметѣ только крайне коротко. Форма, въ которыхъ эти принципы были приняты Франціей, совершенно исказили ихъ сущность и развитіе, и въ ней самой, и—надолго—во всей остальной Европѣ. Эти принципы были заимствованы изъ Англіи, гдѣ они развивались исторически или органически въ теченіе многихъ вѣковъ, а во Францію были пересажены внезапно и по книжному, безъ всякаго пониманія

Digitized by Google

ихъ внутренняго значенія и безъ всякаго примѣненія къ мѣстнымъ и историческимъ обстоятельствамъ французскаго народа. Эти принципы были взяты изъ книги Монтескье (1742 г.), которая была великимъ твореніемъ для своего времени, но представляла только самое поверхностное описаніе англійской конституціи, безъ всякаго изученія ея исторіи, описаніе только ея наружныхъ формъ, безъ всякаго знакомства съ внутреннимъ содержаніемъ, съ главными устоями и множествомъ необходимыхъ принадлежностей этого зданія. То немногое, что было извѣстно французамъ объ этомъ зданіи;—почти только объ его фасадахъ,—было облечено ими въ отвлеченный отъ всякаго мѣста и времени академическій архитектурный планъ, и по этому шаблону стало пропагандироваться по всей Европѣ и навязываться ей путемъ заговоровъ и насильственныхъ дѣйствій. Между прочимъ, замѣтимъ, что однимъ изъ болѣзненныхъ свойствъ всего этого движенія была исключительная забота о новомъ государственномъ *устройствѣ*, безъ всякой мысли объ организаціи соотвѣтствующаго ему государственнаго *управленія*. Съ 1789 г., во Франціи смѣнилось безконечное множество конституцій, а строй ея управленія, гораздо болѣе существенный для практическихъ нуждъ народа, остался неизмѣннымъ, вопреки всѣмъ измѣнившимся требованіямъ времени. Успѣхи государственныхъ наукъ привели къ совершенно противоположному убѣжденію,—къ первенствующей необходимости организовать государственное управленіе, а затѣмъ уже возводить нужное для него государственное зданіе. Также точно опредѣленіе образа жизни должно предшествовать устройству нужной для него квартиры; нелѣпо было бы идти наоборотъ, — вести образъ жизни сообразно съ произвольно устроеннымъ помѣщеніемъ. Великій и вѣчный принципъ раздѣленія власти на три категоріи, составляющій неувядаемую славу Монтескье и намѣченный уже Аристотелемъ, былъ принятъ законодателями революціи только номинально; въ своемъ развитіи она не только не признавала его практически, но подвергла всяческимъ поруганіямъ, соединивъ въ конвентѣ безраздѣльно всѣ три власти.

Всѣ идеи, и вѣрныя, и ложныя, пущенныя въ ходъ французскою революціей, страдаютъ упомянутою космополитическою отвлеченностью отъ мѣста и времени, начиная съ знаменитыхъ «droits des l'homme». Это облегчило ихъ быстрое распространеніе по всему образованному міру; но вмѣстѣ съ тѣмъ и повредило прочности зданій, построенныхъ по французскимъ образцамъ. Эти многіе злосчастные опыты заставили государственныхъ мыслителей нашего времени, при всемъ убѣжденіи ихъ въ общности для всѣхъ

Digitized by Google

европейскихъ народовъ нѣкоторыхъ формъ государственнаго прогресса, проповѣдывать о необходимости производить государственныя преобразованія сообразно съ *историческими условіями и съ національнымъ типомъ* каждаго народа.

Если, пользуясь микроскопическимъ анализомъ, сдѣланнымъ новѣйшими историками, ближе и безпристрастнѣе вникнуть въ то новое, что́ было внесено революціей во французское государство, то оно окажется весьма незначительнымъ, въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя она произвела и во Франціи, и во всей Европѣ. Создалъ новѣйшую Францію Наполеонъ I [1]), который выказалъ въ этомъ дѣлѣ едва ли не больше генія, чѣмъ въ военной карьерѣ. Онъ собралъ матеріалъ для воздвигнутаго имъ, въ новомъ стилѣ, зданія со всѣхъ сторонъ, и всего болѣе изъ стараго дореволюціоннаго режима.

До сихъ поръ, административный строй, заимствованный отъ этого режима, остается во Франціи со своимъ бюрократическимъ характеромъ,—неизмѣннымъ, вопреки всѣмъ многочисленнымъ переворотамъ въ формахъ правленія. Этотъ строй не вѣдаетъ никакихъ элементовъ самоуправленія и судебнаго контроля, сдѣлавшихся насущною потребностью европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ. Отъ революціи Наполеонъ I взялъ только начала гражданскаго равенства, на основаніи которыхъ былъ изданъ «Code civil»,—твореніе *не* революціи.—Отъ революціи онъ взялъ еще только призракъ народнаго представительства, составлявшій посмѣшище надъ этимъ органомъ правленія, повторившійся при Наполеонѣ III и выставляемый теперь буланжистами, какъ идеалъ государственнаго порядка. Этотъ призракъ народнаго представительства, подавленнаго административною властью, доказываетъ, какъ слабо утвердила революція этотъ государственный принципъ, знамя котораго она выставила съ перваго своего шага.

Насильственный переворотъ конца прошедшаго столѣтія, возобновлявшійся въ 1830, 1847 и 1870 гг., до того изрылъ и исковеркалъ во Франціи законную почву, безъ которой не можетъ преуспѣвать современное государство, что до сихъ поръ эта нація раздирается нѣсколькими партіями, которыя спорятъ объ основномъ принципѣ государства,—о формѣ правленія, — и изъ которыхъ каждая съ одинаковымъ правомъ считаетъ себя законною, а всѣ остальныя—революціонными. При этихъ спорахъ, лишенныхъ всякой *общей почвы*, невозможна свободная и мирная

[1]) См., между прочимъ, статьи Тэна: „Reconstruction de la France“ въ „*Revue des deux mondes*“, 1889.

Digitized by Google

политическая борьба разныхъ направленій государственной жизни,—борьба, вырабатывающая законодательство, которое безпрерывно нуждается въ обновленіи. Невозможно также могущество государства въ международныхъ отношеніяхъ.

Если французская нація сдѣлала, въ теченіе XIX столѣтія, громадные успѣхи въ наукахъ, искусствахъ, а въ особенности въ промышленности и въ матерьяльномъ народномъ благосостояніи, то это, конечно, *не вслѣдствіе* своихъ революціонныхъ пароксизмовъ, а *вопреки* имъ. Хотя для всѣхъ этихъ успѣховъ элементы государственнаго быта составляютъ одно изъ важныхъ условій, но далеко *не единственное*. Счастливыя условія природы и этнологическаго характера народа, его крѣпкій прирожденный организмъ часто позволяютъ ему преуспѣвать вопреки всякимъ государственнымъ препятствіямъ. Также точно бываетъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка.

Изложенный нами порядокъ мыслей одинаково чуждъ восхваленіямъ и до революціоннаго французскаго режима, и разрушившей его революціонной катастрофы,—восхваленіямъ, господствовавшимъ, съ двухъ сторонъ, въ европейскомъ обществѣ до половины нынѣшняго столѣтія. Со строгой научной точки зрѣнія, мы должны смотрѣть объективно и безстрастно на эту катастрофу и на позднѣйшіе, порожденные ею, пароксизмы, какъ на *болѣзнь роста* въ историческомъ движеніи французской націи. Какъ для роста животнаго организма, при тѣхъ или другихъ условіяхъ его природы и цѣлесообразнаго ухода за нимъ, нисколько не не избѣжны эти недуги, также точно и для роста государственнаго организма. Государственное искусство, также какъ медицина и гигіена, обязаны предотвращать эти недуги, которые во всякомъ случаѣ разслабляютъ организмъ и могутъ имѣть самое злополучное теченіе.

Прогрессивное движеніе европейскихъ народовъ шло и идетъ впередъ только въ силу работы человѣческаго разума и совсѣмъ независимо отъ всѣхъ этихъ революціонныхъ конвульсій, которыя съ конца прошедшаго вѣка только замедляли этотъ ходъ, парализуя и пріостанавливая дѣятельность науки, искусствъ, промышленности и государственнаго творчества. Едва ли можно сомнѣваться, что безъ насильственнаго перелома конца XVIII столѣтія европейскія государства, въ силу новыхъ идей, перестроились бы гораздо быстрѣе и съ гораздо меньшими жертвами. Французская революція отпугнула всѣ правительства отъ этихъ идей. Отсюда — періодъ великой европейской реакціи 1815 — 1830 гг., за которою послѣдовали новые взрывы, а за ними но-

Digitized by Google

выя реакціи. Сверхъ того, возникли колоссальныя траты народныхъ силъ на революціонныя войны, въ ущербъ тратамъ на цивилизацію.

Если вникнуть ближе, то старинное представленіе, что насильственные перевороты ускоряютъ исторію, оказывается совершеннымъ оптическимъ обманомъ. Исторія движется только *новыми зиждительными понятіями*, которыхъ не могутъ творить эти перевороты. Они только *механически* разстраиваютъ существующіе историческіе элементы, которые продолжаютъ, послѣ временной пріостановки, *органически* развиваться въ силу тѣхъ же дореволюціонныхъ понятій.

Вл. Безобразовъ.

Digitized by Google

УТЕСЪ.

(изъ Сюлли Прюдома).

Разъ двое взошли на утесъ вѣковой
И очи закрыли, и слушали море:
— Ко мнѣ звуки рая несутся толпой!
— Я слышу стонъ ада; въ немъ вѣчное горе!
И оба очнулись. Предъ ними шумѣлъ
Сѣдой океанъ и волна говорила,
Но каждому разную пѣсню онъ пѣлъ,—
Ту пѣсню, что́ жизнь имъ въ сознанье вложила.

Вл. Ладыженскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Открытіе парижской всемірной выставки въ столѣтнюю годовщину французской революціи.—Версальскія и парижскія торжества и ихъ значеніе.—Рѣчь Карно.—Буланжэ въ Лондонѣ и буланжисты въ Парижѣ.—Процессъ генеральнаго прокурора противъ газетъ.—Безтактность французскаго министерства.—Уличные безпорядки въ Вѣнѣ.—Проэктъ страхованія рабочихъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Канцлеръ, сердящійся и разгоняющій министровъ.—Замыслы прусской политики и ея неудачи.—Тонкости милитаризма.—Прусскій чиновникъ въ роли подстрекателя.—Правитель, только что вступившій въ управленіе и уже уволенный.—Странствующій экс-король.—Нѣмецкій король, воюющій со своими румынскими подданными.—Англійскій бюджетъ и консервативное министерство.—Парнель и „Times".—Католическіе конгрессы и папа.—Смерть абиссинскаго негуса и итальянскія поползновенія.—Бельгійскіе фрондёры и нѣмецкіе генералы.

15 (3) мая.

Пятаго мая въ Парижѣ начались торжества по случаю празднованія столѣтней годовщины первой французской революціи. Праздники эти имѣютъ безспорно международное, политическое и промышленное значеніе. Утромъ президентъ республики отправился въ экипажѣ въ Версаль. При выѣздѣ Карно изъ Елисейскаго дворца, Персенъ, служащій въ морскихъ складахъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. «Сѣверное телеграфное агентство» говоритъ, что выстрѣлъ произведенъ холостымъ зарядомъ; «Новости» утверждаютъ, что раненъ одинъ изъ свиты президента. И газета, и агентство такъ привыкли лгать, что вѣрить имъ нельзя, и надо ждать офиціальныхъ извѣстій, но теперь администраціи некогда заниматься этимъ, она сообщаетъ только о публичныхъ празднествахъ. Они открылись прибытіемъ Карно въ бывшій Hôtel des menus plaisirs, гдѣ въ 1789 году собрались генеральные штаты. Въ присутствіи палаты депутатовъ, сената, муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтовъ, представителей государственныхъ учрежденій, при громѣ пушекъ и звукахъ марсельезы, на фасадѣ зданія прибита, въ два часа, доска въ па-

Digitized by Google

мять празднуемаго событія. На доскѣ этой изъ чернаго мрамора, въ 2 метра вышины и 1,65 ширины, сдѣлана надпись, что генеральные штаты собрались 5 мая 1789 года, 20 іюня преобразовались въ національное собраніе, засѣданія котораго продолжались до 15 октября. Затѣмъ слѣдовали обычныя рѣчи, поздравленія и пожеланія. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей были, впрочемъ, несовсѣмъ обычны. Президентъ сената Леройе напомнилъ сначала, что теперь не загнанные представители третьяго сословія, которымъ отказывали даже въ правѣ стоя участвовать въ засѣданіяхъ, но избранные свободною націей представители преклоняются передъ избраннымъ ими главою государства. «Но созданіе великихъ дѣятелей революціи чествуется въ минуту ослабленія ея жизненной силы. Если революція грѣшила смѣлостью грёзъ, то мы грѣшимъ отсутствіемъ самоотверженія, недостаточнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей, колебаніемъ воли». Подтвердивъ, что «мы влачимся слишкомъ низко», Леройе посовѣтовалъ и президенту республики «возвысить свой голосъ, чтобы склонить всѣхъ французовъ ко взаимнымъ уступкамъ и къ довершенію національнаго дѣла». Этотъ совѣтъ стараго и строгаго республиканца далеко не лишній въ виду упорной, незаконной и неудачной войны, которую правительство продолжаетъ вести противъ Буланжэ и его приверженцевъ. Одного изъ нихъ оно арестовало еще 4 мая, а домовые обыски и безполезные допросы разныхъ свидѣтелей не прекращались въ теченіе всего апрѣля—ничего, разумѣется, не выяснивъ и не обнаруживъ никакихъ преступленій, въ которыхъ можно было бы обвинить генерала, принужденнаго, между тѣмъ, уѣхать изъ Брюсселя въ Лондонъ, гдѣ его приняли также не очень радушно. Версальскій епископъ въ своей рѣчи заявилъ открыто, что католическое духовенство присоединяется къ существующему во Франціи порядку вещей. Карно, въ отвѣчной рѣчи, расхвалилъ дѣятелей 1789 года и ихъ принципы, «которыми проникнуты учрежденія современнаго міра». Припомнивъ, что Франція пережила «бѣдственныя времена, когда всѣ партіи послѣдовательно увлекались прискорбными страстями», Карно нашелъ однако, что «учрежденіе республики явилось вѣнцомъ безсмертнаго дѣла, и Франція окончательно порвала связи съ личною властью одного человѣка, какой бы титулъ онъ ни принималъ». Видѣть въ республикѣ «вѣнецъ» 1789 года значитъ противорѣчить историческимъ фактамъ: объ ней и не думало большинство членовъ генеральныхъ штатовъ и національнаго собранія. Въ нихъ дѣло шло только о реформахъ, положительно необходимыхъ для уничтоженія злоупотребленій абсолютной и безконтрольной власти, и объ установленіи представительнаго правленія. Король принялъ титулъ «возстановителя французской свободы», а въ февралѣ слѣдующаго года присягнулъ конституціи. Онъ повторилъ эту присягу и въ 1791 году, послѣ неудачной попытки къ бѣгству. Республика была провозгла-

Digitized by Google

шена только 26 сентября 1792 года и, еслибы правительство дѣйствовало твердо въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, безпорядки и возмущенія черни можно было бы подавить. Своеволіе и разнузданность разростаются только при отсутствіи сильной власти. Но 1789 годъ во всякомъ случаѣ положилъ начало конституціоннымъ учрежденіямъ и выводить изъ нихъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ республику, какъ это сдѣлалъ Карно въ своей рѣчи, и безтактно, и неосновательно по отношенію къ европейскимъ державамъ, принявшимъ формы представительнаго правленія. Не мудрено, что только три державы: Греція, Сербія и Норвегія приняли офиціально участіе во всемірной международной выставкѣ, открытой 6 мая, въ честь того же столѣтняго юбилея, и французское правительство, не приглашавшее членовъ дипломатическаго корпуса присутствовать на версальскихъ торжествахъ, послало каждому изъ нихъ личныя приглашенія, безъ упоминанія ихъ титула и званія, на открытіе выставки. Но послы великихъ державъ все таки отсутствовали.

Выставка представляетъ, конечно, великолѣпное зрѣлище и доказываетъ, какіе громадные успѣхи сдѣлала Франція во всѣхъ отрасляхъ искусствъ и промышленности. Но международное значеніе выставки очень не велико, такъ какъ въ ней участвуютъ только частныя лица, а не правительства, и, соблюдая выгоды французскихъ торговцевъ, комитетъ выставки, наканунѣ ея открытія, объявилъ, что иностранные экспоненты не имѣютъ права продавать выставленныя ими издѣлія. Но вѣдь въ торговлѣ цѣны товара важны также, какъ и его достоинство, а со своими цѣнами международные экспоненты и не имѣютъ возможности познакомить Францію. Исключеніе сдѣлано только для вещей «восточнаго производства» и подъ эту рубрику подведены и русскіе товары, такъ какъ Россія продолжаетъ пользоваться въ Парижѣ особенными симпатіями, которыхъ не могли нарушить никакіе сагалльскіе инциденты. Съ русскаго отдѣла началъ Карно обзоръ выставки, и возгласы въ честь Россіи отличались демонстративнымъ характеромъ. Газеты полны только описаніями выставки и ея чудесъ, заставившихъ забыть о шаткости политическаго положенія страны, непопулярности правительства, объ интригахъ его противника, которому кабинетъ Салисбюри объявилъ, впрочемъ, что онъ можетъ жить въ Лондонѣ, но не составлять тамъ заговоры противъ правителей дружественной націи. И «бравый генералъ» пересталъ разсылать свои манифесты и прокламаціи съ увѣреніями въ преданности республикѣ и въ ненависти къ парламентаризму, нисколько неповинному во всѣхъ злоупотребленіяхъ, какія совершили его именемъ разные Ферри, Греви, Тирары и Констаны. Слѣдственной комисіи все таки не удалось обвинить Буланжэ въ покушеніи на ниспроверженіе правительства.

Газеты подробно разсказывали исторію политической ночи, когда, послѣ отставки Греви, всѣ враги Жюля Ферри собрались на совѣщаніе

Digitized by Google

къ Лагерру, съ цѣлью помѣшать выбору въ президенты республики этого «тонкинца», вовлекшаго Францію въ губительную экспедицію и расшаркивавшагося передъ Бисмаркомъ. На сходкѣ у Лагерра былъ и Буланжэ, но не игралъ тамъ выдающейся роли и ручался только за то, что солдаты парижской арміи не выйдутъ изъ казармъ на защиту Ферри, если противъ него поднимется народъ. Какъ командиръ армейскаго корпуса, Буланжэ, конечно, не долженъ былъ заявлять, что парижская армія не станетъ поддерживать президента, если имъ будетъ Ферри, но въ такомъ случаѣ въ заговорѣ противъ правительства виновенъ не онъ одинъ, а всѣ участвовавшіе на совѣщаніи: Клемансо, Дрейфюсъ, Локруа, Мейеръ, Лагерръ и др. Одинаково виновны въ заговорѣ въ свою пользу и приверженцы Жюля Ферри, собравшіеся въ ту же ночь въ редакціи газеты «République Française»—Рувье, Рейнахъ, Арень, Рейналь и др. На этой сходкѣ генералъ Галифэ, этотъ палачъ 1871 года, брался побудить войско принять сторону Ферри и подавить уличное возстаніе, оглашавшее городъ криками: долой Ферри! Заговоръ за и противъ Ферри дѣйствительно существовалъ: парижскій муниципалитетъ прямо объявилъ, что онъ подниметъ народъ, если конгрессъ выберетъ президентомъ Ферри. Но съ выборомъ Карно все успокоилось и никакого покушенія на правительство ни съ чьей стороны не было произведено. Почему же возникло обвиненіе въ немъ и еще противъ одного Буланжэ? Не ясно ли, что тутъ дѣйствовала личная ненависть къ человѣку, рѣшившемуся сказать въ глаза правительству, что оно плохо правитъ страною, интригуя и воруя, заботясь только о своихъ выгодахъ, не думая о народѣ. Обличитель этотъ—самъ весьма сомнительная и далеко не безупречная личность, но онъ олицетворяетъ собою протестъ всѣхъ порядочныхъ людей противъ измельчанія и бездарности современныхъ политическихъ дѣятелей Франціи, и потому война, объявленная имъ правителямъ страны, пріобрѣла ему столько приверженцевъ.

Зато и враги его употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы найти предлогъ отдать его подъ военно-полевой судъ, такъ какъ сенатъ, повидимому, не находитъ достаточныхъ данныхъ обвинить его въ покушеніи ниспровергнуть правительство. Одинъ изъ главныхъ враговъ его, генеральный прокуроръ Бореперъ, потерпѣлъ пораженіе въ судѣ исправительной полиціи, куда онъ обратился съ жалобою на диффамацію, какой подвергли его шесть парижскихъ газетъ, осыпая дѣйствительно неприличною бранью при исполненіи имъ своихъ обязанностей по преслѣдованію Буланжэ. При домовомъ обыскѣ у Рошфора, наложены были печати даже на подвалъ его квартиры и въ ней оказались запертыми три кошки журналиста. Онъ продиктовалъ по телефону изъ Брюсселя, въ свою газету «Intransigeant», статью подъ названіемъ «убійцы кошекъ», гдѣ клянется, что онѣ ни въ чемъ неповинны, «хотя противъ нихъ

Digitized by Google

возбуждено дѣло по обвиненію въ заговорѣ, въ совращеніи войскъ, даже въ покушеніи на цѣломудріе г. Карно». «Я не могу вѣрить,—говоритъ Рошфоръ,—чтобы и кошки были одержимы буланжистскою лихорадкою. Бореперъ, конечно, не выпуститъ единственныхъ подсудимыхъ, находящихся въ его власти, и потребуетъ если не головы, то шкуры ихъ». Другія газеты осыпали генеральнаго прокурора еще болѣе рѣзкими ругательствами, но судъ полиціи отказалъ Бореперу въ преслѣдованіи газетъ: «Gaulois», «Triboulet», «Gazette de France», «Autorité» и принялъ только жалобы на «Intransigeant» и «Presse», присудивъ Боренера къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Полицейскіе судьи отказались подчиниться желаніямъ правительства, какъ и въ дѣлѣ «лиги патріотовъ», и предоставляютъ обиженному обратиться къ обыкновенному суду съ присяжными. Но безтактность кабинета Тирара проявляется и въ томъ, что, не смотря на парижскіе праздники, во время которыхъ никто и не думаетъ о Буланжэ, правительство торопится закончить судъ надъ генераломъ и само вызываетъ волненія и демонстраціи, въ родѣ свистковъ, сопровождавшихъ возвращеніе Карно въ Парижъ, хотя въ Версали президента встрѣчали дѣйствительно шумными овраціями, особенно усилившимися вслѣдствіе извѣстія о покушеніи на его жизнь.

Уличные безпорядки, какими сопровождалось пребываніе Франца Іосифа въ Пештѣ, встрѣтили его и по возвращеніи въ Вѣну. Но тамъ они имѣли политическій характеръ, а въ столицѣ Австріи были слѣдствіемъ неустройства все того же рабочаго вопроса, который играетъ преобладающую роль во всѣхъ современныхъ движеніяхъ на западѣ Европы. Вѣнское общество конножелѣзныхъ дорогъ начало до того эксплуатировать служащихъ на этихъ дорогахъ, что бѣдняки, не выдержавъ 18-ти часоваго непрерывнаго труда, рѣшились, въ первый день пасхи, не исполнять своихъ обязанностей. Въ стачкѣ приняли участіе всѣ кучера конокъ за исключеніемъ стариковъ, получающихъ пенсію или увеличенное содержаніе. Общество положило продолжать движеніе, поставило вмѣсто кучеровъ—кондукторовъ, конюхами наняло постороннихъ лицъ—и вагоны все таки двинулись въ обычный путь. Тогда забастовавшіе кучера и толпы рабочихъ бросились на сараи и конюшни общества, перебили стекла въ вагонахъ и не позволяли продолжать движеніе. Полиція съ трудомъ разогнала толпы, дѣйствуя саблями, въ то время когда на нее сыпались камни. Въ третьемъ часу, къ тѣмъ же сараямъ Фаворитскаго квартала собралась еще болѣе многочисленная толпа, полицейскіе были оттѣснены, избиты и дѣло могло бы кончиться для нихъ очень печально, еслибы къ нимъ не подоспѣли на помощь два взвода драгунъ, бросившихся на толпы съ саблями наголо. Бунтовщиковъ оттѣснили въ открытое поле, но они, разсѣявшись, зашли въ тылъ войскамъ и, занявъ нѣсколько зданій и большую насыпь съ длиннымъ деревяннымъ заборомъ, принялись осыпать

Digitized by Google

градомъ камней своихъ противниковъ. Съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ. Одинъ домъ, изъ котораго въ войско бросались кирпичи, доски, мебель, пришлось брать штурмомъ. Въ то же время и въ другихъ кварталахъ начались подобныя же буйства и разгромъ частныхъ магазиновъ, особенно кабаковъ. Три батальона пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ драгунъ едва успѣли положить конецъ безпорядкамъ. Но они возобновились и на другой день, и не только въ этомъ кварталѣ, но и въ пяти другихъ: Верналькѣ, Земмерингѣ, Верингѣ, Дорнбахѣ, Оттокрингѣ. Въ Верналькѣ пробовали даже возвести баррикады. Но полиція и войско были уже наготовѣ и до кровопролитныхъ схватокъ дѣло ни доходило; только рабочихъ захватывали массами и отправляли подъ арестъ. Жиды тотчасъ начали кричать, что движеніе направлено противъ нихъ и что антисемиты замышляютъ поголовное истребленіе евреевъ. Между тѣмъ общинный совѣтъ Вѣны наложилъ штрафъ въ 50,000 гульденовъ на общество конножелѣзныхъ дорогъ, составленное изъ евреевъ, нещадно эксплуатирующихъ христіанъ. Объ этомъ эксплуатированіи просили бургомистра довести до свѣдѣнія императора, но бургомистръ не согласился, сказавъ, что это дѣло правительства. Министръ Таафе принялъ однако депутацію отъ кучеровъ и обѣщалъ держать ихъ сторону съ тѣмъ только, чтобы они прекратили стачку. Жидовская печать выражаетъ неудовольствіе, что «министръ-президентъ поддерживаетъ кучеровъ». Но общество принуждено было сдѣлать уступки, сократило рабочій день кучеровъ до 12-ти часовъ и обѣщало исполнить другія требованія ихъ и увеличить жалованье. Кучера получаютъ 1 гульденъ 66 крейцеровъ въ день, да изъ нихъ 29 крейцеровъ удерживается въ больничный фондъ, а говядина самаго низшаго сорта стоитъ 55 крейц. Штрафы налагались безпощадные: даже за то, если вагонъ останавливалъ движеніе по случаю прохода войскъ. Увольнялись служащіе—безъ объясненія причинъ, и особенно тѣ, срокъ службы которыхъ приближался къ десятилѣтію, когда имъ уже слѣдовала пенсія. Однимъ словомъ—это настоящіе «бѣлокожіе рабы», какъ ихъ называли независимыя газеты. По официальнымъ свѣдѣніямъ, арестовано 460 человѣкъ и изъ нихъ 350 преданы суду; убытки отъ порчи и ломки вагоновъ исчислены въ 10 тысячъ гульденовъ. Разсчетъ убытковъ, произведенныхъ грабежемъ, еще не сдѣланъ. Ранено 206 человѣкъ, въ томъ числѣ 60 полицейскихъ и солдатъ, но, конечно, еще большее число раненыхъ разбѣжалось по домамъ, чтобы избѣжать ареста.

Праздникъ пасхи западная Европа справляла нынче въ одинъ день съ православною церковью и, послѣ него, возобновились въ германскомъ рейхстагѣ пренія по законопроекту о страхованіи рабочихъ. Канцлеръ считаетъ этотъ проектъ самой важной работой нынѣшней сессіи парламента, а между тѣмъ законъ составленъ съ такими исключеніями, которыя ослабляютъ его значеніе: такъ, онъ не касается вовсе сельскихъ

Digitized by Google

рабочихъ, а обезпечиваетъ только фабричныхъ и заводскихъ, прислугу, принципаловъ, получающихъ менѣе 2000 марокъ жалованья, и нѣкоторый персоналъ торговаго флота. Только для этихъ лицъ обязательно страхованіе на случай старости или неспособности къ труду. Соціаль-демократическая партія требуетъ распространенія закона на всѣхъ, кто получаетъ меньше 2000 марокъ жалованья; консерваторы — только на фабричныхъ рабочихъ. Другіе предлагаютъ привлечь къ участію въ страхованіи капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Бисмаркъ, говорившій въ рейхстагѣ рѣчь въ пользу этого закона, не сказалъ однако ничего ни убѣдительнаго, ни доказательнаго, и проэктъ, если онъ будетъ принятъ безъ поправокъ и измѣненій въ правительственной редакціи, не принесетъ существенной пользы народу. Канцлеръ продолжалъ дѣятельно работать, и его роль въ политикѣ внутренней и внѣшней нисколько не уменьшилась. Онъ по прежнему назначаетъ однихъ министровъ—заставляя выйти въ отставку другихъ, и дѣлаетъ это съ такими пріемами, которые ясно доказываютъ, что онъ не считаетъ нужнымъ церемониться съ тѣми, кто не исполняетъ его приказаній и даже просто ему не нравится. Такъ, онъ прогналъ Майбаха, министра по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, съ грубостью, удивившею даже Берлинъ. Майбахъ—авторитетъ въ своемъ дѣлѣ: онъ превосходно осуществилъ трудную операцію выкупа въ казну желѣзныхъ дорогъ и воздвигнулъ цѣлую сѣть мелкихъ подъѣздныхъ и питательныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей, поднявшихъ земледѣліе и хлѣбную торговлю Германіи. Но покойный императоръ Фридрихъ III любилъ Майбаха, далъ ему ленту Чернаго орла и, этого не могъ забыть Бисмаркъ. Онъ напустилъ въ парламентѣ на Майбаха одного изъ младшихъ секретарей министерства, Стефана, и тотъ осыпалъ министра такими оскорбленіями, что тотъ покинулъ свой постъ. Палата выразила порицаніе Стефану, но канцлеръ все таки достигнулъ своей цѣли. Руку его видятъ также въ отставкѣ военнаго министра Бронсарта и въ назначеніи на его мѣсто Верди-дю-Вернуа. Придворному проповѣднику Штекеру запрещено вовсе говорить о политическихъ дѣлахъ. Но всѣ эти уступки не смягчаютъ выходокъ канцлера, съ каждымъ годомъ принимающихъ все болѣе рѣзкую форму. Такъ, явившись однажды во дворецъ съ докладомъ и не принятый тотчасъ же императоромъ, онъ сталъ такъ громко высказывать свое неудовольствіе въ пріемной, что Вильгельмъ II поспѣшилъ выйти къ нему, чтобы успокоить его. Докладъ канцлера касался высшихъ военныхъ чиновъ и онъ началъ, въ присутствіи флигель-адъютантовъ, бранить своихъ противниковъ: «генералы—говорилъ онъ — годны, чтобы выигрывать сраженія, но когда они начинаютъ вмѣшиваться въ политику, то приносятъ больше зла, чѣмъ добра своей странѣ». Вильгельмъ II спокойно выслушалъ выходки канцлера, учтиво проводилъ его а потомъ, вернувшись къ своимъ адъютантамъ, сказалъ: «положительно, старикъ начинаетъ сходить съ ума».

Digitized by Google

Слова эти, конечно, разнеслись по Берлину, но навряд ли образумили канцлера. Нетерпимость его по отношенію къ лицамъ, осмѣливающимся противорѣчить его мнѣніямъ, выражается на каждомъ шагу. Запретивъ газету «Volkszeitung» за непочтительные отзывы о покойномъ Вильгельмѣ I, а собственно за слова газеты, что «удаленіе германскаго канцлера будетъ встрѣчено Германіей съ чувствомъ истиннаго облегченія», онъ отдалъ подъ судъ «Freisinnige Zeitung» за насмѣшку надъ нимъ, канцлеромъ. Но, по жалобѣ первой газеты, верховный судъ нашелъ, что она не заслуживаетъ такой строгой кары и разрѣшилъ дальнѣйшій выходъ изданія, а вторую газету и вовсе оправдалъ, не найдя въ ея отзывѣ ничего оскорбительнаго для канцлера.

Берлинъ занимаетъ теперь предстоящая поѣздка императора въ Лондонъ. Послѣ Петербурга, Стокгольма, Копенгагена, Вѣны и Рима, Вильгельмъ II долженъ былъ, конечно, посѣтить и столицу Англіи, и было бы странно, еслибы онъ не сдѣлалъ своей бабушкѣ визита, и то уже слишкомъ замедлившагося вслѣдствіе явно непріязненныхъ отношеній, возникшихъ между нѣмецкимъ и англійскимъ дворами, сначала по поводу мемуаровъ и бумагъ Фридриха III, потомъ обвиненій, взведенныхъ на посланника Моріэра. Бисмарку очень хотѣлось бы сдѣлать отношенія между этими дворами какъ можно болѣе дружественными, чтобы привлечь Англію въ лигу мира—и съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Лондонъ своего сына, подъ предлогомъ переговоровъ объ условіяхъ пріѣзда. Но нѣкоторыя газеты говорятъ, что дѣло шло о заключеніи прямаго союза между державами и что будто бы Англія была не прочь отъ этого, но поставила только два условія: первое—считать всякое движеніе Россіи къ Константинополю за casus belli, на что Германія готова была согласиться—и второе: такимъ же поводомъ къ войнѣ считать и поступательныя движенія русскихъ въ Средней Азіи. Это требованіе англичанъ Германія нашла уже черезчуръ эгоистичнымъ и опаснымъ, а потому переговоры и не состоялись. Все это весьма возможно и гораздо болѣе правдоподобно, чѣмъ толки о томъ, что королева Викторія ѣздила въ Санъ-Себастіанъ на свиданіе съ испанскою королевою-регентшею, для того чтобы предложить ей уступку Гибралтара взамѣнъ занятія Англіею Тангера и марокскаго прибрежья. Хоть Англія и охотница до пріобрѣтенія колоній, но исторія съ архипелагомъ Самоа должна была значительно охладить ея страсть къ захвату чужихъ владѣній. Въ Берлинѣ открылась конференція по вопросу объ островахъ, между Германіей, Англіей и Соединенными Штатами, и хоть первыя двѣ державы охотно подѣлили бы между собою, если не господство, то протекторатъ надъ архипелагомъ, но третья-то еще ранѣе объявила, что не допуститъ господства ни одной европейской державы надъ Самоа. Поэтому, врядъ ли берлинская конференція поведетъ къ какому нибудь соглашенію, хотя Германіи,

Digitized by Google

конечно, хотѣлось бы чѣмъ нибудь вознаградить себя за то, что ея солдатъ побили туземцы, предводительствуемые американскимъ гражданиномъ, и за то, что она принуждена была признать незаконными поступки на островѣ своего консула, и даже за то, что у береговъ острова она потеряла во время урагана три военныхъ корабля, сотню моряковъ и нѣсколько милліоновъ марокъ. Въ Африкѣ канцлеръ долженъ былъ также уничтожить привилегіи торговой африканской компаніи, до того эксплуатировавшей туземцевъ, что они поднялись противъ своихъ притѣснителей и начали истреблять ихъ. Но такая неудача первыхъ попытокъ не помѣшала колонизаціи и послужила только къ тому, что, вмѣсто частныхъ компаній, дѣло это взяло въ руки само правительство и отправило въ занятыя нѣмецкими поселенцами мѣстности, на восточномъ берегу Африки, капитана Висмана со значительными средствами. Капитанъ поднялъ уже вмѣсто комерческаго флага—національный германскій.

Но пусть бы Пруссія занималась покореніемъ разныхъ Камеруновъ—это бы еще куда ни шло. Дѣло въ томъ, что ея милитаризмъ ложится тяжелымъ гнетомъ не только на ея подданныхъ, но и на всю Европу. Особенно ощутительно не для однихъ военныхъ, но и для всѣхъ нѣмцевъ, чрезмѣрное усиленіе фрунтовой формалистики и шагистики, ослабѣвшее было въ послѣдніе годы царствованія Вильгельма I. Послѣ похода во Францію, перестали хвастать чистотою равненія въ рядахъ и по шеренгамъ, безукоризненностью вахтпарада, хотя на ученьяхъ, на ровномъ плацу, заставляли солдатъ воображать, что они идутъ на гору, и показывали, какъ при этомъ слѣдуетъ поднимать ноги и сгибать колѣни, на основаніи научной теоріи поручика Пирха, написавшаго книгу «о лучшемъ способѣ равненія батальона», которую заставляли молодыхъ офицеровъ учить наизустъ. Теперь на ученьяхъ по прежнему, все вниманіе сосредоточено на мелочахъ: солдата учатъ, какъ онъ долженъ ходить; въ военной литературѣ на десяткахъ печатныхъ листовъ препираются о томъ, какой лучшій размѣръ шага: шириною ли въ 0,75 метра, или въ 0,8 метра? Въ офиціальной газетѣ «Militair-Wochenblatt» идетъ нескончаемая полемика по вопросу: «Gleichschritt oder ohne Tritt», то есть идти ли въ походѣ и на маневрахъ безъ соблюденія движенія въ ногу, или идти въ ногу, но безъ отбиванія темпа. Какъ все это напоминаетъ николаевскую эпоху, когда у нашихъ солдатъ, выступавшихъ на парадахъ «шагомъ журавлинымъ—носки говорили». Но у насъ эта акробатическая шагистика давно уже осталась только въ преданіяхъ, а введеніе ея и теперь въ строевую службу прусской арміи доказываетъ, какъ узокъ умственный горизонтъ офицеровъ пререкающихся о Schritt'ѣ и Tritt'ѣ, и какъ вздорная мелочь вытѣсняетъ живое отношеніе къ дѣлу.

Digitized by Google

Къ неудачамъ бисмарковской политики относится и возникшее столкновеніе со Швейцаріей, по поводу ареста въ Ааргау мюльгаузенскаго инспектора полиціи, Вольгемута. Этотъ прусскій чиновникъ явился въ чужомъ государствѣ прямымъ агентомъ-подстрекателемъ (agent-provocateur) между анархистами, проживающими въ республикѣ. Ихъ тамъ немало, и каждая страна имѣетъ, конечно, право содержать своихъ агентовъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями враговъ общественнаго порядка и предупреждать, сколько возможно, ихъ замыслы и покушенія. По прусскіе агенты отличаются, въ этомъ отношеніи, усердіемъ, все превозмогающимъ. Уже и прежде не разъ возникали противъ нихъ обвиненія въ томъ, что они не только открываютъ, но и сочиняютъ заговоры противъ безопасности сосѣднихъ странъ, и Вольгемутъ былъ арестованъ именно по обвиненію въ томъ, что онъ подстрекалъ анархистовъ составлять заговоры и производить возстанія. Обличенный въ этомъ какимъ-то Лютцемъ, Вольгемутъ былъ взятъ швейцарскими властями, потомъ выпущенъ на свободу и высланъ. Бисмарковскія рептиліи подняли крикъ, что этимъ арестомъ нанесено оскорбленіе Германіи и противъ Швейцаріи слѣдуетъ принять репрессивныя мѣры. Нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что Вольгемуту была устроена ловушка и его нарочно заманили въ республику. Кто и для чего? Чтобы лишить агента-подстрекателя его честнаго, безупречнаго имени?!.. Въ дѣлахъ тайной полиціи, конечно, все дѣлается тайно, и правды не узнаешь никогда, но что Вольгемутъ дѣйствовалъ нечисто—доказывается тѣмъ, что изъ Берлина, куда его потребовали для объясненій, пишутъ, что онъ «дѣйствовалъ безъ вѣдома правительства и превысилъ свои инструкціи», — отвѣтъ стереотипный, еще недавно повторившійся въ дѣлѣ консула острова Самоа и въ безпорядкахъ, произведенныхъ нѣмецкими властями на восточномъ берегу Африки. Инцидентъ Вольгемута возмутилъ и французскую журналистику, и Жюльета Адамъ, въ послѣдней книжкѣ «Nouvelle Revue», прямо обвиняетъ прусскую политику въ томъ, что она возбуждаетъ швейцарскихъ анархистовъ составлять заговоры, и даже называетъ имена мелкихъ агентовъ полиціи, занимающихся подстрекательствомъ, напр., Шмидта, Гаудта, Шредера, Фридмана, Кауфмана, получающихъ странныя инструкціи отъ берлинскаго полицейскаго совѣтника Крюгера и его помощника Кютера. Возбуждать страхи и опасенія — конечно, очень выгодно для Пруссіи.

Одинъ изъ европейскихъ правителей волею судьбы поставленъ въ довольно странное положеніе—въ невозможность править своимъ народомъ. Это герцогъ Адольфъ Нассаускій, сдѣлавшійся, вслѣдствіе родства съ Оранскимъ домомъ, регентомъ Люксембургскаго великаго герцогства. Онъ только что вступилъ въ столицу этого герцогства, занимающаго 2,587 квадратныхъ верстъ съ населеніемъ въ 213,283 жителя, и, въ

Digitized by Google

присутствіи своей арміи, состоящей изъ 135-ти жандармовъ и 170-ти волонтеровъ съ восемью офицерами, принесъ присягу на французскомъ языкѣ въ томъ, что будетъ охранять права и автономію своей страны. Досталась она герцогу Адольфу на основаніи лондонскаго трактата 1867 года, которымъ пять державъ: Франція, Австрія, Пруссія, Англія и Россія подтверждали нейтралитетъ Люксембурга и его присоединеніе къ Нидерландскому королевству, подъ управленіемъ короля Вильгельма III. Но у короля умерли съ тѣхъ поръ оба его сына и наслѣдницею престола осталась малолѣтняя дочь, а по салическому закону женщина не можетъ править герцогствомъ, и оно должно перейти къ ближайшему родственнику короля по мужской линіи. Такимъ и оказался герцогъ Адольфъ, свергнутый Пруссіей въ 1866 году съ престола и потерявшій свое Нассауское герцогство за то, что принялъ сторону Австріи въ ея войнѣ съ Пруссіей. Но съ тѣхъ поръ прошло немало времени: герцогъ успѣлъ примириться и съ своей судьбой, и съ Бисмаркомъ, который дозволилъ ему вступить въ управленіе герцогствомъ Люксембургскимъ, когда продолжительная болѣзнь голландскаго короля сдѣлала необходимымъ учрежденіе регентства. Понятно, что оно стало бы дѣйствовать въ прусскомъ духѣ, хотя люксембургцы, какъ эльзасцы, не любятъ нѣмцевъ, не смотря на то, что, кромѣ 3-хъ—4-хъ тысячъ, всѣ говорятъ по нѣмецки. Да и эта небольшая часть французовъ живетъ преимущественно въ столицѣ герцогства съ ея 18-тысячнымъ населеніемъ. Она-то и требовала, чтобы регентъ принялъ, по обычаю, присягу по французски. Адольфъ сдѣлалъ имъ эту уступку, но управляютъ страною все таки нѣмцы: вся торговля въ ихъ рукахъ и всѣ желѣзныя дороги принадлежатъ прусской компаніи. Но герцогу Адольфу не пришлось показать свое искусство, какъ правителю: король Вильгельмъ III взялъ да и выздоровѣлъ—и регентство оказывается ненужнымъ; съ нимъ, очевидно, поторопились, и регентъ, получившій отъ голландскаго короля приглашеніе удалиться—долженъ былъ отказаться отъ удовольствія, если не управлять страною, то, по крайней мѣрѣ, поцарствовать. Пришлось вернуться обратно туда, откуда пріѣхалъ.

Сербія съ такимъ нетерпѣніемъ ждала возвращенія своей королевы, что экс-король Миланъ поспѣшилъ сообщить регентамъ, чтобы они увѣдомили его экс-подданныхъ о скоромъ возвращеніи въ Бѣлградъ его бывшаго величества. Этотъ господинъ положительно не хочетъ успокоиться и дать хоть сколько нибудь отдохнуть бѣдной Сербіи отъ достославнаго царствованія ея дорогаго монарха. Что онъ не считаетъ еще свою роль оконченною, доказываетъ его постоянное вмѣшательство въ дѣла страны, превращенной имъ въ австрійскую провинцію. Въ газетахъ встрѣчаются юмористическіе разсказы объ его офенбаховскихъ похожденіяхъ во время путешествія на Востокъ, гдѣ онъ раздавалъ ордена

Digitized by Google

Такова чуть ли не нищимъ, просившимъ у него бакшиша. Говорятъ, что въ Константинополѣ онъ долго уговаривалъ султана вступить въ «лигу мира» и отдать проливы въ руки англичанъ, а турецкую армію— подъ команду прусскихъ офицеровъ. Въ то же время Миланъ обдѣлывалъ и свои частныя дѣла и хлопоталъ у греческаго патріарха Діонисія, чтобы тотъ далъ ему разрѣшеніе повѣнчаться съ Артемизіею Христичъ. Живущій въ Стамбулѣ папенька этой особы, совершенно загипнотизировавшей экс-короля, далъ согласіе на бракъ своей дочери. О согласіи мужа Артемизіи незачѣмъ было и спрашивать. Прежде Бѣлграда, Миланъ хочетъ, впрочемъ, побывать на парижской выставкѣ, гдѣ, конечно, на него будутъ больше смотрѣть, чѣмъ на многія выставленныя рѣдкости.

Въ Румыніи король Карлъ продолжаетъ вести войну противъ своего народа и своего министерства, которое онъ принужденъ былъ назначить только потому, что общественное мнѣніе требовало смѣны кабинета Карпа-Розетти, дѣйствовавшаго открыто въ австрійскомъ духѣ. Но что́ же можетъ сдѣлать новое министерство, имѣя противъ себя большинство палаты, составленной изъ сторонниковъ короля, согласившагося утвердить въ званіи премьера Лазаря Катарджи только изъ боязни, что сопротивленіе этому назначенію отзовется на интересахъ трона и династіи. Съ первыхъ же шаговъ новаго кабинета, нѣмецкая партія въ палатѣ и бывшіе министры начали обвинять Катарджи въ томъ, что его система нейтралитета невозможна и что, въ случаѣ столкновенія между великими державами, сосѣдями Румыніи, ей необходимо принять ту или другую сторону. Напрасно Катарджи доказывалъ примѣромъ, что, примкнувъ къ одной изъ воюющихъ сторонъ, Румынія потеряла цѣлую провинцію (о томъ, что эта провинція была уступлена Турціи по несчастному парижскому миру и что за нее Румынія получила Добруджу, министръ не счелъ нужнымъ упомянуть). Палата утвердила кредитъ на возведеніе въ странѣ укрѣпленій, направленныхъ противъ Россіи, хотя и между депутатами нашлись лица, высказавшія бывшимъ министрамъ Карпу и Розетти горькія истины. Депутатъ Чаурославъ сказалъ прямо: «эти министры не совѣтники, а простые слуги короны, и притомъ слуги ея слабости. Еслибъ я былъ совѣтникомъ трона, я посовѣтовалъ бы его величеству возвратить 12 имѣній, захваченныхъ имъ и принадлежащихъ румынскому народу. Это было бы актомъ справедливости и укрѣпило бы династію. Антидинасты не мы, а вы, держащіе короля въ полномъ невѣдѣніи относительно громаднаго зла для его династіи, заключающагося въ захватѣ этихъ имѣній. Не думайте, чтобы страна когда нибудь забыла этотъ захватъ; я высказываю вамъ это прямо въ лицо, какъ могу высказать и королю. Я совѣтую, но не прислуживаюсь, какъ вы, въ ущербъ интересамъ и достоинству страны». Катарджи

Digitized by Google

подтвердилъ обвиненія противъ Карпа и Розетти въ измѣнѣ интересамъ Румыніи, сказавъ, что эти министры и одного дня не могли бы оставаться въ палатѣ, еслибы онъ захотѣлъ обнаружить, какой тайный договоръ заключили они. Независимыя газеты говорятъ прямо, что Карлъ со своими прислужниками-министрами подписалъ договоръ о присоединеніи Румыніи къ «лигѣ мира». И къ какой отвратительной выдумкѣ прибѣгли руссофобы, чтобы удержать власть въ рукахъ нѣмецкой партіи. Когда на десятый день министерскаго кризиса оказалось, что невозможна никакая другая комбинація, кромѣ кабинета Катарджи, по Бухаресту вдругъ разнеслась вѣсть о взрывѣ императорскаго дворца въ Петербургѣ. Отъ дворца, гдѣ король совѣщался съ Катарджи и куда понеслись уже экипажи Братіано, Карпа, Розетти, испуганная толпа бросилась къ дому русскаго посланника, и г. Хитрово успокоилъ ее, сказавъ, что это «безсовѣстная и омерзительная ложь; преступная по своимъ цѣлямъ и по своей дерзости интрига извѣстной румынской партіи». Извѣстіе, какъ говорятъ, сообщено было изъ Вѣны въ румынскій банкъ Ивану Братіано, тотчасъ же переславшему телеграмму королю съ увѣреніемъ, что Россіи теперь бояться нечего. Австрійцы или румынскіе нѣмцы изобрѣтаютъ такія «легальныя» средства для борьбы съ враждебной имъ партіей?—это безразлично, но не опровергни ихъ такъ категорично нашъ посланникъ, и во главѣ кабинета остались бы опять эти Карпы. Нечего и говорить, что въ Австріи новый румынскій кабинетъ встрѣченъ враждебно, а германскій канцлеръ, не желая прямо выказать своего неудовольствія, приказалъ въ «Kölnische Zeitung» отозваться о кабинетѣ Катарджи въ самыхъ рѣзкихъ, даже неприличныхъ выраженіяхъ, а въ «Norddeutsche Zeitung» заявилъ, что у Германіи въ Румыніи также мало интересовъ, какъ и въ Болгаріи. Двойная игра—не новость для Бисмарка.

Консервативное министерство Салисбюри представило парламенту, въ видѣ подарка къ пасхѣ, бюджетъ съ дефицитомъ почти на два милліона фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 19-ти милліоновъ рублей. Чтобы покрыть этотъ дефицитъ, возвышенъ на одинъ процентъ налогъ съ крупныхъ наслѣдствъ и акцизъ на пиво. Послѣдняя мѣра встрѣчена съ особеннымъ неудовольствіемъ, такъ какъ увеличиваетъ цѣну любимаго народнаго напитка. И этотъ крупный недочетъ во внутренней политикѣ не покрывается никакими успѣхами политики внѣшней. Въ Индіи все тѣ же тревожныя опасенія за захватъ русскими Герата заставили англичанъ вести желѣзную дорогу отъ сѣверо-западной границы къ Кандагару, отъ котораго дорога отстоитъ теперь не болѣе какъ на сто верстъ, но далѣе вести ее Абдурахманъ не позволяетъ, не смотря на всѣ полученныя имъ субсидіи. Для дѣйствій на границѣ выставлена—по крайней мѣрѣ, на бумагѣ—армія въ 70,000, изъ которыхъ половина—англійскія вой-

Digitized by Google

ска, но сами же англичане сознаются, что этихъ войскъ не достанетъ, въ случаѣ, если въ тылу ихъ поднимутся вассальныя племена. Въ колоніальной политикѣ Англіи, въ послѣднее время, терпитъ однѣ неудачи. Въ Ирландіи дѣла не улучшаются и Салисбюри въ послѣдней рѣчи уже прямо сознается, что дать автономію острову опасно потому, что, въ случаѣ войны Англіи съ другими державами, онъ непремѣнно примкнетъ къ ея врагамъ. Процессъ газеты «Times» противъ Парнеля подорвалъ уваженіе къ правительству, которое поддерживало газету, оклеветавшую вождя народной ирландской партіи, и теперь страна, при частныхъ выборахъ въ палату общинъ, посылаетъ туда парнелистовъ. Парнель, возбудившій, въ свою очередь, искъ противъ «Times'a» за клевету, требуетъ съ газеты 100,000 фунт. стерлинговъ, т. е. до милліона рублей. Сумма за безчестье взыскивается не маленькая, но надо припомнить, какихъ чудовищныхъ суммъ стоитъ вести процессъ въ Англіи. На расходы по парламентскому слѣдствію, доказавшему подложность писемъ, выдаваемыхъ редакціей газеты за письма Парнеля, ирландская національная партія собрала по подпискѣ 70,000 фунт. ст., да на другія судебныя издержки истрачено было 20,000 фунт. Стало быть, Парнель не требуетъ ничего лишняго съ газеты, которая потратила уже на собираніе уликъ и свидѣтелей противъ Парнеля почти такую же сумму. И еще газетѣ помогало правительство, предоставляя въ ея распоряженіе своихъ агентовъ. Адвокатъ Парнеля, Россель, говорившій въ защиту его рѣчь, продолжавшуюся въ слѣдственной парламентской комиссіи ровно недѣлю (за что онъ получалъ по тысячи фунт. стерл. въ день) перенесъ дѣло въ обыкновенный судъ, доказывая также, что подложность писемъ, приписанныхъ Парнелю, была извѣстна редакціи «Times» и что редакція эта дѣйствовала по соглашенію съ министерствомъ Салисбюри. Россель видитъ въ этомъ процессѣ—политическую интригу, направленную противъ Гладстона и либеральной партіи, поддерживавшей Парнелля. Ирландскій журналистъ Пиготтъ, продавшій редакціи составленныя имъ письма отъ имени Парнеля и умершій внезапно такою загадочною смертью, сознавшись въ поддѣлкѣ писемъ, говорилъ, что въ этомъ дѣлѣ скрывается «государственная тайна». Ни этотъ пройдоха, ни другой доносчикъ Коффи, оказавшійся на слѣдствіи явнымъ мошенникомъ, не могли внушить много довѣрія такой редакціи, какъ «Times», и трудно допустить, чтобы большія деньги, истраченныя газетою на этихъ негодяевъ, были, какъ говорится, брошены на вѣтеръ, безъ надежды на возмѣщеніе. А возмѣстить ихъ могло только одно правительство, для котораго было выгодно скомпрометировать не только Парнеля, но вмѣстѣ съ нимъ и Гладстона.

Въ Испаніи, Португаліи, Бельгіи и Австріи открылись съѣзды, или конгрессы католическихъ епископовъ, для рѣшенія будто бы церковныхъ

Digitized by Google

вопросовъ, а на самомъ дѣлѣ для составленія петицій и резолюцій о возстановленіи свѣтской власти папы. Неизвѣстно почему, Льву XIII, вздумалось снова поднять въ настоящее время этотъ вопросъ, навсегда уже рѣшенный европейскою дипломатіею и похороненный, какъ послѣдній остатокъ средневѣковыхъ традицій. Испанскіе прелаты, какъ дѣти практическаго вѣка, помимо фикціи о необходимости имѣть между монархами Европы и самодержавнаго монаха, утверждаютъ, что настоящее положеніе бѣднаго «ватиканскаго узника» до того невыносимо, что ему почти ѣсть нечего. Но, не говоря уже о громадныхъ доходахъ, приносимыхъ лептою св. Петра, узникъ, имѣющій возможность содержать вокругъ себя такой многочисленный дворъ, какой показанъ въ ватиканскомъ календарѣ на нынѣшній годъ,—врядъ ли можетъ пожаловаться на скудость своихъ средствъ. Вотъ этотъ штатъ духовнаго главы католицизма: 20 майордомовъ, 190 домашнихъ прелатовъ, 170 тайныхъ камердинеровъ, 6 личныхъ камердинеровъ, 30 офицеровъ, 60 тѣлохранителей (папская гвардія), 200 почетныхъ камергеровъ, 14 офицеровъ палатинской гвардіи, 7 тайныхъ капеллановъ и 7 почетныхъ, 20 тайныхъ клерковъ, 10 италіейстеровъ, 50 приставовъ, всего—1,600 особъ, помимо священной коллегіи и кардиналовъ. Сколько бы еще потребовалось ему придворныхъ чиновъ, еслибы онъ обладалъ и свѣтской властью. Въ тюрьмѣ узника, т. е. въ Ватиканѣ, 11,500 комнатъ, наполненныхъ цѣнными и художественными сокровищами. Больше папы издерживаетъ развѣ только одинъ султанъ. Въ прошломъ году, его содержаніе и столъ обошлись въ 25 мильоновъ франковъ, его личныя прихоти въ 65 мильоновъ, наряды, украшенія и косметики гарема—50 мильоновъ, убранство комнатъ, мебель—15 мильоновъ, подарки и награды—20 мильоновъ, гардеробъ—10 мильоновъ, золотая и серебряная посуда—12½ мильоновъ, лошади и 474 кареты—2½ мильона, — всего почти 200 мильоновъ—и эта сумма еще приблизительная и, конечно, ниже дѣйствительной.

Въ Абиссиніи, куда насъ такъ усердно толкали наши глубокомысленные политики и шовинисты, совершился одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, какихъ всегда можно ожидать въ полудикихъ странахъ, недоступныхъ европейской цивилизаціи: негусъ Иванъ былъ убитъ, въ сраженіи съ махдистами, или дервишами. Онъ царствовалъ болѣе двадцати лѣтъ, что большая рѣдкость, и не отличался ни жестокостью, ни самодурствомъ, свойственными деспотамъ - дикарямъ, хотя таинственная смерть въ 1884 году его единственнаго сына и наслѣдника осталась неразъясненною. Негусъ оставилъ престолъ своему племяннику, но соперниками его являются Дебебъ, двоюродный братъ покойнаго, и Менеликъ, король Шоа, большой, почти независимой южной области Абиссиніи, повидимому другъ итальянцевъ, хотя и измѣнявшій имъ нѣсколько разъ. Пока эти

Digitized by Google

три претендента будутъ рѣзаться между собою за обладаніе верховной властью, итальянскому премьеру очень хотѣлось бы, пользуясь удобнымъ случаемъ, отхватить отъ Абиссиніи двѣ-три провинціи. Это было бы нетрудно, и Криспи дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, ведя переговоры и съ Менеликомъ, и съ Дебебомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныя завоеванія и присоединенія не дѣлаются безъ денегъ, а Италія и безъ того изнемогаетъ подъ бременемъ непосильныхъ государственныхъ расходовъ, палата же не даетъ ни гроша на пріобрѣтеніе земель, которыя легко захватить, но трудно удержать за собою. А тутъ еще въ восточной части Африки готовятся событія, исходъ которыхъ трудно предвидѣть: махдисты, разбившіе негуса, въ свою очередь разбиты шейхомъ Сенусси, отнявшимъ у нихъ даже Хартумъ. Надо ждать дальнѣйшихъ сообщеній.

Наша внутренняя война съ нѣмцами, на которой мы сочли необходимымъ остановиться въ прошлой книгѣ «Наблюдателя», нѣсколько успокоилась послѣ мѣръ, принятыхъ для обузданія слишкомъ расходившихся бисмаркистовъ. «Ревельская Газета» сообщила, что адвокатъ Иванъ Бюнгнеръ, редакторъ «Рижской Газеты» Витчевскій и купецъ Доссъ, вслѣдствіе совершеннаго ими нападенія на редактора «Двинской Газеты», высланы административнымъ порядкомъ изъ Риги—первые двое на два года въ Новгородъ, а послѣдній—на три года въ Вятку. Хотя выбранный пунктомъ ссылки Новгородъ не кажется даже и «не столь отдаленнымъ мѣстомъ» отъ Риги, но общественное мнѣніе осталось довольно и этою мѣрою. Потомъ явилось официальное извѣстіе, что, по докладу министра юстиціи, секретарь рижскаго магистрата Матвѣй Доссъ, братъ купца, уволенъ отъ службы съ воспрещеніемъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, опредѣлятся въ общественныя должности. Въ то же время редакторъ нѣмецкой «Рижской Газеты», Александръ Бухгольцъ, бѣжалъ въ Берлинъ, оставивъ своихъ подписчиковъ безъ газеты и, конечно, безъ подписныхъ денегъ. Все это весьма пріятныя извѣстія, но мы напрасно ждали развязки другаго весьма непріятнаго факта, сообщеннаго два мѣсяца тому назадъ «Новымъ Временемъ». Вотъ что сообщила эта газета отъ 5 марта (приводимъ это извѣстіе въ сокращеніи). «Лѣтомъ 1887 года, близъ села Новопокровскаго, Воронежской губерніи, въ одномъ частномъ домѣ, въ числѣ гостей встрѣтились генералъ-майоръ Эдуардъ Ѳедоровичъ Ганъ,—начальникъ 4-й бригады кавалерійскаго запаса и онъ же предсѣдатель строительной комиссіи въ Лисковѣ,—и дѣлопроизводитель той же комиссіи, подполковникъ ольвіопольскаго драгунскаго полка Тодоровъ. Подполковникъ въ частной бесѣдѣ высказалъ довольно рѣзко, что недоволенъ княземъ Бисмаркомъ. Генералъ, не найдя въ защиту своего канцлера «штатскихъ» аргументовъ и немножко запамятовавъ, что Воронежская губернія не входитъ въ германскій союзъ, во всеуслышаніе заявилъ:—

Digitized by Google

«Какъ вы смѣете говорить мнѣ дерзости? Вы знаете, что я—нѣмецъ!»— Заявивъ такимъ образомъ свою національность, генералъ Ганъ, однако, отъ командованія русской бригадой не отказался, русское жалованье получалъ и не только строилъ казарму для русскаго воинства, но и себѣ, нѣмцу, соорудилъ трудами подрядчика Соколова еще домъ изъ матеріала, взятаго заимообразно у комиссіи, предсѣдателемъ которой онъ самъ же и состоитъ. Тодоровъ велъ частный счетъ этому матерьялу, взятому генераломъ, и когда тотъ потребовалъ предъявленія ему этого счета, подполковникъ представилъ его въ контроль, лично отъ себя. Это было неповиновеніе начальнику и отсюда возникло дѣло, разбиравшееся въ московскомъ военно-окружномъ судѣ, 27 и 28 февраля нынѣшняго года. Результата дѣла мы еще не знаемъ, но Ганъ и на судѣ подтвердилъ, что приказалъ замолчать Тодорову, когда тотъ въ частномъ домѣ ругалъ Бисмарка. Въ нѣмецкой арміи есть офицеры французскаго происхожденія. Осмѣлится ли кто нибудь изъ нихъ сказать: «я французъ!» да еще въ обществѣ офицеровъ. Почему же у насъ это возможно? Неужели люди съ нѣмецкими именами не русскіе люди, а нѣмцы? Неужели этимъ людямъ стыдно считать себя русскими?.. Командиръ кавалерійской русской бригады говоритъ: я нѣмецъ!—Изумительно!..» Вѣроятно, въ убѣжденіи, что такихъ нѣмцевъ немало въ Россіи,—изъ Пруссіи сносятся съ ними даже офиціально. «Виленскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что одно изъ виленскихъ присутственныхъ мѣстъ получило изъ Берлина воззваніе учрежденнаго съ одобренія верховной власти «комитета для сбора пожертвованій на изданіе для арміи біографіи Вильгельма I». Въ этомъ весьма чувствительно написанномъ воззваніи добрые нѣмецкіе патріоты приглашаются къ пожертвованіямъ на патріотическое дѣло. «Виленскій Вѣстникъ» находитъ «нахальной» разсылку такихъ воззваній въ русскія присутственныя мѣста, не имѣющія ничего общаго съ германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. «Мы не знаемъ,—говоритъ наша газета:—получали ли подобныя воззванія и другія присутственныя мѣста въ Россіи, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предполагать, что удостоенное такой чести виленское учрежденіе—не единственное въ Россіи. Впрочемъ, можетъ быть, нѣмецкая фамилія начальника виленскаго учрежденія ввела въ заблужденіе берлинскій комитетъ», особенно—прибавимъ мы—если онъ зналъ, какъ откровенно и энергично генералы Ганы сознаются у насъ, что они—не русскіе люди.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томы LX и LXII. 1888.

Наше «историческое общество» оказало такія важныя услуги наукѣ и русской публикѣ, пріобрѣло такое прочное, почетное положеніе среди не только отечественныхъ, но и европейскихъ ученыхъ обществъ, что хвалебные отзывы о каждомъ новомъ томѣ его «Сборника» дѣлаются совершенно излишними. Но, въ числѣ послѣднихъ томовъ этого полезнаго изданія, два въ особенности останавливаютъ вниманіе каждаго русскаго человѣка: въ нихъ находится «азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, имѣющихъ быть помѣщенными въ біографическій словарь, издаваемый историческимъ обществомъ». Въ такомъ словарѣ давно нуждается наша наука и литература. Общество имѣетъ полную возможность осуществить этотъ громадный, но совершенно необходимый трудъ, который оно беретъ, повидимому, совершить своими собственными силами, такъ какъ, обращаясь къ сочувствію и содѣйствію русскихъ людей, любящихъ Россію и ея исторію, проситъ не о доставленіи біографій, а только объ указаніи недосмотровъ и ошибокъ въ алфавитномъ спискѣ и «сообщеніи свѣдѣній, долженствующихъ облегчить написаніе біографій, имѣющихъ войти въ словарь». Вѣроятно, потому, что общество хочетъ само составить всѣ біографіи, оно и не публиковало ни программы задуманнаго имъ изданія, ни его объема, ни времени и порядка появленія въ свѣтъ томовъ или выпусковъ. Не смотря, однако, на то, что въ средѣ общества находятся силы, вполнѣ способныя принять на себя этотъ трудъ, мы не думаемъ, чтобы онъ могъ быть исполненъ безъ посторонней помощи. Къ ней пришлось прибѣгнуть обществу уже на первыхъ шагахъ къ осуществленію своего предпріятія, поручивъ особому спеціалисту составленіе азбучнаго указателя именъ. Работа по словарю требуетъ, дѣйствительно, особаго навыка, который едва ли имѣютъ ученые члены общества, занятые каждый своей спеціальною частью. Лексикографовъ, руководившихъ изданіемъ нашихъ немногочисленныхъ словарей, у насъ такъ немного, что ихъ можно всѣхъ перечесть по пальцамъ, а знакомство съ техническою стороною дѣла здѣсь необходимѣе, чѣмъ гдѣ либо. Для біографіи важнѣе всего найти достовѣрные источники, на основаніи которыхъ она должна

Digitized by Google

быть составлена, поэтому литература предмета, библіографія, играетъ здѣсь первенствующую роль. Весьма важенъ также вопросъ, сколько мѣста отвести въ словарѣ каждому дѣятелю; безъ заранѣе утвержденнаго плана и строго опредѣленнаго объема каждой біографіи, изданіе рискуетъ уподобиться словарю русскихъ писателей г. Венгерова, имѣющему выходить въ теченіе 72-хъ лѣтъ и кончиться на семисотомъ выпускѣ. Азбучный списокъ русскихъ дѣятелей состоитъ изъ 52,600 именъ. Въ тысячу лѣтъ существованія Россіи, это, пожалуй, и немного: по 52 человѣка въ годъ. Но изъ нихъ слѣдуетъ исключить никакъ не меньше половины лицъ, внесенныхъ въ списокъ, гдѣ помѣщены всѣ архимандриты, игумены, генералы, крупные чиновники, мелкіе актеры, купцы, фабриканты, писатели, оставившіе два-три давно забытыхъ сочиненія. Все это личности, которыя едва ли заслуживаютъ найти мѣсто въ словарѣ выдающихся дѣятелей на поприщахъ «государственной и народной жизни». Этими поприщами почтенный секретарь общества ограничиваетъ ихъ право на біографію. Но что сдѣлало для народа или государства это множество купцовъ, актеровъ, воеводъ, дьяковъ, губернаторовъ, докторовъ, которыхъ называетъ азбучный указатель? Чиновники трудились для своего вѣдомства, игумны для церкви; ихъ никто не зналъ при жизни, для чего же извлекать ихъ изъ забвенія по смерти? Словарь—не синодикъ, въ который вписывается на вѣчное поминанье всякій, кто внесетъ свой вкладъ,—и не некрополь, воздвигаемый неутѣшными родственниками своимъ ближнимъ. Ни наука, ни литература, ни общество не признаютъ многихъ изъ потрудившихся для нихъ дѣятелей; тѣмъ болѣе не должна ихъ признавать исторія. Въ азбучный указатель внесены только умершіе,—эта мѣра ограничитъ, конечно, притязанія живыхъ самолюбій; но для чего оставлять потомству имена тѣхъ, кто, никому неизвѣстный при жизни, сдѣлался извѣстенъ только своею смертью? Можно было бы, согласно съ желаніемъ редакціи «Сборника», указать на пропуски и ошибки въ азбучномъ спискѣ, но составитель его самъ внесъ уже болѣе 2,440 поправокъ, дополненій и прибавленій въ свой трудъ. Это доказываетъ только, что недосмотры и промахи неизбѣжны въ такой огромной работѣ, какъ будутъ они неизбѣжны и въ самомъ словарѣ. Но мы все таки убѣждены, что наше «историческое общество» съ честью совершитъ этотъ трудъ, если только не ограничится участіемъ въ немъ однихъ своихъ членовъ, а призоветъ компетентныхъ лицъ и наличныя силы русской интеллигенціи для составленія книги, долженствующей сдѣлаться памятникомъ нашей эпохи и русской цивилизаціи.

Г. П. Сазоновъ. **Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой.** Спб. 1889.

Аграрный вопросъ представляетъ едва ли не главнѣйшую задачу нашего времени, отъ удачнаго рѣшенія которой зависитъ благосостояніе

Digitized by Google

милліоновъ лицъ и прочность нашего общественнаго устройства. Безземельный фабричный или сельскій пролетарій, — такіе факторы всѣхъ соціальныхъ движеній, съ которыми необходимо придется считаться въ ближайшемъ будущемъ. Въ западной Европѣ, гдѣ городская и промышленная жизнь развилась въ ущербъ деревенской, сильно озабочены изслѣдованіемъ рабочаго вопроса, но въ сѣверной Америкѣ Генри Джорджъ давно уже проповѣдуетъ о необходимости измѣненія земельныхъ отношеній, и его теорія «націонализаціи земли» пріобрѣтаетъ все болѣе приверженцевъ на обоихъ берегахъ Атлантическаго океана. У насъ также уже нѣсколько времени идутъ въ разныхъ слояхъ общества горячіе толки объ одномъ изъ видовъ аграрнаго вопроса — неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Читатели «Наблюдателя» знакомы отчасти съ этимъ вопросомъ, по статьямъ молодаго политико-экономиста Г. П. Сазонова, развивавшаго свои идеи и на страницахъ другихъ журналовъ, и въ засѣданіяхъ нашихъ ученыхъ обществъ. Одна изъ его послѣднихъ статей, помѣщенная въ нашемъ журналѣ, вошла въ составъ выпущеннаго нынѣ труда («Значеніе аренды крестьянскихъ земель въ вопросѣ объ ихъ неотчуждаемости»), какъ дополненіе къ нему, но главныя мысли автора являются впервые въ его книгѣ въ стройномъ и систематическомъ изложеніи, не представляющемъ, конечно, всесторонняго изслѣдованія вопроса, но достаточно полномъ, чтобы судить о его важности и значеніи. За неотчуждаемость земли высказались у насъ и научные авторитеты, какъ Кавелинъ, Бунге и др., и писатели, а въ то же время общественные дѣятели, какъ Е. Л. Марковъ, и органы общественнаго мнѣнія, не смотря на различіе ихъ направленій, и многія земства, и, наконецъ, «гласъ народа», возстающій противъ «безбожнаго явленія — торговли землей». Противъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель возстаютъ только фарисеи, толкующіе о «священныхъ правахъ собственности». Но въ наше время убѣждаютъ не громкія избитыя фразы, а логическіе доводы, и г. Сазоновъ отстаиваетъ свои положенія такими неопровержимыми фактами,—хотя мѣстами и съ излишнимъ увлеченіемъ,—что невольно становишься на его сторону.

Онъ начинаетъ съ историческаго очерка аграрнаго законодательства, доказываетъ повсемѣстное господство принципа неотчуждаемости, и переходитъ къ новому началу выкупа земель, создающему, по положенію 19-го февраля 1861 года, полное право собственности на нихъ. Потомъ онъ разсматриваетъ результаты новаго законодательства: разрушеніе крестьянскаго землевладѣнія и обезземеленіе крестьянства—быстрое въ настоящее время и угрожающее еще бо́льшими бѣдствіями въ будущемъ. Разсмотрѣвъ невыдержанность, двойственность положеній 19-го февраля, послѣдствія, созданныя новымъ теченіемъ законодательства и землевладѣніемъ кулаковъ, авторъ, въ VIII главѣ, изслѣдуетъ вопросъ, гдѣ искать

Digitized by Google

выхода изъ даннаго положенія, дѣлаетъ оцѣнку общины и прямаго обезпеченія крестьянина землею, говоритъ объ опасности безземельнаго пролетаріата, а въ IX главѣ—о непрочности государства при необезпеченности народа, о необходимости стать на національно-историческій путь. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ излагается государственно-экономическая программа, мѣры для упроченія общины, для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, для устройства и упорядоченія труда. Послѣдняя глава посвящена изслѣдованію положенія мелкаго землевладѣнія въ Европѣ. Общіе выводы представлены авторомъ въ заключеніи. Они состоятъ въ томъ, что Россія можетъ произвести необходимую, настоятельную экономическую реформу. Надо только избавиться «отъ нашихъ ростовщиковъ: Австріи, Англіи и, въ особенности, дружественной намъ Германіи, на которыхъ мы должны работать, отдавая имъ все, а сами вѣчно оставаясь въ черномъ тѣлѣ. Эти Шейлоки дерутъ съ насъ двѣ шкуры, нагло увѣряя, что курсъ падаетъ потому, что нѣтъ увѣренности въ нашемъ могуществѣ политическомъ, благодаря внутреннему экономическому упадку. Послалъ Богъ намъ два хорошихъ урожая, но все это пошло, какъ дань ростовщику, за безцѣнокъ, населеніе же останется безъ хлѣба. А что будетъ, если за двумя урожаями послѣдуютъ два-три обычные неурожая? И развѣ голодный народъ не представляетъ величайшую соціальную, государственную опасность?» Такимъ горячимъ языкомъ написана почти вся книга г. Сазонова—и это мѣстами вредитъ ясной, логичной аргументаціи автора. Но книга разбираетъ такой важный вопросъ, въ ней сгруппированы такіе серьезные факты и данныя, что ознакомиться съ нею необходимо не только лицамъ, разработывающимъ земельный вопросъ, но и всякому русскому человѣку, интересующемуся благосостояніемъ своего отечества.

Л. Н. Майковъ. **Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.** Спб. 1889. Изданіе А. С. Суворина.

Почтенный редакторъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ знатоковъ и изслѣдователей нашей литературы. Еще недавно, для новаго изданія сочиненій Батюшкова, онъ составилъ такую біографію этого писателя, какихъ немного въ исторіи русской словесности. Мы говорили уже, давая отчетъ объ этомъ изданіи, что по богатству и точности подробностей, по вѣрности критической оцѣнки поэта и его эпохи, біографія эта не уступаетъ извѣстной монографіи о Державинѣ, написанной академикомъ Гротомъ. Теперь Л. Н. Майковъ собралъ въ одну объемистую книгу (болѣе 430 страницъ) свои статьи, написанныя въ теченіе 20-ти послѣднихъ лѣтъ и напечатанныя въ журналахъ и другихъ изданіяхъ. Статей этихъ немного, всего девять—но каждая изъ нихъ вноситъ новыя данныя въ предметъ, изслѣдуемый авторомъ, бросаетъ новый свѣтъ

Digitized by Google

на эпоху, къ которой она относится, и всѣ онѣ являются въ сборникѣ въ переработанномъ видѣ, сообразно съ новыми изслѣдованіями, сдѣланными въ послѣднее время по тѣмъ же вопросамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить статьи сборника съ изданіями, въ которыхъ онѣ появились первоначально. Авторъ не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи примѣру многихъ писателей и указываетъ подробно время и мѣсто перваго появленія каждой статьи, вошедшей въ сборникъ. Сверхъ того, онѣ пополнены и исправлены по новымъ изслѣдованіямъ или источникамъ, вездѣ, гдѣ это требовалось. Такъ, обширная біографія Симеона Полоцкаго, занимающая болѣе трети сборника, снабжена новыми данными изъ рукописей Симеона, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ. Вообще отношенія автора къ источникамъ своихъ работъ вполнѣ добросовѣстны и этимъ онъ отличается отъ нѣкоторыхъ изслѣдователей нашего времени, относящихся съ пренебреженіемъ къ трудамъ своихъ предшественниковъ по тѣмъ же вопросамъ. Такъ, послѣ монографіи Симеона, написанной г. Майковымъ, явились двѣ диссертаціи по тому же предмету гг. Татарскаго и В. Попова, и ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ о статьѣ г. Майкова, хотя г. Татарскій воспользовался ею, какъ руководящимъ пособіемъ, а г. Поповъ, не ознакомившись съ нею, повторилъ въ своемъ изслѣдованіи неточныя извѣстія, встрѣчающіяся въ старинныхъ біографіяхъ Симеона. Такое отношеніе къ дѣлу, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчается между молодыми учеными нашего времени.

Вторая обширная статья сборника заключаетъ въ себѣ разборъ и изложеніе одной изъ любопытныхъ повѣстей петровскаго времени: «Гисторіи о россійскомъ матросѣ Василіѣ Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли». Повѣсть приведена по рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, и ее разбиралъ также А. Н. Пыпинъ въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ». Въ московскомъ публичномъ музеѣ есть другой списокъ ея, болѣе плохой и неисправный, но изъ котораго г. Майковъ взялъ нѣсколько существенныхъ поправокъ. Въ своемъ разборѣ этой несомнѣнно оригинальной русской повѣсти, онъ говоритъ также о литературѣ петровской эпохи, приводитъ выписки изъ «Исторіи о кавалерѣ Александрѣ», изъ любовныхъ стихотвореній и другихъ произведеній того времени, а въ приложеніи опровергаетъ мнѣніе г. Пыпина, что повѣсть о матросѣ Василіѣ—«явное повтореніе приключеній гишпанскаго шляхтича Долторны». Въ другомъ приложеніи приводится любовное посланіе конца XVII вѣка, написанное на тему нѣжной страсти, какъ и исторія Василія. Обширная біографія поэта В. И. Майкова явилась первоначально въ собраніи сочиненій этого писателя, изданномъ Глазуновымъ въ 1867 году. Статья «Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго» написана по поводу книги

Digitized by Google

Будиловича. Подъ общимъ заглавіемъ «Литературныя мелочи екатерининскаго времени» соединены четыре любопытныя статьи: Театральная публика во времена Сумарокова; Соч. Ѳ. А. Эмина; Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году и Біографія В. А. Чупятова. Особенно интересна сатира Эмина, этого загадочнаго авантюриста, пріѣхавшаго въ Россію въ 1761 году съ плохимъ знаніемъ русскаго языка, а черезъ два года выступившаго уже на литературное поприще и вскорѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ, какъ романистъ, историкъ, переводчикъ и редакторъ журнала «Адская почта». Біографіи этого замѣчательнаго человѣка недостаетъ въ исторіи русской литературы. Послѣдняя статья сборника: «Нѣсколько данныхъ по исторіи русской журналистики» написана по поводу книги А. Н. Неустроева о нашихъ періодическихъ изданіяхъ XVIII в. Это не только разборъ книги, но и дополненія къ ней, основанныя на изслѣдованіяхъ, появившихся послѣ труда г. Неустроева.—Къ сборнику, выдающемуся не только содержаніемъ, но и литературнымъ языкомъ, приложенъ указатель личныхъ именъ.

А. Незеленовъ. **Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху.** Спб. 1889. Изданіе Н. Г. Мартынова.

Профессоръ Незеленовъ принадлежитъ также къ числу дѣятельныхъ изслѣдователей въ области русской литературы. Онъ представилъ обстоятельную оцѣнку Новикова, Пушкина, Островскаго, Тургенева, писалъ о преподаваніи русской словесности. Вышедшій нынѣ сборникъ его, заключающій въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ писателей и произведеній вѣка Екатерины II, замѣчателенъ добросовѣстнымъ ихъ изученіемъ и стараніемъ открыть законы развитія и движенія этой эпохи. Авторъ не претендуетъ на ея всестороннее изслѣдованіе, а хочетъ только оріентироваться въ массѣ литературныхъ фактовъ, мало оцѣненныхъ по ихъ значенію, распредѣлить ихъ въ систематическомъ порядкѣ. Но эта-то систематизація и не удается ему, такъ какъ является совершенно произвольной, неясной и сбивчивой. Онъ признаетъ три господствующихъ литературныхъ направленія въ царствованіе Екатерины: скептическо-матерьялистическое, мистическо-нравоучительное и непосредственно-народное. Съ этимъ можно согласиться, отбросивъ только вторые, совершенно излишніе эпитеты этихъ подраздѣленій: каждый матерьялистъ въ то же время и скептикъ, каждый мистикъ—нравоучитель, а что касается народности, то совершенно безразлично, проявляется она посредственно или непосредственно. Существованіе различныхъ направленій въ ту эпоху безспорно, хотя они часто смѣшивались не только въ одномъ писателѣ, но и въ одномъ произведеніи, не говоря уже о журналахъ, не державшихся одного твердаго, неуклоннаго направленія. Въ этомъ сознается и г. Незеленовъ—и все таки старается втиснуть въ построенныя имъ клѣтки и лица, и произведенія, никакъ не подходящія къ

Digitized by Google

тѣмъ ярлыкамъ, какіе силятся наклеить на нихъ. Такъ, у него въ числѣ матеріалистическихъ писателей являются Аблесимовъ и Княжнинъ, а къ произведеніямъ этого рода отнесены и педагогическія сочиненія Екатерины. Журналы Новикова отнесены къ тому же отдѣлу, а самъ онъ съ Державинымъ почему-то названы писателями, стоящими внѣ направленій. Но вѣдь Новиковъ былъ и масономъ, издавалъ мистическія сочиненія, а, какъ сатирикъ, долженъ быть отнесенъ и къ народнымъ писателямъ, такъ какъ къ народному направленію г. Незеленовъ причисляетъ, кромѣ Фонъ-Визина и его комедій, Радищева и его сочиненія о крѣпостномъ правѣ— и сатирическіе журналы. Ясно, что всѣ эти подраздѣленія очень шатки и ни авторовъ, ни ихъ произведеній нельзя подвести въ систематическомъ порядкѣ подъ заранѣе распредѣленныя рубрики. Помимо этой безполезной классификаціи, въ книгѣ г. Незеленова собрано много не лишенныхъ интереса фактовъ, относящихся къ исторіи литературы. Напрасно также авторъ видитъ въ своемъ сочиненіи сторону педагогическую: оно не можетъ замѣнить литературной исторіи екатерининскаго времени, хотя и даетъ для нея цѣнный матерьялъ. Для чего также указываетъ онъ въ предисловіи на свою «попытку разграничить комедію и комическую оперу, какъ два совершенно различныхъ, по духу, вида драматическихъ произведеній?» Никто и не соединялъ никогда эти два вида и не смѣшивалъ аблесимовскаго «Мельника» съ «Недорослемъ» или «Бригадиромъ». Въ разборѣ пьесъ и журналовъ той эпохи сообщено много любопытныхъ подробностей. Всѣ статьи, вошедшія въ сборникъ, печатались въ теченіе пяти лѣтъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и въ книгѣ сведены въ одно цѣлое и пополнены заключительною главою. Въ приложеніи помѣщена статья о пребываніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости и разборъ сочиненія М. И. Сухомлинова о Радищевѣ. Недостатокъ указателя въ книгѣ весьма ощутителенъ.

С. С. Трубачевъ. **Пушкинъ въ русской критикѣ.** 1820 — 1880. Спб. 1889. Изданіе А. С. Суворина.

Г. Трубачевъ принадлежитъ къ числу молодыхъ изслѣдователей русской литературы: всего лѣтъ пять, какъ онъ явился въ нашихъ журналахъ съ критическими разборами писателей и ихъ произведеній. Читатели «Наблюдателя», вѣроятно, помнятъ оцѣнку Я. П. Полонскаго, написанную для нашего журнала молодымъ критикомъ. На книжный рынокъ онъ выступаетъ впервые съ большимъ серьезнымъ сочиненіемъ, стоившимъ ему, конечно, немалаго труда, и хоть наша литература богата этюдами о нашемъ великомъ поэтѣ, но книга г. Трубачева далеко не лишняя: въ ней сгруппировано много новыхъ или такихъ свѣдѣній, которыя пришлось бы разыскивать въ сотнѣ другихъ книгъ. Цѣль своей книги авторъ объясняетъ необходимостью опредѣлить отношенія критики къ писателю міровому, на произведеніяхъ котораго эта

Digitized by Google

критика развилась, окрѣпла и выросла, «хотя и нѣсколько уродливо», прибавляетъ г. Трубачевъ. Эти-то отношенія онъ разбираетъ подробно съ двадцатыхъ годовъ по 80-й, по главнымъ журналамъ этого шестидесятилѣтія, начиная съ русскаго романтизма и оканчивая оцѣнкою рѣчей и статей при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ. Большимъ пособіемъ при этомъ трудѣ могъ служить хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей о произведеніяхъ Пушкина, составленный и изданный В. Зелинскимъ въ 1887 году, и «Пушкиніана» В. И. Межова, заключающая въ себѣ указанія болѣе чѣмъ на 5½ тысячъ статей о Пушкинѣ. Правда, два тома сборника г. Зелинскаго заключаютъ въ себѣ статьи и рецензіи только двадцатыхъ годовъ, но и въ теченіе этого десятилѣтія явилось немало значительныхъ отзывовъ о пушкинскихъ произведеніяхъ и многіе изъ этихъ отзывовъ пропущены г. Трубачевымъ, который вообще не говоритъ ни слова ни о г. Зелинскомъ, ни о Межовѣ. Есть другіе пропуски, какъ напр., умолчаніе объ «Идеалахъ Пушкина», сочиненіи профессора В. В. Никольскаго, рядѣ статей о Пушкинѣ въ «Сѣверномъ Сіяніи» 1862—63 г. и пр. Напрасно также, издавая свою книгу въ 1889 году и говоря о пушкинскихъ празднествахъ по случаю открытія статуи поэта, авторъ не прибавилъ ни слова о чествованіи памяти Пушкина въ полувѣковую годовщину его кончины въ 1887 году. Еще напраснѣе отводится слишкомъ много мѣста булгаринскимъ выходкамъ противъ Пушкина или мнѣніямъ «Маяка». Полемизировать съ Бурачкомъ или «Сѣверною Пчелою» въ наше время уже очень странно: достаточно было привести ихъ сужденія, не пускаясь въ пространныя опроверженія ихъ нелѣпостей. Можно доказывать ошибочность мнѣній Писарева, Чернышевскаго, но не Аскоченскаго. Помимо этихъ не крупныхъ недостатковъ, книга г. Трубачева заслуживаетъ вниманія читателя. Не со всѣми сужденіями автора можно согласиться, но всѣ они добросовѣстны и основаны на усидчивомъ и серьезномъ изученіи предмета. Многое подмѣчено имъ вѣрно и основательно. Такъ, двойственность взгляда Бѣлинскаго на Пушкина указана вполнѣ ясно. Вообще, пора бы приступить къ провѣркѣ и пересмотру мнѣній великаго критика не объ одномъ великомъ поэтѣ. Г. Трубачевъ не самобытничаетъ, не увлекается національнымъ шовинизмомъ и горячо возстаетъ противъ высказанной Достоевскимъ, въ рѣчи о Пушкинѣ, теоріи нашей «всечеловѣчности» и національнаго самопрославленія. «Всечеловѣчность — говоритъ онъ—можетъ быть только результатомъ всей полноты національнаго развитія. Гдѣ же въ Россіи можно найти эту полноту и скоро ли всечеловѣчность разовьется въ русскомъ міровоззрѣніи? Скоро ли нашъ богато одаренный народъ, сохраняющій много прекрасныхъ свойствъ, но лишенный образованія, экономически нуждающійся, религіозно раздѣленный расколомъ, общественно слабо представленный, скоро ли достигнетъ это

Digitized by Google

полноты національнаго развитія, чтобы претендовать на всечеловѣчность?»—Такихъ вѣрныхъ и здравыхъ мыслей немало въ книгѣ молодаго писателя.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Новый фазисъ въ устройствѣ элеваторовъ.—Взглядъ на историческое развитіе этого дѣла.—Польза элеваторовъ. — Фальсификація нашего зерна, отправляемаго за границу. — Кто долженъ строить элеваторы? — Господствующее теченіе.—Нѣсколько замѣчаній по вопросу объ урегулированіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ.—Назначеніе сенатора А. Я. фонъ-Гюббенета на постъ министра путей сообщенія. — Краткій очеркъ его прежней служебной дѣятельности.—Какое вліяніе можетъ имѣть это назначеніе на разрѣшеніе вопроса о желѣзнодорожныхъ тарифахъ? — Первые шаги новыхъ тарифныхъ учрежденій, организованныхъ въ составѣ министерства финансовъ.—Извѣстіе о созывѣ комисіи для обсужденія вопроса о тарифныхъ ставкахъ.—Устраненіе произвольныхъ дѣйствій желѣзнодорожныхъ обществъ.—Вознагражденіе невинно привлекаемыхъ къ уголовному суду.—Наше законодательство по этому предмету.—Разборъ 780 и слѣд. статей уст. уголовн. судопроизводства.—Мотивы государственной канцеляріи. — Односторонность этихъ мотивовъ.—Кончина графа Д. А. Толстаго и М. Е. Салтыкова.

Въ маѣ прошлаго года было обнародовано высочайше утвержденное, 30 марта того же года, «Положеніе о товарныхъ складахъ» съ правомъ выдачи «складочныхъ и закладныхъ свидѣтельствъ», извѣстныхъ въ литературѣ подъ именемъ «варрантовъ». Объ этомъ законѣ давно говорили и въ обществѣ, и въ печати, какъ о законодательномъ актѣ первѣйшей важности для Россіи; объ немъ же бывшій министръ финансовъ, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ, Н. Х. Бунге, неоднократно упоминалъ и въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, какъ о законѣ, въ изданіи котораго у насъ чувствуется насущная потребность. Наконецъ, въ виду готовившагося проэкта этого закона, у насъ, года четыре тому назадъ, похоронили предпріятіе русско-американскихъ капиталистовъ, долженствовавшее создать въ Россіи цѣлую сѣть товарныхъ складовъ и элеваторовъ съ правомъ выдачи варрантовъ, по образцу подобныхъ учрежденій на западѣ Европы. Но вотъ послѣдовало обнародованіе этого, яко бы всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемаго, закона,—и на этомъ какъ бы успокоились, какъ будто все дѣло состояло только въ томъ, чтобы добиться *изданія* подобнаго закона, а не въ томъ, чтобы примѣнить его на дѣлѣ и приспособить къ практическимъ нуждамъ страны. Единственное счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи выпало на долю елецкаго земства, соорудившаго,—какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ,—земскій элеваторъ, дѣйствующій съ осени прошлаго года. Но примѣръ елецкаго земства пока остается безъ подражанія. А между

Digitized by Google

тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что учрежденіе въ Россіи товарныхъ складовъ-элеваторовъ, съ правомъ выдачи варрантовъ, дѣйствительно принесло бы намъ особенную пользу въ виду тѣхъ условій, въ которыя поставлена наша промышленность вообще и сельско-хозяйственная въ особенности. Скудость денежнаго рынка нерѣдко вынуждаетъ нашихъ производителей вообще, и сельскихъ хозяевъ въ частности, спѣшить продажею своихъ продуктовъ, обыкновенно сбывая ихъ спекулянтамъ, не смотря на низкія цѣны, такъ какъ и тѣ, и другіе, при трудности пользованія кредитомъ, весьма часто не въ состояніи выжидать благопріятнаго момента для сбыта своихъ продуктовъ. Независимо отъ этого, наша торговля вообще, и отпускная въ особенности, сильно страдаетъ отъ обременяющихъ ее громадныхъ накладныхъ расходовъ, проистекающихъ какъ отъ недостатка приспособленій по нагрузкѣ и храненію товаровъ, такъ и отъ дальности разстояній между мѣстомъ отправленія и пограничными пунктами сбыта, а равно и отъ свойства предметовъ нашего отпуска, заключающихся преимущественно въ продуктахъ земли и сырыхъ матеріалахъ, перемѣщеніе которыхъ связано съ громадными издержками. При такихъ обстоятельствахъ, многіе совершенно основательно утверждаютъ, что намъ непозволительно сидѣть сложа руки, ибо, не смотря на всѣ естественныя богатства Россіи, нашимъ производителямъ, - не исключая и производителей продуктовъ сельскаго хозяйства,—грозитъ опасность быть вытѣсненными съ европейскихъ рынковъ производителями тѣхъ странъ, гдѣ правильная организація перемѣщенія и сбыта товаровъ, а равно возможность пользованія дешевымъ кредитомъ, доведена до совершенства. Эта опасность особенно велика для нашей хлѣбной торговли, которой съ недавнихъ поръ приходится соперничать на европейскихъ рынкахъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами [1]). Упадокъ же нашей хлѣбной торговли не можетъ не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на нашемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи вообще, такъ какъ хлѣбный вывозъ всегда служилъ регуляторомъ нашего торговаго баланса, способствуя, преимущественно предъ другими менѣе важными статьями нашего вывоза, ликвидаціи нашихъ международныхъ обязательствъ, возникающихъ изъ помѣщенія у насъ множества иностранныхъ товаровъ и капиталовъ. По свидѣтельству проф. Исаева, американцы располагаютъ дѣлою сѣтью элеваторовъ, которые могутъ быть разбиты на три группы: малые станціонные, устроенные на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, центральные—на главныхъ внутреннихъ рынкахъ, и портовые—въ океаническихъ портахъ. Фермеру приходится везти хлѣбъ до желѣзнодорожной станціи 5—6 верстъ, въ рѣдкихъ случаяхъ

[1]) По этому предмету недавно появилась въ печати въ высшей степени интересная статья проф. *А. А. Исаева* подъ заглавіемъ: „Россія и Америка на хлѣбномъ рынкѣ“, гдѣ весьма тщательно собрана масса матеріаловъ, сюда относящихся, которыми мы и воспользуемся въ послѣдующемъ изложеніи.

Digitized by Google

15—20. Подъѣхавъ къ станціонному элеватору, возъ, сѣдокъ, лошади и зерно помѣщаются на особой платформѣ, взвѣшиваются, платформа наклоняется, и зерно опускается внизъ. Возъ, свободный отъ зерна, снова взвѣшиваютъ и тѣмъ опредѣляютъ вѣсъ принятаго зерна. Затѣмъ производитель получаетъ квитанцію и освобождается отъ заботъ по дальнѣйшему транспортированію своего товара. Дальше хлѣбные грузы поступаютъ въ вагоны, въ ссыпную, для передвиженія ихъ во внутренніе, центральные, и портовые элеваторы. Хотя фермеры тщательно сортируютъ свое зерно и тѣмъ приноровляютъ его къ принятымъ въ торговлѣ образцамъ, однако на всѣхъ большихъ элеваторахъ есть хорошіе сортировальные снаряды, которые исполняютъ эту работу еще болѣе совершенно. Далѣе проф. Исаевъ весьма основательно указываетъ еще, что элеваторы, будучи крупнымъ усовершенствованіемъ съ точки зрѣнія техники, доставляютъ ту большую выгоду, что территоріально связываютъ производителя съ торговцемъ: на каждой станціи желѣзной дороги американскій фермеръ находитъ нѣсколькихъ покупателей. Сельскіе хозяева уже не зависятъ отъ мелкихъ посредниковъ, а сосредоточеніе въ элеваторахъ большой массы хлѣбныхъ грузовъ облегчаетъ выдачу ссудъ подъ зерно.

Порядки, или—вѣрнѣе сказать—безпорядки, господствующіе во всей нашей хлѣбной торговлѣ, извѣстны всѣмъ и каждому. Хлѣбъ перевозится не въ ссыпную, а въ мѣшкахъ; осенью, когда передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ бываетъ усиленнымъ, хлѣбъ обыкновенно остается лежать на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по цѣлымъ недѣлямъ, и въ большинствѣ случаевъ даже подъ открытымъ небомъ, такъ что портится и гніетъ быстро. Ссуды подъ хлѣбъ очень дороги, фрахты и другіе накладные расходы—огромные. Въ результатѣ—бѣдственное и почти безвыходное положеніе производителей хлѣбныхъ продуктовъ, т. е. сельскихъ хозяевъ, и непомѣрные барыши хлѣбныхъ торговцевъ-спекулянтовъ. Къ этому еще присоединяются самыя разнообразныя плутни нашихъ экспортеровъ въ дѣлѣ фальсификаціи зерна, которыя подорвали въ иностранныхъ покупателяхъ довѣріе ко многимъ сортамъ нашего хлѣба. По этому поводу, одна московская газета совершенно справедливо замѣчаетъ, что одно изъ крупнѣйшихъ золъ нашей хлѣбной торговли,—такихъ золъ, которыя приносятъ ежегодно громадные убытки нашему сельскому хозяйству,—состоитъ въ крайней недобросовѣстности веденія экспорта. Съ цѣлью полученія возможно болѣе крупныхъ барышей, наши экспортеры, размѣстившіеся по портамъ и захватившіе въ свои руки всю отпускную хлѣбную торговлю, умышленно портятъ русское зерно, подмѣшивая къ нему всевозможную дрянь. Эта порча не составляетъ рѣшительно никакого секрета, она дискредитируетъ за границей нашъ продуктъ, и дѣло здѣсь доходитъ иногда до такихъ явныхъ злоупотребленій, что англичане, напримѣръ, отказывались покупать ячмень изъ Одессы, въ виду его необычайной засоренности, совершенно несоотвѣтствующей присланнымъ образцамъ.

Digitized by Google

Такіе обманы въ хлѣбной торговлѣ возможны только потому, что каждый изъ портовыхъ экспортеровъ распоряжается сортировкой отправляемаго имъ за границу хлѣба по своему усмотрѣнію, внѣ какого бы то ни было контроля. Каждый экспортеръ держитъ свой хлѣбъ въ собственныхъ своихъ складахъ, подмѣшиваетъ его, портитъ, понижаетъ качество и грузитъ на пароходы безъ досмотра съ чьей бы то ни было стороны. Такимъ образомъ, нашъ высокій по своимъ природнымъ качествамъ продуктъ поступаетъ на заграничный рынокъ совершенно «не въ своемъ видѣ».

Измѣнить это дѣло и направить его въ полезную и желательную сторону могутъ только элеваторы, обезпечивающіе тщательную очистку хлѣба отъ постороннихъ подмѣсей. Но для этого необходимо, чтобы элеваторы не устраивались зря въ такихъ пунктахъ, гдѣ существованіе ихъ совершенно безполезно, и чтобы между отдѣльными элеваторами, т. е. между центральными (на главныхъ внутреннихъ рынкахъ), станціонными (на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ) и портовыми существовала тѣсная связь—такъ сказать систематически-организованный союзъ. Лишь при существованіи подобной организаціи элеваторовъ, возможно разъ навсегда положить предѣлъ плутнямъ экспортеровъ-фальсификаторовъ нашего доброкачественнаго зерна. Дѣло въ томъ, что, при отсутствіи связи между станціоннымъ элеваторомъ и портовымъ, первый,—какъ это доказалъ эпизодъ съ елецкимъ элеваторомъ въ отношеніи либавскихъ экспортеровъ,—работаетъ не въ интересахъ русскаго экспорта, въ смыслѣ поднятія цѣнности и доброкачественности экспортируемыхъ хлѣбныхъ продуктовъ, а въ личныхъ спекуляторскихъ интересахъ экспортеровъ-фальсификаторовъ русскаго зерна, ибо, какъ оказывается, превосходно очищенный и отсортированный на елецкомъ элеваторѣ хлѣбъ продается либавскимъ экспортерамъ вагонами, и тамъ, въ Либавѣ, поступая въ ихъ полное и безконтрольное распоряженіе, снова смѣшивается со всякой дрянью и въ такомъ испорченномъ видѣ грузится на пароходы. Въ результатѣ елецкій элеваторъ приноситъ пользу только экспортерамъ, давая имъ возможность пріобрѣтать прекрасно очищенный хлѣбъ за ту же цѣну, что и плохой, а разница, получаемая отъ приведенія его вновь въ плохое состояніе, идетъ затѣмъ въ карманъ экспортеровъ. Не того добивались, конечно, земскіе дѣятели, которые потратили столько добросовѣстнаго труда и неутомимой энергіи въ дѣлѣ устройства елецкаго элеватора. Впрочемъ, въ принципѣ вопросъ о необходимости устройства у насъ цѣлой сѣти элеваторовъ и не оспаривается ни съ чьей стороны. Разногласія возникаютъ лишь относительно того, кому слѣдуетъ заняться устройствомъ элеваторовъ. «Общество сельскаго хозяйства южной Россіи», въ Одессѣ, приступило недавно, по словамъ одесскихъ газетъ, къ подробному разсмотрѣнію упомянутаго вопроса и выбрало спеціальную комисію для безотлагательнаго обсужденія способовъ, какими можно осуществить постройку сѣти элеваторовъ. Комисія, съ

Digitized by Google

своей стороны, пригласила къ участію въ занятіяхъ экспертовъ-землевладѣльцевъ и другихъ свѣдущихъ лицъ.

Въ засѣданіи «общества сельскаго хозяйства», г. Мельниковъ развилъ слѣдующія положенія: 1) устройство элеваторовъ на югѣ Россіи частными акціонерными обществами менѣе всего желательно, такъ какъ въ такомъ случаѣ услуги элеватора обойдутся землевладѣльцамъ слишкомъ дорого; 2) предложенный членомъ комисіи, г. Пахомовымъ, способъ обложенія привозимаго въ Одессу хлѣба по $^1/_2$ к. съ пуда и устройство элеватора на эти средства городомъ—также нецѣлесообразенъ, въ виду того, что одесское городское управленіе имѣетъ и безъ того много неоконченнаго дѣла по благоустройству города; 3) едва ли лучше будетъ обстоять дѣло, если за осуществленіе его возьмется земство: у земства нѣтъ свободныхъ средствъ, а, сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, имѣющихъ войти, какъ участники, въ проэктируемую сѣть элеваторовъ, нѣтъ земскихъ учрежденій (Кіевская, Подольская, Волынская); 4) всего нежелательнѣе устройство и эксплуатація элеваторовъ желѣзною дорогою, ибо при такомъ «хозяинѣ дѣла» экспортеры и производители будутъ порабощены; 5) остается послѣднее средство—государственный элеваторъ; этотъ-то путь, по мнѣнію г. Мельникова, слѣдуетъ считать самымъ надежнымъ. Успѣхъ элеваторовъ основанъ главнымъ образомъ на единствѣ организаціи и, конечно, на солидномъ капиталѣ, а такія условія могутъ быть выполнены только правительствомъ. Если правительства берутъ на себя монополію продажи спирта или выдѣлки папиросъ и спичекъ (напр., Германія, Франція и Австрія), то такое важное для народнаго благосостоянія предпріятіе, какъ устройство элеваторовъ, можетъ и даже должно быть монополизировано правительствомъ, особенно въ такой громадной земледѣльческой странѣ, какъ Россія.

Къ такому же заключенію пришла и такъ называемая хлѣбная комисія, состоящая подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора фонъ-Плеве. Но съ подобнымъ рѣшеніемъ разсматриваемаго вопроса едва ли можно согласиться, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Правительство, конечно, можетъ принять на себя устройство проэктируемой сѣти элеваторовъ, потому что потребныя на это сооруженіе деньги легче всего заимствовать изъ государственнаго казначейства, благо теперь нашъ кредитъ болѣе чѣмъ когда либо упрочился, и казна не встрѣтитъ никакихъ затрудненій въ добываніи денегъ на устройство такихъ полезныхъ сооруженій, какъ элеваторъ. Но такая постановка упомянутаго вопроса неудобна, по нашему мнѣнію, по совершенно другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что устройство элеваторовъ желательно осуществить въ наискорѣйшемъ будущемъ, а это, между тѣмъ, едва ли окажется возможнымъ, если будетъ рѣшено, что за сооруженіе потребной для всей Россіи сѣти элеваторовъ должно взяться исключительно правительство, съ совершеннымъ устраненіемъ отъ этого дѣла частной иниціативы. Отъ слова до дѣла, какъ извѣстно, еще очень далеко, и принципіальное рѣшеніе обсуждаемаго вопроса въ упомянутомъ смыслѣ еще

Digitized by Google

не значитъ, что мы въ недалекомъ будущемъ будемъ имѣть правительственную сѣть элеваторовъ. Нечего грѣха таить; у насъ понятіе о правительствѣ—очень обширнаго характера, иначе говоря, мы при этомъ должны считаться *не съ однимъ*, а *съ нѣсколькими вѣдомствами*, изъ которыхъ каждое можетъ имѣть свой собственный, совершенно своеобразный взглядъ на данный вопросъ. А при такомъ положеніи вещей возможны, конечно, между этими отдѣльными вѣдомствами различные недоразумѣнія и споры, которые должны повлечь за собою затяжки и промедленія, а элеваторовъ-то мы все таки имѣть не будемъ. Кромѣ того, мы убѣждены, что устройство элеваторовъ, съ какой бы стороны на него ни смотрѣть, все же должно считаться предпріятіемъ *комерческимъ*, а въ подобныхъ предпріятіяхъ участіе казны, въ качествѣ хозяина, менѣе всего желательно, потому что хозяйничанье казны обязательно предполагаетъ узко-формальное отношеніе къ дѣлу, т. е. обязательное соблюденіе множества формальностей и обрядовъ, которые въ чисто комерческихъ предпріятіяхъ безконечно стѣсняютъ и тѣхъ, которые заправляютъ этими предпріятіями, и тѣхъ, которые нуждаются въ ихъ услугахъ и помощи. За примѣромъ ходить не далеко.

Въ іюнѣ прошлаго года, былъ изданъ законъ о выдачѣ ссудъ подъ хлѣбные грузы, перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ, за счетъ государственнаго банка. До сихъ поръ, однако, ссуды эти *нигдѣ не выдаются*, и когда начнется ихъ выдача—неизвѣстно. Причина такого замедленія операціи, всѣми признанной неотложною,—по справедливому замѣчанію «Новаго Времени», — положительно необъяснима, если не принять во вниманіе наши административные порядки. По статьѣ 17 закона, министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ путей сообщенія и государственнымъ контролеромъ, было предоставлено выработать «инструкціи» по этому предмету государственному банку и опредѣлить подробно отношенія банка къ желѣзнымъ дорогамъ,—вообще оформить порядки веденія предусмотрѣнныхъ закономъ трехъ операцій: ссудной, складочной и комисіонной. Для составленія части этихъ инструкцій, касающейся только выдачи и взысканія ссудъ, потребовалось болѣе *восьми* мѣсяцевъ послѣ изданія закона, и правила, наконецъ, опубликованы въ мартѣ этого года. Инструкціи же, касающіяся важнѣйшихъ операцій, разрѣшенныхъ закономъ 14-го іюня 1888 года,—складочной и комисіонной продажи хлѣба желѣзнодорожными агентствами,—*еще разработываются* и когда онѣ появятся—даже и предвидѣть теперь невозможно.

Изданныя уже инструкціи о ссудной операціи тоже не могутъ быть пока примѣнены къ дѣлу, такъ какъ не разработаны еще формы отчетности желѣзныхъ дорогъ передъ государственнымъ банкомъ, а также правила для выдачи ссудъ въ прямомъ сообщеніи. Затѣмъ, предстоитъ довольно сложная «переписка» каждой желѣзной дороги, пожелавшей начать операцію, съ государственнымъ банкомъ о разныхъ подробностяхъ веденія дѣла.

Между тѣмъ операція эта сама по себѣ чрезвычайно проста и вовсе не требуетъ глубокомысленныхъ соображеній въ теченіе дол-

Digitized by Google

гихъ мѣсяцевъ для ея организаціи, да и не представляетъ собою новаго дѣла, потому что выдачею денегъ подъ квитанціи желѣзныхъ дорогъ на отправленный хлѣбъ занимаются многіе банки и масса частныхъ лицъ, причемъ это дѣло считается весьма солиднымъ предпріятіемъ, не связаннымъ ни съ малѣйшимъ рискомъ для ссудодателей. Наконецъ, юго-западныя дороги, какъ извѣстно, практикуютъ выдачу авансовъ подъ перевозимый по этимъ дорогамъ хлѣбъ уже много лѣтъ, и, по словамъ той же вышеупомянутой газеты, выдали въ прошломъ году подъ хлѣбъ болѣе $4^1/_2$ мил. руб., безъ всякихъ затѣй. Спрашивается: можно ли послѣ этого разсчитывать на скорую постройку цѣлой сѣти элеваторовъ, если предоставить это несомнѣнно новое для насъ дѣло исключительному почину правительства? Полагаемъ, что нѣтъ. А между тѣмъ это дѣло требуетъ скорѣйшаго осуществленія и откладывать его въ долгій ящикъ,—значитъ почти то же, что отказаться отъ него, потому что, пока мы будемъ думать и соображать, какими наилучшими способами построить сѣть элеваторовъ, нашъ и безъ того сильный конкурентъ на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ,—т. е. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, — успѣетъ занять такую безопасную позицію, что его ужъ никакими маневрами оттуда не вытѣснишь. Да и зачѣмъ же непремѣнно требовать, чтобы *все* для насъ дѣлало правительство, въ то время, когда мы и сами въ состояніи себѣ помочь? Вѣдь въ наукѣ признанно за аксіому, что правительство должно являться на помощь лишь тамъ, гдѣ общество окажется безсильнымъ. А развѣ въ данномъ случаѣ доказано, что общество не въ состояніи само принять на себя сооруженіе элеваторовъ? Развѣ примѣръ елецкаго земства не доказываетъ какъ разъ наоборотъ, что и земство можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ успѣшно заняться этимъ полезнымъ дѣломъ. То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе не существуетъ земства, не можетъ служить возраженіемъ противъ высказанной нами мысли уже потому, что мы вовсе не стоимъ за монополизированіе элеваторовъ въ рукахъ земства, а, напротивъ того, желали бы видѣть въ этомъ дѣлѣ полную *свободу дѣйствій* и для другихъ общественныхъ учрежденій, и даже для частныхъ лицъ. Наконецъ, мы вовсе не противъ того, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устройство элеваторовъ не можетъ быть осуществлено ни земствомъ, потому что оно въ этихъ мѣстахъ отсутствуетъ, ни частными лицами, устройство элеваторовъ приняло на себя правительство; но мы рѣшительно противъ *монополизированія* этого дѣла въ рукахъ правительства по какимъ-то соображеніямъ новѣйшей формаціи, которыя въ сущности сводятся къ тому, чтобы все и вся дѣлало за насъ правительство, какъ будто въ самомъ дѣлѣ благоденствіе Россіи можетъ быть упрочено вполнѣ, если она вся облачится въ вицъ-мундиръ. Suum cuique! Пускай правительственные агенты исполняютъ хорошо и умѣло то, чего само общество не въ состояніи исполнять съ успѣхомъ; но, съ другой стороны, не будемъ же требовать вмѣшательства правительства тамъ, гдѣ самопомощь

Digitized by Google

общества вполнѣ возможна и имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, какъ въ дѣлѣ устройства потребной для Россіи сѣти элеваторовъ.

Suum cuique! сказали бы мы и относительно другаго жгучаго вопроса дня—объ урегулированіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ,—имѣющаго огромное значеніе для нашего сельскаго хозяйства. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу состоявшагося недавно назначенія статсъ-секретаря, сенатора А. Я. Гюббенета на высоко отвѣтственный постъ министра путей сообщенія, благо А. Я. Гюббенету,—который еще въ бытность свою товарищемъ министра путей сообщенія предсѣдательствовалъ въ учрежденной тогда тарифной комисіи,—принадлежитъ огромная заслуга, состоящая въ томъ, что въ результатѣ трудовъ упомянутой комисіи явилась возможность упорядоченія одной изъ важнѣйшихъ отраслей эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ,—согласно съ государственными цѣлями и потребностями населенія,—а также подчиненія ея непосредственному правительственному контролю.

Недаромъ назначеніе А. Я. Гюббенета на постъ министра путей сообщенія было встрѣчено со всѣхъ сторонъ въ высшей степени сочувственно. И надобно отдать справедливость новому министру, что онъ прошелъ прекрасную для государственнаго человѣка школу. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя газетами, изъ его многополезной служебной дѣятельности.

Онъ занималъ должность управляющаго палатами: государственныхъ имуществъ—въ Гроднѣ, Тамбовѣ и Самарѣ; контрольными—въ Вильнѣ и Варшавѣ, состоя подъ начальствомъ ст.-секр. Татаринова въ періодъ энергически производившагося имъ переустройства государственнаго контроля. Послѣ 10-ти-лѣтней службы въ разныхъ губерніяхъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1871 по 1874 годъ занималъ должность директора канцеляріи государственнаго контроля. Съ 1874 по 1880 г. онъ занималъ должность директора департамента государственнаго казначейства. Въ это время (1874 и 1875 г.) доходы по государственной росписи превышали расходы (на 33 милліона рублей въ 1874 г.), что̀ продолжалось до начала турецкой войны, въ продолженіе которой онъ руководилъ организованными имъ, на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ войны, полевыми казначействами. При немъ составленъ и приведенъ въ исполненіе проектъ упрощенія и улучшенія счетоводства во всѣхъ мѣстныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ, давшій возможность получать изъ казенныхъ палатъ по истеченіи каждаго мѣсяца по телеграфу свѣдѣнія о поступившихъ доходахъ и о произведенныхъ расходахъ по всей обширной имперіи. Съ 1880 по 1885 г. онъ состоялъ товарищемъ министра путей сообщенія. Въ 1882 году назначенъ сенаторомъ; въ 1883 г., въ день коронованія ихъ императорскихъ величествъ, удостоенъ званія статсъ-секретаря. Наконецъ, онъ принималъ ближайшее участіе въ разработкѣ вопроса о подчиненіи постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ фактическому контролю; въ первомъ опытѣ систематическаго урегулированія желѣзнодорожныхъ тарифовъ и подчиненіи ихъ правитель-

Digitized by Google

ственному надзору; въ составленіи положенія о подъѣздныхъ путяхъ и въ разработкѣ другихъ законодательныхъ вопросовъ по министерству путей сообщенія.

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, новый руководитель и глава вѣдомства путей сообщенія является, въ противоположность покойному генералъ-лейтенанту Паукеру, не узкимъ спеціалистомъ-техникомъ, а государственнымъ дѣятелемъ съ многостороннимъ образованіемъ и обширнымъ опытомъ. Поэтому есть основаніе надѣяться, что при г. Гюббенетѣ разные недочеты и неустройства въ дѣятельности нашего путейскаго вѣдомства будутъ по мѣрѣ силъ и возможности устранены, особенно если усиліямъ новаго главы министерства не будутъ противодѣйствовать его ближайшіе помощники, а также и другія вѣдомства, близко соприкасающіяся съ дѣятельностью министерства путей сообщенія.

Послѣднее наше замѣчаніе относится спеціально къ тому вопросу, о которомъ мы упомянули выше, т. е. урегулированію желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Незадолго до назначенія А. Я. Гюббенета на постъ министра путей сообщенія, учреждены, какъ извѣстно, въ составѣ министерства финансовъ: особый департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, а рядомъ съ нимъ тарифный совѣтъ и тарифный комитетъ, каковыя учрежденія призваны главнымъ образомъ для руководства тарифнымъ дѣломъ, причемъ представляютъ собою какъ бы три различныхъ инстанціи, между которыми распредѣляются всѣ подлежащіе вопросы, по относительной важности ихъ. Выдѣленіе тарифнаго дѣла изъ вѣдѣнія министерства путей сообщенія, съ передачею его въ руки министерства финансовъ, имѣло, конечно, свой raison d'être при покойномъ генералъ-лейтенантѣ Паукерѣ, который, какъ извѣстно, считался отличнымъ спеціалистомъ по строительной части, но никогда и самъ не претендовалъ на званіе финансиста и экономиста. Съ назначеніемъ г. Гюббенета на должность министра путей сообщенія, этотъ вопросъ принимаетъ нѣсколько иной оборотъ, и, быть можетъ, окажется болѣе цѣлесообразнымъ вернуть руководительство тарифнымъ дѣломъ въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія. Но, какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вліяніе новаго министра путей сообщенія на ходъ дѣлъ въ образованныхъ при министерствѣ финансовъ тарифныхъ учрежденіяхъ скажется въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для успѣха дѣла. А недовольство порядками, существующими нынѣ въ этомъ дѣлѣ, оказывается всеобщимъ. Жалуются на желѣзнодорожные тарифы и земства, и биржевые комитеты, и сельско-хозяйственныя общества, и частныя лица, причемъ всѣ безъ исключенія указываютъ на неравномѣрность провозныхъ платъ, выражающихся въ томъ, что по произволу желѣзнодорожныхъ обществъ тарифныя ставки весьма часто бываютъ чрезмѣрно высоки для мѣстностей, лежащихъ сравнительно близко къ рынкамъ сбыта и морскаго транспорта и, наоборотъ, крайне низки для отдаленныхъ районовъ [1]). Кто-то со-

[1]) Каковъ бываетъ произволъ желѣзнодорожныхъ тарифныхъ ставокъ.

Digitized by Google

вершенно вѣрно замѣтилъ по этому поводу, что тарифъ въ рукахъ желѣзныхъ дорогъ—магическій жезлъ, которымъ онѣ командуютъ хозяйственной дѣятельностью страны совершенно безконтрольно и почти самовластно. Дѣло въ томъ, что при открытіи для общественнаго пользованія желѣзныхъ дорогъ правительство предвидѣло *одно* возможное злоупотребленіе въ тарифномъ дѣлѣ, именно — чрезмѣрное возвышеніе тарифовъ, и соотвѣтственно этому установило одно ограничительное правило, чтобы назначаемые желѣзнодорожными обществами тарифы не переходили за предѣлы извѣстныхъ максимальныхъ ставокъ. Оказалось однако, что съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, при взаимной конкуренціи между отдѣльными желѣзнодорожными линіями, во многихъ случаяхъ большой вредъ приносили не высокіе, а, наоборотъ, черезчуръ низкіе тарифы, которые устанавливались нѣкоторыми желѣзными дорогами для *привлеченія грузовъ* къ извѣстнымъ трактамъ. Но хотя вопросъ о необходимости положить предѣлъ произволу желѣзныхъ дорогъ въ такомъ важномъ для всей страны дѣлѣ давно считался безотлагательнымъ, правительство наше только въ послѣдніе годы, вслѣдствіе безчисленныхъ жалобъ со стороны торгово-промышленнаго міра, рѣшилось принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію самоуправства желѣзнодорожныхъ заправилъ въ тарифномъ дѣлѣ, подчинивъ своему надзору сперва навигаціонные тарифы, а потомъ и тарифы прямыхъ сообщеній. Но этими спорадическими мѣропріятіями тарифные безпорядки не были устранены и жалобы заинтересованныхъ лицъ не только не прекращались, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ усиливались. И вотъ, наконецъ, 8 марта нынѣшняго года послѣдовало высочайшее утвержденіе временнаго положенія о подчиненіи всѣхъ вообще желѣзнодорожныхъ тарифовъ правительственному руководству, съ цѣлью огражденія интересовъ казны, а также промышленности и торговли населенія. Руководство правительства, по точному и буквальному смыслу новаго закона, выражается: а) въ установленіи тарифныхъ нормъ; б) въ установленіи правилъ относительно составленія, введенія въ дѣйствіе, примѣненія и отмѣны тарифовъ; в) въ надзорѣ за неуклоннымъ соблюденіемъ упомянутыхъ нормъ и правилъ, и въ принятіи мѣръ къ устраненію обнаруженныхъ отступленій; г) въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы тарифы соотвѣтствовали вышеуказаннымъ цѣлямъ; д) въ разрѣшеніи вопросовъ: по распредѣленію между желѣзными дорогами про-

---

видно изъ заявленія гласнаго курскаго губернскаго земства, управляющаго государственными имуществами въ Курской и Орловской губерніяхъ, М. Г. Китаева. Отправка вагона дровъ по орловско-витебской желѣзной дорогѣ отъ станціи Жуковки до Орла стоитъ теперь 10 р. 50 к. за разстояніе въ 178 верстъ. Отправка такого же вагона съ дровами отъ Орла до Курска, на разстояніи 144 версты, обходится уже 17 р., а отъ станціи Курскъ до станціи Курскъ-городъ, за 5 верстъ, съ вагона дровъ платится 3 р. Такимъ образомъ, выходитъ замѣчательный курьезъ: одну версту желѣзнодорожной линіи вагонъ съ дровами пробѣгаетъ *за 6 коп.*, другую *за 20 коп.*, а то и за *35 и 55 коп.*

Digitized by Google

возныхъ платъ и другихъ сборовъ, по устраненію соперничества и по взаимнымъ договорамъ дорогъ между собою или съ другими перевозочными предпріятіями, а равно частными обществами и лицами, въ тѣхъ частяхъ договоровъ, которыя касаются тарифовъ и направленія пассажировъ и грузовъ. За желѣзными дорогами оставлено право составлять «предположенія объ измѣненіи или дополненіи дѣйствующихъ тарифовъ, а также объ установленіи новыхъ тарифовъ», но то же самое право предоставляется положеніемъ какъ правительству, такъ и общественнымъ учрежденіямъ и обществамъ, которыя имѣютъ цѣлью попеченіе о хозяйственныхъ интересахъ населенія и объ удовлетвореніи нуждъ промышленности и торговли. Право же утверждать всѣ такія предположенія, т. е. давать имъ осуществленіе, принадлежитъ только правительству.

Такимъ образомъ, въ настоящее время торжественно провозглашенъ принципъ государственнаго руководительства желѣзнодорожными тарифами, и въ лицѣ тарифныхъ учрежденій, вновь образованныхъ въ составѣ министерства финансовъ, созданъ могущественный органъ для осуществленія этого принципа на дѣлѣ. Какъ отнесется этотъ органъ къ возложенной на него задачѣ, сказать трудно, но, какъ слышно, онъ не намѣренъ медлить разрѣшеніемъ вопроса объ урегулированіи тарифныхъ ставокъ для хлѣбныхъ грузовъ. Такъ, газеты передаютъ, что на дняхъ для обсужденія этого вопроса открыта при новомъ желѣзнодорожномъ департаментѣ особая комисія, въ которую приглашены свѣдущіе люди со всѣхъ хлѣбородныхъ губерній, исключая, впрочемъ, юго-западнаго края, такъ какъ большинство служащихъ въ новомъ департаментѣ, и самъ его директоръ, С. Ю. Витте, служили прежде въ правленіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и условія сбыта и направленія хлѣбныхъ грузовъ этого района имъ достаточно извѣстны. Мы пока воздерживаемся отъ обсужденія намѣченнаго вопроса по существу и вернемся къ нему, когда намъ удастся ближе познакомиться съ мнѣніями призываемыхъ въ упомянутую комисію свѣдущихъ людей. Одно лишь кажется намъ необходимымъ поставить уже теперь на видъ этой комисіи, а именно: что, какъ бы ни рѣшался вопросъ о тарифныхъ ставкахъ, по существу, его во всякомъ случаѣ слѣдуетъ рѣшить настолько точно, чтобы невозможно было толкованіе *и такъ*, *и этакъ*, ибо главное, къ чему необходимо стремиться,—это устраненіе изъ тарифнаго дѣла произвольныхъ дѣйствій со стороны желѣзнодорожныхъ правленій, а это исполнимо лишь при одномъ условіи, чтобы постановленія комисіи были ясно и категорически формулированы. Въ противномъ случаѣ, желѣзнодорожные заправилы легко могутъ устроить «лазеечки» для себя и «ловушки» для грузоотправителей, такъ что въ концѣ концовъ пострадаютъ опять таки интересы промышленности и торговли.

Насколько неполнота или неясность закона гибельно отзывается на участи ни въ чемъ неповинныхъ людей, это доказываетъ возникшее недавно стремленіе—пополнить существующій въ нашемъ законодательствѣ весьма важный пробѣлъ относительно возна-

Digitized by Google

гражденія лицъ, неправильно привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности и невинно осужденныхъ. Въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» была недавно разсказана печальная исторія одного крестьянина, который, по судебной ошибкѣ, былъ привлеченъ на скамью подсудимыхъ, по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи (растлѣніе несовершеннолѣтней дѣвушки), былъ присужденъ къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, на половину отбылъ наказаніе и, лишь благодаря счастливой случайности, раскрывшей его невиновность, онъ, уже нравственно опозоренный, искалѣченный и экономически разоренный въ конецъ, былъ возвращенъ подъ родной кровъ. Долго хлопоталъ бѣдняга о возмѣщеніи убытковъ, безъ вины причиненныхъ ему, обращался къ разнымъ должностнымъ лицамъ, но всѣ они въ одинъ голосъ ссылались на неполноту нашего законодательства, и въ заключеніе направили его ходатайство на усмотрѣніе верховной власти.

Подобные случаи встрѣчаются, конечно, не часто; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, какимъ бы сравнительнымъ совершенствомъ ни отличалась уголовная юстиція, какими бы гарантіями безпристрастія и полноты ни было обставлено изслѣдованіе матеріальной истины въ процессѣ,—отдѣльные случаи судебныхъ ошибокъ всегда были, есть и будутъ, не только у насъ, но и вездѣ на земномъ шарѣ, потому что ни одинъ человѣческій судъ не застрахованъ отъ заблужденій. И дѣйствительно, случаи, когда ни въ чемъ неповинный человѣкъ привлекается къ уголовной отвѣтственности, выноситъ публичный позоръ на скамьѣ подсудимыхъ и даже признается виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, а затѣмъ, по разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ, послѣдній отмѣняетъ все судебное производство,—такіе случаи у насъ вовсе не составляютъ особой рѣдкости. Стоитъ лишь вспомнить разбиравшееся въ прошломъ году въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло помощника присяжнаго повѣреннаго Ивановскаго, который обвинялся въ мошеннической продѣлкѣ, клонившейся къ признанію какой-то старой купчихи умалишенною. Какъ извѣстно, Ивановскій былъ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ въ мошенничествѣ и приговоренъ судомъ къ ссылкѣ. Но когда дѣло, по кассаціонной жалобѣ подсудимаго, дошло до высшей инстанціи, то сенатъ отмѣнилъ не только рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда, но и самый актъ о преданіи Ивановскаго уголовному суду, найдя, что въ дѣйствіяхъ Ивановскаго нѣтъ и тѣни мошенничества. Аналогичные случаи у насъ, быть можетъ, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ можно думать съ перваго раза, потому что они остаются втунѣ, либо потому, что не доходятъ до сената, либо сенатъ, разсматривающій дѣло только съ формальной стороны, не находитъ въ буквѣ закона основаній къ отмѣнѣ рѣшенія. Ни для кого не тайна, какъ поверхностно относятся наши судебныя палаты къ вопросу о преданіи суду, исходя изъ того положенія, что предать человѣка суду еще не значитъ «опорочить» его, а тамъ пускай-де присяжные засѣдатели разсудятъ по совѣсти. Но при этомъ совершенно забывается, что сидѣть на

Digitized by Google

«скамьѣ подсудимыхъ» дѣйствительно ничего не стоитъ только людямъ порочнымъ или преступнымъ, но что это вовсе *не безразлично* именно для человѣка невиннаго. Для такого человѣка одно то, что онъ долженъ предстать публично предъ судомъ общества, связано съ безконечными нравственными страданіями, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ положеніе человѣка судившагося, хотя и оправданнаго по суду, далеко не завидное, и весьма нерѣдко отзывается самымъ гибельнымъ образомъ и на его матеріальномъ состояніи.

А между тѣмъ въ нашемъ законодательствѣ постановка вопроса о возмѣщеніи убытковъ, причиняемыхъ невинно привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности, крайне неудовлетворительна, хотя нельзя сказать, чтобы составителямъ «Судебныхъ уставовъ императора Александра II» была чужда мысль о возможности судебныхъ ошибокъ, или, что они невполнѣ вѣрно оцѣнили всю важность послѣдствій, могущихъ произойти отъ подобныхъ ошибокъ. Напротивъ того, въ ст. 24 уст. уг. суд. мы находимъ даже постановленіе, въ силу котораго возстановленіе чести и правъ невинно осужденнаго допускается во всякое время, не смотря ни на истеченіе давности, ни на смерть осужденнаго. Но, установивъ въ принципѣ этотъ идеальный взглядъ на разсматриваемый вопросъ, составители судебныхъ уставовъ какъ будто и успокоились, оставивъ будущему болѣе практическую сторону вопроса или, проще говоря, реальное осуществленіе права невинно осужденнаго на полученіе вознагражденія за причиненный ему убытокъ. Дѣло въ томъ, что хотя въ ст. 780 уст. угол. суд. и постановлено, что оправданному подсудимому дозволяется просить вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные ему неосновательнымъ привлеченіемъ къ суду,—но послѣдующія законоположенія по этому предмету весьма существенно съуживаютъ значеніе этого основнаго правила. Такъ, на основаніи 782 ст. уст. угол. судопр., на частное лицо, возбудившее неправильное судебное преслѣдованіе, вслѣдствіе понесеннаго имъ вреда или убытка, взысканіе вознагражденія оправданному подсудимому обращается лишь тогда, когда лицо это дѣйствовало недобросовѣстно, искажая обстоятельства происшествія, дѣлая ложныя показанія или подговаривая къ тому другихъ, или же употребляя иныя незаконныя или предосудительныя средства. Равнымъ образомъ, согласно 783 ст. уст. угол. судопр., оправданный подсудимый не лишается права искать вознагражденія и съ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ съ судебнаго слѣдователя и прокурора, но опять лишь въ томъ случаѣ, если подсудимый можетъ доказать, что они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго основанія, или же, вообще, недобросовѣстно. И только въ отношеніи лица, не потерпѣвшаго отъ того преступленія или проступка, въ которомъ оно обвиняло подсудимаго, ст. 780 уст. угол. судопр. даетъ право оправданному подсудимому требовать вознагражденія за причиненный ему вредъ или убытокъ во *всякомъ* случаѣ.

Digitized by Google

Въ мотивахъ подъ названными статьями (изд. госуд. канцеляріи) мы находимъ слѣдующія разсужденія. «При постановленіи правилъ о присужденіи оправданнымъ подсудимымъ вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные имъ неосновательнымъ привлеченіемъ ихъ къ суду, необходимо различать, *кѣмъ* возбуждено уголовное преслѣдованіе: тѣмъ ли лицомъ, которое потерпѣло отъ преступленія вредъ и убытки, или постороннимъ доносителемъ, явно обвинявшимъ подсудимаго, или же, наконецъ, должностнымъ лицомъ, обязаннымъ возбуждать уголовное преслѣдованіе по извѣстнымъ ему признакамъ преступленія. Требованіе оправданнымъ подсудимымъ вознагражденія за неосновательное привлеченіе его къ суду можетъ быть обращено къ лицу, потерпѣвшему отъ преступленія, лишь въ томъ случаѣ, когда лицо это дѣйствовало недобросовѣстно, и т. д. (какъ выше указано). Потерпѣвшій отъ преступленія, за объявленіемъ о случившемся съ нимъ происшествіи, обыкновенно бываетъ спрашиваемъ при слѣдствіи: не имѣетъ ли онъ на кого либо подозрѣнія. Если онъ при этомъ добросовѣстно укажетъ на извѣстные ему признаки падающаго на кого либо подозрѣнія или на дошедшіе до него слухи о томъ, а между тѣмъ, привлеченный по его указанію къ суду будетъ оправданъ, то было бы несправедливо подвергать его взысканію вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные подсудимому привлеченіемъ его къ суду. Такимъ образомъ, потерпѣвшій отъ преступленія, при всей добросовѣстности своихъ дѣйствій, во многихъ случаяхъ не только не получилъ бы вознагражденія за причиненные ему преступленіемъ вредъ и убытки, но еще *самъ присужденъ былъ бы къ уплатѣ вознагражденія подсудимому, можетъ быть, тому самому лицу, которое только по несовершенству человѣческаго правосудія не признано было изобличеннымъ въ преступленіи.* (Хорошо, однако, это «несовершенное» правосудіе, присуждающее вору взысканіе убытковъ съ обокраденнаго!). Равномѣрно, несправедливо было бы подвергать должностныхъ лицъ отвѣтственности за возбужденіе ими, по обязанности своей, уголовнаго преслѣдованія по такимъ дѣламъ, по которымъ впослѣдствіи подсудимые оправданы судомъ, если нѣтъ никакихъ доказательствъ въ томъ, что должностныя лица дѣйствовали пристрастно, притѣснительно и пр. Привлекать должностныхъ лицъ къ отвѣтственности за возбужденіе уголовнаго преслѣдованія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія сихъ лицъ были законны, но не имѣли послѣдствіемъ осужденія подозрѣваемыхъ, было бы не только несправедливо, но и парализовало бы дѣйствія обвинительной власти (?) въ пресѣченіи преступленій и преслѣдованіи преступниковъ. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется возбужденіе уголовнаго преслѣдованія частнымъ доносителемъ, не пострадавшимъ отъ того преступленія, въ которомъ онъ явно обвинялъ подсудимаго. Въ отношеніи къ такому лицу не только недобросовѣстность дѣйствій, но и самая неосмотрительность или даже смѣлость обвиненія должны подвергаться отвѣтственности;

Digitized by Google

иначе, подъ видомъ благонамѣренныхъ объявленій, дѣлаемы были бы доносы изъ мести, корысти или иныхъ личныхъ видовъ».

Съ нѣкоторой долей этихъ соображеній нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться, ибо невозможно въ самомъ дѣлѣ подвергать отвѣтственности ни потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, ни чиновниковъ, обязанныхъ ex officio возбуждать уголовныя преслѣдованія, если они дѣйствуютъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, *вполнѣ добросовѣстно*. Но едва ли можно согласиться съ распространительнымъ толкованіемъ вышеуказанныхъ соображеній, а именно съ тѣмъ, что и потерпѣвшія отъ преступленія, и должностныя лица должны быть освобождены отъ отвѣтственности за *неосмотрительное* привлеченіе подсудимаго къ уголовному суду. Въ особенности, мы противъ освобожденія должностныхъ лицъ отъ всякой отвѣтственности, если по обстоятельствамъ дѣла видно, что они дѣйствовали *неосмотрительно*. Дѣло въ томъ, что случаи *явно недобросовѣстнаго привлеченія лица къ уголовной отвѣтственности* со стороны прокурорскаго надзора крайне рѣдки и почти, можно сказать, не встрѣчаются на практикѣ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такого случая въ дѣятельности нашей прокуратуры или слѣдственной власти. Но зато, съ другой стороны, *неосмотрительное привлеченіе невинныхъ людей* къ уголовной отвѣтственности и крайне халатное производство предварительнаго слѣдствія у насъ вовсе не диковина. Недаромъ наши криминалисты почти единогласно утверждаютъ, что причина значительнаго числа оправдательныхъ приговоровъ въ нашей уголовной хроникѣ кроется, главнымъ образомъ, въ неудовлетворительномъ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Водворить въ этой области бо́льшую устойчивость и акуратность крайне необходимо. А для этой цѣли намъ кажется обязательнымъ сдѣлать отвѣтственными должностныхъ лицъ, которыя ex officio должны возбуждать уголовныя преслѣдованія, не только за явную недобросовѣстность въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, но и за ихъ неосмотрительныя дѣйствія. А для бо́льшей гарантіи правосудія слѣдуетъ также возложить долю отвѣтственности за неправильное привлеченіе къ уголовному суду на наши обвинительныя камеры, т. е. на судебныя палаты. Наконецъ, такъ какъ возможны бываютъ и въ дѣйствительности встрѣчаются примѣры, когда ни чины судебнаго вѣдомства, ни частные обвинители ни въ какой неосмотрительности, а тѣмъ менѣе въ недобросовѣстности не повинны и когда тяжелая кара, обрушившаяся на голову честнаго человѣка, должна быть приписана однимъ несчастно сложившимся для него обстоятельствамъ, то необходимо, чтобы общество и государство пришли на помощь невинно пострадавшимъ по суду—широкой благотворительностью, спеціально организованной для этой цѣли.

Въ моментъ, когда мы кончали настоящее обозрѣніе, Россія понесла двоякую потерю въ лицѣ двухъ, хотя совершенно различныхъ по своему положенію и направленію дѣятелей, но одинаково заслуживающихъ вниманія потомства. Мы говоримъ о скончав-

Digitized by Google

шихся — министрѣ внутреннихъ дѣлъ, гр. Дмитріѣ Андреевичѣ Толстомъ и знаменитомъ нашемъ сатирикѣ, Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ (Щедринѣ). Но такъ какъ наше обозрѣніе и безъ того уже приняло значительный размѣръ, то къ характеристикѣ гр. Толстаго мы возвратимся въ слѣдующей книгѣ нашего журнала, а литературной дѣятельности М. Е. Салтыкова посвятимъ особый критическій этюдъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(фельетонъ «Наблюдателя»).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ КН. МЕЩЕРСКОМУ [1]).

Князь, о, князь! Да что же съ вами?
Подъ какими парусами
Нынче вы плывете—
Что «добромъ» зовете,
Что «измѣной»? Такъ ли
Задавали вы спектакли
Въ номерѣ вчерашнемъ
Всѣмъ своимъ домашнимъ?
Въ роль «опричника» втянувшись
И, какъ клещъ, порой надувшись,
Земства кровь вы пили,
Въ прахъ его крошили.
А теперь? Что это—нѣжность?
Иль редактора небрежность?

---

[1]) Всѣ читатели „Гражданина“ (или „Опричника“, по транскрипціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“) были недавно крайне изумлены появленіемъ въ немъ статьи, возвеличивающей земцевъ, какъ „честныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей“, и строго осуждающей „слѣпое ожесточеніе“ противъ нихъ,—т. е. то самое ожесточеніе, которому ежедневно предавался кн. Мещерскій, до своего неожиданнаго просвѣтленія. Теперь негодующіе единомышленники князя, не надѣясь уже на его сочувствіе, просятъ редакцію „Фонографа“ опубликовать ихъ открытое посланіе къ нему. Исполняемъ просьбу этихъ почтенныхъ особъ (между которыми мы могли разобрать подписи гг. Перевертнева, Лоботрясова, Хапугина и Дубинина), ибо—справедливость прежде всего! *Ред.*

Digitized by Google

Исправленья будемъ ждать мы
Всѣ опричники Елатьмы,
Чебоксаръ, Мокшанска,
Дриссы и Оханска!!

Съ подлиннымъ вѣрно.

Ефимъ Простосердовъ.

ОТГОЛОСКИ ВЕСНЫ.

I.

Грязь и слякоть вмѣсто снѣга,
И... покойники безъ счета;
Въ глазкахъ барынь томныхъ—нѣга
И желаніе чего-то...
Отъ супруговъ мы рѣчи слышимъ
Про весенніе наряды;
Задаютъ коты по крышамъ
Безвозмездно серенады...
Таетъ невскій ледъ замѣтно,
Таютъ дѣвы безпредметно;
Ростовщикъ одинъ не таетъ—
И тайкомъ барышъ считаетъ...

II.

Заключивъ съ эскулапомъ союзъ
Помогать обоюдною силой,
Гробовщикъ ухмыляется въ усъ
Передъ каждою близкой могилой.
У увѣренъ (солгать не рѣшусь),
Что законно у каждаго гроба,
Дѣлятъ трудъ свой союзника оба:
Гробъ одинъ мастеритъ дорогой,
Въ гробъ кладетъ паціента другой...

Случайный поэтъ.

Digitized by Google

СОВРАТИВШІЙСЯ КРИТИКЪ.

Скабичевскій, критикъ ярый,
Вдругъ подъ старость въ плясъ пустился
И, подъ звукъ жидовской дудки,
«Въ вихрѣ вальса закружился».
Какъ отъ чорта, онъ отрекся
Отъ «полезнаго искусства»,
Признавая лишь такое,
Гдѣ «живое дышетъ чувство».
«Жизнь кратка,—вѣщаетъ критикъ,—
Строги наши убѣжденья.
Ахъ, оставьте пуританство
И ловите мигъ забвенья!
Пойте, пейте, веселитесь,
Дѣвъ и женъ младыхъ любите
И, разбивъ вериги мысли,
Жизни счастіе ловите!
Хлопай пробка! Пѣнься влага!
Раздавайся вальсъ игривый!
Кто мазурку?.. кто канканчикъ?..
Лишь бы живо!.. лишь бы живо»!..

Вдругъ Толстой—съ застольной *мухой*,
Зла не видя покрупнѣе,
Собрался на ратоборство,
Объ акцизѣ не радѣя.
Одесситы отозвались
На его живое слово
И на радостяхъ хлебнули
За здоровье Льва Толстаго,
И отъ имени студентовъ
Развеселая компанья
Проповѣднику-аскету
Напечатала посланье.
Тутъ, забывъ свои призывы
Къ наслажденьямъ жизни бренной,
Задалъ перцу строгій критикъ
«Молодежи» современной,

Digitized by Google

И за выходку шальную
Шутниковъ, въ чаду галдѣнья,
Предалъ бѣдныхъ онъ съ азартомъ
Всенародно посрамленью.
Знать, кутить и наслаждаться
Въ этой жизни счастьемъ тлѣннымъ—
Грѣхъ лишь юности безпечной,
А не критикамъ почтеннымъ!

ГАЗЕТНЫЕ ПАРАЗИТЫ.

Въ нашей прессѣ, нравомъ блудной,
Развелись тьмы паразитовъ
И блаженствуютъ во славѣ
«Публицистовъ» и «піитовъ».
Совѣсть, честь, святыню слова
Попирая безъ зазрѣнья,
Все святое ежедневно
Предаютъ они глумленью.
Нѣтъ стыда въ сердцахъ чугунныхъ,
Нѣтъ въ душѣ ихъ искры свѣта,
Противъ нихъ безсильно слово,
Имъ не страшно пистолета.
Не доймешь ихъ ни насмѣшкой,
Ни угрозою, ни бранью...
Не попробовать ли, развѣ,
Доконать ихъ *политанью*?..

Л. Балалайкинъ.

Digitized by Google

ДАЧНАЯ ИДИЛЛІЯ.

Ясное лѣтнее утро
День обѣщаетъ на диво.
Блещутъ яснѣй перламутра
Капли росы прихотливой.
Пылью покрыта дорога;
Стадо плетется, послушно
Звукамъ пастушьяго рога...
Гдѣ-то *винтятъ* добродушно...

Полдень. Жара, какъ изъ печки.
Не шелохнутся березки.
Звучно доносятся съ рѣчки
Хохотъ немолчный и всплёски.
Нечего псовъ опасаться:
Въ пору подобную лѣнь имъ
Лаять, не то что кусаться...
Гдѣ-то *винтятъ* съ оживленьемъ...

Вечеръ. Не такъ уже жарко.
Небо по прежнему ясно.
Въ дебряхъ тѣнистаго парка
«Жаритъ» оркестръ громогласно.
Сильно спѣшатъ насладиться
Симъ даровымъ развлеченьемъ
Дамы, мужчины, дѣвицы...
Гдѣ-то *винтятъ* съ увлеченьемъ...

Ночь. Въ вышинѣ необъятной
Звѣзды горятъ, какъ лампады.
Съ рѣчки доносятся внятно
Звуки ночной серенады,
Да караульщикъ окрестный
Въ доску стучитъ спозаранку...
Средь тишины повсемѣстной
Гдѣ-то *винтятъ* съ перебранкой...

Фланеръ.

Digitized by Google

«ПРИЧИНЫ НЕИЗВѢСТНЫ».

(Мотивы ежедневной прессы).

Слѣдя акуратно за «злобами дня»
По нѣскольким нашимъ газетамъ,
Ищу, точно Фаустъ, напрасно и я
Въ умѣ роковаго отвѣта: —
Что́ значатъ шаблонныя эти слова, —
Печатаютъ ихъ повсемѣстно: —
«Лишилъ себя жизни N. N. Какова
Причина тому—неизвѣстно».

Чиновникъ «изъ новыхъ» семью содержалъ,
По службѣ «старался» отлично,
И вдругъ—ни съ того, ни съ сего «заскучалъ»,
Вести себя сталъ неприлично:
Безъ про́сыпа запилъ. Семью «на бобахъ»
Оставилъ (совсѣмъ уже нечестно!)
Потомъ... *«на гвоздѣ былъ усмотрѣнъ въ сѣняхъ;*
Причина — пока неизвѣстна».

Внимая Толстому, какой-то «чудакъ»
Студентомъ оставилъ ученье,
Задумавъ серьезно—смутилъ его врагъ!—
Народу идти на служенье.
Простился съ друзьями, уѣхалъ въ село;
Два года работалъ тамъ честно;
Потомъ... *«застрѣлился, но что́ довело*
До смерти его—неизвѣстно».

Изъ «темнаго царства» примѣрный отецъ,
За грѣхъ, именуемый «смертнымъ»,
Надумалъ родимую дочь подъ вѣнецъ
Поставить съ «кощеемъ безсмертнымъ».
Да вѣрно Наташѣ съ такимъ женихомъ
Сойтись показалось не лестно:
Она... *«отравилась въ семьѣ мышьякомъ.*
Причина—еще неизвѣстна».

Digitized by Google

Заводскій рабочій—суди его Богъ!—
Виномъ заливая тревоги
Мужицкаго сердца,—пропился и легъ
На шпалы желѣзной дороги...
Что́ дальше случилось, узнать если вамъ
Подробнѣй о томъ интересно,—
Читайте въ газетахъ; все сказано тамъ—
Причина одна неизвѣстна!..

Vox.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

Иллюстрированная, политико-литературная, художественная и ремесленная, еженедѣльная.

Въ экстренныхъ случаяхъ выходитъ 2 раза въ недѣлю. Прилагаются **парижскія моды** и **лучшіе переводные повѣсти и романы.**

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою и доставкою на годъ . .	5 р. — к.
На полгода.	3 р. — к.
» три мѣсяца.	1 » 60 »
» одинъ мѣсяцъ.	— » 60 »
За границу на годъ.	7 » — »
На полгода.	3 » 50 »
Безъ пересылки и доставки на годъ	4 руб.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

Отъ «Общества распространенія полезныхъ книгъ».

Начало устройства библіотекъ при Московскихъ больницахъ, пріютахъ, тюрьмахъ положено Обществомъ въ 1874 году.—Съ тѣхъ поръ по книгѣ, заведенной Обществомъ для записки каждаго приношенія въ каждую больничную библіотеку, считается розданными болѣе 35,000 томовъ книгъ.—Начало библіотекамъ положено въ больницахъ: городской, голицынской, временно-городской, чернорабочихъ: старо-екатерининской, яузской, александровской, военномъ госпиталѣ, вдовьемъ домѣ. — Кромѣ того, книги, по мѣрѣ возможности, разсылаются въ нѣкоторые пріюты и библіотеки, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ и селахъ.

«Общество распространенія полезныхъ книгъ», вспоминая съ

Digitized by Google

искреннею благодарностью всѣхъ жертвователей, которые оказали ему содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ своими пожертвованіями, обращается съ тою же всеусерднѣйшею просьбою ко всякому, кто, по чувству состраданія къ ближнему, пожелаетъ принесть свою лепту для этого благаго дѣла. Главное содѣйствіе могли бы оказать гг. редакторы и издатели журналовъ, газетъ и книгъ, и всѣхъ вообще періодическихъ изданій, равно какъ и книгопродавцы, у которыхъ нѣкоторыя книги, не имѣющія большаго интереса для чтенія и потому непригодныя для продажи, служатъ часто обремененіемъ въ ихъ помѣщеніи.—Книгопродавцы и издатели, продающіе на пуды такія ненужныя книги, могли бы тоже безъ потери для себя жертвовать ихъ для этого дѣла.—Для дѣтскихъ больницъ и пріютовъ могли бы быть также пригодны дѣтскія книги, прошлогодніе журналы и учебники, хотя бы и вышедшіе изъ программы для преподаванія по нимъ въ училищахъ, но которые могутъ быть вполнѣ пригодны для руководства гг. учителямъ въ сельскихъ и народныхъ училищахъ.

Какъ пожертвованія, принимаются всякаго рода книги, такъ какъ всѣ принимаемыя сортируются и, смотря по содержанію, книги духовнаго, литературнаго и научно-популярнаго содержанія поступаютъ въ больничныя библіотеки, книги дѣтскія—въ дѣтскія больницы и пріюты, книги серьезныя и спеціальныя по содержанію—поступаютъ въ музеи и спеціальныя научныя библіотеки.—Книги же вовсе непригодныя продаются, и деньги, вырученныя отъ продажи, идутъ: 1) на расходы по разсылкѣ писемъ съ просьбою о пожертвованіи, 2) на расходы по полученію книгъ, 3) на покупку другихъ книгъ и на мелкіе расходы. Въ полученіи каждаго пожертвованія выдается расписка.—Равнымъ образомъ, при каждомъ поступленіи книгъ, жертвуемыхъ Обществомъ въ библіотеки, пожертвованія записываются въ особо-заведенную книгу, гдѣ каждое лицо, довѣренное отъ больницы или пріюта, расписывается въ полученіи пожертвованій.

Редакціи могли бы оказать большое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, еслибы приняли на себя трудъ печатать въ своихъ изданіяхъ означенное приглашеніе Общества, а всѣ, кому случится прочесть или узнать это приглашеніе,—еслибы распространяли его и напоминали о немъ всѣмъ, кто можетъ оказать содѣйствіе въ этомъ пожертвованіи. Отвѣтъ прошу высылать мнѣ по слѣдующему адресу: Г. Москва, на Пречистенкѣ, близь Зубовскаго бульвара, домъ Прохорова, *Ѳедору Сергѣевичу Ханову*.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

НОВАГО ВРЕМЕНИ“ и у А. Я. ПАНАФИДИНА

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

1) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

І. ЯСИНСКАГО.

(Максима Бѣлинскаго).

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ (болѣе 2000 стран.).

1879—1886.

ЦѢНА ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

2) СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ І. ЯСИНСКАГО

Искра Божія . . . Цѣна 1 р. 50 к.

Добрая фея. . . . . „ 2 „ 50 „

Великій человѣкъ . „ 1 „ — „

ъ печати: «Иринархъ Плутарховъ», «Путеводная звѣзда» (2 изд.), «Старый другъ» и «Вѣчный праздникъ».

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 5-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Сонино счастье. Разсказъ. Н. Северина 5
II. Метеоръ. Стихотвореніе К. М. Фофанова 49
III. Современное воспитаніе въ отношеніи къ возрастамъ. П. Ѳ. Каптерева 50
IV. На концертѣ Стихотвореніе І. І. Ясинскаго. 76
V. Золотая радуга. Романъ Давида Мюррея 78
VI Мертвая зыбь. Романъ К. В. Назарьевой 135
VII. Старикъ. Стихотвореніе Ф. Андреева 172
VIII. На якорѣ. Повѣсть. Е. Дубровиной 173
IX. Вѣкъ эпикурейства. (Черты нравовъ въ Россіи XVIII вѣка). В. О. Михневича 198
X. На тронѣ. Романъ Кларисы Лоде. 215
XI. На смерть М. Е. Салтыкова. Стихотвореніе М. Б. 313
XII. Письма о современной журналистикѣ. О. В. 314
XIII. Вопросы дня (юбилей франц. революціи). В. П. Безобразова 335
XIV. Утесъ. Стихотвореніе В. Ладыженскаго 348

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника 1
XVI. Новыя книги 18
XVII. Наши внутреннія дѣла 26
XVIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Ефима Простосердова, Случайнаго поэта, Л. Балалайкина, Фланера и Vox'a 42
XIX. Объявленія. . . . . 1—3

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА"

въ 1889 году.

(XXI ГОДЪ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго диплома,— отъ комиссіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Чехіи.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1889-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1889 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ—**по 15 руб. съ пересылкою.**

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ 1889 ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ издается въ 1889 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: 12 р. за годъ безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; 14 р. съ перес.; 16 р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Пѣтербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; въ Варшавѣ—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

8546 Д11

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google